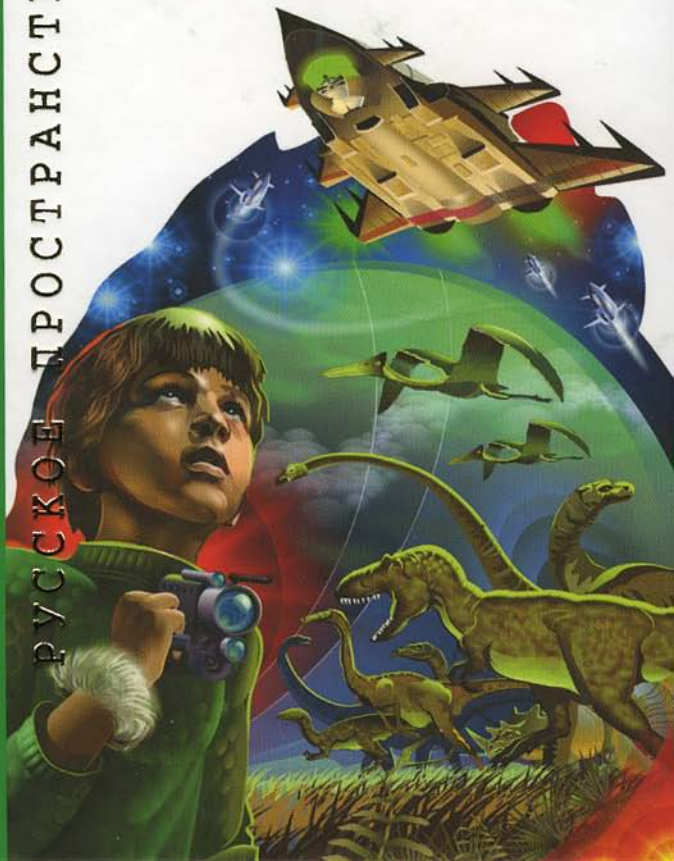
Кир

БУЛЫЧЕВ

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ РУССКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЭКСМО

Кир

БУЛЫЧЕВ

Кир

БУЛЫЧЕВ

ПОСЕЛОК
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВЕДЬМ
ПОХИЩЕНИЕ ЧАРОДЕЯ
ОПЕРАЦИЯ «ГАДЮКА»
ПОКУШЕНИЕ НА ТЕСЕЯ
ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ
ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ТРАПЕЗУНДА
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ АКАДЕМИКОВ
ТАКИХ НЕ УБИВАЮТ
ДВА БИЛЕТА В ИНДИЮ
МОНУМЕНТЫ МАРСА
КОСМИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
ЖЕРТВА ВТОРЖЕНИЯ
СТО ЛЕТ ТОМУ ВПЕРЕД
МИЛЛИОН ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ОПАСНЫЕ СКАЗКИ
АЛИСА И ДРАКОН
ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Кир

БУЛЫЧЕВ

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

Москва
ЭКСМО
2007

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 90

Составитель *М. Манаков*

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Булычев К.
Б 90 Древние тайны: Фантастические повести / Кир Булычев; [сост. М. Манаков]. — М.: Эксмо, 2007. — 864 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-21571-3

Впервые в рамках одной книжной серии выходят все повести и рассказы об отважной девочке из будущего Алисе Селезневой и ее замечательных друзьях.

Фантастические повести, вошедшие в данный том собрания сочинений Кира Булычева, относятся к циклу «Алиса в лабиринтах истории». Алисе и ее друзьям-одноклассникам предстоит пройти летнюю историческую практику. Сделать это нетрудно, потому что к услугам любознательных школьников машина времени. Однако в глубине веков их ждут невероятные приключения...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© **Булычев К., 2007**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Эксмо», 2007

ISBN 978-5-699-21571-3

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ

Глава первая

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Сразу после Нового года, в первый день зимних каникул классная руководительница 5-го «Б» собрала всех учеников.

— Наступило время отдыха, — сказала она. — Поэтому желающие могут уйти домой и спать две недели без просыпу.

Все засмеялись.

— Покой нам только снится, — сказал Пашка Гераскин, который недавно прочел книжку «В мире мудрых мыслей». Он выучил штук сто мудрых мыслей, но не стал запоминать, кто их придумал. А если его спрашивали, чья это такая умная мысль, он скромно отвечал: «Кажется, моя».

— Самое скучное на свете — это ничего не делать. Если человек ничего не делает целый месяц, он превращается обратно в обезьяну, — сказал Аркаша Сапожков.

— Каролина Павловна, — попросила Алиса Селезнева, — скажите, чем мы будем заниматься на каникулах?

— Мы отправимся на историческую практику, — сказала Каролина Павловна.

Она была такая молоденькая, хрупкая, тихая, что ее иногда принимали за ученицу. Но все в классе знали, что у Каролины железный характер. Недаром она перешла в прошлом году на лыжах через Берингов пролив из Азии в Америку и обратно.

— Ура! — закричал Джавад Рахимов. — Наконец-то! Мне так надоело в классе сидеть!

Маша Белая, человек очень серьезный, куда серьезнее, чем ее близняшка Наташа Белая, спросила:

— А где мы будем историческую практику проходить?

— Вот это каждый решит сам для себя.

Пашка Гераскин даже поднялся со стула.

— Вы говорите, что можно выбирать? — спросил он.

— Сейчас он выберет крестовый поход, чтобы сразиться на мечах с Ричардом Львиное Сердце! — сказала Наташа Белая.

— Ничего подобного, — отмахнулся Пашка. — Ты что думаешь, мне не надоело мечами махать? Нет, у меня есть мечта...

— Какая? — спросил Джавад.

— Тайна, — сказал Пашка. — Может же у человека быть одна тайна?

— У человека может быть тайна, — сказала Каролина. — И Паша нам ее обязательно откроет.

— Это еще почему? — возмутился Пашка.

— А как же тебя отправлять в прошлое, если ты нам не скажешь куда?

— Разумно, — согласился Пашка. — Но сначала я подожду, что придумают мои коллеги по классу.

— Погодите, погодите, — попросила пятиклассников Каролина. — Я хочу уточнить задание на историческую практику. Каждому из вас нужно выбрать себе не просто какую-нибудь эпоху или место, но там должна таиться историческая загадка. Вы же не туристы, вы ученые. А наука — это разгадывание тайн.

— Правильно, — сказал Аркаша Сапожков. — Даже когда я считаю ножки у марсианской сколопендры, я разгадываю тайну. Сначала я не знал, сколько у нее ног, а потом разгадал тайну: у марсианской сколопендры сто сорок семь ног.

— Не может быть! — крикнул Пашка. — Не бывает нечетного числа ног. Аркаша одну ногу нечаянно отломил.

— Я не знаю, какой ты историк, — улыбнулся Аркаша, который, как известно, умеет владеть собой, — но космобиолог ты плохой и не знаешь, что постольку-поскольку у всех марсианских сколопендр и многоножек ноги располагаются в три ряда, то общее число ног может быть нечетным.

— Разве?— спросил Пашка. — Я всегда забываю мелочи.

Каролина подождала, пока все отсмеются, а потом продолжала:

— У меня есть для вас второе задание. Каждый путешественник во времени должен снять фильм. Замечательный, очень интересный фильм. Вы не возражаете?

Никто, конечно, не возражал.

— Идите по домам, дети, — сказала Каролина. — Завтра мы встретимся снова. И пускай каждый из вас придумает, какую бы тайну истории он хотел разгадать.

Расходиться не хотелось. Погода стояла отличная, мороз и легкий снежок.

Пятиклассники отправились на Гоголевский бульвар, на станцию юных биологов, где они проводили время после уроков.

Звери удивились тому, что их друзья пришли в неурочное время.

— Не обращайте внимания, продолжайте заниматься своими делами, — сказал Аркаша. — У нас каникулы.

Жираф Злодей наклонил свою глупую голову, словно вытянул шлагбаум через дорогу, и громко хлопал ресницами, стараясь понять, что же такое каникулы. Он был одет в теплую фуфайку — сестры Маша и Наташа Белые вязали ее две недели.

Питекантроп Геракл, который родился обезьяной и старался превратиться в человека, раскачивался на морозостойкой кокосовой пальме, держался за ствол ногами и хлопал в ладоши. Он скучал без людей. Дельфины выпрыгивали из теплой воды, над которой поднимался густой пар.

Юные биологи прошли в домик лаборатории. Алиса Селезнева открыла фруктовый кран и налила всем по стакану яблочного сока.

— Давайте обсуждать, — сказала она. — А то скоро обедать пора.

— А ты какие знаешь тайны истории? — спросил Джавад Рахимов.

Он был добрым парнем и хорошим другом, но не очень любил историю и не знал ни одной исторической тайны.

Тогда заговорил Аркаша Сапожков, самый образованный из биологов:

— Вся история Земли — сплошная тайна, — сообщил он, — начиная с происхождения жизни.

— Чего в этом таинственного! — возразил Пашка. — Не было жизни, а потом она появилась. Куда ей деваться?

— Откуда она появилась? — спросил Аркаша.

— От верблюда! — крикнул Пашка, который не выносил, если ему возражали. Недаром Алиса Селезнева считает, что из него получился бы самый настоящий царь. Чуть возразишь — голову с плеч долой!

— Жизнь произошла от Бога, — сказал Джавад. — Так многие считают.

— Только не ученые, — возразил Аркаша.

— История начинается тогда, когда начинается жизнь, — сказала Алиса.

Ван Цицуну очень хотелось сказать что-нибудь умное. Он поступил в этот класс всего два месяца назад и очень боялся, что в чем-нибудь отстанет от остальных ребят.

— История начинается, когда начинается время, — сказал он.

— Чепуха! — закричал невоспитанный Пашка. — Время было всегда!

— Мальчики, мальчики! — вмешалась в разговор Маша Белая. — Не надо ссориться.

В открытую форточку с трудом влезла голова жирафа Злодея. Ему было любопытно узнать, почему биологи так шумят. Но короткие рога жирафа застряли между рамами старого окна, и он начал рваться, волноваться, и стекло зазвенело — вот-вот лопнет.

— Злодей! Стоять! — приказала Алиса. — Сначала успокойся, подумай, а потом будешь тянуть голову обратно.

Злодей заморгал длинными ресницами, большая слеза сорвалась с них и упала на пол. Геракл потащил его за хвост, а Маша Белая щекотно поцеловала в нос. Жираф вытащил голову наружу и чихнул.

— Довели животное, — сказала Наташа Белая. — Разве можно так шуметь?

Мальчик Ван Цицун взволновался, побледнел и сказал:

— Простите, я во всем виноват. Не надо было мне вмешиваться в беседу почтенного Паши и уважаемого Аркадия.

Ван Цицун приехал из Шанхая. Его папа был великим бадминтонистом. Даже чемпионом мира. А теперь он основал в Москве школу бадминтона. Многие хотели поступить в эту школу или отдать в нее своего ребенка. Так что, вернее всего, Ван Цицуну придется остаться в Москве надолго, и он будет учиться в одном классе с Алисой Селезневой.

Русский язык Ван Цицун выучил уже на каникулах и говорил на нем, хоть и с акцентом, не хуже Пашки Гераскина. Он оказался замечательным математиком. Китайский ученик имел только один большой недостаток: он был очень дисциплинированным, аккуратным и совсем не любил шалить, шуметь, убегать с уроков и совершать необдуманные поступки. По сравнению с ним даже заядлый отличник и тихоня Аркаша Сапожков выглядел отпетым хулиганом.

— Если будут записывать, — сказала Маша Белая, — запишите меня на тайну Синей Бороды.

— Простите, это сказка? — спросил Ван Цицун.

— Вот я и хочу узнать, Синяя Борода был сказкой или жил на самом деле? Ну что вы смеетесь? Неужели вам неинтересна такая историческая тайна?

— Мы потому смеемся, — ответила двойняшка Маши Наташа, — что Синяя Борода обязательно на тебе женится, а потом тебя убьет.

— Мы еще посмотрим! — возмутилась Маша Белая. — В те времена, когда он жил, женщины были робкие и слабенькие. А у меня, к вашему сведению, есть черный пояс карате. Кто не верит, может на меня напасть.

— Все равно, — сказала ее сестра, — замуж тебе рано. Вот я пожалуюсь вечером маме, что ты решила стать восьмой женой Синей Бороды, посмотрим, что мама на это скажет.

Маша обиделась на Наташу. Они всегда спорили, хотя были так похожи друг на дружку, что даже мама их путала. Вернее, она их не путала, она точно знала, что у нее две дочки — Маша и Наташа, у одной родинка на правой щеке, а у другой на левой. Но всегда сбивалась — у кого же из дочек на какой?..

— Девочки, не спорьте! — попросила Алиса Селезнева. — Лучше ты, Наташка, скажи нам, какую историческую тайну хочешь разгадать.

— Я хочу... я хочу разгадать тайну Железной Маски, — сказала Наташа. — Представляете, всю жизнь он просидел в

Бастилии, в одиночной камере, и ни разу не снял железную маску.

— Это правда? — спросил Ван Цицун.

— Совершенная правда, — ответил Пашка. — Это случилось лет пятьсот назад.

— Значит, — вздохнул китайский мальчик, — у него не росла борода, и не болели зубы.

Все задумались и поняли, что Ван Цицун прав. Иначе бы Железной Маске пришлось снимать маску, чтобы побриться или постричь бороду, не говоря уж о встрече с зубным врачом.

— Он не мылся! — воскликнула Маша Белая, которой конечно же не понравился выбор близняшки. — И не причесывался. Мне о нем даже думать противно.

Пока сестры Белые ссорились, Алиса думала: а какую тайну истории ей хотелось бы разгадать? Так много на свете тайн и загадок, но когда тебе говорят: выбери одну, самую для тебя интересную, — все из головы вылетает, и оказывается, что ни одной тайны ты не помнишь.

Тайны, которые придумали сестры Белые, Алисе не понравились. Они ей показались мелкими. Какой-то герцог зарезал своих жен! Ну и что? Мало ли было таких герцогов? А другой барон или принц просидел несколько лет не мывшись и не постригая волос и бороды. Ужасная история! Но ничего с человечеством от этого не произошло. Ни хорошего, ни плохого.

Нет, надо отыскать настоящую тайну, которая интересна всем...

Алиса не успела ничего придумать, как Аркаша Сапожков, самый умный из всех учеников в классе, сказал:

— Давайте вместе составим список великих тайн. А потом поделим их между собой.

— Но если я не хочу великую тайну, а хочу небольшую, но очень интересную? — возразила Маша Белая.

— Сначала мы напишем список всех тайн. — Паша Гераскин поддержал своего друга. — А потом поглядим, кому что интереснее.

Все согласились и уселись за большой лабораторный

стол. Питекантроп Геракл подошел к столу и постучал по нему волосатым кулаком.

Все знали, что это означает: Геракл спрашивал, не хочет ли кто-нибудь чаю.

Питекантроп Геракл попал на станцию юных биологов из глубокой древности, когда еще людей не было.

Питекантроп — это обезьяночеловек, даже скорее человекообезьяна.

Он начал превращаться в человека, но ему еще предстояло превращаться полмиллиона лет.

Когда он случайно попал на станцию юных биологов в Москве на Гоголевском бульваре, его новые друзья, юные биологи, принялись о нем заботиться, учить его, чтобы он поскорее стал человеком.

Конечно же, Геракл оказался не очень хорошим учеником. Он хотел есть бананы, валяться на солнышке и гоняться за кошками. А учиться ему не нравилось.

Но кое-чему Геракл научился.

Например, он научился приносить ребятам чай, когда они собирались в лаборатории. Он даже научился для этого считать. И все знали, если Геракл стоит возле стола и стучит по нему кулаком, то те, кто сидит за столом и хочет чаю, должны поднять указательные пальцы.

Геракл глядел на поднятые пальцы и загибал столько же на своей руке. Потом он бежал на кухню, вынимал из буфета столько чашек, сколько у него было загнуто пальцев. Он не считал — только ставил на поднос чашку и разгибал палец, ставил еще одну чашку и снова разгибал палец. Когда их больше не оставалось, все чашки уже стояли на подносе. Оставалось только поставить на поднос кипятильник-заварщик и нести в лабораторию.

Аркаша Сапожков достал с полки лист ватмана, взял в руки фломастер и приготовился писать.

— Какую тайну мы можем считать самой первой? — спросил он.

У каждого было мнение на этот счет, но ждали, что скажет Аркаша. Потому что Аркаша был самым умным в классе, и его все слушались, несмотря на то, что он был меньше всех ростом и голос у него был тихий.

— Тогда я сам скажу, — продолжал Аркаша. — Первая тайна — это происхождение жизни на Земле. Как это случилось? Почему и когда наша Земля стала колыбелью жизни?

Он написал:

«Тайна номер один. Происхождение жизни на Земле».

Еще совсем недавно Аркаша был тихим и незаметным мальчиком. Он даже на переменках не бегал и не играл, потому что каждую свободную секунду проводил у компьютера. А после школы спешил домой, где у него с дедушкой был целый зоопарк — птицы, рыбки и черепахи. Никто Аркашу не дразнил, просто на него не обращали внимания. Правда, на биостанцию его позвали, но потому, что он умел заботиться о зверях и был безотказным, всегда можно было Аркашу попросить за тебя подежурить, покормить зверей или почистить клетки.

Животные Аркашу любили, и он умел с ними разговаривать. Даже крокодил Аркашу понимал. В цирке на Цветном бульваре однажды во время представления на манеж неожиданно выскочила львица, которая несла в зубах своего малыша. В три прыжка она достигла десятого ряда, где скромно сидел с дедушкой Аркаша Сапожков, кинула ему на колени львенка и понеслась выступать. Она делала все, что ей велел дрессировщик, но после окончания выступления вернулась к Аркаше, взяла у него малыша и унесла за кулисы. Оказалось, в тот день львица была обижена на дрессировщика и решила показать, что не доверит плохому укротителю своего единственного детеныша. Но удивительно, как львица смогла разглядеть Аркашу в десятом ряду и догадаться, что именно этому мальчику можно доверить ребенка!

В тот день в цирке оказалось несколько зрителей с видеокамерами, и они сняли, как Аркаша сидит со львенком на руках и тот машет четырьмя лапами.

Аркаша пришел в класс знаменитым и получил прозвище Маугли.

С таким прозвищем трудно остаться тихим отличником. Прозвище действует на человека.

А месяца через два Аркаша шел из шахматного кружка по набережной Москвы-реки и увидел, как вороны дразнили игравшего на тротуаре щеночка. Хитрые и подлые птицы

задирали его, а когда он с лаем кинулся на них, взлетели над каменным ограждением р>ки. Щенок не рассчитал своих сил, перемахнул через ограду и ухнул в воду.

Аркаша, недолго думая, кинулся за ним.

Люди, гулявшие по набережной, перепугались, стали кричать, а некоторые мужчины даже начали раздеваться, чтобы нырнуть в воду и спасти ребенка.

Но спасать Аркашу не пришлось. Он уже вынырнул из воды и, гребя шахматной доской, подплыл к щенку. Потом он положил шахматную доску на воду, как плот, щенок взобрался на него, и они вместе поплыли к пристани для речных трамвайчиков.

Среди мужчин, которые хотели раздеться, чтобы спасти мальчика, тоже нашлись кинолюбители, и потому вечером по телевизору показали очередной подвиг Аркаши.

— Послушай, дружище, — сказал на следующий день Пашка Гераскин, — мы, конечно, гордимся тем, что учимся в одном классе с таким героем, но умерь свой пыл! А то от корреспондентов проходу нет.

Конечно, проход был, но Пашка завидовал Аркаше, который на вид куда меньше похож на героя, чем Пашка, а уже прославился и не хочет останавливаться.

— Я обещаю, — сказал Аркаша. — Мне самому очень неприятно. Даже мой дедушка сказал, что быть знаменитым некрасиво.

— Вот именно, — согласился Пашка. — Надо запомнить слова твоего дедушки.

С тех пор не проходило и месяца, чтобы с Аркашей не случилось какого-нибудь приключения. Из всех этих приключений он выходил с честью, хотя так их и не полюбил. Просто привык совершать разные поступки. И все привыкли, что Аркаша их совершает. Только Пашка Гераскин не мог к этому привыкнуть. Он бегал за подвигами и приключениями, но у него редко что получалось.

Вот, например, в ноябре Аркаша опять прославился на весь город. Он пошел в детский садик взять домой своего братишку Борю. Когда он подходил к садику, то увидел, что из окна второго этажа идет густой дым, а воспитательницы выводят ребятишек на улицу.

— Что случилось? — крикнул Аркаша, подбегая.

— Пожар в живом уголке! — ответила воспитательница. — Мы уже вызвали пожарную команду. Все дети в безопасности.

— И я в безопасности! — крикнул маленький Боря, который стоял рядом с воспитательницей.

«Звери в опасности!» — подумал Аркаша, который очень любил зверей.

Когда воспитательница отвернулась, он за ее спиной тихонько пробежал в дом и поднялся на второй этаж.

Из комнаты, где располагался живой уголок — то есть маленький зоопарк для маленьких детей, где жили птички, рыбки и маленькие зверята, — валил черный дым.

Аркаша бесстрашно вошел в комнату.

Он не испугался. И не потому, что был смелым, но неумным, а потому, что был сначала умным, а уж потом смелым. Вчера Боря рассказал ему, что кто-то из родителей привез в подарок детишкам яйцо дракончика, которое нашел на планете Местикуре.

Местикурские дракончики невелики и совсем неопасны, а уж новорожденные дракончики не обидят никого крупнее мухи, потому что мухами они и питаются.

Дракончик должен был вылупиться из яйца на следующей неделе. Но он поспешил и вывелся сегодня.

Новорожденные дракончики ужасно прожорливы. Дракончик огляделся, но поблизости не было ни одной мухи.

С горя и с голоду дракончик принялся пускать из ноздрей черный дым. И напустил полный садик дыма.

Когда воспитательницы почувствовали страшно вонючий дым, они перепугались и принялись выводить наружу детей. Их можно понять, ведь воспитательницы плохо знают космическую биологию.

Зато космическую биологию отлично знает Аркаша Сапожков. Недаром он трудится на станции юных биологов на Гоголевском бульваре.

Кстати, ему известны повадки новорожденных местикурских дракончиков.

Увидев окутанного дымом дракончика, Аркаша сказал ему:

— Потерпи!

Дракончик не хотел терпеть.

Тогда Аркаша изобразил крик мамаши-драконихи.

— Йех-уа-уа-йюс, — пропел он.

Дракончик услышал материнский голос и сразу ответил:

— Юхи-юхи-мама крайюхи.

Это означало: «Мама, мама, я страшно голоден, но вокруг нет ни одной мухи!»

Остальные обитатели живого уголка пищали, выли, скрипели и верещали. Они же задыхались от дыма!

Аркаша открыл окно, чтобы впустить свежего воздуха, и подхватил попугая Каякку, который живет высоко в горах Сьерра-Пальмы и не выносит грязного воздуха.

Попугай перепугался и решил, что Аркаша хочет его съесть. Он бился в руках Аркаши и норовил его клюнуть. Но Аркаша крепко держал птицу. Он выбежал с попугаем из комнаты, отнес его на кухню и насыпал пшена. Попугай кинулся клевать пшено, до которого был большой охотник, а Аркаша схватил банку с изюмом, отнес дракончику и сказал:

— Это слаще мух!

Дракончик понюхал изюм и принялся брать губами по изюминке. Он даже закрыл глаза от удовольствия.

Тогда Аркаша пошел к окну, чтобы затворить его. Он боялся, что рыбки, белки и клетчатый питончик простудятся.

Не успел Аркаша взяться за ручки рамы, как прямо перед ним появилась страшная физиономия в серебряной газовой маске и золотом шлеме.

Это был пожарный.

Пожарные только-только приехали, и заплаканные воспитательницы сказали им, что в детском садике страшный пожар, а внутрь пробрался мальчик Сапожков, который, вернее всего, погибнет.

Пожарные приставили лестницу к стене и полезли спасать мальчика Сапожкова.

А мальчик Сапожков так перенервничал от спасения дракончика и всего детского сада, что при виде пожарного ахнул и потерял сознание.

Пожарные отвезли Аркашу в больницу «Скорой помо-

щи», хоть он пришел в себя через минуту. В больнице Аркаше поставили диагноз: легкое отравление драконьим дымом и переутомление. А потом отпустили домой.

На следующий день в класс вошел пожарный в мундире.

Он попросил разрешения у Каролины на три минуты прервать урок. И когда Каролина разрешила, он вынул из портфеля красную коробочку, открыл ее и достал медаль.

Он попросил Аркашу подойти поближе, прикрепил ему на грудь медаль и сказал:

— Поздравляю вас, ученик Аркадий Сапожков, с награждением медалью «За отвагу на пожаре». Ваш подвиг никогда не будет забыт!

В дверь въехала телевизионная камера, и этот момент был снят, а вечером вся страна слушала рассказ о том, как школьник Сапожков не испугался пожара и накормил дракончика.

Когда пожарник ушел, ребята накинулись на Аркашу с упреками, почему он никому ничего не рассказывает.

Аркаша покраснел и стал оправдываться — ведь он ничего особенного не совершил. Каждый бы на его месте сделал то же самое.

Все стали смеяться и поздравлять Аркашу, только Пашка Гераскин довольно громко произнес:

— Быть знаменитым некрасиво, как сказал один дедушка.

Аркаша записал первую тайну: «Происхождение жизни на Земле».

Потом сказал:

— Я жду предложений, мои друзья.

Аркаша прочел столько книг, что иногда начинал говорить, как их герои. Сегодня он говорил, как капитан Немо и его знакомые с Таинственного острова.

— Запиши про динозавров, — попросила Алиса Селезнева.

— Что я должен написать про динозавров, юная леди? — спросил он.

— Ты должен написать так: «Тайна номер два. Почему вымерли динозавры?»

— А разве это не известно? — спросил Джавад. — Я читал, что они вымерли, потому что климат изменился.

— Ты там был? — спросил Пашка Гераскин.

— Нет, ты же знаешь, что не был.

— Тогда ты не можешь наверняка сказать про климат.

Аркаша записал тайну номер два и только хотел спросить про следующую тайну, как Маша Белая сказала:

— Напиши, наконец, про Синюю Бороду.

— И про Железную Маску, — сказала Наташа Белая.

Пашка Гераскин всплеснул руками:

— Я сойду от них с ума! Эти женщины совершенно не понимают разницы между великими событиями и историческими пустяками! Как можно сравнивать смерть всех динозавров и какую-то Железную Маску? Как, я вас спрашиваю?

— А вот так! — хором ответили Маша и Наташа. И Пашке пришлось умолкнуть.

Аркаша сказал:

— Продолжаем. Кто предложит следующую тайну?

— А ты наши тайны не записал! — обиделась Маша Белая.

— По порядку! — ответил Аркаша. — Постольку-поскольку дойдет очередь до Синей Бороды, мы его обязательно запишем.

Все принялись думать о следующей тайне. Даже питекантроп Геракл старался думать, хотя это у него не очень хорошо получалось.

Но ему казалось, что люди не обращают на него внимания, а хотелось, чтобы обращали.

Геракл начал бить себя в грудь кулаком и ухать.

Пашка прикрикнул на Геракла, чтобы помолчал и не мешал людям думать, но Ван Цицун, который внимательно смотрел на обезьяночеловека, тихо сказал:

— А наверное, уважаемый Геракл прав. Ведь происхождение человека — это великая тайна. В разных концах Земли нашли останки разных обезьян и первобытных людей, у нас в Китае откопали кости и зубы синантропа — это был самый большой предок человека, ростом с баскетболиста, но куда сильнее.

— Конечно, — сказал Пашка Гераскин, — у вас в Китае все самое большое.

— Ты не прав, Паша, — ответил Ван Цицун. — Конечно, в Китае есть много всего очень большого, потому что Китай и сам очень большой, но в других странах тоже есть большие вещи. Например, река Амазонка больше, чем наша река Янцзы, зато в Китае когда-то построили Великую Китайскую стену, и она — самое большое творение человеческих рук в мире.

— Вот и разгадай тайну Китайской стены, — сказала Маша Белая, — наверное, это очень интересно.

— К сожалению, — сказал Ван Цицун, — тут нет никакой тайны. У нас в Китае всегда писали подробные истории и тщательно хранили документы. Поэтому известно о стене все — и когда ее построили, и сколько было занято рабочих, и даже сколько пошло на нее кирпичей. Если вы позволите, я бы не стал разгадывать тайну Великой Китайской стены, так как этой тайны не существует. А вот тайна происхождения человека — это великая тайна.

Геракл даже подпрыгнул от радости. Он, видно, понял, что китайский мальчик будет разгадывать тайну его происхождения.

— Но есть и другие великие тайны, — сказал Ван Цицун, — и надо хорошо подумать, прежде чем выбрать нужную тайну. С вашего разрешения, я посоветуюсь с моим отцом.

Ван Цицун замолчал, и тогда заговорил Аркаша:

— Давайте запишем третью тайну. Тайна происхождения человека. Это очень важная и интересная тайна.

И все согласились, что это очень важная и интересная тайна.

— Тайна номер четыре! — произнес Аркаша.

Все смотрели на него и ждали, какую же он придумает тайну.

Но Аркаша ничего не говорил. Он ждал.

Алиса смотрела на стену и думала: «Ну, какие еще тайны? Давайте думать по порядку... Что было после того, как человек стал человеком? Был Древний Египет и Вавилонская башня».

— Я хочу разгадать тайну Вавилонской башни! — сказала она.

— Простите, пожалуйста, — попросил Ван Цицун, — будьте любезны, скажите, в чем тайна Вавилонской башни и что такое Вавилонская башня?

Все посмотрели на Алису. Кое-кто знал, о чем речь, но другие могли и не знать.

— Есть такая древняя легенда, — сказала Алиса, — что люди решили строить башню до самого неба.

— Как так до самого неба? — спросил Ван Цицун. — Вы имеете в виду стратосферу?

— В то время люди думали, что небо твердое, — сказала Алиса. — И строили башню до твердого неба. Но Бог рассердился на них и сделал так, что они стали говорить на разных языках. От этого произошло вавилонское столпотворение — люди друг друга перестали понимать.

— Плюнули они тогда, — вмешался Пашка Гераскин, — и разошлись по домам.

— Спасибо, — сказал Ван Цицун. — Но разрешите мне задать еще один вопрос?

— Задавай, — разрешил Пашка.

— А где были переводчики? — спросил Ван Цицун. — Почему переводчики не помогли строителям?

— В то время еще не было переводчиков, — сказала Алиса. — Ведь языки только-только появились, и переводчики еще не успели их выучить.

— Спасибо, — поблагодарил Ван Цицун, — я все понял.

Аркаша сказал:

— Я записал проблему Вавилонской башни. Но подозреваю, что это не историческая, а легендарная загадка. Сказочная, другими словами. Поехали дальше.

— Я хочу отправиться в Древний Египет, — сказал Джавад Рахимов, — чтобы разгадать тайну египетских пирамид.

— А в чем тайна египетских пирамид? — спросила Маша.

— Есть мнение, — сказал Джавад, — что их построили пришельцы из космоса.

— А зачем? — удивилась Наташа Белая.

— Разве мы можем угадать, что у пришельцев в голо-

ве? — сказала Алиса. — Сколько я с ними встречалась — и всегда удивлялась, чего еще от них можно ждать?!

— Но есть мнение, — сказал Аркаша Сапожков, — что пришельцы из космоса тут совершенно ни при чем. Египтяне отлично обошлись без их помощи.

— Все равно надо проверить, — не сдавался Джавад. — Кроме того, говорят, что пришельцы построили святилище Стоунхендж в Англии, отлили железную колонну в Дели и много еще чего сделали. Во всем мире.

— Простите, — сказал Ван Цицун, — может быть, во всем мире инопланетные пришельцы и занимались строительством, но в Китае они ничего не построили.

— Почему? — удивился Джавад.

— Потому что мы сами все построили. Зачем нам помощники?

— Ван Цицун совершенно прав, — заявил Аркаша. — Я с ним согласен на все сто процентов. Люди умеют строить не хуже, чем пришельцы. Поэтому я попрошу вас предлагать исторические тайны, в которых нет никаких пришельцев.

— Прошу записать, — сказал Пашка Гераскин, — мне хочется узнать, как погиб король Артур.

— Об этом написано в легенде о рыцарях «Круглого стола», — сказал Аркаша.

— Хватит! — воскликнул Пашка. — Этого нельзя, это не тайна, это запрещено! Дай нам, в конце концов, разгадывать те тайны, какие нам нравятся!

— Пожалуйста, — сказал Аркаша, — я хотел только вместе разобраться, а потом уж решим, кто какую тайну себе возьмет.

Маша Белая вступилась за Аркашу.

— Сапожков совершенно прав! — заявила она. — Если бы он с нами не обсуждал, то я бы до сих пор думала, что в мире была только одна тайна.

— Про Синюю Бороду! — вместе воскликнули Алиса, Джавад и Наташа Белая.

— А теперь я уже знаю...

— Про Железную Маску! — подхватили ее друзья.

— Вы все шутите, — обиделась Маша, — а я серьезно.

— Наверное, нам пора по домам, — сказала Алиса. — Мы

еще вечером подумаем над тайнами. Завтра каждый предложит свою тайну Каролине.

Все согласились с Алисой, быстро вымыли чашки, чтобы старательный Геракл их не перебил, и поспешили по домам.

Когда прощались у входа на биологическую станцию, договорились встретиться в школе завтра в десять утра.

Глава вторая

НЕЗНАКОМОЕ НАСЕКОМОЕ

Аркаша хотел зайти к Алисе.

Он собирал монеты, и ему надо было посоветоваться с ее домашним роботом. И в этом нет ничего удивительного, потому что робот Поля был известным нумизматом, прочитал все справочники, в свободное время изучал музейные коллекции и однажды чуть не погиб, когда пересчитывал рупии в подвале Бомбейского банка в Индии. Тогда неожиданно случилось землетрясение, потолок сейфа обрушился на несчастного робота, и его откопали через две недели. Он проржавел, погнулся, но, как только его привели в чувство, сразу сообщил:

— Восемь тысяч пятьсот шестьдесят две.

Спасатели спросили, что имеет в виду искалеченный робот. И робот ответил:

— Столько рупий лежит в подвале.

Любой коллекционер мог ошибиться, спутать монету лидийскую и мидийскую, а копейку Дмитрия Донского с полушкой Бориса Годунова. Но только не робот Поля! Стоило ему один раз увидеть монету, он запоминал ее навсегда. Говорят, что Полю никогда не пустят на металлолом и не отправят на пенсию, а отдадут вместо этого в Исторический музей, где он будет служить нумизматическим справочником.

Аркаша с Алисой не спеша шли по бульвару и разговаривали об исторических тайнах.

— Наверное, мы не правы, — сказал Аркаша, — когда думаем, что исторические загадки были очень давно. А в по-

следние столетия они кончились. Если подумать как следует, мы наверняка найдем тайны где-нибудь поблизости.

— Я сразу могу сказать, — ответила Алиса. — Я читала, что Наполеон, когда бежал из России, выкинул все награбленные сокровища в одно из озер на его пути. Этих сокровищ до сих пор не нашли.

— Вот именно, — согласился Аркаша. — Кстати, и библиотеку Ивана Грозного не нашли. А он ее спрятал в подземельях Кремля.

— Иван Грозный жил давным-давно, — сказала Алиса. — А вот экспедиция на Марс улетела десять лет назад и пропала без вести. Это совсем свежая тайна.

Вдруг Алиса замерла и осторожно дотронулась до локтя Аркаши:

— Смотри, он за нами наблюдает!

Она показала на странное существо, прятавшееся за деревьями. Было оно невысоким, пониже Алисы, страшно худым и даже костлявым, будто скелетик. Голова странная, лица не видно.

— Робот какой-то, — сказал Аркаша. — Недоделанный.

— Недоделанные роботы по улицам вечером не гуляют, — возразила Алиса. — Кто его с фабрики выпустит?

— Тогда пошли отсюда, — сказал Аркаша. — Нам еще мутанта не хватало.

Алиса согласилась с другом. В последнее время ходили разговоры о том, что на Землю откуда-то попали странные мутанты людей, правда, никто их толком не видел...

Они выбежали с бульвара и отправились дальше по узкому переулку Сивцев Вражек.

Вокруг не было ни души.

Над головами неслись серые облака, порой начинал идти мокрый снег, и ветер кидал его в лицо мокрыми снежками...

Пройдя шагов сто по переулку, Алиса обернулась:

— Ой!

Существо почти догнало их. Оно двигалось так, словно вместо ног у него были палки, которые плохо сгибались.

Аркаша сделал шаг навстречу существу и спросил:

— Что вам нужно?

Существо тоже остановилось и вдруг странно заскулило, как потерявшийся щенок.

В этом месте было светло, и Алиса смогла разглядеть преследователя получше.

Конечно же это был не человек и не мутант.

Это был инопланетянин.

Причем по виду — насекомое.

Насекомые отличаются от пауков и уховерток тем, что у них шесть ног. У жуков шесть, у бабочек шесть, но и у кузнечиков шесть ног. А у пауков восемь. Посчитайте, не пожалейте времени. Это закон природы.

У существа, которое преследовало Алису, было шесть конечностей.

Оно стояло на двух тонких ногах, а четыре палочки служили руками. Голова у этого насекомого была чуть вытянута вперед, как у муравья, но покрыта шерстью. Большие желтые глаза смотрели в разные стороны. Губ не было и носа тоже.

Неприятное существо. Даже страшненькое.

Первое удивление Алисы прошло. Прошел и страх. Ну, встретили насекомое с ребенка размером, ну, убежали от него, а потом поняли, что бегать нет никакого смысла.

— Что вам нужно? — спросил Аркаша.

Насекомое протянуло вперед свои палки-руки и направилось к Аркаше. Тут уж самый отважный рыцарь пустился бы наутек.

Но не Аркаша.

— Только не кусаться! — сказал он. — Ведем себя спокойно, не нервничаем! Вы заблудились?

— Папа, — произнесло существо, дотрагиваясь кончиками лап до Аркаши. — Папа, до-ро-гой.

— Оно разговаривает, — сказала Алиса. — И кажется, вы знакомы.

— Вы меня с кем-то спутали, — сказал Аркаша. — Я с вами незнаком, постольку-поскольку вижу в первый раз.

— Я буду жить с тобой, — сказало насекомое со странным акцентом. — Я буду учиться в школе. Я стану скрипачом. Где твоя скрипка?

Тут уж Алиса не удержалась и засмеялась, потому что весь класс знал об этой ужасной истории.

Аркаша был мальчиком из очень хорошей семьи, все дети в ней учились музыке. Девочки, как правило, играли на скрипочках, а мальчики на трубе или рояле. Но Аркаша в раннем детстве был таким маленьким и слабеньким, что ему купили скрипку, как девочке.

Аркаша послушно пиликал на скрипке до десяти лет, а потом взбунтовался. Он был тихим, задумчивым мальчиком и не умел драться или громко кричать. Но скрипочку он так ненавидел, что однажды она исчезла.

Когда дедушка стал спрашивать, где скрипочка, Аркаша ответил, что он ее закопал в лесу.

— Зачем? — закричал дедушка, а остальные члены семьи качали головами и делали вид, что очень сердятся.

— Разве непонятно? — спросил Аркаша. — Я ее закопал в плодородном месте и полил из лейки.

— Но зачем?

— Чтобы она проросла и из нее выросли новые скрипочки.

— Мальчик, кажется, сошел с ума, — сказала бабушка.

— Это случилось оттого, что я очень много занимался на скрипке, — прошептал Аркаша, не глядя на старших родственников, чтобы они не заметили, что он смеется.

— Так чего же мы стоим? — спросил дедушка. — Бежим в лес спасать скрипку!

— А я забыл, где ее закопал, — признался Аркаша.

И тут его папа, который сам учился на скрипке до шестнадцати лет, а потом стал программистом, спросил у Аркаши:

— Скажи, сын, ты любишь играть на скрипке?

— Ненавижу, — ответил сын.

— Я так и понял. А что ты любишь делать?

— Я люблю компьютер, — сказал мальчик, — и еще я люблю заниматься биологией. Я никогда не стану музыкантом.

— Я вижу, что мальчик прав, — сказал папа. — Иди в лес,

принеси несчастную скрипку, и я клянусь, что больше мы тебя мучить не будем.

— Ура! — закричал Аркаша и побежал на второй этаж, где под кроватью лежала невредимая скрипка. Разумеется, Аркаша не настолько глуп, как думает его дедушка. Он отлично знает, откуда происходят скрипки, а откуда мальчики и девочки.

После событий со скрипкой Аркаша стал первым мальчиком или девочкой в семействе Сапожковых, который совсем не умел играть на скрипке. Если бы вы знали, как ему завидовали остальные дети в той семье!

Когда страшное насекомое заговорило о скрипке, Алиса тут же поняла, что оно с Аркашей знакомо. И даже странно, что Аркаша от этого знакомства отказывается.

Они стояли посреди Сивцева Вражка, мимо проходили и пролетали люди, ведь было еще не очень поздно. Некоторые с удивлением оглядывались, потому что никогда не видели такого страшилки, но потом летели дальше — мало ли какие страшилки живут в Галактике и прилетают на Землю. Если на всех заглядываться, жизни не хватит.

— Ты меня не любишь? — спросил страшилка.

— Разве мы с тобой встречались? — удивился Аркаша, который тоже понял — дело неладно.

— Конечно, постольку-поскольку сидели в пещере.

— По-моему, я схожу с ума, — сказал Аркаша Алисе. — Постольку-поскольку я никогда не сидел в пещере...

— Аркаша, — сказала Алиса, — боюсь, что это существо говорит правду. Вы отлично знакомы. Скажи, пожалуйста, кто-нибудь из твоих знакомых говорит через каждые десять слов «постольку-поскольку»?

— А разве я говорю? — удивился Аркаша.

— Еще как говоришь! — ответила Алиса.

— Папа Аркаша еще как говорит! — сказал страшилка.

Алиса сошла с мостовой, села на лавочку под летающим фонариком и сказала:

— Присаживайся, незнакомое существо. Скажи мне, как тебя зовут? Откуда ты родом и как ты познакомилось с моим другом Аркашей Сапожковым?

— Это не только Аркаша Сапожков, — ответило существо, приближаясь к Алисе. Идти существу было трудно, его покачивало, голос срывался. — Это повелитель молний, благородный спаситель малолетних коо.

— Что в лоб, что по лбу, — заметила Алиса. — Никакой ясности. А тебя как зовут?

— Мое имя — Красивый Ай, — ответило существо. — Постольку-поскольку я отличаюсь умом, ростом и положительными качествами.

— Лучше я пойду домой, — сказал Аркаша. — А то дедушка беспокоится.

— Вызови дедушку и попроси его не беспокоиться с утра до вечера, — сказала Алиса. — И не трусь. Ничего плохого этот страшилка тебе не сделал.

— Но я никогда не видел раньше Красивого Ая!

— А разве ты не защитник малолетних коо? — спросила Алиса.

— И я не его папа, постольку-поскольку в жизни не встречал ни одного малолетнего коо и незнаком с его мамашей.

— Это неправда! — закричал страшилка. — Ваш благородный облик навечно запечатлелся в моей памяти! И если вы ставите мои слова под сомнение, то спросите у учителя Жи. Надеюсь, ему вы верите?

— Мы верим учителю Жи? — спросила Алиса, которой было смешно, но она удерживалась от смеха.

— Я знаю, что делать, — сказал Аркаша. — Пора вызывать на помощь Патруль-12.

Алиса не ответила, хоть и понимала, что, вернее всего, Аркаша прав. Как вы знаете, Патруль-12 — это особая служба, которая заботится о всех потерявшихся детях, стариках, котятах и инопланетянах. О туристах, отставших от своего корабля, о животных, привезенных в кармане, или о несчастном профессоре физиогармонии и гештальта, которого поймала в подарок своему внуку Мария Семеновна Добронравова на планете Пуйс, потому что решила, что это зайчик. А этот зайчик на самом деле торопился на лекцию в университет и не заметил земную туристку, которая схва-

тила его за уши... В конце концов профессора спас Патруль-12.

— Неловко как-то, — возразила Алиса. — К тебе подбегают, называют папой, а ты — в Патруль-12.

— Я тоже так думаю, — сказал страшилка.

— Но если я тебя не знаю!

И в этот момент с неба буквально свалился большой желтый флаер с алой гвоздикой, нарисованной на борту. Это была спасательная помощь Патруля-12.

Из машины сразу выскочили три человека в разноцветных веселых одеждах, заиграла бодрая музыка, в небе начали рваться ракеты.

— Где наш кроха? — спросил доктор Айболит.

— Вот он, — сказал Аркаша.

— Сейчас мы тебя успокоим, — сказал доктор Айболит, — отвезем тебя к маме и папе.

— Не надо меня везти к маме и папе, — сказал страшилка. — Есть все основания полагать, что постольку-поскольку...

— Правильно, — сказал доктор Айболит, — постольку-поскольку пора в постельку.

Говорящая собака Авва добавила:

— В постельку, в постельку, к птичке пустельге.

Третий санитар Патруля-12 был известным на Земле актером Хамелеончиком, который принимал вид того существа, рядом с которым он стоял. И этот Хамелеончик уже превратился в страшилку, только побольше ростом, чем первый страшилка, — то есть в метрового муравья с бакенбардами, бородкой и курчавой шевелюрой.

— Я не хочу домой! — заплакал страшилка, и горячие слезы покатились по его щекам, стекая на грудь. — Я хочу остаться с папой.

— Не беспокойтесь, Алиса и Аркаша, — сказал доктор Айболит, — мы все узнаем о нашем несчастном госте, он отдохнет и полетит туда, куда захочет.

— Только не ко мне домой! — воскликнул Аркаша. — У меня очень нервные дедушка и бабушка. Они не переживут!

— Полетели, моя крошка, — сказал Хамелеончик.

Собака Авва махала хвостом и прыгала вокруг страшилки по имени Красивый Ай, а доктор Айболит сделал страшилке сладкий успокаивающий укол, от которого улучшается настроение, но нет никакого вреда.

— Мы вам сообщим о пациенте, — сказал доктор Айболит Алисе.

Флаер поднялся к низким зимним облакам, и Алиса с Аркашей сообразили, что замерзли.

— Чего ж ты вызвал Патруль-12? — спросила Алиса. — Так мы теперь и не знаем, откуда к нам прилетело это несчастное существо.

— Я думаю, — сказал Аркаша, — что оно прилетело из параллельного мира, где живет другой Аркадий Сапожков, который на меня ужасно похож, но мы с ним незнакомы.

Алиса слышала о параллельных мирах, где все почти как у нас, но не совсем. Некоторые из них точь-в-точь на нас похожи, а другие чуть-чуть. Самой Алисе в таком мире еще не приходилось бывать, потому что не все ученые были уверены, есть параллельные миры, или их придумали писатели-фантасты. Но, с другой стороны, каждому известно, что некоторые планеты или миры, которые придумали такие писатели, оказывается, существуют. А раньше, пока их не придумали, этих миров не было.

Так что Алиса не стала спорить с Аркашей, а пошла домой, благо оставалось идти два шага.

Дома Алиса съела две тарелки пельменей, потом легла на диван и стала листать любимую старинную книжку из бумажных страниц с картинками, которые нарисовал художник Мигунов. Она всегда удивлялась, откуда художник Мигунов так хорошо знает жизнь конца двадцать первого века, если сам он жил на сто лет раньше?

А потом Алиса нечаянно задремала.

И ей приснилось, что она попала на планету, по которой бродит множество страшилок, и все они кладут по розочке к памятнику Аркаше Сапожкову, на постаменте которого написано: «СПАСИТЕЛЬ МАЛОЛЕТНИХ КОО».

Глава третья

ВСЕМ ПО ТАЙНЕ

На следующий день в школе Алиса с Аркашей рассказывали о странной вчерашней встрече, и поднялся горячий спор, кем же был тот страшилка. А так как Аркаша продолжал упорствовать, что он никогда не встречал это страшненькое, но вполне безобидное разумное насекомое, то решили провидеофонить в Патруль-12.

На экране видеофона появился доктор Айболит.

Он узнал Алису и тут же снял бороду.

— Жарко у нас, — сказал он, — а при пациентах раздеваться нельзя. Да и мало ли кто может меня вызвать.

Доктор Айболит оказался совсем молодым добровольцем «Скорой помощи».

— Простите, доктор, — спросила учительница Каролина Павловна, — мы очень переживаем, что за чудище пристало вчера к нашему ученику? Вам удалось узнать?

— Все очень сложно, — сказал доктор Айболит. — Конечно, мы успокоили это насекомое. Мы проверили все справочники и энциклопедии, мы опросили всех экспертов и даже связались с Галактическим центром. К сожалению, обнаружилось, что в обитаемой Галактике такой расы не существует.

— Как не существует? Но у него же есть родители! — воскликнула Каролина.

— У этого существа нет родителей, — ответил доктор Айболит. — Потому что оно одиноко во Вселенной.

— Так не бывает, — сказал Пашка Гераскин. — Наверное, вы ошиблись.

— Мы могли ошибиться, — терпеливо ответил доктор, — но центральный компьютер не может ошибиться.

— Простите, — сказал Аркаша Сапожков, — но у меня есть теория, и я хотел бы ею с вами поделиться.

— Пожалуйста, — ответил доктор Айболит и вытер бородой свой потный лоб. — Я всегда рад услышать новую теорию.

— Не могло быть так, что это существо прилетело к нам

из параллельного мира? Там все похоже на нас, но немного другое. Поэтому оно и меня знает, но не меня, а другого Сапожкова, который живет в том мире. Может быть, отправить страшилку в параллельный мир и пускай он ищет там моего двойника?!

— Идея у вас, конечно, замечательная, — согласился доктор Айболит, — но дело в том, что наука еще не уверена, есть ли параллельные миры, или они только кажутся писателям. А раз так, то мы не знаем, куда же послать нашего гостя. Давайте попробуем обойтись без этих миров. Придумайте что-нибудь полегче. Скажите, вы могли встретиться с этим несчастным существом и потом забыть об этом?..

— Ну как я мог забыть! — закричал Аркаша. — Такое во сне приснится, помрешь от страха!

— Скажите, доктор, — попросила Каролина, — а что говорит само это существо? Ведь вы же его спрашивали? Наверное, оно может сказать вам, где живет.

— Нет, — вздохнул доктор. — Все куда сложнее. Конечно же мы разговаривали с этим существом, мы и сейчас с ним разговариваем. Но все зря.

— Как так зря?

— Потому что по нашим, земным меркам это существо — маленький ребенок, ему примерно три года...

— Значит, оно прожило на свете три года? — спросила Маша Белая.

— Мы не знаем, сколько оно прожило, мы знаем, что его развитие равно развитию трехлетнего ребенка. Так что существо не может объяснить нам, как выглядит его планета и кто его родители.

— Спасибо, доктор, — сказала Каролина. — Вы позволите вам позвонить снова?

— Если мы что-нибудь узнаем, — сказал доктор, — мы сразу же с вами свяжемся. Мы понимаем, как вы переживаете.

Они попрощались с доктором и занялись своими делами.

— Ну что ж, — сказала Каролина. — У вас на размышление были вечер и ночь. Расскажите мне, что вы придумали.

Все ученики молчали.

Даже Пашка Гераскин, который никогда не лезет за словом в карман, не спешил со своим предложением.

— Чего вы оробели? — спросила Каролина. — Вот уж не ожидала этого от вас, самого смелого класса во всей школе.

— Нет, — сказала Алиса. — Вы не правы. Дело в том, что нам хочется в разные места и в разные эпохи. А сразу всюду нельзя.

— В разные — это хорошо, — сказала Каролина, — значит, у каждого есть самая любимая. Гераскин, признавайся, куда ты хочешь отправиться в первую очередь?

Пашка встал, поглядел в окно, вздохнул и спросил:

— А если я куда-нибудь поеду, то, значит, во второй раз меня не пустят?

— Я думаю, что с тебя и одного путешествия достаточно. Ты наверняка устроишь приключения даже во вчерашнем дне.

— Разумеется, устрою, — сказал Пашка. — Но сначала я хотел бы побывать в крестовом походе вместе с Ричардом Львиное Сердце, взять Иерусалим и сразиться с Саладином.

— Значит, так, — сказала Каролина, — повторяю для невнимательных и отсталых учеников! Никаких войн, никаких сражений, никакого хулиганства в прошлом времени не допускается. Поймите же, что вы отправляетесь на научную практику, и каждый получит задание. Но ни один из вас не будет брать Иерусалима или побеждать Юлия Цезаря. Вы — наблюдатели. Ты понял, Гераскин?

— К сожалению, я все понял, — ответил Пашка. — И я отказываюсь участвовать в крестовом походе. Я не выдержу, если кто-то будет сражаться, а я буду наблюдать, словно девчонка.

— Отлично, — сразу согласилась с ним Каролина. — Какие еще мысли?

— Дайте подумать, — сказал Пашка. — Кстати, я и не собирался в крестовый поход.

Все засмеялись.

— Я не шучу, — сказал Пашка. — Я уже побывал в Средневековье и сражался на турнирах — это все в прошлом. Мне бы чего-то поинтересней.

— Подумай, а мы поговорим, — сказала Каролина. — Куда ты хочешь, Аркаша?

— Меня интересует научная проблема, — сказал Аркаша. — Мне бы хотелось выяснить, почему вымерли динозавры.

— Ну вот! — воскликнула Маша Белая. — Я уже расхотела освобождать Железную Маску, я хотела узнать про динозавров.

— Не расстраивайся, — сказала Каролина. — Мы с тобой найдем другую эпоху, не менее интересную. Никто не возражает против решения Аркаши Сапожкова?

Никто не возражал.

— Может быть, кто-то еще поделится с нами своими планами? — спросила Каролина.

— У меня созрел небольшой план, — произнес Пашка Гераскин. — Если вы не возражаете, я прошвырнусь к троглодитам.

— К кому, простите? — спросил Ван Цицун.

— Паша хочет сказать, — объяснила Алиса, — что ему интересно отправиться в первобытную эпоху, когда люди еще жили в пещерах, и поэтому их называли троглодитами.

Ван Цицун подумал и сказал:

— Наверное, мне придется поехать в пещеру вместе с Пашей.

— Почему? — удивилась Каролина.

— Паша немного легкомысленный и слишком храбрый, — сказал китайский мальчик. — Кому-то надо его охранять.

— Ты будешь меня охранять! — возмутился Пашка. — Да я сам могу кому хочешь показать... или защитить. Я собираюсь поохотиться на пещерного льва или на мамонтов — вот занятие для настоящего мужчины.

— Это занятие для настоящего дикаря, а не мужчины, — сказала Алиса. — Настоящие мужчины разводят тигров, спасают мамонтов и никогда не гордятся тем, что убили безоружного.

— Ну уж это как посмотреть! — возразил Пашка. — Тигр еще как вооружен! Попадись ему на зуб.

— Был такой древний грузинский поэт, — сказала Маша

Белая. — Его звали Руставели. Он написал книгу «Повесть о настоящем человеке». Там его герой одними руками убивает тигра. Честное слово, я сама видела картинку.

— Как жалко, — сказала ее сестра Наташа, — что ты, сестренка, читала так много книг. Они у тебя стали путаться в голове.

— Разве я ошиблась? — Маша начала хлопать длинными ресницами, как будто открывала и закрывала двери, за которыми горели голубым светом ее глазищи. — Может быть, я в тот день болела?

— Книга классика грузинской литературы называется «Витязь в тигровой шкуре», — сказал Ван Цицун. — И тигр на него напал первым.

Надо сказать, что новый китайский ученик знал названия всех книг, фамилии всех писателей и художников, у него была хорошая память, он ее все время упражнял, и она стала наконец великолепной памятью.

— Вот видишь, — сказал Аркаша Сапожков. — Даже если тигр нападет на тебя первым, постарайся не убивать его из бластера. У тебя руки есть.

— Записываем, — сказала Каролина. — Аркаша Сапожков отправляется в прошлое на...

— На шестьдесят пять миллионов лет, — сказал Аркаша. — Именно тогда на Земле произошло что-то такое... такое, после чего исчезли все динозавры.

— Хорошо. Вторым у нас записался Паша Гераскин, который отправляется к троглодитам, то есть примерно...

— Как получится, — отмахнулся Пашка.

В отличие от Аркаши, он не успел посмотреть в Интернете информацию об эпохе троглодитов. Тем более что эта идея пришла ему в голову всего десять минут назад.

— Дальше! — воскликнула Каролина Павловна. — Кто следующий?

— Простите, Каролина Павловна, — сказала Алиса. — Мы еще не готовы ответить. Я, например, составила целый список. Хотите прочту?

— Прочитай, — сказала Наташа Белая. — Может, подаришь нам какое-нибудь путешествие.

— Я хотела бы побывать в Древнем Египте или в Древ-

нем Вавилоне, — начала Алиса, — чтобы узнать, был ли потоп, и если был, то чем он закончился. Потом я хотела бы познакомиться с Клеопатрой. Я хочу узнать, почему она так погибла.

— А как она погибла? — спросил Ван Цицун.

— Ужасно! Ее укусила змея! — ответил за Алису Пашка. — Продолжай, подруга!

— Я хочу узнать, что случилось с флотом Александра Македонского. Говорят, что флот уплыл в Америку.

— Удивительно! — сказала Наташа Белая. — Говори, Алиса, говори!

— И вообще меня интересует, кто открыл Америку!

— Вот! — воскликнул Пашка Гераскин. — Эта задача тебе по зубам. Ты отправишься в плавание с Христофором Колумбом!

— Это очень опасно, — сказал Аркаша. — Не для девчонки. Пускай Джавад Рахимов плывет с Колумбом.

— Кстати, — обиделась Алиса, — я плаваю лучше Джавада. Я на стометровке его на корпус обошла. А Америку открыли викинги!

— Продолжай, Алиса, — попросила Каролина. — У тебя еще есть в запасе тайны?

— Пожалуйста. Я хочу найти библиотеку Ивана Грозного.

— Нет, это я загадал, — сказал Джавад Рахимов. — Я читал про библиотеку. Все знают, что у Ивана Грозного была большая библиотека, ее видели разные гости, но потом она исчезла и до сих пор ее не нашли!

— Дай кончить, Джавадик, — попросила Алиса. — У меня осталось совсем мало тайн. Я хочу узнать, кто нарисовал картины в пустыне Наска.

— Я ничего не слышал о пустыне Наска, — сказал Ван Цицун. — Вы не скажете, где это находится?

— В Южной Америке, — сказала Алиса. — Я тебе дам кассету посмотреть. Но это еще не все. Я хочу найти, где и как погиб Амундсен.

— Все ясно, — сказал Пашка. — Алисе осталось всего сто лет жизни, а ей хочется разгадать сто тайн, на каждую года не хватит. А еще надо спать, есть и учиться в школе.

— Можно я скажу, какую тайну мне хочется разгадать? — спросил Ван Цицун.

— Пожалуйста.

— Мне хочется найти место, где похоронили завоевателя Чингисхана.

— Джавад, — обратилась Каролина к Рахимову. — Ты ничего больше не надумал?

— А можно мне узнать, — спросил Джавад, — жила ли в самом деле Шахерезада?

— Это же сказка! — воскликнула Маша.

— А вот я хочу проверить, сказка или правда?

— Ты волен искать Шахерезаду, — сказала Каролина. — Теперь у нас остались только близняшки. Надумали вы чего-нибудь?

— Мы как вчера. Я — про Синюю Бороду, — сказала Маша.

— А я — про Железную Маску, — вздохнула Наташа.

— Тогда я звоню в Институт времени и сообщаю о наших планах, — сказала Каролина.

Глава четвертая

ВЗЯТОЧНИК СИЛЬВЕР

Представь себе, дорогой читатель, что ты уже взрослый человек, тебе больше десяти лет, ты отправляешься в меловой период, за много миллионов лет до нашей эры — такая у тебя научная практика. Тебе предстоит разгадать тайну истории Земли, которая оказалась не по зубам величайшим академикам современности, ты всю ночь не спишь от сознания важности своего дела... и вдруг утром дедушка говорит, что он лично проводит тебя до Института времени и проверит, чтобы мальчику не навредили. Чтобы его послали в самую лучшую эпоху, и вообще он намерен выяснить, кормят ли на исторической практике горячими завтраками!

Бабушка встречает тебя в коридоре с новеньким свитером в руках и требует, чтобы ты обязательно надел в меловой период вязаную шапочку, потому что там, как известно, ужасно дует!

Ты готов разреветься от злости на этих родственников, которые уже выжили из ума и ничего не понимают в науке.

Но тут из кухни выплывает мамочка, которая вместо того, чтобы спасти тебя от бабушки с дедушкой, объявляет, что кашка готова, сок на столе, яишенка удалась лучше, чем всегда, — ты же должен как следует позавтракать перед отлетом!

А папа, который сидит уже за столом и хрупает сухарики, потому что с понедельника решил худеть, начинает рассказывать тебе, как он бы вел себя на твоем месте в меловом периоде.

И ты понимаешь, как хорошо, что ты не рассказал родственникам про то, что ты будешь жить среди динозавров. Они-то думают, что тебе разрешили только смотреть на динозавров издали! Если бы они догадались, что ты попадешь прямо в гущу чудовищ, то никуда бы тебя не пустили. Дедушка вместо тебя кинулся бы к бронтозаврам, а за ним папочка, мамочка, бабушка, и старший брат Илья, и младший брат Боря, и сестры.

Но Аркаша Сапожков, который попал в эту ситуацию, вел себя сдержанно и с достоинством, как Жанна д'Арк на костре инквизиции.

Он съел три ложки кашки, поклевал яичницу, хотя вы можете представить, какой у него был аппетит! Потом он выслушал все добрые советы, попрощался и вышел из дому.

Дедушка следовал на шаг сзади, бабушка держала Аркашу за руку, и он терпел почти до самого Института времени. Потом остановился посреди улицы и спросил:

— Дедушка, тебя до каких лет водили за ручку по улицам?

— Меня? — Дедушка посмотрел в небо и не ответил.

— А тебя, бабушка, в школу тоже водили за ручку?

И бабушка промолчала.

— Тогда простите и прощайте, мои дорогие! — закричал Аркаша, вырвал руку у бабушки и кинулся к видневшемуся вдали зданию Института времени.

Бабушка кинулась было за ним.

Но дедушка кое-что понял.

Он схватил бабушку за руку и удержал ее.

— Ничего, — сказал дедушка, — потерпи, Эмма, потер-

пи, он у нас уже совсем большой мальчик и сам понимает, где ему надо гулять с бабушкой, а где можно самостоятельно.

Бабушка собиралась заплакать, потому что она любила поплакать, но дедушка велел ей удержаться от плача, так как у тех, кто плачет, слезы застилают глаза. Это все равно что стоять посреди улицы зажмурившись.

Не оглядываясь, чтобы дедушка не кинулся вдогонку, Аркаша добежал до входа в Институт времени, нырнул внутрь и оказался в обширном холле.

В стороне стоял большой стол, на нем пульт связи и большая темно-зеленая бутыль, на которой крупно, большими буквами было написано:

«БУТЫЛКА РОМА».

За столом сидел человек в одежде пирата, на голове черный платок, один глаз завязан, усы торчат, как у таракана, и шевелятся.

На плече у этого человека сидел большой белый попугай.

Впрочем, попугай был не совсем белый, а довольно грязный, хохолок у него был наполовину выщипан.

При виде Аркаши попугай закричал:

— Полундррра! — и взлетел к потолку.

Пират надел капитанскую фуражку с вышитым на ней золотым крабом. Вокруг краба свернулась золотая змея, укусившая себя за хвост, что издавна считается символом Вечности. Поэтому такая змея — герб Института времени.

— С кем имею честь? — спросил пират.

— Я Сапожков, Аркадий Сапожков. Мне надо к десяти часам быть у Ричарда Темпеста.

— У доктора Темпеста, — поправил вахтер Аркашу. — Мы защитили диссертацию. Вам не сказали об этом?

— Мне никто об этом не сказал.

— То-то я вижу, что мальчик пришел без подарка. Если бы знал, какой у нас праздник, неужели пришел бы без подарка?

— Я могу сходить за подарком, — сказал Аркаша. — Но я, к сожалению, незнаком с доктором Темпестом и не знаю, что он любит получать в подарок.

— Мы любим получать виски, коньяк, а также клюквен-

ную настойку. Еще мы уважаем свиные отбивные с ананасами. Вы записываете, мальчик?

— Я так запомню, — сказал Аркаша. — Но можно принести подарок вечером? Мой дедушка уже ушел домой. А деньги у него.

— Мы живем в счастливом будущем, — сказал пират. — Все разговоры о деньгах и дедушках — пустая попытка отделаться от подарка. Кстати, судя по тому, что я вижу на мониторах, вся семья Сапожковых стоит возле входа в институт. Они надеются, что тебя, мой юный друг, забракуют и ты возвратишься домой. Так что выйди, скажи дедушке, чтобы сбегал за подарком, это займет всего десять минут.

— Позорррр! Позорр! — закричал попугай, носясь кругами под потолком. — Позорр на мою седую голову! Сильвер — жалкий взяточник.

— А вот это ты зря, — сказал пират и достал из-под стола деревянный костыль. Он прицелился костылем в попугая, и тот в панике попытался вылететь в закрытое окно.

Неизвестно, чем бы закончилась вся эта история, если бы в вестибюль не вбежал очень худой человек с копной черных вьющихся волос.

— Сильвер! — закричал он от входа. — Сильвер Джонович! Вы зачем пугаете птицу?

Тут молодой человек увидел Аркашу, который уже почти дошел до двери, и строго спросил:

— А вы кто такой?

— Я — Аркаша Сапожков... я пришел... я хотел вас поздравить с присуждением вам... вас... ученую степень доктора наук и желаю вам счастья и успехов в труде, а подарок я сейчас... мой дедушка ждет в садике.

— Стоп! — закричал молодой человек. — Вы знаете, кто я такой?

— Вы — доктор Темпест! — быстро ответил Аркаша. — Вы защитили диссертацию, и я вам сейчас принесу подарок.

Доктор Темпест поднял руку. Он остановил Аркашу.

Потом обернулся к пирату Сильверу Джоновичу, который сидел, выставив перед собой костыль.

— Вы уволены, — сказал Темпест. — Вы уволены, Сильвер Джонович, потому что есть предел любому безобразию.

— В чем вы меня обвиняете, молодой человек? — спросил вахтер-пират.

— Я вас обвиняю в том, — ответил молодой ученый, — что, пользуясь своим служебным положением и неосведомленностью молодого человека Аркадия Сапожкова относительно сроков защиты моей докторской диссертации, состоявшейся три года назад, вы пытались выцыганить из него бутылку рома или какой-нибудь похожей гадости. Разве не так?

— Совершенно не так, Ричард, — ответил пират Сильвер Джонович. — Как вы знаете, пью я умеренно, и мне хватает бутыли в день, я даже не допиваю. Но надо иметь запас.

— Зачем?

— А вдруг кончится? А вдруг надо будет раны промывать?

— Еще чего не хватало! — закричал сверху попугай. — Если раны, то как бы небольшой!

— Сильвер Джонович, вы говорите неправду. Вы испортили репутацию нашего солидного института. А что, если о вашем поведении узнают не только здесь и сегодня, но там и сто лет назад?

— А разве мальчик Аркаша кому-нибудь расскажет? — Старый пират изобразил сладчайшую улыбку, полез в ящик стола и достал оттуда конфету «Мишка на севере», сдул с нее пыль и протянул Аркаше. — Мальчик, — сказал пират, — там, где ты будешь, конфет не дают. Так что бери и иди.

Аркаша так растерялся, что взял конфету и пошел следом за Ричардом, который помчался по коридору.

Ричард шел все быстрее, Аркаша тоже шел все быстрее.

Ричард повернул вправо, влетел в открытую дверь, и когда Аркаша тоже нырнул в открытую дверь, Ричард уже сидел за столом и читал письма и телеграммы на дисплее.

— Садись, — сказал он Аркаше, — потерпи немного.

Аркаша сидел и терпел.

В кабинете Ричарда Темпеста царил сказочный, невероятный беспорядок. Книги и кассеты, всевозможные трофеи из прошлого, а также предметы, которые могут там, в прошлом, пригодиться, бумаги, ленты, запчасти к всевозмож-

ным приборам, — впрочем, разве разберешься в таком беспорядке? Когда-то новый робот-уборщик решил это сделать. Он разобрал все вещи, положил большие к большим, квадратные к квадратным, а длинные к длинным. В результате Ричард не смог найти у себя в кабинете ровным счетом ничего и чуть было не разобрал несчастного робота на винтики.

Вдруг Ричард спросил:

— Принцип путешествия во времени проходили?

— Нет.

— Тогда слушай. Путешествие во времени возможно и допустимо. Но только в прошлое. Почему?

— Не знаю, — честно признался Аркаша. — Мне когда-то бабушка рассказывала, но постольку-поскольку я был тогда еще ребенком, то я забыл.

Аркаша лукавил. Он все помнил, и ему не требовалось никакой бабушки, чтобы запомнить, каким бывает путешествие во времени, но ему хотелось, чтобы Ричард все рассказал еще раз. Все-таки он специалист, старший научный сотрудник Института времени Академии наук, настоящий временщик.

— Время — это мир, — сказал Ричард. Он любил рассказывать о своей профессии, был бы слушатель. — Но как и мир, оно разделено на то, что у нас под ногами, и то, что у нас над головой. Мы как кораблики, лодочки, которые плавают по морю. Ясно?

— Конечно, ясно.

— Ты можешь нырнуть в море?

— Могу.

— Правильно. Ведь под тобой вода, вот ты в нее и ныряешь. Море — это время, которое уже прошло, оно уже было. Из чего состоит время?

— Из минут, — ответил Аркаша, — из дней, часов, секунд.

— Ты не прав, — улыбнулся Ричард. — Часы и секунды — это условные слова, которые придумали люди. Время не может состоять из выдумки. Время состоит из событий. Вот мы с тобой разговариваем, а в это время наш вахтер,

бывший пират, Сильвер Джонович пьет ром или ссорится со своим попугаем, а на улице идет дождь со снегом, а на соседней улице строят новый дом... во всем мире случается множество событий. Из них и состоит время. Оно наполнено событиями, и когда пройдет этот час, то все события, которые за него случились, станут водой, смешаются с остальным океаном, и он станет чуть-чуть глубже. Ты понял?

— Понял.

— Значит, если мы нырнем в океан, то окажемся в прошлом, в воде вчерашних событий. И чем глубже нырнем, тем давнее будет время. А это значит... ну!

— Не знаю, что вы имеете в виду, — сказал Аркаша. Он представлял себе громадный синий океан, который наполнен вчерашними или давними событиями, они похожи на медуз, полупрозрачные, шевелятся, стараются подняться к солнцу, а может, даже поедают друг дружку.

— А это значит, что машина времени может работать только из настоящего в прошлое.

— Почему? — спросил Аркаша.

— Потому что в океан ты можешь нырнуть, а как ты взлетишь в небо?

— Как птицы, — сказал Аркаша, — на крыльях.

— Ошибка, мой друг, — сказал Ричард. — У нас с тобой, к сожалению, нет крыльев. И мы не можем подняться в пустоту. Ну подумай, мой юный друг, если прошлое состоит из разных дел и событий, которые уже случились, то из чего состоит будущее? Молчишь? Ну и правильно делаешь. Потому что будущего еще нет. Оно еще не случилось. И нам с тобой некуда путешествовать. Теперь ты понял?

Аркаша не успел ответить, потому что в открытую дверь влетел попугай и закричал:

— Позоррр! Дедушку послали за водкой!

Аркаша не успел сообразить, что же случилось, как Ричард со страшными проклятиями вскочил из-за стола и умчался в коридор. Наступила тишина. На минуту. Потом вдалеке послышались возмущенные голоса. Отдельные слова и даже фразы можно было разобрать:

— Как можно! Старого человека!.. Мало вам рома... — Это голос Ричарда.

А вот голос Сильвера:

— Он сам хотел. Для растираний, только для растираний... если здесь меня не ценят, я могу уйти... меня ждут во многих местах! Космические пираты Крыс и Весельчак У предлагают мне место помощника капитана! Тогда держитесь... нет, я пошутил, не надо так на меня смотреть...

Голоса умолкли, и тут же послышались шаги. Ричард возвратился в комнату. Он был еще более взлохмачен, чем прежде.

— Никому нельзя довериться, — сказал он. — Он же клялся мне, что забыл о своем прошлом. И что бы вы подумали...

— Это он моего дедушку за водкой посылал? — догадался Аркаша.

— И клянется, что они выпили бутылку водки в кустах с твоим дедушкой.

— Но мой дедушка не пьет водки. Он даже пива не пьет. Он ненавидит даже крепкий чай! — сказал Аркаша.

Ричард тяжело вздохнул и снова уселся за стол.

— А теперь, — сказал он, — мы поговорим о твоей командировке. Что ты знаешь об истории жизни на Земле?

— Мы этого еще не проходили, — признался Аркаша.

— Тогда слушай!

Аркаша понял, что угадал правильно: Ричард очень любил рассказывать и даже читать лекции. Ему бы тысячу учеников и слушателей, он был бы счастлив.

— Жизнь на Земле возникла примерно четыре миллиарда лет назад. До сих пор среди ученых нет единого мнения, как это произошло. Некоторые думают, что из космоса были занесены споры, другие полагают, что одноклеточные организмы возникли из белков и аминокислот. Но сейчас нам важнее посмотреть, что происходило потом. В теплых мелких морях первобытной Земли сначала зародились простейшие организмы, вроде амеб, потом они становились все сложнее, пока не появились рыбы, медузы и другие морские жители.

Аркаше все это было, конечно, известно, но как хорошо воспитанный мальчик он слушал Ричарда не перебивая и ждал, когда тот перейдет к делу. Но Ричард, оказывается, думал совсем о другом.

— Ты, пожалуйста, только не смейся, — сказал он, — но я решил, что историю Земли лучше всего рассказывать в стихах. Вот я и написал небольшую поэму. Это педагогическая поэма. Ты будешь ее слушать, и перед твоим внутренним взором пройдут яркие картины прошлого. Хорошо?

Аркаша ожидал всего, что угодно, только не поэмы.

— Когда я был юношей, — продолжил Ричард, — я влюбился в девочку Мальвину. Но она сказала мне, что уже дружит с другим мальчиком, потому что он умеет писать стихи. «Как так?! — воскликнул я. — Ведь я учусь лучше, чем Вася, я прыгаю в высоту на десять сантиметров выше, чем он, я имею третий разряд по шахматам, и ты дружишь с ним из-за того, что он может поставить рядом слова «кровь» и «любовь»? Да это каждый сможет!» — «А ты попробуй», — сказала Мальвина.

Я просидел двенадцать ночей, получил шесть двоек, потому что мне некогда было учиться, я измучил компьютер, потому что все стихи, которые я придумал, уже были кем-то написаны раньше. Меня подвела хорошая память. Стоило мне написать «Я встретил вас и все былое...» или «Средь шумного бала, случайно, в тревоге мирской суеты...» или даже «Я люблю тебя, жизнь, и надеюсь, что это взаимно!», а потом спросить у компьютера, не встречал ли он раньше этих строк, он сразу отвечал мне: «Пушкин это написал, Лермонтов это написал...» Тогда я полетел в деревню, там отыскал на птичьем дворе гусиные перья, заточил их и стал писать перьями на бумаге...

— Перьями? Как Пушкин? — удивился Аркаша.

— Это мне тоже не помогло, — признался Ричард. — И я оставил поэзию на пятнадцать лет. А вот в прошлом году снова взялся за гусиное перо...

— Снова влюбились? — спросил Аркаша.

— Нет, я понял, что история Земли — это тема для великой поэмы! Если я смогу передать моим ученикам и друзьям

свои чувства, то они будут отправляться в прошлое как донкихоты. Хочешь послушать историю Земли в стихах?

— Разумеется, очень хочу, — сказал Аркаша. — Просто мечтаю. Если, конечно, ваша поэма не очень длинная.

— Ну как так можно ставить вопрос! Длина произведения не зависит... то есть значение поэмы не зависит от длины!

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Аркаша. — Я сам читал некоторые очень длинные стихотворения, но они мне понравились.

Ричард посмотрел на Аркашу, склонив курчавую голову, и вдруг сказал:

— Знаешь, Сапожков, иногда мне кажется, что ты куда умнее, чем хочешь меня убедить.

— Ни в коем случае! — ответил Аркаша. — Я не очень умный, но хорошо учусь.

— Эту фразу, — сказал Ричард, — надо выложить золотом над Академией наук. Ну хорошо, начнем заниматься поэзией.

Ричард поднялся из-за стола, вышел на середину комнаты, встал перед стулом, на котором сидел Аркаша, и поднял руку. Потом откашлялся. Потом покраснел. Судя по всему, великий научный сотрудник, доктор наук, жутко стеснялся одного пятиклассника.

Когда-то давно,
Так сказать, на заре мироздания,
А может, давнее, в начале первичных времен,
Земля по Вселенной
Летела ужасно пустая
И голая, словно
Арбуз или даже лимон.

Ричард печально вздохнул и завершил стихотворение так:

...Ни гор, ни заливов, ни четких границ или стран.
Куда ни посмотришь — лишь мелкий парной океан.

Ричард замолчал. Аркаша тоже молчал, он не знал: надо ли хвалить эти стихи или Ричард будет читать дальше? Ричард подождал-подождал, потом спросил:

— Можно дальше читать? Так сказать, вторую главу?

— Конечно! — обрадовался Аркаша. — Я жду.

— Брраво! Брраво! — закричал со шкафа попугай.

Ричард продолжал:

Летая вот так, миллиарды недель и столетий,
Само совершенство, а значит, несчастная очень
Взмолилась Земля,
Упросила космический ветер,
Чтоб он постарался
Хотя бы немножко помочь ей.
И ветер послушно понесся в глубины Вселенной,
На поиски жизни, для нашей планеты безвредной.
Чтоб мелкой, послушной, не очень кусачей была:
Ведь наша невеста полжизни одна провела!

Голос Ричарда окреп; он читал стихи, подняв к потолку правую руку, как юный Пушкин. Они даже похожи были с Пушкиным. Его голос звенел:

Космический ветер
Микробов принес, инфузорий
И даже амеб,
Очень схожих по форме с фасолью,
Глупейших простейших
И просто простейших простейших,
Размером в микрон
Или в тысячу раз его меньше.
И все эти твари —
Красавцы, а чаще уроды —
Мгновенно ушли в глубину, в малосольные воды.

Чем дальше читал Ричард, тем больше поэма нравилась Аркаше. Хоть он сам раньше стихов не писал и учить наизусть их не любил, сейчас он подумал, что не мешало бы кое-что запомнить.

А Ричард между тем продолжал:

Века миновали.
И были они знамениты
Тем, что инфузории выросли до трилобитов
В подводных долинах,
В пещерах и даже на скалах
Плодились трепанги, акулы, кораллы, кальмары...
Медузы, омары и рыбы различных размеров

В рассоле водились,
В условиях самых тепличных,
Пока в океане им тесно и душно не стало...
Там скаты парили,

Как стеганые одеяла,
На них, как подушки,
Лежали витые ракушки,
А звезды блестели,
Как серьги в ушах у подружки.
Над ними неспешно скользили морские коньки,
Как будто по льду,
Натянувши на хвостик коньки...

Ричард перевел дух и спросил Аркашу:

— Хочешь чаю? Или кофе?

— Спасибо, лимонаду, — сказал Аркаша.

Ричард нажал кнопку, из стены выехала полочка, на которой стоял бокал лимонада и чашечка с кофе, над которой поднимался душистый пар.

— Сейчас начнется самое главное, — сказал Ричард. — Я попытался показать в стихотворной форме процесс переселения живых существ на сушу. Тебе не надоело?

— Ни в коем случае! — ответил Аркаша, маленькими глотками отхлебывая холодный игристый лимонад. — Продолжайте!

Ричард подумал, вспоминая, и заговорил вновь:

Неглупая рыба,
Которую звали тортилла,
Четыре ноги и две крышки себе отрастила
И вышла на берег.
Ей следом кричат: «Не спеши!»
Она отвечает:
«Как мило, что здесь ни души».
Та рыба тортилла по пляжу гуляла без страха.
С тех пор мы с тобой называем ее черепахой.
Вот так началось берегов и полей заселение.
Была пустота,
А теперь здесь живет население.
Живет и растет
Под кустарником или под пальмами,
В тени баобаба места себе выкроив спальные.

Там был червячок,
По размеру совсем пустячок.
Теперь динозавр встречает тебя горячо.
Его не дразни, не побей, не задень, не серди ты.

А то наступил —
Вот и нету тебя, троглодита!
Летит птеродактиль:
Уступит он туче едва ли.
Такие страшилки — скорей бы они вымирали!..

Ричард замолчал, допил кофе, потом сказал:

— Остался последний раздел. И он самый важный для наших с тобой исследований. Слушай:

Не знаем причин,
Не имеем об этом преданий.
В конце мезозоя надвинулось похолодание
И насморк косил бронтозавров,
И бил их бронхит
За все их грехи.
Но какие у тварей грехи?
Леса опустели — как следствие этого мора,
А в них расплодились
Поганки и мухоморы.
Но некому было ходить в те века по грибы.
Опята поднялись повыше фабричной трубы...

Ричард замолк.

Молчание было долгим и тяжелым.

Его нарушил попугай.

— Птичку жалко! — проскрипел он со шкафа.

— Хорошие стихи, — сказала Аркаша. — Большое вам спасибо, что вы их прочитали. Я давно ничего такого задушевного не слышал.

— А с точки зрения обучения? — спросил Ричард. — Тебе помогла моя поэма увидеть мир динозавров?

— Конечно, — уверенно ответил Аркаша. — Я запомнил, что моря в древности были мелкими и теплыми, что сначала жизнь развивалась в море, а потом некоторые рыбы вылезли на сушу. Я запомнил, что летающего динозавра называли птеродактилем, а самого большого — бронтозавром. А эпоха, в которую я отправляюсь, называется мезозоем.

— Молодец! — воскликнул Ричард. — У меня еще не было такого умного и воспитанного практиканта, который так хорошо разбирается в поэзии! Теперь иди в просмотровый зал, и тебе покажут всех основных обитателей средней эпохи — мезозоя, а точнее, ее конца — мелового периода. Он закончился шестьдесят пять миллионов лет назад. Именно тогда и вымерли все динозавры, которые более ста миллионов лет господствовали на нашей с тобой планете. Иди, мой юный друг, наука надеется на тебя!

— Спасибо, — сказал Аркаша. — Но мне интересно: есть ли у вашей поэмы продолжение?

— Ах, ты меня удивляешь! — смутился Ричард. — Кое-что я, конечно, написал, но, честно скажу, никому не показывал. Я стесняюсь.

— А зррря! — прокричал попугай. — Дай нарроду стихи!

— Вот видите, — сказал Аркаша, — и другие хотят послушать.

— Попугай тоже меня удивляет, — признался Ричард. — Казалось бы, что ему стихи? Птица приблудная, прилетел неизвестно откуда.

— От верррблюда! — закричал попугай. — Полундррра!

— Ну хорошо, — сказал тогда Ричард. — Оставим поэзию. Теперь, когда ты просмотришь видеоматериалы, наш кинооператор научит тебя управляться с мини-камерой — ведь ты будешь снимать кино.

— Настоящее кино?

— Разумеется. Неужели тебе не понятно, что любой опыт, любое путешествие имеют смысл, только если ты сохранил документы? Так что мы ждем фильмов от всех наших практикантов. За практику вы все получите отметки, а за фильм — отдельно. И если фильм удастся, то мы его пошлем на фестиваль документальных фильмов, и ты можешь стать лауреатом.

Аркаша ничего не сказал, но конечно же ему захотелось снять документальный фильм лучше всех. Но он не Пашка Гераскин, который сразу же начал бы хвастаться. Аркаша сначала делает, а потом уж смотрит — получилось или нет.

Глава пятая

СПУТНИК ШПИГЛИ

Весь день ушел на подготовку к путешествию. Домой Аркаша вернулся только к вечеру, в темноте. Мороз усилился, выпал снежок, под фонарями он блестел и пускал искорки. Малыши везли за собой санки — на них снова пошла мода, как и на коньки. И на катке на Чистых прудах было не протолкнуться. Сквозь снежные хлопья пробивался вальс, и некоторые конькобежцы, постарше, танцевали под эту музыку.

Как раз у катка Аркашу и встретил дедушка. Он делал вид, что только что вышел погулять с собачкой, но собачка Пьеро давно уже замерзла и даже поджимала лапки. Не привыкло животное гулять так подолгу.

— Ты уже домой идешь? — Дедушка шмыгнул носом, делая вид, что только что вышел на улицу.

— Пошли домой, — сказал Аркаша. — Простудишься. Ведь погода не для пожилых людей.

— Я не очень пожилой, — сказал дедушка. — Я еще в волейбол играю.

Они пошли домой, и дедушка стал расспрашивать Аркашу, что интересного он узнал.

Аркаша вспомнил поэму Ричарда и прочел ее дедушке. Дедушке поэма не очень понравилась.

— Надеюсь, — сказал он, — директор твоей школы запретит эти глупые поездки детей к динозаврам.

— У нас умный директор, — ответил Аркаша, который испугался, что дедушка начнет принимать меры и запрещать практику. — И не мечтай, дедуля, оставить меня дома. Ты опозоришь меня перед товарищами, и тогда мне придется уйти из школы, и никто не подаст мне руки.

— А ты им скажешь, что дедушка виноват, — последовал ответ. — Пускай меня все презирают. Зато ты останешься жив и здоров.

— Дедушка, — спросил Аркаша, — а до какого возраста ты будешь держать меня в вате?

— Никто не держит тебя в вате! — обиделся дедушке. —

Я же не мешаю тебе летать на планету Пенелопа. Я не возражаю, когда ты выводишь жирафов или занимаешься другими рискованными опытами. Но динозавры — это слишком!

— Тогда, дорогой дедушка, — сказал Аркаша, — мне придется с тобой попрощаться. Я ухожу из дома. И меняю фамилию. Мне стыдно быть Сапожковым. Я стану Ботинкиным.

Собачка Пьеро залаяла от ужаса, она ведь была старенькая и трусливая, а дедушка сказал:

— Сейчас я лишусь чувств. Ты можешь сразу вызывать «Скорую помощь».

Но на самом деле дедушка чувств не потерял, потому что в последний раз упал в обморок в пятилетнем возрасте, когда ему не досталось сливового варенья, и с тех пор забыл, как это делается.

Аркаша шел домой и думал, как хорошо быть сиротой!

Может быть, такая мысль посещала и тебя, уважаемый читатель? Мне она знакома.

Но обычно мы только начинаем рассуждать на эту тему, а потом вдруг вспоминаем, что нас кому-то надо кормить, одевать, пришивать нам пуговицы и даже отвозить на каникулы в Крым к бабушке Соне.

Но самые дурные предчувствия Аркаши оправдались дома.

Все там, от бабушки до сестренок и собачки Пьеро, уговаривали его не ездить к страшным динозаврам, а вместо этого пойти в зоопарк или даже в цирк.

Но Аркаша был тверд как скала. Ведь это его школа, его практика, его дела — когда-то человеку пора становиться взрослым, а родные Аркаши никак не могли смириться с тем, что он уже почти мужчина. Еще немножко — и он даже женится. Посмотрим, как вы тогда попрыгаете, дорогие родственники!

Так что Аркаша, как скала, выдержал все уговоры, угрозы и нападки, а потом улегся спать и спал без снов и страхов, потому что если ты вырос в семье Сапожковых, тебе не страшны никакие динозавры. И в меловом периоде мезозойской эры ты будешь как дома.

Утром Аркаша сразу провидеофонил Алисе, спросил, как дела.

Алиса сказала, что собирается в школу и еще не решила, куда отправится на практику.

— А я сегодня улетаю к динозаврам, — сказал Аркаша. — До свидания.

— Осторожнее, — сказала Алиса. — Смотри наверх.

— Почему наверх?

— Чтобы на тебя сверху кто-нибудь не наступил.

Попрощавшись с Алисой, Аркаша поспешил в Институт времени.

Там все было по-прежнему, только старый пират спал на раскладушке. Недопитая бутылка стояла на полу. За столом вместо него сидел очень красивый робот Вертер, с которым Аркаша был знаком по старым приключениям.

Робот и провел Аркашу в зал подготовки.

Там его ждали диагносты, которые проверили его здоровье, а затем проводили в следующий зал, где оператор показал Аркаше кинокамеру. Пришли портные и сапожники — для Аркаши уже были готовы куртка и брюки зеленого цвета, чешуйчатые, облегающие и очень скользкие. Портные объяснили, что в этой одежде Аркаша не будет выделяться среди динозавров.

Наконец Аркашу отправили в зал, где его ждал Ричард.

— Привет, — сказал Ричард. — Хочу тебя познакомить с твоим помощником.

— С помощником? — удивился Аркаша. — А я думал, что лечу в меловой период один.

— Это не человек, — объяснил Ричард. — Это обслуживающее устройство — сразу и справочник, и подсказчик, и охранник, и верный помощник.

Он открыл сейф и вытащил оттуда пушистую меховую полоску шириной в два пальца.

— Протяни вперед руку. Вот так. — Ричард обернул запястье Аркаши пушистой полоской — она была теплой и мягкой. И сразу охватила руку, будто теплыми пальцами.

— Это твой помощник, — сказал Ричард. — Таких приборов во всей Галактике — раз-два и обчелся. Мы их выдаем

только тем сотрудникам, которые отправляются в очень далекие и опасные путешествия.

— Это прибор? — удивился Аркаша.

Руке было тепло и уютно.

— Это не совсем прибор. Вернее, совсем не прибор. Это разумное существо.

— Вот именно! — прозвучал в мозгу Аркаши незнакомый ворчливый голосок. — Я не прибор, и попрошу меня не оскорблять.

— Телепатия? — удивился Аркаша.

— Называй как хочешь, — раздался внутренний голос. — Я свои деньги зарабатываю честно.

— Может, объясните? — спросил Аркаша.

— Я объясню, — сказал Ричард. — Спигли — существо разумное, но не живое.

— Во-первых, Шпигли, а не Спигли, — прозвучало у Аркаши в голове, — а во-вторых, что это значит — не живое существо? Я живее всех живых!

— Шпигли, — сказал Ричард, — это компьютер, который разработали специально для императрицы Соод из империи Тревокладов, которая не выносит ничего твердого, железного и даже пластикового.

— Почему?

— Потому что в юности на нее столько раз покушались — стреляли, кололи кинжалами, роняли на нее бетонные плиты, пытались отрубить голову, — что она, когда пришла к власти, запретила на своей планете даже сухари, не говоря уж о палках. С тех пор там ходят пешком, потому что никому еще не удавалось придумать мягкого двигателя. Но мягкий компьютер ей придумали. Это белковый биокомпьютер, на нем растет шерсть, и раз в году он делится на две половинки и таким образом размножается.

— Если я размножаюсь, значит, я существую, — сказал Шпигли.

— Императрица Соод страдает провалами памяти, — продолжал Ричард. — Но не хочет, чтобы об этом кто-то догадался. Так что ее мягкий компьютер Шпигли овладел телепатией и может говорить беззвучно — его голос раздается

прямо в мозгу хозяина. А хозяин его тот, кто надел Шпигли себе на руку.

— Я не компьютер, — сказал Шпигли. — Я лучший в мире подсказчик.

Аркаше было странно слышать беззвучный голос браслета. Но человек ко всему привыкает.

— Так как Шпигли размножается, то императрица стала ими торговать. Она не хотела, конечно, чтобы у кого-то еще в ее империи появились свои Шпигли. Поэтому, как только отпочкуется новый браслетик, она вызывает свое доверенное лицо Лиандру Восс и та выходит на связь с Интергалактической полицией. Агент полиции тут же летит на связь с Лиандрой Восс и получает от нее прибор.

— Нет, не прибор, а существо — страдающее, одинокое, никому не нужное существо, — сказал Шпигли.

— Наверное, теперь их уже много, если каждый двоится, — сказал Аркаша.

— О нет, мы так мало живем, мы такие хрупкие и незащищенные, — беззвучно ответил Шпигли. — Вернее всего, мы скоро вымрем, и во Вселенной не останется самых умных, самых добрых и чутких представителей нашего племени.

— Они в самом деле очень редкие и таинственные, — сказал Ричард, — иначе бы ты о них слышал. Надеюсь, что вы подружитесь.

— Но зачем мне нужен... — Аркаша спохватился, что браслетик может обидеться, и поправил себя: — Зачем нам путешествовать вместе?

— Ты отправляешься в очень дикое время. Если что случится, тебя и танки не спасут.

— А я спасу, я не раз уже спасал глупых мальчишек и девчонок, — беззвучно произнес Шпигли.

— Наш друг прав, — сказал Ричард. — Ему доступны мысли и намерения всех живых существ.

— А разве у динозавров есть мысли? — спросил Аркаша.

— У них не такие сложные мысли, как у тебя, — ответил Ричард, — но мысли наверняка есть.

— Например, у них всегда есть мысль, как бы сожрать

этого мальчишку, — вмешался в разговор Шпигли и засмеялся тонким голоском.

— Шпигли прав, — вздохнул Ричард. — Может быть, тебе лучше отказаться от этого путешествия? Мы тебе подыщем тайну поближе и поспокойнее. Например, кто построил Эйфелеву башню? Кстати, кто?

— Ну этот, — отмахнулся Аркаша. — Я знаю. Я только на минутку забыл.

Шпигли хохотал так, что у Аркаши рука дрожала.

— Ее построил тот же самый мужик, — завизжал браслет, — кто построил Суэцкий канал.

Тут Аркаше стало очень стыдно.

— Простите, — сказал он, — я думал, что Эйфелеву башню построил Эйфель, а Суэцкий канал — Суэц.

Тут уж Ричард со Шпигли не могли остановиться — они хохотали минут пять.

Аркаша стоял мрачный, ему даже улыбаться не хотелось. Конечно, будь на его месте Пашка Гераскин, он бы нашелся что сказать. А тут стоишь дурак дураком.

Отсмеявшись, Ричард сказал:

— Теперь я убежден в том, что тебе по плечу тайна динозавров. Ну как, не отказываешься?

— Вы лучше скажите мне, кто построил Эйфелеву башню... ой нет! Кто построил Суэцкий канал?

— Его построил инженер Лессепс в середине девятнадцатого века, — прошелестел Шпигли. — И еще он потом попытался построить Панамский канал, но получилась крупная афера, известная в истории под названием «Панама». Лопнула лавочка!

— Не может быть, чтобы вы все это знали! — воскликнул Аркаша.

— Это не я знаю! — ответил браслет. — Это знает твой друг Ричард Темпест, а я просто заглядываю к нему в мысли.

— Теперь ты веришь, что Шпигли тебе понадобится? — спросил Ричард.

— Верю, — кивнул Аркаша.

— Но я еще не согласился, — вмешался в разговор

Шпигли. — Я не намерен рисковать своей шкуркой бесплатно. Я ставлю условие.

Аркаша стоял, переводя взгляд с собственной руки, которую обхватил Шпигли, на Ричарда. Ему еще не приходилось попадать в такую фантастическую ситуацию: на его запястье браслет, который вовсе не браслет, а существо, которое вовсе не существо. И оно разговаривает без голоса — мысленно — с сотрудником Института времени, который этому не удивляется.

— Знаю я твое условие, — ответил Ричард, — Ну нет у нас сейчас для тебя друга и товарища. Как только достанем другого Шпигли, мы вас сразу познакомим.

— Ну ладно, — смилостивился тогда браслет. — Должен сказать, что вы, люди, теряете массу лишнего времени на пустые разговоры. В конце концов, мы идем в мезозойскую эру или не идем?

— Пошли, — сказал Ричард.

Снаружи, в коридоре, их ждал робот Вертер.

— Не обращай внимания, — сказал Ричард. — Вертер считает, что наш институт надо как следует охранять. Сюда могут забраться космические пираты или какие-нибудь разбойники.

— Очень мы их испугались! — возмутился браслет.

— Вот по-я-вят-ся, тог-да ис-пу-га-ешь-ся, — сказал Вертер.

— Как там наш старик Сильвер? — спросил Ричард.

— Вер-нул-ся в се-бя и при-сту-пил, — ответил Вертер.

Аркаша вошел в зал, где стояла машина времени.

Она была совсем не похожа на машину.

Небольшая круглая платформа с полметра высотой находилась в центре необычного зала. Казалось, будто они вошли внутрь колоссального мыльного пузыря, который приклеился к полу. А вы знаете, что если мыльный пузырь приклеится к полу, то останется только его верхняя половинка.

Внутри мыльного пузыря было светло, по стенам переливались радужные полосы, а в центре на небольшой круглой платформе стоял стеклянный стакан выше человека ростом. В нем находился небольшой пульт на ножке с несколькими квадратными кнопками. Вот и все.

— Ну, иди, — сказал Ричард. — В случае чего, мы тебя оттуда вытащим. Но не забывай ни на секунду — это не игра. Ты будешь жить в самой настоящей древнейшей мезозойской эре, вокруг тебя будут находиться самые настоящие чудовища.

— Не пугайте ребенка, — мысленно произнес Шпигли. — А то его дедушка закроет ваш институт.

— Я пошел, хорошо? — спросил Аркаша, которому уже надоели разговоры. Все эти взрослые полагали, что имеют дело с мальчонкой-несмышленышем. Но он же не какой-нибудь глупый ребенок двадцатого века! Он живет в космическую эру, он уже навидался всяких чудес и пережил немало приключений. Так что мы и в мезозойской эре не пропадем. Только нам, детям, приходится куда труднее, чем взрослым. Когда они отправляются в поход, никто не виснет на них как гири — ни дедушки, ни мамы. А здесь тебе приходится одновременно бороться с динозавром и с любимой бабушкой Соней.

Рассуждая так, Аркаша пошел к возвышению. Когда он вступил на него, прозрачная дверь машины времени закрылась.

— Нажми на зеленую кнопку, — послышался голос Ричарда.

— Только не сильно, — подсказал Шпигли. — Приложи меня к кнопке.

Аркаша послушался.

И тут же стенки машины времени стали мутнеть, словно на них плеснули молоком.

Из пульта поднялись белые поручни.

— Держись крепче! — приказал Шпигли. — Не ушиби меня.

Все вокруг завертелось, понеслось, будто Аркаша пикировал в густых облаках.

Он крепко держался за поручни и старался не бояться. Хотя было страшновато.

Внезапно все прекратилось. Он стоял у пульта, в кабине, словно никуда и не двинулся. Муть рассеивалась, и за стеклом была темнота.

— Я тоже немного испугался, — сказал Шпигли. — Казалось бы, чего бояться?

Аркаша был благодарен браслету за то, что тот не стал смеяться над страхами своего спутника.

Дверь машины времени отъехала в сторону, и воцарилась полная тьма. Аркаша даже зажмурился. Он хотел спросить Шпигли, что ему делать дальше, но не успел, потому что тот сам сказал:

— Смотри под ноги, герой.

Аркаша посмотрел под ноги и увидел, что от машины времени в темноту уходит цепочка светящихся пунктиров — как разделительная полоса на шоссе. Аркаша догадался, что по ним и надо идти.

— Голову можешь не нагибать, — сказал Шпигли, — потолок высокий.

— А где мы? — спросил Аркаша.

— В пещере. Где же еще? В прошлом все машины мы стараемся ставить в пещерах, которые сохранились до наших дней. Это надежнее, чем оставлять их снаружи. А то уже бывали несчастные случаи. Нам приходилось специальные спасательные экспедиции посылать.

— Вы так странно говорите, — сказал Аркаша, — как будто давно работаете в институте.

— А чего тут удивительного! Конечно, я работаю, а не бездельничаю, как твой любимец пират Сильвер. Или какаду ободранный. Я все время в экспедициях. Причем мне несладко приходится. Кстати, я пишу кандидатскую диссертацию.

— Какую? — спросил Аркаша.

— Не смей смеяться!

— Я и не думал.

— Еще как думал. Для того я и читаю мысли, чтобы знать, кто смеется, а кто притворяется. А ты сейчас надо мной смеялся.

— А на какую тему вы пишете диссертацию? — спросил Аркаша, чтобы сменить тему разговора.

— О глупых суевериях гомо сапиенс. Ты когда-нибудь слышал о гомо сапиенс?

— Слышал. Это разумные люди. Это я.

— Вот вас я и изучаю. Что мне остается делать, если ног у меня нет, зато я могу заглянуть в ваши извилистые мозги.

Тут разговор прекратился, потому что впереди показалось круглое пятно света. Пещера кончилась. Они вышли на свободное место.

Аркаша подумал: «Какой ужас! Если этот браслетик будет все время разговаривать, я никогда не смогу изучить прошлое! Я даже динозавров не увижу».

Но Аркаша опять выпустил из памяти, что его браслет все понимает и пасется в его голове, как овца на зеленом лугу.

И ответ Шпигли не заставил себя долго ждать:

— Я могу и вообще замолчать. Я буду молчать даже тогда, когда ты будешь меня умолять: дорогой Шпиглик, скажи, пожалуйста, что думает обо мне вон тот динозавр! А я буду молчать, как партизан на допросе. Вот с этого момента я молчу. Молчу, и ни слова! Считай, что ты остался совершенно один. И мучайся теперь от одиночества...

— Я согласен! — закричал Аркаша. — Я согласен мучиться от одиночества и остаться совершенно один. Я согласен!

— Вот и оставайся, — сказал браслет. — Некоторые уже пробовали без меня здесь обойтись, но ответь мне, мой юный друг-практикант, где лежат их белые обглоданные пантерами косточки? Молчишь? Не знаешь или не хочешь сказать?

— Все, я догадался, — сказал Аркаша.

Он схватил браслет и потянул, чтобы расстегнуть. Но тот вцепился, вклеился, присосался к запястью и не желал отделяться от хозяина.

— Как ты смеешь! — беззвучно кричал он. Но от этого беззвучия у Аркаши голова раскалывалась.

— Послушайте, Шпигли, — сказал он. — Если вы не перестанете болтать, я вернусь обратно.

— Ты не имеешь права!

— Постольку-поскольку вас на меня надели как помощника, — строго сказал Аркаша, — вряд ли Ричард вас будет поддерживать. А я имею право командовать.

— Ах ты, генерал нашелся! Академик! — проворчал Шпигли. — Посмотрим, как ты заговоришь, когда за тобой

трицератопс погонится. Или археоптерикс тебя клюнет в темечко.

Шпигли так увлекся собственной речью, что ослабил хватку, и Аркаше удалось снять его с руки и кинуть на пол.

Глава шестая

НАСТОЯЩИЕ ДИНОЗАВРЫ!

Аркаша стоял на склоне горы, за его спиной поднимался высокий отвесный обрыв. Вход в пещеру скрывался за могучими кустами папоротников, выше человека ростом.

Воздух был жарким и влажным, лучи солнца едва пробивались сквозь туман. В нем таяли деревья и долина внизу. Было тихо, только жужжали комары.

Ах! Один комар укусил Аркашу в шею. Еще чего не хватало! Неужели они уже появились в мезозойскую эру? Что же он теперь, должен их терпеть?

— Аркадий! — прошуршало в мозгу. — Аркадий! Сапожков! Откликнись!

— Ну что вам еще надо?

— Аркадий, вернись, я пригожусь тебе!

— Нет уж, — ответил Аркадий.

Он говорил вслух, ему надоели эти телепатические перешептывания.

— Нет уж, — повторил он. — Обойдусь без вас.

— Но я боюсь темноты! — ответил прибор.

— Сказки, — сказал Аркаша. — Ничего не случится. Когда вернусь обратно, я захвачу вас в Институт времени.

— О нет! — возопил Шпигли. — Они же меня уволят! Как могло случиться, что я попался на жалкую уловку какого-то мальчишки? Они мне не разрешат защитить диссертацию! Моя карьера погублена.

«Ох уж этот помощник, — подумал Аркаша, отойдя за угол скалы, чтобы его мысли не доносились до Шпигли. — Думает только о себе, о своей диссертации».

На душе у Аркадия было легко. Если бы не комары, он был бы совершенно счастлив. Он вспомнил, как в детстве читал сказку про Синдбада Морехода. В той сказке какой-то

злой карлик сел верхом на морехода и таскался на нем, не слезая даже ночью. И приходилось его кормить и развлекать. Так и с этим надоедливым Шпигли. Но постольку-поскольку...

Откуда-то принесся ветерок, он разогнал туман. Перед Аркашей открылась обширная, покрытая травой долина с редкими купами деревьев. По ней протекала медленная речушка, заросшая по берегам тростником и хвощами, похожими на солдатиков. Недалеко от холма речушка вливалась в болото, и вот в этом болоте Аркаша впервые увидел жителей мезозойской эры.

Издали трудно угадать, большой или маленький предмет перед тобой. Нужен масштаб. То есть что-то должно быть рядом для сравнения.

А здесь все растения были незнакомыми, и не поймешь — вон то могучее на вид дерево достает до облаков или только до пояса?

И болото там, внизу, обширное, не переплывешь, или только большая лужа?

Аркаша смотрел на животных, которые пришли к болоту на водопой, как будто рассматривал картинки в справочнике. Ведь у него хорошая память, и он их всех помнил.

Вот бредет по болоту, по колени в воде, вытянув длинные шеи, стадо диплодоков. Таких динозавров чаще всего рисуют в детских книжках или снимают в кино — это медленные громады, длиной в поезд, высотой в пятиэтажный дом, их тело похоже на веретено. По одну сторону от туго обтянутого шкурой живота вытянута длиннющая шея, которая оканчивается маленькой головкой, по другую — такой же длины, похожий на шею хвост, который ничем не оканчивается. Шея и хвост друг дружку уравновешивают, так что динозавр не может ткнуться носом в грязь или сесть на хвост. Ногам такого диплодока приходится труднее всего — им же надо удержать на весу всю эту тушу. Аркаша попытался вспомнить, сколько весит диплодок и какого он размера. Длина двадцать метров, вес тридцать пять тонн... — эти цифры лежали в памяти, но ровным счетом ничего не говорили. Надо бы спуститься поближе, постоять рядом, снять на камеру, и тогда все станет понятно.

«Что же, — сказал сам себе Аркаша. — Нельзя терять времени понапрасну. Таинственные динозавры ждут нас. Если я буду тут прохлаждаться, они могут вымереть».

Аркаша направился вниз, раздвигая ветки кустов.

И вдруг кто-то ударил его по ноге.

Аркаша даже подпрыгнул от удивления.

Небольшой ящер, ростом всего по колено Аркаше, тоже подпрыгнул и кинулся наутек. Знаете, на кого он был больше всего похож? На ощипанную курицу! Только ростом с гуся.

Этот хулиган, который кидается на людей, был ярко раскрашен зелеными и синими полосами, что было неспроста. Стоило динозаврику ускользнуть в кусты, он сразу исчез. Его окраска, такая яркая на открытом месте, стала сразу маскировкой.

Наверное, Аркаше надо было испугаться, но он рассудил, что вряд ли существо такого размера опасно для человека.

Успокоив себя, Аркаша сделал несколько шагов вниз и увидел, что ему перегородил дорогу еще один динозавр. И тоже небольшого роста. Динозавр сидел, опершись на толстый хвост, сложив на пузе лапки, — ну точный кенгуренок, только не пушистый, а блестящий. Особенно блестел у этого динозавра живот, желтый, покрытый крупной чешуей.

— А тебе чего надо? — спросил Аркаша.

Динозавр склонил голову. Голова была небольшая, с кулак. Потом динозавр улыбнулся. А может быть, оскалился. Зубки у него оказались маленькие, остренькие, а пасть — змеиная, довольно большая. Аркаша ничего не успел сказать этому наглому существу, так как в этот момент к нему на плечо опустилась стрекоза.

Ничего подобного Аркаша не видел. Он даже камеру не стал вынимать, чтобы не спугнуть эту невероятную красавицу. Размером стрекоза была с ворону, крылья у нее были широкие, радужные, перепончатые, в громадных шарах глаз — с вишню каждый — отражались небо, облака и сам Аркаша.

Открыв рот, Аркаша любовался прекрасным созданием, но недолго. Его созерцание грубо прервал динозаврик, си-

девший у него на пути. Он прыгнул, как кенгуру, ударил передними лапками и грудью Аркашу в плечо так, словно тот не был живым человеком и царем природы, и схватил в пасть прекрасную стрекозу.

Аркаша от этого удара сел на траву.

— Так мы не договаривались, — мрачно сказал он, — я не яблоня, а стрекоза не яблоко. Не забудь, что она может быть уже занесена в местную Красную книгу, а ты уничтожаешь редкую дичь. Понял?

Динозавр уселся и, помогая себе маленькими передними лапками, проталкивал стрекозу в открытую пасть. Он смотрел на Аркашу с удивлением: с чего этот незнакомый зверек читает мне нотации?

Сзади послышалось шуршание.

Аркаша обернулся.

К нему несся динозавр среднего медвежьего размера, он прыгал, ломая ветви, как будто увидел друга детства и спешил с ним обняться.

Это совсем не понравилось Аркаше. Он отпрыгнул с пути динозавра. У новенького было низкое массивное тело на коротких массивных ногах, он бежал переваливаясь, как медведь.

И тут Аркаша сделал свое самое первое открытие в мире динозавров: все эти чудища похожи на каких-то современных животных!! Может быть, кенгуру произошли от динозавров? И медведи тоже? Как Аркаше хотелось посоветоваться с умным человеком!

Пока он так думал, покрытый чешуей медведь с тяжелой короткой мордой со страшным ревом развернулся, чтобы напасть на Аркашу. Если верить книгам и фильмам, динозавры большей частью невероятные гиганты и охотятся друг за другом, а не за туристами и исследователями, которых просто не замечают. А они оказались весьма противными созданиями разных размеров.

Рассуждая так, Аркаша подумал, что, пожалуй, он зря расстался со Шпигли. Браслет мог помочь ему именно теперь.

«Давай-ка я поднимусь и возьму его», — подумал Аркаша.

Но сделать этого ему не удалось.

Потому что неподалеку от него медленно трусил мелкий динозавр чуть побольше кошки. Он был похож на бобра и не бежал, а прыгал, отталкиваясь хвостом.

В зубах этот динозавр держал рыжую тряпочку.

Может быть, Аркаша и не сообразил бы, кого тащит динозаврик, но тут до его мозга донесся отчаянный крик:

— Аркадий, прекрати это безобразие! Разве ты не видишь, что меня взяли в плен?! Неужели ты допустишь, чтобы твоего товарища растерзали какие-то пресмыкающиеся?

И пока Аркаша старался сообразить, что же происходит, его спутник принялся распевать детскую сказочную песенку, которую Аркаша, конечно же, давно забыл:

— Несет меня лиса в далекие леса, за высокие горы, в широкие просторы! Спасите меня скорей, да не вижу богатырей! Был у меня друг Аркадий, да в душу он мне нагадил!

— Хватит! — закричал Аркаша. — Животное, отдай мне ценный прибор!

Динозавр, услышав крик Аркаши, припустил еще быстрее, и конечно же Аркаше никогда бы не догнать похитителя Шпигли, если бы на пути этого негодяя не показался неожиданный спаситель.

Это тоже был динозавр. И Аркаша даже вспомнил, как он называется: пахицефалозавр.

В книжке о приключениях глупо перечислять имена динозавров. Ведь ученые называли их по-латыни, а латынь — это мертвый язык. На нем говорили жители древней Римской империи. Потом этот язык все забыли, а когда через пятьсот лет вспомнили, оказалось, что это уже не латынь, а итальянский язык. К тому времени римлянами себя называли внуки и правнуки тех варваров, которые когда-то пришли сюда, чтобы завоевать и грабить Рим и другие богатые города. Они перебили часть римлян, а другую сделали своими рабами. Понемногу все перемешались, и получились итальянцы. Но итальянцы — люди гордые, и потому они себя называют римлянами, хотя говорят совсем не на римском языке. А язык бывших римлян, то есть латынь, никуда не пропал. Ведь на нем были написаны все те законы, которыми пользуются в мире и сегодня, на нем первые врачи писали свои первые рецепты, а первые ученые давали названия откры-

тым ими зверям. Вот и пошло с тех пор: если ты считаешь себя настоящим ученым, то будь любезен, пользуйся древним языком — латынью, иначе твои коллеги сочтут тебя невеждой.

Поэтому всех динозавров ученые называли и до сих пор называют по-латыни.

А если перевести эти громозвучные и длиннющие названия на наш язык, то оказывается, они просто описывают динозавров. Вот, например, динозавр, который кинулся на похитителя Шпигли. Он называется пахицефалозавром. Запомнить невозможно! Только Аркаша с его памятью и трудолюбием мог запомнить и произнести это имя.

А что это значит в переводе?

«Завр» — означает «ящер». Все динозавры — ящеры. А «дино» — значит «ужасный». Динозавр — «ужасный ящер».

А кто такой пахицефалозавр? Это — «толстоголовый ящер».

Всего-навсего.

На голове этих ящеров выросли костяные купола, как будто солдатские каски. Толщины и крепости невероятной.

Сами-то ящеры невелики, с человека ростом, ну, иногда побольше, со слона, ну, иногда еще побольше, с троллейбус, но в мире динозавров это не размеры. Это так, мелочь пузатая, головастая.

И зубов у них больших нет, и лапы задние, как у птиц, но без страшных когтей, и ручки передние, как у людей, пятипалые. И раскраска пятнистая, как у камуфляжного костюма. Вот только костяная каска на голове, и потому этот динозавр ведет себя как баран сумасшедший. Чуть видит опасность или соперника, тут же наклоняет голову и несется вперед, как таран на крепостные ворота.

Ба-бах! — и противник с катушек долой!

Ба-бах! — и браслетик вылетел из зубов динозавра-похитителя и взлетел в воздух.

— Я лечу! Я несусь к звездам! — послышался в мозгу Аркаши голос Шпигли. — Может, я птица? Чего ж я летаю?

Аркаша совершил вратарский прыжок и, пробившись сквозь колючие ветки первобытной малины, скатился по

хвощам и настиг браслетик только в зарослях цветов. Цветы стояли густой стеной прямых стеблей, на которых покачивались огромные розовые соцветия, источавшие неприятный гнилой запах.

Аркаша схватил Шпигли и попытался выбраться из зарослей, но цветы прилипали к ногам и рукам, тянулись к нему, шуршали, шептались, и Аркаша чуть не потерял сознание от удушья, но его разбудил пронзительный голосок Шпигли:

— Ты с ума сошел? Так заснешь и уже никогда не проснешься! А что скажет твой несчастный дедушка? А что подумает о тебе твоя подруга Алиса Селезнева?

— А что... она... подумает? — с трудом спросил Аркаша.

— Она решит, что ты дезертир. Что тебе не хотелось учиться в школе и овладевать науками и ты трусливо сбежал в меловой период, чтобы купаться в теплых болотах.

— Чепуха, — возразил Аркаша и тут увидел, что на него глядит чудовище совершенно невероятного вида, которое, оказывается, пришло сюда полакомиться цветами.

Но разве такие чудовища могут лакомиться цветами?

— Еще как могут, — ответил Шпигли, который, разумеется, читал все мысли Аркаши. — Это чудовище называется центрозавром.

— Здравствуй, центрозавр, — вежливо сказал Аркаша.

Больше всего центрозавр был похож на носорога. Но кроме носорожьего рога, который рос на носу, как и положено, у него было еще два, которые торчали в стороны, как усы, на голове у него был щит, а глазки оказались такими маленькими, что их можно было угадать только по блеску — так глубоко спрятались эти звездочки.

Голова у центрозавра была длиной побольше Аркаши, а насколько велик центрозавр, он понять не мог, потому что тот смотрел на него в упор. Но уж наверняка он не уступал трем носорогам, вместе взятым.

— Он на меня не наступит? — спросил Аркаша, стараясь отойти. В голове шумело — запах тухлых цветов действовал вовсю.

— Он думает сейчас, цветок ты или нет. Он уже решил, что ты, вернее всего, не цветок. А так как центрозавры и все

подобные им цератопсы едят только цветы, то он не представляет для нас опасности.

— Но вы уверены?

— Разумеется, я же читаю его мысли, короткие как спички.

— Зачем же такая броня, если ты кушаешь цветочки? — удивился Аркаша.

— Не все его соседи питаются цветочками, — заметил Шпигли. — Некоторые рады бы скушать центрозавра.

Аркаша смотрел на динозавра, тот смотрел на Аркашу и медленно жевал стебель цветка, отчего цветок как бы вползал ему в рот.

— Странное название, — сказал Аркаша, — а что, на окраинах таких динозавров нету? Они только в центре водятся?

— Не шути, — ответил Шпигли, — у тебя, мальчик, это плохо получается. Центрозавр — означает «ящер с острыми пиками».

— Не может быть!

— И относится он к роду цератопсов, к которому также принадлежат стиракозавр, моноклоний, что значит единорогий, и даже лептоцератопс. Они отличаются...

— Хватит! — закричал Аркаша. — Сил больше нет. Зря я тебя спасал.

— Не спас бы, сам бы погиб, — ответил браслет, потом подумал немного и добавил: — Вообще-то ты, Аркадий, преступник. Своего верного товарища бросил в темной пещере, где его мог растерзать любой динозавр.

— А вас можно растерзать? — спросил Аркаша.

— А также растоптать, расплющить, оплевать и унизить! — воскликнул Шпигли. — Я такое же благородное существо, как и ты. И мне тоже бывает грустно.

Центрозавр проглотил цветок, распахнул свою пасть с небольшими, похожими на карандаши зубами и схватил новый букет. Он зажмурился от удовольствия.

Аркаша включил съемочную камеру, которая в виде небольшой кнопки была прикреплена над верхним карманом.

— Ничего нового нет, — сказал браслетик. — Центрозавр как центрозавр, не трать энергию, мой друг.

— Я это ребятам в классе покажу, — сказал Аркаша. — А то у нас все думают, что динозавры — это хищные чудовища. Пускай полюбуются.

Браслет замолчал, послушно ожидая, пока центрозавр дожует букет цветов, и только потом сказал:

— Погляди наверх, может, захочешь снять?

Аркаша посмотрел наверх.

Над поляной парили две чудесные птицы. Впрочем, нельзя было сказать наверняка, птицы это или какие-то другие существа. Крылья у них были небольшие, белые с темными краями, а хвост длинный, не совсем птичий, словно хвост ящерицы, по сторонам которого выросли перья. Но удивительнее всего была голова этой птицы — у нее отсутствовал клюв, а вытянутая вперед крокодилья мордочка заканчивалась приоткрытым ртом, наполненным множеством мелких острых зубов. Таких птиц над Аркашей реяло несколько, может, штук пять, они парили на воздушных потоках, летали медленно и лишь порой складывали крылья и кидались вниз за стрекозой или большой мухой.

В меловом периоде еще не было настоящих птиц. Настоящие птицы произойдут именно от этих странных помесей птиц и ящериц с длинным хвостом. Они назывались...

— Археоптериксами, — сразу подсказал Шпигли.

— Не мешайте, дайте самому вспомнить.

— Археоптерикс означает «древнее крыло», — сказал Шпигли. — Цивилизованный человек сам должен перевести.

— Спасибо, значит, я недостаточно цивилизованный, — сказал Аркаша.

Он принялся снимать археоптериксов.

— Куда дальше пойдем? — спросил Шпигли.

— У вас есть идеи? — ответил вопросом на вопрос Аркаша.

— Судя по календарю, вживленному в мой мозг, тайна, которая случилась с динозаврами и погубила их, скрывается где-то в ближайших днях.

— Неужели никто раньше не пытался ее разгадать?

— У нас и без тайн много дел, — ответил браслет.

— Не верю, — сказал Аркаша. — Это слишком важная тайна...

— Ну, была одна сотрудница... вернее, даже две сотрудницы. Они побывали здесь, но не попали в тот самый момент. Одна прожила два месяца до катастрофы, а вторая угодила в мир, где динозавров уже почти не было. А вот точно попасть в нужный момент смог ты первый, Аркаша!

Аркаша не до конца поверил браслетику, хотя не знал, может ли такой прибор говорить неправду? Но, наверное, если бы кто-то узнал, что же случилось с динозаврами, об этом бы написали в газетах и показали по всем видеосистемам мира...

Дикий визг донесся с неба.

Аркаша поднял голову.

Оказывается, на первобытную птицу археоптерикса накинулось летающее чудовище, больше всего похожее на летучую мышь, которую не кормили года два. А еще больше на рваное серое одеяло, пролежавшее лет сто в пыли на чердаке.

Длинная крокодилья морда этого одеяла была снабжена множеством острых треугольных зубов.

— Птеродактиль! — воскликнул Аркаша. — Настоящий птеродактиль.

— Вот именно, — согласился браслетик, — отвратительная бестия.

Больше он сказать ничего не успел, потому что птица археоптерикс попыталась улететь в чащу, но ее пышные крылья и длинный хвост были очень полезны, когда надо было красиво парить над полянами, но совершенно не годились, чтобы спасаться от быстрого птеродактиля, который был к тому же раз в десять больше первобытной птицы.

Хрясть! Аркаша услышал, как сомкнулись челюсти птеродактиля на крыле археоптерикса. Тот забил целым крылом и каким-то чудом вырвался из пасти хищника.

И, кружась, словно оборвавшийся с дерева осенний лист, начал падать вниз.

Это, как ни странно, спасло птицу. Птеродактиль нырнул за ней и, спускаясь к земле, все щелкал зубами, стараясь схватить свою жертву. Птица падала неверно, неровно, кружась, и птеродактиль, умишко у которого был хоть и злобный, но махонький, все время промахивался.

И тут Аркаша, которого тысячу раз учили не вмешиваться в дела динозавров мелового периода, побежал к тому месту, куда падал археоптерикс, чтобы его защитить.

Археоптерикс — даром что первобытная птица, только-только произошедшая от мелкого динозаврика, — понял, где его спасение. Ковыляя и волоча за собой сломанное крыло, он направился к Аркаше.

Птеродактиль застрекотал, как гигантский кузнечик, и перенес свое внимание на нового врага. Тем более что Аркаша показался ему более вкусной добычей, чем птица.

— Ну уж нет! — мысленно произнес браслетик. — Птеродактиль, я приказываю тебе зажмуриться!

Аркаша не видел, конечно, зажмурился ли птеродактиль, но когда он начал пикировать на Аркашу, мальчик кинулся за толстую пальму.

Не изменяя скорости, птеродактиль камнем пронесся к земле и со всего размаха врезался в нее.

— А теперь пошли, — приказал Шпигли, — не то его родственники прилетят посмотреть, что тут творится.

Аркаша поднял археоптерикса. Птица была размером с гуся, а ее длинный, украшенный двумя рядами перьев хвост свисал до самой земли. Птица пискнула и опустила голову.

— Ей больно, — сказал Аркаша.

— Еще как! — согласился Шпигли.

— Ее нельзя тут оставлять, — сказал Аркаша.

— Погоди немножко, я ей в головку загляну, — сказал Шпигли.

Так они и стояли. Аркаша держал на руках птицу, и ему было тяжело. Но он терпел.

— Тут у нее гнездо близко, — сказал Шпигли. — Пошли.

Он мысленно подсказывал Аркаше, куда идти, и через несколько минут они подошли к густому кустарнику. Там в тени ветвей невысоко над землей было устроено большое гнездо, в котором сидело пятеро маленьких птичек.

При виде раненой мамы и незнакомого двуногого чудовища малыши жалобно запищали.

— Сейчас я их успокою, — сказал Шпигли.

И в самом деле, птенцы замерли, прислушиваясь к мысленной речи рыжего браслетика. А потом принялись хлопать зубастенькими ротиками. Они просили покушать — но кто теперь их будет кормить?

Аркаша сам задал себе этот вопрос и тут же увидел на него ответ.

Сверху спустилась вторая птица. И начала парить над кустами, не смея снизиться.

— Это их папа, — сказал Шпигли. — Он позаботится о детях.

Аркаша отпустил птицу, и она заковыляла к гнезду. Она совсем уже не боялась Аркашу.

Мама-археоптерикс уселась на земле под гнездом, расправив поврежденное крыло.

— Не бойся за них, — сказал Шпигли.

— По крайней мере, мы сделали доброе дело! — воскликнул Аркаша.

Браслетик вздохнул и ответил:

— Порой я смотрю на вас, люди, и думаю — ну откуда вы такие жестокие, глупые и необразованные? Почему вы не хотите думать?

— А в чем дело? — спросил Аркаша.

— Почему ты думаешь, что спасать археоптериксов лучше, чем птеродактиля? Птеродактиля мы с тобой, возможно, ухлопали до смерти.

— Но он же напал на археоптерикса! — возразил Аркаша.

— А археоптерикс нападает на стрекоз. Стрекоз тебе не жалко?

— Археоптерикс красивый.

— Самый красивый — это я. Но знает об этом только королева Соод, которая живет в другом конце Галактики, — сказал Шпигли.

— Я думал, что ты все-таки машина.

— Я иногда тоже так думаю. А иногда сомневаюсь. Иначе откуда у меня такое глубокое понимание человеческой натуры?

Аркаша замолчал и задумался. А ведь браслетик прав. Почему красивый археоптерикс больше достоин жить, чем

некрасивый птеродактиль? Ведь для мамы, невесты и детишек птеродактиля он был писаным красавцем!

— То-то, — сказал Шпигли, подслушав мысли своего спутника. — Я и сам кое-кому, не будем указывать пальцем, кажусь похожим на грязную тряпочку. Ты со мной не согласен?

— Согласен, — вздохнул Аркаша, — только я никогда не называл вас грязной тряпочкой.

— Если бы я в тебе такую мысль отыскал, я бы тебя на куски разорвал! — ответил Шпигли.

Аркаша вежливо попрощался с археоптериксом, который длинным змеиным языком вылизывал свое крыло, и пошел дальше вниз, к болоту, где он видел бронтозавров.

Аркаша знал, что бронтозавры — слово неточное. Когда-то так назвали всех гигантских травоядных динозавров. Все они в чем-то похожи друг на дружку.

Они — бочки, гигантские бочки с двумя длинными отростками. Спереди — это шея, которая заканчивается маленькой головкой, а сзади точно такой же длины хвост, который ничем не заканчивается.

Голова у этих динозавров размером с Аркашу. Вам она может показаться слишком огромной, но учтите, что сам динозавр в длину больше тридцати или сорока метров.

Аркаша остановился на крутом берегу, который в том месте вдавался в болото, как нос плывущего по реке фрегата. Отсюда было удобно разглядывать динозавров.

Они стояли, лежали в воде, бродили по грязи так близко от Аркаши, словно все это происходило во сне. Так быть не может.

Ведь картинки, которые ты рассматриваешь, даже если они трехмерные, не могут передать правды. Потому что правда — это не картинка чудовища самого по себе, а ты — чудовище и окружающий мир.

Легкий теплый влажный ветерок дул Аркаше в лицо и доносил звуки и запахи болотистой низины, а также помогал летать комарам, слепням, стрекозам и мухам, которые себя чувствовали вольготно и жужжали, свистели, пищали, скрипели, чтобы Аркаше не было одиноко. Ветер шевелил сухие листья больших, с Аркашу, папоротников, и они шуршали и

шумели. На острых коготках, как на каблучках, пробежала, лавируя между папоротниками, синяя, в желтую полоску ящерица. Бежала она на задних лапах, прижимая к груди маленькие ручки. Аркаша сообразил, что это не ящерица. То есть по-своему ящерица, но в то же время и маленький динозавр. Ведь ящерицы не бегают на задних лапах. За ящерицей ползла большая толстая змея. Аркаша хотел было отбежать в сторону, но Шпигли довольно спокойно сказал:

— Она на тебя внимания не обращает, и ты не обращай. А то от них не набегаешься.

Змея все ползла и ползла мимо Аркаши и становилась все толще. А потом стала утоньшаться к хвосту.

Со стороны болота тянуло запахом гнили и мутной стоячей воды.

Аркаша смотрел, как динозавры лениво возятся в болоте, и старался вспомнить, как они называются.

Вот топает по мелководью камарозавр, у него такие толстые ножищи, что внутри каждой можно спрятать пароходную трубу...

— Не туда смотришь! — прервал мысли Аркаши Шпигли. — Ты правее, правее смотри! Вот это образина!

И в самом деле, к воде спускался брахиозавр. Он отличался от прочих динозавров своей невероятно длинной шеей и тем, что не тянул ее вперед, как диплодоки, а поднимал к самому небу, так что с высоты шестиэтажного дома его маленькие глазки видели на много километров вокруг. Конечно же, такие брахиозавры были больше всего похожи на жирафов, только без шерсти и с длинными хвостами.

Два брахиозавра что-то не поделили, они сблизились и принялись реветь, словно ветер в узком ущелье. Они раскачивали шеями и, видно, ругались так, что все остальные динозавры в долине прекратили жевать и замерли, глядя на этот скандал.

Аркаша никак не ожидал, что динозавры могут так ссориться, а тем более так громко шуметь.

— Ты еще мало что слышал и видел, — заявил Шпигли. — Некоторые тут так умеют реветь — за сто километров слышно. А что касается характеров... брахиозавры — самые мирные создания в этой луже.

— А что же они ссорятся?

Шпигли не ответил; может быть, мозг этих чудовищ был таким маленьким, что Шпигли не удалось его отыскать?

А брахиозавры тем временем умудрились так переплестись шеями, словно намеревались сплестись в косичку. Запутаться они запутались, стали рваться, чтобы разойтись, но никак не могли догадаться, как это сделать. Зрелище было бы смешным, если бы не страшные размеры динозавров и не рычание, которое они издавали.

Вода в болоте взбаламутилась, и те из динозавров, которые искали что-то в тине, подняли головы — видно, ожидая, пока муть осядет.

На шум откуда-то прилетели птеродактили и стали кружиться над водой.

— Смотри, — сказал Шпигли, — сейсмозавр идет, наверное, ему помешали.

Аркаша увидел, что к драчунам приближается ящер, по сравнению с которым они кажутся детишками.

Сейсмозавр решительно переставлял толстенные столбы ног, раскачивал бесконечно длинной шеей и громко ухал — видно, пугал драчунов или оповещал о своем приближении.

— Я счастлив, — вдруг сказал Аркаша.

— Счастлив? — Шпигли умел читать мысли, но человеческие чувства не всегда ему были понятны. — Что случилось? Динозавры подрались?

— Понимаешь, я вижу собственными глазами то, что не только представить, но и в сказке вообразить невозможно!

— Мало ли что! — ответил Шпигли, которому было обидно, что он не испытывает счастья, а какой-то обыкновенный мальчишка испытывает. — На Паталипутре есть дракон, который такого динозавра как ягодку проглотит.

— Ну что ж, — сказал Аркаша. — При первой возможности слетаю на Паталипутру. И посмотрю.

— Ну, может быть, не как ягодку... но обязательно скушает, — сказал Шпигли, и Аркаша догадался, что его браслетик может немножко привирать. Это было даже смешно.

— Я думаю, — сказал Аркаша, глядя на сейсмозавра, — что его так назвали потому, что сейсмология — это наука о

землетрясениях. А когда такой динозавр идет по земле, она дрожит.

— Может быть, — ответил Шпигли. — Я не задумывался.

— Тогда скажи мне, — попросил Аркаша, — зачем природе такие невероятные гиганты? Ведь ничего не бывает случайного.

Шпигли задумался. Словно пропал. Потом вдруг запищал мыслями в мозгу Аркаши:

— Я думаю, что на Земле слишком долго стоял мирный, теплый, ровный климат, слишком много было мелких, богатых пищей болот и озер, даже горы им не мешали. И вот за миллионы лет деревья выросли до небес, а за ними выросли динозавры. Может, они потому и вымерли, что привыкли быть господами. Никто не смел им сказать: хватит расти!

Брахиозаврам надоело бороться, наверное, они устали. Они распутали жирафьи шеи и тут же забыли друг о дружке — и побрели в разные стороны, пригибая растущие по берегам пальмы и срывая с них листья.

Сейсмозавр — король болот — медленно шел, вытаскивая из тины толстые ножищи и кивая своей маленькой головкой.

Тут он увидел что-то вкусное и наклонил голову к воде.

И вдруг вода взбурлила.

Из нее выпрыгнул крокодил — самый настоящий, из стихотворения Корнея Чуковского, только такой большой, что, наверное, не поместился бы в широкой египетской реке Нил.

Гигантские челюсти крокодила распахнулись и сжались на шее динозавра. И хоть крокодил был очень велик, динозавр, конечно же, мог раздавить его одной ногой.

Он и попытался это сделать, но крокодил уже мчался прочь, поднимая буруны воды.

Динозавр остановился и продолжал покачивать шеей...

— Стой! — закричал Аркаша. — У него нет головы!

— Раз крокодил откусил ему голову, — согласился Шпигли, — значит, у него нет головы.

Между тем динозавр медленно побрел прочь...

— Так не бывает! — воскликнул Аркаша. — Он же безголовый!

— Ты же видел, какая у него маленькая головка, — сказал Шпигли. — В ней, конечно, есть мозг, но главный мозг у него в спине... И пока динозавр сообразит, что его убили, он еще погуляет. Только вот кушать ему нечем.

Аркаша еще долго продолжал следить за удаляющимся безголовым чудовищем.

Аркаше досаждали комары и мухи, которые норовили сесть на него и цапнуть — кровопийцы они были ужасные.

— Кого им, кроме меня, жрать? — спросил Аркаша. — Ведь если динозавры пресмыкающиеся, значит, они холоднокровные, правда? Чего с них комарам взять?

— Теперь ученые так не думают, — откликнулся Шпигли. — Судя по нашим экспедициям, многие динозавры были теплокровными, как и ты, мой мальчик. Иначе бы они не могли быстро двигаться. Ведь ты знаешь, что у лягушек или ящериц, а тем более у черепах кровь такая же, как окружающая температура. Как в стакане с водой, оставленном на столе. То-то змеи и ящерицы на зиму засыпают.

— Но крокодил может кинуться на жертву! — возразил Аркаша.

— И крокодил, и змея, и ящерица. Но стоит жертве убежать, как змея успокаивается и замирает. Холодная кровь не позволяет трудиться. Прыгнул, догнал, сожрал и переваривай. Не догнал сразу, жди следующую жертву.

Надвинулись серые тучи, по водной глади озерец и проток заколотили капли дождя.

— Давай уйдем, — сказал Шпигли. — Разведку мы с тобой совершили, а простужаться — не в наших интересах.

— А куда мы пойдем?

— Я думаю — в нашу пещеру. И переждем дождь.

Они пошли обратно. Дождик был теплый и ласковый, он зарядил надолго.

— К рассвету погода разгуляется, — услышал Аркаша мысли Шпигли. — Во мне вживлен микробарометр, я не ошибаюсь. И тогда мы с тобой продолжим путешествие. А сейчас у тебя слишком много впечатлений. Лучше полежи с закрытыми глазками и постарайся еще раз пережить свои приключения. Это приятно и поучительно.

Глава седьмая

КОСМИЧЕСКИЙ БОЙ

Когда они поднимались сквозь заросли хвощей и папоротников к пещере, Аркаша понял, что очень устал.

«Наверное, переволновался», — подумал он. Бабушка Аркаши всегда считала излишнее волнение причиной всех болезней. Если у мальчика болел живот, она сразу спрашивала: «Ты сегодня волновался?» Старший брат Аркаши Илья отлично умел пользоваться слабостью бабушки. Если ему очень не хотелось идти в школу или ехать на дачу, чтобы полоть морковку (дедушка верил в живительную силу огородного воздуха!), то он говорил вслух: «Что-то я сегодня волнуюсь! Может быть, давление атмосферы неправильное?»

«Нет, — тут же откликалась бабушка. — Я еще вчера вечером обратила на тебя внимание! Кто просил тебя сражаться с драконом в виртуальном мире? Разве тебе мало было гигантского осьминога?»

Аркаша даже улыбнулся, вспомнив о бабушке. Вот бы ей сейчас поглядеть...

Но додумать он не успел, потому что жук размером с кулак, мчавшийся ему навстречу, не успел или не захотел свернуть с дороги и ударил Аркашу в лоб так, что тот свалился на землю, как от удара камнем. На лбу тут же вздулась шишка, а жук взревел еще громче прежнего и исчез в кустах. Он несся так, что пробивал листья, и за ним в кустах оставался тунель. Конечно, через минуту другие листья закрывали этот коридор, но зрелище было удивительным!

Шпигли прошептал:

— Отдохни немного, Аркадий, а то будет сотрясение мозга.

Аркаша сел, потер лоб, потрогал шишку и сказал:

— Надо в будущем шлемы выдавать.

— Пробовали, — ответил Шпигли. — Но в шлеме жарко, и практиканты всегда их теряют. Это моя обязанность предупреждать тебя о жуках и динозаврах, но я тоже иногда задумываюсь! Прости, как раз сейчас я задумался.

— О чем?

— Я думаю, что твоя усталость вызывается составом воздуха в этом периоде.

— Почему?

— В земной атмосфере еще не набралось нужного человеку количества кислорода. Пройдут миллионы лет, прежде чем зеленые деревья и травы выработают его. Динозавры привыкли к углекислоте, а вот нам, млекопитающим, трудно. Может, поэтому мы вывелись не сразу.

— А разве вы млекопитающее? — спросил Аркаша.

Он поднялся с земли. Голова немного кружилась.

— Разве я похож на лягушку? — спросил Шпигли.

Они вошли в пещеру. Из спасательного пояса, в котором находилась пища на неделю, моторчик, воздушный пузырь, чтобы перепрыгнуть через ущелье, и даже распылитель усыпляющего газа, чтобы тебя ненароком не сожрало какое-нибудь глупое чудовище, Аркаша достал пакетик с ужином и положил перед собой на плоский камень. Пакетик зашипел — он втягивал влагу из воздуха и раздувался, превращаясь в шар, побольше футбольного мяча.

— А вы ужинать будете? — спросил Аркаша у Шпигли.

— И не подумаю, — ответил браслетик, — я обедаю только по понедельникам, а сейчас четверг. У меня совершенно нет аппетита.

Шар с легким щелканьем лопнул и превратился в тонкий пластиковый поднос, на котором стояла кружка с какао, лежали бутерброды и, что самое удивительное, три крутых яйца.

Правда, ни ложек, ни вилок в пакете не оказалось.

Аркаша почувствовал, что безумно проголодался, и только протянул руку к бутерброду, как почувствовал легкий удар током.

— Это что? — удивился он. — Это вы дергаетесь, Шпигли?

— Ничего подобного, — ответил браслетик, — я не дергаюсь, я тебе напоминаю.

— Напоминаете? А я не понял, о чем?

— Хорошо воспитанные молодые люди, — сказал Шпигли, — обязательно моют руки перед едой.

Аркаша даже ахнул от такой наглости:

— Вот если бы на моем месте был Пашка Гераскин, то он бы все вам объяснил!

— Я не знаю, что объясняет друзьям твой друг Пашка, — сказал Шпигли, — но я от своего не отступлюсь. Потому что мой долг — охранять жизнь и здоровье практиканта. И я не желаю, чтобы ты питался местными бактериями.

Пока Шпигли говорил, Аркаша с ужасом думал, что теперь ведь браслетик не отстанет, а раз так, то придется идти вниз, к ручью... но тут он увидел, что рядом с бутербродами лежит пачка салфеток. Он потрогал — салфеточки были влажными и приятно пахли. Вот чем моют руки путешественники в меловом периоде!

Он вытер руки и хотел было выкинуть салфеточки, но сдержался, вспомнил, что задача практиканта ни в коем случае не сорить в далеком прошлом. Не сорить, не пачкать, не разрушать!

Он отложил салфетки в сторону и стал есть, а Шпигли молчал, словно обиделся. И Аркаша понимал, почему так случилось, — ведь оказалось, что совсем не стоило кричать на Шпигли, раз салфетки предусмотрены в питательном пакете.

Аркаша запил бутерброды, отмахнулся от комаров и тут увидел, как пластиковые обертки, тарелки и кружки на глазах тают. Они уничтожаются, чтобы не оставалось мусора!

Аркаша вытащил из пояса шарик размером с грецкий орех и кинул его на пол, шарик начал раздуваться — это была подушка.

Аркаша почувствовал, что ему вдруг страшно захотелось спать.

— Я посплю, — сказал он. — А вы?

— Шпигли никогда не спит на службе, — ответил его телохранитель.

— Тогда разбудите меня, если что-нибудь случится, — попросил его Аркаша.

— Не премину воспользоваться вашим советом, — ответил Шпигли, как граф на приеме у короля. Но Аркаша даже улыбнуться не успел, так быстро заснул.

Ему казалось, что он только успел закрыть глаза, как услышал слова:

— Проснись, шеф, что-то странное происходит на небе!

Аркаша проснулся сразу. Не как другие, которые сначала пытаются сообразить, где они и что случилось.

— Что происходит? — спросил он и открыл глаза.

Перед ним находился вход в пещеру. Небо было чистым, звездным, глубоким, и звезды казались большими и разноцветными.

— Гляди, гляди! — настойчиво повторил Шпигли. — Ты видишь большую звезду?

И Аркаша заметил, что одна из звезд движется:

— А чего особенного? Космический корабль или спутник.

— А теперь подумай, практикант, — строго спросил Шпигли. — Где мы с тобой находимся? Кто, по-твоему, здесь сооружает космические корабли и спутники? Может быть, твои любимые динозавры?

Аркаша окончательно проснулся и сел.

Ночь была тихая и в то же время полная почти неслышных звуков — шуршания листвы, бормотания ветерка, далекого-далекого рева какого-то чудовища.

— Значит, на Землю кто-то прилетал в отдаленные эпохи, — сказал Аркаша.

— Молодец, — согласился с ним Шпигли. — Но почему-то мы об этом не слыхали.

— Значит, мы сделали открытие, — сказал Аркаша. — Хотя, может быть, все же это комета с особой орбитой.

— Ты чудо! — согласился Шпигли. — И по астрономии у тебя двойка.

— По астрономии у меня никогда не было двоек... — Тут Аркаша осекся. Он понял, что кометы не летают зигзагами.

— Смотри, второй! — сказал Шпигли.

Второй космический корабль шел куда ближе к Земле. Его уже нельзя было спутать со звездочкой — он был ярким, как ракета.

И становился все ярче.

— Он идет на посадку! — воскликнул Аркаша.

— Может быть, да, а может быть, нет, — ответил Шпигли.

— Надо дать знать, что мы здесь, — сказал Аркаша.

— Во-первых, нечем, — сказал Шпигли. — А во-вторых, незачем. Я не давал обещания Ричарду знакомить тебя с любым пришельцем, который забредет на Землю в меловом периоде.

Вспыхнул и тут же погас зеленый луч — тонкий, как паутинная ниточка. Он протянулся от космического корабля в сторону движущейся звездочки.

— Это сигнал? — спросил Аркаша.

В ответ несколько полосок протянулось к большому космическому телу.

Аркаша видел, что маленьких звездочек несколько. Они кружили вокруг яркой звезды.

В небе вспыхивали все новые искры...

— Это не сигнал, — сказал Шпигли. — Это самый настоящий космический бой, сражение. И это мне не нравится.

— Но кто может сражаться? Здесь?

— Вот именно, — согласился Шпигли. — Скажите, кто?

— Хорошо, что мы в пещере, — сказал Аркаша.

— Может быть, этот бой закончится где-то в небесах, — сказал Шпигли. — И они не будут снижаться.

Аркаша отлично понимал, что бой идет где-то в тысячах километров от Земли — иначе бы все вокруг сгорело. Но если ты не специалист по космическим боям, то никогда не догадаешься, что же происходит на самом деле.

Внезапно голубая молния вырвалась из небесных далей и ударила в землю далеко за горизонтом.

И тут же оттуда, из-за черной стены леса, поднялось светящееся изнутри розовое облако, оно раздувалось и росло, становясь все более ярким внутри и тускнея к краям, которые клубились, будто Аркаша смотрел на клуб пыли, оставленный каретой, которая умчалась по пыльной дороге.

— Что это? — Аркаша вскочил на ноги.

Облако постепенно выгорало, так что только в центре его оставалось яркое свечение, которое озаряло далекие вершины деревьев.

И лишь потом, наверное через минуту после взрыва, донесся утробный гул, будто подземное чудовище пыталось

выбраться наружу и никак не могло разворотить камни, отчего буйствовало и злилось.

— Один из зарядов попал в землю, — сказал Шпигли. — И это значит, что может попасть и другой.

— Может, нам уйти поглубже в пещеру? — спросил Аркаша.

— Наоборот, — ответил браслетик. — Если в эти скалы попадет заряд, то нас с тобой засыплет камнями, я не смогу удержать на себе всю гору...

— А если мы будем стоять на открытом месте?

— На открытом месте мне легче тебя защитить, — ответил Шпигли. — По крайней мере, я смогу отбросить тебя в сторону.

— Отбросить?

Аркаша толком не успел сообразить, что же имеет в виду Шпигли, как почувствовал, что его приподнимает непонятная сила, и он летит по откосу и больно ударяется о землю.

— Что такое? — спросил он, когда дыхание вернулось к нему.

— Ничего особенного. В моих силах поднять и перебросить с места на место объект до ста килограммов весом. Включая мальчишку-практиканта.

— Как вы это делаете?

— Ответа нет, — сказал Шпигли. — Такие действия входят в систему защиты практиканта от неожиданностей. Мы даем гарантию твоему дедушке и родителям, что возвратим тебя домой в одном куске...

— Что?

— Шутка! Я имел в виду в целости и полной сохранности. Вот я и стараюсь. Но лучше бы ты не терял времени и включил свою камеру. А то когда тебя спросят в Институте времени, что ты делал, отличник, когда над твоей головой разворачивалось космическое сражение, ты ответишь, что сидел зажмурившись и дрожал от страха.

— Почему от страха? — обиделся Аркаша и направил камеру в небо.

И увидел, что сражение продолжается.

Было ясно, что к Земле приближается какой-то большой корабль — конечно, не поймешь, насколько большой, тем

более что сам он не светился, но когда рядом вспыхивали взрывы или его оболочки достигали зеленые лучи, можно было увидеть, как он велик.

Противники большого корабля — Аркаша называл их слепнями или истребителями — носились вокруг, не приближаясь к громадине, беспрестанно выпускали в его сторону заряды и били по нему снопами лучей, которые превращались во вспышки света возле корпуса корабля.

Корабль отбивался, как мог.

Из него также вылетали разноцветные лучи, и вдруг Аркаша увидел, как один из них почти незаметно коснулся истребителя и тот превратился в клуб света, который медленно краснел и тускнел.

— Они его сбили? — спросил Аркаша.

— Я наблюдаю этот бой с помощью сканирующих приборов, находящихся во мне, — сказал браслетик, — и если ты будешь так любезен, что приподнимешь руку, чтобы мне было удобнее смотреть, я тебе расскажу, что же происходит.

Аркаша приподнял руку.

— Ну и что вы видите? — спросил он.

— Мне кажется, — ответил Шпигли, — что неопознанный летающий объект в виде космического корабля старается приземлиться... или выйти на орбиту вокруг Земли. Он подвергся нападению неприятеля на подлете к нашей планете. В настоящий момент корабль старается отбить нападение небольших военных космических судов, что весьма меня тревожит...

Космический бой постепенно смещался к горизонту — Аркаша понял, что скоро сражение можно будет увидеть только с противоположной стороны Земли.

— Внимание! — закричал Шпигли так громко, что своим криком чуть не поцарапал Аркаше мозги. — Большой корабль получил несколько опасных попаданий. Он теряет скорость. Его системы защиты одна за другой выходят из строя. Смотри, смотри...

— Куда смотреть?

— Тебе, с твоим слабым человеческим зрением, не увидеть... но я вижу, как от большого корабля отделился малый корабль и пошел прямо к Земле. Я бы сказал, что это спус-

каемый аппарат, точнее — спасательная капсула, планетарный катер, ты меня понимаешь?

И тут Шпигли замолчал.

Небо за горизонтом вдруг озарилось многоцветной ослепительной радугой, затем стало розовым и вокруг наступил страшный ненормальный день, словно вместо солнца включили множество слишком ярких кварцевых ламп — земля превратилась в операционный стол и на ней высветились все лепестки, червяки и даже букашки.

Аркаше захотелось распластаться по земле, зарыться в нее, исчезнуть... Он представил себе, как просыпаются динозавры и крокодилы, птицы и стрекозы, как все смотрят в страшное ослепительное неживое небо.

— Ложись! — приказал Шпигли так, что ослушаться его было нельзя.

И не только приказал, но и стал вдруг невероятно тяжелым, рука, вокруг которой он был обмотан, вжалась в землю, и Аркаша был вынужден лечь.

Все это случилось так быстро, что Аркаше некогда было рассуждать и глядеть вокруг.

— Голову к земле! — приказывал Шпигли. — Не смотри!

— Почему? — прохрипел Аркаша, которому стало страшно неудобно и душно.

— А потому, что жена Лота превратилась в соляной столб! — крикнул Шпигли.

Какая еще жена Лота?

Но Аркаша не успел ничего спросить, земля под ним вздрогнула так сильно, что ему показалось, будто он взлетел выше деревьев, и лишь рука с браслетом, как якорь, держала Аркашу на траве, и было так больно — вот-вот разорвет.

Но и это продолжалось несколько секунд — его тут же вновь бросило на землю.

Грохот вокруг стоял такой, что больно было ушам и даже глазам.

Аркаша потерял сознание.

Он никогда раньше не терял сознания. В конце концов не мужское это дело. И даже не знал, что потерял сознание... просто в одно мгновение вокруг ревело, рычало, земля содрогалась, как будто норовила броситься в пляс, а потом все

пропало, и когда Аркаша очнулся — стало темнее, гул стих, хотя и не прекратился...

Аркаша открыл глаза.

— Можно, — проворчал Шпигли. — Смотри. Ты был без сознания десять минут.

— Не может быть!

Аркаша приподнялся на локтях.

Небо за горизонтом было зеленым, словно его снизу подсвечивали могучими прожекторами.

По зеленому пространству, как будто это был шелковый занавес, проплывали светлые, почти белые волны, поднимаясь снизу и растворяясь над головой в том месте, где зеленое сияние смешивалось с синевой неба, а на границе заката и ночи проявлялись звезды.

— У тебя счастливый организм, — сказал Шпигли, — когда стало совсем страшно, он тебя выключил, и ты проспал все неприятности.

— Но я же не нарочно! — ответил Аркаша. Ему было стыдно за свой организм, который, честно говоря, оказался трусоватым. Единственное утешение, что это не сам Аркаша трусоват, а его организм.

— Мне придется сообщить об этом в отчете о нашей командировке, — сказал Шпигли.

— Делайте что хотите, — сказал Аркаша. — Только мне сейчас не до ваших рассуждений.

— Ах, конечно! — воскликнул Шпигли. — Ты хочешь узнать историю Лота и его жены?

— Где-то я о них слышал.

— Наверное, твой дедушка тебе рассказывал. Он читает Библию?

— Он ее смотрит на компьютере, — ответил Аркаша. — Когда ему требуется пример из Библии, он включает компьютер, и тот подсказывает нужную страницу.

— Что ж, у тебя мудрый дедушка, жалко, что он тебя не сажает рядом.

Аркаша смотрел на зеленое небо, оно и не собиралось темнеть. Ему было не по себе.

— Тебе все еще интересно узнать о Лоте? — спросил Шпигли.

— Рассказывайте, — согласился Аркаша.

— Это произошло во время одной из прошлых атомных войн, — сказал Шпигли. — А если тебе будут рассказывать другое, ты им не верь.

— А когда были прошлые атомные войны? — спросил Аркаша.

— Раньше, три тысячи лет назад или четыре.

— Когда еще паровоза не было?

— Не пытайся показаться глупее, чем ты есть на самом деле, практикант, — рассердился Шпигли. — Всем понятно, что на Земле существовала великая цивилизация, вернее всего, в Атлантиде, она погибла в атомной войне.

— Моя подруга Алиса, — сказал Аркаша, — побывала в Атлантиде и помогла последним атлантам улететь домой. Вы не слышали об этом?

— Я не читаю детских сказок, — ответил Шпигли. — Но я знаю, что древняя атомная война описана в книге под названием Библия, которую твой дедушка смотрит на компьютере, и если ты мне не веришь, то спроси у дедушки. Во время той войны была бомбардировка враждебных нам городов — Содома и Гоморры.

— А кто вы такие?

— Кто мы такие?

— Почему Содом и Гоморра вам были враждебны?

— Это все знают, — сказал Шпигли. — Но в тех городах жил один праведный человек.

— В каких городах? У него был дом в одном городе и дача в другом?

— Мне трудно с тобой разговаривать, ты плохо воспитанный мальчик. Но главное в том, что праведником в тех городах был Лот, и ему было сказано, чтобы он взял жену и бежал из города, потому что будет атомная бомбардировка. Вот он и убежал.

— А кто ему сказал про бомбардировку?

— Кто надо, тот и сказал.

— Это до сих пор тайна? Может быть, ваш Лот был шпионом, обычно шпионов вытаскивают из опасных мест.

— Считай как знаешь. Но Лота предупредили, чтобы по-

сле взрыва он не оглядывался. А то ослепнет. То есть превратится в соляной столб.

— Ослепнет или превратится? — спросил Аркаша.

— В самом деле ослепнет от вспышки, а в переносном смысле превратится в соляной столб.

— Спасибо, — сказал Аркаша. — И чем вся эта ужасная история закончилась?

— Как и положено. Они с женой бежали, а утром началась бомбардировка.

— А кто обернулся?

— Ты знал, да? Скажи, ты знал раньше, да?

— Не обижайтесь, Шпигли, — сказал Аркаша, — я не читал, но вы уже мне намекали.

— Ты прав. Лот велел жене не оборачиваться, но она обернулась.

— Еще бы, — сказал Аркаша. — Видно, сзади так грохнуло, что она не хотела, а обернулась.

И тут Аркадий обернулся, чтобы посмотреть на скалу и пещеру, в которой стояла машина времени.

И замер, как жена Лота.

Почти превратился в соляной столб!

Горы и обрыва не было. Вместо них за спиной Аркаши громоздилась каменная осыпь, скала попросту рассыпалась на глыбы и рухнула вниз.

— Вовремя мы вышли погулять, — сказал Аркаша.

— Мы не выходили погулять, — откликнулся Шпигли, у которого начисто отсутствовало чувство юмора. — Это я тебе сказал, что снаружи смогу тебя охранять, а в пещере, на которую упадет тысяча тонн камней, даже я бессилен.

— Что же творится там... поближе к взрыву?

— Ты понял, какой это был взрыв? — спросил Шпигли.

— Я могу догадаться, — сказал Аркаша. — Это упал космический корабль.

— Притом корабль, начиненный ядерным топливом.

— Откуда вы знаете?

— Я многое знаю. Но в этом нет тайн. Я противник тайн и мистики. Мы, ученые...

— Шпигли, извините меня, но, может быть, сейчас лучше не отвлекаться?

— Для вас это отвлечение? — обиделся Шпигли, но, видно, сообразил, что практикант прав. — Во мне есть датчики, — сказал он. — Микродатчики радиоактивности, содержания в воздухе и воде элементов и их сочетаний.

— И что сказали ваши датчики?

— Они сказали, что в двухстах пятидесяти километрах отсюда, в районе Калуги, упал и взорвался космический корабль. Его длина один километр семьсот двадцать шесть метров, высота...

— Значит, большой? — сказал Аркаша.

— И не говори! Таких и у нас не делают, — ответил Шпигли.

— Надо идти на помощь, — сказал Аркаша.

— Замечательная идея, которая говорит о том, что человеческие детеныши относятся к самым глупым существам во Вселенной, — сказал Шпигли. — Как ты представляешь это самое «идти на помощь»?

— Ногами, — буркнул Аркаша, который уже сообразил, что его решение не самое умное.

— Двести пятьдесят километров ты пройдешь ножками по меловому периоду между крокодилами и динозаврами и недельки через две, если останешься в живых, дойдешь до гигантской воронки. В ней ты увидишь все, что осталось от космического корабля.

— А что я увижу? — спросил Аркаша.

— Яму. Которая излучает радиацию, как атомный реактор. Поэтому я очень тебя прошу — не бери меня с собой, оставь здесь, брось, закопай в землю, так у меня будет больше шансов остаться в живых!

— Но что же делать! Мы не можем с тобой просто так стоять?

— Правильно. Ты уже начал шевелить мозгами! — сказал Шпигли, который совсем распустился и вел себя, как хулиган, а не как охранник размером с кулачок.

— Наверное, тогда надо сгонять на машине времени в наш век, рассказать обо всем Ричарду, пускай высылают сюда экспедицию.

— Чудо ума! — закричал Шпигли. А так как он мог гово-

рить только мысленно, от его крика у Аркаши в мозгу защекотало.

— А что?

— Обернись еще раз, если раньше не догадался.

Аркаша снова обернулся.

— Значит, мы не сможем вернуться обратно! — До Аркаши только сейчас дошло, в какое ужасное положение они попали.

— Мы не можем вернуться обратно через эту машину времени, — сказал Шпигли, — но можем воспользоваться запасной машиной.

Глава восьмая

БЕГЛЕЦЫ НА БЕРЕГУ

Аркаша вздохнул с облегчением. Ведь всего три секунды назад он представил себе, что навсегда останется здесь без надежды на помощь. И придется жить в лесу, собирать корешки и еще спрашивать у этого мехового нахала, какие грибы и ягоды ядовитые, а какие съедобные. И в конце концов он как-нибудь проглотит ядовитую ягоду или на него наступит рассеянный диплодок...

— Перестань так печально думать, — взмолился Шпигли. — Ты мне мешаешь. Я сейчас разрыдаюсь и останусь здесь с тобой погибать.

Аркаша спросил:

— Далеко отсюда до запасной машины времени?

— Очень далеко, — ответил Шпигли.

— Может, подождем, — сказал Аркаша.

— Чего?

— Там, в Институте времени, обязательно должны догадаться, что у нас что-то случилось. И они пойдут нас искать.

— И как ты себе это представляешь?

— Очень просто. Они придут в наше время, отыщут нас с вами и проведут в запасную машину времени.

— Может, придут, а может, нет. Попасть в конкретный день далекого прошлого чрезвычайно трудно.

— Но вы говорите, что выбраться нельзя!

— Разве я так говорил?

— Но я вас так понял.

— Удивляюсь, как с такими ограниченными способностями ты добрался до третьего класса!

— До пятого!

— Не кричи на старших. Я и без тебя знаю, в каком классе ты учишься. Пошли искать машину времени!

— Погодите, — попросил Аркаша. — Но ведь машина времени, которую засыпало в этой пещере... она же будет существовать в будущем?

— Разумеется. Тогда ее найдут и починят.

— Но когда это случится?

— Я смогу тебе сказать об этом с точностью до тысячи лет. Тебя устраивает?

— Меня все устраивает, — устало сказал Аркаша. — Я не знаю, что делать. Но, наверное, надо идти?

— Ты что, пешком хочешь идти? — удивился Шпигли.

— А как же еще?

— Ну, ты пессимист! Знаешь, что такое пессимист?

— Это человек, который видит в жизни только печальное.

— И к тому же обладает паршивой памятью, — сказал Шпигли. — Когда тебя собирали в путешествие, то показывали, что спрятано в твоем поясе?

— Конечно. Там еда, тросик, удочка, фонарик и много еще других полезных вещей.

— А теперь открой справа кармашек с красной наклейкой. Открыл? Нажми на зеленую кнопку. Нажал? Теперь крепче держись на ногах.

За спиной у Аркаши послышалось шуршание, и он почувствовал, что становится с каждой секундой все легче и готов оторваться от земли.

— Не верти головой, — сказал Шпигли. — У тебя за спиной сейчас надулся прозрачный воздушный шар с тебя размером, он наполнен легким газом.

— Он был в моем поясе?

— А много ли места надо для пузыря с оболочкой в полмикрона и супергелия, который в жидком состоянии весит двадцать граммов? Теперь слушай внимательно. Нажимая на

кнопку на поясе и отпуская ее, ты можешь надувать шар и делать его меньше, подниматься и опускаться. Сам понимаешь, это не ракета и не космический катер. Ты полетишь довольно медленно, по принципу ракеты на воздушном топливе.

— Чего же мы ждем?

Аркаша посильнее нажал на кнопку, и шар за его спиной, как огромный ранец, потянул его к облакам, Аркаша потерял равновесие и повис.

— Нажимай на зеленую! — закричал Шпигли.

Аркаша послушался его и со всего размаху шлепнулся на землю — газ из пузыря вырвался наверх, а ракета-Аркаша потерпел крушение.

Только после третьей попытки Аркаша научился немного управлять своим пузырем.

— Учти, что газа у нас всего на час полета, — сказал Шпигли.

— И куда же мы полетим?

— Я тебе сказал — в Калугу. Вернее, в то место, где через много миллионов лет будет основан город Калуга.

— Мы пролетим мимо места взрыва? — спросил Аркаша.

— Это еще зачем? — спросил Шпигли.

— Мы с вами обязаны снять фильм. Вы же сами сказали, что еще никто не видел этого крушения.

— Нет, я тебя туда не пущу, — сказал Шпигли. — По моим расчетам, там очень высокая радиация. А я отвечаю за твое здоровье.

— А вдруг там остался кто-то живой?

— После такого взрыва? Не смеши меня, практикант Сапожков.

— Но постольку-поскольку мы с вами видели, что от большого корабля отделился катер, он мог спуститься нормально.

— Очень сомневаюсь, — ответил Шпигли. — Зато те, кто взорвал корабль, могли спуститься на землю, чтобы проверить, не осталось ли тут живых.

— Вы думаете, что они такие жестокие?

— Я ничего не думаю. Я только видел бой, — сказал Шпигли, — и не могу сказать, кто здесь плохой, а кто хороший. Мы до сих пор мало знаем о Галактике, а уж тем более о ее далекой истории.

Аркаша попробовал еще раз свой заплечный воздушный шар-рюкзак. Он нажал на красную кнопку, добавил в него газа, и шар поднял Аркашу над землей. В первые минуты Аркаша чувствовал себя неуверенно: и ему было страшновато опрокинуться и еще раз грохнуться о землю. Но вскоре он освоился и нажал на зеленую кнопку. Что-то легко подтолкнуло Аркашу в спину, и склон с деревьями пошел вниз и назад.

— Не спеши, — предупредил его Шпигли. — А то упадешь, расшибешься и меня расшибешь. Это было бы очень грустно.

Летел Аркаша не слишком быстро и не высоко — ведь шар служил всего лишь спасательным средством, чтобы добраться до берега во время кораблекрушения. Он не предназначался для того, чтобы носиться под облаками.

Шпигли показал Аркаше, куда держать путь — между большой рекой и сиянием на месте взрыва, которое хоть и потускнело, но не исчезло.

Ночь была странная, даже ненормальная.

Если посмотреть направо, то открывалось чудесное звездное небо мелового периода, не замутненное дымом заводов и бензиновыми выхлопами, слева же ночь превращалась в мертвый зеленый искусственный день, словно ты смотришь на площадь, освещенную лучами света, проходящими сквозь мутную воду гигантского аквариума. Из аквариума тянулись на звездную половину неба языки дыма, и чем дольше Аркаша со Шпигли летели над степью с редкими могучими деревьями и папоротниками ростом с вековую сосну, тем меньше становилось звезд и тем гуще покрывали небо несущиеся тряпки туч.

Было довольно светло. Аркаша летел невысоко, не поднимаясь выше деревьев, и видел, что животные конечно же не ложились спать.

Раз Аркаша даже сильно испугался. Он пролетал над невысоким холмом, как вдруг с него поднялась длинная, как пожарная лестница, шея с маленькой головкой на конце, и круглые, с тарелку, глаза чудовища оказались буквально на

расстоянии вытянутой руки от Аркаши. С перепугу он нажал на кнопку скорости сильнее, чем нужно, и шар, надувшись газом, поднял его к небу.

— Ты куда? — возмутился Шпигли. — Ты что же думаешь, что когда упадешь с такой высоты, мне не будет больно? Еще как будет! Так что лети пониже.

— Но там была голова!

— С каких пор мальчики из двадцать первого века стали бояться брахиозавров? Чем тебе помешал несчастный ящер, который не может заснуть от страха?

— Я от неожиданности, — сказал Аркаша.

— Дай-ка мне лучше посмотреть, сколько у тебя еще осталось супергелия?! А то грохнешься не по своей вине! Ведь твой пузырь за спиной не паровоз, который может тянуть вагоны сто лет подряд!

Видно, Шпигли в жизни не видел паровоз и не представлял, как он выглядит.

Аркаша поднес браслетик к поясу, и тот принялся ворчать:

— Вот, сделали пузырь, да не пузырь, а пузырек какой-то! Никуда на нем не улетишь. Лучше бы дали нам складной флаер.

— Вряд ли в прошлое дают флаеры, — сказал Аркаша. — Ну кто мог подумать, что рухнет такая гора и засыплет пещеру? А по заданию мне и не нужно отходить далеко от нее.

— Знаю, знаю, — откликнулся Шпигли. — Но если мы с тобой все же вернемся живыми, обязательно поставлю вопрос, чтобы каждому практиканту давали танк или вездеход. Дети — наше будущее! Детей надо беречь!

Аркаша отлично понимал, что Шпигли беспокоится о самом себе. Ведь у него нет своих ног, надо надеяться на чужие!

— Пора спускаться, — сказал Шпигли. — Газа почти не осталось.

— Видите впереди гору? — спросил Аркаша. — Я на нее спущусь.

— Зачем? Лучше в ямку!

— С горы видно вокруг. Надо поглядеть, что осталось от космического корабля.

— Рискованно, — сказал Шпигли. — Мы будем на виду.

Но Аркаша его не слушал. Он опустился на вершину высокого холма. Потом выпустил газ из пузыря и спрятал в пояс его тонкую оболочку.

Пока он летел, в ушах свистел ветер. Теперь, когда ветер стих, Аркаша уловил другие звуки. Было слышно, как волнуется здешний народ. Доносились стоны, рев, вой — словно динозавры перекликались и спрашивали друг друга: «Что случилось? Что с нами будет?»

С вершины холма открывался вид на много километров вокруг.

Аркаша увидел воронку — след падения космического корабля.

На Луне ему приходилось видеть кратер. Эта воронка оказалась похожей на лунный кратер. Она была не очень глубокой, но в диаметре достигала нескольких километров. Земля, выброшенная из нее, окружала воронку ровным высоким валом, а внутри зловеще светилась. Вот это свечение, вроде бы неяркое, но очень сильное, окутывало половину неба и превращало ночь в освещенный аквариум.

Аркаша понял, что вблизи воронки никто не мог остаться в живых.

Лес и трава выгорели на много километров вокруг, и до самого горизонта долина была черной от пепла, а кое-где по ней еще пробегали язычки пламени.

Ни одного живого существа не было видно на ней.

— Мы пойдем правее, — сказал Шпигли. — Радиация повысилась до опасного предела. Тебе нельзя здесь больше оставаться.

Аркаше и не хотелось там оставаться. Он стал спускаться с холма.

— Сколько еще идти? — спросил он.

— Целый день, — ответил Шпигли. — Надеюсь, что ты вытерпишь. Но в крайнем случае ты всегда можешь утопиться.

— Зачем мне топиться? — не понял его Аркаша.

— Чтобы не мучиться, — ответил браслетик.

— Я лучше буду мучиться, — сказал Аркаша. Он нажал на кнопку съемочной камеры и с холма заснял воронку и

сияние. Он надеялся, что его фильм и в самом деле будет самым интересным: он не узнал, отчего вымерли динозавры, но сделал не менее важное открытие: он узнал, когда и где на Землю упал и погиб чужой космический корабль. А это значит, что уже шестьдесят пять миллионов лет назад в Галактике существовали разумные существа и между собой воевали.

Только он об этом подумал, как услышал голос Шпигли:

— Замри! Не двигайся.

До Аркаши донесся низкий гул — над обугленной саванной быстро летел космический аппарат, похожий на тарелку, как их изображают в фантастических фильмах.

Аркаша замер. Он понял, что над Землей рыщут враги взорванного корабля. И пускай они примут его, Аркашу Сапожкова, за некрупного динозавра.

Тарелочка промчалась мимо, чуть наклонившись, как летит диск, запущенный спортсменом, и исчезла на темной стороне неба.

— Вы думаете, они ищут, не осталось ли кого-нибудь в живых? — спросил Аркаша и показал на светящуюся воронку.

— А может быть, просто выясняют: хорошая ли планета Земля, не стоит ли на ней поселиться?

— А если поселятся?

— Ничего у них не выйдет, — ответил Шпигли, — а то бы мы давным-давно о них узнали. Надеюсь, мы их не очень интересуем.

Аркаша пошел вниз с холма и дальше, по степи, обходя воронку. Шпигли иногда подсказывал ему, куда лучше повернуть или как обойти гнездо скорпионов или змей — в нем был вмонтирован биоискатель. Но не простой биоискатель, который может сказать, что впереди какое-нибудь животное, а прибор, который давал возможность браслетику сообразить, что это за животное, опасное ли оно и что намеревается делать. Так что Аркаша его слушался, и за четыре часа, которые шел по степи, ни разу не столкнулся с какой-нибудь опасностью.

Правда, разок он прошел между ног диплодока. Но не сразу догадался, что над ним не листва деревьев, а брюхо гигантского динозавра. И только когда сверху донесся страшный утробный гул, и Аркаша даже присел от неожиданности, Шпигли заметил:

— У динозаврика нелады с животиком.

Тогда-то Аркаша посмотрел наверх и понял, что толстые стволы деревьев, между которыми он прошел, на самом деле — ноги динозавра. И тут один из стволов поднялся, согнулся и двинулся в сторону. Второй ствол покачнулся тоже.

— А теперь бежим! — приказал Шпигли. — Динозаврик решил погулять, и если он на нас наступит, он этого не заметит.

Аркаша припустил со всех ног и только шагов через сто обернулся.

На фоне зеленого неба, как будто вырезанный из черной бумаги, медленно двигался силуэт гиганта.

Динозавр поднял к небу маленькую головку, и с высоты, как будто от самых звезд, донесся его тоскливый вой.

— Чует малышка, что плохи наши дела, — сказал Шпигли.

— Почему плохи дела?

— Разве ты не устал, практикант?

— Постольку-поскольку мы с вами уже прошли полдороги, если не больше, другого выбора нет, — разумно ответил Аркаша.

— Давай посидим, отдохнем, — сказал Шпигли.

— Если вы будете меня жалеть, то мы далеко не уйдем, — ответил Аркаша.

— Практикант! — воскликнул Шпигли. — Я начинаю тебя уважать.

— Спасибо. — Аркаша даже смутился. Такого он от ворчливого Шпигли не ожидал.

— Я предлагаю пройти еще три километра, — сказал Шпигли. — Судя по карте, которая во мне, мы окажемся на крутом берегу Москвы-реки.

— Москвы-реки? — удивился Аркаша.

— На крутом берегу той реки, которая текла когда-то там, где в наши дни будет течь Москва-река, неужели непонятно?

— Теперь понятно.

— Там мы с тобой отдохнем, а утром осмотримся и продолжим путешествие. Ночью на охоту выходят такие твари, что даже я могу не успеть... тебя защитить.

И как бы в ответ на эти слова послышался свист, и с неба на них что-то кинулось. Аркаша так и не успел сообразить, что это такое, потому что Шпигли выпустил в нападавших пучок молний. Одна из тварей упала на землю. Оказалось, что это скорпион с перепончатыми крыльями.

Он извивался на земле, и Аркаша подумал: «Как хорошо, что сейчас темно, я бы перепугался от одного его вида».

— Какая радость! — воскликнул Шпигли. — Это совершенно неизвестный палеонтологии вид мерзких тварей. Мы имеем право назвать его своим именем. Скорпионис Шпиглиада. Звучит?

— А почему Шпиглиада? — спросил Аркаша. — Они же на меня нападали!

— Для тебя тоже найдем каких-нибудь неизвестных гадов, — сказал Шпигли. — А я старше. И я здесь уже в шестой раз. Пора бы мне прославиться.

Когда они поднялись на высокий берег реки, уже начало светать.

Река была в тумане.

По небу неслись облака. Зеленое свечение с трудом пробивалось сквозь них.

— Ты спи, — сказал Шпигли, — а я тебя посторожу.

Аркаша прилег на землю под пузатой пальмой.

И понял, что смертельно устал. Вот уж не думал, что вместо того, чтобы снимать фильм о динозаврах, он будет вынужден бродить ночами по степи и скрываться от летающих тарелок.

Аркаша не заметил, как заснул. Ведь даже если ты очень устал, ты все равно не замечаешь, когда наступает сон. Зато всегда замечаешь, когда просыпаешься.

Так случилось и с Аркашей. Он проспал, как ему казалось, всего минуту, когда в мозгу словно будильник прозвучали слова Шпигли:

— Пора вставать, пора приниматься за великие дела!

— Ну отстаньте, — сказал Аркаша. — Ведь я всю ночь топал.

— Мне не нравится, что происходит вокруг, — сказал Шпигли. — И чем скорее я отправлю тебя в твой век, тем лучше.

— А что?

Аркаша сел и поежился. Холодный ветер прилетел откуда-то снизу. Голубой утренний туман окутал все вокруг так, что в двух шагах ничего не было видно. Из тумана снизу доносился низкий глубокий вой каких-то чудовищ, выскакивали большие комары и вились вокруг — они не кусались, но противно звенели.

— Скоро туман разойдется, — сказал Шпигли. — Я чувствую. Дождик пойдет, и туман разойдется.

— Дождика нам еще не хватало, — расстроился Аркаша.

— Зонтик не входит в комплект приборов и орудий для практиканта, — сказал Шпигли. — Считается, что практиканты дождика не боятся.

— Погодите, — сказал Аркаша. — Мне кажется, что я слышу голоса.

— Не может быть, — сказал Шпигли, но замолчал.

И в самом деле, снизу, от реки, доносились слабые, как жужжание насекомых, голоса.

— Это пришельцы, — сказал Аркаша.

— Это может быть кто угодно, — возразил Шпигли. — Например, другие практиканты, беженцы, туристы из какого-нибудь фантастического будущего или даже экспедиция, которую послали искать нас с тобой.

— Пойдемте поглядим, — предложил Аркаша.

— Я возражаю, — сказал Шпигли. — Я возражаю, потому что может возникнуть опасная ситуация для моего практиканта.

— Мы осторожно, — сказал Аркаша. — Вы же понимаете, что вернее всего это несчастные пассажиры со взорванного корабля.

— А я этого не понимаю, — ответил Шпигли. — Мне кажется, что это те, кто их взорвал. И у них есть локаторы. Так что они нас засекут быстрее, чем мы их увидим.

— Значит, мы будем сидеть здесь и ждать? Чего?

Шпигли молчал минуты две. Потом сказал:

— Смелого пуля боится, смелого штык не берет. Это очень старинная песня смелых людей. Идем, только будешь во всем мне подчиняться.

Начался дождик. Он был теплый и какой-то несмелый. Но он прибил туман к земле, и стало, по крайней мере, видно, куда идти, куда ставить ногу.

Аркаша прошел вдоль берега по краю обрыва, пока не оказался над тем местом, откуда доносились голоса.

Последние клочья тумана уползали по воде, и было видно, что под обрывом, на усыпанном камнями берегу, лежит небольшой космический корабль, похожий, скорее всего, на гороховый стручок. Видно, корабль был поврежден, потому что несколько необычного вида существ стояли перед ним и рассматривали нос корабля, который врезался в каменную глыбу. Эти существа разговаривали, и звук голосов легко поднимался наверх, и с края обрыва он был хорошо слышен Аркаше.

Стало достаточно светло, и Аркаша смог разглядеть пассажиров корабля. И у него возникло странное чувство, что он их уже видел, удивительно — где, когда? Нельзя же забывать, что он попал в первобытную эпоху.

Эти существа выглядели как насекомые, хотя передвигались на двух ногах. Ножки у них были тонкие, как палочки, с толстыми твердыми суставами. Ножек было две, а вот рук — четыре. Так что всего конечностей шесть. Головы существ походили на муравьиные, но с золотистой шерстью. Большие круглые желтые глаза смотрели в разные стороны.

Одежда этих существ закрывала только маленькие туловища.

Ростом они были чуть повыше Аркаши.

— Откуда я их знаю? — вслух спросил Аркаша.

— Ты их видел раньше?

— И совсем недавно, — сказал Аркаша.

Он словно услышал скрипучий голос: «Папа, до-ро-гой!»

Нет, таких совпадений не бывает!

Аркаша хотел рассуждать и дальше, но тут он услышал знакомый гул — показалась летающая тарелка.

— Ложись! — приказал Шпигли.

Аркаша упал на траву.

На этот раз корабль инопланетян не пролетел мимо — вероятно, с него увидели существ у реки.

Тарелка взмыла вверх и затем спикировала к реке.

Шпигли, когда хотел, мог становиться тяжелым, как чугунная гиря. Аркаша почувствовал, что его руку прижало к земле, а в голове шепчет Шпигли:

— Не шевелись! Они стреляют по всему, что движется!

Были слышны крики, сыпалась земля, лопались камни, падали деревья. Поднялся ветер — он несся порывами, норовя сбросить Аркашу с обрыва.

Наконец все стихло.

— Можно подниматься, — сказал Шпигли.

Аркаша подошел к краю обрыва. Ему не хотелось смотреть вниз — он знал, что ничего хорошего не увидит.

Но посмотреть надо.

Внизу, на берегу реки, все изменилось. От похожего на стручок корабля остались лишь рваные клочья металла и пластика, будто его прожевало и выплюнуло чудовище. Земля вокруг была выжжена, и даже вода у берега, в заводи, еще кипела — над тем местом поднимался пар.

— Они их убили! — в ужасе произнес Аркаша.

— Пойдем дальше, — сказал Шпигли. — Только включи кинокамеру и сними все. Нам надо будет показать это в институте.

Аркаша послушно начал снимать с обрыва. Потом он сказал:

— Может, спустимся, посмотрим? А вдруг кто-то остался жив, и мы поможем.

— Нет, — возразил Шпигли. — Мы этого не сделаем. А если убийцы вернутся обратно? Что от нас останется? Пшик!

— Я осторожно, — сказал Аркаша.

— Ты же знаешь, что я тебя не пущу.

Аркаша решил обмануть Шпигли. Он сделал вид, что согласен, но сам внезапно попытался сдернуть браслет с руки.

— Ха-ха-ха! — воскликнул Шпигли. — Некоторые наивные мальчики забывают, что каждая их мысль мне известна. Ну тащи, тащи меня, придется тебе собственную руку отрезать.

— Я нечаянно, — сказал Аркаша, и ему стало стыдно. Тем более что и эту попытку обмануть его Шпигли тоже услышал. И засмеялся.

— Ну давайте спустимся! — попросил еще раз Аркаша. — Нельзя бросать других в беде.

— Во-первых, — ответил Шпигли, — нельзя бросать в беде своих друзей и соплеменников. Знаешь, кто такой соплеменник?

— Конечно, знаю. Это тот, кто со мной из одного племени.

— Правильно. Но если ты видишь войну каких-то совершенно чужих для тебя существ — не вмешивайся. Это великий закон Галактики. Потому что мы не знаем, на чьей стороне правда.

— Я не про правду говорю, — сказал Аркаша. — Я говорю о том, что видел, как вооруженный корабль уничтожил тех, которые были там, внизу.

— А может быть, они — опасные преступники? Может быть, за ними гнались, чтобы их обезвредить? Может быть, это опасные насекомые, безжалостные и злобные. А ты их хочешь спасать?

— Я верю в то, — твердо сказал Аркаша, — что всегда надо помочь безоружному и раненому, всегда надо помочь обиженному и слабому. А уж потом мы разберемся, кто там злобный, а кто добрый.

— Чепуха, чепуха, чепуха! — завопил Шпигли. Аркаша даже поморщился от его крика внутри головы. — Так вы, люди, будете помогать паразитам. Ты спустишься, а они тебя съедят! Ты думаешь, почему я жив и буду жить дальше? Потому что я никогда не вмешиваюсь, если мне может грозить опасность. И тебе не разрешаю вмешиваться. Вот приедут специалисты, пускай они и разбираются.

— Какие специалисты? — удивился Аркаша.

— Мы доложим в Институте времени, там изучат всю обстановку и пришлют специалистов.

— Все, — сказал Аркаша. — Я очень вас уважаю, но я пошел вниз. Потому что кто-то может нуждаться в помощи.

— Но они же насекомые!

— Насекомые тоже люди! — воскликнул Аркаша.

И этим он так удивил Шпигли, что тот замолчал, и только когда Аркаша отыскал не очень крутое место и стал спускаться к реке, Шпигли попытался утянуть его обратно. Но Аркаша упрямо лез вниз, и даже Шпигли ничего не мог поделать, к тому же он не знал, кто прав, а кто нет.

Спускаться было трудно не только потому, что обрыв оказался крутой и из-под ног вниз все время срывались комья земли и камешки, но и потому, что дождь шел все сильнее и уже не был таким теплым, как вначале.

Наверное, прошло минут десять, прежде чем Аркаша достиг полоски песка, которая отделяла обрыв от реки.

Страшный горелый запах был таким сильным, что даже дождик не мог его смыть.

Вокруг было тихо и пусто, если не считать громадных обломков уничтоженного корабля.

— Ну вот, убедился? — сказал Шпигли. — Теперь пошли дальше. Ведь твои бабушка с дедушкой очень волнуются.

— И еще волнуются мои папа, мама, сестры, братья, товарищи по классу и соседи по даче, — ответил Аркаша. — Ведь вы за себя боитесь!

— Это оскорбительно, — сказал Шпигли. Он тянул руку вниз, и Аркаше казалось, что он тащит тяжелую сумку.

В тот момент облака на несколько секунд разошлись, словно специально, чтобы Аркаша мог увидеть, как по небу несется, уменьшаясь и превращаясь в яркую звезду, космический корабль — тарелка, которая недавно устроила здесь бойню.

— Видели? — спросил Аркаша.

— Видел, — сказал Шпигли. — Возможно, они считают, что сделали свое дело, и улетают. А возможно — ничего подобного, и они только заманивают нас. Мы побудем здесь еще немного, а они вернутся и нас убьют. Да и вообще — с чего ты решил, что у них только один корабль?

Глава девятая

КАК СПАСТИ ПРИШЕЛЬЦЕВ?

Аркаша пошел вдоль песчаного берега. Он разглядывал разбросанные остатки корабля — тут была такая температура, понял он, что никто не мог уцелеть. И следа от людей не осталось.

Жаль, так мы и не узнаем, что же произошло.

И тут он увидел, что по берегу спешат к нему несколько... четверо существ, таких же, как те, кто погиб возле корабля.

Одно из существ было покрупнее, трое остальных поменьше.

Они несли пучки травы, цветы, ягоды в пластиковых мешочках...

Когда эти существа увидели, что их корабля нет, а рядом с его остатками стоит какое-то неизвестное создание, они сначала замерли, но потом тот, что покрупнее, что-то крикнул, и, кидая свою добычу, существа бросились бежать.

— Остановите их, Шпигли! — велел Аркаша.

— Я не могу. Они очень боятся.

Аркаша кинулся за беглецами. Он понимал, что если это последние из пассажиров корабля, которые еще не знают, какая ужасная судьба настигла остальных, то они убегут и окажутся беззащитными в этом мире. Они, может, и не подозревают, какие чудовища здесь обитают!

К счастью для Аркаши, существа бежали очень медленно, тонкие ножки с трудом держали их.

— Сила тяжести здесь значительно выше, чем у них дома, — сказал Шпигли. — И воздух для них плох. Далеко не убегут.

— Ну скажите им, что мы не враги!

— Они думают, что это мы погубили их корабль.

— Ну объясните! Я же не могу с ними говорить, я их языка не знаю.

— Я стараюсь, — сказал Шпигли. — А ты беги, не останавливайся.

На помощь Аркаше пришел случай. На берегу, занимая весь пляж от обрыва до воды, лежала черепаха, да, именно

такие черепахи водились в меловом периоде — длиной она была метров в пять, а ее панцирь был украшен толстыми короткими шипами.

При виде беглецов черепаха лениво подняла голову и широко открыла свой короткий загнутый клюв.

Насекомые замерли. Видно, плавать они не умели, а больше деваться было некуда.

Тогда самое крупное из несчастных существ схватило камень и кинулось на Аркашу. Оно бросило в него камень, но тот не долетел и упал в воду, подняв столб брызг.

— Они в полном отчаянии, — сообщил Шпигли, — я думаю, что они не очень опасны.

— Так скажите им, что и мы не очень опасны!

Наконец, видно, до существа дошли мысли Шпигли. Оно остановилось, прислушиваясь.

Аркаша рассматривал пришельцев.

Конечно же они были насекомыми, и он их видел раньше...

Правильно! Перед самым началом практики, когда они возвращались с Алисой Селезневой со станции юных биологов! Тогда такое странное существо преследовало Аркашу и кричало, что он его папа!

Какое странное совпадение! Такого быть не может.

Ведь между двумя встречами шестьдесят пять миллионов лет!

— Я объяснил ему, что мы здесь находимся как исследователи, в экспедиции. Что мы вдвоем с тобой. Только он не понимает... он даже меня оскорбляет, — сказал Шпигли.

— Что вы имеете в виду? — спросил Аркаша.

— Он думает, что ты — единственное здесь разумное существо, а я если и существую, то как паразит. Сижу у тебя на руке и пью твои соки! Это же надо докатиться до такого обвинения!

— Лучше узнайте, пожалуйста, кто они и откуда, что произошло?

— Не все сразу, практикант, не все сразу. Они перепуганы, они увидели, что погиб их корабль, что погибли все их друзья, они меня сейчас спрашивают, неужели никого не осталось?..

Аркаша отошел немного в сторону, чтобы пропустить пришельцев, и они медленно подошли к обломкам своего корабля.

Маленьких пришельцев стала бить дрожь, один даже упал и чуть шевелил лапками, а старший и самый большой пошел вокруг обломков, заглядывая под них и за ними.

— Я сказал, что их враги выжгли все живое боевыми лучами и улетели... А может, и не улетели. А он говорит, что когда кластапуги догнали их большой корабль и взорвали его, то им удалось спуститься на нашу планету на спасательном катере. Многие погибли, но некоторым удалось спастись. Самым маленьким.

— Как так самым маленьким?

Шпигли молчал, он слушал, как говорит насекомое, и минуты через две начал пересказывать его речь. А Аркаша тем временем поближе разглядел пришельцев, которые старались помочь своему упавшему товарищу. Один из них или точно такой же, как они, живет сейчас в Москве двадцать первого века. И эту загадку Аркаша никак не мог решить.

— Он говорит, — перевел Шпигли, — что кластапуги захватили их планету. Завоевали. Они убили очень многих, потому что коо жили мирно...

— Кто такие коо? — спросил Аркаша.

— Неужели ты не понимаешь, — вот эти насекомые и есть коо. На них напали злобные кластапуги, которые хотели захватить их планету. Коо смогли запустить последний корабль, на который они погрузили своих детей и воспитателей. Они надеялись, что большой космический корабль сможет скрыться от врагов и найти новую планету для жизни. Но кластапуги увидели, как стартует корабль, и погнались за ним. Они настигли его у самой Земли, и конец этого боя мы увидели. Капитан корабля приказал детям перейти в спасательный катер, потому что с минуты на минуту большой корабль должен был погибнуть. И за несколько секунд до его страшного конца спасательный катер ушел к Земле, унося часть несчастных детей коо.

Аркаша вспомнил, что видел, как от большого корабля перед его гибелью отделилась маленькая звездочка. Значит, это и был «стручок»!

— Они надеялись, что в пылу битвы кластапуги упустят беглецов. Но те заметили отлет спасательного катера и отправили на его поиски один из своих истребителей. Коо опустились здесь, под прикрытием высокого обрыва, и так как никто на них не нападал, они сделали непростительную глупость — остались возле корабля. Надеялись, что, как только кластапуги улетят, они отправятся дальше искать себе новую родину. Мудрый Жи и трое детей постарше пошли искать пищу для остальных, но вдруг услышали взрыв. Они побежали обратно... и увидели, что все погибли, а рядом с уничтоженным кораблем стоит отвратительного вида чудовище.

— Какое еще чудовище? — спросил Аркаша.

— Я думаю, они имели в виду тебя, мой дорогой практикант, — ответил Шпигли.

Насекомые закивали головами, показывая, что Аркаша и есть чудовище.

Аркаша решил оставить выяснение этого вопроса, пока не научится языку насекомых. Он уже понял, что не может вот так — повернуться и уйти отсюда. Перед ним стояла кучка несчастных беженцев, которых надо выручать. И неважно, хорошие эти коо или плохие, как рассуждает Шпигли. Главное, что трое детей с другой планеты и учитель Жи оказались в чужом мире, не знают, что делать и куда идти.

Как только Аркаша понял, что теперь он должен отвечать за жизнь этих осиротевших пришельцев, он сразу стал спокойнее и даже старше. Так с ним всегда случалось на экзаменах. Может, еще это происходило оттого, что у Аркаши — единственного во всем классе — было пять младших сестер и братишек. Аркаша понял, что теперь съемки фильма и наблюдения за динозаврами становятся не главным его занятием...

— Ты что задумался? — спросил Шпигли. — Что-то я не могу разобраться в твоих мыслях, практикант.

— Спросите их, — сказал Аркаша, — могут ли они остаться на Земле и жить здесь?

Шпигли ответил почти сразу.

— Нет, — сказал он, — к сожалению, это исключено. Учитель Жи говорит, что сила тяготения на Земле в два раза

сильнее, чем на их планете. От этого они ходят с трудом. К тому же воздух не совсем такой, какой им нужен, они задыхаются. К сожалению, они скоро умрут, и никто их не может спасти. И еще он говорит, что его уже не жалко, а вот последних детей планеты Коо очень жалко.

— Пускай не плачет, — сказал Аркаша. — Есть мы с вами, и мы не дадим их в обиду.

— Правильно! — отозвался Шпигли. — Только помни, практикант Сапожков, что мы с тобой не имеем права рисковать своим здоровьем. И пускай они живут как хотят, мы зла им не причиним. Но помочь мы им не сможем. Исключено.

— Все наоборот. Мы им будем помогать!

— Я тебе запрещаю рисковать! Хватит уже того, что первая машина времени засыпана в пещере. Тебя ждут дедушка с бабушкой.

— Ну что вы пристали ко мне с дедушкой и бабушкой! Они меня уже десять лет как ждут с утра до вечера. Но сначала мы решим, как помочь детям.

Насекомые коо стояли в отдалении, глядели на Аркашу, который разговаривал сам с собой, и не понимали, что же происходит.

— Шпигли, — приказал Аркаша, — немедленно начинайте учить их русскому языку.

— Как же я это сделаю?

— Вы отлично знаете, как это делается, — сказал Аркаша. — Вы же можете говорить с ними без слов.

— Я просто передаю им свои мысли.

— А вы передавайте не только мысли, но и слова, — попросил Аркаша. — Может, кто-нибудь из них окажется способным. А я пока подумаю.

Шпигли фыркнул, он был недоволен поведением своего практиканта. Но, как ни странно, послушался.

А Аркаша стал думать.

Если оставить пришельцев здесь, в надежде, что они как-нибудь выживут, вернее всего, они не дождутся помощи. Ведь, судя по всему, все их соотечественники убиты. Надо будет обязательно выяснить потом у них, а почему эти клаастапуги так жестоко на них напали?

Как назло, этих пришельцев нельзя взять с собой — они рассыплются через полкилометра. Оставить их на берегу — через полчаса какой-нибудь хищный динозавр или крокодил решит, что кто-то подбросил ему вкусный ужин, и полакомится несчастными насекомыми.

Значит, остается одно: первым делом отыскать для пришельцев надежное убежище, чтобы они могли потерпеть там, пока Аркаша со Шпигли найдет запасную машину времени.

— Ну и как у вас идут дела? — спросил Аркаша у Шпигли.

— К сожалению, никаких способностей к языкам они не обнаруживают, — ответил Шпигли. — Считай, что нам не повезло.

— Постольку-поскольку мы все равно должны их спасти, — сказал Аркаша, — придется тогда вам обо всем договариваться. Нам надо отыскать для них убежище.

— Опасно задерживаться здесь, — сказал Шпигли. — Давление падает, погода портится, над нами образовалось облако пыли. Мне все не нравится. Оставим их здесь, пускай ждут.

— Нет, только не здесь, — возразил Аркаша, — здесь опасно.

— Но нам еще опаснее, — сказал Шпигли.

Аркаша уже привык к нему и научился не слушать поучений браслетика. Все-таки тот не человек. Это люди совершают неправильные поступки. Хорошие или плохие, но неправильные. И этим они отличаются от машин и биороботов, даже самых умных. Конечно, с точки зрения безопасности, как любит говорить Шпигли, разумно поспешить к машине времени. В задание нашей исторической практики не входит забота о каких-то непонятных уродцах. Но Аркаша не мог их бросить — разумно это было или неразумно!

— Как вы думаете, — спросил Аркаша у Шпигли, — где им безопаснее всего укрыться, пока мы будем искать машину времени?

— Не знаю, — ответил Шпигли. Он был недоволен своим практикантом. — К тому же я должен сообщить тебе, Сапожков, что я буду голосовать за неудовлетворительную от-

метку за практику. Ты был недисциплинирован и не занимался исторической тайной, а занимался неизвестно чем.

— Постольку-поскольку... — начал было Аркаша, и тут один из детей пришельцев сказал:

— Постольку-поскольку здравствуйте, здесь опасно, но где машина времени?

Аркаша даже рот разинул от удивления.

Но Шпигли его разочаровал:

— Этот пришелец повторяет твои слова, как попугай, а сам ничего не понимает.

Старый учитель Жи что-то начал говорить, размахивая четырьмя лапками, но Шпигли молчал.

— Шпигли! — Аркаша почувствовал неладное. — А ну-ка немедленно расскажите мне, что сказал учитель?

— Ничего особенного...

— Я никогда не думал, что роботы-охранники могут говорить неправду, — удивился Аркаша.

— Вопрос не в правде или неправде, — сказал браслетик, — а в том, что я оскорблен твоим недоверием. И непослушанием. Мне еще никогда не попадался такой непослушный практикант. И никто еще не называл меня роботом! Ах, как жаль, что у меня нет ног! Я бы убежал от тебя — и разбирайся в своих проблемах как знаешь.

Насекомые не слышали разговора между Аркашей и Шпигли, потому что Аркаша думал, а Шпигли читал его мысли и так же мысленно отвечал. Но они понимали, что дело неладно. И конечно же боялись остаться здесь без защиты.

— Учитель Жи, — медленно сказал маленький пришелец, — говорит, что я, Красивый Ай, гений. Я учил все языки моего дома Коо, я учил твой язык, я слушал твои слова, и постольку-поскольку я все помню, я хочу говорить дальше. Слышишь, мой учитель Жи говорит тебе то же самое?

— Эх, Шпигли, Шпигли, — сказал Аркаша. — Вы неточный переводчик. Но давайте не будем ссориться. Вы же видите, что идет дождик, космические пришельцы замерзли и дрожат. Я тоже. Где нам спрятаться? Где здесь пещера или шалаш?

— Здесь нет шалаша, — сказал Шпигли. — И я не чувствую пещеры. Пускай пришельцы сами поищут себе убежище. Нам пора идти.

Аркаша обернулся к Красивому Аю. Теперь он уже был уверен, что через шестьдесят пять миллионов лет именно с ним он встретится в Москве. Он не знал, почему так случится, но по крайней мере меньше удивлялся тому, что какое-то разумное насекомое будет называть его папой и повторять любимое выражение Аркаши: «Постольку-поскольку».

— Ты меня немного понимаешь? — спросил Аркаша.

— С каждой минутой я запоминаю все больше слов, — сказал Красивый Ай. — Скоро я буду все понимать.

— В этом нет нужды! — обиделся Шпигли. — Я всегда скажу тебе, Аркадий, о чем думает это насекомое.

Аркаша поморщился. Он услышал в тоне Шпигли презрение к несчастным пришельцам.

Он посмотрел наверх. Конечно, лучше бы, чтобы пришельцы подождали его возвращения наверху, на обрыве. Но он понимал, что насекомым, непривычным к силе тяжести на Земле, взобраться на обрыв невозможно.

— Ждите, — сказал он, — спрячьтесь среди обломков вашего корабля. А я пройду вдоль берега и поищу для вас убежище. Понял?

— Конечно, я понял тебя, мудрый старший брат. Мы затаимся, как ничтожные брамблюки при виде господаруса.

— Правильно, замечательно! — ответил Аркаша. Конечно, он не знал, кто такие брамблюки и почему они боятся господарусов. Но вряд ли это так важно! — Ждите. Мы со Шпигли вас не покинем.

— Не покинем, — подтвердил Шпигли, который не рад был задержке, но решил больше не спорить с Аркашей.

Аркаша посмотрел, как учитель Жи загнал своих подопечных под большой кусок обшивки корабля, и быстро пошел вдоль берега, глядя вверх на обрыв в надежде отыскать там черную дыру пещеры. Но ничего не находил.

Река бежала быстро, вода в ней была серой, дождь хлестал все сильнее, стало сумрачно, словно наступал вечер.

— Сколько сейчас времени? — спросил Аркаша.

— Девять тридцать утра, — ответил Шпигли. — Ничего мы не найдем.

Было холодно, и с каждым мгновением становилось все холоднее.

Дождь шел мутный, словно в нем мыли посуду. От этого сквозь струи было трудно смотреть.

Аркаша хотел спросить Шпигли, что он думает по этому поводу, но тот прочел мысль Аркаши и ответил:

— Постольку-поскольку от взрыва в воздух поднялось много тонн пыли, она теперь смешивается с водой...

Аркаша заметил, что Шпигли начал говорить его любимое слово. Неужели это так заразительно?

Они отошли уже далеко от разбитого «стручка», но никакого укрытия для пришельцев не было видно.

Впереди возвышались какие-то фигуры, похожие на толстые стволы деревьев, вернее, на толстые морковки, которые росли корнем вверх.

— Поглядите, — сказал Аркаша. — Кажется, я что-то нашел.

— Я бы на твоем месте не радовался, — сказал Шпигли.

Аркаша подошел поближе и удивился — оказывается, это были динозавры. Они сидели столбиками, как суслики у своих нор. Размерами они были чуть больше слона, на головах у них торчали красные гребни, как у петухов, одним гребнем Аркаша мог бы накрыться, как одеялом.

— Коритозавры, — сказал Шпигли, — они относятся к гадрозаврам.

— Они хищники?

Каждый из коритозавров был окружен невысоким земляным валом, словно сидел в пиале.

— Это травоядные динозавры, можешь их не бояться, только не спугни, а то они наступят на нас.

— А что они делают? — спросил Аркаша.

— Что делают все хорошие мамы?! — сказал Шпигли. — Они высиживают яйца, а потом займутся воспитанием детенышей.

— Не может быть! — сказал Аркаша. — Динозавры все-таки тупые ящеры, как они могут воспитывать детей?

— Это раньше так думали, что динозавры — тупые ящеры, — сказал Шпигли. — А теперь уже точно установлено, что многие из них не только были теплокровными, но они

выращивали потомство, жили стаями, в которых были свои вожаки — если бы не загадочная беда, мы с тобой могли бы стать динозаврами. Разумными динозаврами.

— Что касается вас, я не знаю, — сказал Аркаша. — Но из меня бы динозавр не получился.

Несмотря на то, что Аркаша чрезвычайно осторожно подходил к мамашам-динозаврихам, которые высиживали яйца, они увидели его и, как по команде, повернули к нему странные петушиные головы и принялись угрожающе шипеть. Они пугали пришельца, но Шпигли был спокоен.

— Никуда они со своих яиц не слезут! Они тебя только стращают. Тем более что им очень холодно. Я так и чувствую их страх — они не тебя, маленького, боятся, они боятся, что стало холодно, и яйца могут остыть. Тогда их детишки погибнут. Они думают, что раньше так не было.

Вдруг Шпигли замолчал, а через секунду крикнул:

— Бежим!

— Почему?

— Не спрашивай!

Аркаша послушно побежал по берегу.

— Прижмись к обрыву! — велел Шпигли.

Аркаша послушался его, и вовремя.

Мимо него, тяжело приминая песок и камни, пронесся страшный ящер. Он был так невероятно силен и тяжел, что Аркаша даже не сразу сообразил, как он называется, — не узнал его, хоть видел на экране и в книгах.

— Тиранозавр! — подсказал Шпигли. — Ну, нам с тобой, практикант, повезло! Тиранозаврус рекс! Знаешь, что это значит?

— Король ящеров-тиранов! — перевел Аркаша.

— Почти правильно, — сказал Шпигли, который не жаловал слишком знающих практикантов.

Но Аркаша не слушал Шпигли. Он увидел, как тиранозавр прыгнул на ближайшую мамашу.

У него было странное, уродливое тело — гигантский, толстый, сильный хвост, как у крокодила, громадные сильнющие задние лапы, как у птицы Рокх, на концах их, как загнутые сабли, торчали такие когти, что они могли разорвать пополам бегемота. Голова у этого гиганта была так велика,

что занимала треть тела, а пасть, в которой поместился бы автомобиль, усеивали длинные неровные зубищи. Но при всем том передние лапы тиранозавра были маленькими, особенно по сравнению с остальным телом. Впрочем, как увидел Аркаша, они были не очень нужны чудовищу.

Тиранозавр ударил по самке коритозавра всем своим весом, и, отчаянно закричав, она упала, до последней секунды стараясь прикрыть собой гнездо. Ударом задней лапы тиранозавр убил свою жертву и тут же схватил маленькими ручками, чтобы удобнее было заталкивать ее в пасть.

Остальные мамаши вопили, квакали, стрекотали, как пулеметы, но своих гнезд не бросили — они понимали своим небольшим умишком, что если сейчас, в наступившие холода, оставить яйца хоть на несколько минут, они погибнут.

Тиранозавр терзал свою жертву, и Аркаша стоял, не в силах оторвать глаз от страшного зрелища. Дождь то запускал сильнее, то едва моросил. Потом начался град.

Градинки, правда, были мелкие, но больно стегали по плечам и голове.

И вдруг к шуму и крикам прибавился рев — по мелководью вдоль берега к тиранозавру неслись несколько динозавров, в которых Аркаша сразу распознал самцов коритозавров. Конечно, их зубы и когти далеко уступали природному вооружению тиранозавра, но сородичи погибшей мамаши примчались стремительно, совсем не думая, могут ли они победить гигантского хищника. Тиранозавр распахнул свою пасть-вагон, прыгал на врагов, пытался отбиваться маленькими передними лапами, размахивал хвостом и ревел так, что тряслись вершины деревьев.

Коритозавры кидались на него, как собаки на медведя, повисали на нем, и наконец гигантский хищник не выдержал. Как и все негодяи, он был трусоват, и если видел, что его не боятся, предпочитал убираться восвояси.

Коритозаврихи, сидевшие на гнездах, верещали, переживали, один из самцов — ну что прикажете делать! — уселся на место погибшей мамаши. И тут из облаков сквозь холодный дождь вывалились три птеродактиля, которые принялись рвать тело убитой.

— Нам тут не пройти, — сказал Шпигли.

— Что, полезем наверх?

— Обрыв высокий. Да есть ли смысл? Нам уже сейчас возвращаться минут пятнадцать. А что, если дальше уйдем?

Шпигли был прав. И Аркаша понимал это.

— Но что делать?

— Честно говоря, не знаю, — ответил Шпигли.

— Скажите, пожалуйста, — спросил Аркаша, — а насколько вы сильный?

— Я очень сильный.

— Я знаю, что вы можете заставить меня лечь на землю. Но можете ли вы добавить силы моей руке?

— Нет ничего проще.

— Я могу стать в десять раз сильнее?

— Ты не сможешь, но твоя правая рука может.

— Можно я попробую?

Аркаша подошел к высохшему деревцу толщиной в руку. Кора дерева была мокрой и холодной.

— Дайте мне силу, смелый Шпигли! — попросил Аркаша.

— Ты готов к подвигам, практикант-геркулес? — ответил браслетик.

Аркаша постарался согнуть дерево. Оно легко поддалось, и когда Аркаша нажал посильнее, с громким треском сломалось. Коритозаврихи, которые, нахохлившись, сидели на яйцах, обернулись в сторону Аркаши, но, видно, решили, что он не опасен, и даже не стали звать на помощь мужей.

Аркаша поднял дерево одной рукой.

— А теперь отпускай, — сказал Шпигли.

— Почему? Мне же легко, — удивился Аркаша.

— Ничего в мире не достается бесплатно, — сказал Шпигли. — В обычной жизни твои мышцы работают на один процент от их возможностей. Я же заставляю их работать в полную силу. Подумай, ведь не я сломал дерево — сломал его ты, я только помог твоим мышцам собраться в кулак и сделать, что от них требуется. В каждом человеке хранятся замечательные силы, только он их не использует. Посмотри, например, на штангиста. Он же поднимает штангу в пять раз больше собственного веса. Но только потому, что может направить все свои силы в одну точку, в один момент. Попро-

буй штангист погулять, держа штангу над головой, — ха-ха-ха! На второй минуте он грохнется на землю!

Аркаша почувствовал, что силы оставляют его. Он кинул на берег сломанное дерево. Главное он узнал: если нужно, он сможет стать силачом.

— Пошли обратно, — сказал он. — Я нашел решение!

Он повернул назад и быстро пошел вдоль реки. Шпигли донимал его:

— Ну скажи, чего ты хочешь? А то в мыслях у тебя нет никакой ясности!

— Придем, увидим, — отвечал Аркаша.

Стало еще темнее. Река заметно вздулась, вода в ней уже не текла, а неслась вперед, мутная и злая. Вместе с каплями дождя с неба падали снежинки.

— Этого быть не может, — сказал Шпигли. — Мы же с тобой изучали историю мелового периода. Климат здесь ровный, теплый, почти тропический. Вокруг растут пальмы и папоротники, все динозавры ходят голые, ни на ком шерсти нет.

— А вот и есть, — сказал Аркаша. Он показал на животное, похожее на большую крысу, которое плыло по реке, высунув длинную острую морду, а потом выскочило из воды и побежало вдоль берега на низеньких кривых ножках, волоча за собой голый короткий хвост.

Крыса и в самом деле была покрыта шерстью.

— Но ведь ты знаешь, кто это! — воскликнул Шпигли.

— Крыса?

— Это первобытная крыса, прародительница тех, которые тебе известны. Из нее потом выведутся и крысы, и мыши, и даже ондатры. Это предок грызунов. Когда динозавры вымрут, вот эти маленькие, невзрачные на вид млекопитающие и займут их место на Земле.

— Но почему изменился климат? — спросил Аркаша. — Нам с вами никто об этом не сказал.

— Вот я и думаю, — ответил Шпигли. — Только пока не придумал.

Они вернулись на то место, где оставили пришельцев.

Их нигде не было видно!

У Аркаши даже сердце упало: не сожрал ли кто-нибудь несчастных беглецов?

Но когда они подошли поближе, то увидели, что все коо сидят вдоль большого обломка их корабля, прижавшись к нему спинами и тяжело дыша.

— Ты нашел нам дом? — спросил Красивый Ай. — А то нам совсем плохо.

— Я придумал другое.

— А нам далеко идти? — спросил Красивый Ай.

— Вам никуда не надо идти.

Аркаша отошел на несколько шагов от разбросанных по берегу обломков корабля. Наконец он увидел подходящий кусок обшивки, как бы обрывок гигантской трубы, правда, разорванный и сплюснутый.

— Шпигли, — сказал Аркаша. — Включайте меня.

— Как включать? — не понял его Шпигли.

— Включайте мою богатырскую силу!

Аркаша схватил «трубу» и потащил повыше к самому обрыву. Потом он распрямил сплющенную часть обломка и, навалившись на ее край, заставил края трубы войти в обрыв. Теперь получилась как бы искусственная пещера, бочка, лежащая на боку, днищем которой стал обрыв, а открытая часть глядела на реку.

Тут силы полностью оставили Аркашу, и он упал на песок.

Пришельцы коо заверещали, защелкали.

— Учитель Жи, — сказал Шпигли, — говорит, что никогда не мог предположить, что в таком небольшом и слабом на вид теле скрывается могучая сила. И если все жители этой планеты будут такими же, как господин Великий Богатырь Аркаша, то коо не страшны никакие бандиты. Какое счастье, что у его детей такие замечательные друзья и защитники.

Переведя эти слова учителя Жи, Шпигли сказал:

— Теперь потерпи немножко. Я тебе сделаю питательные уколы — иначе ты у меня погибнешь от истощения.

Он сделал Аркаше уколы и велел ему лежать, а Аркаша попросил его:

— Объясните этому учителю Жи, что мы с вами не здесь

живем, а в будущем. Я думаю, раз у них есть космические корабли, они должны понимать, что такое путешествие во времени.

Сказав так, Аркаша отполз в дом, который сделал для насекомых, и улегся там, чтобы не мокнуть больше под дождем.

Красивый Ай и два других ребенка коо уселись возле Аркаши и стали отгонять мух и комаров, которые тут же набились в укрытие — им тоже не нравились холодный дождь и ветер.

— Постольку-поскольку, — сказал Красивый Ай, — ты мой друг, то я хочу, чтобы ты стал моим папой. У меня нет папы и мамы, а кто будет обо мне заботиться?

Остальные дети коо не поняли толком, о чем говорит Красивый Ай, но тоже стали хныкать и просить Аркашу о чем-то на своем языке.

Аркаша не заметил, как под эти голоса заснул, — видно, устал, даже уколы не помогли.

Когда он проснулся, почти ничего не изменилось. Коо сидели в доме-бочке, который построил Аркаша. Всем было холодно. Снаружи хлестал дождь.

— Надо идти, — сказал Аркаша.

— И как назло, газ в воздушном шарике кончился, — сказал Шпигли.

— В такую погоду никакой воздушный шарик не поможет, — ответил Аркаша. — Унесет меня за кудыкины горы.

— Прошу прощения, — сказал Шпигли. — В моем внутреннем атласе такие горы не указаны.

— Когда вернемся домой, покажу, — пообещал Аркаша.

Ой, как ему не хотелось вылезать наружу. «Это не меловой период, а ноябрьский, — подумал Аркаша. — В такую погоду хороший хозяин собаку на двор не выгонит...»

— Твои мысли мне непонятны, — сказал Шпигли. — Может быть, ты психически больной? Какой еще хозяин? Какую собаку? Откуда ты взял ноябрьский период?

— Я шутил, — сказал Аркаша. — Жаль только, что нас с вами отправляли в теплые края и не выдали меховых шуб. Может, мне вас на шею повязать вместо воротника?

— А что! Попробуй! — согласился браслетик.

Аркаша легко снял его и прикрепил на шею. Меховой браслетик уже высох и был теплым. В самом деле, такой воротник немного согревал.

— По крайней мере, — сказал Аркаша, — я ангиной не заболею.

Он посмотрел на пришельцев. Они сидели все четверо в ряд у стены. И смотрели на него круглыми золотыми глазами.

«Теперь я понимаю, что значит материнское чувство, — подумал Аркаша. — Это бывает, когда тебе страшно, как бы что-нибудь плохое не случилось со слабыми существами, которые тебе доверились и ждут от тебя помощи и защиты».

— Вы рассказали учителю Жи, почему мы здесь оказались? — спросил Аркаша у Шпигли.

— Да, — ответил браслетик. — И он очень расстроился. Ему можно посочувствовать. Теперь он оказался не только в миллиардах километров от своей планеты, но и в миллионах лет от нашего времени. Но он будет нас ждать. Что ему остается делать?

Шпигли сказал, куда идти, и Аркаша вылез под холодный дождь. Стало еще хуже, чем час назад. Темнее, холоднее, мокрее.

Аркаша с трудом взобрался на обрыв, чтобы продолжить путь к машине времени. Камни и куски земли валились из-под рук и ног, стебли кустов и пучки травы не держались в размокшей глине. Наверное, полчаса Аркаша полз наверх, и если бы кто-то увидел его в тот момент, когда он выпрямился на обрыве, он бы решил, что это не человек, а грязная глиняная фигурка.

Наверху ветер дул еще сильнее. Кое-где в низинках скопились полоски снега. И когда Аркаша, сгибаясь под порывами ветра, шагал вперед, под ногами время от времени похрустывал ледок, затянувший лужи.

— Такого быть не может, потому что этого не может быть никогда, — бормотал Шпигли. — Ни в одном учебнике или справочнике вы такого не увидите.

Аркаша поглядел налево. Там еще светилось зеленоватое зарево — значит, из воронки продолжала вытекать радиация.

— Скажите, — спросил Аркаша, — а не может быть какой-нибудь связи между холодным дождем и взрывом космического корабля?

— Еще чего не хватало! — откликнулся Шпигли. — Какая может быть связь? Ну, взорвался и взорвался, и дело с концом!

Аркаша понимал, что идти надо скорее, чтобы не замерзнуть, но ветер бил в лицо и кидал горстями ледяную воду.

Аркаша стал считать шаги, но на трехстах сбился, а Шпигли прикрикнул на него:

— Перестань считать, ты мне мысли путаешь!

— А о чем вы думаете? — спросил Аркаша.

— О том, почему вымерли динозавры! — ответил Шпигли.

— Они вымерли от холода, — сказал Аркаша.

— Это ненаучно, — сказал Шпигли. — Через полчаса дождь кончится и станет тепло. Надо потерпеть.

— Вот я и терплю, — сказал Аркаша.

Он шел дальше и дальше и старался думать о всяких приятных вещах — например, о том, как он катался прошлым летом на досках на Гавайских островах или как славно сидеть у камина в горах, смотреть, как огоньки перебегают по дровам... нет, лучше костер. Конечно, костер в лесу, а на перекладине кипит чайник. Сейчас будет горячий чай!

— Аркадий, немедленно прекрати! — закричал Шпигли. — Твои мысли вносят в мою систему полный разлад!

Дорога начала подниматься в гору. Они вступили в редкий лес из деревьев, стволы которых были похожи на капустные кочаны в три обхвата, а сверху метелкой торчали листья.

— Ой! — воскликнул Аркаша.

Он неожиданно налетел на динозавра.

Это был округлый толстяк, похожий на бегемота-переростка. Он сидел, прижавшись спиной к стволу дерева, и мелко дрожал.

— Прости, — сказал Шпигли, — я его не заметил, потому что он ни о чем не думает, а ждет, когда кончится дождик.

Динозавр вдруг оглушительно чихнул.

Наверное, в другой ситуации это показалось бы Аркаше

смешным, но сейчас он только подумал: «Не хватало еще насморком от динозавра заразиться!»

И, скользя по траве, он ускорил шаги.

Главное, понимал он, терпеть и терпеть...

Глава десятая

СИЛЬВЕР НА КОВРИКЕ

Аркаша шел, не думая о времени. Шпигли тоже не приставал со своими рассуждениями — видно, понимал, что лучше под руку не говорить. Только часа через три, когда Аркаша совсем уж терял сознание, а его ноги сами кое-как переступали, Шпигли сказал:

— Остановись, возьми из пояса обед и поешь.

— Я не хочу.

— Ты скоро упадешь, если не подкрепишься.

— Я упаду, если остановлюсь.

Разумеется, этот разговор был совершенно безмолвным — все равно у Аркаши не было сил открыть рот.

Тогда Шпигли сменил тактику:

— Открой глаза! Посмотри, какой удобный камень лежит под тем деревом. Тебе очень хочется присесть на него и выпить горячего чая.

И он так это сказал, что Аркаша понял: именно этого ему и хочется.

Ноги подкосились, и он рухнул на твердый мокрый камень. Здесь, под деревом, дождь шел не так сильно, но капли, собираясь на больших листьях, скатывались вниз и, как вишенки, ударяли по земле или по голове Аркаши.

Аркаша с трудом вспомнил, как надо вынуть из пояса пакетик с обедом, разорвать его, чтобы пища согрелась. Есть ему совсем не хотелось, но он с удовольствием выпил крепкого горячего чая с витаминами и с последним глотком почувствовал, что его тело согревается и он готов идти дальше.

В низине на краю леса Аркаша увидел несколько динозавровых гнезд. Только гнезда были невелики, да и яйца в них чуть больше гусиных.

— Видите, — сказал он Шпигли, — не все сидят на яйцах, некоторые матери занимаются своими делами.

— Не скажи, — возразил Шпигли, — ты лучше посмотри направо.

Аркаша увидел, что там, в овражке, сплелись в один клубок несколько динозавров, не очень крупных, с человека ростом.

— Они не смогли больше сидеть в гнездах, — сказал Шпигли. — Слишком холодно.

— Разве они не понимают, что их дети погибнут?

— Наверное, не понимают. Не преувеличивай их способности, — ответил Шпигли. — Холодно им, замерзают, вот и бросили гнезда.

— Вы говорили, что скоро распогодится, — сказал Аркаша, — а становится все хуже. Если бы так случалось часто, наверное бы, они не бросали гнезд.

— Ну не знаю, — воскликнул Шпигли, — как быть?! Не знаю я всех дел мелового периода. К тому же я промок.

Аркаша ничем не мог помочь своему охраннику и поспешил в дорогу.

Они и дальше встречали всяких динозавров, и больших и мелких. Но все динозавры чувствовали себя не в своей тарелке.

— Они ищут, где магазин меховых шуб, — сказал Аркаша.

Но Шпигли не понимал юмора, поэтому он ответил:

— В меловом периоде не было магазинов.

— Конечно, — не сдавался Аркаша. — Шубы продавали на базаре.

— По-моему, мой практикант сходит с ума, — сказал Шпигли. — Может, еще посидим, отдохнем? Там у тебя должен оставаться неприкосновенный запас продуктов.

— Он может пригодиться потом, — сказал Аркаша. — И вообще зря я его не оставил пришельцам. Я сам виноват — в голову не пришло.

— И хорошо, что не пришло. Откуда ты знаешь, что этим насекомым можно наш чай пить? Даже мне чай пить вредно.

Раздался страшный треск — он даже заглушил шум ветра и дождя.

— Стой! — приказал Шпигли.

Аркаша уже и сам остановился.

Не видя его, по лесу, пробиваясь сквозь кусты и ломая деревья, как слепой, шел самый удивительный зверь, которого можно увидеть в меловом периоде. И хоть Аркаша чувствовал себя ужасно, он замер, восхищенный такой шуткой природы.

Этот динозавр называется стегозавром. Размером раза в два крупнее слона, он кажется еще более высоким, потому что на его спине в два ряда тянутся метровые лепестки — костяные пластины, похожие на заостренные на концах лепестки ромашки.

— Ты о нем читал? — спросил Шпигли, которому очень хотелось поделиться с Аркашей своими знаниями.

— Я знаю, что эти пластины защищают его от врагов. И еще некоторые ученые считают, что они помогают стегозавру согреваться. Он выползает из зарослей, подставляет пластины солнечным лучам, и они быстро прогреваются, а затем согревшаяся кровь стегозавра разбегается по всему телу, и он просыпается.

— Но мозг у него размером с грецкий орех! Ты об этом помнишь?

— Забыл. — Аркаша пожалел Шпигли. Ведь ему так хотелось показаться ученее своего практиканта.

Стегозавр двигался еле-еле. Он наткнулся на толстое бревно, которое не смог сломать, и закашлялся. Он кашлял громко, ухал, от его кашля с деревьев сыпалась листва. Все его массивное полосатое тело содрогалось от приступов кашля, он раскрывал небольшой рот, и оттуда, как из трубы, вылетал рев.

— Плохо дело, — сказал Аркаша. — Что-то они уж очень теплолюбивы. Надо бы шерстью обзавестись.

— Ты уже говорил об этом, — сказал Шпигли. — Но они же не думали, что станет холодно.

— Но почему? — Аркаша никак не мог дать себе ответа на вопрос: почему вдруг наступили холода?

Они вышли на поляну, перед ними тянулась равнина. За ней, скрываясь в полосах дождя, поднимались скалы.

— Уже немного осталось, — сказал Шпигли. — Потерпи, практикант. Нам к тем скалам.

К сожалению, долина, по которой пришлось идти, была залита водой. Кое-где вода только хлюпала под ногами, иногда приходилось переходить широкие лужи.

Аркаша не боялся промокнуть — к счастью, его башмаки, как и комбинезон, были влагостойкими, а также рассчитаны на змеиный укус — ни одному зубу с ними не справиться. Шпигли совершенно серьезно предупредил его:

— Ты близко к динозаврам не подходи. Еще заразишься.

И вдруг сам чихнул.

Это было так неожиданно, что Аркаша остановился и спросил:

— Мне показалось?

— Надо говорить: «Будьте здоровы!» — сообщил ему Шпигли.

— Неужели роботы чихают?

— Это еще одно доказательство тому, что я никакой не робот!

Аркаша замолчал и принялся снова считать шаги. Вода брызгала из-под ног, стало совсем сумрачно, как осенним вечером.

— Который час? — спросил Аркаша.

— Уже третий, — сказал Шпигли.

— А сколько еще идти?

— Час... или два... как получится.

Вдруг Аркаша почувствовал, что земля под ногами дрогнула. В голове возник гул. В нем была угроза.

— Что это такое? — Аркаша остановился.

— Я не вижу, — сказал Шпигли, — но ничего хорошего мы с тобой не ждем.

Аркаша не стал с ним спорить. Он оглянулся — хоть бы какое-нибудь внушительное дерево, или холм, или хоть бы камень, за которым можно спрятаться, потому что ему очень захотелось спрятаться!

Гул приближался — на них надвигалось что-то громадное, тяжелое, как будто неслось войско старинных колесниц.

И вот Аркаша увидел их!

По равнине мчалось полчище динозавров. Тысячи динозавров.

По мере того как они приближались, можно было разглядеть их по отдельности.

К счастью, стадо двигалось не прямо на Аркашу, а наискосок.

— Они бегут на юг, — сказал Шпигли. — Они спасаются от холода и дождя.

В этот страшный для них момент динозавры забыли, кто им враг, а кто друг, кто жертва, а кто хищник... Вот бежит диплодок, от каждого его медленного и неуклюжего шага сотрясается земля. Кажется, что его маленькая головка касается низких облаков; вот рядом, в десять раз меньше диплодоков, семенят утконосые ящеры...

— Цератопс! — закричал вдруг Шпигли, будто совершил великое открытие. Аркаша увидел стадо цератопсов — коренастых, короткохвостых, похожих на носорогов чудовищ, спины которых были покрыты костяными щитами, из которых поднимались и торчали вперед рога.

— А это... — И тут Аркаша забыл, как называется динозавр, которого даже в дурном сне не вообразишь — казалось, что его голову украшает древнегреческий военный шлем или что-то в этом роде. Единственный рог этого динозавра тянулся, загибаясь, назад, и был он в три метра длиной.

— Паразавролофус, — сказал Шпигли, довольный тем, что у него память лучше, чем у практиканта. — Это же совсем просто!

Похожие на кенгуру небольшие злобные ящеры диеноники громадными прыжками неслись по краям армады динозавров, но не нападали на игуанодонов и других травоядных великанов.

Казалось, что скопищу динозавров не будет конца.

Тысячи, десятки тысяч динозавров уходили из этих краев в поисках теплых мест, оставив свои гнезда, свои лежбища, любимые болота и озера.

Аркаша стоял, не в силах шелохнуться, и разглядывал ящеров. Он не сразу сообразил, что надо снимать, но потом нажал на кнопку камеры, и Шпигли, который начал было выговаривать ему за забывчивость, замолчал на полуслове.

И, снимая, он пропустил опасность.

— Беги! — закричал Шпигли, который, видно, тоже загляделся на динозавров.

Оказывается, еще один отряд беглецов, поменьше первого, несся по равнине, но на этот раз ящеры мчались прямо на Аркашу.

Аркаша побежал от них; он старался двигаться не прямо перед стадом, потому что даже в такой момент сообразил, что динозавры обязательно догонят и растопчут его, а в сторону, чтобы не оказаться на их пути. Он задыхался, и тут еще, как назло, началась низина, затопленная водой глубже чем по колено. Для динозавров эта глубина ничего не значила, а вот для Аркаши она оказалась роковой — ведь он вынужден был на каждом шагу вытаскивать ноги из воды!

Он бежал, отчаянно задыхаясь в разреженном воздухе.

— Скорее! — торопил его Шпигли. — Не теряй ни секунды! Ты меня погубишь!

И вдруг Аркаша услышал сверху, от облаков, визгливый крик:

— Они здесь! Скорее, капитан!

Аркаша решил, что ему почудился этот голос, но Шпигли сообразил быстрее.

— Мы здесь! — закричал он. — Мы здесь! Скорее помогите нам!

До первых динозавров оставалось уже совсем немного.

И тут сверху спикировал надувной плотик, или ковер-самолет, или пластиковая подстилка — называйте как хотите.

Посреди этого воздушного корабля сидел одинокий пират Сильвер Джонович, вахтер Института времени, а над его головой кружил любимый пиратский попугай.

— Прыгай! — крикнул пират.

Аркаша подпрыгнул и протянул вперед руки. Пират втащил его на борт ковра-самолета.

Прошло всего десять минут с того момента, как Аркаша думал, что наверняка погиб и не сможет убежать от динозавров, а он уже обо всем забыл. Тем более что старый Сильвер снял свою пиратскую куртку, выделанную из кожи ската, которого задушил когда-то собственными руками в схватке

на глубине тридцати футов у острова Калимантан, и накинул на плечи Аркаши. Сразу стало теплее.

Сильвер хотел без лишних слов отвезти Аркашу к запасной машине времени, но Аркаша сказал, что придется вернуться к реке, где под обрывом их ждут несчастные пришельцы.

Пока ковер-самолет летел к реке, Сильвер рассказал, почему он тут оказался.

— Получаю сигнал, — сказал он, — что машина времени вышла из строя.

— Почему же это вы получаете сигнал? — спросил недоверчивый Шпигли.

— Да потому что дело происходит ночью в воскресенье, когда я один дежурю в институте.

— А робот Вертер? — спросил Шпигли.

— Робот Вертер улетел на конференцию, посвященную стодесятилетию выхода в свет телевизионного сериала «Гостья из будущего», снятого режиссером Павлом Арсеновым. Празднества по этому поводу охватили половину городов Земли, не говоря об отдаленных уголках Солнечной системы.

— А другие сотрудники?

— Другие сотрудники понадеялись на меня. Ведь обычно ничего плохого не может случиться. А такого, чтобы машина времени вышла из строя, еще никогда не было. Включил я компьютер, думал — может, ошибка. Нет, говорит компьютер, машина времени раздавлена горным обвалом. В конце мелового периода. А у нас там как раз один практикант находится. Все, говорю я себе, спокойно, без паники.

— При чем тут паника? — сказал Шпигли. — По инструкции ты должен немедленно вызвать директора института и сотрудника, который ведает практикой.

— Я старый пират, — ответил Сильвер. — Я знаю, что нельзя поднимать товарищей посреди ночи только потому, что на наш фрегат напали какие-то дикари! Я решил, что сначала сам быстренько проверю на линии, что произошло. Взял дежурный ковер-самолет, вызвал попугая, как разведчика, и вылетел. Вот и все. А теперь вы рассказывайте.

Аркаша поведал вахтеру, что с ним произошло за последние часы.

Сильверу было особенно интересно узнать про космическое сражение. Он вообще любил поговорить о битвах — и искренне расстроился, что его там не оказалось.

— Эх, — вздыхал он, — нет здесь моих бандитов и разбойников. Мы бы взяли их на абордаж — только пух и перья бы от них полетели.

Сверху Аркаше были видны стада динозавров — все они двигались к югу. В стороне светилось зеленоватое зарево.

— Там воронка — все, что осталось от космического корабля, — сказал Шпигли.

— Слушайте, — предложил пират, — давайте слетаем туда, поглядим.

— И не мечтай! — возмутился Шпигли. — Ты что, не знаешь, что такое радиация?

— Мне рассказывали, — уклончиво ответил пират, — но как-то я не все запомнил.

— И не мечтайте, — сказал Аркаша. — Вы не только сами погибнете, но и погубите нас.

— Я его не пущу! — закричал попугай. — Он дурррак! Старрый дурак!

Пират отмахнулся от попугая. Он смотрел на динозавров.

— Все собирался сюда, да не было случая, — сказал он. — Неужели такие изверги по свету бродили?

— Вот мы и стараемся понять, куда они делись.

— И не надо понимать, — сказал пират. — Без них лучше. Птички поют, бабочки летают...

Впереди показалась река, за ней «бочка», в которой их должны были дожидаться пришельцы с Коо.

Аркаша заглянул в «бочку», там было темно и пусто. Сначала он подумал, что насекомые коо куда-то убежали или их кто-то сожрал.

— Эй! — сказал он. — Куда вы подевались?

Никакого ответа.

— Ну вот, — сказал разочарованно Шпигли, — а мы старались, жизнью рисковали... хотя постой, постой! Они же здесь!

Тут песок в дальнем конце бочки зашевелился, и из него медленно высунулись сухие ручки насекомых.

— Во-первых, — сказал учитель Жи, — так теплее, а во-вторых, нас никто не увидит.

Красивый Ай вылез из песка следом за учителем Жи и застрекотал:

— Мой папа приехал! О, усынови меня, Аркаша! Мне так трудно жить сиротой.

Учитель Жи рассердился и стал укорять мальчика за то, что он пристает к Аркаше, забывая, что во всей Вселенной, может быть, осталось всего четверо представителей народа коо. А если Красивый Ай станет сыном уважаемого Аркаши Сапожкова, то вообще никаких шансов на то, что славная раса коо возродится, не останется. Даже икру метать будет почти некому!

— Как так метать икру? — удивился пират Сильвер. — Я не выношу лягушек!

— Я не знаю, что такое лягушка, — ответил Красивый Ай, — и я должен честно признаться, что не люблю, когда люди ходят на одной ноге и не могут отрастить себе вторую, которую где-то потеряли...

— Не где-то, а в бою в Бермудском треугольнике! — возразил Сильвер. — Против нашего брига было шесть французских фрегатов и одна испанская каравелла. Грот-мачта пала на меня, и мне пришлось самому отрубить себе ногу, чтобы выбраться из-под нее.

— Поменьше верьте старому жулику! — закричал снаружи попугай. — Я сам видел, как он ее потерял.

— Как же? — спросил Аркаша.

— Он напился как сапожник в таверне «Хромая судьба» на Барбадосе. А платить было нечем. Хозяин погнался за ним, чтобы заставить заплатить, и этот Сильвер бежал так быстро, что обогнал собственную ногу. Она отстала, заблудилась в джунглях, и никто ее потом не смог найти.

Все замолчали, а потом Шпигли произнес:

— Похоже на то, что вы шутите, господин какаду.

— Я еще никогда в жизни не был так серьезен, — ответил попугай. — Спроси у Сильвера. Он не посмеет соврать.

— Еще как посмею, — сказал Сильвер. — Кстати, здесь

речь идет не обо мне, а об этих бескрылых стрекозах. Икру они, видите ли, решили метать! Будто у нас своей не хватает.

Красивый Ай подошел к Аркаше и схватил его за руку тонкими палочками пальчиков.

— Мой папа не даст меня в обиду. А если вы хотите скушать нашу икру, то вы проклятый людоед-икроед!

— Да не собирался я ничего кушать! Я ухожу и оставляю вас одних.

— Нет, — сказал Аркаша, — так нельзя. Мы не можем погубить цивилизацию целой планеты.

— Губить мы не будем, — согласился вахтер Сильвер Джонович, бывший морской пират. — Только попрошу вас доложить, что у вас произошло. Может, вы карманники какие-нибудь и за вами милиция гоняется.

Красивый Ай не понял, о чем речь, да и Шпигли с трудом объяснил слова Сильвера учителю Жи. Учитель Жи понял наконец и разрыдался. Розовые слезы покатились из его глаз, и там, где они падали на железный пол бочки или на песок, вырастали маленькие голубые цветы.

— Во дает! — сказал пират Сильвер. — За одно это я буду защищать народ коо до последней капли крови от негодяев, которые посмеют на них напасть.

А Шпигли перевел для Сильвера и Аркаши рассказ учителя Жи.

— Наша планета Коо небольшая, — рассказал учитель. — Жили мы мирно, никому не мешали, торговали с марраками и прочими соседями по нашей звездной системе. Все шло хорошо, пока у нас не высадились кластапуги.

— Это какие такие кластапуги? — спросил Сильвер. — Знавал я когда-то одного Кластапуги, был он из панамских индейцев, ходил на шхуне «Мать родная», жестокий был человек, двумя саблями дрался. Это не его ли дети?

— Даже не родственники, — ответил за учителя Жи Шпигли. — Твой Кластапуги когда и где жил? А их кластапуги — когда и где?

— Надо проверить, — упорствовал пират.

— Кластапуги, — сказал Шпигли, — по описанию учителя Жи, совсем не похожи на нас, людей.

— Ага, — сказал Сильвер. — А вы, значит, люди?

— А кто же еще!

— Я вас понял, — сказал Сильвер. — Сколько людей, столько мнений. Наверное, если бы моя покойная жена Габриэлла метала икру, я бы тоже ее человеком считал.

Все посмотрели на Сильвера, подождали — может, объяснит, что же он имеет в виду. Но Сильвер достал из кармана трубку и стал набивать ее табаком.

— Кластапуги, — продолжал Шпигли, — произошли от собак бультерьеров. Когда-то на их планете жулики, которые нечестно нажились, обокрали своих соседей, ограбили бабушек и детские приюты, построили себе дома из красного кирпича и стали бояться, что их друзья придут и их ограбят. Для защиты своих домов и нечестного богатства они вывели специальную породу собак, скрестив крокодилов с белыми крысами. Эта порода собак называется бультерьерами, а точнее, на их языке — кластапугами.

— Ой! — воскликнул Аркаша. — У нас на Земле тоже были собаки бультерьеры, только они потом друг дружку перегрызли!

— А на планете кластапугов получилось иначе. Бультерьеры объединились в стаи, грабили дома и сначала загрызли всех бедняков и честных людей, а потом принялись за богачей. Они грабили дома, уничтожали детей, стреляли в полицейских.

— Ну, это преувеличение! — сказал Аркаша. — Как собаки могут грабить дома и стрелять в полицейских?

— В этом виноваты их хозяева. Хозяева думали, что бультерьеры, то есть кластапуги, — их защитники. Поэтому они вырастили им на передних лапах пальцы с когтями и научили их стрелять. Вот и погибли. Кластапуги захватили планету, но они ведь умеют только драться и кусаться. И конечно, плодить щенков. Вот и получилось, что через несколько лет на планете стало нечего есть, и не из чего отливать пули для их автоматов, и ковать сталь для их ножей. Но ведь негодяи всегда чего-нибудь придумают. Вот кластапуги и решили захватывать другие планеты, но не убивать всех жителей, а оставлять рабов, чтобы они трудились на полях и в шахтах. Так они захватили несколько планет, куда сначала прилетали как туристы, как гости, как торговцы, а если планета их уст-

раивала и они видели, что могут ее завоевать, они оскаливались и вонзали свои зубы в глотки жителей планеты. Так случилось и с нами... мы тоже не сообразили, какая опасность нам угрожает...

— Да, — вздохнул Сильвер. — Мы, пираты, были лучше. Захватим, ограбим и плывем дальше, а вы снова добро наживайте.

— Я бы не сказал, что это намного лучше.

— Живи и дай жить другим, — сказал Сильвер. — А вы продолжайте, продолжайте, очень интересно!

— А дальше вы все знаете. Нам удалось поднять в небо один большой корабль, на который мы погрузили детей. Мы думали, что сможем спрятаться. Но они выследили нас и догнали у самой Земли.

— Зачем же они вас убивали?! — удивился Аркаша. — Ведь никакой выгоды нет...

— Ты не понимаешь, — сказал учитель Жи. — Как все мерзавцы, кластапуги трусливы. Ведь они вывелись из рабов, которых специально науськивали, чтобы они бросались на безоружных, кусали и рвали. Кластапуги — это рабы. Подлые рабы подлых хозяев. Они предательски перебили собственных господ, а потом расплодились так, что надо было захватывать чужие земли. Но притом они очень боялись, что об их подлых поступках узнают сильные соседи. И тогда им несдобровать. Вот они и спешили уничтожить свидетелей. Чтобы никто не мог рассказать, что же произошло. Представляете, мы бы добрались до Федерации Точных? И рассказали все. Тут же был бы послан флот, чтобы освободить нашу несчастную планету.

— Но ведь они не всех убили на вашей планете? — спросил Аркаша.

— Конечно, не всех. Но тех, кто остался жив, они загнали в шахты и на заводы. И если кто-то прилетит на нашу планету, его встретят кластапуги и наврут с три короба. Скажут, например, что мы проиграли планету в карты или поменялись с кластапугами планетами — мало ли на что способен подлый враль!

— Надо лететь к вам и наводить порядок, — сказал Сильвер. — Я согласен принять командование боевым фрегатом.

— Это хорошая мысль, — вздохнул Аркаша, — но, к сожалению, глупая. Ты забыл, сколько лет прошло с тех пор?

— Сколько?

— Шестьдесят пять миллионов лет! За эти годы любая планета так изменилась, что даже ни одного океана на старом месте не найдешь. И вернее всего, на той планете уже давно нет ни кластапугов, ни коо.

— Отлично! — сказал Сильвер. — Значит, надо отправить корабль отсюда. Небольшой, хорошо вооруженный крейсер! И мы выбросим этих булей с планеты.

— И как же вы намерены протащить сюда крейсер? — спросил Шпигли. — Через какую машину времени вы это сделаете?

— Ну, я... — и Сильвер замолчал. Конечно же это был пустой разговор. Никто не сможет притащить в меловой период космический корабль!

— Мне интересно, — сказал Аркаша, — почему они здесь не высадились?

— По двум причинам, — ответил Шпигли. — Во-первых, они сразу сообразили, что эта планета еще совершенно первобытная и здесь некого угнетать. Ты же не заставишь динозавров шить тебе брюки или отливать пули!

— А вторая причина? — спросил Аркаша.

— А вторая, как мне сейчас подсказывает учитель Жи, заключается в том, что ни коо, ни кластапуги не смогли бы жить на Земле. Сила тяжести на нашей планете вдвое больше, чем на их собственной, а состав воздуха такой, что они с трудом дышат. Зачем им мучиться?

— Значит, и вам, мои дорогие насекомые, — произнес Сильвер, — пора от нас сматываться на историческую родину.

— Но как? — воскликнул Аркаша.

— Папа, придумай, ты же умный! — взмолился Красивый Ай.

Но Аркаша ничего придумать не смог.

Они сидели, молчали, думали, и вдруг Аркаша увидел, что к ним в «бочку» вползает язык воды. Он выглянул наружу и увидел, что вода в реке поднялась и уже вплотную подступила к убежищу.

С ужасом Аркаша заметил, как мимо них, белым брюхом кверху, как большое бревно, плывет первобытный крокодил. Видно, не выдержал такого холодного купания, простудился и сдох.

— Надо уходить, — сказал Аркаша.

— Ты прав, юнга, — сказал Сильвер. — Не знаю, поднимет ли нас всех ковер-самолет. Будем эвакуироваться по очереди. Сначала отвезем Аркашу и учителя Жи, а потом вернемся за остальными.

— О, нет! — закричал малыш Красивый Ай. — Я вас умоляю, не разлучайте меня с папочкой.

Он вцепился в Аркашу. И поэтому в первую очередь полетели Аркаша с Красивым Аем, а остальные коо остались их ждать.

За тот час, что прошел с тех пор, как Аркаша шел через долину, погода еще ухудшилась. Наступала холодная осенняя ночь.

— Ох, не выжить динозаврам, — сказал пират Сильвер.

Красивый Ай отчаянно вцепился коготками в ладонь Аркаши.

Глава одиннадцатая

ПОТЕРЯЛСЯ РЕБЕНОК!

Запасная машина времени таилась на скалистом острове посреди озера, по которому гуляли серые волны, украшенные барашками. Она стояла в гроте, который был выточен водой в отвесной скале, а между входом в грот и водой была лишь неширокая полоса гальки.

Сильвер опустил ковер-самолет перед входом в грот, выкурил трубочку и поднялся вновь в воздух, чтобы под проливным дождем вывезти пришельцев коо.

Попугай полетел было за ним, но через минуту возвратился и сказал:

— И охота была мне грррип заррабатывать!

Аркаша пошел в глубь грота поглядеть на машину времени.

Она оказалась точно такой же, как и та, что была разрушена в пещере: невысокая круглая платформа, на которой стоял прозрачный стакан размером со старинную телефонную будку. Внутри его находился столбик с наклонной крышкой, на которой располагался пульт управления.

— Это что, папочка? — спросил Красивый Ай.

— Это машина времени. На ней мы с тобой улетим туда, где я живу и где можно укрыться от дождя и холода.

— А там не будет так трудно ходить и дышать? — спросил малыш.

— Я думаю, что там что-нибудь для вас придумают. В беде не оставят.

— Тогда полетели туда скорее! — попросил Красивый Ай. — Я так устал здесь! Я соскучился по музыке. Ты мне купишь скрипку?

— Этого еще не хватало! — воскликнул Аркаша. — Я от своей еле отделался.

— Ты не любишь скрипку?

— Люблю, конечно, люблю, но не сейчас. Вот дождемся учителя Жи и твоих друзей и полетим в наше время. Там все будет.

— Я первым полечу, ладно? — попросил Красивый Ай.

Малыш кинулся было к машине, но его тонкие ножки подогнулись, и Аркаше пришлось его подхватить.

— Я отдохну, — сказал малыш. — Постольку-поскольку здесь сухо и почти тепло...

— Жди нас, — сказал Аркаша. — А я выйду, сниму озеро и бурю. Это может пригодиться.

Он вышел наружу.

В полумраке с неба сыпался мокрый снег, и он казался белым-белым на фоне лилового неба.

Из озера высунулась морда какого-то водяного динозавра на длинной шее. Динозавр смотрел на Аркашу печально, словно просил о помощи.

— Ох, не нравится мне это! — внезапно произнес Шпигли.

— Мне тоже, — сказал Аркаша.

— Ты меня не понял, практикант, — сказал Шпигли. — Мне не нравится твой сыночек.

— Сыночек?

— Твой насекомый красавчик.

— А что такое?

Шпигли не успел ответить, потому что сзади послышался знакомый голос:

— Ну вот я тебя и нашел! Что произошло?

Аркаша обернулся.

Из грота выбежал Ричард Темпест собственной персоной, научный сотрудник Института времени.

Аркаша страшно обрадовался. Он кинулся к Ричарду и обнял его.

Ричард тоже был взволнован.

— Я уж боялся беды! — сказал он.

Ричард был непричесан, одет кое-как, словно только-только вскочил с постели.

— Какая может случиться беда, когда я рядом! — проворчал Шпигли. — Вы меня оскорбляете, коллега.

— Ничего подобного, старина Шпигли, — сказал Ричард. — Никто тебя не оскорбляет. Вы лучше скажите, что произошло? Что случилось с первой машиной времени? Почему вы здесь?

— Первая машина времени погибла, но я заблаговременно вывел из пещеры практиканта Сапожкова, — сказал Шпигли, не дав Аркаше даже рта раскрыть.

— А как вы здесь оказались?

— На ковре-самолете. Нас старина Сильвер привез, — сказал Шпигли.

— Вот этого я и боялся! — возмутился Ричард. — Ведь есть порядок: если случается что-то в прошлом времени, то дежурный по институту робот Вертер... а где, кстати, робот Вертер?

— Он на фестивале «Гостья из будущего».

— Это переходит все возможные рамки! А кто его заменил?

— Пират Сильвер!

— Я во всем виноват! — расстроился Ричард. — Гнать меня надо из Института времени! Пошел домой, лег спать, не проверив, что на дежурстве остался выживший из ума разбойник.

— Ничего подобного! — раздался с неба громовой хриплый голос. — Может, я и разбойник, но никто еще не говорил, что я выжил из ума.

Из низкого облака вывалился ковер-самолет, на котором сидели пират Сильвер и три коо — учитель Жи и два его промокших воспитанника.

Пока они спускались, Сильвер закончил свою речь:

— Мне придется вызвать тебя на дуэль, уважаемый Ричард, потому что пострадала моя честь.

Ричард в полном изумлении смотрел на насекомых с планеты Коо.

— Это беженцы, — сказал Аркаша, — мы вам все сейчас объясним.

— А почему такая погода? Это, наверное, не меловой период, а разгар ледниковой эпохи, — сказал Ричард. — Неужели произошла такая страшная ошибка?

— Никакой ошибки, — сказал Шпигли. — И вместо того, чтобы стоять на ветру и под дождем, я советую вам, мои коллеги, зайти внутрь грота и в относительной сухости все рассказать Ричарду, который умудрился все проспать.

Ричард послушно вошел в грот, и тут, у входа, глядя на бушующее озеро, Аркаша, Шпигли, Сильвер и учитель Жи, перебивая друг друга, рассказали сотруднику Института времени обо всем, что нам с вами уже отлично известно.

— Невероятное стечение обстоятельств!

Ричард внимательно слушал, перебивал, удивлялся, но в конце концов поверил и лишь сердился на Сильвера, который, конечно же, не имел никакого права сам хватать ковер-самолет и нестись в меловой период. Ведь он не только не знает палеонтологии и истории, но и читать еще не научился.

Сильвер не обижался и не оправдывался. Ричард бушевал, а пират медленно ходил вокруг, посасывая свою трубочку, пускал голубой дымок и постукивал деревянной ногой.

— Хорошо, — сказал наконец Ричард. — Мы продолжим разговор в тепле, тем более что я вижу — наши друзья совсем плохи, и их надо поместить в госпиталь. Там сделают искусственную силу тяжести и составят дыхательную смесь, которая им лучше всего подходит. А уж потом мы решим, что с ними делать.

Ричард выглянул в последний раз из грота. Несчастный динозавр все плавал посреди озера, подняв голову, и жалобно стонал.

— Ты все снял? — спросил Ричард у Аркаши.

— Я старался.

— Надеюсь, ты понимаешь, какую ценность для мировой науки представляет твой фильм?

— Он слабо себе представляет, — пожаловался Шпигли. — И если бы я ему постоянно не напоминал, он забывал бы нажимать на кнопку.

Это было неправдой, но Аркаша уже изучил характер своего охранника и не обращал внимания на его странности.

Он уже стал беспокоиться, перенесут ли коо путешествие в шестьдесят пять миллионов лет. Они казались совсем слабыми, не просто насекомыми, а тенями насекомых.

Ричард подошел к машине времени и посмотрел на показания пульта.

— Странно, — сказал он. — Последним, если не ошибаюсь, было перемещение сюда, а прибор показывает, что я перемещался отсюда в будущее.

Аркаша слушал Ричарда вполуха, он искал глазами Красивого Ая. Куда задевалось негодное создание?

В гроте его не было.

Аркаша уже научился различать коо — обе сестренки Красивого Ая (а может, его братья?) были поменьше ростом с более темными глазами. К тому же один из братьев носил на голове красный обруч, а у второго на щеке был нарисован желтый кружочек.

— Учитель Жи, — спросил он, — а где же ваш ученик Красивый Ай?

— Этот вопрос я могу переадресовать вам, — ответил с помощью Шпигли учитель. — Ведь вы прилетели с ним сюда на остров и оставались тут, пока уважаемый разбойник Сильвер Джонович изволил летать за нами.

В гроте наступила тягостная тишина.

— Никуда он не мог деться, — сказал наконец Сильвер. — Сейчас мы его найдем. Он же еле ноги передвигает.

Пират обошел грот, который был, впрочем, невелик, но

никакого коо не нашел. Он даже заглянул в узкую щель в стене, куда и палец не входил, и спросил у учителя Жи:

— А ваша натура какая? Залезть в замочную скважину сможете?

— Вам кажется, что мы червяки, — ответил учитель Жи. — Но это не совсем так. Мы очень жесткие, как в теле, так и в принципах.

— Тогда простите, — сказал Сильвер. — Но, наверное, ваш Ай вылез наружу и утоп в озере.

Все взволновались и выбежали на берег.

Но далеко им бежать не пришлось, потому что на берегу, перекрывая вход в грот, лежал очень большой водяной динозавр, у которого вместо передних лап были ласты. Динозавр прижался к скале, чтобы не было так холодно от ветра, который гулял над озером. Он тихо ныл, и порой по его длинному, как подводная лодка, телу прокатывалась волна дрожи.

— Давай ползи отсюда! — воскликнул грубый пират Сильвер. — Не видишь разве, что мы ребенка потеряли?

Но динозавр и не подумал уходить. Он склонил голову к гроту и разглядывал Сильвера, как будто тот был надоедливым насекомым.

— Как жалко, что у нас нет для него одеяла, — сказал Аркаша.

— Так бы мы с тобой его и таскали, — ответил Шпигли. — А здесь, кстати, динозавров несколько миллионов, если не миллиард — на всех одеял не напасешься!

Положение спас пиратский попугай. Он вылетел из грота, подлетел к голове динозавра и принялся легонько клевать его в ухо.

Динозавр взвыл.

— Ему щекотно, — сказал Шпигли, — а он не выносит чесотки и щекотки. Откуда попугай об этом догадался?

Попугай уловил вопрос Шпигли и ответил:

— А я в цирке работал. Со слонами и крупными хищниками. Меня дрессировщик всегда ко львам и слонам подпускал, чтобы их на арену выгнать. Пощекочешь, вот он и бежит.

Упираясь ластами и короткими задними лапами, несча-

стный динозавр с трудом приподнялся и пополз к бушующему озеру.

Все разбежались по берегу, звали Красивого Ая, но его нигде не было.

И тут из пещеры послышался голос Ричарда, который в мирном сражении с динозавром участия не принимал.

— Кажется, я все понял, — сказал он, когда все прибежали в грот. — Смотрите, здесь показания масс, перемещенных сюда и отсюда.

Все сгрудились возле машины времени.

— Вот сумма поступлений сюда за сегодняшний день. Видите: одна масса в сто килограммов, включая кусок дерева весом в двенадцать килограммов.

— Это я, — сообщил пират Сильвер.

— Смотрите, вот еще одна масса — четыреста граммов!

— А это я, — догадался попугай. — Карррамба!

— И тут мы видим, как кто-то воспользовался машиной времени для встречного движения. То есть некто весом в двенадцать килограммов перелетел из мелового периода в нашу эпоху. И это мог быть только ваш Красивый Ай. А вот и последний перелет: семьдесят два кило — ваш покорный слуга.

— Ну и отлично, — сказал Сильвер. — По крайней мере, мальчик жив.

— Я же предупреждал тебя! — сказал Шпигли, который, видно, чувствовал свою вину, что не проследил за мыслями насекомого. — Я предупреждал тебя, практикант, что пришелец что-то задумал, но мы были снаружи, и каменная скала мешала мне слушать его мысли...

— Все равно нам надо возвращаться обратно, — сказал Ричард. — А там мы разберемся. Представляю, что сейчас творится в институте! Они как раз все на работу вышли, утро, солнышко встает — Темпеста нет, Сильвера нет, даже попугая нет, а вместо них пришелец неизвестного происхождения.

Ричард засмеялся, но, кроме Аркаши, никто его не поддержал.

Затем Ричард выглянул наружу и сказал:

— Аркаша, дай-ка мне камеру.

— Возьмите. — Аркаша отдал камеру, но спросил: — А зачем она вам? Я все, что надо, снимал.

— Пока вы перебираетесь в наше время, я возьму ковер-самолет и сгоняю к месту взрыва космического корабля коо.

— Это опасно, — сказал Шпигли. — Там высокая радиация.

— Я пролечу на большой высоте. Ничего не случится. Если не снять сейчас, может статься, что снова в этот век мы уже не попадем. Ведь, считайте, Аркаше повезло, что он увидел момент гибели динозавров.

— А вы знаете, почему это произошло? — спросил Аркаша.

— Когда возвратимся домой, я все расскажу. У меня есть гипотеза, только надо найти ей подтверждения. Сильвер, займись переброской людей. Меня не ждать!

— Слушаюсь, адмирал! — Сильвер отдал честь Ричарду. Конечно, он шутил. Он был на триста лет старше Ричарда и за жизнь нахулиганил на всех морях и океанах. Но за свое место в Институте времени он держался. Все-таки при деле! А больше всего на свете пират боялся, что его отправят на пенсию.

Ричард вышел наружу, и Аркаша увидел, как взлетает маленький ковер-самолет.

— Значит, так, — заявил пират Сильвер, страшно гордый тем, что он командует ответственной операцией. — Первым идет Аркаша.

— Нет, — сказал Шпигли. — Первым иду я с практикантом Сапожковым.

— А разве это не одно и то же?

— Все зависит от правильной точки зрения, — сказал Шпигли.

— Ну ладно, пускай будет по-твоему. Первым идет Аркаша со своим охранником Шпигли.

Шпигли обиженно вздохнул, но больше спорить не посмел.

— Затем, когда Аркаша убедится, что там все в порядке, мы запускаем пришельцев. По восходящей.

— Что значит «по восходящей»? — спросил учитель Жи.

— Сначала самый маленький, потом средний, а потом

вы, — ответил Сильвер. — Последним иду я. Линию мы не закрываем и ждем возвращения адмирала Темпеста. Участникам переброски все понятно?

— Так точно! — сказал Шпигли. — Я иду первым, затем пришельцы, а в конце капитан Сильвер Джонович.

— Примерно так, — согласился пират. Он тоже знал, каким упрямым бывает браслетик.

Он подошел к пульту и широким жестом пригласил Аркашу сделать шаг вперед.

Глава двенадцатая

И БОЧОНОК РОМА!

Возвращение домой прошло без приключений.

Один за другим все путешественники во времени собрались в круглом зале Института времени вокруг прозрачной кабины.

Там их уже ждали: робот Вертер, которого срочно вызвали с конференции. Директор института академик Миль-Пардон. Комиссар Интергалактической полиции Милодар, восемь журналистов, шесть докторов и неизвестно как проникший в институт Пашка Гераскин из Аркашиного класса.

Аркашу хотели сразу же тащить в медпункт, чтобы сушить, отогревать и пичкать лекарствами, но он, конечно же, отказался, пока все не выяснится с пришельцами коо.

А так как встречающие, конечно же, ничего не знали, кроме того, что основная машина времени погибла и Аркаше со Шпигли пришлось преодолеть много километров до запасной машины, Аркаша в двух словах рассказал о том, что произошло с ним, Землей, динозаврами и космическими пришельцами шестьдесят пять миллионов лет назад.

Так что когда из машины вышел первый из пришельцев, все были к этому готовы, и его немедленно начали обследовать, чтобы тут же соорудить специальную камеру с нужным давлением и воздухом для беглецов.

Аркаша понял, что все в первый раз видят детей коо, и спросил:

— А разве только что не прилетел сюда точно такой же мальчик?

— Нет, — хором ответили встречающие.

— Не может быть! — воскликнул Аркаша. — Он улетел оттуда полчаса назад!

— А почему ты думаешь, что он прилетел именно сюда? Разве он умеет обращаться с машиной? Ведь точность перелета зависит от многих причин! А попасть в конкретный день или даже год, если ты путешествуешь за шестьдесят пять миллионов лет, очень трудно.

— Ах! — воскликнул Аркаша. — Я все понял! Он здесь уже давно!

— Как так давно?

— Я его видел перед отлетом, но ничего не понял, потому что думал, что вижу в первый раз. Вы можете спросить у моей подруги Алисы Селезневой. Три дня назад он подошел к нам на улице и хотел, чтобы я был его папой. Несчастный ребенок! А я его отогнал и передал в Патруль-12.

Робот Вертер тут же соединился с Патрулем-12, и там сказали, что у них третьи сутки содержится непонятный пришелец, чувствует себя плохо, совсем ничего не ест, врачи боятся за его жизнь.

— Немедленно доставьте его сюда! — воскликнул директор института академик Миль-Пардон. — Мы готовим специальное помещение для этих существ.

Потом он повернулся к своему заместителю и сказал:

— Немедленно проверьте, как могло получиться, что два или три дня назад к нам из мелового периода проник пришелец, и никто его не заметил.

— Но ведь была же новогодняя ночь! — ответил заместитель. — Мы пили шампанское.

— Все уволены! — крикнул директор. И ушел из зала.

А комиссар ИнтерГалактической полиции Милодар вынул диктофон и сказал:

— Запишем фамилии всех, кто встречал Новый год в институте. Мне с ними хочется поговорить.

Настроение у всех немного испортилось, но тут из машины вышел еще один пришелец, а пока Аркаша рассказы-

вал о своих приключениях, прилетел и учитель Жи. Последним появился пират Сильвер на деревянной ноге.

Никто не расходился. Ждали, когда вернется Ричард.

Сильвер спросил:

— Красивого Ая нашли?

— Нашли, но не здесь. Он, оказывается, неточно нажал на кнопку и прилетел три дня назад, в новогоднюю ночь.

— А где же все были? — спросил Сильвер.

— Наверное, где и вы, — сказал Шпигли. — За торжественным праздничным столом.

— Ничего подобного! — сказал Сильвер. — Как я есть вахтер и охрана научного учреждения, я никогда не пью шампанское в институте.

— Так где же вы были в новогоднюю ночь? — спросил комиссар Милодар.

— Будучи свободен, так как была не моя смена, я находился в своей комнате и учился читать по-китайски.

— Зачем? — спросил Милодар.

— А вдруг к нам приедет китайская делегация? — ответил Сильвер. — Кто им все покажет, кто к директору проведет?

И тогда сверху раздался голос директора, который, конечно же, из своего кабинета наблюдал за всеми событиями в институте.

— Вахтер Сильвер, — сказал он. — За образцовое несение службы, изучение китайского языка, спасение практиканта и инопланетян вы производитесь из вахтеров в главные вахтеры института и получаете мою личную благодарность.

— Рад стараться! — воскликнул Сильвер и притопнул деревянной ногой.

— Кроме того, я награждаю вас премией — большим русско-китайским словарем. И чем еще?

— Бутылкой рома! — ответил Сильвер.

— Вы не угадали, главный вахтер! Бочонком рома. Бочонком ямайского рома!

— Что ж, — сказал пират, и по его щеке скатилась слеза, — стоит жить и трудиться стоит!

Из машины вышел Ричард Темпест. Его трясло от холода, одежда обледенела, под мышкой он держал скатанный в рулон ковер-самолет, с которого на пол лилась ледяная вода.

К Ричарду кинулись врачи, но он остановил их и спросил:

— Все в порядке? Где Красивый Ай?

— Мальчик нашелся, — ответил комиссар Милодар. — Сейчас его доставят. Камера для коо скоро будет готова.

— Хорошо еще, что все хорошо кончилось, — раздался из-под потолка голос директора института. — Так что вы, Ричард, отделались выговором.

— Я признаю свою вину, — согласился Ричард. — Можно пойти высушиться и переодеться?

— Если больше вам нечего сказать, то идите.

— Единственное, что я хотел бы добавить, — произнес тогда Ричард, — что наш практикант Аркадий Сапожков сделал великое открытие. Теперь мы знаем, отчего вымерли динозавры.

Аркаша открыл было рот, чтобы сказать: «Я не сделал никакого открытия!»

Но Шпигли беззвучно зашипел:

— Молчи. Никогда не отказывайся от открытий и достижений. Если Ричард говорит, что открыл, значит, открыл.

И тут же Шпигли продолжил вслух:

— К сожалению, сотрудник Темпест забыл, что мы путешествовали вдвоем с практикантом Сапожковым и вместе переносили все опасности и тяготы этого похода. Так что я с благодарностью разделяю заслуги Аркаши.

В институте все знали характер Шпигли, так что в ответ на его слова раздался веселый смех.

Ричард сказал:

— Завтра, Аркаша, я приду к тебе в класс, и мы обо всем расскажем твоим друзьям.

Как и обещал, Ричард на следующий день пришел в класс.

Каролина Павловна хотела уступить ему свое место и сесть в классе, но Ричард сказал, что сначала полезно послушать Аркашу Сапожкова, потому что он успешно прошел историческую практику и сделал большое открытие.

Аркаша смутился и покраснел. Он так и не знал, в чем же

состоит его открытие. И когда вчера вечером дедушка, бабушка, мама, братья и сестры — вся семья, кроме папы, который никогда не задает вопросов, потому что все вопросы за него задает мама, допрашивала Аркашу, что же он открыл, он смог ответить, что увидел много интересного, но так и не догадался, отчего вымерли динозавры.

Вот и сейчас он смотрел на своих друзей. Он им все рассказал. И о космическом сражении, о дождях, о холоде — обо всем. Но почему вымерли динозавры?

— От холода, — сказала Алиса.

— Еще шаг, еще немножко! — воскликнул Ричард. Он сморкался, не смог сразу отделаться от простуды. На его запястье был меховой браслет — ну разве такой разговор обойдется без Шпигли?

— А вы догадались? — спросила Каролина Павловна.

— Такая гипотеза существовала давно, — сказал Ричард. — Некоторые ученые догадывались о правде еще сто лет назад. Но Аркадий увидел событие собственными глазами и снял бессмертный фильм! Он наверняка будет показан во всем мире. И будет называться «Гибель эпохи».

— Не уверен, — сказал Шпигли, — мне еще надо подумать.

— Тогда расскажите нам обо всем, — попросила Маша Белая. Она уже приготовила блокнот, и на его экране появились буквы «Гибель эпохи».

— Что случилось шестьдесят пять миллионов лет назад? — задал вопрос Ричард. И сам на него ответил: — У самой поверхности Земли взорвался колоссальный космический корабль. Это был удар даже более сильный, чем от столкновения Земли с большим астероидом. От этого удара в воздух поднялось облако пыли, нарушился состав атмосферы, скрылось солнце, даже ось Земли немного сместилась. Опасная радиация проникла во все концы нашей планеты. Но главное, конечно, — солнечные лучи перестали достигать Земли. И температура резко упала. А ведь динозавры жили в теплом, мягком климате, на них не было шерсти, в большинстве своем они даже были холоднокровными и зависели от температуры воздуха. Страшная перемена климата погубила не только самих динозавров, но и их потомство —

из их яиц уже не смогли вывестись малыши... Только маленькие, шустрые, покрытые шерстью млекопитающие смогли уцелеть... А Аркаша не только все увидел, но, главное, снял обо всем фильм.

— Ну, каждый на его месте сделал бы то же самое! — сказал Пашка Гераскин. — Ведь он не виноват, что так удачно угодил в самую серединку событий.

— Я не знаю, как ты будешь вести себя в такой ситуации, — сказал Ричард. — Мы посмотрим.

— А я согласен с высокой оценкой нашей с практикантом работы. И прошу не забывать, что в это же время мы успели совершить подвиг и спасти население целой планеты Коо.

Все захлопали в ладоши, хотя Пашка Гераскин хлопал не очень сильно, он немного завидовал своему другу и очень надеялся, что завтра, когда он отправится отгадывать свою историческую тайну, на его долю тоже выпадут подвиги почище Аркашиных.

Потом Джавад Рахимов спросил:

— А что же будет дальше с насекомыми?

— Они сейчас находятся в специальной камере, где для них подобрали состав воздуха и давление. А Центральный галактический компьютер уже нашел для них небольшую мирную планету, которая отлично им подойдет. Жители той планеты вовсе не возражают против того, что коо будут жить вместе с ними. Так что не надо беспокоиться.

Ребята пошли провожать Ричарда к выходу.

И когда они уже были на ступеньках школы, то увидели, что к школе ковыляет странное существо, похожее на насекомое, — с четырьмя тонкими ручками и двумя ножками. Головка у него муравьиная, но мохнатая, а глаза золотые и круглые.

— О, папа! — захрипело существо, увидев Аркашу. — Постольку-поскольку я тебя нашел, пожалуйста, запиши мой адрес. Меня с тобой разлучают!

Аркаша обнял несчастного ребенка и сказал:

— Я уже знаю, что у вас будет новая хорошая планета.

— Но у меня не будет папы!

— Я обещаю, что я к тебе прилечу.

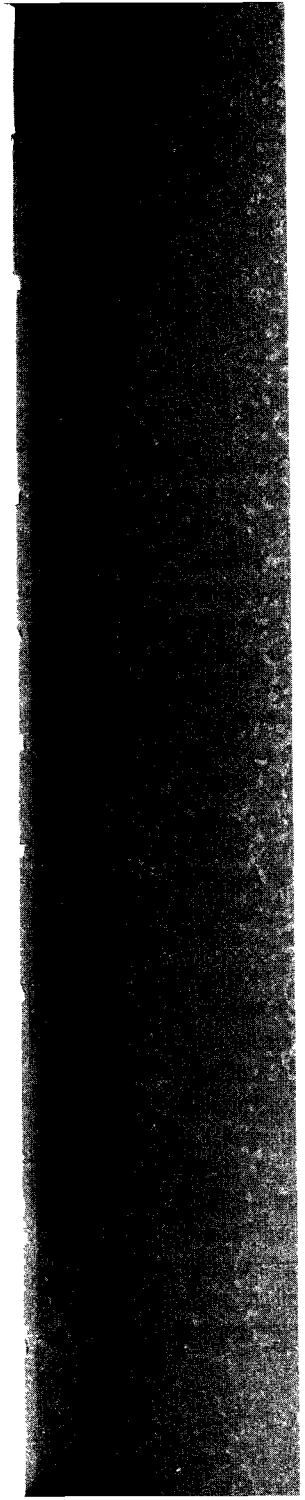
— Ты лучше обещай, что перебьешь всех злобных кластапугов! Ты ведь все можешь!

— Я постараюсь, — сказал Аркаша.

Он поднял своего приемного сына и передал его Ричарду.

Все они стояли на ступеньках школы и махали вслед Ричарду, который улетал к себе в институт заниматься научной работой и увозил несчастного ребенка с планеты Коо.

— Когда нужно будет разгромить этих псов кластапугов, — сказал Пашка, — не забудь меня позвать! Люблю наводить справедливость и освобождать угнетенных.

ПАШКА-ТРОГЛОДИТ

Глава первая

РОБОТ НАОБОРОТ

На окраине Москвы, на краю Грибного леса, возле Земляничной поляны стоит Институт времени.

Издали он кажется невысоким, длинным и даже скучным зданием, таким обыкновенным, что на него второй раз и глядеть не станешь.

Вот это будет ошибкой.

... Дверь открылась, пропустив Пашку Гераскина внутрь. Он оказался лицом к лицу с вахтером, пожилым мужчиной с черной повязкой на глазу и багровым шрамом на щеке. Одна нога у вахтера была деревянной, на второй красовался башмак с серебряной пряжкой.

Правда, в остальном вахтер был одет обыкновенно: в синий мундир и фуражку с золотым гербом Института времени — золотой змеей, свернувшейся в клубок и кусающей собственный хвост. Пашка знал, что эта змея — символ Вечности.

— Привет тебе, племя младое и незнакомое, — сказал вахтер. — Небось на практику спешишь?

— Здравствуйте, — ответил Пашка. — Я никуда не спешу. А вообще вы правы — у нас практика по истории.

— Поздравляю, — сказал вахтер. — Люблю новичков. Может, понравится — останешься у нас навсегда.

— Вряд ли, — хмыкнул Пашка. — Я больше люблю космическую биологию. Там приключений больше.

— Неужели в истории тебе приключений недостаточно? Разве плохо стать рыцарем и сражаться на турнире?

Видно, вахтер был наблюдательным человеком и поэтому сразу раскусил, что Пашка в душе — страшный авантюрист.

— Сражался я на турнирах, — сказал Пашка небрежно. — Свалил пару рыцарей, одного барона приложил головой о землю. Нет, скучновато.

— Ясно, — согласился вахтер. — Тогда тебе и в самом деле у нас неинтересно. Но практика есть практика. Никуда не денешься.

Вахтер вытащил из тумбы, стоявшей при входе, большую темно-зеленую бутыль, на которой было написано «Ром». Вытащил пробку и отпил прямо из горлышка.

Пашка понял, что вахтер — самый настоящий пират. Это может плохо кончиться для Института времени.

Но он и виду не подал, что догадался. Молчал как каменный. Вот встретится с надежным человеком, тогда откроет ему глаза.

Вахтер пробкой заткнул бутыль и кинул ее не глядя обратно в тумбочку.

— Значит, тебе к Ричарду Темпесту? — спросил он.

— А вы откуда знаете?

— Меня для того здесь и держат, — сказал одноногий пират, — чтобы все знать. Например, знать, что тебя, мальчик, зовут Пашкой Гераскиным, а выбрал ты для практики первобытную эпоху, потому что тебе очень хочется собственными руками убить мамонта.

— Откуда?.. Быть того не может! — воскликнул Пашка. — Я даже маме не сказал. Я вообще никому об этом не говорил.

— Но ведь подумал, — ответил пират и захохотал, показывая три оставшихся зуба. — Нам этого достаточно. Кстати, только попробуй поднять руку на мамонта — я лично в первобытную эпоху отправлюсь, чтобы тебе уши надрать.

Наверное, вахтер нажал какую-то кнопку или просто говорил так громко, что его голос был слышен по всему институту. Не успел он закончить свою грозную речь, как в коридоре показался худой, лохматый, подвижный, как ртуть, младший научный сотрудник Ричард, старый друг Пашки и Алисы Селезневой.

— Сильвер Джонович, зачем вы так запугиваете практикантов? — спросил Ричард. — Посмотрите, на ребенке лица нет.

— Нет лица? — Пират наклонился к Пашке, потрогал жестким указательным пальцем кончик его носа и заявил: — Ошибаетесь, гражданин младший научный, — есть лицо, но глупое.

Ричард взял Пашку за руку и потащил прочь от вахтера.

— Ты на него не обижайся, — говорил он на ходу. — Что с него взять? Дикое существо, прибежал к нам из своего времени, спасаясь от расправы. Его приятели хотели зарезать. Мы весь институт перевернули, искали его, а он прятался в вентиляционной трубе. Чудом остался жив. В общем, не удалось нам от него отделаться — пристроили на работу, он и старается.

— Он что, телепат? — спросил Пашка. — Откуда он узнал, что я хочу в первобытную эпоху попасть и на мамонта охотиться?

— А он ночью к компьютеру подключился и запомнил все, что у нас есть о практикантах.

Пашка не стал объяснять Ричарду, что тот ошибается. Ни в каком компьютере нет сведений о Пашкиной мечте, которой он ни с кем не успел поделиться.

В кабинете Ричарда был беспорядок. Непроходимый, окончательный и такой дикий, что только сам Ричард мог в нем разобраться.

Как-то года два назад случился страшный скандал. Взяли на работу нового робота-уборщика, старательного, молодого, только что с завода. Робота никто не предупредил, что к Ричарду в кабинет лучше не соваться, а самого Ричарда в Москве не было — он как раз уехал в экспедицию в какие-то дальние страны и времена.

Вернулся Ричард рано утром. В институте — только вахтер Сильвер Джонович, который мирно храпит на диванчике у дверей. Сильвер потом и рассказал удивленным сотрудникам института, что произошло.

Вернулся Ричард и сразу пошел к себе в кабинет. И тут увидел, что в кабинете у него идеальная чистота, порядок, каждая бумажка лежит, подобранная по размеру, каждая книжка уместилась на полке, а каждая кассета стоит на месте.

Ричард не только рассердился. Он пришел в ужас. Он по-

нял, что никогда ничего не сможет отыскать в своем кабинете. Что ему придется теперь уйти из института, начать жизнь сначала, а может, даже повеситься.

И вот в этот момент в кабинет вошел робот-уборщик, страшно гордый и довольный, и спросил:

— Ну как вам понравилась моя работа? Я возился целый день. Зато теперь все разложено по порядку, по размеру и даже по цвету.

— Ах это ты, мерзавец! — закричал Ричард.

Вахтер Сильвер Джонович проснулся от этого дикого крика, побежал к Ричарду в кабинет и увидел, что из открытой двери вылетают какие-то металлические детали — оказывается, Ричард напал на робота и разобрал его на части.

Как вы знаете, нападать на роботов нельзя, так поступают только дикари. Робот — всего-навсего машина, хоть и разумная. Роботы стараются помочь людям. Убить робота — все равно что убить собаку за то, что она лаяла ночью и мешала тебе спать. А ведь собака лаяла, чтобы отпугнуть воров.

Сильвер еле успел спасти остатки робота от гнева младшего научного сотрудника. А Ричард все никак не мог успокоиться и повторял:

— А как же я теперь? А что же мне делать?

— Ничего особенного, — сказал Сильвер. — Посиди спокойно, выпей чаю. Я тебе помогу.

Сильвер всегда всем помогал. Он говорил, что, пока был пиратом, сильно набедокурил и убил множество невинных моряков. И теперь он хочет трудом искупить свою вину перед человечеством.

Ричард не мог сидеть на месте и пошел в Грибной лес за опятами.

А вахтер собрал по углам куски робота и начал над ними мудрить. Долго ли, коротко ли, но, когда Ричард вернулся к вечеру из леса, вахтер уже мирно храпел на диванчике у дверей, а рядом стояла пустая бутылка из-под рома.

— Ни на кого нельзя надеяться, — вздохнув, произнес Ричард.

Было воскресенье, институт был совсем пуст, лучи закатного солнца пробивались сквозь прикрытые шторы. Ричард поднялся в свой кабинет, остановился на пороге, не смея открыть дверь. Наконец пересилил себя и открыл.

И чуть не грохнулся на пол от удивления.

В кабинете был сказочный, невероятный, невообразимый беспорядок, но Ричард сразу понял: теперь он опять точно знает, где что лежит.

— Сильвер! — закричал Ричард. — Как ты это сделал?

Он с грохотом сбежал по лестнице, и вахтер проснулся от шума.

— Ну вот, — проворчал Сильвер, — поспать человеку не дадут.

— Как? Ты? Это? Сделал? — вопил Ричард. — Признавайся!

— Да очень просто, — ответил вахтер. — Я собрал робота задом наперед. И пустил его с такой вот «перевернутой» программой. Так что ему ничего не оставалось, как снова устроить в твоем кабинете беспорядок. Понятно?

Ричард покачал головой. О таком он еще не слышал.

— Не веришь? — усмехнулся вахтер. — Оглянись, только не пугайся.

Мимо них задом наперед шагал несчастный робот.

— А ему не больно? — спросил Ричард.

— Раньше надо было думать, — сказал вахтер.

— Магулсу мишав к, — произнес робот.

Ричард не сразу сообразил, как это перевести, а когда сообразил, расхохотался и долго не мог остановиться.

— Перед тем как заняться практикой, надо, чтобы ты выучил теорию, — объявил Пашке Ричард, когда они уселись в его кабинете возле компьютера. Экран монитора занимал всю стену.

— Еще не хватало!

— Если ты решил стать ученым, — терпеливо сказал Ричард, — ты должен знать, что наука состоит из теории и практики. Сначала нужно выучить формулы, уравнения, запомнить даты и зазубрить правила. И только когда ты все будешь знать, начнется практика, то есть проверка теории. Например, ты решил побывать у первобытных людей, чтобы посмотреть, как они охотятся на мамонтов, и снять об этом фильм.

— Какая же это практика? — засмеялся Пашка. — Вот когда я сам пойду на охоту...

— Постарайся этого не делать, — сказал Ричард. — За вас, практикантов, в институте все дрожат. А вдруг вы попадете в беду или натворите что-нибудь?

— Если бы все было так опасно, нас никто не пустил бы, — уверенно возразил Пашка. — Я же знаю ваши правила: ребенок должен находиться в безопасности. В абсолютной безопасности.

— Абсолютной безопасности, к сожалению, не бывает даже в собственной постели. Там тебя может комар укусить.

— Все равно вы увешаете меня всякими мониторами и датчиками, и буду я ходить как новогодняя елка — туда нельзя, этого тебе, мальчик, делать не положено, руки на стол!

— Ну, не так уж все трагично, — сказал Ричард. — Мы имеем дело с разумными отроками, а не с маленькими детьми. Вы все понимаете. Вы же собираетесь стать учеными.

— Когда это еще будет, — вздохнул Пашка. — А пока приходится подчиняться вам, взрослым. Не дождусь, когда вырасту!

— Не торопись, мой друг, — сказал Ричард. — Вырастешь — станешь жалеть, что детство прошло так бессмысленно. А там и жизнь проскочит. — Ричард включил большой экран, — Итак, твоя задача — попасть в каменный век, к первобытным людям, к троглодитам, как их раньше называли...

— Хорошее название, — одобрил Пашка. — Проглодит! Троглодит, троглодит крокодила проглотит!

— Не смешно, — заметил Ричард. — Продолжаем урок. Троглодит — это пещерный человек. Мы будем пользоваться фильмами, которые сняли наши сотрудники.

— Они там были? — Пашка был разочарован.

— А ты думал, что станешь еще одним Колумбом и откроешь новую Америку? Нет, наши сотрудники уже побывали в разных местах.

— Зачем же тогда мне снимать фильм, — спросил Пашка, — раз его сняли?

— Смешной ты человек! Если рассуждать по-твоему, то больше и книжек писать не надо?

— Почему?

— Потому что одну книжку уже написали. И картину нарисовали, и кино сняли, и стихи сложили.

— Но ведь это документальное кино!

— Нет, не совсем документальное. Сейчас я тебе все объясню. Наши сотрудники летали в первобытное прошлое ненадолго. А ты будешь жить среди троглодитов, спать возле них, ходить с ними на охоту...

— Вот именно!

— И у тебя будет время снять очень хороший фильм, чтобы его не только в институте, но и в школах на уроках истории показывали. И все бы удивлялись: кто же это такой талантливый оператор?

Пашка даже смутился. Немного смутился, потому что сильно смущаться он не умел.

— Может, и не получится ничего, — сказал он. — Может, зря вы меня хвалите. — Но мысль стать знаменитым кинооператором ему понравилась. — Ладно, давай показывай, что там до меня сняли. По крайней мере, буду знать, чего мне уже снимать не надо.

— Начнем сначала, — сказал Ричард. — Вдруг ты что-нибудь забыл.

— Или не знал, — великодушно произнес Пашка.

Глава вторая

НАШИ МОХНАТЫЕ ПРЕДКИ

— Конечно, тебе, Пашка, хотелось бы сейчас с копьем в руке выйти в древние степи и сразиться с саблезубым тигром. Я тебя правильно понимаю? — спросил Ричард.

— Приблизительно, — сказал Пашка.

— Но тебе придется провести полчаса в этой комнате, чтобы усвоить некоторые очень важные вещи. Ведь любой исследователь — это разведчик. Ты должен будешь жить среди совершенно незнакомых людей, чтобы потом рассказать о них нам, твоим современникам. Но если ты заранее ничего об этих людях не узнаешь, они сразу догадаются, что ты чужой, и отрежут тебе голову.

— Ну уж, голову!

— В лучшем случае они тебя выгонят. Ведь невежливо идти в гости, не выяснив, как зовут хозяев.

— Я не маленький, понимаю, — сказал Пашка. — Но и ты меня пойми! Я жду не дождусь, когда окончу школу, и никто не будет гонять меня на уроки и заставлять писать контрольные, а то и экзамены сдавать. И вот пожалуйста. Я пришел в ваш Институт времени, а ты мне собираешься лекции читать.

— Неужели тебе не интересно узнать, куда ты отправляешься? Ведь это было удивительное время — на Земле появился человек!

— Мне все интересно, — ответил Пашка. — Но я человек действия.

— Вот и оставайся в первобытной эпохе. Там такие нужны. Взял дубину и пошел на охоту или на драку с соседним племенем. Можешь даже забыть, что дважды два — четыре.

— Я пошутил, — сказал Пашка. — Мне интересно, начинай. Только, пожалуйста, недолго. А то все мамонты вымрут, пока меня дождутся.

Ричард включил экран. Фильм был снят на стереопленке, и Пашке показалось, что в кабинете начал расти тропический лес, а сам он, Пашка, летит над вершинами деревьев, а затем спускается и ныряет в темную густую листву. Сразу стало еще темнее. Лучи солнца с трудом пробивались внутрь. Отовсюду слышны были оглушительное пение птиц, стрекот насекомых, крики животных.

«В великих тропических лесах как сегодня, так и миллионы лет назад жизнь кипела наверху, в листве, ближе к свету. До земли свет почти не доходил, и потому там не было почти никакой растительности, царили вечный полумрак, духота и влажность. В таком месте хорошо чувствовали себя змеи и жабы».

Фильм был не только со стереоизображением и стереозвуком — он передавал запахи и даже дуновение ветра. Поэтому Пашка сразу почувствовал, каково побывать на самом дне многоэтажного тропического леса.

«Много миллионов лет назад, — продолжал голос за кадром, — в листве тропического леса обитало небольшое, размером с кошку, животное, похожее, правда, на белку, а может быть, на лемура с острова Мадагаскар. Вот это животное, которое называют нотарктусом, и стало предком человека».

Нотарктус посмотрел на Пашку и скрылся в густой листве столь поспешно, словно его не устраивал такой потомок.

— Стой! — возмутился Пашка. — Я с детства знаю, что человек произошел от обезьяны. Об этом еще Чарлз Дарвин говорил.

— Во-первых, — сказал Ричард, — Чарлз Дарвин этого никогда не говорил, хотя бы потому, что человек не произошел от обезьяны.

— А от кого же он произошел? От этой кошки?

— Нотарктус — общий предок и человека и обезьяны; он жил так давно, когда еще не было не только обезьян, но и никого на них похожего.

Кошачья мордочка общего предка еще раз мелькнула в листве.

— Но прошли миллионы лет, и потомки нотарктуса научились отлично лазить по ветвям, у них были цепкие лапы, а длинным хвостом они помогали себе держаться за ветки. Существовало множество различных зверюшек такого рода, некоторые из них подросли, научились собираться в стаи, стали иногда спускаться на землю. В общем, они оказались сообразительнее других зверей, поэтому, когда климат изменился и стало суше, они смогли покинуть лес и перейти жить в саванну. Ты знаешь, что такое саванна?

— Знаю, — сказал Паша. — Это африканская степь, по которой расставлены баобабы, а между ними гуляют львы и зебры.

— Почти правильный ответ, — согласился Ричард. — Договоримся, что саванна — это лесостепь. И вот в этой саванне стали жить наши предки.

— Обезьяны?

— Нет, как раз в те времена и произошло разделение: предки обезьян остались в лесу, на деревьях, а наши предки вышли на открытое пространство. Обезьяне, чтобы передвигаться в лесу, нужны все четыре лапы и цепкий хвост, а нашим предкам хвост уже был не нужен. Куда важнее в сте-

пи далеко видеть. И вот наши предки встали на задние лапы. Видеть они смогли дальше, к тому же передние лапы у них освободились. А теперь смотри...

Ричард снова включил экран.

Картина на нем изменилась. Широко раскинулась саванна, поросшая высокой травой. Недалеко от Пашки, раздвигая высокую траву, шли три существа, похожие на обезьян, но все же не обезьяны. Причем отличались они от обезьян не столько видом, сколько повадками.

Они шли согнувшись, руки их, скрытые травой, наверное, почти касались земли, но все же существа не опускались на четыре конечности — они уже привыкли ходить как люди.

Вдруг все трое замерли — впереди, метрах в двадцати, на большой валун опустилась птица, похожая на голубя, и принялась вертеть головой.

— Далеко, — сказал Пашка. — Не допрыгнут.

Одно из существ подняло лапу с зажатым в пальцах камнем. Ловко и с силой обезьяночеловек кинул камень, и птица упала. Заверещав, предки кинулись к ней.

— Ты недооцениваешь своего дедушку, Паша, — заметил Ричард.

Пашка, конечно, шутку понял, но сделал вид, что не понял, и сказал:

— Мой дедушка был путешественником и никогда не выходил из дома без очков.

«Останки таких отдаленных предков людей, называемых гоминидами, найдены во множестве, — произнес голос за кадром: диктор тем временем продолжал объяснять Пашке то, что происходит на экране, словно Пашка и сам этого не видел. — Но чаще всего они встречаются в Африке. Африку считают колыбелью человечества».

Диктор рассказывал о том, какие экспедиции там работали, как были найдены кости этих гоминидов. Сначала Пашка заинтересовался, но, честно говоря, скоро заскучал и лишь покорно ждал, когда же кончится теория и можно будет перейти к практике.

Видно, он был не первым практикантом у Ричарда. Тот заметил, что Пашка отвлекся, и спросил:

— Может, сделаем перерыв, и ты немножко погуляешь?

Пашке стало стыдно, что он ведет себя как ребенок. Он сразу сосредоточился и попросил Ричарда рассказывать дальше.

— И тут наступил ледниковый период, — сказал Ричард таким голосом, что Пашке даже стало зябко. — Что ты знаешь о ледниковом периоде?

— Тогда везде были ледники, а между ними ходили мамонты, — ответил Пашка.

— Абсолютно не научный ответ! — возмутился Ричард. — Если бы я ничего не знал о ледниковых периодах, то из твоего ответа ничего и не узнал бы. Смотри и слушай.

В кабинете стало темно и очень холодно. На экране ветер гнул верхушки деревьев и прижимал к земле траву на полянах.

«В истории Земли бывали времена, когда она получала меньше света и тепла от Солнца, чем обычно, — произнес голос диктора. — Так случалось после грандиозного извержения вулкана или падения гигантского метеорита. Если лето выдавалось холодное, то снег на севере и в горах не успевал растаять. Год за годом он накапливался там, превращаясь в лед. Широкие мощные ледяные реки сползали в долины. И чем больше становилось льда, тем холоднее было на Земле. Вода на Земле находится большей частью в океанах. Из океанов она испаряется и потом выпадает в виде дождя и снега. Но в ледниках, покрывших все горы и территории нынешней Сибири, Норвегии, Канады, скопилось столько воды, что океаны обмелели, отступили от берегов, и на Земле стало не только холоднее, но и куда суше. Многие животные и растения, которые привыкли к теплому и влажному климату, погибли. А их место заняли те их родственники, которые смогли пережить морозы и засуху».

Теперь вместо саванны вокруг расстилалась скучная равнина, поросшая мхом и кустарником, лишь кое-где поднимались елки и березы. Вдалеке тянулись цепочкой мамонты — большие волосатые слоны с длинными, завернутыми в кольцо бивнями.

«С каждым годом климат становился все более суровым», — продолжал диктор.

Пашка снова увидел своих предков. За миллион лет они изменились. Они все еще были сутулыми, руки по-прежнему доставали до земли, тела покрыты шерстью, лобики маленькие, покатые — такими предками трудно гордиться. Но обезьянами их тоже никак не назовешь. К тому же они обзавелись дубинками.

Пашка к ним потихоньку привыкал. Ведь если родителей не выбирают, то прабабушек и прадедушек — тем более.

— Обрати внимание, Паша, — сказал Ричард, — наши предки отличаются от всех животных... Чем?

— Они ходят на двух ногах.

— Это мы уже видели. Чем еще?

— Не знаю.

— У кого самая длинная морда? — спросил Ричард. И тут же сам ответил: — У крокодила. Потому что он ловит добычу зубами. У волка и собаки тоже длинные морды. А вот у обезьяны, которая всеядна, морда куда короче. Человеку, как только у него появились настоящие руки, уже не было нужды хватать добычу зубами. И морда превратилась в лицо. И глаза теперь смотрят вперед, а не по сторонам.

— Может, это и важно, — не стал спорить Пашка, — но я не понимаю, зачем мне все это знать?

— Потому что знать — интересно! Все великие открытия и изобретения были сделаны потому, что ученым и инженерам интересно заниматься своим делом.

— Сдаюсь, — сказал Пашка. — Сдаюсь. Хоть я и не ученый.

— Я скоро закончу, — пообещал Ричард. — Мы подходим к нашим дням. Предки людей встали на ноги, взяли в руки оружие и вышли в степь. Затем началось потепление, ледники постепенно отступили, и Европа освободилась ото льда. Первобытные люди заселили Европу. И мы с тобой подошли к главной тайне ледниковой эпохи. Пока что ее не смог разгадать ни один путешественник.

— Вы не смогли, а на меня надеетесь?

— Ты везучий, Паша. Об этом все знают.

— Тогда расскажи мне об этой тайне.

Ричард вновь включил экран.

Снова появилась степь, правда, деревьев стало побольше, чем раньше, выросла трава, ее щипали антилопы и козы. Справа, на склонах холма, темнел сосновый лес.

— Как у нас, — заметил Пашка.

— Вот сюда ты отправляешься, — сказал Ричард. — Выслушай мое последнее сказание, и я не буду больше мучить тебя теорией. Ты отправляешься на тридцать тысяч лет назад. Не так уж далеко, по меркам истории Земли. Похожие на обезьян предки человека уже вымерли, уступив место более приспособленным к новой жизни существам. Их мы можем называть людьми. А вообще один из видов первобытных людей назывался неандертальцами. Посмотри на них. Скоро ты увидишь их воочию.

Пашка разглядывал семью неандертальцев. Пожалуй, они больше походили все-таки на здоровенных обезьян, чем, например, на Пашку. Тела их полностью, за исключением лиц, покрывала короткая шерсть, а лица были страшноватыми — убегающий лоб, скошенный подбородок, глаза прячутся в глубоких ямах под бровями. Видно, что эти неандертальцы были сильными невероятно. Но ума у них — ни на грош.

Так Пашка и заявил Ричарду. На что Ричард ответил ему:

— Эти люди и есть одна из самых удивительных загадок земной истории.

— Не похоже.

— Никто не знает, откуда они пришли. Но точно известно, что неандертальцы не хуже нас ходили на двух ногах, наверняка умели говорить, пользовались каменными и костяными орудиями и почти ничем, кроме внешности, не отличались от кроманьонцев.

— Ричард! — взмолился Пашка. — Перестань пичкать меня умными словами. Ведь я не энциклопедия и даже не отличник! И вообще, пускай вместо меня поедет Аркаша Сапожков — у него замечательная память — или Алиса Селезнева, она отличница.

— Как мне не хочется верить, что ты такой безнадежный! — засмеялся Ричард. — Сделай над собой усилие и запомни: тридцать тысяч лет назад на Земле обитали два типа

людей. Одни из них назывались неандертальцами. Ты их видел. Может, они кое в чем похожи на горилл, но во всем остальном они уже настоящие люди. Неандертальцы самое тяжелое время прожили неподалеку от края ледников, научились шить себе одежду из звериных шкур и даже придумали великое изобретение — одеяло.

Только тут Пашка сообразил, что неандертальцы на экране одеты! «Одежда» их была сделана из шкур, настолько старых и вытертых, что Пашка сначала принял эту «одежду» за собственную шерсть неандертальцев.

— Расскажи о втором типе людей, — попросил Пашка.

— Сейчас ты их увидишь.

На экране появился вход в пещеру. Перед пещерой стояли и сидели самые обыкновенные люди, которые, казалось, просто оделись, как дикари, собираясь на маскарад.

— Вот это кроманьонцы, — пояснил Ричард. — Названия «неандертальцы» и «кроманьонцы» происходят от названия мест, где впервые откопали их кости.

— Все просто и не очень интересно, — сказал Пашка. — Одних нашли в деревне Кроманьонке, а других в Неандерталке.

— Не совсем так, — возразил Ричард. — Неандерталь — это долина в Германии, а Кро-Маньон — название пещеры на юге Франции.

— Нелегко запомнить. Жалко, что их нашли не у нас.

— Кроманьонцы — наши прямые предки, — сказал Ричард. — Их принято называть троглодитами, то есть обитателями пещер.

— Ладно, — сказал Пашка, — на это я согласен. А в чем тайна?

— Тайна заключается в том, что неандертальцы вскоре исчезли. Без следа. И никто не знает, куда они делись.

— Как так «делись»? В смысле, они не дожили до наших дней?

— Нет, все сложнее. Археологи отыскали множество мест стоянок неандертальцев и много о них знают: как они охотились, как жили, как защищались от холода. Известно, что неандертальцы населяли равнины по всей Европе, но за

пределы этих равнин не выходили. В Африке их никогда не было. И так продолжалось несколько тысяч лет. Затем археологи заметили, что в Европе появились кроманьонцы. А мы с тобой знаем, что это первобытные люди, которые ничем от нас не отличаются — высокие, стройные, красивые. Они появились в Африке и смогли перейти из Африки в Европу. Неандертальцы в течение долгого времени жили рядом с кроманьонцами, но с ними не смешивались. И вдруг, тридцать тысяч лет назад, неандертальцы исчезли. С тех пор и по сей день археологи не нашли ни одного жилища неандертальцев, ни одного их кладбища, ни одного орудия, сделанного ими. Были люди, многочисленный по тем временам народ, и вдруг исчезли.

— Любопытно, — сказал Пашка. — И что же думает наука?

— У науки есть целый ряд гипотез. Но все-таки большинство ученых думают, что виноваты кроманьонцы. Может быть, они воевали с неандертальцами, чтобы захватить места хорошей охоты, ведь в ледниковый период всем пищи не хватало. Может, кроманьонцы перебили мамонтов и других животных, которыми питались неандертальцы, и те постепенно вымерли от голода, но как это произошло — мы не знаем. Не удалось об этом узнать и нашим сотрудникам. Ведь речь идет о целом континенте и тысячах лет. Попробуй отыщи последнего неандертальца!

— А может, они где-то спрятались? — спросил Пашка. — Как снежные люди?

— Мне приходилось читать, что снежные люди, которых долго искали, но так и не нашли, были последними неандертальцами. Так что, Паша, если тебе удастся узнать что-нибудь новое о тайне неандертальцев, пожалуйста, сними об этом фильм, а потом прочтешь доклад в Академии наук.

— Ну и шутки у тебя! — сказал Пашка и засмеялся. Но подумал: а славно было бы подняться на трибуну в Академии наук и рассказать великим академикам, что именно он, школьник Гераскин, разгадал одну из самых главных тайн человечества. Пускай удивляются и трясут белыми бородами.

Ричард поднялся и сказал:

— Иди отдохни, поиграй в футбол.

— Я фехтовальщик, — сказал Пашка. — Мне этот спорт больше по душе. И еще я занимаюсь стрельбой из лука.

— Ясно, мой рыцарь. Но не забудь, что за завтрашний день ты должен будешь дома просмотреть все материалы по животным первобытной эпохи. Ты должен уметь их распознавать и знать, кого опасаться, а на кого можно не обращать внимания. Динозавров там не будет — они давно вымерли.

— Я знаю. Там будут мамонты.

— И другие слоны.

— Мамонты и есть другие слоны.

— Не будь упрямцем, — сказал Ричард. — В ледниковый период на Земле существовало несколько видов слонов — все они сильно отличались от современных и друг от друга. Иди-иди, поработай.

Нельзя сказать, что Пашка устал от теории. Кое-что ему было интересно, а кое-что не очень. Но он понимал, что человеку не вредно знать, как и от кого он произошел.

А вот история с загадочным исчезновением неандертальцев его заинтересовала куда больше. Ничего себе, думал он, живут на Земле, например, русские и англичане. И вдруг через сто тысяч лет выясняется, что все англичане куда-то делись. Или русские. Но ведь это целые народы!

Может, случилась эпидемия? Какая-нибудь страшная болезнь, вирус которой нападал только на неандертальцев? Надо будет об этом хорошенько подумать.

Глава третья

НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ В БАССЕЙНЕ

Пашка забежал домой, перекусил и решил сначала заглянуть в бассейн. Когда у человека устает голова, нужно срочно укрепить тело, как говорил его знакомый пират Весельчак У. Пашке и его подруге Алисе Селезневой удалось побывать в самых различных краях Галактики и встретиться с

настоящими космическими пиратами. Конечно, с пиратами Пашка не дружил — какая дружба у московского школьника с пенителями космических трасс, бессовестными грабителями и обманщиками? Но с некоторыми из пиратов Пашка был хорошо знаком — надо же знать своего врага. Он даже недолго дружил с их Королевой. Но это все дела давно прошедших дней, когда Пашка еще был маленьким и учился в четвертом классе. Сейчас он уже пятиклассник, человек серьезный и готовится к самостоятельной научной экспедиции в ледниковый период.

В разгар дня в бассейне почти никого не было. Пашка разделся, принял душ, потом взобрался на трехметровый трамплин и прыгнул в воду. Вода была хрустально-голубой и прохладной. Пашка медленно всплывал на поверхность и думал, что жизнь в принципе складывается удачно. И если удастся найти неандертальца — тогда считай, что первый шаг к всемирной славе сделан.

Пашка вынырнул, протер глаза, открыл их и увидел, что в трех метрах от него не спеша плывет самый настоящий неандерталец.

— Вот это да! — сказал Пашка и от неожиданности опять нырнул.

Под водой он открыл глаза — Пашка умел смотреть под водой — и увидел, что совсем неподалеку от него медленно движутся чьи-то мохнатые ноги.

Вы подумайте! Только что Пашка гулял по улице и рассуждал о том, когда и от чего вымерли неандертальцы, и тут же встречает неандертальца — нет, не в лесу, не в горах, а в бассейне «Чайка»!

Когда Пашка вынырнул вновь, неандерталец уже отплыл в сторону. Он смотрел на Пашку и улыбался. А улыбка у неандертальцев — зрелище не для слабонервных. Такой рот и такие зубы открываются вашему взору, что хочется бежать без оглядки.

Конечно, Пашка не убежал и даже нырять снова не стал. Он тоже улыбнулся неандертальцу. Они как бы стояли в воде, поводя руками по поверхности. Только у Пашки руки обыкновенные и не толстые, а у неандертальца руки вообще

трудно назвать руками, настолько они мускулистые и волосатые. То ли руки, то ли лапы медведя.

— Вы любите плавать? — спросил неандерталец по-русски, но с акцентом.

— Я люблю плавать, — ответил Пашка, почему-то тоже с акцентом.

— Плавать укрепляет здоровье, — сказал неандерталец.

«Как он попал в бассейн? — думал Пашка. — Может, он скрывается в лесах, а сюда пробирается по ночам искупаться?»

— А вы давно плаваете? — спросил Пашка, прикидывая, далеко ли от него лесенка, чтобы в случае опасности выскочить из бассейна.

— Меня зовут Клык, — сказал неандерталец. Конечно же он не хотел отвечать на Пашкин вопрос. — А тебя?

— Меня зовут Павел. — Тут Пашка набрался смелости и спросил: — Скажите, пожалуйста, вы случайно не неандерталец?

— А как ты догадался, человеческий детеныш?

— Ну, как вам сказать... — Только бы не обидеть его, а то растерзает. — У вас есть некоторые особенности. Вы отличаетесь от нас.

— Я тоже это заметил, — кивнул неандерталец. — Даже не очень приятно глядеть на таких тонких и бледных людей. Я думал, что вы покрепче.

— Сходите на соревнования по борьбе, — посоветовал Пашка. — Там вы встретите очень похожих на вас людей. Они так и называются — борцы.

— Ах, как жаль, что нет записная книжка, — сказал неандерталец. — Я хотел бы с вами общаться. Вы знаете много полезных вещей. Вы есть умный мальчик.

— А где вы обычно живете? — спросил Пашка. Он был на грани великого открытия: неандертальцы не вымерли!

— Обычно я живу дома, — сказал неандерталец. — Но моя дочь хочет найти друга по переписке. Вы хотите переписываться с моей дочерью?

— Разумеется! — Добыча сама шла в руки Пашке. — Я буду рад, если вы дадите свой адрес.

«Они уже писать научились! — отметил он про себя. — Нет, мы просто обязаны найти их и помочь стать нормальными людьми. А то на что это похоже — взрослый неандерталец так боится за свою жизнь, что вынужден скрываться в бассейне!»

Пашка поплыл к бортику бассейна. Неандерталец тоже. Стилей неандерталец не знал, молотил по воде лапами, как собака.

Они уже были у самого бортика, как из-за вышки для прыжков выглянул другой неандерталец.

— Престо-престо, — заговорил он по-неандертальски. — Грандом чеки-чеки замминистра!

— Каррамба! — воскликнул неандерталец, вероятно употребив доисторическое ругательное слово, и мгновенно выскочил из воды. Вода стекала с его шкуры, и было видно, какие у него могучие мышцы. Наверное, второй неандерталец предупредил его о какой-то опасности, потому что оба они поспешно скрылись в раздевалке.

Конечно, Пашка мог бы их догнать и записать адрес. Но это было рискованно. На суше неандертальцы очень опасны. Придется следить за ними издали.

В раздевалке Пашка неандертальцев не увидел. Он одевался быстро и все время оглядывался. Понятно же — они могут его подстерегать. Пашка не трус, но он представил себе, что если его знакомый неандерталец сознается, что хотел дать адрес человеческому детенышу, то второй ответит на это: «Дурак, надо немедленно ликвидировать свидетеля. Где этот детеныш? Давай-ка быстренько его придушим!»

Эта картина так живо нарисовалась в Пашкином воображении, что он мгновенно оделся и помчался на улицу. Там дула поземка, сыпал колючий снег. Пашка укрылся в кустах, что росли вдоль тротуара, и тут увидел, как из-за угла бассейна выскочила низкая черная машина и, чуть приподнявшись на воздушной подушке, помчалась прочь. Пашке показалось, что за темным стеклом он различил лицо неандертальца. Более того, тот явно пытался что-то сказать ему — может, даже просил о помощи. Но что мог Пашка поделать?

Пока он вглядывался в стекло, машина умчалась, и Пашка даже не успел запомнить номера.

Все ясно: неандертальца похитили.

Тайна принимала зловещий оборот.

Пашка тут же набрал номер Ричарда, но того не было в институте. К тому же он снял браслет связи, чтобы не отвлекаться понапрасну. Так иногда делали люди, которым надоедало говорить по видео.

Кому сообщить? Куда бежать? Может, неандертальцев похитили международные преступники? Но зачем? И главное — где неандертальцы скрывались все эти тысячелетия?

Возбужденный и раскрасневшийся Пашка примчался к своему другу Аркаше Сапожкову.

Аркаша слушал его невнимательно. Он был занят сборами. Он тоже собирался на историческую практику. С точки зрения Аркаши Сапожкова, тайна, которую ему следовало разгадать, была куда серьезнее и важнее, чем тайна Пашки. Ему предстояло узнать, когда вымерли динозавры и почему они исчезли с лица Земли. Задача была похожа на ту, которую будет решать Пашка, только ответ на нее, наверное, связан с космической катастрофой.

Пашке отправляться завтра. Аркаше — сегодня. Пашка еще только учит теорию, причем кое-как. Например, фильмы про животных ледникового периода и смотреть не начинал. А Аркаша, в отличие от него, уже прочел все что можно, просмотрел все, что есть на свете на эту тему, и знает о динозаврах больше любого ученого — такой у Аркаши характер.

Если на уроке математики надо решить задачу, в которой в бассейн по одной трубе вливалась вода, а по другой выливалась, то можете быть уверены, что Аркаша заодно вычислит состав воды, узнает, из чего сделан бассейн, какая погода стояла в тот день, и в результате решит задачу совершенно неожиданно даже для самого учителя. Поэтому далеко не все учителя любят Аркашу — слишком уж он дотошный и любознательный.

Хоть Аркаша очень спешил (у него оставалось полтора часа до отлета в меловой период), ради Пашки он отложил все свои дела и, подключившись к памяти компьютера, через три минуты узнал о неандертальцах все, что известно науке. Пашка так учиться не любил — в тебя впихивают знания, взятые неизвестно откуда. Лучше просмотреть фильм и истратить на него два часа, чем за три минуты получить информацию из памяти компьютера прямо в собственную память.

— Все ясно, — сказал наконец Аркаша. — Это не неандертальцы.

— А кто же?

— Среди людей иногда встречаются такие типы, — сообщил Аркаша, — обросшие волосами, низколобые, могучие. Это самые обыкновенные люди, а не неандертальцы. Просто им не повезло с внешностью.

— Но они говорили на непонятном языке!

— Значит, они живут в Австралии, — сказал Аркаша. — Не выдумывай тайну там, где ее нет.

— А почему они умчались на черной машине? — спросил Пашка.

— Во-первых, они спешили. А во-вторых, это были не они, — сказал Аркаша. — И будь другом, оставь меня в покое. Я могу опоздать, и сеанс начнется без меня.

— Желаю тебе счастья среди динозавров, — сказал Пашка.

— А я тебе желаю разгадать тайну неандертальцев, — ответил Аркаша, и они попрощались.

Пашка отправился домой.

Он шел пешком и думал. Конечно, Аркаша — человек умный, но Пашка ему не до конца поверил. Тайну неандертальцев так легко не разгадать. И вряд ли Пашка спутал неандертальца с обычным, но только волосатым и не очень красивым человеком. Можно спутать одного, но их было двое!

Ладно, завтра он поговорит об этом с Ричардом. А пока надо идти домой и изучать ископаемых зверей. Иначе Ричард его в прошлое не пустит.

Пашка, хоть и устал за день, заснул не сразу. Спал он тревожно, часто просыпался, и ему все мерещились неандертальцы, которые с дубинками гонялись за ним по Гоголевскому бульвару.

С утра Пашка уселся за изучение зверей, которые водились на Земле в ледниковый период. Он понимал, что знать о них нужно — иначе какой он исследователь? Да и охотник, который не знает, на кого охотится, — человек легкомысленный, и любой крокодил имеет право его съесть.

Как Пашка понял из фильма, животных в ледниковый период было немного, куда меньше, чем в более древние эпохи. Да это и понятно — ведь они привыкли жить в теплых краях. Когда стало сухо и холодно, их шкуры оказались недостаточно теплыми, а их обычная пища — бананы или финики — исчезла. Вместо этого вокруг росли елки и березки, а под ногами — мох и белые грибы. Далеко не каждому бегемоту такое по нраву.

Многие животные не выдержали таких испытаний и вымерли, другие сумели приспособиться к новой пище и суровому климату. Как и люди.

Лучше всех приспособился к суровой жизни полярный слон, которого мы все знаем под именем мамонт.

Пашка не мог не любоваться им на экране, где в степи под редким снежком паслось стадо мамонтов, совершенно не обращавших внимания на холод и ветер.

И было понятно, почему мамонту ничего не страшно.

У мамонтов совершенно особенная шерсть, объяснил диктор Пашке. Она не такая, как у собак или медведей. Тело мамонта защищено очень толстым слоем жира, который, как шуба, согревает тело, шкура же покрыта густой и не очень длинной шерстью. А на шкуре растут волосы. Это очень длинные и толстые волосы, и больше всего они похожи на крысиные хвосты. Может, и не очень красивое сравнение, зато точное. Сквозь такую преграду ни один мороз не пробьется. И потому мамонты жили возле ледников, им достаточно было самой простой и грубой пищи, а морозы, от которых другие звери погибали, им были совершенно не страшны.

Мамонт мог есть мох, тундровую траву, кусты, побеги деревьев — все, что было хоть чуть-чуть съедобным.

Мамонты отличались от всех остальных слонов своими бивнями — ни у кого не было таких потрясающе красивых

бивней. Правда, пользы они приносили немного. Такими гигантскими бивнями-кольцами можно гордиться и толкаться. Ничего больше ими не сделаешь.

У мамонтов было по четыре пальца на ногах, зато подошвы были широкими настолько, что мамонт мог спокойно идти по зыбкому болоту и не проваливаться.

Мамонтов в тундре было очень много. Раньше в Сибири специально собирали их бивни и вырезали из них шары для бильярда, шахматы и другие вещи. Мамонтовая кость считалась обычным и дешевым товаром — она заменяла пластмассу. Говорят, что в течение девятнадцатого века из Сибири вывезли больше пятидесяти тысяч бивней.

Многие думают, объяснил диктор, что раньше были мамонты, а потом от них произошли слоны. Ничего подобного. Пород у слонов было множество — как теперь у собак. Самый известный из современников мамонта назывался мастодонтом. И если мамонт питался в основном травой, то мастодонт, тоже покрытый шерстью, имел особенные зубы, приспособленные для того, чтобы пережевывать ветки деревьев. Поэтому мамонты жили в тундре и степи, а мастодонты — в лесу.

Пашка увидел мастодонта. Он был похож на мамонта, только пониже ростом, шерсть покороче, а бивни торчат вперед.

Глядя на экран, где одни животные сменялись другими, Пашка все никак не мог отделаться от мысли: откуда в Москве в двадцать первом веке появились неандертальцы? И никакой ошибки быть не могло — ведь неандерталец признался, что он неандерталец.

— Паша, не забывай, что ты меня смотришь, — попросил его компьютер.

— Отстань, — сказал Пашка, но снова стал смотреть на экран.

Там показывали тундру, где паслись северные олени, точно такие же, какие пасутся там сегодня.

Но тут компьютер, чтобы развлечь Пашку, изобразил его рядом с оленем. Для масштаба. Олень оказался маленьким,

чуть больше овчарки. Пашка на экране стал гладить оленя, потом почесал его между рогами, а Пашка в комнате сказал:

— Прекрати этот детский сад. Мы занимаемся наукой.

Компьютер промолчал, но изображение Пашки с экрана исчезло.

Пашка увидел еще некоторых животных тундры. Вот возле края ледника пасутся мускусные быки — у них шерсть свисает до земли. Вот промчались козы — тоже защищенные от морозов длинной шерстью.

Это был зимний мир — все знали о холодах и старались к ним приготовиться. Только у человека уже не было шерсти, поэтому ему приходилось прятаться в пещерах и разводить костры.

Затем глаз камеры переместился в лес — осенний, холодный, дождливый, потому что конец ледника был отсюда недалеко. В том лесу росли обычные деревья — березки, осины, елки, не очень высокие, чахлые. На земле мох. И вот тут Пашка впервые увидел одного из хозяев этого леса — пещерного медведя.

Почти черный, с длинной шерстью, которая на холке стояла дыбом, он был похож на обыкновенного, только одетого в очень теплую шубу мишку, у которого, однако, морда оказалась куда злее и зубастее, чем у его бурого собрата.

Медведь стоял на берегу лесной речки и смотрел с интересом, как гигантские, размером с бегемотов, бобры строят плотину. Может, медведь хотел порыбачить, но бобры попросили его не мутить воду. Из леса выглянул волк, но медведь рявкнул на него, и волк убрался восвояси.

И тут Пашка увидел животное, какого раньше ему видеть вроде бы не приходилось. И только когда компьютер объяснил, что это первобытный ленивец, может быть, даже один из последних ленивцев, живших когда-то на территории нашей страны, Пашка догадался, что видел в зоопарке его небольшого современного собрата. Головка у ленивца была маленькая, похожая на головку младенца, шерсть бесконечной длины свисала, как зеленоватые водоросли, лапы были огромными, когтистыми, хотя когти ленивцу, который питается листвой, нужны, только чтобы удерживаться на деревьях.

Медленно-медленно, словно во сне, ленивец спускался с дерева. И вдруг замер.

Пашка понял почему: на берег реки вышел хозяин тех мест — саблезубый тигр, самый страшный хищник ледникового периода.

Конечно, саблезубый тигр принадлежал к кошачьей породе, но Пашке не хотелось обижать кошек и тигров — чудовище походило на тигров только своими черными и желтыми полосами. В остальном это была страшная машина, готовая убить любого, кто станет у нее на пути. Даже когда его пасть была закрыта, из нее торчали желтоватые кинжалы — клыки! А уж заглядывать в его беспощадные желтые глаза никому не хотелось.

Не заметив тигра, к реке вышел благородный олень. Пашка даже ахнул, увидев такую красоту.

От копыт до конца рогов олень достигал трех метров и по росту мог сравниться с мамонтом. Но главное — рога! Такие могучие, ветвистые и раскидистые, что было даже странно, как олень удерживает их на голове. Компьютер объяснил Пашке, что в размахе рога достигают четырех метров.

Тигр медленно повернул голову, посмотрел на оленя и, когда тот спустился к воде, присел, прижался к земле — лишь кончик хвоста отбивал бесшумно дробь по траве. Остальные звери, даже медведь и мамонт, в ужасе замерли. Тигр распрямился, как пружина, и взлетел в воздух. Всем весом своего тела он, словно пушечное ядро, ударил по оленю, и тот, от неожиданности не удержавшись на ногах, упал в воду.

Это его и погубило. Потому что, пока олень пытался выбраться на берег, чтобы встретить нападавшего рогами, тигр перегрыз ему горло.

Зрелище было таким страшным, что все звери разбежались, а бобры нырнули в воду.

Пашка выключил экран.

Хоть он был ученым и ничего не боялся, есть вещи, на которые даже ученому смотреть не хочется.

Прежде чем отправиться в Институт времени, Пашка прокрутил на экране кадры про птиц и насекомых ледникового периода. Среди них встречались гиганты — пауки и скорпионы. Но компьютер сказал, что они скоро вымрут, так как остались от прежних, более теплых и влажных времен. Это Пашку не утешило, потому что ему-то положено отправляться во времена, где они еще не вымерли.

В заключение компьютер честно предупредил, что самый страшный зверь в ледниковом периоде — это комар, мошка, гнус. Их там тучи! Правда, если Пашка попадет в лес осенью, комаров будет меньше, потому что они совершенно не выносят заморозков.

— И все-таки попроси в институте, — посоветовал компьютер, — чтобы тебя окунули в антикомариный раствор — как Иванушку в кипящий котел. И ты выйдешь из него добрым молодцем.

Пошутив так, компьютер расхохотался. Хохотал он беззвучно, подмигивая лампочками.

— Спасибо, — сказал Пашка, который не очень любил, когда компьютеры шутят. Компьютеры знают, что шутить надо, что все люди умеют это делать, значит, и компьютеру надо уметь шутить. Но хотя они давно обошли людей и не только считают, но и думают быстрее самого умного человека, до чувств они не добрались — чувства остались только для людей. И как ни стараются компьютеры приблизиться к людям по этой части, пока им это не удается.

Глава четвертая

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Ричард ждал Пашку.

— Дома со всеми попрощался? — спросил он.

— Мама дала мне с собой свитер.

— Придется оставить здесь, — сказал Ричард.

— Неужели я не понимаю, что в ледниковой эпохе еще никто не умел вязать?! — воскликнул Пашка. — Я и маме это сказал, а она ответила: «Я все понимаю, но возьми на всякий случай». Разве родителей переделаешь?

— Отлично, — сказал Ричард. — Родителей не выбирают. Но мы с тобой сейчас займемся выбором.

— Я тебя не понял.

— С сегодняшнего дня у тебя будут приемные родители — небольшое племя кроманьонцев, живущее в пещере на берегу реки, которую через много тысячелетий назовут Неглинкой.

— Кроманьонцев? — удивился Пашка. — А я думал, что мы разгадываем тайну неандертальцев.

— Как же ты ее разгадаешь, друг мой, если я не могу поселить тебя к неандертальцам? Они сразу догадаются, что ты чужой, и сделают из тебя котлеты.

— А с чего бы кроманьонцам думать, что я свой?

— Потому что ты типичный кроманьонец. Мы скажем, что ты потерялся в лесу, твоих родителей растерзал саблезубый тигр.

— И бабушку тоже?

— Какую еще бабушку? — не сообразил Ричард.

— Мою бабушку, — ответил Пашка, глядя на него ясными невинными глазами.

— А почему саблезубый тигр должен есть твою бабушку?

— Вот я и удивляюсь. Саблезубому тигру никогда не съесть мою бабушку.

Ричард совсем растерялся и только молча смотрел на Пашку. Тогда Пашка объяснил ему, в чем дело:

— Моя бабушка сама съест любого тигра. Она пенсионерка, но раньше работала цирковой волшебницей. Это редчайшая специальность, она выше классом, чем любой фокусник. Бабушка умела делать настоящие чудеса. До сих пор к ней приезжают ученики.

— А почему я ничего не слышал о твоей бабушке? — спросил Ричард.

— Молодой еще, — отмахнулся Пашка. — Не застал ты ее. Хотя, может, ты и видел одно из ее достижений. Это она перенесла гостиницу «Россия» на другую сторону Москвы-реки, чтобы та своим уродством не портила Кремль.

— Странно, — сказал Ричард. — А я думал, что гостиница «Россия» всегда стояла на другом берегу.

— Вот так, — вздохнул Пашка, — стараешься, делаешь,

совершаешь подвиги, а через несколько лет о тебе уже забыли.

— Я обязательно проверю, — сказал Ричард. — Сегодня же погляжу в Справочной.

«Гляди-гляди, — подумал Пашка. — Ничего ты не найдешь. Все компьютеры мира сделают удивленные глаза и сообщат, что информации нет». А ведь мама сама рассказывала об этом Пашке. Она была тогда девочкой, а бабушка еще выступала на сцене. И однажды бабушка приехала в Москву, пошла гулять, с дороги провидеофонила маме и сказала, что она такого безобразия не потерпит. Кто поставил этот уродливый ящик рядом с Кремлем? Мама ответила, что это случилось давно, больше ста лет назад, когда Россией правили люди, совершенно не имевшие представления о красоте. Они были необразованные, очень нахальные и мечтали прославиться в веках. История им отомстила — никто не помнит их имен. Забыли. А бабушка тогда спросила маму: хочешь приехать посмотреть, как я наведу порядок в центре Москвы? Мама схватила флаер, прилетела, и бабушка у нее на глазах подняла в воздух гигантскую гостиницу «Россия», раздвинула на другом берегу старые дома и втиснула многоэтажную коробку — подальше с глаз долой. Потом мановением руки посадила на месте гостиницы траву и деревья. И приказала всем людям, кроме Пашкиной мамы, об этом забыть. Представляете: человек в гостинице проснулся, вышел на улицу и удивляется: вроде бы он не сюда вчера приехал. Но гостиница стоит — большая, крепкая. Махнет человек рукой и думает: наверное, я вчера очень устал. Бегут на работу официанты, дежурные, слесари, едет директор, все подъезжают к тому месту, где раньше стояла гостиница, а там травка и деревья. Но бабушка не глупая была, она всюду понаставила указатели: «В связи с ремонтом мостовой гостиница «Россия» переносится на другой берег. Просим пользоваться мостом». Кто-то удивился, кто-то нет. А через три дня уже никто не удивлялся. Только некоторые люди из Кремля выходили на Красную площадь и думали, как хорошо и свободно смотреть в сторону реки. А раньше что-то мешало. Но что мешало — так никто и не вспомнил.

Ричард слушал, недоверчиво качая головой.

— Расскажите мне про найденыша, — попросил Пашка.

— С тобой поработают наши гримеры и костюмеры, — сказал Ричард. — Ведь ты должен быть очень диким мальчиком и не отличаться от других детей.

— Согласен.

— Ты не боишься босиком ходить?

— Еще не хватало!

— Может, ты холода боишься?

— Ричард, зачем ты все время спрашиваешь, боюсь ли я того-сего? Честно говоря, ничего я не боюсь. Иногда я сам себе удивляюсь: ну что за урод из меня вышел! Все нормальные люди чего-нибудь боятся. Темноты, кладбища, больших пауков или дождя. А мне вот не знакомо чувство страха, и все тут!

— Жаль, очень жаль, — сказал Ричард. — Если бы я знал об этом с самого начала, никогда бы тебя не взял на практику.

— Почему? Тебе больше нравятся трусы? Маменькины сыночки?

— Страх — это нормальная реакция организма на опасность. Люди, не чувствующие страха, — больные люди. Но меня успокаивает то, что ты сам себя пока плохо знаешь. И чувство страха у тебя есть, как у каждого нормального человека. Только ты еще ребенок и сам себя обманываешь.

За слово «ребенок» Пашка готов был растерзать Ричарда, но он понимал, что тот его дразнит. И решил не поддаваться.

— Значит, ты не боишься темноты? — спросил Ричард.

— Не боюсь.

— Это хорошо — в пещере нет света.

— Как так нет света? А костер?

— Вряд ли он заменит тебе свет, к которому ты привык. Так что никакого чтения перед сном!

— Я понимаю, ты шутишь! — воскликнул Пашка. — Они еще не умели читать.

— А ты и рад разучиться!

— Не исключено, — сказал Пашка. — Если я буду вести

жизнь, полную приключений, на что мне чтение? Разве мне компьютера не хватит?

Ричард улыбнулся и продолжал:

— И не боишься холода?

— Можешь отправить меня на Северный полюс и там проверить.

— Отлично! Ты хорошо плаваешь?

— Как рыба.

— Другого ответа от нашего героя я и не ждал.

«Издевайся, издевайся, — повторял про себя Пашка. — Мы еще посмотрим, кто из нас прав. Когда я вернусь и покажу тебе фильм, ты на пол грохнешься от зависти. И не исключено, что мне предложат бросить школу и поступить в Институт времени старшим научным сотрудником. Я возглавлю первобытный отдел, а ты, голубчик Ричард, будешь мне подчиняться».

— С твоим доктором я разговаривал, — сказал Ричард. — Он подтвердил, что ты совершенно здоров.

— Тоже мне неожиданность! — усмехнулся Пашка.

— С родителями твоими я поговорил. Они не возражают.

Пашка насупился. Уж очень они здесь с ним возятся — как будто он в самом деле ребенок.

— Если бы ты знал, в каких я уже побывал переделках, — сказал Пашка, — то не стал бы проверять, ем я манную кашку или не ем.

— Я знаю все о твоих переделках. И надо сказать, что не всегда ты вел себя как разумный человек. Но надеюсь, ты подрос и поумнел. А теперь давай потратим с тобой еще несколько минут и познакомимся с твоей будущей семьей. С теми троглодитами, которые живут в этой пещере.

Против этого Пашка не возражал. Ему тоже было любопытно, кого он завтра увидит.

Камера глядела на лесистый склон, в котором темнел вход в пещеру. Был вечер. Теплый летний вечер.

Из пещеры тянулась струйка голубого дыма.

— У них там печка? — спросил Пашка.

— Костер.

— Я же говорил, что читать можно.

Немолодая женщина с жестким, грубым лицом вышла из пещеры. Она куталась в тигриную шкуру, которая свисала до колен.

Женщина Пашке так не понравилась, что ему даже расхотелось отправляться в прошлое.

— Мы еще не знаем, как их зовут. Мы боимся их спугнуть и снимаем издали. Но известно, что это вождь племени, ее все уважают и слушаются.

Женщина кого-то звала — до Пашки доносились неразборчивые звуки.

— Такая как найдет меня в лесу, сразу прикончит, — сказал Пашка. — Конечно, я ее не боюсь, я никого не боюсь, но все же жалко, если я погибну совсем молодым.

Снизу по склону поднялись двое мальчишек. Они тащили вдвоем длинный сук, почти бревно. Женщина показала, куда положить бревно, и обернулась к пещере. Оттуда показался мужчина с обезображенным лицом — скорее всего, догадался Пашка, он встретился на охоте с каким-нибудь чудовищем. К тому же мужчина прихрамывал. Он нес в руке овальный, заостренный с одной стороны булыжник. Подойдя к бревну, мужчина стал его изучать, ходить вокруг, примериваться. Пашке даже стало смешно.

Потом мужчина присел на корточки перед бревном и приготовился по нему ударить. Тут появились еще двое.

Первым шел здоровенный костлявый человек, который нес на спине небольшую антилопу или козу, — у нее были длинные, загнутые назад рога. Следом за ним шла молодая женщина, не с таким грубым, как у вождихи, лицом, а даже приятным, веселым.

Охотник привлек к себе всеобщее внимание. Из пещеры появились и другие члены семьи. Конечно же Пашка их не разглядел и не запомнил, но успел заметить, что детей было довольно много, вели они себя смело, сразу бросились помогать охотнику снять с плеч добычу, но вождиха, судя по всему, приказала нести антилопу в пещеру, и вскоре все скрылись там. Стало тихо, слышно было только, как поют птицы.

— Ну, не раздумал? — спросил Ричард. — Шумная се-

мейка и довольно бесцеремонная. Еще не поздно отказаться, и мы тебя направим на практику в цивилизованные времена. Например, к Колумбу.

— При чем тут Колумб?! — рассердился Пашка. — И что ты меня все время подзуживаешь, дразнишь и даже издеваешься? И не веришь ни одному моему слову! Я сказал, что хочу снимать фильм об охотниках на мамонтов, и я это сделаю!

— Вот, наконец-то я вижу не мальчика, но мужа, — сказал Ричард. — Кто так сказал?

— Наверное, какой-нибудь рыцарь.

— Не рыцарь, а Пушкин. В драме «Борис Годунов». Пора бы тебе ее прочесть.

— Сейчас не до драм, — отрезал Пашка. — Ты забыл, что я готовлюсь к важному заданию?

— Если готовишься, — сказал Ричард, — то я умолкаю. Давай с тобой осваивать камеру, которой ты будешь пользоваться.

В тот день они с Ричардом изучали кинокамеру, которую кудесникам из института удалось очень остроумно замаскировать под небольшую кость. Эта «кость» вместо пуговицы скрепляла на плече у Пашки одежду — что-то вроде куртки без рукавов, которая доставала почти до колен. Чтобы камера заработала, достаточно было провести над ней пальцем — камера угадывала Пашку по отпечатку указательного пальца. Камера была цифровой, она передавала зашифрованное изображение в электронную память, умещавшуюся в стальной горошинке.

Во всем остальном Пашка был первобытным мальчишкой, правда, повыше своих будущих братьев, хотя, возможно, не сильнее. Ему можно было дать на год-два больше, чем сверстникам-троглодитам.

Главное отличие не в этом!

Первобытные люди жили недолго, и не только из-за того, что на них охотились хищники, что на каждом шагу их подстерегала опасность. Внутри их скрывались многочисленные враги — болезни, с которыми никто не мог бороться. Если ты выздоравливал, значит, тебе повезло. А умер — не

повезло. Первобытные люди не знали колдунов и шаманов. Они только-только выбрались из животного состояния, но еще не стали настоящими людьми.

В Институте времени от Пашки многого ждали. Ведь умный ребенок увидит то, что взрослому не удастся заметить.

Самого Пашку проверили и перепроверили на компьютере, отыскивая болезни, а когда не нашли, то ввели ему столько противоядий и защитных вакцин, что у него даже голова закружилась. Пришлось сесть и минут двадцать приходить в себя.

Но Ричард был доволен:

— По крайней мере, ты можешь пить сырую воду, есть немытые фрукты, глотать сырых лягушек и горстями кидать в рот муравьев, не говоря уж о дождевых червяках...

— Ричард! — воскликнул Пашка. — Я их терпеть не могу!

— А придется. Ведь твое племя ест то, что удается отыскать или убить. Сегодня убили антилопу — несколько дней все сыты. А что, если антилопа не встретится? Придется переходить на корешки, муравьев и гусениц.

— Лучше уж поголодаю, — сказал Пашка.

— Но помни: ты как разведчик в стане врага. Никто не должен тебя заподозрить. Ты найденыш, но все равно один из них. Так что постарайся не выделяться.

— Постараюсь, — буркнул Пашка.

— Последняя штука, которая тебе может пригодиться, — это кнопка тревоги. К сожалению, мы не можем наблюдать за тобой круглые сутки. Но если с тобой что-то случится — у нас зазвенит сигнал тревоги. И к тебе на помощь тут же пойдет наш сотрудник. Если необходимо, мы тебя сразу вытащим обратно. Так что не бойся...

— Я уже пять раз сказал, что ничего не боюсь!

— Ах да, конечно, а я забыл. Стареть начинаю!

Когда Пашку уже подготовили к перелету — облачили в шкуру, смазали специальным жиром волосы, чтобы от них не пахло мылом или шампунем (дикари могут заподозрить неладное), — когда все было готово, его снова отвели в медицинский кабинет. Там молчаливый старый доктор потянул Пашку за мочку уха и прижал к ямке за ухом тонкую трубоч-

ку. Трубочка вонзилась в кожу — на секунду стало больно, но Пашка выдержал это испытание.

— Все в порядке, — сказал доктор, — можете забирать вашего дикаря.

— Тронь кончиком пальца за ухом, — велел Ричард.

Пашка попробовал. Под кожей катался маленький, как зернышко черного перца, шарик.

— Теперь нажми на него. Сильнее. Вот так!

По институту прокатился тревожный звон.

— Это ты звонишь. Так что попрошу тебя, отважный воин, зря не нажимать, не пугать людей.

— Не буду, — пообещал Пашка.

— Иди посмотрись в зеркало и запомни, что теперь ты не скоро себя снова увидишь — только если будешь глядеться в пруд. Две недели ты проведешь на свежем воздухе.

Пашка подошел к зеркалу.

Он не был готов увидеть такого отвратительного, грязного, лохматого дикареныша, и ему потребовалось, наверное, с полминуты, прежде чем он узнал самого себя.

— Да, изобразили вы меня... — пробормотал он недовольно.

— Я тебя понимаю, — согласился с ним Ричард. — Каждому хочется выглядеть героем или хотя бы молодцом. Но не всякому это дано. Так что придется потерпеть. Но как только станет совсем тяжко и захочется домой, к бабушке, сразу жми на кнопочку — появится добрый дядя и отведет тебя обратно.

Ричард опять дразнил, опять старался вывести Пашку из себя, опять испытывал, крепкие ли у него нервы.

Пашка все понял, мысленно усмехнулся и отвернулся от Ричарда.

Зажегся яркий свет, защелкали камеры.

— Потерпи еще пять минут, — сказал Ричард. — Сейчас проверят все системы и запечатлеют тебя перед отправкой в далекое путешествие.

— Я жду, — кивнул Пашка.

Через пять минут свет погас, стало полутемно.

Ричард протянул Пашке руку и сказал:

— Ну что ж, желаю тебе счастливого пути. Временная кабина в соседней комнате. Сейчас мы туда с тобой пойдем.

Пашка первым вошел в круглый зал, где на возвышении стояла небольшая, прозрачная, круглая кабина размером со старинную телефонную будку. Внутри, на столбике, размещался пульт с кнопками.

— Машина работает на автоматике, — сообщил Ричард. — Смело нажимай зеленую кнопку.

Пашка нажал на кнопку, под которой было написано: «Пуск».

Раздалось жужжание, все заволокло туманом, и вскоре зал исчез.

Пашка на секунду потерял сознание, но тут же пришел в себя и огляделся.

Теперь темнота была другой. Другим был и воздух. Пашка вспомнил: кабина спрятана в пещере, из которой трудно выбраться. Но ему объяснили, как найти нужный ход.

Пашка закрыл машину времени и пошел по туннелю.

Глава пятая

ВЕЗУНЧИК

Здесь, в первобытной древности, было раннее утро, и птицы пели точно так же, как и в двадцать первом веке, хотя Пашка никогда специально птицами не интересовался.

Он выбрался из пещеры и остановился. Ричард предупредил его, что лесная тишина обманчива. В лесу водятся не только птички, но и любители полакомиться человеческими детенышами. И хотя Пашка тогда отмахнулся, потому что чувство страха ему неведомо, он не мог не признать, что осторожность — обязательное качество любого охотника.

Надо было сделать ровно двести шагов, чтобы выйти на тропинку.

Пашка прошел шагов пятьдесят и вдруг почувствовал, что в лесу стало совсем тихо. Слишком тихо. Даже птицы замолчали.

Пашка остановился. Разумеется, он не испугался. Он только подумал, не возвратиться ли в пещеру к машине вре-

мени, а то придется сражаться с каким-нибудь чудовищем, вот и эксперимент сорвется. Ричард будет недоволен: тебя послали снимать кино, а ты победил какого-то там дракона!

Пашке не дали никакого настоящего оружия — сказали, что мальчишке нечего делать в древности с пистолетом или даже саблей, которых еще не придумали, а миниатюрного оружия, допустим бомбомета или лазерного генератора, который умещается под ногтем, в Институте времени не нашлось.

— Мы никому не даем оружия, — сказал Ричард, — чтобы не было соблазна. Если на стене висит ружье, оно обязательно когда-нибудь выстрелит. А одного выстрела достаточно, чтобы погубить множество людей и свести на нет все наши усилия.

Так что безоружный Пашка стоял посреди леса и прислушивался к шорохам, как заяц, который поднялся столбиком и шевелит ушами.

Пошли дальше, уговаривал себя Пашка. Осталось сто пятьдесят шагов. Там будет тропинка, она ведет прямо к пещере. По этой тропинке все время ходят люди из племени. Ты ляжешь и сделаешь вид, что спишь.

Спящих никто не боится. Тебя найдут и разбудят. Единственная трудность — придется потерпеть комаров, которых в лесу немало.

И вот теперь комары, увидев, что посреди леса стоит незнакомый мальчик и вертит головой, поняли, что к ним пришел завтрак. Да еще такой вкусненький, свеженький, нежненький! И они кинулись на Пашку, как свирепые гиены.

Конечно, они оказались куда злее, чем наши родные, цивилизованные насекомые.

Пашка стал отмахиваться от них и тут услышал, как что-то тяжело упало на землю. Потом ветви большого куста, который рос шагах в двадцати от Пашки, зашевелились и медленно-медленно начали раздвигаться.

Пашка понял, что это не случайно.

Он затаил дыхание. Он даже перестал чувствовать, как в него вонзаются комариные жала.

А в темной дыре, открывшейся в кустах, что-то сверкнуло!

Пашка понял, что оттуда на него глядят сверкающие глаза тигра, который уже изготовился к прыжку.

Тут уж некогда размышлять, боишься ты кого-нибудь или никого не боишься. Остается только одно — мчаться куда-нибудь со всех ног.

И Пашка помчался.

Он не мог вернуться в пещеру, где стояла машина времени, потому что путь назад был отрезан хищным чудовищем. И поэтому бежал вперед.

Он не обращал внимания на сучья и камни под ногами, на ветви, хлеставшие по лицу. Ему хотелось закричать: «Мама!» — но голос его не слушался. Ему уже казалось, что сзади трещат сучья — это преследователь настигает его...

Пашка не заметил, что уже давно бежит по тропинке.

Тропинка становилась все шире и вдруг, когда у Пашки уже не осталось никаких сил, когда легкие готовы были разорваться, он выскочил на открытую площадку над рекой и увидел вход в пещеру — ту самую, которую наблюдал на экране в Институте времени.

Перед входом в пещеру сидели дети и очищали какие-то корешки и клубни. Услышав треск кустов, они вскочили на ноги и тут обнаружили Пашку. Наверное, вид у Пашки был ужасен, потому что дети завопили в четыре голоса и кинулись в пещеру.

Навстречу им выскочила вождиха, совершенно голая — может, она еще спала, и ее разбудили вопли. За ней выбежали остальные взрослые. Они держали в руках палки и камни, готовясь защищать свой каменный дом от неведомого чудовища.

Увидев троглодитов, Пашка понял, что спасен.

Он кинулся к вождихе, которая сейчас вовсе не казалась ему такой уж страшной и жестокой, обхватил ее за талию и, задыхаясь, принялся объяснять, что там, вон там вон, оттуда вот мчится буйный пещерный тигр, поэтому он, Пашка, просит племя дать ему, Пашке, убежище и как можно скорее вернуть к маме.

Вождиха оказалась куда разумнее детей и самого Пашки. Она дала ему подзатыльник и толкнула в пещеру, объяснив при этом на своем первобытном языке, что детям на охоте делать нечего. А Пашка, хоть и не слышал в жизни первобытного языка, сразу все понял.

Он подчинился, но в глубь пещеры забегать не стал. Оставшись у входа вместе с ребятами, он принялся наблюдать, как мужчины племени во главе с вождихой, один за другим, осторожно пошли вперед по тропинке, чтобы встретить врага.

Пашке понравилось, что они такие смелые.

Когда стало тихо, а толпа у входа сильно поредела, первобытные дети хотели выйти на площадку, но старуха и девушка, которая пришла с охоты, не выпустили их.

Дети окружили Пашку. Они щупали его, касались рук и лица, удивляясь, должно быть, что он такой светлокожий и светловолосый по сравнению с ними. Наверное, они спрашивали его, откуда он появился, на что Пашка сказал парню его возраста:

— Моих родителей сожрал саблезубый тигр. Он хотел и со мной расправиться, но не удалось. Я оказался ему не по зубам.

Дети кивали, соглашаясь, хотя ничего, конечно, не понимали.

Тут послышался шум и голоса. Потом кто-то засмеялся.

«Ну и отлично, — решил Пашка, — они убили или прогнали зверя. А я выполнил первое задание Ричарда — проник в пещеру и, как настоящий шпион, внедрился в чужое племя».

Пашка настолько пришел в себя, что нажал на «косточку» — свою кинокамеру, чтобы заснять возвращение охотников, убивших саблезубого тигра. И подумал: как хорошо, что он прекрасно владел собой и почти не испугался при виде саблезубого тигра, а то нажал бы на точку за ухом, вызвал бы помощь и опозорился. Подумав так, Пашка вздохнул и сказал сам себе: «Ну зачем врать, Павел! Ведь ты просто от страха забыл про кнопку, а то бы наверняка вызвал подмо-

гу». Только не от страха, поправил сам себя Пашка, а от неожиданности.

Кусты, затрещав, раздвинулись.

Первой шагала вождиха, которая, кстати, убегая на охоту, так и не оделась. Следом за ней двое мужчин волокли большое, размером с теленка, животное, покрытое зеленоватой длинной шерстью. Голова у этого непонятного животного была маленькая, а толстые короткие мохнатые лапы заканчивались длиннющими загнутыми когтями — по три когтя на каждой. Так это же гигантский ленивец!

Убитого зверя охотники кинули перед входом в пещеру, и тут же все племя высыпало наружу, чтобы пощупать добычу. Гвалт стоял невероятный. Видно, троглодиты вообще были народом разговорчивым. Но Пашка заметил, что говорили они как-то отрывисто, словно выпаливали слова по отдельности, без всякой связи. При этом они помогали себе объясняться жестами и ужимками.

Пашка тоже подобрался поближе к добыче, и ему стало так стыдно, что он готов был сбежать обратно в лес навсегда и больше не встречаться с людьми. Значит, он удирал от ленивца, который просто свалился с дерева! Хорошо еще, если Ричард не видел этого позорного бегства. Хотя, впрочем, посмотрели бы мы на Ричарда в лесу, одинокого, безоружного, когда из кустов на него полезет такое вот чудовище.

Гвалт прекратился. Пашка поднял глаза и увидел, что вождиха, которая успела сходить в пещеру и накинуть на себя тигриную шкуру, подняла довольно грязную толстую мускулистую руку, сжатую в кулак. Потом она разжала кулак и показала пальцем на Пашку. И начала свою речь:

— Этот-маленький-добыча-звал-кушать-хороший.

Может, Пашка не совсем точно перевел для себя эту короткую речь, но, надо сказать, он быстро привыкал к языку троглодитов. Во-первых, для изучения язык был очень простой: одни слова и никакой грамматики. Слов было немного, их дополняли ужимки, гримасы, рычание, ворчание, хихиканье и множество всяких звуков, которые не были словами, но помогали понять суть. А Пашка, как и любой школьник конца двадцать первого века, знал двенадцать

языков, включая космояз, то есть галактический язык, который изобрели специально, чтобы жители разных планет могли общаться друг с другом.

Разрабатывали космояз в Галактическом центре, и Пашка видел об этом фильм, который привезла из центра Алиса Селезнева. Оказывается, на всех цивилизованных планетах было объявлено, что проводится вселенский конкурс на создание общего галактического языка, поскольку иначе, если его не создать, Галактика разорится на переводчиках и переводческих компьютерах.

Над языком трудились множество институтов, групп и одиночек, самые передовые компьютеры старались решить такую задачу: язык должен включать в себя элементы ста тридцати шести тысяч основных языков Галактики, и притом быть очень простым, чтобы любой ребенок мог его выучить за месяц.

С изобретением языка была связана одна трогательная история, которую вам с удовольствием расскажут на Голоптуну-шэр, небольшой водной планете, расположенной довольно далеко от Солнца.

На эту планету как-то приехала экспедиция с Трискады. На Трискаде живут синие птицы с размахом крыльев в три метра. Трискады — известные артисты. Их хлебом не корми — дай выступить перед зрителями. Так что половина населения этой планеты летает по Вселенной и дает концерты синхронного летания. Это все равно что синхронное плавание, только в воздухе. Зрелище, надо сказать, великолепное! Десятки синих птиц совершают в воздухе пируэты, собираются в сложные фигуры, мгновенно расстаются, потом свиваются в клубок и взмывают к небу... Нет, этого не рассказать! Такое представление надо увидеть собственными глазами.

И вот как-то синие птицы с Трискады прилетели на планету Голоптуну-шэр и там узнали, что концерт не состоится, поскольку вокруг острова, единственного крупного острова, на котором стоят гостиницы и космодром, бушует шторм, и жители планеты не смогут приплыть, чтобы посмотреть на

выступление птиц. Тем более что по небу несутся низкие облака.

Три дня птицы ждали, что шторм прекратится, но он продолжался. Тогда птицы стали собираться домой, но одна из них, назовем ее Шони-зи, все же решила рискнуть и немного размяться среди облаков.

Пока все спали, она вышла на крышу гостиницы, взмахнула крыльями и понеслась над волнами. Она совершала безумные кульбиты, пикировала к самым волнам и поднималась вновь. Осьминогу Лупи-топи, который специально проплыл тысячу миль, чтобы полюбоваться таким зрелищем и уже отчаялся его увидеть, Шони-зи показалась дочерью Неба, легкой, как утренний ветерок. Она была прекрасней любой рыбы или медузы. Осьминог полюбил воздушную акробатку безумной, благородной и чистой любовью.

Когда птица, исполнив свой танец, скрылась, осьминог Лупи-топи подплыл к обрыву, которым заканчивался остров, и, забравшись в подводную пещеру, застыл возле стекла, отделяющего воду от воздуха. Он знал, что туристы на Голоптуну-шэр посещают эту пещеру, чтобы поглядеть на подводную жизнь планеты, а жители планеты, как разумные осьминоги, так и сообразительные дельфиниды, проводят часы у этой преграды, разглядывая туристов и других гостей. Порой тут завязываются знакомства.

Осьминог Лупи-топи не зря рассчитывал увидеть еще раз свою возлюбленную. Не прошло и часа, как, томясь бездельем, птицы прилетели в подземный зал поглядеть на осьминогов и дельфинидов, а осьминоги и дельфиниды стали смотреть на птиц, которые медленно разгуливали по залу, сложив синие крылья и переговариваясь на своем языке. Осьминог сразу узнал Шони-зи. Такова сила любви!

Лупи-топи не мог оторвать от птицы своих громадных круглых глаз, и этот настойчивый взгляд привлек внимание Шони-зи.

— Кто этот красивый водоплавающий зверь с множеством щупальцев, — спросила она у переводчика, — который так пристально смотрит на меня?

Переводчик включил подводную связь и сказал, что си-

няя птица Шони-зи спрашивает, как зовут осьминога, который так пристально смотрит на нее.

Осьминог очень обрадовался, что его заметили, и сказал, что его зовут Лупи-топи.

— Ах, какое красивое имя! — воскликнула птица. — Передайте ему, что меня зовут Шони-зи.

— Я смотрел сегодня, как вы летали, — сказал осьминог. — Вы были прекрасны.

Птица и осьминог еще долго разговаривали, затем Шони-зи решила снова подняться в небо и еще раз показать симпатичному осьминогу свое искусство. Но уже стемнело, и представление пришлось отменить. А ночью стремительный межзвездный корабль унес птиц дальше, к другой звездной системе.

С тех пор осьминог тосковал по птице, а птица, хоть и не так сильно, тосковала по осьминогу. Осьминог с радостью писал бы своей подруге письма, но переводить их было некому — переводчики на острове всегда по горло заняты, да и перевод стоит так дорого, что осьминогу он не по карману.

И тут как раз объявили галактический конкурс на создание нового языка — космояза, или, как он еще называется, Интерлингвы.

Лупи-топи никогда не был силен в языках: он знал всего-навсего три или четыре подводных наречия. Но ему так хотелось придумать способ, который поможет общаться с любимой, что осьминог перестал есть, спать, плавать и даже шевелиться — три недели он думал и наконец придумал самый простой и удачный межзвездный язык. И когда жюри конкурса проверило все семнадцать тысяч двести сорок конвертов, то компьютер и члены жюри единогласно решили: победил участник конкурса, приславший свой труд под девизом «Для нас нет преград». Оказалось, что великим изобретателем стал скромный молодой осьминог с планеты Голоптуну-шэр.

Лупи-топи прославился в один день. К нему помчались корреспонденты и любопытные туристы, он написал воспоминания о том, как впервые увидел Шони-зи и как любовь к ней помогла ему преодолеть непреодолимые трудности.

Эти воспоминания принесли славу и ему, и самой танцующей птице Шони-зи. Птица была рада, что такой милый осьминог прославился и прославил ее.

Они снова встретились и с тех пор больше не расставались.

На берегу острова Лупи-топи построил большой дом. Центральная комната этого дома представляет собой круглый бассейн с выходом в открытое море. Возле бассейна посажены большие деревья гзиго, на которых птицы с планеты Трискада отдыхают и спят.

Теперь птица Шони-зи, если она не на гастролях, летает над островом, или сидит на дереве гзиго, или купается в бассейне с осьминогом. И они счастливы.

Вождиха произнесла короткую речь и улыбнулась.

Мужчина, тот самый, хромой, с обезображенным лицом, подошел к Пашке и потрепал его волосы.

— Волосы, — сказал он. — Как солнце. Хорошо.

— Где твое племя? — спросила вождиха.

Пашка все это понял. Ну что тут сложного для пятиклассника?

— Племя. — Пашка ударил себя кулаком в грудь. — Не знаю. Папа-мама ам-ам тигр. Племя нет.

И Пашка начал плакать, стараясь показать, как он расстроен.

Троглодиты очень сочувствовали Пашке. Одна маленькая девочка тоже заплакала. Самый большой и сильный воин с низким лбом и волосатой грудью и плечами подхватил Пашку на руки.

— Ты как зовут? — спросил он. — Ты плохо не надо.

— Пашка, — признался Гераскин.

— Пшшшк, — произнес воин и поставил Пашку на землю. — Нет понимать. Нет. — Он обвел взором своих соплеменников и сказал, показав на вождиху: — Ма-ма! Мама-у!

И все вокруг повторили хором это имя.

Вторым в племени мужчина считал себя. Поэтому он прорычал, ткнув себе в живот пальцем:

— Гром.

И все стали изображать грохот.

— Все ясно, — остановил их Пашка. — Все понятно без перевода.

Мужчина постарше, с изуродованным лицом, оказался Тигром. Сидевшая у костра старуха, которая почему-то невзлюбила Пашку, оказалась Тучей. Может, когда-то она и была похожа на тучу, но теперь даже облачком ее не назовешь.

Потом подошла очередь молодой охотницы, которая понравилась Пашке с самого начала. И тут Пашка увидел, что из пещеры выходит точно такая же. Близняшки!

Ора и Ура — так их звали. Почему у остальных имена что-то значили, а у этих не значили ничего — разве поймешь? Потом из пещеры вышел еще один мужчина, скорее молодой, чем старый, но немного горбатый и очень печальный. Он укачивал на руках ребенка. Ребенок не плакал, а тихонько подвывал. Вот тут Грому пришлось потрудиться, прежде чем он смог объяснить Пашке, в чем дело. Оказывается, этот мужчина по имени Крот очень расстроен. У него пропала жена, мать этого ребенка, у которого имени не было. Имя человеку дают, когда он стал большой и всем уже ясно, что из него вышло. Правильно они придумали, решил Пашка.

Женщина Большой Огонь ушла в лес и не вернулась. А трое детишек остались.

Вот ее муж и нянчит их. Никто не смеялся, и Пашка понял, что эти люди, может, и не такие уж первобытные, если так переживают за других.

Теперь наступила Пашкина очередь.

— Пшшшк нехорошо, — сказал Гром.

И все, включая детей, которым еще даже не положено иметь имя, принялись шуметь и измываться над добрым именем Гераскина. Оно казалось этим троглодитам совершенно не подходящим для такого славного парня, как их новый соплеменник.

Каждый норовил придумать Пашке имя, и со всех сторон неслись слова, которые Пашка должен был угадывать. В конце концов остановились на имени Седой. Хотя были имена и не хуже. Например, Палец, чтобы показать, как

Пашка одинок. Или Камыш, потому что Пашка высокий и худой. Гром хотел назвать Пашку Снегом — наверное, из-за светлых волос.

Ну ладно, Седой так Седой.

Пашка вспомнил, что совсем забыл про съемки. Вот это глупо! Какую сцену упустил! Неужели человечество никогда не увидит этих кадров?

Он попробовал заставить свою новую семью повторить знакомство, но его никто не понял. Все разошлись по своим делам.

Пашка сделал вид, что осваивается в пещере, и никто его не останавливал. Его признали своим и даже, очевидно, решили, что он специально заманил сюда ленивца, чтобы было вкусненькое на ужин. А уж когда узнали, что он сирота и у него нет своего племени, признали окончательно, и никто не мешал ему ходить куда хочешь и смотреть на что хочешь. Пашка вдруг подумал, что жить среди троглодитов даже лучше, чем среди цивилизованных людей. Ни одна душа тебя не воспитывает, не учит, не заставляет заниматься тем, чего ты делать не хочешь. И если бы в пещере не было так противно, ему бы здесь понравилось. Но в пещере стояла удушливая вонь — ведь здесь много лет жили совершенно немытые люди, которые к тому же не выбрасывали объедки, а сваливали их в дальнем углу жилища.

Пашка снимал по очереди своих новых родственников, тихо повторял их имена, чтобы потом не перепутать, затем снял кучу вонючих отбросов и подумал, что обязательно научит троглодитов убираться. Дальше, в самую глубь пещеры, Пашка сунуться не рискнул. Там было совершенно темно. Он стоял на границе тьмы и слабого света, когда одна из близняшек — наверное, Ура, у которой, в отличие от сестры, была родинка на щеке, — вдруг нагнулась, вытащила из костра большой тлеющий сук и, светя им перед собой как факелом, подошла к Пашке.

— Иди, — сказала она и уверенно направилась в темноту.

Пашка пошел следом.

— Эй! — вдруг сказала Ура.

Она ткнула факелом вперед, и Пашка чуть не кинулся бежать обратно: на них смотрел гигантский, размером с бо-

тинок, пауко-скорпион, который сидел посреди неопрятной густой паутины, перекрывающей путь.

— Эй! — громче крикнула Ура.

И к ней тут же подбежала сестра-близняшка Ора, которая, видно, понимала сестру с четверть слова. Она тоже несла факел.

Ура ткнула своим факелом в пауко-скорпиона. Тот, поднявшись на задние лапы, принялся угрожающе водить клешнями в воздухе и вдруг прыгнул вперед.

Пашка от неожиданности сел на землю.

Однако он успел увидеть, как Ора на лету подхватила пауко-скорпиона и открутила ему голову — одним движением.

— Седой! — закричала Ура. — Смотри!

Ора показывала ему убитого пауко-скорпиона, который еще шевелил страшными клешнями, пытаясь ударить девушку когтем, расположенным на конце хвоста.

— Брось! — крикнул ей Пашка.

— Зачем брось? — удивилась Ора. — Еда. Вкусно.

Пашка хотел подняться, но рука его задела что-то скользкое. Он машинально вцепился в это скользкое плотное «что-то», которое зашевелилось у него в руке. От страха Пашка отбросил это скользкое в сторону и с испугом увидел, как в воздух взлетела огромная белая гусеница. Ура поймала ее.

— Смотри! — закричала она. — Смотри, что нам добыл Седой.

— Ого! — сказала Ора, поедая пауко-скорпиона. — Седой — большой охотник. Седой — везунчик.

И девушки поспешили обратно, поближе к входу в пещеру. Ура несла белую гусеницу и факел, а Ора — факел и недоеденного пауко-скорпиона.

У костра их встретили остальные троглодиты.

Вы бы видели, какое поднялось веселье! Ура и Ора, перебивая друг дружку, рассказывали, как они увидели пауко-скорпиона, чудище страшное и ядовитое, но вкусное и полезное.

«Надо же, — подумал Пашка, который уже без труда по-

нимал все разговоры, — ведь был кто-то первый, кто осмелился схватить пауко-скорпиона и выяснить, что он вкусный!» Сам Пашка решил, что есть эту гадость не будет. Не будет он есть и скользкую гусеницу.

Но тут-то он и не угадал.

Девушки продолжали рассказывать, и Пашка понял, что, пока они занимались своим обыкновенным девичьим делом — боролись с пауко-скорпионом, — наш Седой отыскал в темноте редчайшее лакомство — гусеницу Ко. И сейчас будет пир, а самый лучший кусок этой гусеницы достанется Седому. Потому что, несмотря на молодость и на то, что он пришел из чужого племени, он оказался славным охотником и добытчиком. Он смог разглядеть в густой листве большущего ленивца, а потом в полной темноте пещеры поймал белую гусеницу Ко, которая не попадалась никому уже три зимы.

Тут же гусеницу передали Маме, и та собственноручно занялась ее разделкой. Пашка с ужасом думал, что, если его все-таки заставят есть эту пакость, его вырвет, и он сразу себя выдаст: троглодиты догадаются, что он шпион, и убьют его.

Пока Пашка пытался изгнать из головы эти печальные мысли, Мама оторвала гусенице голову, и Пашка увидел, что из скользкой твари закапала какая-то желтая жидкость.

Мама приложила обезглавленную гусеницу к губам и глотнула. Лицо ее стало добрым, помолодевшим и даже симпатичным.

Она передала гусеницу Пашке. Троглодиты смотрели на него. Пашка понимал, что ему пришел конец, но он был гордым человеком и решил бороться до конца. Он поднес к губам гусеницу — скользкую колбасу с желтой жидкостью внутри — и, зажмурившись, высунул язык, чтобы попробовать. Вырвет или не вырвет?

И языку своему не поверил! Это был самый обыкновенный мед.

Гусеница оказалась полна меда. Не гусеница, а склад, где древние пчелы хранили мед. Но про то, что это пчелиный

склад, Пашка узнал позже, из рассказа хромого Тигра, самого мудрого человека в племени.

С великим облегчением Пашка сделал глоток меда и вернул гусеницу Маме. Та обвела племя взором — все смотрели на гусеницу в ее руке — и протянула ее Грому.

И все пробовали мед по очереди, только злой старухе почти не досталось.

«Что ж, для начала получается неплохой фильм, — решил Пашка. — Ричард лопнет от зависти».

Глава шестая

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Пашка собирался погулять по окрестностям, проверить, не осталось ли здесь случайного динозавра. Он знал, конечно, что динозавры давно вымерли, но ведь бывают же исключения. И если Пашке удастся увидеть живого динозавра, он сделает великое открытие.

Ему давно хотелось сделать великое открытие, но всегда не хватало чуть-чуть. То кто-то другой успевал его сделать раньше, то открытие срывалось в самый решительный момент.

Пашка вышел из пещеры и направился к реке. Кстати, в реках иногда водятся крокодилы пострашнее динозавра.

Но Пашка не успел далеко отойти. Его окликнула Мама.

— Седой! — позвала она и протянула какой-то камень. Пашка не понял, зачем ему камень, поэтому подумал, что, может, такими камнями троглодиты динозавров убивают.

— Спасибо, — сказал Пашка и взял камень, похожий по форме на фасолину с ладонь размером, оббитый и чуть заостренный с одного края. Таким никого не убьешь.

Пашка собирался продолжить свой путь, но Мама взяла его за шиворот, если, конечно, у шкуры бывает шиворот, и повернула лицом к ленивцу, который лежал на земле. Ребятишки во главе с противной старухой пилили и кромсали его шкуру.

— Давай-давай, — сказала Мама. — Работать.

— Ну вот, — расстроился Пашка, — не успели превратиться в людей, а уже — работай, работай! Работай и будешь с уродским горбом!

— Работай хорошо, — возразила Мама. — Работа — кушай, не работа — не кушай.

— Где-то я этот лозунг уже слышал, — сказал Пашка.

— Работай — хорошо. Много кушай! — прошипела злобная старуха, и Пашке показалось, что она издевается над ним.

Надо бы ответить ей, конечно! Но он здесь в гостях, так что придется быть вежливым. Пашка подчинился и пошел работать, чтобы кушать.

Он присел на корточки возле ленивца и стал смотреть, как трудятся остальные. Работали ребята ловко.

Сначала они разрезали шкуру, потом начали подрезать ее, чтобы снять с туши.

Пашка попробовал делать как все, но его кремень все время соскальзывал. Ребята бросили работу и принялись смеяться, глядя на Пашкины усилия.

— Чего ржете, как жеребцы? — рассердился Пашка. — Неужели не видите, что это не скребок, не ножик, а просто булыжник. У вас-то скребки лучше, фирменные!

Каким-то образом старуха поняла эту длинную речь и молча протянула Пашке собственное орудие. Они обменялись, и Пашка тут же понял, что бабкин скребок не острее, чем у него, только скользкий от крови.

Когда у Пашки ничего не получилось и с новым скребком, ребята просто от смеха покатились. Но старуха прикрикнула на них, и они умолкли, а старуха подошла к Пашке, взяла его ладонь своими сухими сильными пальцами и стала водить его рукой, чтобы научить Пашку пользоваться скребком. Пашка не сопротивлялся, не то совсем засмеют. Он постарался сделать так, как показала старуха, и — не сразу, правда, — у него стало получаться.

«В конце концов, — подумал Пашка, — у меня за плечами пять классов школы и еще тридцать тысяч лет. Я знаю миллион разных вещей, о которых вы и представления не

имеете. Я вас могу только жалеть — какую первобытную некультурную жизнь вы ведете».

Вот, например, этот скребок. Ну что бы его не сделать железным, то есть ножом? Надо будет рассказать им, как делать железные ножи.

— Железо, — сказал он старухе. — Железо хорошо. Мы бы этого ленивца в два счета разделали.

Старуха кивнула, теперь она ничего не поняла. Может, подумала, что Пашка благодарит ее за науку.

«Ну а если железа у вас пока нет, — продолжал мысленно размышлять Пашка, — мы можем заострить скребок по-другому. Как это сделать? Наверное, надо найти большой камень и об него молотить!»

Поскольку работа над разделкой ленивца шла своим ходом, а от Пашки пользы было мало, никто не стал возражать, когда новенький троглодит отошел в сторону, сел над самым обрывом, где лежала каменная плита, и принялся молотить по этой плите своим скребком.

От его ударов сыпались искры.

Он молотил, молотил, в раж вошел, разозлился и тут почувствовал, что его кто-то, крепко схватив за ухо, поднимает. Пашка постарался обернуться, но было больно, и он лишь по голосу догадался, что это Мама.

Она взяла с плиты скребок и стала его крутить в свободной руке.

— Ой, плохо! — зарычала она. — Скребок хороший, Седой плохой. Зачем скребок ломал? Зачем тупой делал? — И отвесила Пашке подзатыльник.

И поскольку ему давно никто, кроме мамы, не давал подзатыльников, Пашка вспылил и кинулся на нее с кулаками. Он все равно не воспринимал ее ни как настоящую женщину, ни как вождиху, а считал большой обезьяной.

Ну, тут он получил! Его колотили, молотили, крутили, кидали, швыряли — только что в землю не закопали.

— Сдаюсь! — закричал наконец Пашка. — Сдаюсь же, кому сказал.

Вождиха отпустила провинившегося мальчишку и стала ему выговаривать:

— Мама — главная. Нельзя бить. Плохо.

— Ой, плохо! — говорили остальные и качали головами. Они стали объяснять Пашке как могли, где словами, где руками, что если поднять руку на вождя, то не будет порядка в племени. А не будет порядка, любой враг может перебить несчастных троглодитов. Они принялись рыдать, размазывая по грязным лицам слезы, и даже Мама присоединилась к рыданиям.

— Ну кто сказал, что вы нечувствительные! — воскликнул Пашка. — Просто кружок по вышиванию!

Он сразу почувствовал себя умнее и сильнее троглодитов. Они же как дети. Они дикари. И обращаться с ними надо как с детьми. Конечно, он мог бы стать вождем племени, но для этого надо ввести у троглодитов демократию и выборы. И еще не известно, стоит ли этим заниматься. Научишь их демократии, а потом практика кончится, и что они без тебя с этой демократией делать будут? Вдруг они для нее не созрели?

Конечно, вести себя надо умнее. Не стоит переделывать их примитивные орудия. Надо пойти по пути изобретения новых!

Так что Пашка покинул своих соплеменников, которые все еще шумели у пещеры, и спустился к реке. Там его никто не будет отвлекать от мыслей.

Река оказалась не очень широкой, но довольно быстрой, и, хотя в этих краях стояло позднее лето, погода была не из лучших — так, на уровне октября. С утра собирался дождь и все никак не мог толком начаться.

Пашка спустился к воде. Первым делом ему хотелось умыться. Он бы и искупался, но место незнакомое, течение быстрое, и неизвестно, какие гады тут водятся.

Умываясь, Пашка осматривался вокруг, стараясь найти подходящие камни, чтобы сделать из них настоящие орудия, достойные человека. Камней было немного, трава подступала к самой воде, и Пашка понял, что, наверное, все хорошие камни троглодиты уже растащили, и придется идти дальше, куда они еще не добрались.

Шагов через двадцать Пашка отыскал сразу несколько

хороших булыжников — они лежали в быстрине на мелководье. Пашка зашел в воду. Он был, естественно, босиком, но состав, которым в Институте времени намазали ему ступни, охранял их от колючек и всяких острых предметов, словно прозрачные тапочки.

Пашка взял один камень, он ему не подошел, потом другой — получше. И третий... Нет, этот тоже не годится.

Он размахнулся и бросил ненужный камень в сторону. Тот плюхнулся в реку, вода забурлила, и из нее высунулась оскаленная пасть неизвестного Пашке чудовища. Оно смахивало на крокодила или на небольшого дракона. У него были короткие передние лапы, покрытые чешуей, с когтистыми пальцами.

Крокодил метнулся за Пашкой, в мгновение ока оказался на берегу и угрожающе зарычал.

Пашка стал отступать вверх по склону. Может, и стоило позвать на помощь, но конечно же ему было стыдно, и он молчал.

У крокодила оказалось короткое толстое туловище, хвост едва доставал до земли. Чудовище размахивало этим коротким хвостом и било им по деревьям и кустам.

Пашка понял, что не может тягаться с этим крокодилом или кто он там, тем более что на дороге попался густой куст и Пашка застрял в нем, как в паутине.

Хриплый крик вырвался из его уст.

На счастье, поблизости оказалась старуха, которая всегда с такой злобой смотрела на Пашку. Она, видно, собирала какие-то корешки.

При виде Пашки старуха выпрямилась и бросила корешки на землю. Похоже, она испугалась куда больше Пашки, потому что заверещала, словно поросенок.

Пашка все бился в кусте, но от старухиного верещания крокодил оторопел и остановился. Наверное, теперь он не знал, на кого кидаться.

И тут на подмогу сверху скатился пес. Пещерный ископаемый пес, похожий и на собаку, и на лисицу, и на енота — видно, окончательное формирование еще не произошло. Но

лаять он умел великолепно, крокодила вовсе не испугался, а стал, заливисто лая, прыгать на него.

Крокодил несколько раз открыл и закрыл пасть, будто просил прощения, и начал пятиться вниз по склону, неосторожно оступился и потерял равновесие. Конец своего пути к реке он катился как бревно. Пашка чуть было не рассмеялся.

Старуха сразу стала кричать на Пашку, слов он не понимал, но смысл конечно же улавливал: «Куда ты суешь свой нос, так можно и вовсе без носа остаться! Видели бы тебя дедушка или мать — они бы этого не пережили!»

Пашка отмахнулся от глупой старухи.

Пес подбежал к нему, стал прыгать вокруг, потом лег на спину — все четыре лапы кверху, — ну, как настоящий! Пашка погладил его и тут же отдернул руку — на нем, наверное, миллион блох!

Можно считать, крокодилу просто повезло, что он не догнал Пашку. Если бы посмел догнать — тут бы Пашка ему и треснул по голове!

Так Пашка и сказал ребятам, которые прибежали следом за псом. Они стали расспрашивать старуху, кто напал на Пашку, она им что-то отвечала, все время повторяя слово «дуля». Дуля и дуля. Наверное, так у троглодитов называется этот крокодил.

Пашка поднялся на площадку перед пещерой. Ребята снова принялись разделывать ленивца, дымок, которым тянуло из пещеры, стал гуще — вероятно, на костре что-то готовили. Пахло печеными овощами.

Близняшки куда-то ушли, не было видно и мужчин. Только Мама встретила Пашку, и, когда старуха рассказала ей, что Пашка чудом спасся от смерти в челюстях крокодила-дули, она начала Пашке выговаривать, чтобы не смел соваться куда не просят. Но поскольку Пашке всю жизнь взрослые только это и говорят, он давно научился такие советы пропускать мимо ушей.

Пашка уселся на землю возле большой каменной плиты и положил на нее булыжник, который ему все-таки удалось найти в реке, пока старуха читала свои нотации.

— Сейчас будем изобретать настоящее оружие, — сказал он себе под нос.

Наверное, лучше всего сделать нож. Каменный нож. Он видел такие ножи на картинке в учебнике истории. Но нужен третий камень — чтобы откалывать от булыжника куски.

Тут к Пашке подошла любопытная девчонка, которая еще не получила имени. Она была поменьше Пашки, хотя он пока с трудом определял возраст троглодитов. Выглядела девчонка лет на семь-восемь. На Пашку она взирала с почтением и поэтому понравилась ему.

— Ты что? — спросила она.

Пашка повернулся к Девочке-без-имени и ответил:

— Я делаю острый камень.

В языке троглодитов не было слова «нож». Пашка догадался, что у них существуют обозначения только для тех вещей, которые уже придуманы.

— Зачем?

Пашка не ответил. Он подумал: «Неправильно, что детям не дают имен. Ну как их называть?!»

— Как тебя называть?

— Девочка, — сказала девочка.

— А вон ту, которая режет ленивца?

— Девочка.

— А того мальчика?

— Мальчик.

— А как вас, девочек, различать?

— Нас не надо различать, мы себя различать сами. — Девочка с трудом сказала такую длинную фразу. И она попыталась объяснить Седому, которому, вообще-то говоря, рано иметь имя, но для которого сделали исключение: — Все равно какой ребенок. Зови одного, приду я — ребенок. Все равно какой.

— Ладно, — смирился Пашка. — Лучше смотри. Вот как надо делать ножи.

Он положил камень на плиту и стал бить по нему другим камнем.

Девочка-без-имени сказала:

— Так нельзя. Плохо. Камень плохой.

— Что ты понимаешь!

— Надо кремень, — сказала девочка. — Это не кремень.

Тут, конечно, и другие дети подбежали. И начали объяснять, что нужен кремень, что орудия делают только из кремня, что за кремнем взрослые ходят далеко-далеко, целый день идут. Что-то Пашка понял, чего-то не понял. Но главное, он не знал троглодитского слова, обозначающего кремень, и потому все речи детей были для него пустым звуком.

Он бил камнем по камню, стараясь откалывать кусочки, но ничего не получалось. Оба камня крошились, и только.

Пришел горбун Крот. Он тоже принялся объяснять Пашке, что тот неправильно делает орудие. Даже Мама подошла наконец и строго сказала Пашке, что, хоть он уже и получил имя, это не значит, что он взрослый охотник. Он должен всех слушаться и перестать стучать плохим камнем о плохой камень.

Правда, во всей этой шумной сцене Пашка понимал далеко не все из того, что ему говорили и кричали, а троглодиты понимали не все, что им отвечал Пашка.

— Нет! — закричал Пашка, вконец разозлившись. — Я вам докажу, что я прав!

И со злости он так ударил камнем по камню, что его булыжник раскололся точно пополам.

И оказалось, что он внутри полый!

Внутренность камня сияла, потому что кончиками внутрь в нем расположились какие-то сверкающие кристаллы.

— Эх, — вздохнул Пашка, — не повезло. А я думал, что камень целый.

Но троглодитов просто поразили Пашкины действия — словно он был знаменитым фокусником.

Мама наклонилась и медленно подняла половинку камня, будто чашу, выложенную изнутри алмазами.

— Чего удивляетесь? — сказал Пашка. — Горного хрусталя, что ли, не видели? Дикие люди!

Троглодиты кудахтали, как куры на базаре, потом Мама попыталась отколупнуть один из кристаллов.

Из пещеры выполз Гром. Наверное, он спал, и крики его разбудили.

— Что случилось? — спросил Гром.

— Седой! — закричали дети. — Седой! Седой!

Они затарахтели, объясняя Грому, как новичок притащил камень, чтобы сделать нож, а вместо этого камень разбил. И там внутри оказались кристаллы.

— Зато красиво, — сказал Пашка.

Гром отобрал половинку камня у Мамы, положил его на плиту и так ударил сверху глыбой, что «чашка» рассыпалась и кристаллы покатились во все стороны.

Все кинулись подбирать кристаллы, но Мама криком приказала оставаться на местах. Она сама собрала кристаллы, а потом начала раздавать их. Себе взяла самый большой, Грому дала поменьше, остальным — совсем маленькие. Правда, Пашке достался кристаллик чуть больше, чем у остальных.

«Ну что ж, — решил Пашка, — по крайней мере, надо мной не смеются. И я им всем еще докажу, что я — великий человек. Эти троглодиты еще будут передо мной преклоняться!»

— Седой — хороший, — сказала Мама. Потом быстро приказала старухе что-то сделать, та пыталась возражать, Мама на нее прикрикнула, и старуха ушла в пещеру.

Через минуту она вылезла обратно. В руках она держала настоящий кожаный пояс с карманом спереди — такие пояса носили лишь главные троглодиты. Даже у девушек Уры и Оры их не было. Не было пояса и у самой старухи. Только у Тигра, Крота, Грома и Мамы.

— Твой, — сказала Мама. — Бери.

Пашка обрадовался такому подарку. Значит, он перешел в число настоящих охотников. К тому же удобно иметь хотя бы один карман. Попробовали бы вы прожить день без карманов или сумки. Пашка прихватил поясом шкуру — удобно!

Смешные люди эти троглодиты. Недаром раньше путешественники брали с собой бусы для туземцев. Им так нужны блестящие камешки!

Пашка провел острием кристаллика по камню — и на камне появилась белая полоса. Смотри-ка! Может, научить их писать? Они будут писать записки, а потом у них появится литература. Нет уж, лучше не надо! А то напишут скучную классику и заставят детей, у которых даже имени еще нет, учить свои рассказы.

Крот подобрал с земли обглоданную лопатку оленя, склонил голову, задумался, потом принялся царапать хрусталиком по кости. Пашка подошел поближе. Оказывается, они умеют рисовать!

Пашка включил камеру и стал снимать, как из-под пальцев Крота на лопатке появляется медведь, стоящий на задних лапах. А перед медведем — человек с палкой.

Многие подходили к Кроту полюбоваться картинкой, которая всем очень понравилась. Правда, сравнивать-то им было не с чем.

Крот подошел к остывающему костру возле пещеры, набрал в ладони золы и начал тереть лопатку. Зола попала в углубления, и рисунок стал четким, словно Крот делал его карандашом.

— Дашь на память? — спросил Пашка.

— Память? — Крот его не понял.

— А я тебе тоже что-нибудь подарю. Как только изобрету — все твое.

Крот не понял, но лопатку с рисунком отдал. Пашка понес ее в пещеру, где решил складывать добычу, — ведь из экспедиции надо привозить экспонаты, то есть всякие вещи для музея.

Кристалл Пашке надоел — не будет же он рисовать на кости?! И Пашка сунул его в карман своего пояса.

Глава седьмая

РЫВОВОЙ

Надо было продолжить изобретения. С ножом пока не получилось, тогда Пашка подумал, что троглодиты очень нуждаются в удочке. Или в сети. Пашка еще не решил, что изо-

брести дальше. Тут он увидел, что Гром взял из пещеры прямую палку, заостренную на конце.

— Ты куда? — спросил Пашка.

— Рыба, — сказал Гром. — Знать рыбу?

— Ты что, собираешься рыбу палкой ловить? — Пашка даже засмеялся.

— Как ловить не палка? — удивился Гром.

— Я пойду с тобой, — сказал Пашка.

Гром не стал возражать.

Они спустились к реке. Крокодила-дулю видно не было, но Пашка решил не расслабляться. Он оглянулся — может, песик за ними прибежал? Все-таки подмога. Но и песика не было.

Гром подошел к реке и стал вглядываться в прозрачную воду. Затем направился вверх по течению. Пашка шел следом. Вот Гром отыскал удобное место — там был перекат, и река весело журчала по камешкам. Гром зашел в воду по колено и замер. Палку он держал в руке, чуть приподняв.

Приглядевшись, Пашка увидел, что в стремнине медленно плывет крупная рыбина, так медленно, что, казалось, она вовсе не движется, лишь хвост ее колебался и поворачивался, как руль у лодки.

— Давай, — подсказал Пашка Грому. — Бей.

Гром послушался и метнул палку вперед. Рыба чуть отошла в сторону, а палку Гром выпустил, и потому ему пришлось лезть в глубину, чтобы достать.

— Ну что ж ты! — укорил его Пашка, когда Гром, весь мокрый, дрожащий от холода, вылез на берег.

— Лучше бы ты под руку не кричал! — прорычал Гром.

Вернее, он сказал это иначе, по-своему, попроще, но Пашка все понял и вдруг подумал: «А ведь дикий и совершенно неуправляемый человек! Возьмет и задушит или проткнет палкой вместо рыбы». Он на всякий случай отошел подальше от реки и уже оттуда крикнул:

— Надо удочку изобретать! Нечего жить как троглодиты.

Но Гром его не слушал, он уже снова полез в реку. Он был первобытным человеком и не видел никакой романтики в рыбной ловле.

— Вообще-то говоря, — крикнул ему Пашка, — рыбу так не ловят!

— Как ловить? — спросил троглодит.

— Существует множество способов, — ответил Пашка, присаживаясь на берегу. — Наиболее простой, пригодный, скажем, для пенсионеров — это удочка. Понял?

— Уточка, — повторил Гром. — Я понять. Понял.

— Значит, не понял, — сказал Пашка.

Он отыскивал на земле камешки и кидал их в воду так, чтобы они прыгали «блинчиком». Но для этого нужны плоские гладкие камни, а на берегу лежали круглые, и прыгали они плохо.

— Удочка, — продолжал Пашка свою лекцию, — состоит из удилища, желательно бамбукового. У вас бамбук растет?

— Бамбук растет, — вежливо ответил троглодит. — У нас все растет.

— Может, у вас и финиковая пальма растет?

— Растет, — сразу согласился Гром.

Нет, подумал Пашка, они здесь слишком вежливые. Он просто не хочет меня обидеть. И чтобы проверить эту мысль, Пашка невинным тоном спросил:

— А носороги у вас растут?

Задав вопрос, он не смог сдержать улыбки. Но рыбак не смотрел на него; он зашел в реку поглубже, потому что увидел крупную рыбину. Замахнувшись копьем, Гром ответил:

— Носороги у нас не растут. Носороги у нас водятся. И лучше бы тебе с ними не встречаться.

Пашка помолчал — оказывается, не такие уж они здесь и глупые. И ответил-то Гром как складно! Но урок необходимо продолжить, надо научить их ловить рыбу.

— Если бамбука нет, — сказал Пашка, — то можно срезать длинную прямую ветку орешника. Понятно?

— Понятно.

— А к ее концу привязать леску.

— Леску?

— Очень крепкую тонкую нитку.

— Я твоих слов не понимаю, мальчик, — сказал троглодит и кинул копье в рыбину. В последний момент рыбина

увернулась, но далеко отплывать не стала, будто издевалась над рыбаком.

Гром поспешил за своим копьем, которое поплыло вниз по течению, а Пашка кричал вслед:

— Если у вас нет нейлона, то можно вытащить из кого-нибудь очень длинную жилу. У кого очень длинная жила?

— Он ее не отдаст, — ответил троглодит. Он наконец-то догнал копье и теперь возвращался обратно, вверх по течению. Рыбина плыла за ним — одной ей было скучно. — Ты говори, говори, — попросил Гром. — Мне интересно тебя слушать. В твоей голове поселилась мудрость. А по виду никогда не догадаешься.

Пашка подумал и решил, что ничего обидного в словах первобытного человека нет, поэтому стал объяснять дальше:

— На конце лески обязательно должен быть крючок. Это тебе понятно?

— Не очень, — признался троглодит.

— А что такое вопросительный знак, ты знаешь? — спросил Пашка. Он увлекся и совсем забыл, что троглодиты неграмотные. Когда видишь перед собой взрослого дядю, хоть и одетого в шкуру, трудно представить, что он не умеет читать и писать.

Пашка стал думать, как бы получше рассказать про крючок. Но придумал не сразу. А когда придумал, то попросил:

— Гром, погляди на меня.

Гром замер с копьем, поднятым для удара, потом повернулся к Пашке.

Пашка показал ему указательный палец, согнутый крючком:

— Видишь?

— Вижу, — печально ответил Гром, который уже устал обучаться рыбной ловле.

— Вот такую штуку мы должны сделать из железа или чего-нибудь твердого. И на конце будет такая острая зазубрина.

— Понял, — сказал троглодит так, что Пашка сообразил, что Гром ничего не понял.

Рыбина отплыла в сторону и провалилась.

— Ты закидываешь удочку в воду и ждешь, пока рыба клюнет.

— Рыба не птица, — сказал Гром и стал вылезать на берег. — Она клевать не умеет.

Пашка подобрал камешек и кинул его. Тот два раза подскочил на воде и утонул.

— Ты больше не будешь сегодня рыбу ловить? — спросил он. — А жалко. Мне есть еще чему тебя научить. Ты даже не подозреваешь, как интересно сделать бредень или невод.

Гром пошел вверх не оглядываясь, а Пашке не хотелось оставаться на берегу в одиночестве.

Он повернулся и через плечо кинул последний камень. В тот момент троглодит тоже обернулся и спросил:

— Ну, ты идешь, маленький обманщик? — и замер с разинутым ртом.

Оказывается, рыбина, которой тоже было интересно послушать, как Пашка изобретает удочку, вылезла из воды почти наполовину, и камень, наугад пущенный Пашкой, угодил ей прямо в голову. Оглушенная рыбина поплыла по реке белым брюхом вверх.

— Держи ее! Йеех! — завопил троглодит и, отбросив копье, кинулся в воду. Он догнал рыбину чуть раньше, чем это сделал крокодил, и выскочил на берег, прижимая ее к груди обеими руками. Хвост и голова рыбины свешивались вниз.

Пашка просто обалдел от неожиданности и сначала даже не понял, что рыбину оглушил именно он. Но троглодит, который шагал, с трудом удерживая скользкую рыбину в руках, все объяснил.

— Седой! — сказал он. — Приблудный мальчик! Ты великий охотник! Ты так заговорил рыбу, что она подставила тебе голову.

— А разве я плохо бросил камень? — спросил Пашка.

— Гениально! — ответил троглодит.

Вдруг Пашка почувствовал неладное и обернулся.

Этого еще не хватало!

Четыре или пять ископаемых крокодилов топали за ними по тропинке, спешили, толкались, стремясь отнять добычу у рыбаков.

Зрелище было таким ужасным, что Пашка подпрыгнул и, чуть не сбив Грома с ног, помчался наверх.

Он несся, ничего не видя перед собой, подобно неуправляемой ракете, и потому даже не заметил, как врезался головой в волосатую спину какого-то существа.

Существо тоже не ожидало нападения сзади, оно ткнулось носом в траву, издав при этом пронзительный испуганный крик.

И мгновенно кусты вокруг ожили. Оказалось, что там скрывалось несколько громадных обезьян, или похожих на обезьян людей, которые, услышав панический вопль своего родича, кинулись бежать, топоча, как стадо слонов, теряя дубинки и камни. Главное — спасти свою жизнь!

Существа вылетели толпой на площадку перед пещерой, повернули направо и с треском ринулись по заросшему кустарником обрыву, тогда как обитатели пещеры застыли от ужаса, открыв рты и не смея пошевелиться.

Потому что они увидели банду разбойников, которые, похоже, собирались напасть на пещеру. Но кто-то их прогнал.

И тут же появился Тот-кто-прогнал-злых-чу.

Это был юный охотник Седой. Его глаза сверкали от страха, но никто этого не увидел. Все решили, что глаза его сверкают от ярости.

Мама заключила Пашку в свои горячие объятия, стала его тискать, целовать и кричала при этом:

— Он — наш спаситель. Злые чу шли нас убить. Седой их увидел. Седой их побил! Седой прогнал целую банду чу.

— Кого-кого? — спросил Пашка.

Он высвободился из объятий Мамы. Как всякий сообразительный ребенок, Пашка уже понял, что никто не собирается ругать его за трусость, а наоборот, все думают, что он совершил геройский поступок.

Каждый старался дотянуться до Пашки, похлопать его, погладить. Даже злая старуха Туча криво усмехнулась.

А Девочка-без-имени поцеловала Пашку в щеку, страшно покраснела и убежала в пещеру под хохот всего племени.

Тут пришел Гром с рыбиной в руках. Но крокодилы, которых так испугался Пашка, следом не появились. Пашка понял, что они испугались криков и топота.

Все начали объяснять Грому, что Пашка, увидев бандитов чу, не побоялся кинуться на них и заставил их убежать.

«Сейчас Гром расскажет, что все было не так, что я убежал от крокодилов...» Пашка даже замер. Но оказалось, что Гром не видел крокодилов, и поэтому он протянул руку Пашке, сказав:

— А я думал: куда он побежал? Бежит — молчит. Не хотел раньше времени бандитов спугнуть, да? В другой раз зови меня. Вдвоем лучше.

— Нет, — сказал Паша, — вдвоем не лучше. Вдвоем они бы нас услышали.

Гром согласился:

— Вдвоем хуже. Один — лучше. Седой умный.

— А то! — сказал Пашка, который уже искренне верил, что сражался с бандитами чу.

Тут Гром вспомнил про рыбу и стал описывать подвиг Пашки, который не только знает все хитрости и секреты рыбной ловли, но и одним броском обыкновенного камня уложил такую рыбину!

— Лосось, — сказала Мама. — Редкая добыча. Будем жарить или так съедим?

— Так съедим! — закричали троглодиты.

— Икру не трогать, — строго предупредила Мама. — Икра — вождю. Полезно для здоровья.

Вдруг послышался стон, доносившийся снизу, со склона.

Пес поднял ухо и тявкнул.

Взрослые троглодиты схватили дубинки, заостренные палки и камни и осторожно пошли по направлению к стону.

Пашка отправился за ними, а троглодитские дети остались возле пещеры под охраной старухи и Крота.

Идти далеко не пришлось. Под большим деревом лежал, неудобно подогнув ногу, один из разбойников. Пашка сразу вспомнил рассказ Ричарда и фильм, который смотрел перед путешествием.

Это же неандерталец! Загадочный обитатель каменного века! Неандертальцы жили вместе с первобытными людьми, но потом исчезли. И никто не знает, что с ними случилось. Значит, Пашка — на пороге исторического открытия.

— Погодите! — закричал он, увидев, что Гром поднял дубинку и направился к неандертальцу. Тот попытался отползти, но подняться не смог — наверное, сломал ногу.

Неандерталец оказался не меньше человека ростом, куда шире в плечах и с более крупными и сильными руками. Словом, он выглядел могучим созданием. Лоб у него был низкий, покатый, брови так тяжело нависали над глазами, что и глаз-то не было видно, нос расплющенный, губы выпячены — нет, это просто горилла какая-то!

Неандерталец пытался защищаться, скалился, показывая очень большие зубы — такими можно и руку откусить. Ясное дело, он был обречен.

Но тут листва раздалась, и появились волосатые руки — несколько рук. Это остальные разбойники вернулись за своим пострадавшим товарищем.

Пашка снимал, стараясь не упустить ни одной детали этой сцены. Ведь его фильму цены не будет! Встреча людей с неандертальцами. Как жаль, что он не сумел снять собственную стычку! Ведь это он обнаружил засаду неандертальских разбойников. В другой эпохе ему за это полагался бы орден. А тут... Может, лишнюю косточку дадут на обед?

Но он приехал сюда не за орденами и косточками. Он — ученый. Его долг — все увидеть, понять и рассказать другим.

Гром опустил дубинку, но опоздал.

Пашка почувствовал облегчение от того, что Гром не успел убить неандертальца.

А троглодит начал ругаться страшными первобытными словами. Пашка постарался успокоить его.

— Понимаешь, — сказал он, — неандертальцы все равно вымрут. Скоро их не останется. Неужели тебе хочется, чтобы именно люди, разумные кроманьонцы, оказались причиной гибели неандертальцев?

Конечно, Пашка изъяснялся сложно для троглодита, но Гром его понял и уверенно ответил:

— Вот именно!

— Ты этого хочешь? — удивился Пашка.

— Мы все хотим, — сказала Девочка-без-имени. — Тогда не будет разбойников.

— Будет спокойно и много мяса! — заявили остальные троглодиты.

— Боюсь, что мне вас не переубедить, — вздохнул Пашка. — Но если не будет неандертальцев, у вас найдутся другие враги.

Троглодиты задумались. Они стояли вокруг Пашки и думали так напряженно, что было слышно, как у них поскрипывают еще не совсем человеческие мозги.

— Какие враги? — спросила Мама. Она даже обернулась, чтобы проверить, не крадется ли враг.

— Ну, тигры, медведи, крокодилы... Звери.

Все начали кивать, потому что были согласны с Пашкой. Они не подумали о зверях, но оказалось, что Пашка опять прав. Он такой умный!

— Всех зверей надо убить, — сказал Крот. — Тогда будет спокойно и хорошо.

— И много мяса! — сказали остальные.

— Да, — сказала Мама. — Тигр плохой, медведь плохой, все звери плохие. Они едят быка и оленя, они отнимают наше мясо.

— У-у-у! Наше мясо! — возмущенно зашумели троглодиты.

— Эх, — махнул рукой Пашка, — ничего вы не знаете про науку экологию. Волки и медведи — санитары леса.

— А кто такой санитар? — спросил Мальчик-без-имени.

— Это доктор, только поменьше, — сказал Пашка. — Он лечит людей.

Все подумали, потом Мама сказала:

— Наверное, это колдун. Он лечит зверей.

После этого все пошли обедать, и Пашке в самом деле дали большую кость жареного на костре ленивца. Он поду-

мал, что совсем не так уж плохо быть героем. Главное — не трудно. Пришел, увидел и стал героем.

Пашка снимал, как троглодиты едят. Конечно, у них не было вилок и ножей, не говоря уж о ложках. Но хорошо, что они уже научились жарить мясо, а то бы Пашка умер с голоду.

Глава восьмая

ТИГРИНЫЙ КЛЫК

После обеда троглодиты отправились спать. Они сбились в кучу на сене и шкурах возле чуть тлеющего костра. Но Пашке спать не хотелось — у него практически каждая минута была на счету. К тому же тайна неандертальцев так и не разгадана. Хотя, возможно, Пашка близок к разгадке. Как говорил Ричард: «Ты попадаешь как раз в тот период, когда все следы неандертальцев исчезают. И никто не знает, то ли они были перебиты кроманьонцами, то ли смешались с ними и в каждом из нас живет кусочек неандертальца».

Пашка вспомнил отвратительные злобные морды неандертальцев и даже поморщился — так ему не хотелось, чтобы в нем оставался кусочек неандертальца.

Зато Пашка уже знал кое-что, о чем Ричард не догадывался. Оказывается, в конце своего существования неандертальцы стали разбойниками. Они нападали на людей. Может быть, они их ели? С таких станется! Как морлоки в «Машине времени» Уэллса. Эх, посмотрел бы великий писатель Уэллс, как московский школьник разгуливает по отдаленному прошлому!

Все троглодиты спали. Лишь возле входа в пещеру сидела Ора — одна из близняшек — и следила за костром. Пашка уже знал, что костер надо беречь: видно, у них здесь плохо со спичками.

Пашка помахал Оре и сказал:

— Я далеко отходить не буду. Можно?

Девушка решила, что Седой шутит.

— Великий воин! Победитель бандитов чу! Добытчик ме-

довой гусеницы! Разве такой воин спрашивает разрешения у обыкновенной маленькой женщины, которая только недавно получила имя?

Пашка не стал возражать. Если она тоже считает его великим воином, значит, жизнь прожита не зря. Ведь им здесь, в первобытной эпохе, лучше знать, кто великий, а кто нет.

Пашка направился к тому месту на склоне, где они нашли неандертальца. Он решил, что попробует пойти по следам и отыскать, где неандертальцы живут. Вот тогда получится фильм «Последний неандерталец»!

Полянка, где лежал раненый, была вся истоптана. Трава примята. Пашка внимательно осмотрелся — он был настоящим следопытом на тропе подвигов.

Вдруг на глаза ему попался какой-то предмет. Пашка наклонился и поднял из травы маленький костяной шарик, продырявленный посредине. Сквозь дырку была продета тонкая полоска кожи. Амулет. Или талисман. Не помог он неандертальцу!

Интересно, а Пашке поможет? Пашка надел на шею кожаный ремешок. Костяной шарик был теплым и скользким на ощупь. На нем было что-то нацарапано.

«Теперь я член стаи неандертальцев», — подумал Пашка.

Он пошел дальше, в ту сторону, куда соплеменники утащили раненого. Они волокли его через кусты, и потому идти по следу было нетрудно. Пашка, конечно же, шел осторожно и прислушивался. Меньше всего ему хотелось попасть в зубы к тигру или медведю.

Вдруг он остановился.

Справа от него кусты были особенно густыми, казалось, что в глубь зарослей ведет темный ход, который закрывала огромная паутина. Конечно, попасть в такую паутину страшно, да и хозяин наверняка — великан среди пауков. Но в тот момент Пашку увлекла совсем другая мысль.

«Это же выход! — подумал он. — Гигантский шаг вперед в прогрессе человечества. Именно из такой паутины можно сделать сеть для ловли рыбы, лески для удочек и даже силки для птиц. Но сначала надо посмотреть, кто там хозяин».

Пашка отыскал на земле толстый короткий сук и кинул

его в паутину. Паутина затрепетала, сук было приклеился к ней, но потом оторвался и упал на землю.

Паук не появился. Скорее всего, у паутины не было хозяина. Он ушел жить в другое место, а паутину оставил. Пауки никогда не сворачивают паутину и не уносят ее с собой.

Пашка отыскал палку подлиннее и стал дергать паутину.

Никакого эффекта.

Тогда Пашка понял, что находка действительно великолепна.

Он начал срывать концом палки тросик, которым паутина крепилась к стволу дерева. Тросик оборвался. Наматывая его на палку, Пашка подошел к паутине совсем близко.

Что делать дальше? Нужна вторая палка.

Пашка стал оглядываться и не заметил, как сделал шаг назад. И тут кто-то схватил его липкими лапами.

С перепугу Пашка попытался обернуться — липкие лапы оказались паутиной! Пашка почти успокоился. Паука здесь нет, а с паутиной он справится.

Но выяснилось, что все не так просто. С каждым движением Пашка все больше запутывался. Паутина была не только липкой, но и ужасно крепкой — разорвать нить оказалось невозможно.

Пашка начал злиться. Лишнего времени у него нет, пора спешить к неандертальцам, а тут такая вот глупость получилась!

Он рванулся сильнее, но паутина схватила его еще крепче.

И тут проснулся хозяин этой ловушки. Вернее всего, он не спал, а поджидал настоящую добычу.

Это был старый мудрый паук, который не кидается на всякие там палки и сучья. Он ждет, когда вкусненький, сладенький человечек сам себя завернет в липкую паутину, тогда можно проснуться и пойти укусить, чтобы не дергался. А потом, как из большой мухи, высосать всю кровь.

— Стой! — закричал Пашка. — Ты с ума сошел! Я здесь на практике!

Паук, конечно, и не подозревал, что существует какая-то практика. У него самого была вечная практика — он никогда

не занимался теорией поедания людей, он поедал их на практике.

Паук шел к Пашке не спеша, туловище у него было размером с два кулака, глаза черные, маленькие, злобные, а волосатые лапы... Вы никогда не видели таких страшных когтистых волосатых лап, каждая длиной в руку!

Паук нетерпеливо перебирал этими жуткими лапами, собираясь прыгнуть.

У Пашки от ужаса перехватило горло.

И в этот момент паук прыгнул!

Пашка зажмурился...

Ничего не случилось.

Пашка открыл глаза.

Паук лежал на земле — все лапы кверху, рядом — большой камень.

Пашка посмотрел в другую сторону. Оттуда ковыляла злая старуха Туча.

— Глупый Седой, — сказала она. — Все думают, что воин, а ты — глупый.

— Ну уж, попрошу! — обиделся Пашка. — Я не давал вам оснований...

Откуда-то из складок своих шкур, в которые она была закутана, как кочерыжка в капустные листы, старуха вытащила заостренный на конце булыжник и начала быстро резать паутину. Вскоре Пашка буквально вывалился оттуда.

— Надо идти в реку, помыться, — проворчала Туча, повернулась и пошла прочь.

— Вы куда? — спросил Пашка.

— За грибами, — ответила бабка противным голосом. — Не век же мне с тобой возиться.

— Спасибо, бабушка, — сказал ей вслед Пашка. — Возможно, вы спасли мне жизнь.

— Не возможно, а наверняка, — буркнула бабка.

Пашка принялся сдирать с себя клочья паутины и вдруг вспомнил об одном важном обстоятельстве.

— Туча! — крикнул он.

Надежды на то, что старуха все еще бродит поблизости, не было, но все же...

— Чего тебе? — издали откликнулась Туча.

— Я хочу вас попросить...

— Да не скажу я никому, не скажу, не бойся! — крикнула бабка. — Дело молодое, глупое...

Отдышавшись, Пашка решил продолжить путешествие. Правда, теперь он старался идти по открытым местам и не приближаться к густым кустарникам. На его счастье, выше по склону деревья стояли редко, между ними росла высокая трава. Один раз Пашка остановился, потому что неподалеку пробежала дикая свинья, очень похожая на современную, только с длинной мордой и большими загнутыми клыками, отчего она напоминала слоника. За свиньей вереницей бежали поросята с махонькими клыками. При виде человека семейка припустила со всех ног.

Еще через несколько метров подъем кончился, и Пашка вышел на равнину, на которой росли одиночные деревья. Равнина тянулась далеко, и края ее скрывались в легкой мгле.

Пашке захотелось идти весь день, а может, сто дней, раздвигая высокую траву, вдыхая душистый степной воздух...

И тут он увидел то, о чем и не мечтал: почти у горизонта двигались черные силуэты самых настоящих мамонтов!

Для Пашки путешествие в прошлое по-настоящему началось только с этого момента. Люди они и есть люди — ты их только переодень, и они станут троглодитами. Неандертальцы — большие обезьяны без всякого разумения. Да и не видел их Пашка толком... Но мамонты, волосатые гиганты с кольцами огромных, до земли, бивней, горбатые, неповоротливые!.. Вот такого Пашка с удовольствием подстрелил бы в поединке один на один. Ну а потом начал бы охранять тех, кто остался в живых.

Мамонты брели не спеша, иногда кто-нибудь из них останавливался и начинал рвать хоботом траву. Остальные ждали. Один мамонтенок прыгал, пытаясь достать до веток дерева. Подошла мать и наклонила верхушку, чтобы сыну было удобнее.

Мамонты приближались, и Пашке уже было видно, как сверкают их глаза, как белые цапли сидят у них на спинах и

выклевывают блох или каких-то других паразитов — ведь мамонты, как и троглодиты, никогда не моются.

И тут Пашке довелось стать свидетелем трагедии.

Другой мамонтенок, чуть больше того, что пытался достать до веток, отстал от стада. Неожиданно из-за дерева метнулась тень. Гигантский тигр взлетел в воздух, когти его вонзились в хобот мамонтенку. Мамонтенок не выдержал этого могучего удара, упал и завопил, совсем как обиженный ребенок. Тут же ему в ответ затрубила мать. С неожиданной для такой неуклюжей громады резвостью она развернулась и кинулась на помощь своему ребенку.

Появился второй тигр. Он встретил мамонтиху, спешившую на выручку сыну, и, подпрыгнув, вцепился ей в лоб, раздирая задними лапами хобот.

Наверное, вся эта схватка закончилась бы для мамонтов плохо, но, как всем известно, слоны — куда более умные животные, чем львы или тигры. Они знают, что сильнее всех тогда, когда вместе.

Мамонты разом развернулись и стеной бросились на хищников.

Тигр, который пытался растерзать мамонтенка, был слишком поглощен своим злодейским занятием и не заметил опасности. Зато второй успел сообразить, что против стада мамонтов ему не устоять. Поджав хвост, он побежал прочь. Первый же поднял окровавленную морду, показал огромные желтоватые клыки и страшно зарычал.

Но его рычание никого не испугало.

Тяжелые крутые бивни ударили тигра по голове, толстые могучие ноги начали топтать его, и, хотя теперь он пытался убежать, было поздно. Прошло, наверное, чуть меньше минуты, и раздавленный саблезубый тигр уже валялся в траве.

Мамонты старались поднять мамонтенка. Они толкали его лбами, тянули хоботами, пока наконец он, пошатываясь, не встал на ноги. Две слонихи сжали его мохнатыми боками и так, между собой, повели. Сзади, прихрамывая, топала его мать.

Пашка был доволен, что заснял и эту сцену. Как оператору ему сказочно везет!

Надо бы возвращаться домой, в пещеру, но любопытство заставило пойти вперед. Ничто вроде ему не угрожало, никаких диких зверей поблизости. Пашка смотрел под ноги, чтобы не наступить невзначай на змею или скорпиона.

Над головой парили птицы. Одна из них спикировала вниз — Пашка понял, что стервятники заметили добычу. Он подобрал сук потяжелее и побежал к тигру, потому что в любой момент следом за стервятниками могли появиться гиены, шакалы, может, даже другие тигры. Многих зверей Пашка и в кино не видел, но уже знал, что настоящий охотник должен быть осторожен.

Подойдя к лежавшему на земле тигру, Пашка увидел, что мамонты постарались на славу. Морда тигра была раздавлена тяжелыми слоновьими ножищами, тело разорвано бивнями. Даже шкуру не возьмешь как охотничий трофей.

От жуткого удара один из клыков тигра отлетел в траву. Да, это был настоящий кинжал! Такого оружия у троглодитов нет.

Пашка поднял клык, обмотал широкий конец травой, чтобы было удобнее держать, сунул «кинжал» за пояс и повернул к пещере, размышляя о том, что с помощью таких клыков можно развить сельское хозяйство — копать, рыхлить, сеять.

Обратный путь обошелся без приключений.

Подойдя к пещере, Пашка крикнул:

— Выходи кто живой, начинаем развивать сельское хозяйство!

Когда соплеменники, которые все еще дремали после обеда, выползли наружу, Пашка вытащил из-за пояса клык саблезубого тигра и спросил:

— Ну, кто теперь лучший охотник?

Конечно, Пашка шутил и собирался честно рассказать, как стадо мамонтов разделалось с тигром, но, когда на лицах троглодитов появилось столь почтительно-восхищенное выражение, Пашка засомневался, рассказывать правду сразу или немного подождать.

— Где ты его видел? — спросила Мама.

— Там лежит! — Пашка показал в сторону леса. — Хотите — проверьте!!

— Это ты?.. — У Грома даже слов не нашлось, чтобы выразить свое удивление.

— Да, — сказал Пашка, который уже твердо решил не признаваться. — Увидел я саблезубого тигра...

— Клыка! — ахнули троглодиты.

— ...и вынужден был его завалить. Правда, нелегко мне пришлось...

— О! — сказала Девочка-без-имени. — Ему пришлось нелегко!

— Надо будет сходить наверх и выбить у тигра другие клыки. Тогда у всех будут такие кинжалы.

Троглодиты очень испугались. Они стали отворачиваться от Пашки, закрывая ладонями глаза.

— Нет! Нельзя даже смотреть на Клыка. Клык — хозяин леса! Клык — табу, — заговорили дикари.

— Табу или не табу, но мы его уничтожили, — сказал Пашка, причисляя себя к мамонтам.

— Он великий охотник, — сказала близняшка Ура. — Седой — великий охотник.

— Я хочу, чтобы он стал моим мужем, — заявила близняшка Ора.

Пашка даже покраснел от такого предложения.

— Успеешь, — сказала Мама. — Чтобы выйти замуж, надо сначала выучиться. Сколько видов съедобных грибов ты знаешь?

Ора принялась загибать пальцы и наконец сказала:

— Столько пальцев и еще немного.

Все начали смеяться так, что забыли про Пашку. Взрослые даже плакали от смеха, а малыши катались в пыли и в золе кострища. Даже злобная старуха Туча несколько раз хихикнула в кулачок. Когда же троглодиты отсмеялись, Гром сказал:

— Ты не знаешь простых вещей. Съедобных грибов... — Он поднял палец и огляделся. На мгновение палец его уткнулся в Пашку, и Пашка уже готов был честно сказать, что

не знает, но, наверное, много... Однако в конце концов палец охотника уткнулся в Девочку-без-имени.

— Съедобных грибов, — сказала она громко, — сколько пальцев на руках, и еще сколько пальцев на ногах, и еще сколько шагов до реки.

Троглодиты принялись ухать, выражая удовлетворение, потому что Девочка-без-имени ответила правильно, а Гром сказал:

— Вот если бы эта девочка захотела взять Седого в мужья, я бы разрешил, потому что она много знает. Вот скажи нам, сколько яиц может снести орлица?

Девочка подняла два пальца.

Все снова обрадовались. Все, кроме, конечно, Оры. Она уже поняла, что, пока всему не выучится, не видать ей мужа как своих ушей. А когда она выучится, хороших мужей уже разберут. Поэтому она тихо заплакала, а Мама сказала:

— Пора дать имя этой девочке. Я думаю, что для нее есть хорошее имя: Умница.

— Пусть она будет Умницей, — сказал Гром.

И все согласились.

Пашка упрямо повторил:

— Надо пойти добыть побольше таких клыков.

Но троглодиты его как будто не слышали и стали расходиться кто куда. Даже Умница, которая всегда бегала за Пашкой, как собачонка, на этот раз отошла подальше. Так они все боялись тигра, даже мертвого.

Пашка сел на плоский камень и начал говорить. Он говорил медленно, чтобы его понимали. И сложных слов не употреблял.

— Хватит жить как троглодиты, — сказал он. — Я, великий охотник Павел по кличке Седой, говорю: надо идти к цивилизации. Иначе вы никогда не сможете подняться до самых вершин, изобрести радио и телефон.

Троглодиты слушали, явно ничего не понимали, но покорно кивали. Да Пашка и сам сообразил, что выступает не по делу. Как они изобретут телефон, если не знают даже колеса? Но остановиться Пашка уже не мог.

В этом беда всех вождей. Они начинают выступать, люди

собираются, слушают их и думают: сейчас мы узнаем что-то очень важное. А вожди слышат только самих себя и поют как глухари. Почему глухарей зовут глухарями? Это такие большие птицы, которые поют и сами так радуются своему таланту, что ничего и никого, кроме себя, не слышат. Глухие они к чужому слову и мнению, за что и получили свое название. Охотники подходят совсем близко и берут этих птиц голыми руками. Потому глухарей и осталось так мало.

Вот и Пашка пел свою песню и не мог остановиться, хотя и понимал, что его речь для троглодитов — что китайская грамота. То есть слишком сложная.

— Я тут подумал, — продолжал он, — и понял, что у вас полное безобразие с орудиями труда и охоты. Даже то, что природа вам дарит, — например, клык саблезубого тигра — вы не хотите использовать. Вот скажите мне: вы охотитесь на мамонтов?

Теперь троглодиты поняли Пашку и начали махать на него руками: мол, ты что, окстись, нам жизнь еще не надоела!

— А ведь мамонт — это груда хорошего мяса, это теплая шерсть и бивни, на которых можно вырезать различные картинки из вашей жизни.

— Не хотим слушать, страшно! — кричали троглодиты.

— А у меня есть план, — сказал Пашка. — Смотрите сюда.

Он взял камешек, сел на корточки и нарисовал прямую линию.

— Это, — пояснил Пашка, — тетива.

— Тетива, — повторили троглодиты.

Пашка нарисовал дугу, концы которой соединялись с тетивой. Ткнул пальцем в дугу и сказал:

— Дерево.

Троглодиты кивнули.

— Мы привязываем тетиву к концам толстой упругой ветки и натягиваем ее. Поняли? Ничего вы не поняли, но я покажу это в действии. Потом надо будет сделать стрелы и наконечники для них. С этим луком мы выйдем на охоту за мамонтами. И притащим мамонта в пещеру. Ура!

Все закричали «ура» и многие говорили, как повезло племени, что с ним согласился жить такой великий и мудрый охотник.

Глава девятая

В ПЕЩЕРУ ПРИШЕЛ МЕДВЕДЬ

Послушав Пашку, троглодиты разошлись по своим делам.

А Пашка принялся изобретать лук.

Когда он говорил об этом, казалось, что проблема не такая уж и сложная: веревка, палка и несколько палочек поменьше — вот и все оружие. А попробуй изобрети! Тетиву сделать не из чего, даже ветку подходящую срезать нечем. А из чего прикажете делать наконечники для стрел?

С паутиной не получилось. Значит, надо придумать катапульту. Вырезаем из дерева громадную ложку, кладем в нее бомбу...

Пашка даже улыбнулся. Путь к прогрессу оказался совсем не таким простым, как Пашке представлялось вначале. И все же сдаваться он был не намерен. Лук не получается, катапульту откладываем... Но можно выкопать глубокую яму в том месте, через которое мамонты проходят, направляясь к водопою, и, когда они пойдут, вожак обязательно провалится в замаскированную ловушку.

Правильно! Это идея. Сейчас поднимем народ и пойдем копать яму.

Пашка открыл было рот, чтобы призвать соплеменников в поход, но остановился.

Потому что копать землю было совершенно нечем. Лопату еще не придумали. А из чего ее делать? Ведь железа нет!

Пока Пашка ломал голову над тем, как направить троглодитов к прогрессу, из пещеры вышел горбатый Крот. За ним семенил ребенок.

Крот волочил орудие, которого Пашка еще не видел. Это был большой камень, похожий на грушу с заостренным кон-

цом, хитрым образом, крест-накрест, примотанную к толстой короткой палке. Получился молот... А может, топор?

— И что же ты собираешься таким топором рубить? — спросил Пашка у Крота.

— Таким топором я буду рубить дерево, — ответил Крот. — Огню надо кушать.

— Какое дерево? — Пашка чуть было не засмеялся. Видали чудака — молотком дерево рубить!

Пашка пошел за Кротом и принялся учить его жить.

— Такой штукой ты дерево не срубишь, — объяснял он. — Такой штукой можно гвоздь забить. Только у вас гвоздей нету. Можно муху убить. Но ты наверняка промахнешься. Топор, скажу тебе, еще изобрести надо. Я как раз над этим думаю. Так что оставь этот булыжник и подожди, пока я изобрету топор. Хочешь, я тебе нарисую, каким он будет?

— Ты великий охотник, — сказал Крот. — Все знают. Но я умею рубить деревья. Я тебя не буду учить, ты меня не учи.

Пашка не знал, обижаться ему или нет.

Но тут Крот остановился перед большим сухим деревом, размахнулся своим тупым топором — и на коре осталась вмятина.

— Смотреть противно! — заявил Пашка.

Крот спокойно и не спеша колотил по дереву, в одно и то же место. Постепенно вмятина становилась все шире и глубже.

Пашке тоже захотелось постучать, но Крот ему топора не дал.

— Ну, как хочешь, — сказал Пашка. — Только не обижайся, когда я изобрету настоящий топор и тебе его не дам. Понимаешь?

— Понимаю, — печально ответил Крот, которому, видно, все-таки очень хотелось получить новый топор. — Но я буду понемножку старым рубить.

— Ну, до завтра, — попрощался Пашка.

«Совершенно дикие и даже психованные люди, — подумал он. — Крот проведет все ближайшие дни возле этого несчастного дерева, а ведь потом надо будет пилить на куски...»

Пашка поднялся к пещере. Все там были заняты какой-нибудь работой, но делали все как-то по-уродски.

Женщины скребли шкуры, чистили их, потом Тигр потащил шкуры к реке — мыть. Мама — большой мастер — оббивала куски кремня, чтобы получилось некое подобие ножей. Ну будто ничего другого делать не умела! Старуха Туча обжаривала на костре куски мяса впрок. Пашка подумал, что еще день-два — и он помрет без соли. Как они без соли обходятся — непонятно! Одно слово — дикари.

Пашка подходил ко всем по очереди и предлагал свою помощь. Но все отвечали ему, что такой великий охотник должен охотиться, а не тратить время на домашнее хозяйство.

Тогда Пашка отправился на охоту. Встретился ему рыжий заяц с висячими ушами — видно, предок нашего. Пашка погнался за ним, а заяц не спеша улепетывал. Потом остановился, обернулся и покачал головой. Пашке стало стыдно: чего он гонится за таким красивым зверем, чтобы убить?

Погуляв по лесу, Пашка хотел было набрать грибов, но он давно не был в лесу и, честно говоря, вообще знал только два вида грибов — белые и мухоморы, все остальные считал поганками. Так что, если бы ему держать здесь экзамен, он провалился бы, как Ора.

Пашка вернулся к пещере.

И был буквально потрясен. Оказывается, пока он отсутствовал, Крот приволок огромное бревно, и теперь ребятишки долбили камнями ствол, чтобы получились чурбачки.

«Наверное, дерево было внутри пустое, — подумал Пашка. — Иначе бы он так быстро не справился». Пашке очень не хотелось признавать, что троглодиты отлично обходятся без его изобретений.

Так прошел первый день Пашкиной практики.

Ночью ему снилось, что он выкопал громадную яму, и в эту яму валятся один за другим мамонты и тигры. А сам Пашка спускается туда по веревке и связывает жертвам ноги, чтобы соплеменники могли вытянуть добычу наверх.

Пашка проснулся от холода и с мыслями о том, как надо учить троглодитов.

Все они, даже дети без имени, уже вскочили и выбежали греться на солнышко. Старуха раздувала почти погасший за ночь костер. Остальные сидели снаружи, завтракали — доедали вчерашнее мясо и рыбу и обсуждали планы на будущее. Пашка немного обиделся, что его не позвали, но виду не подал. В конце концов, хоть он и великий охотник, но всегонавсего гость.

Заметив Пашку, Ура протянула ему мясную косточку.

Он стал есть как дикарь — дикарские порядки Пашке нравились: руки мыть не надо, купаться не надо, о ноже и вилке можно забыть, даже причесываться ни к чему.

— Сейчас Медведь придет, — сказала Ура шепотом. — Ты знаешь Медведя?

— Это зверь или человек?

— Ой, какой ты умный, Седой! — ахнула Ура. — Конечно, он сразу и человек, и зверь. Он страшный, как зверь, и главнее всех людей.

— Он из нашего племени? — спросил Пашка, решив, что, может, кто-то уходил на долгую охоту, а теперь возвращается.

— Не притворяйся, — обиделась Ура, — все знают Медведя.

Пашка не успел ни о чем больше спросить, как из-за скалы вышел большой, широкоплечий, сутулый охотник. Он был совсем лысый — вот уж Пашка не думал, что троглодиты бывают лысыми! Это все равно что лысый лев.

Но Медведь был хитрым лысым: он перекидывал длинные черные пряди волос из-за ушей поперек лысины и еще смазывал чем-то, чтобы держались. Так что лысина у него была полосатая, как спина зебры.

На шее у Медведя висело ожерелье из медвежьих зубов. «Ну вот, — подумал Пашка, — мне, значит, нельзя, а какому-то приходящему Медведю можно целое ожерелье».

Медведь ему не понравился с первого взгляда. Сразу было видно, что он куда более знаменитый охотник, чем Пашка.

За Медведем шел воин с большой дубиной.

Оба незнакомца были чем-то похожи — низкие лбы, не

больше, чем у неандертальцев, глазки маленькие, а челюсти тяжелые, скошенные. Это были люди, но похожие на неандертальцев.

Мама вела себя с достоинством, хотя Пашка почувствовал, что Медведя она побаивается.

Правил приличия люди еще не выдумали, так что Медведь не поздоровался, а сразу прошел к пещере, возле которой собралось в кружок все племя, и, отодвинув в сторону Уру, уселся. Его помощник, или телохранитель, положил дубину на колени и опустился рядом, скрестив ноги, притом так сильно стукнул мальчика, у которого еще не было имени, что тот заныл и убежал в пещеру.

На земле лежали остатки мяса. Мама сама взяла два куска получше и протянула их гостям.

Телохранитель откусил, пожевал и произнес:

— Ленивца поймали. Редкая добыча.

— Седой поймал. Он молодой, но хороший охотник, — сказал Гром.

Медведь покосился на Пашку:

— Чужой. Гоните его.

— Мы знаем, кого гнать, — сказала Мама.

«Вот молодец, — подумал Пашка, — а я уж испугался, что они меня предадут».

Медведь тоже попробовал мясо, но оно ему не понравилось.

— Плохое мясо, — сказал он и бросил кусок себе за спину. Пес с лаем кинулся туда, решив, что это его угощают.

Медведь загоготал. Остальные молчали. Пашка подумал, что им, очевидно, не нравится, когда мясо кидают собакам. Мясо еще поймать надо. Он хотел было все это сказать нахальному Медведю, но Умница — недаром имя такое получила — толкнула его в бок и одними губами произнесла:

— Молчи.

— Надо вам идти в мое племя, — заявил Медведь.

Никто ему не ответил. Только телохранитель, который доел свой кусок и выкинул кость, сказал:

— Маленькое племя — одни беды. Завтра вас разбойники чу съедят — кто поможет? Большой Медведь далеко.

— Мы придем в твои пещеры, — заговорила Мама, — охотники будут приносить мясо, а ты будешь его есть? Ты возьмешь себе наших женщин, чтобы они кормили и развлекали тебя? Ты этого хочешь?

— Я не приду, другой придет, — сказал Медведь. — Маленьких всегда едят.

— Когда большая охота, мы идем, как все, — возразила Мама. — Что ты хочешь?

Медведь скривился — ему не понравилась речь Мамы. Потом он протянул руку и схватил оставшийся кусок мяса — словно нечаянно. Но было видно, с какой жадностью горели его глаза.

— Чу очень мешают, — сказал Медведь. — Чу много развелось. Надо чу всех убить и сделать из их шкур одеяла.

Все молчали.

— Чу надо убить, — наконец согласилась Мама. — Это верно. Сегодня чу подбирались к нашему жилищу. Хорошо, что наш новый воин Седой увидел их и прогнал.

— Хэ! — крикнул Медведь. — Этот детеныш не охотник! У него не должно быть имени!

— Племя решает, кому давать имя, — сказала Мама. — Это закон леса.

— Ты пожалеешь, — пригрозил Медведь.

— Что надо делать? — спросил Гром.

— Чу уходят от зимы, — сказал Медведь. — Многие собираются в Долину Горячей Воды. К ним можно подкрасться незаметно. Мы подойдем и убьем всех чу.

— Убьем всех чу! — закричали дети.

— Убьем чу! — закричали взрослые.

Все радовались, словно их ожидала удачная охота.

— А зачем их убивать? — спросил Пашка.

Все посмотрели на него с осуждением.

— Но они же плохие, — сказала Умница.

— Они разбойники, — сказала Ура.

Но главное сказал Медведь:

— Они — другие. Значит, их не должно быть. Есть только люди. Большие коричневые люди. И тебя, чужой, тоже надо убить.

— Я уже говорила, — возразила Мама, — воина Седого никто не тронет.

Медведь не стал с нею спорить.

— Пойдем ночью, — сказал он. — Мы их растопчем. Пусть до темноты все соберутся в моей пещере.

— Разорвем! — закричал Гром.

— Шкуру сдерем! — закричал Крот.

— Старуха Туча! Оставайся и смотри за костром, — приказала Мама. — Ты знаешь: если мы останемся без огня, мы убьем сначала тебя. Седой, где твой тигриный клык? Покажи Медведю.

— Я не пойду убивать чу, — набравшись смелости, выпалил Пашка.

Очень трудно сказать «нет», когда все говорят «да». Ведь тебя не поймут, а будут думать, что ты трус.

Удивительно, но Пашкины соплеменники сразу забыли, что он великий охотник. Они словно прозрели и увидели перед собой просто чужого мальчишку.

— Как ты смеешь?! — закричала Мама. — Мы тебя убьем!

— Надо убить его, — согласился Медведь. — Я приказываю вам убить его! — И он ткнул толстым пальцем в Пашку.

Не надо было ему так говорить. Своим нахальством он спас Пашке жизнь.

— Я — вождь племени, — сказала Мама. — Я здесь говорю. Когда ты покоришь мое племя, я буду слушаться тебя.

Медведь криво усмехнулся и пошел прочь. За ним последовал телохранитель с дубиной.

Пока племя собиралось в поход, Мама подошла к Пашке.

— Вместо тебя пойдет Туча. Ты остаешься в пещере один. Главное — береги огонь. Огонь — наш живой друг. Если огонь умрет, племя тоже умрет.

— И на что вам только сдались эти чу? — спросил Пашка.

— Ты чужой, ты не знаешь. Они как дикие звери. Их надо убивать. Пока всех не убьем, они будут грабить и убивать нас, мешать нам охотиться, отнимать нашу пищу. Но их уже осталось немного. Скоро мы убьем последних.

Пашка слушал вождиху и думал: «Вот и разрешилась ис-

торическая загадка. Оказывается, наши прабабушки и прадедушки убили несчастных неандертальцев. А не убили бы, еще неизвестно, кто бы сегодня владел Землей».

Уходя, соплеменники старались не смотреть на Пашку, только Мама подошла к нему и сказала:

— Сними пояс.

— Зачем?

— Это пояс охотника. И отдай нам свое имя.

— Возьмите.

— Ты больше не Седой, — сказала Мама. — Ты Пшшшк, как ты сам себя назвал. И пускай тебе будет стыдно.

— Стыдно убивать людей, — возразил Пашка. — И еще, наверное, исподтишка.

— А как же по-другому охотиться? — удивился Гром. — Конечно, надо подобраться исподтишка. А то могут дать сдачи. Они жутко сильные. — И с этими словами Гром первым зашагал по тропинке к реке.

За ним последовали остальные. Даже дети несли маленькие дубиночки. Последней шла Умница. Она обернулась, и Пашке показалось, что девочка плачет.

— Не обращай внимания! — крикнул он. — Все будет хорошо.

Наконец племя скрылось в листве, и наступила тишина.

Пашка в одиночестве остался на площадке перед пещерой.

Глава десятая

В ПЛЕНУ

Время Пашка, конечно, определить точно не мог, но солнце двигалось по небу, и он подсчитал, что прошло больше часа.

Он ломал голову, чем бы заняться.

Может, бросить этот проклятый костер и побежать к неандертальцам предупредить их об опасности? Но Пашка хорошо знал, чем кончается такая беготня — реанимацией! Достаточно представить себя на их месте. Прибегает к тебе какой-то марсианин и начинает на своем языке или на язы-

ке твоих злейших врагов что-то втолковывать. Да ты вытащишь бластер и начнешь стрелять!

«Какое счастье, что здесь нет бластеров, — подумал Пашка, прервав ход своих тревожных мыслей, — а то меня давно бы кто-нибудь пристрелил! Наверное, это очень разумно с точки зрения эволюции: пока люди дикие, у них дубинки и камни, а пушки и бомбардировщики они изобретают, только когда становятся культурными...»

Что-то в собственных рассуждениях Пашке не нравилось, но ему не хотелось особенно задумываться. Пашка был человеком действия, а не рассуждений.

Человеку действия хочется действовать.

Человеку действия противно сидеть у костра и подкладывать в него дровишки, которые, кстати, кончаются, а это значит — надо идти собирать хворост или ломать сухие ветки. Но такой труд — не для великого охотника.

К тому же Пашка хочешь не хочешь, но должен был помнить, что сам он не троглодит, а школьник, живет в двадцать первом веке и проходит практику по истории. И снимает фильм. А раз он снимает фильм, то неплохо бы придумать интересный сюжет. У костра ничего интересного не снимешь. Значит, надо идти искать этот сюжет, как делают все киношники.

В берлогу к пещерному медведю соваться глупо — он тебя голыми лапами одолеет. Ловить за хвост саблезубого тигра? Отыскать гигантского оленя, у которого рога в размахе четыре метра, — такие висят в кабинете у Ричарда?

Пашка перебирал в уме всякие варианты, хотя заранее знал, куда пойдет. Конечно же он отыщет мамонтов, подберется к ним поближе и сделает фильм что надо!

Пашка даже знал, где искать мамонтов — там, где проходит тропа на водопой.

Он высунулся из пещеры. Зарядил мелкий дождик, порывами дул ветер. Жалко, что Мама отняла охотничий пояс. Жестокие все-таки здесь нравы!

Погоди-погоди... Мама велела снять пояс, чтобы злобный Медведь видел, как она наказывает Пашку. А куда она дела пояс? Кинула его в угол, где все спят, на шкуры.

Пашка нагнулся, пошарил и сразу нашел свой пояс. Значит, Мама на самом деле не собиралась лишать его звания охотника. Эта мысль Пашку порадовала, он снова надел пояс и сунул в карман последний кусок мяса, что лежал возле костра. Вдруг захочется есть?

Потом Пашка полюбовался своим кинжалом, обмотал его с одного конца липучей лианой, затем куском старой кожи, чтобы было удобно держать в руке. Теперь, звери, берегитесь! Идет хозяин тайги!

На прощание Пашка позаботился о костре. Он подложил два последних больших полена, пошуровал, чтобы лучше горело, — до его возвращения хватит.

За день, проведенный в первобытной эпохе, Пашка немного научился осторожности. Он уже не бросался в кусты или в речку, не посмотрев сначала, кто там может его поджидать. Поэтому он простоял целую минуту, положив руку на кинжал. Тихо. Птицы перекликаются — значит, никого не боятся.

Пашка подобрал с земли палку — крепкую и достаточно длинную, чтобы можно было пошарить ею в кустах, проверить, нет ли там скорпиона или змеи, и пошел в гору, туда, где лес редел и начинались округлые холмы с редкими деревьями на склонах.

Он шел по лесу и уже узнавал знакомые места. Вот здесь он запутался в паутине... А вот там мамонты растерзали саблезубого тигра.

Пашка взглянул на небо: не напал бы птеродактиль!

Ну как можно было так подумать?! Птеродактили вымерли вместе с динозаврами. Они ведь и были летающими динозаврами. В ледниковый период динозавров вообще не осталось. А если бы и остались, то погибли бы от холода. Во времена динозавров климат на Земле был влажным и теплым, как в парнике. Но в течение многих тысяч лет ледники наступали с севера, изгоняя все живое. Остались только те существа, которые не боятся холода. Вот, например, мамонты — у них шерсть до земли, или медведи и саблезубые тигры — они, как современные уссурийские тигры, зимы не боятся. Ну, и люди, конечно. Они к тому времени уже знали, как одеваться в шкуры, как греться в

пещерах, и приручили огонь. Даже вон придумали должность — дежурный у костра.

Пашка миновал то место, где погиб саблезубый тигр.

Волки и коршуны сделали свое дело — на земле валялись лишь разбросанные кости. Даже клыки пропали — может, здесь кто-то побывал не глупее Пашки и сообразил, какое это хорошее оружие.

В траве еще суетились мелкие зверюшки, которые полакомились тигром и теперь, наверное, ждали, что человек убьет для них еще одного.

— Не дождетесь, — сказал Пашка, — я сегодня на мирной тропе.

Он пошел дальше. Шел он долго, где-то с полчаса, пока наконец не добрался до вершины холма. Перед ним открылся великолепный вид на холмистую равнину. Далеко-далеко на горизонте ее пересекали голубые горы, на которых лежал снег.

В долине паслись стада различных животных. В основном они были похожи на современных, но все же чем-то отличались от них. Наконец-то Пашка увидел гигантских ископаемых лосей с рогами-крышами, несколько семейств мамонтов, диких быков и антилоп и даже животное, напоминавшее мохнатого жирафа.

Пашка подумал, что, наверное, пора назад, в пещеру, но потом решил, что троглодиты вряд ли вернутся из своего военного похода так скоро. Значит, можно пройти еще немного и попытаться снять мамонтов.

Пашка быстро пошел вниз по склону холма. По дороге ничего с ним не произошло, если не считать, что он чуть было не наступил на большую желтую змею, которая, увидев Пашку, громко зашипела — может, сама испугалась больше его; она скользнула в траву и пропала.

Но выяснилось, что добраться до мамонтов не так просто. То ли они издевались над Пашкой и не спеша отходили, когда он приближался, то ли это был просто обман зрения — все время казалось, что они ближе, чем обнаруживалось потом.

Но Пашка не сдавался. Он припустил по склону, приги-

баясь, чтобы не вспугнуть стадо, и через несколько минут подобрался уже достаточно близко, чтобы начать съемки.

Сами мамонты были очень внушительными — горы шерсти и мяса, бивни такие... такие... Вдруг Пашку осенило! Когда он научит свое племя охотиться на мамонтов — делать луки и копать ямы-ловушки, — надо будет отпиливать у мамонтов бивни, а потом натягивать на них брезент. Получатся замечательные палатки!

Правда, сообразил Пашка, придется еще придумать пилу и брезент.

Один из мамонтов словно услышал Пашкины мысли, такие опасные для жизни, и, вытянув хобот, громко затрубил. Другие мамонты перестали пастись и насторожились. Мамонтенок кинулся под брюхо матери и скрылся под ее свисающей шерстью.

Вожак медленно пошел к Пашке. Он не переставая трубил, предупреждая остальных животных в степи: «Осторожно! Среди нас есть пришелец!»

Пашка до последней секунды очень надеялся, что мамонт направляется не к нему, а просто вообще в его сторону, по своим делам.

Но не тут-то было.

Маленькие черные глазки мамонта отыскали в траве присевшего Пашку, и трубный рев стал еще громче. Пашке показалось, что он различает в нем слова: «Вот он! Я его вижу! Сейчас я его растопчу!» И тут Пашка понял, что его в самом деле собираются растоптать, как того саблезубого тигра.

И тогда Пашка кинулся прочь — еще быстрее, чем бежал сюда, и, конечно, врезался в стадо волосатых буйволов. Они, правда, его не тронули, но подняли головы, перестали жевать и с интересом смотрели, догонит мамонт человека или нет.

На бегу Пашка успел обернуться — преследователь уже совсем близко. Он даже наклонил голову, чтобы было удобнее поддеть человека бивнями и подкинуть в воздух.

Пашка бежал, как заяц, виляя и пригнувшись, но тут споткнулся о камень и покатился по земле.

Бывает, так ударишься, что никакой мамонт тебе уже не

страшен! Это случилось и с Пашкой. Он схватился обеими руками за ногу и скорчился в высокой траве.

А мамонт его потерял.

Когда боль чуть-чуть отступила, Пашка осторожно оглянулся и увидел сквозь траву, что мамонт стоит всего в двадцати шагах и поводит головой, отыскивая, куда же делся нахальный человечек.

Пашка замер. Он старался думать только о том, как болит нога.

Мамонт затрубил громче прежнего и, покачивая головой, пошел прочь. В его реве Пашке послышалось сожаление: «Ну что за чепуха! Видно, я старею — одного человеческого детеныша растоптать не смог».

Убедившись, что мамонт ушел, Пашка поднялся и прихрамывая двинулся в другую сторону.

Сейчас он дойдет до того дерева, а там осмотрится и сообразит, как побыстрее добраться до пещеры.

Пашка дошел до высокого раскидистого клена и стал вспоминать, откуда же он пришел. Но ничего вспомнить не успел, потому что его толкнули в спину, он повалился носом в траву и только подумал: как же мамонт умудрился подкрасться сзади?

И тут его стукнули по голове, да так сильно, что Пашка отключился. Конечно, он не знал, что отключился, и, лишь придя в себя, понял, кто и как вывел его из строя.

Пашка лежал на спине, и потому первое, что он увидел, было небо, по которому бежали серые облака. И тут же, загораживая облака, к нему склонились дикие морды страшных чудовищ. Пашка снова зажмурился, чтобы скорей проснуться и понять: это кошмарный сон.

Он открыл глаза.

Вокруг сидели неандертальцы, штук шесть или семь, и смотрели на Пашку с отвращением, как на урода. На самом-то деле не люди, а неандертальцы некрасивы, это каждый человек знает.

Один из дикарей, самый старый, с седой щетиной на скошенном подбородке, скривил и без того страшную рожу и, протянув лапу, сорвал с Пашкиной шеи амулетик.

Чудовище рассматривало шарик с удивлением, но Пашка заметил, что и у седого неандертальца такой же шарик. И у этого тоже... И у того... Наверное, у них мода на шарики, а вот людям их носить не положено.

«Господи, — испугался Пашка, — а если они решат, что я убил того неандертальца?»

— Послушайте, — сказал он, — чтобы не было недоразумения. Я никакого отношения к здешним делам не имею. Я здесь на учебной практике.

Неандертальцы моргали, ничего не понимая.

— Эй, — вдруг сказал один из них. — Шпот.

— Шпот, — произнесли остальные.

— Слом? — спросил первый неандерталец.

— Слом-мамама, — ответили ему.

Старый неандерталец, у которого поседела вся шерсть, вытащил кинжал — такой же, как у Пашки.

— Хррк? — спросил седой неандерталец.

— Хррк, — ответили ему товарищи. — Слом-хррк. Напх — трень, слом-тррк.

— Подождите! — попытался образумить их Пашка. — Вы ошибаетесь. Я не сделал ничего плохого вашим друзьям и родственникам. Я даже искал вас, чтобы предупредить об опасности. Мы, люди будущего, всегда за мир и против войны.

Неандертальцы начали переговариваться:

— Шпот... ба-бала... смык.

— Смычок. Хррк.

— Смык буси слом-хррк. Шпот кана.

Пашка внимательно прислушался к разговору. Язык неандертальцев был куда проще языка кроманьонцев. Пашка догадался, что «шпот» относится к нему, «хррк», ясное дело, — «убивать» или «смерть». А «кана» — значит «не надо» или «нет». Другие слова пока оставались непонятными, но можно было догадаться.

— Шпот смычок, — сказал Пашка, — хррк кана.

Как только неандертальцы услышали, что пленник говорит на их языке, они ударились в панику. Он приказывает им не убивать человеческого детеныша!

Неандертальцы заверещали, некоторые вскочили, собираясь бежать. На крики из кустов вышел вождь, а может,

колдун. Он не был вооружен, зато раскрашен, как новогодняя елка.

На лохматой, никогда не чесанной голове сидела набекрень корона из птичьих перьев, с нее свисали хвостики горностаев. На колдуне была широкая юбка из тростника и такое количество браслетов и ожерелий, что хватило бы на дикарский дом моделей. Браслеты и другие украшения были сделаны из ракушек, камешков, орехов, сушеных яблок, корешков и дохлых жуков. На подбородке у колдуна росла белая реденькая бороденка. Лицо морщинистое, грязное, но глаза сверкают отчаянно, будто он напился хмельного зелья.

— Паррака? — спросил колдун.

Все наперебой стали объяснять, что шпот, да не просто шпот, а шпот смык-смычок попался им в лапы, и теперь его придется слом и потом хррк. Но дело в том, что смычок говорит на языке настоящих чу и носит на шее костяной шарик.

Колдун выслушал соплеменников, затем сам принялся кричать, чтобы заглушить их крики. И чем громче он кричал, тем невнятней звучали междометия, которые выскакивали из его губастого рта. Он даже принялся подпрыгивать на месте. Это выглядело почти смешно, только Пашка, конечно, не смеялся, потому что у неандертальцев наверняка нет чувства юмора.

И тут он сделал величайшее биологическое открытие: человека от всего прочего животного мира отличает чувство юмора! Попробуйте рассказать анекдот корове или даже обезьяне. Или хотя бы дураку. Никто из них и бровью не поведет.

Колдун прыгал, кричал, слюна капала у него изо рта, и он все чаще глядел на Пашку, все ближе подпрыгивал к нему.

Пашка сел, хотя голова раскалывалась. Он бы с радостью удрал. Но удирать было некуда.

Колдун, вероятно, устал, потому что прыгал и кричал уже без злости. Может, все закончилось бы миром, но тут на поляну вышел шатаясь окровавленный неандерталец. Он захрипел и опустился на руки соплеменникам. Из горла его

вырывались отдельные слова. Некоторые из них были Пашке знакомы:

— Хррк... слом, маса-вакаса слом... хррк кана... он-бормот.

Пашка с ужасом понял, что неандерталец попал в засаду, которую устроил злобный Медведь.

— Я же предупреждал, — сказал Пашка. — Теперь вам всем нужно отсюда уйти.

Лучше бы он молчал! И кто его тянул за язык?

Неандертальцы вспомнили, что у них есть пленник, и стали поглядывать на Пашку. А раненый злобно зарычал и сказал, что этого смокного смыча надо было хррknуть, как члика. Он протянул к Пашке громадные лапы, но, к счастью, силы оставили его, и он потерял сознание.

Зато ожил колдун. Он вновь начал вопить, и, послушавшись его, неандертальцы, точно как в старинной книжке об африканских дикарях, подтащили Пашку к сухому дереву и привязали к стволу гибкими лианами.

От этих чу воняло псиной, по их шерсти прыгали блохи и ползали какие-то мелкие насекомые.

К Пашкиным ногам сложили кучу хвороста. С ним собирались сделать то же, что сделали английские оккупанты с отважной девушкой Жанной д'Арк, то есть сжечь на костре!

Молодая, но уродливая неандерталка притащила деревянную раму, на которую был натянут кусок кожи, и начала бить палкой по этому барабану. Значит, они уже музыку придумали!

Из костра, который весело горел в тени скал, колдун вытащил головню и поднес к Пашкиному носу, но сразу поджигать хворост не стал, а решил сперва поколдовать. Видно, хотел, чтобы из Пашки получился славный жареный мальчик.

— Я костлявый, — сказал Пашка колдуну. — Шпот-смык ам-ам не годится.

— Хррк — да, — ответил колдун. — Ам-ам не надо. Чу шпотов не ам-ам.

«Ну, хоть есть меня не будут, уже приятнее», — подумал Пашка.

Наконец колдун произнес все нужные колдовские слова

и, поплясав на радость своим соплеменникам, завизжал, словно его режут. Потом поднес головню к хворосту.

Тут уж Пашке стало не до шуток.

— Прекратите сейчас же! — закричал он.

В ответ неандертальцы загоготали.

— Я буду жаловаться! Вызовите ко мне вашего главного начальника!

Колдун дотронулся головней до хвороста. Хворостины были сухие, тонкие, они занялись сразу, и пошел белый дым.

— Мама! — завопил Пашка. — Мамочка! Что же это творится?!

Глава одиннадцатая

ПРИШЕЛЕЦ БЕРЕНДЕЙ

Разумеется, мамочка не появилась. И как назло, никого из соплеменников рядом!

— Дикари! — закричал Пашка. — Обезьяны паршивые!

Обожгло коленку — это огонек лизнул, ласково так, если смотреть со стороны, и очень больно, если коленка твоя.

Неандертальцы прыгали и вопили от радости, и Пашкиных слез никто не видел, а плача не слышал.

И, наверное, сгорел бы Пашка, если бы неожиданно не появился человек. Именно человек, хотя он совсем не был похож на человека. Это было странное существо — большое, с сиреневым лицом и руками, в плаще, достающем до земли, и в высоком шлеме с гребнем, усыпанном драгоценными камнями.

Глаза у пришельца были светло-зелеными, и на темном сиреневом лице они горели, как елочные лампочки.

Правда, Пашка рассмотрел все это лишь потом, когда его мучения кончились. В тот момент он лишь увидел сквозь дым высокую темную фигуру и даже не сообразил, что пришло его спасение.

— Прах! — громко и спокойно произнесло существо. Голос у пришельца был таким глубоким и звучным, словно рождался не в гортани, а где-то в глубине земли под ногами и выходил наружу через какой-то туннель.

Неандертальцы присели, закрыв головы руками, словно ожидая удара сверху.

Высокий человек в плаще шагнул к Пашке, который уже почти ничего не видел сквозь удушливый дым и кашлял так, будто глотка вот-вот разорвется.

Пашка не заметил, что сделал этот человек, но дым рассеялся почти сразу. Мановением руки пришелец разрезал путы, которыми Пашка был примотан к дереву. Пашка сделал несколько шагов вперед, но не удержался на ногах и упал спасителю на руки.

— Спасибо, — сказал он слабым голосом, — за помощь...

— Если бы я чуть-чуть опоздал, — ответил незнакомец на хорошем галактическом языке — космоязе, — то мне достался бы только уголек. Давай отойдем отсюда, чтобы не мешать чу собираться в путь.

Пашка не хотел показывать перед незнакомцем свою слабость, но чувствовал он себя ужасно. Это только в приключенческих романах герои получают молотком по голове, саблей по щеке и ядром в грудь, а затем продолжают сражаться как ни в чем не бывало.

Неправда! У Пашки была обожжена нога, колени и икры расцарапаны, легкие разрывались от дыма. Не каждый спокойно перенесет такое приключение. Вас когда-нибудь привязывали к дереву? Разводили под вами огонь, чтобы живьем поджарить? То-то.

— Тити, — сказал неандертальцам Пашкин спаситель. — Тупу там. Свери, свери, свери люяп-люяп!

После этой длинной речи незнакомца, который явно был здесь своим человеком, неандертальцы разбрелись по поляне и начали собирать необходимые вещи. Ведь даже у самого последнего неандертальца есть ценные и незаменимые предметы. Например, острый камень, любимая палка, медвежья шкура, которая досталась от дедушки...

Старый седой неандерталец подошел к пришельцу, склонился перед ним так, что коснулся земли костяшками пальцев, и сказал несколько слов. Потом протянул шарик, который неандертальцы сорвали с Пашкиной шеи.

— Пас, — сказал пришелец и дотронулся пальцем до плеча неандертальца. Тот улыбнулся, показав все свои зубищи. Видно, его похвалили за то, что Пашку не поджарили.

Но все оказалось сложнее.

Когда Пашка и его спаситель отошли за скалу, незнакомец спросил:

— Ты путешественник во времени?

— Я прохожу учебную практику, — ответил Пашка.

Он сразу сообразил, что встретил культурного человека. Может быть, это даже и не человек, а сиреневая кожа — просто скафандр, но существо культурное: знает иностранные языки и не только вытащило Пашку из пламени, но и не прочь с ним поговорить.

— Это очень рискованно, — сказал человек, — отправлять детей на практику в одиночку.

— Я уже не ребенок, — заявил Пашка.

Пришелец кивнул. У него была такая манера — делать вид, что соглашаешься, а на самом деле не слушать возражений.

— И в чем же вы практикуетесь? — спросил пришелец.

— Это историческая практика. Школьная историческая практика. Я должен разгадать тайну. Почему неандертальцы исчезли, а люди остались?

— И ты догадался? — спросил пришелец.

— Боюсь, что да, — ответил Пашка. — Я присоединяюсь к мнению тех ученых, которые считают, что люди перебили всех неандертальцев.

— И тебе не жалко неандертальцев?

— Очень жалко, — сказал Пашка. — Когда я узнал, что подлый Медведь организует поход на чу, я хотел предупредить их. Но, наверное, опоздал.

— Опоздал.

— А неандертальцы решили, что я враг. Я на них даже не обижаюсь. Хотя коленка болит ужасно.

— Мы с тобой не можем их винить.

— Но я же один, без оружия!

— У них другая цивилизация, — сказал сиреневый пришелец. — Вернее, отсутствие цивилизации.

— А вы что здесь делаете? — спросил Пашка.

— Я? — Пришелец крутил в пальцах шарик, который неандертальцы сняли с Пашки. — Я искупаю грехи.

— Объясните, пожалуйста, что это значит, — попросил Пашка.

— Если ты не возражаешь, перейдем ко мне на корабль. У меня еще много дел, и каждая минута на счету.

— Если не хотите, то не объясняйте, — обиделся Пашка. — Я же просто спросил.

Пришелец улыбнулся:

— Ты слишком серьезный человек. — Он протянул Пашке длинную руку и сказал: — Разрешите представиться: последний из берендеев.

— Как? Вы берендей? Про вас Островский в сказке «Снегурочка» написал.

— И в сказке, и в опере, и даже в истории, — опять улыбнулся пришелец. — Я думаю, что кто-то из моих соотечественников побывал у вас на Руси, и память о нем осталась.

Пашка пожал пришельцу руку и вдруг понял, что тот очень-очень старый. Лицо у него было гладким, ни одной морщины, и спина прямая, и шагал он быстро, но все это ничего не значило. Пашка нутром чуял, что последний берендей очень стар.

— Меня зовут Павел, — сказал Пашка. — Павел Гераскин. Пятый класс «Б», Москва. А у берендеев имена есть?

— У меня много имен, — ответил берендей. — Как и много жизней. Люди, с которыми я встречаюсь, запоминают мое новое имя. Некоторые зовут меня капитаном Немо, другие — Ноем. Всего не упомнишь.

— А вы в самом деле были знакомы с Жюлем Верном?

— Судя по тому, что мы с тобой разговариваем за тридцать тысяч лет до вашей новой эры, мне придется еще тридцать тысяч лет ждать этого знакомства.

Пришелец улыбался, и Пашка понял, что он шутит. Вернее всего, наполовину шутит. Ему, наверное, не хотелось, чтобы кто-то узнал, что он в одиночку путешествует во времени. Ведь путешествие во времени без контроля запрещено Галактическим советом. Представляете, что может натворить в прошлом какой-нибудь авантюрист или дурак?

— А что вы искупаете? — опять спросил Пашка.

Пришелец быстро шел через кустарник, затем раздвинул ветки, и Пашка увидел большой пологий холм, поросший зеленой травой.

— Вот мы и дома, — сказал пришелец.

— Я вас не понял, — удивился Пашка.

Пришелец откинул полу плаща, вытащил из внутреннего кармана простой электронный ключ и набрал код. Холм медленно приподнялся над землей, открыв вход в гигантский корабль.

— Здорово! — признался Пашка. — Маскировка что надо!

Пришелец сделал приглашающий жест.

— Заходи, Паша, — сказал он. — Кофейку попьем.

— Спасибо, — поблагодарил Пашка.

Они вошли внутрь и попали в скромное помещение, где находились простенький пульт управления, стул, письменный стол и походная койка, как у Суворова, когда он переходил через Альпы.

— Вот так я живу, — сказал пришелец. — Ты садись на стул, а я на койке привык.

Пашка сел на стул и спросил:

— А других помещений на корабле нет?

— У нас все есть, я тебе покажу, — сказал пришелец. — Я обычно дома раздеваюсь, так что ты тоже можешь раздеться.

— Простите, — ответил Пашка, — но на мне только звериная шкура, а без нее получается слишком голо.

— Это вопрос привычки, — не согласился пришелец. — У нас на планете давно избавились от подобных предрассудков.

Он сбросил широкий плащ, и оказалось, что пришелец совсем не одет, а кожа у него сиреневая с голубыми подпалинами. Но самое удивительное — у пришельца был хвост, который он скрывал, обмотав вокруг туловища.

— Устал притворяться, — признался пришелец и размотал хвост. Хвост громко стукнулся об пол.

— Я вам не завидую, — сказал Пашка.

— Но ты меня понимаешь?

— Еще бы! Как только вы появились бы здесь с хвостом, вас бы приняли за динозавра и устроили на вас охоту.

— Умный мальчик. — Последний берендей погладил Пашку по голове. — Называй меня Ноем. Из всех имен это мне нравится больше.

— У вас нет бороды, — сказал Пашка.

— Зато у меня есть Ковчег. Ты хочешь узнать страшную и трагическую историю моей жизни?

— Разумеется.

Берендей по имени Ной откинул крышку пищедоставки, и оттуда выехали на стол чайник и банка с растворимым кофе.

Пашка кофе не очень любил, предпочитал чай, но, даже если бы пришелец предложил ему стакан спирта, Пашка, наверное, не отказался бы. Из гордости.

К счастью, стакан спирта ему не предложили, а кофе был слабым. Пришелец перехватил Пашкин удивленный взгляд и сказал виновато:

— Если сделать крепче, то будешь плохо спать.

— Я всегда хорошо сплю, — сказал Пашка.

Он сделал только маленький глоточек, потому что у пришельцев бывает пища, которая для людей может оказаться ядом.

Берендей положил конец сиреневого чешуйчатого хвоста на колени и начал свой рассказ.

— Планета наша была невелика, но обильна лесами, морями и полезными ископаемыми. Народы у нас жили способные, но воинственные. А раз мы воинственные, то природа нам была нужна для того, чтобы делать оружие. Сначала мы выкопали массу шахт, в которых добывали уголь и железо, пробурили тысячи нефтяных скважин, чтобы иметь топливо для танков и самолетов, вырубили леса и отравили химическими веществами реки. А когда мы спохватились, было поздно. Люди как-то приспособились не дышать, а вот медведям и тиграм, оленям и орлам нужны воздух и вода. В тот момент, когда последние двадцать шесть жителей нашей планеты заключили вечный мир, оказалось, что, кроме потрепанных и израненных людей, никого на планете не осталось. Даже куриц и ворон.

— Ну уж крысы-то остались, — сказал Пашка.

— Последних крыс мы съели.

Пашка покачал головой.

— Как хорошо, — сказал он, — что мы успели принять меры. Мы остановили жадных богачей и глупых бедняков раньше, чем они успели все погубить.

— Это так, — согласился пришелец, — но раньше вы, наверное, все же уничтожили девять из десяти животных. Ведь когда вырубают лес, червяки, гусеницы, лягушки, цветы и лианы — все живое в этом лесу — погибают!

— Ну ладно, рассказывайте дальше. — Пашке не хотелось слушать о таких печальных вещах. Он сам всегда переживал, если видел, как гибнут животные и растения.

— Мы попытались возродить вымерших животных. Но не удалось. Мы освоили космические полеты и завезли растения и животных с других планет. Но на нашей мертвой планете они тоже вымерли.

— А вы почему не вымерли? — спросил Пашка.

— Люди, скажу тебе, Павел, самые живучие существа на свете. Они даже в помойке могут жить. С одной стороны, мы загубили все растения и всех животных на планете, а с другой — научились жить по нескольку тысяч лет, никогда не болеть. Мы обзавелись таким количеством компьютеров и роботов, что они смогли построить космические корабли размером с небольшую планету.

— Вот бы взяли и улетели сами на хорошую пустую планету! — сказал Пашка.

— Нет, нам было жалко покидать свой дом. Хороший или плохой — это наш дом. К тому же мы так старались возродить свою планету, что не заметили, как миновали тысячи лет, и мы один за другим вымерли. Только я остался. И я стал старцем Ноем, капитаном Немо и Вечным Странником.

— Вам никак не дашь столько лет, — вежливо сказал Пашка.

— А сколько? — улыбнулся пришелец.

— Тысячу максимум.

— Бери выше. Мне, по вашему счету, скоро будет пятьдесят тысяч. Наши медицинские роботы попросту не дают мне умереть. Но я не жалею. Я нашел себе занятие на сто тысяч лет.

— Какое? — спросил Пашка.

Он впервые встретился с таким долгожителем. Какое может быть занятие у человека, прожившего на свете пятьдесят тысяч лет, еще здорового и, получается, не очень старого? Наверное, он любит путешествовать.

— Я искупаю грехи, — повторил берендей загадочную фразу. — Нашей науке доступно очень многое. Космические путешествия, лечение любых болезней. Я могу перемещаться во времени, но не намного. Тут мне надо учиться и учиться. И я учусь.

— Так что вы искупаете?

— Нашу планету уже не спасти. Поэтому я летаю от планеты к планете, сохраняя инкогнито. Знаешь, что такое инкогнито?

— Знаю. Вы хотите, чтобы вас никто не узнал.

— Правильно. И если я вижу, что какие-то животные или растения там вот-вот погибнут, я спускаюсь на планету и вывожу оттуда этих животных или растения на другую, туда, где им ничего не угрожает. Каждая тварь, каждый зверь, каждая травинка имеют право на жизнь не меньше, чем мы с тобой.

— Я согласен, — сказал Пашка. Подумал и спросил: — И давно вы этим занимаетесь?

— Шестнадцать тысяч лет, — ответил берендей и стукнул концом хвоста об пол. — Шестнадцать тысяч лет без отдыха! Потому что я — скорая помощь. Я нужен в разных концах Галактики. Везде гибнут скорпионы и райские птицы, орлы...

— И неандертальцы, — подхватил Пашка.

— Правильно. Мне не удалось спасти ваших динозавров — они вымерли очень давно. Нужна мощная машина времени, а ее у меня нет. Но вот неандертальцев я обязательно спасу, пока их не истребили твои соплеменники.

— А мамонтов?

— И мамонтов. И саблезубого тигра, и даже пещерного медведя.

— И вы уже нашли для них планету?

— Нашел. У меня есть целый список планет — одни под-

ходят для неандертальцев и мамонтов, другие — для белых ящериц с Гипорамы, третьи — еще для кого-нибудь.

— И что же будет? — спросил Пашка.

— Что будет? Неандертальцы прилетят на новое место, будут охотиться, ловить рыбу, научатся строить дома и писать книги — и будет планета неандертальцев.

— Планета обезьян, — задумчиво произнес Пашка.

— Что ты имеешь в виду?

— Такое кино было и книжка, — сказал Пашка. — Будто есть планета обезьян и люди попадают к ним в плен. И ничего хорошего.

— А я бы твоим людям не советовал летать на чужие планеты без приглашения. Вы решили, что умнее других. А это чепуха.

— Я знаю, — сказал Пашка, — я бывал в космосе. — Пашка отхлебнул кофе. Теплая водичка, и все. — Но неандертальцы со страху помрут. Они же люди все-таки, — сказал он.

— Не успеют, я им создам условия, — ответил пришелец. — Пойми, мы все предусмотрели. Знаешь, какой у меня опыт?

Глава двенадцатая

ГОЛУБЫЕ КРОЛИКИ

Берендей показал на стену. Только тут Пашка заметил, что она состоит из металлических ящичков с надписями.

— Я — существо старомодное, — сказал последний берендей. — Я все пишу от руки. В каждом ящичке — видишь, сколько их тут? восемь тысяч двести тридцать, — в каждом ящичке все документы, имеющие отношение к вымершему животному или растению, которое я спас.

Сиреневый пришелец Ной стоял посреди скромной каюты, сложив на груди руки, и нервно стучал концом хвоста по полу.

— А вы потом проверяете? — спросил Пашка. Ему даже стало немножко страшно. Уж очень большим и грозным был этот пришелец.

Но тот не слушал его.

— Последнее тысячелетие моей жизни, — говорил он своим низким гудящим голосом, — пройдет на борту корабля. И если ничего не случится, я буду жить вечно... И вечно спасать погибающих.

Пришелец поманил пальцем, и один из ящичков выехал из стены. Из него выскочил небольшой, переливающийся всеми цветами радуги шарик, поплыл в воздухе и повис посреди каюты.

— Смотри! — прогудел последний берендей. — Триста лет назад мне удалось вывезти голубых летающих кроликов с планеты Терзаний, где их погубил Центральный химический комбинат. Он, правда, погубил еще тысячу разных пород и видов животных, но тех мне спасти не удалось. Сейчас мы с тобой увидим, что происходит на новой планете, которую я подыскал для кроликов... Там много лесов и полей. И совсем нет людей и хищников.

Шарик словно вывернулся наизнанку и тонкой пленкой окружил Пашку и берендея.

Теперь они стояли посреди широкой равнины, на которой возвышались редкие могучие деревья. Это было красивое место.

Но зато остальное было ужасно.

Кусты стояли голые, обглоданные, травы не было вообще — ее свели подчистую.

Но понять это сразу не удалось, потому что в глазах все поголубело, столько там прыгало, ходило, лежало, сидело, перелетало с места на место голубых кроликов — зверьков, похожих на белку, но покрупнее, покрытых голубой шерстью и с крыльями, как у летучих мышей.

— Видишь! — радостно сказал пришелец. — Их почти не осталось, а я их спас.

У дерева, под вылезающим из земли корнем, Пашка увидел что-то зеленое — ага, несколько травинок!

Как раз в тот момент травинки попались на глаза одному из кроликов. Он спикировал на них и попытался схватить. Но другой кролик, который подползал к травинкам на земле, оказался еще шустрее, и они сошлись в схватке. Тут поя-

вились еще зверьки, и только голубая шерсть полетела во все стороны!

Когда участники короткого боя разошлись, земля в том месте оказалась голубой — столько шерсти потеряли бойцы!

Пашка искоса поглядел на пришельца. Он-то уже сообразил, что случилось, — недаром занимался в биологическом кружке.

Пришелец глубоко вздохнул и признался:

— Ах, какая ошибка!.. Я создал слишком хорошие условия для кроликов, и они расплодились без меры. Сожрали всю траву и даже листву на деревьях... Пока не поздно, надо исправлять положение.

— А как вы его будете исправлять? — спросил Пашка.

— Я захвачу с Земли несколько яиц гигантских сизых орлов. Пускай они выведутся на планете кроликов и начнут на них охотиться.

— А кто будет охотиться на орлов?

— Придумаем, — сказал пришелец. Он был недоволен тем, что Пашка увидел планету, где благородный опыт Ноя не совсем удался, и поэтому рассердился.

Знаете, как бывает, когда чувствуешь себя виноватым? Ты начинаешь искать, кого бы сделать виноватым вместо себя. Поставили тебе двойку, а ты говоришь: «У нас учитель совсем глупый!» Или так: «Я уже заканчивал контрольную, а тут оса прилетела и меня испугала!» Всегда можно найти виноватого.

— Ты зачем этот ящик открыл? — спросил пришелец. — Во всех остальных ящиках отлично получается, а ты выбрал один неправильный.

Пашка только развел руками. Не будет же он спорить со стариком, когда знает, что тот не прав, ведь последний берендей сам открыл ящичек.

Пашка подумал: вот мудрый Ной, он же капитан Немо, представитель древней и даже вымершей цивилизации, столько добра сделал для Галактики, а все равно не хочет, чтобы кто-то замечал его ошибки.

«Ах, как трудно быть таким умным, как я!» — подумал Пашка. И спросил, чтобы переменить тему:

— А почему ваша цивилизация вымерла? Ведь у вас есть

техника, и роботы, и лекарства, и все условия, чтобы жить по много тысяч лет.

— От тоски и вымерли, — ответил пришелец. — Человек не может жить один. Он умирает, когда на планете не остается пчел, винограда, тигров, лебедей, дубов и кокосовых пальм. Нельзя человеку одному. Вот говорят: человек — венец эволюции, человек — вершина! Тебе понятно?

— Чего ж тут непонятного?

— Но венец сам по себе никому не нужен. Его надевают на голову. И вершина не может жить сама по себе, если для нее нет горы. Вершина и венец — пустые слова. Так случилось и с нами — мы были венцом, мы были вершиной, но мы висели в воздухе. И все, кроме меня, вымерли от тоски и одиночества. Иногда так хочется утром услышать, как поет птица!

— А вы почему не вымерли? — спросил Пашка.

— Потому что я улетел спасать других. Потому что я хочу, чтобы птицы пели на всех планетах. И сам слушаю их песни. Пошли, я покажу тебе каюту, в которой полетят с Земли неандертальцы.

Пришелец повел Пашку по коридору. Коридор был пустой, с высоким потолком, как раз по росту капитана. Немо шагал быстро, кончик его хвоста волочился по земле, словно пришелец был двуногим крокодилом. Порой, не останавливаясь, он распахивал двери по сторонам коридора и объяснял:

— Здесь жил когда-то мой дядя. Однажды ему все надоело, и он попросил меня выбросить его в космос.

— И вы выбросили?

— Не мог же я ослушаться дядю! — Пришелец распахнул следующую дверь: — А тут у нас музыкальный салон.

Пашка ожидал увидеть музыкальные инструменты, но в раскрашенной комнате было пусто.

— У нас разноцветная музыка, — пояснил пришелец. — Мы смотрим, как движутся цветные фигуры, и слышим музыку.

Тут коридор кончился, и они вышли на небольшой балкон, который нависал над громадным полем. Непонятно и

удивительно, как такая штука могла уместиться даже в очень большом космическом корабле.

По холмистой равнине между редкими деревьями лениво брело стадо мамонтов, на берегу озера в зарослях камыша отдыхала семья гигантских тигров, олени с ветвистыми рогами промчались совсем близко...

— Они здесь должны чувствовать себя как дома, — сказал капитан Немо. — Поэтому я взял на борт все породы животных, которым предстоит погибнуть на Земле.

— А как неандертальцы узнают, что им пора улетать на новую родину? — спросил Пашка.

— Для этого у них есть со мной связь. Помнишь? — Последний берендей показал Пашке костяной шарик на шнурке — амулет, которое носили все неандертальцы. — Это приемник, — сказал Немо-Ной, — а у меня на борту стоит мощный передатчик. Если хочешь знать, как все произойдет, то пойдем на командный мостик и оттуда поглядим. Это интересно.

Они поднялись на командный мостик, откуда открывался вид во все стороны на много километров.

— Сейчас ты, Пашка, — сказал пришелец, — присутствуешь при историческом моменте. При спасении разумных существ!

Великие дела совершаются чаще всего незаметно. Это по пустякам люди кричат и машут руками. А тут пришелец провел ладонью над зеленым огоньком. Тот погас и вновь загорелся ярче, чем прежде.

— Жди, — сказал капитан.

Он волновался и бил хвостом по стенам. Пашке приходилось уворачиваться от случайных ударов.

Ждать пришлось недолго.

Минут через пять далеко-далеко на равнине показалась группа волосатых сутулых людей — неандертальцев. Они брели к кораблю, явно не понимая, почему их туда тянет, и не успели подойти близко, как из-за деревьев с другой стороны появилась еще одна семья.

— Конечно, я тебя не гоню, — сказал пришелец Пашке, — и ты можешь оставаться у меня сколько пожелаешь, но учти, что я буду долго собирать неандертальцев. И когда сюда придут здешние племена, я полечу дальше — туда, где в вашем времени находятся Урал, Испания. Там меня ждут другие семьи. Не зря же я два года наблюдаю Землю и раздаю шарики неандертальцам!

— А на мамонтов ваши шарики действуют?

— У них другие шарики, — ответил пришелец, и Пашка понял, что вряд ли его план выгорит. Но все же спросил:

— А нельзя мне взять мамонтовый шарик? На память...

— Нельзя, — улыбнулся догадливый пришелец. — Потому что ты попытаешься протащить в свое время мамонтенка, приручить его и кататься на нем верхом в школу. Разве я не прав?

— А вы и мысли читаете? — удивился Пашка.

— Я читаю не мысли, а желания, — ответил пришелец. — И это не одно и то же. А желания у тебя, кстати, написаны на физиономии.

Так Пашка остался без своего мамонта. Зато пришелец обещал на новую планету забрать не всех мамонтов, а только часть, для прокорма неандертальцев. На остальных пока будут охотиться люди.

Пашка смотрел, как неандертальцы один за другим поднимались по лесенке на корабль. Они робели, они рады были бы убежать обратно, но видно было, что шарик заставлял их идти вперед.

Потом Пашка увидел, как первые неандертальцы вышли в центральный зал корабля — в долину, где им предстояло жить до переезда на новую планету.

Неандертальцы чувствовали себя неуютно — место незнакомое, а значит, опасное. Они побежали цепочкой к гряде камней, видневшихся впереди.

— Молодцы, — сказал пришелец, — я специально для них там убежище сделал.

Они стали прощаться.

— Спасибо, — сказал Пашка, пожимая руку капитану Немо-Ною, — спасибо от имени неандертальцев и мамонтов. — Хоть я сам не неандерталец, но понимаю, какую добрую службу вы сослужили Земле. Я обязательно расскажу обо всем в будущем.

— Честно говоря, чем меньше ты будешь рассказывать,

тем лучше, — попытался предостеречь его пришелец. — Но заткнуть тебе рот никто не может. — А когда Пашка уже двинулся к выходу, добавил: — Если опыт закончится успешно, я к тебе загляну, в твой двадцать первый век. И мы с тобой посмотрим, удалось ли неандертальцам создать цивилизацию.

— Договорились, — сказал Пашка.

У выхода он встретил еще одну семью неандертальцев. Вид у них был жалкий, испуганный. Матери несли детей, воины размахивали дубинками. При виде Пашки они оскалились, забормотали, но Пашка только помахал им и поспешил прочь — он знал, что неандертальцы за ним не погонятся, сейчас им не до Пашки.

Глава тринадцатая

СМЕРТЬ СЕДОМУ!

Когда Пашка направился обратно к речке, его охватило беспокойство: прошло уже столько времени — как бы в пещере не погас костер! Ведь спичек у Пашки с собой нет.

Сначала он шагал не спеша, потом все быстрее и наконец побежал. И чем дольше он бежал, тем длиннее казалась дорога.

Но, к счастью, он не заблудился. Вот и гребень, откуда идет лесистый спуск к реке — там находится пещера древних людей. А в ней горит костер.

«Хорошо бы они еще не вернулись из своего похода», — думал Пашка.

Над головой пронеслось что-то серое, похожее на тучу, но двигалось это «что-то» куда быстрее туч. Это космический корабль пришельца перелетает на другое место собирать беженцев, догадался Пашка. Он помахал рукой капитану Немо-Ною, а сам сбежал по тропинке к площадке перед пещерой.

Там было пусто.

А изнутри, из пещеры, доносились голоса.

Опоздал!

Но, может, костер не погас?

Пашка вошел внутрь и сразу понял, что случилось самое худшее.

Все его племя собралось вокруг кучи остывших углей, а Мама стояла на четвереньках и отчаянно дула на них, стараясь оживить умерший огонь.

Пашка замер у входа, раздумывая, бежать ему или попросить прощения. Но, пока думал, кто-то из детишек заметил его и пискнул, словно в пещеру вошел Медведь.

И тут все стали оборачиваться на Пашку.

Совершенно молча.

Пашка боялся, что они будут кричать, махать руками, грозить. Но оказалось, что когда на тебя просто смотрят, это еще ужасней. Троглодиты молчали и не двигались с места, пока не заплакал самый младший из детей. Тишина была нарушена, и люди начали вздыхать. А мальчик все плакал. Не вставая с четвереньек, Мама поглядела на Пашку и печально спросила:

— Что же мы теперь будем делать?

— Понимаете, — попытался оправдаться Пашка, — я совсем ненадолго отошел, может, на полчасика, а в костер я такое бревно положил, что он не должен был потухнуть...

Он говорил, а его слова падали, как слезы на камень. И Пашка понял: этим людям нет дела до того, сколько и куда он ходил, был ли он на космическом корабле Немо-Ноя. Они и знать не хотят, что неандертальцы улетают на какую-то чудесную и безопасную планету... У них ПОГАС ОГОНЬ.

Теперь люди стояли к нему лицом. Они не угрожали, они были расстроены, даже девочка Умница, которая недавно получила имя, не хотела встречаться с Пашкой глазами.

— Ты, Седой, — сказал Гром, — нарушил главный закон — закон хранителя огня. Будет зима, мы все замерзнем и умрем.

— Ну, до зимы еще далеко... — начал Пашка.

Мама подняла ладонь, оборвав его.

— Тебя не просили говорить, — сказала она.

— Что дано законом тому, кто убил огонь или упустил его? — спросил Гром.

— Смерть! — первой откликнулась Мама.

— Смерть, — повторил мрачный Тигр.

— Смерть, — сказали все по очереди.

Одна Умница не смогла произнести слово «смерть» и только заплакала. Она плакала молча, и слезы скатывались по ее измазанным щекам.

— Ты, Седой, хоть и юный охотник, но умный и везучий, — сказал Тигр. — Ты не простой детеныш. Поэтому мы разрешаем тебе самому выбрать себе смерть.

Пашка вспомнил старую детскую книжку, которую читал когда-то. Там джинн спросил мальчика, от чего бы тот хотел умереть, и мальчик ответил: от старости. И Пашка, скрывая улыбку, повторил:

— Я хочу умереть от старости.

Троглодиты серьезно выслушали Пашкины слова и стали думать. Они еще не очень часто думали, и им трудно было разобраться, в чем тут подвох. Потом Крот сообразил:

— Он же совсем молодой, и смерть от старости наступит не скоро. Мы все уже умрем. Как мы узнаем, что он тоже умер?

— Такая смерть не годится, — подтвердила Мама. — Такой смерти нет в законе.

— А какие есть? — спросил Пашка.

— Есть смерть от копья. Есть смерть от веревки. Есть смерть в воде, есть смерть, когда падаешь с большой высоты. Есть смерть от голода, — перечислил Тигр.

— Не подходит, — сказал Пашка. — Я же у вас всего-навсего на практике. Мне пора домой возвращаться.

— У тебя нет другого дома, — сказала Мама. — Или ты врал?

Пашка вздохнул. Он не думал, что из-за легкомыслия он попадет в такое положение. Ему вдруг представилось: приходят ребята в школу, все с практики, веселые, и видят — в зале висит портрет Пашки и написано: «УЧЕНИК 5-го «Б» КЛАССА ГЕРАСКИН ПАВЕЛ ПОГИБ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ ВО ВРЕМЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ПЕРВОБЫТНОЙ ЭПОХЕ».

— Прости, многомудрая Мама, — сказала девушка Ора, — но, может быть, мы возьмем огонь в пещере Медведя? Он нам даст.

— Нет, — ответил за всех остальных Гром. — Медведь

даст нам огонь, но за это сделает своими рабами. Он поселит нас в своей пещере, и мы будем выполнять всю черную работу и получать за это кости. Но ведь мы — вольные троглодиты!

— Мы вольные троглодиты! — закричали остальные. — Смерть Седому!

— Стойте, стойте, — воспротивился Пашка, — а что, если я сделаю огонь?

— Как ты сделаешь огонь?

— У нас найдется кусочек сухой веревки? Ну, лианы какой-нибудь, может, даже паутины?

— Найдется, — сказала Умница.

— И кремни найдутся?

— И кремни найдутся, — отозвались троглодиты.

Пашка понимал, что им вовсе не хочется убивать своего знаменитого охотника и, если бы не проклятый закон, он бы просто получил взбучку.

— Тогда несите все сюда, мы сейчас с вами сделаем огонь.

И в самом деле, дети тут же притащили кремни, сухие лианы и ветки. Пашка сложил горючие материалы на плоском камне и ударил кремнем о кремень. Так как в пещере было полутемно, то все увидели, как между камнями полетели искры.

Троглодиты отшатнулись — они были поражены могуществом Седого.

— Повелитель молний! — прошептала Ура.

Крот отполз в угол пещеры и утащил за собой младенца, чтобы тот не видел страшного волшебного огня.

— Сейчас он вернет нам огонь! — закричала Умница. — Вот увидите!

— Все равно я его тогда выпорю, — сказала Мама, которую, похоже, нельзя было удивить даже искрами из камня.

Пашку, конечно, обидели такие слова, но он не мог оторваться — ветки вот-вот вспыхнут.

Искра за искрой пролетали между камнями, руки у Пашки устали, но огонь не зажигался.

Первобытные люди — как дети. Сначала они были поражены могуществом Пашки и трепетали перед ним, а после

безуспешных попыток зажечь костер тут же забыли, как только что восхваляли героя. Крот снова выполз из темноты и первым сказал:

— Ничего не выйдет. Надо Седого убивать. Тогда духи леса и гор нас пожалеют. Нужна жертва!

— Нужна жертва, — подтвердил Тигр.

И все повторили:

— Нужна жертва!

Пашка отбросил кремни и сказал:

— Не годятся ваши кремни. Нужны другие. Давайте искать.

— Нам надоело искать, — сказал Гром. — Нам надоело тебя слушать. Ты низкий обманщик!

— А ну, повтори! — возмутился Пашка и вскочил на ноги. — Я вызываю тебя на поединок.

— Чего? — удивился троглодит.

— Мы будем биться с тобой на дубинках до полной победы! — заявил Пашка.

— Да я тебя одним ударом... как лягушонка!

— А вот попробуй. Сейчас я пойду в лес, сломаю сук покрепче, сделаю дубину — тогда держись!

И Пашка направился к выходу из пещеры.

Как вы понимаете, он меньше всего думал о дубинах — Пашка хотел убраться подальше от этой пещеры и троглодитов, отыскать в лесу машину времени и вернуться домой. Фильм уже есть. А что еще делать человеку в первобытной эпохе?

Но Тигр оказался проворнее Пашки. Одним прыжком он перекрыл выход из пещеры и приказал:

— Делай огонь! Нет огня — нет жизни. Смерть.

— Слушай, — сказал Пашка, — мы с тобой так славно охотились. Не надо этих угроз. Ну какие могут быть ссоры между охотниками? Мы с тобой еще мамонтов будем стрелять.

— Работай, — сказала Мама.

Пашка присел на корточки.

Пути назад не было.

Будущее окрасилось в черный цвет.

Пашка несильно ударил кремнем о кремень. Даже искры не получилось.

Как же сбежать?

И тут он услышал знакомый голос противной старухи, которая до тех пор скрывалась в темноте.

— Ах, Седой, Седой! — сказала она, склоняясь над ним. — Разве такие кремни родят огонь? Тебе дали плохие кремни.

— А ты иди, Туча, иди, не мешай! — выкрикнула Мама.

— Нет, — возразила старуха. — Седой — великий охотник. Он может вернуть огонь. Смотрите.

Она скрылась в темноте, затем вернулась, протянула Пашке пучок сухой соломы и приказала, словно была вождихой племени, а не последней, никому не нужной старухой:

— Бей кремнями! Бей! Пусть будут искры.

Пашка послушался и изо всех сил ударил кремнем о кремень. Посыпались искры. И тут же в руках у старухи вспыхнул пук соломы.

— Ой! — воскликнули троглодиты. Они убедились в том, что Пашка — настоящий волшебник.

А Пашка мог бы поклясться, что в тот момент, когда он высек искры, старуха поднесла к соломе маленькую зажигалку, и именно от нее, а не от кремней огонь перекинулся на солому.

Старуха умело сунула горящий пук в угли, остальные стали быстро подкладывать сучки и сухие веточки. Через две минуты посреди пещеры уже похрустывал ветками костер — огонь ожил и вернулся к людям.

Пашка поднялся на ноги и отступил.

Ему надо было подумать.

Троглодиты хвалили его, хлопали по плечу, а дети норовили поцеловать.

— Будь моим мужем, — сказала Ура.

— Нет, — сказала Ора, — он будет моим мужем.

Девицы вцепились друг дружке в волосы, и тут Пашка услышал, как старуха прошептала:

— Слушай меня внимательно: уходи из пещеры, как только я дам знак. — И закричала громче всех: — Эй вы, недостойные люди! Великий охотник Седой обижен на нас. Он

уходит от нас туда, где текут чистые реки и поднимаются снежные горы. Духи леса и гор призывают его. Мы не достойны такого героя.

Старуха сделала Пашке знак, и он, не оглядываясь, пошел к выходу.

Он понимал, что старуха права, но ему так хотелось обернуться, пожать всем руки, пообещать, что он снова к ним приедет, и тогда они славно поохотятся. Но нельзя...

Сзади неслись стоны и плач.

— Прости нас, Седой! — громче всех кричала Мама. — Мы не верили тебе! Накажи нас, но не уходи.

Но Пашка, не оборачиваясь, ушел в лес.

Старуха появилась минут через пять.

— Гераскин, — сказала она с упреком, — я с ног сбилась. Ты куда из пещеры убежал, когда тебе велели огонь сторожить?

— Но я же не знал...

— Ты подвергал риску свою жизнь и всю операцию.

— Извините, — сказал Пашка, — но я такое видел! Я видел, как эвакуировали неандертальцев! Я разгадал великую историческую тайну!

— Пашка, не выдумывай глупостей, — сказала старуха.

Теперь, в лесу, она выпрямилась и уже совсем не казалась старухой, если бы не изрезанное морщинами лицо и крючковатый нос.

— Это не глупость, — возразил Пашка. — У меня фильм есть.

— Я не буду с тобой спорить. Некогда. Мне нужно довести тебя до кабины времени, отправить домой и вернуться в пещеру, пока они не решили, что я совсем пропала.

— Так вы из Института времени?

— А ты что думал, мы детей отправляем в прошлое без страховки? Как ты мог убедиться, здесь не шутят. Еще немного — и тебя бы съели!

— А у вас зажигалка?

— Паша, не задавай глупых вопросов, останешься живым в первобытной эпохе.

Они не успели устать, как оказались перед лесом, в котором скрывалась кабина времени.

— А как вас на самом деле зовут? — спросил Пашка.

— Агент-спасатель Института времени Елена Простакова, — ответила старуха, которая совсем уже не была похожа на старуху — просто загримированная девушка, — но, если мы с тобой встретимся в нашем времени, можешь звать меня Леной, я не гордая.

Они добежали до кабины времени.

— Лен, а Лен! — взмолился Пашка. — Ты будешь отчет писать?

— Если Ричард спросит, напишу, — ответила Лена.

— Ты скажешь, что я практику завалил?

— Ты сам ему покажешь свой фильм. И в школе покажешь. Там и решат.

— Значит, ты про меня ябедничать не будешь?

— Что за слово такое глупое! — возмутилась Елена Простакова. — За нами, агентами Института времени, такого никогда не водилось.

— А тебе не страшно туда возвращаться? — спросил Пашка.

— Нет, я привыкла. Они неплохие люди. Только скучно бывает и очень плохо без шампуня.

Это Пашка понимал.

Но вот и кабина времени. Пашка вошел в нее.

— А вообще-то говоря, — сказала Лена Простакова, горбясь и понемногу вновь превращаясь в первобытную старуху, — ты неплохой парень. И вел себя нормально. Иногда тебя заносило... Но кого из нас не заносит!

Глава четырнадцатая

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Зачет по практике у Пашки приняли, хоть и сделали ему выговор за вмешательство в первобытные дела.

Зато его фильм, и особенно та часть, которая касалась неандертальцев, произвел сенсацию — посмотреть прибегали из всех отделов.

Но что удивительно — те кадры, где был Немо-Ной и его

корабль, и кадры, снятые из корабля, не получились. Все обесцвечено, списано, стерто, смыто.

Так что Ричард и академики, которым Пашка рассказывал об эвакуации неандертальцев, поверили не до конца. Вернее, совсем не поверили. Это звучало так:

— Очень интересно, но ты ведь, Гераскин, известный фантазер!

Самое обидное — не поверили друзья: Алиса и Аркашка Сапожков.

— Погодите, — говорил Пашка, — вот прилетит Немо-Ной, он обещал. Тогда вы по-другому запоете.

Но Пашка и сам в это не верил. Прошло тридцать тысяч лет. Даже такой долгожитель, как Немо-Ной, вряд ли столько проживет.

Так бы эта история и закончилась, если бы не одно событие. Через девять дней после возвращения Пашки с практики в школе шел урок литературы. Ученики пятого класса репетировали трагедию Шекспира, которая называется «Отелло». Там один мавр задушил свою жену.

Случилось так, что за полчаса до репетиции у Маши Белой начался страшный насморк — а как известно, это последняя болезнь, с которой не смогли справиться к концу двадцать первого века. Прилетела «Скорая», Машу отправили в больницу, и репетиция грозила сорваться, потому что никто в классе, кроме Маши, не знал роли Дездемоны. И тогда учитель литературы Леопольд Модестович поглядел на Пашку, вздохнул и сказал:

— Я не хочу тебя обидеть, Гераскин, но ты ведь знаешь наизусть все трагедии Шекспира...

— Точно, — согласился Пашка, — в прошлом году я их выучил на спор с Джавадом Рахимовым, который проиграл мне на этом восемь порций мороженого.

— Значит, — сказал Леопольд Модестович, — ты должен пожертвовать собой ради коллектива.

— Только не это! — закричал Пашка. — Вы же обещали, что не будете давать мне женских ролей. Я не девчонка!

— Пашенька! — взмолился учитель. — Ты же понимаешь, что это только на репетицию. А к спектаклю Маша выздоровеет.

— Пашка! — хором завопили ученики пятого класса. — Не подводи!

— Пускай Алиса Селезнева по книжке прочитает текст, — предложил Пашка.

— Это очень интересно, — сказала Алиса, которая тоже только что возвратилась с исторической практики. — Как ты представляешь? Джавад будет меня душить, а я буду читать текст по книжке?

Когда все отсмеялись, Пашка махнул рукой — на что не пойдешь ради товарищей! — кое-как влез в белое платье Дездемоны, напялил парик с жемчужной ниточкой и стал ждать, когда войдет взбешенный муж Отелло.

Муж Отелло, то есть намазанный черной краской Джавад Рахимов, вошел решительными шагами и стал размахивать платочком, который потеряла Дездемона. И вот когда Джавад спросил грозным голосом: «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» — открылась дверь и вошел невысокий плотный человек в яркой форме комиссара Интергалактической полиции. На голове у него была фуражка с перекрещенными кометами, из-под которой выбивался непокорный чуб.

— Простите за вторжение. Меня зовут комиссар Милодар, — сказал он. — И еще простите, что сорвал репетицию бессмертной трагедии Шекспира «Гамлет».

Никто не улыбнулся, потому что все знают, какая сложная жизнь у комиссаров Галактической полиции — тут можно Шекспира и с Дюма спутать.

— А ты, девочка, лежи, лежи, — обратился он к Пашке. — Я мигом. Задам вопрос, и вы, молодой человек черного цвета, можете додушить свою невесту.

Все ждали, что будет дальше. Джавад так и замер над Пашкой, легонько сжав черными руками его горло.

— Разыскивается один человек, — сказал Милодар. — После двух недель безустанных поисков следы привели меня в вашу школу. Не бойтесь, признавайтесь сразу, хуже уже не будет. Кто из вас Гераскин Павел?

Павлу стало неприятно. Его впервые разыскивала Галактическая полиция. Но так как все посмотрели на него, а Джавад посильнее сжал пальцы, то Пашка прохрипел:

— Это я Гераскин.

— Вы, девочка, — сказал комиссар Милодар, — не волнуйтесь. Ваша песенка спета. И я сюда пришел не шутки шутить.

Тут Пашка понял, что его вот-вот задушат, с трудом вырвался из лап Джавада и отпрыгнул в сторону.

— Я и есть Гераскин! — крикнул он. — Это я играю роль Дездемоны.

— Судя по голосу, возможно, — согласился комиссар. — А переодеться ты не мог бы?

— А чего мне переодеваться? — Пашка стянул через голову белое платье несчастной женщины и остался в джинсах и майке.

— Вот так-то лучше, — одобрил Милодар. — Тогда поехали в Кремль. Тебя ждут.

— В Кремль?

— Только придется надеть что-нибудь попраздничней, — сказал Милодар и показал на Аркашу Сапожкова, который стоял рядом в средневековом костюме — Аркаша играл мерзавца Яго. — Поменяйся одеждой с этим мальчиком.

— Еще чего не хватало! Одно дело, когда надо мной смеются в классе, а другое дело — в Кремле. И вообще, скажите, пожалуйста, что я такого сделал, что меня арестовывает Галактическая полиция и везет неизвестно куда?

— Вас не арестовывают, молодой человек... или девушка, я уж не знаю, как у вас в школе решили.

— Павел Гераскин почти отличник, — вмешался Леопольд Модестович, видно, желая взять Пашку под защиту, но Милодар только отмахнулся.

— Если не хочешь торжественно одеваться, не надо, — сказал он. — Но хоть куртка какая-нибудь есть у тебя с собой?

Пашка накинул куртку. Ребята пошли проводить его до выхода из школы, и хотя Милодар поклялся, что с Пашкой ничего плохого не случится, они все же беспокоились.

Спецфлаер со спецультразвуковой сиреной как молния промчался над Москвой и через несколько минут опустился на площади перед Кремлевским Дворцом.

Милодар с Пашкой поднялись на второй этаж. Часовые отдавали им честь.

Они прошли коридорами и залами. Милодар молчал, потому что он привык иметь дело с секретными поручениями.

Наконец они оказались в Грановитой палате. Там, в небольшом уютном зале, сидели в креслах, беседуя, несколько человек: сам президент, с которым Пашка не был знаком, но в последних новостях видел не раз; министр по делами космических отношений — юный гений с астрономического факультета по имени Гоша Добродеев; Акулина Ивановна Коган — министр культуры и другие важные персоны. А напротив них сидели трое.

Одного из них Пашка видел девять дней назад, остальных — чуть раньше.

Первый был древний, как сама Земля, капитан Немо-Ной, которому давно перевалило за пятьдесят тысяч лет. По обе стороны от него сидели те два неандертальца, которых Пашка встретил в бассейне перед путешествием в прошлое.

Пашка держал себя в руках — все-таки он не в школе. Вежливо поздоровался с президентом, пожал руку Гоше, а министр культуры поцеловала Пашку в щеку.

Пашка подошел к капитану Немо-Ною. Он был рад его видеть.

— Здравствуйте! — воскликнул он. — Вот уж не думал, что вы так скоро приедете!

— Ты ошибаешься, Паша, — сказал последний берендей. — Прошло больше тридцати тысяч лет со дня нашей встречи...

— Ну конечно же, — спохватился Пашка. — А кажется, что это было вчера.

Президент отпустил комиссара Милодара, а Пашке предложил сесть в кресло и съесть пирожное. В итоге Пашка незаметно съел пять, но никто не обратил внимания — разве в Кремле считают пирожные?

Президент стал расспрашивать Пашку о том, как проходила историческая практика и как потом Гераскину никто не поверил. Все смеялись, а капитан Немо-Ной сказал, что Паша — смелый мальчик.

— Так, значит, ваш опыт удался? — спросил Пашка.

И тогда заговорил один из неандертальцев, тот самый, который плавал с Пашкой в бассейне.

— Теперь мы — равноправные граждане Галактики, — сказал он. — У нас была сложная история, но мы смогли стать грамотными и даже сами изобрели космические путешествия. И за все это мы благодарны капитану Немо-Ною.

— А я сначала даже испугался, — смущенно признался Пашка. — Когда увидел вас в бассейне. Я думал, тут какая-то тайна.

— Никакой тайны — просто официальный визит с одной планеты на другую. Мы с моим коллегой, — он показал на второго неандертальца, — руководим Академией наук и Управлением культуры. А капитан Немо-Ной — наш почетный консультант.

Оба неандертальца были одеты в черные костюмы и такие белоснежные сорочки, что Пашка устыдился своего не слишком опрятного вида — словно он и есть настоящий дикарь в обществе культурных людей.

Доедая пятое пирожное, Пашка поинтересовался:

— А древние животные у вас остались?

— Кого вы имеете в виду? — спросил первый неандерталец.

— Он имеет в виду мамонтов, — улыбнулся Немо-Ной. — Ему так хотелось на них поохотиться!

— Ни в коем случае! — воскликнул второй неандерталец. — Они же занесены в Красную книгу и охраняются в заповедниках. Надо беречь природу.

— Правильно, — согласился Пашка.

А когда они прощались, первый неандерталец спросил Пашку, не раздумал ли тот переписываться с его дочкой. Пашка сказал, что, конечно, не раздумал, и тогда неандерталец дал ему живой портретик очень хорошенькой неандерталочки.

Пашке захотелось с ней познакомиться, но для этого ему еще придется полететь на планету неандертальцев.

ЧУЛАН СИНЕЙ БОРОДЫ

Глава первая

ЗАДАНИЕ ДЛЯ АЛИСЫ

Через сто лет в Москве будет построен Институт времени. В нем поставят временные кабины. Если ты войдешь в кабину и нажмешь все нужные кнопки, то окажешься в такой же кабине, только в далеком прошлом. Конечно, все не так просто — в институте стоит один из самых сложных и умных компьютеров во Вселенной, там трудятся молодые и старые специалисты — профессора, доктора, старшие научные сотрудники, средние научные сотрудники и начинающие научные сотрудники.

В институте таятся не только машины времени, там есть множество лабораторий и мастерских, учебных центров и медицинских кабинетов, там служит вахтером бывший пират Сильвер Джонович, а помогает ему старый попугай, там есть буфет, в котором всегда выкипает кофейник, кабинет директора и шесть кабинетов академиков, роботы-охранники, которые обычно стоят выключенные в подвале, и много чего еще...

— Например, вчера, — сказал Алисе Селезневой Ричард Темпест, средний научный сотрудник института, ее большой друг, с которым ей приходилось попадать в невероятные переделки, — наш новый директор обходил комнаты, залы и подвалы и попал на склад.

Они вчетвером сидели в комнате Ричарда и пили чай: Алиса, Ричард, вахтер Сильвер и Пашка Гераскин, недавно возвратившийся с исторической практики, где разгадал тайну исчезновения неандертальцев. А так как еще не все наши читатели прочли повесть о путешествии Пашки в каменный век, придется объяснить: неандертальцы — это древние, дав-

но вымершие люди, похожие не только на нас, но и на обезьян.

Пашка, Алиса и два сотрудника Института времени пили чай и обсуждали очень важную проблему: где Алисе проходить историческую практику? Какую бы историческую тайну ей разгадать?

Почти все одноклассники Алисы свои задания выполнили. Пашка Гераскин уже разузнал, куда делись неандертальцы, Аркаша Сапожков сильно помог науке, раскрыв тайну исчезновения динозавров, только Алиса до сих пор не могла решить — куда ей полететь? Что ей разгадать?

Сначала она решила открыть Америку. Ну конечно же не открыть, потому что Америку уже открыли без нее, но узнать наверняка, кто же это сделал? Говорят, что не Колумб, а викинги за много лет до Колумба. Алиса решила было отправиться с викингами на ладье в долгое путешествие через океан, но в последний момент все сообразили, что на ладьях викингов не бывало девочек. Не брали они их с собой.

У Алисы голова кругом шла, ее папа, мама и симферопольская бабушка ночей не спали, межпланетный археолог Громозека каждый день вспоминал исторические тайны, но, к сожалению, из истории своей планеты.

Спокойнее всего к этой ужасной проблеме относился Ричард Темпест.

— Нет тайны? — говорил он. — Отыщется. Сама придет. Ты только ее не торопи.

— Но где, где я ее буду искать?

И вот Ричард придумал, где искать историческую тайну.

Он позвонил с утра Алисе и сказал:

— Чтобы в двенадцать была у меня в кабинете. Есть идея.

— Слушаюсь! — ответила Алиса.

— Ты с кем так говоришь? — спросил Пашка Гераскин.

— С Темпестом. Зовет к себе. Есть у него идея.

— Возьми меня с собой, а то делать нечего, — сказал Пашка. — Посижу с умными людьми.

Он стал немного задаваться после путешествия к неандертальцам, почувствовав себя почти настоящим ученым.

И вот они уселись в кабинете Ричарда, вахтер Сильвер,

стуча деревянной ногой, принес помятый чайник с кипятком, верно служивший ему еще на пиратском корабле, заварил чаю и, пока тот настаивался, сказал Ричарду Темпесту:

— Начинай, молодой человек, выкладывай свою бессмертную идею.

Глаза у старого пирата были хитрыми, а его попугай качался на лампе под потолком и повторял:

— Опасность! Грррозная опасность справа по борррту... пли!

— Идея очень простая, — сказал Ричард. — Конфету хочешь, Алиса?

— Нет, спасибо.

— А я хочу, — признался Пашка. — Но не для себя, а для попугая.

— Чепуха! — сказал попугай.

— Он с утра арбуз склевал, — сказал пират.

— Ах! — откликнулся попугай и перевернулся вниз головой.

Пират разлил чай по чашкам.

— Идея, конечно, моя, — сказал он. — Но ответственность берет на себя Ричард Питерович. Выкладывай, научный сотрудник.

— Новый директор, — сказал Ричард, — попал вчера на склад и остался недоволен тем, как хранятся у нас некоторые предметы, привезенные из экспедиций в прошлое. Ведь институт существует не первый год, каждая экспедиция что-нибудь да привозит. Только часть добычи нужна ученым. Об этих вещах пишут статьи и защищают диссертации. Остальное складывают до лучших времен.

— Ну и пылища там у вас! — сказал Пашка.

— Пылищи там немного, — возразил Ричард. — Все склады герметически закрыты, и все находится под контролем телекамер. А вещи на наших складах лежат весьма любопытные.

— И что же вы предлагаете Алисе? — спросил Пашка, который никому не даст Алису в обиду.

— Я предлагаю ей отыскать свою историческую тайну в

нашей кладовой. Директор велел привести все в порядок за три дня. А у нас кто в отпуске, кто в экспедициях — сама знаешь. И я подумал...

— Это я подумал, — перебил Ричарда старый пират. — Пускай девочка полазит по чулану Синей Бороды. И нам поможет, и себе пользу принесет.

— А вы ручаетесь? — спросил Пашка. — Что будет польза?

— Если ты хочешь помочь подруге, — сказал пират, — залезай в чулан и трудись! Мы тебе тоже спасибо скажем.

— И не мечтайте! — возмутился Пашка. — Я уже прошел историческую практику, разгадал свою тайну, и теперь у меня каникулы. Вы мне лучше скажите, почему складские помещения научного института назвали чуланом Синей Бороды? Да знаете ли вы, кто такой был Синяя Борода и что у него таилось в самой маленькой комнате?

— Трупы! — крикнул с потолка попугай. — Трррупы! Несчастные жены кончили дни от злодейских рук герцога.

— Вот именно, — сказал Пашка. — Ты понимаешь, Алиска, куда они тебя толкают?

— Во-первых, — сказал Ричард, — Синяя Борода — это выдумка сказочника Перро. Во-вторых, складские помещения научно-исследовательского института обходятся без трупов несчастных женщин. Просто в склады посторонним входить нельзя — ведь там лежат ценные, уникальные, древние предметы. Поэтому на двери кое-что написано.

— Что? — спросил Пашка.

— Алиса согласится поработать, пойдет и сама увидит.

— Отлично, — обрадовался Пашка. — Значит, без меня.

А Алиса подумала, может быть, идея пирата совсем не такая глупая. Ты ведь никогда не знаешь, почему разгадала задачку? Весь вечер мучилась, а утром проснулась — задачка уже сама в голове решилась! Да и интересно поглядеть, чего там натащили сотрудники Института времени из экспедиций.

Они допили чай, поговорили о разных вещах. Пашка сомневался — у него на физиономии было написано, что он разрывается между желанием забраться на склад Синей Бороды и другими своими делами. В конце концов он попрощался и убежал, сказав, что как-нибудь заглянет. А Алиса позвонила домой, чтобы ее не ждали к обеду, чем расстроила робота Полю.

Глава вторая

БАБУШКА — ТУТ КАК ТУТ!

У Селезневых тогда гостила симферопольская бабушка, бывшая иллюзионистка, отчаянной отваги пожилая женщина, маленькая, смирная на вид. Но домашний робот Поля вчера вечером, когда она уже улеглась спать, пришел к Алисе и зашептал ей на ухо:

— Алиса, я тебя предупреждаю, твоя бабушка — хулиганка. Самая настоящая хулиганка.

— Почему ты так решил? — сонно спросила Алиса.

— Во-первых, я видел, как она ходит на руках.

— Поля, — возразила Алиса, — моя бабушка — пожилой, даже старый человек. Ей приходится заботиться о своем здоровье. Некоторые бегают по утрам, а бабушка — ходит на руках по своей комнате. Разве это плохо?

— Пускай ходит! — шепотом завопил робот Поля. — Пускай крутится на кухне у меня под ногами и уверяет, что умеет лучше меня печь оладьи! Пускай не вытирает ног, приходя с улицы! Пускай поет по ночам пиратские песни! Но только не это...

И тут в коридоре послышались четкие, звонкие шаги бабушки, которая всегда ходила в сапожках на квадратных каблучках и не признавала домашних шлепанцев.

— Зачем сплетничать? — спросила она. — Я понимаю еще, когда сплетничают люди, но когда сплетничает банальный домашний робот — это никому не делает чести. Наверное, пора такого робота списывать и найти новую, совершенную систему. Кстати, в Симферополе делают такие роботокомплексы, которые находятся под ковром и никому не мешают жить своими ночными жалобами.

— Ах! — сказал робот Поля. — После всех лет... Я качал на коленях эту девочку!

— Сомневаюсь, — отрезала бабушка, — чтобы кто-нибудь разрешил качать младенца на жестких пластиковых коленях.

— Подтверди, Алиса! — взмолился робот.

— Я думаю, что Поля говорит правду, — вступилась за робота Алиса. — Правда, я не помню, как это было.

— Все, — сказал робот. — Ухожу на переплавку.

И ушел.

Алиса сказала:

— Бабушка, ну зачем ты так обращаешься с нашим Полей? Он же может подумать, что ты говоришь серьезно.

— Робот, который не знает разницы между серьезными словами и шуткой, обречен на то, что его заменят подковерной машиной, — ответила бабушка. — Кстати, что он имел в виду?

— Когда?

— Когда сказал, что он мне чего-то не может простить.

— Спроси у него сама, — сказала Алиса. — Мне так спать хочется! А завтра мне к Синей Бороде идти.

— Честное слово? — спросила бабушка.

Она была умная, заслуженная, но доверчивая. Другая бабушка сказала бы: «Ты что, Алиса, выдумываешь глупости!» А симферопольская бабушка спросила:

— А мне нельзя к Синей Бороде?

— Зачем? — спросила Алиса.

— Чтобы меня тоже убили, — ответила бабушка и засмеялась серебряным смехом. — И я буду лежать среди ненужных вещей в чулане, такая красивая и стройная. Ну, сознавайся, Алиса, куда ты собралась?

— Завтра, — сказала Алиса. — Завтра все узнаешь, бабуся.

Бывают упрямые бабушки, но бывают и упрямые дети, и еще неизвестно, кто упрямее.

Бабушка вздохнула и ушла к себе, а робот Поля через минуту заглянул в дверь и прошептал:

— Ну и здорово же ты отбрила эту провинциалку!

Наутро за завтраком бабушка спросила:

— Ты обещала мне рассказать про страшную опасность, которая тебе угрожает!

Представляете, если так скажет приезжая бабушка, когда вы завтракаете с папой и мамой!

Мама от испуга выронила чашку и разлила кофе, папа скомкал газету — он выписывает старинную бумажную газету, так как считает, что настоящий мужчина не должен забывать о печатном слове.

— Воистину хулиганка! — сказал робот Поля, который вроде бы смотрел в сторону.

— А ну, — сказал папа, — признавайся, Алиса, что ты еще придумала?

— Я сегодня работаю в Институте времени, — ответила Алиса. — А про Синюю Бороду — это шутка, и бабушка тоже шутит, правда?

— Если возьмешь меня с собой, — сказала бабушка, — тогда не буду ябедничать.

— И все-таки, старые и малые, расскажите, — попросила мама.

И тогда Алиса рассказала о том, как новый директор Института времени велел привести в порядок склад трофеев, которые привезли из экспедиций сотрудники института. А Ричард Темпест предложил Алисе поработать на складе, потому что Алиса до сих пор не придумала, куда отправиться на историческую практику и какую бы мировую тайну разгадать. Вот Ричард Темпест и надеется, что в кладовке Алиса может натолкнуться на какую-нибудь старинную вещь или рукопись — мало ли что может подсказать Алисе хорошую идею? Посмотрит она на вещь и скажет: вот именно туда я и хочу полететь!

— А ты не заразишься? — спросил робот Поля, который стоял в дверях и слушал рассказ Алисы. — Ведь ты только представь, откуда они притащили всю эту дрянь! Это же сплошные микробы и паразиты!

— Нет, — уверенно ответил папа Селезнев. — Я знаю, что в Институте времени все вещи, даже самые микроскопи-

ческие, которые попадают к нам из прошлого, очень тщательно дезинфицируются.

— Простите, я не поняла ни слова, — сказала бабушка. — Что это значит?

— Это значит, что их моют, скоблят и чистят, — объяснил робот.

— Значит, опасности нет? — спросила мама.

— Опасности нет, — ответил профессор Селезнев, — но это еще ничего не значит, потому что твоя дорогая доченька конечно же найдет опасность, приключения и совершенно немыслимые вещи в этой кладовке. Недаром склад зовут комнатой Синей Бороды.

— Не комнатой, а чуланом Синей Бороды, — поправила Алиса. — Но это шутка. Конечно же там нет ни одной убитой жены.

— И все же я пойду вместе с тобой, — сказала бабушка. — Мне все равно сегодня делать нечего, я в музей собиралась, а теперь лучше посмотрю, что же тащат из прошлого работники Института времени.

Честно говоря, Алисе не очень хотелось, чтобы кто-то с ней шел. Бывают приключения, которые лучше переживать в одиночестве, но родители обрадовались, что бабушка пойдет с Алисой, и она не решилась отказаться от бабушкиного общества.

Так что Алиса явилась в Институт времени в сопровождении маленькой, скромной и почти незаметной бабушки.

Вахтер Сильвер сидел за столом на входе в институт и принимал свою утреннюю дозу ямайского рома. В руке он держал серебряный стакан, который ему подарил капитан Дрейк. А если вы не знакомы с капитаном Дрейком, то ничего не знаете о пиратах.

— Доброе утро, — сказала Алиса. — Я пришла работать.

— Каррамба! — крикнул с потолка попугай, который, как всегда, качался на люстре. — Что за девочка с тобой?

Тут пират тоже увидел бабушку.

— Ты кто будешь Алисе? — спросил он.

— Простите, — произнесла бабушка робким голоском, — я буду двоюродной бабушкой вашей подруги Алисы. Приехала навестить ребенка и узнала, что вы заставляете крошку трудиться в пыльном чулане.

— У нас нет пыли, — сказал Сильвер.

Он вытащил из ящика стола подзорную трубу и уставился на бабушку. А так как он сидел недалеко, то труба уткнулась бабушке в нос.

Бабушка чихнула и отмахнулась, отчего труба превратилась в букет фиалок. Пират Сильвер пытался смотреть на бабушку через букет фиалок и ничего не видел.

— Чепуха какая-то, — сказал он, — опять труба засорилась.

Он отвел руку от глаза и увидел, что у него в руке вовсе не труба, в страшном гневе отмахнулся от букета, и тот полетел по воздуху. Но попугай успел слететь с люстры и подхватить букетик на лету. Он поднес его бабушке, бабушка приняла букетик и сказала попугаю:

— Вежливая птичка. Хорошо воспитана. Где дрессировались?

— Любимый ученик клоуна Дурова, — поклонился попугай.

Сильвер пришел в себя и загрустил:

— Вот этого от тебя, птица, я не ожидал. Честный пират, всю жизнь провел на мачте, а оказывается — любимый ученик!

— Судьба, — ответил попугай и взлетел на люстру.

Бабушка снова превратила букетик в подзорную трубу и протянула пирату.

— Проводите нас, пожалуйста, в чулан, — сказала она. — Не будем тратить времени зря.

Пират сдался, вызвал среднего научного сотрудника Ричарда Темпеста, и бабушка с Алисой пошли на склад.

Они шли по длинным коридорам института, перед ними летел попугай, который показывал дорогу.

Порой им встречались сотрудники института. Они спешили по своим делам. Некоторые были одеты в камзолы, тоги или мундиры прежних эпох, другие спешили в компьютерные залы, пошивочные мастерские, лингвистические, то есть языковые, кабинеты, мастерские или в библиотеку.

Глава третья

УПРЯМАЯ САМОБРАНКА

Чулан Синей Бороды нашелся в подвальном коридоре, почти в туннеле. Им пришлось пройти мимо множества закрытых дверей со строгими надписями: «Не входить!», «Проходите мимо!», «Один мальчик сюда зашел, его до сих пор ищут!»

— Шутники! — крикнул попугай на лету. — Аспиранты-второгодники!

— Попугай прав, — вздохнул Ричард Темпест. — Прислали к нам студентов и аспирантов на практику, а среди них — восемь второгодников. Собираю я их на занятие — нет второгодников! Где второгодники? А они, оказывается, без спросу отправились в прошлый год и перестали быть второгодниками. Шестерых удалось обратно вернуть, а двое так и остались в прошлом времени и не хотят возвращаться. И все безобразия в институте — их рук дело.

— И что же дальше будет? — спросила Алиса. — Они что, всегда будут теперь в прошлом году?

— Они письмо нам прислали, — сказал Ричард. — Требуют, чтобы их на следующий курс перевели без экзаменов. А то будут и дальше хулиганить.

— А как? — спросила Алиса.

И тут откуда-то сверху с потолка раздался громовой голос:

— А тааак!

И поперек коридора хлынул поток воды. Он вырывался из правой стены, протекал у самых ног и исчезал в левой стене.

Все остановились. И даже отступили от неожиданности назад.

Страшный хохот раздавался в коридоре.

— Но это же безобразие! — возмутилась симферопольская бабушка. — Это же дешевые трюки! С такими трюками вас выгонят за неуспеваемость из училища циркового искусства!

Бабушка смело шагнула вперед, ступила в воду, и вода

даже не забурлила. Бабушка нагнулась, окунула ладошку в воду, вынула ее и показала спутникам.

Рука была совершенно сухой.

— Неучи! — сказала бабушка. — Попались бы мне на арене, я бы вас научила элементарным фокусам.

Все прошли сквозь воду, которая только казалась, а второгодники перестали смеяться.

А дальше пошли двери простые, покрашенные кое-как, видно, сюда давно никто не забирался.

Ричард подошел к крайней двери. К ней была прикреплена табличка:

«Склад № 7
Чулан Синей Бороды
Нервных прошу не открывать!»

— Не обращайте внимания, — сказал Ричард.

— А мы и не обращаем, — ответила Алиса и посмотрела на бабушку.

— Сейчас отыщу ключ... — сказал Ричард, роясь в карманах.

— Это лишнее, — сказала бабушка и протянула вперед указательный палец.

Дверь оглушительно заскрипела и отворилась.

Оттуда потянуло пылью.

Бабушка шагнула внутрь и взмахом руки зажгла в чулане свет.

Правда, вряд ли можно было назвать склад чуланом. Это оказался большой зал, в центре которого кучами были свалены вещи, а по сторонам шли широкие полки. На них тоже что-то лежало.

— А где же мертвые жены? — воскликнул попугай и захохотал. — Ведь у Синей Бороды были жены, и он всех их убил за любопытство.

— Не знаю. — Ричард развел руками. — Совершенно не представляю, что можно отыскать на этом складе. Мертвая жена меня тоже не удивит.

— А что мы должны делать? — спросила Алиса.

Ричард сказал:

— Грузик, ко мне!

Из-за полок шустро выехал небольшой робот-тележка.

— Это ваш помощник, — сказал Ричард. — Вам надо будет разобрать эти кучи добычи и решить, что можно выбросить, а что лучше сохранить. По вашему приказу Грузик будет отвозить в музей или в библиотеку вещи, вытирать полки, размещать на них то, что можно оставить на складе. А вон там есть люк — утилизатор. Все, что вы туда кинете, превратится в пар. Я буду у себя в кабинете. Если возникнут проблемы, вызывайте меня, не стесняйтесь. Попугай тоже останется здесь.

— Я еще не решил, — ответил попугай.

Но остался.

Когда Ричард ушел, бабушка приказала Грузику:

— Отыщи-ка здесь круглый стол и, желательно, скатерть. Мы с Алисой попьем чайку. Нельзя же начинать работу, не попив чайку!

Алиса хотела сказать, что она совсем не устала и не хочет садиться за стол, когда вокруг столько интересного, но разве можно ослушаться симферопольскую бабушку?

Грузик оказался послушным, проворным, а главное, неразговорчивым роботом. Он умчался в полутьму, за полки, и оттуда послышался грохот.

Алиса хотела было побежать туда, помочь машинке, но бабушка ее остановила.

— Гремит — значит, рубит, — произнесла она загадочную фразу, и когда Алиса удивленно подняла брови, бабушка пояснила: — Помнишь, как в лесу раздавался топор дровосека?

— Помню.

— У нас то же самое. Дан дровосек, и ему дано приказание. Я верю в этого работягу.

И тут же из-за полок выехало странное создание.

Четыре согнутые деревянные ноги торчали вверх.

Конечно же, это круглый стол вверх ножками! А спиной он лежит на тележке.

Грузик выехал на свободное место и остановился.

Потом подпрыгнул так ловко, что стол соскользнул с него, перевернулся и встал, как положено.

— Славно, — сказала бабушка. — Ты меня радуешь, Грузик. А теперь пошуруй по полкам или под ними и найди какую-нибудь скатерть. Только, разумеется, чистую, не выношу пить чай на грязной скатерти.

Робот не сразу поехал выполнять приказание.

Он покачивался, словно раздумывал, потом повернулся вокруг себя и снова принялся покачиваться. Это было смешное зрелище.

И вдруг Грузик подпрыгнул и понесся вдаль, докатился до стены, уткнулся в нее и поехал вдоль, порой замирая, порой начиная копаться в старом барахле, для чего он выпускал металлические щупальца.

Бабушка тем временем принесла два стула.

— Садись, — сказала она Алисе. — Будем думать, как нам очистить авгиевы конюшни. Ты слыхала когда-нибудь про Авгиевы конюшни?

Разумеется, Алиса слышала про Авгиевы конюшни, но она была уже почти взрослой девочкой и знала, что взрослым совсем неинтересно иметь дело с очень образованными детьми. Чему тогда, простите, их учить?

Поэтому Алиса отрицательно покачала головой.

— Ну вот! — укоризненно сказала бабушка. — Простых вещей не знаешь. А об этом в учебниках пишут!

— Может, я в этот день болела? — робко спросила Алиса.

— Не похожа ты на болезненного ребенка! Думаю, что ты просто проспала.

Алиса не стала спорить.

— Значит, жил-был такой фараон, Авгий, — сказала бабушка. — В Симферополе его каждая собака знала.

— А что делал фараон в Симферополе? — удивилась Алиса.

— Девочка, не перебивай. Все фараоны родились в Симферополе. А потом некоторые поехали в другие страны. Так вот, у этого Авгия была конюшня, загаженная, паутина висит, пол немытый — и притом, ни одного коня. Представляешь? Кони сбежали. И этот Авгий полюбил одну нашу девушку, допустим, ее звали Дашей. Он хотел на ней жениться, но Даша прямо ему отрезала: пока не вычистишь свою ко-

нюшню, я не приведу в нее своего жеребца. И дала она ему один день сроку, а это совершенно нереально. Пошел тогда Авгий в школу и просит ребят: помогите! Вызвался весь класс. Ночь не спали... убрали мы конюшню. Только Даша все равно от него ускакала.

— Ты уверена, бабушка, что так все и было? — спросила Алиса.

— Абсолютно, — ответила бабушка. — Я там работала. Вместе с классом. Ты чего улыбаешься?

— Я где-то слышала, что Авгиевы конюшни были в Древней Греции, — сказала Алиса. — И очистил их Геракл. Греческий герой, который...

— Это который в львиной шкуре ходил? — перебила Алису бабушка. — Как же, знаю Геракла, его, правда, сначала звали Васей, а Геракл — это псевдоним. Он со мной в одной школе учился.

Алиса поняла, что бабушку ей не переспорить. Бабушка или разыгрывала ее, или в самом деле все перепутала.

Тут подъехал Грузик. На его спинке лежала аккуратно сложенная скатерть.

— Молодец, душка, — сказала бабушка.

Она взяла скатерть, развернула ее и взмахнула, как будто это был ковер, который она собиралась выбивать.

Поднялось облачко пыли.

Когда пыль улеглась, стало видно, что скатерть расшита розами, а посередине ее изображено озеро, по которому плавают белые лебеди.

— Какая она пыльная! — сказала Алиса.

— Пыльная, но не грязная, — уточнила бабушка. — И это большое достижение, как говорил мой напарник Пуччини-2.

Бабушка положила скатерть на стол, и получилось довольно красиво.

— А теперь, — сказала бабушка, — попрошу тебя, телега, все четыре колеса, принести нам самовар или хотя бы электронагреватель.

Грузик не шелохнулся.

Бабушка страшно удивилась.

— В чем дело? — воскликнула она. — Ты почему не подчиняешься старшим? Спеши, неси самовар, чашки, а потом я тебя пошлю в буфет за бубликами.

Грузик — ни с места!

Тут бабушка осерчала.

— Тебя, видно, давно не пороли! — сказала она роботу. — Что же, ты прикажешь мне самой идти на поиски самовара?

— Нет, — сказал Грузик.

— Ах, ты все-таки умеешь говорить! Ну и славно! Так почему ты не спешишь выполнять мое приказание?

— Потому что, — сказал робот.

Такое поведение робота может взбесить кого угодно.

— Пожалуй, наступает твой последний час! — воскликнула бабушка.

— Нет, — ответил робот.

Алиса поняла: что-то не так! Роботы так себя не ведут. Видно, бабушка чего-то не поняла. Но чего?

— В этой комнате есть самовар? — спросила Алиса.

— Да, — сказал Грузик.

— И чашки? И заварной чайник?

— Да.

— Почему ты их не несешь?

— Нет смысла, — ответил робот.

— Алиса, не мешай мне его убить! — вмешалась бабушка.

Но Алиса продолжала допрашивать Грузика:

— Я могу увидеть самовар?

— Да.

— А что я должна для этого сделать?

— Сказать, — ответил робот.

— Он издевается, — сказала бабушка.

— Здесь есть что-то волшебное? — спросила Алиса. Она знала, что взрослые не догадываются до простых вещей, когда эти вещи — волшебные.

— Есть, — сказал Грузик.

— Стол? — спросила Алиса.

— Нет.

— Скатерть?

— Да.

— Спасибо, — сказала Алиса и пригласила бабушку садиться за стол. — Я думаю, мы имеем дело со скатертью-самобранкой. С самой обыкновенной сказочной скатертью.

— Вот эта скатерть? — Бабушка показала на скатерть, которой был покрыт стол. — Что же в ней особенного? Она, может, и не скатерть вовсе.

— Бабушка, — сказала Алиса, — мы ведь можем попробовать.

— Я очень сомневаюсь, — ответила бабушка. — Хоть я и фокусница, но сильно сомневаюсь, что пищедоставка может работать тысячу лет. Там все испортится.

— А если все-таки попробовать?

— Ну хорошо, пробуй.

Бабушка сложила ручки на груди и стала ждать, когда же скатерть-самобранка заработает.

Алиса сказала:

— Скатерть-самобранка, пожалуйста, дай нам чаю с печеньем.

Ничего не случилось. Как скатерть была пустой, так и осталась.

Бабушка ехидно улыбалась, словно доказала, что Земля стоит на трех китах, а Алиса расстроилась — очень обидно сидеть за столом, покрытым скатертью-самобранкой, и не знать, как она включается.

— Наверное, есть какая-нибудь инструкция, — сказала Алиса. — Ведь ею пользовались? Ну скажи, Грузик, что-нибудь!

Грузик выпустил щупальце и потянул за угол скатерти. Там была пришпилена этикетка:

Скатерть самообслуживания с ограниченными возможностями. Потертая. Изношенная. Почти не говорящая. Взята в замке Кощея после его смерти. Возраст 30 000 лет. Приучена предыдущими владельцами к командам, которые начинаются словами: «Ах ты, дрянь! Гони на стол!»

— Вот видишь, — сказала Алиса, когда прочла надпись на этикетке, — оказывается, никакой тайны нет. Самая

обыкновенная скатерть самообслуживания. Только ты, бабушка, сама ей прикажи.

Бабушка положила кулачки на скатерть и сказала грозным голосом:

— А ну, дрянь ты этакая! Гони на стол все, что в тебе спрятано!

— А не шутишь? — проскрипела скатерть пыльным голосом.

— Вот сейчас порву тебя на пыльные тряпки! — возмутилась бабушка. — Тогда посмотрим, кто у нас шутит!

— Рады стараться! — проскрипела скатерть, и посреди нее появился самовар. Самовар был нечищеный, позеленевший, с вмятинами и даже покосившийся немного.

Поставив самовар, скатерть зашипела, как сковородка, если плеснуть на нее холодной воды. И больше ничего на ней не появилось.

— Так, — сказала бабушка. — Придется мне и в самом деле взяться за дело.

Она взяла в руку угол скатерти и сжала в кулачке.

— Ты это... того... кончай! Я скатерть вольная! — зашипела самобранка.

— Алиса, неси ножницы! — скомандовала бабушка.

И тут же на столе появились две чашки, заварной чайник с разбитой крышкой и тарелка с печеньем «Столичное».

— Ну то-то, — сказала бабушка и отпустила скатерть.

Она налила из заварного чайника заварки себе и Алисе. Поставила чашку под кран самовара, открыла кран, но из него ничего не полилось.

— Скатерть! — строго сказала бабушка. — Без шуток!

— Сейчас закипаю, — ответил самовар.

Так, с приключениями, бабушке с Алисой удалось напиться чаю.

— Интересно, — сказала бабушка, — откуда этой госпоже знать про современное печенье?

— Добрые люди подсказывают, держат меня в курсе, — ответила самобранка. — Как чай, понравился?

— Хороший чай.

— Цейлонский, — сказала самобранка, — высший сорт.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Мы и не ждали, что ты так хорошо умеешь чаем угощать.

— Так бы с самого начала и говорила! А то слово «пожалуйста» позабыли. Все «гони!» да «гони!». А вот за «спасибо» я тебе удружу.

И тут на скатерти начали появляться тарелки, миски, блюда, плошки и ковши. И чего только в них не было — и жареный гусь с яблоками, и поросенок на вертеле с розой в пятачке, и гора красных раков, и серебряная бадейка с черной икрой, и тарелка со стопкой блинов, а рядом кувшин сметаны и горшок меду. А в ковшах и ковшиках, бокалах и рюмках, в бутылках и графинах было множество всяких напитков и разного зелья.

Блюд было так много, что даже ножки у стола подкосились.

— Это еще что такое? — спросила бабушка.

— А это мое «спасибо» в ответ на ваше «спасибо», — сказала скатерть. — Вы кушайте, угощайтесь, я вам добавки дам.

— Но мы же не голодные.

— Голодные не голодные, все равно ешьте, не обижайте меня! Вы не представляете, сколько энергии приходится тратить на молекулярном уровне, чтобы все это изготовить в натуральном виде.

Алиса с бабушкой принялись за еду, чтобы не обижать скатерть, но понимали, что съесть все им не удастся.

Помог попугай — он залетел проверить, как идут дела у уборщиц, но увидел, что они сидят за царским столом.

Тут бабушка и закричала:

— Птичка, зови своего хозяина и всех сотрудников, кто свободен! Не пропадать же хорошей пище!

— Это идея! — ответил попугай. — Всех корррмим!

Так что через несколько минут в склад пришел пират Сильвер.

За ним Ричард Темпест.

Потом робот Вертер, которому пища, как вы понимаете, не нужна, но который за компанию готов переплыть Тихий океан.

Вскоре прибежала секретарша Мельпоменочка, красоты невероятной, говорят, по происхождению муха, которая когда-то влюбилась в младшего научного сотрудника института и пробралась за ним в наши дни. Но у сотрудника была жена и трое детей. Так что мухе пришлось остаться в институте.

Потом пришли вычислители. Это рабы и господа главного компьютера. Люди насмешливые и всемогущие — их слушается самый главный компьютер Земли.

Прибежали аспиранты, не те, что в прошлом году остались, а те, кто перешел на второй курс.

А потом и сам директор института пожаловал, собственной персоной. Все ели, хвалили, скатерть подкладывала, так что рабочий день в институте пропал. Вы же не станете путешествовать в прошлое, когда сыты до отвала?!

Глава четвертая

УБИТЫЙ ПОРТРЕТ

Наконец обед закончился. Скатерть-самобранка убрала с себя пустые тарелки и чашки, и они исчезли неизвестно куда. А бабушка свернула скатерть и положила ее на полку справа от двери.

На той полке лежали вещи и находки, которые выкидывать не стоит, они еще помогут науке.

— Откуда начнем? — спросила бабушка.

— Вон с того угла, — показала Алиса. — Видишь, там какая-то картина прислонена к стене. А вдруг ее написал Леонардо да Винчи?

— А что! Может быть, — согласилась бабушка. — Я как сейчас помню Леонардика, он у нас в Ялте жил, катался на водной лыже. Славный был мальчонка. И куда сгинул?

— Леонардо да Винчи — это итальянский художник, — сказала Алиса. — И великий притом.

— Значит, выучился, — вздохнула бабушка. — Он способный был мальчик. Я всегда его мамаше, Дарье Семенов-

не, говорила: вашего мальчика надо учить. Тогда он распустится, как экзотический цветок.

Алиса махнула рукой — с бабушкой спорить не стоило. Она, видно, сама плохо училась в школе — всю жизнь провела на арене цирка. Но зато у нее было несколько тысяч знакомых, и она их любила, хоть и путала между собой.

Алиса подошла к стене, разгребла папки с бумагами, отнесла в сторонку пачку книг и вынесла на свет портрет.

Портрет оказался весьма необычным.

На нем был изображен мрачного вида мужчина с густыми бровями и широкой, во всю грудь, иссиня-черной бородой.

Мужчина не улыбался.

И понятно почему — ему в грудь вонзились восемь ножей.

— Все понятно, — сказала бабушка. — Мы видим перед собой отвратительного многоженца, герцога Синюю Бороду, которого жестоко казнили его несчастные жены.

— Но ведь не его, — поправила бабушку Алиса. — А его портрет.

— В те времена это было одинаковой казнью. Вряд ли он пережил такое издевательство над его герцогским достоинством, — вздохнула бабушка. — Я думаю, он их угнетал и грозил им, что зарежет и спрячет в чулане. Женам надоело, и они казнили герцогский портрет.

— А герцог?

— Надо съездить в отдаленное прошлое, — сказала бабушка, — и узнать. Боюсь, что судьба настоящего герцога была ужасной.

Бабушка вытащила один нож из портрета.

— А может, сгоняем с тобой в Средневековье, — предложила она, — и разгадаем историческую тайну?

— Разве это тайна! — ответила Алиса. — Она же никого не интересует. Но если я буду в Средних веках, то обязательно спрошу, куда делся тот самый герцог Синяя Борода. И я уверена, что никто о нем и не знает. Чем прославился этот герцог? Открыл Америку? Изобрел чайник? Вылечил миллион человек от проказы? Нет, оказывается, он своих несча-

стных жен уничтожал одну за другой, пока сам не погиб! Такой человек не достоин, чтобы его помнили!

Бабушка вытащила ножи из портрета и положила их на стол. Ножи были кухонные, совсем некрасивые и даже не очень острые.

— Ужасный век, ужасные сердца, — произнесла она.

Алиса перешла к широкой полке с книгами. Книги и журналы стояли и лежали на полке в страшном беспорядке.

Только она собралась разбирать книжки, как дверь в чулан открылась, и вошел пират Сильвер.

Он громко стучал по каменному полу наконечником деревянной ноги.

— Ну, как вы тут без меня, девочки? — поинтересовался он.

— Чего пожаловал? — спросила бабушка. — Давно тебя не было — и пятнадцати минут не прошло!

— Я хотел попросить тебя, по дружбе, — сказал Сильвер. — Тут ведь все что угодно можно отыскать. А я бутылки из-под рома и виски собираю. Я, так сказать, коллекционер, понимаешь?

— Поняла! — сказала бабушка. — Как только я найду бутылку рома, я тут же из нее ром вылью, а пустую бутылку тебе отдам.

— Только не это! — закричал пират. — Все иначе! Не надо трудиться, не надо выливать! Я сам вылью.

— Куда же ты выльешь? — спросила бабушка.

— В глотку, моя дорогая, в глотку. Чем пропадать хорошему рому, пускай страдает моя глотка.

— Ты обыкновенный пират, — сказала бабушка.

— Не без этого...

Сильвер подошел к столу и увидел восемь ножей.

— А это вы где нашли? — спросил он.

Тут в чулан заглянул Ричард Темпест. Тоже хотел узнать, как идут дела. И тоже увидел ножи.

— А это что такое? — спросил он.

— Видите портрет? — показала бабушка на портрет Синей Бороды с дырками в пузе.

— Страшный человек, — сказал Ричард. — Бандит, наверное.

— Это не бандит, — объяснила Алиса, — а герцог Синяя Борода, который убивал своих жен, а они потом ему отомстили. Пронзили его портрет ножами.

— То есть сначала он их убил, а потом они убили его портрет? — спросил Ричард и засмеялся. — Значит, его привидения убили?

— В этом вся сложность, — согласилась Алиса.

— А откуда жены ножики взяли? — спросил Ричард.

— На кухне, — сказала бабушка.

— Посмотрите внимательно, — попросил Ричард. — На каждом ноже есть гравировка: «Столовая Института времени». Как же эти жены на нашей кухне достали ножи, если они умерли пятьсот лет назад? А ты что думаешь, Сильвер Джонович?

— Эх! — Сильвер махнул рукой. — Был грех! Тосковал я очень на ночном дежурстве. Заглянул сюда — вижу портрет. Отвратная рожа! Ну точно судья, который меня на каторгу упек. Сбегал я на кухню и казнил его по всей строгости закона.

— Вот видите, — сказал Ричард. — Одной исторической тайной стало меньше.

Глава пятая

РУКОПИСЬ ПЛАТОНА

Все разошлись. Ричард унес ножи на кухню. Сильвер пошел к себе на пост, дежурить у входа в институт. Алиса разбирала книги и журналы. А бабушка шуровала в темном углу, ей помогал Грузик — они передвигали какие-то тяжелые вещи, даже странно, как такие вещи могли поместиться в кабинке времени, как их удалось перенести из прошлого. Алиса хотела пойти посмотреть, но тут увидела в глубине свиток, видно, очень старинный, пожелтевший, перевязанный лентой. К ленте была привязана этикетка — ко всем вещам на

складе привязывали этикетки. Правила в Институте времени соблюдали неукоснительно.

Алиса прочла на этикетке:

«Часть рукописи Платона «Диалоги»
с главой об Атлантиде.

Он давал ее почитать своему другу Эмпедоклу, который не вернул ее перед отъездом в Карфаген. Просил сотрудника института возвратить рукопись хозяину, так как опасался, что у Платона нет второго экземпляра».

— Ну вот, — вслух сказала Алиса. — Тебе доверили, а ты, как пират Сильвер, думаешь только о своем удовольствии.

И тут же дверь в чулан приоткрылась, в ней появилась физиономия старого пирата. Пират прошептал:

— Что? Бутылку рома нашла? Не смей выливать!

Алиса отмахнулась, и пират исчез.

Алиса осторожно развернула свиток. Он даже скрипел от старости и ссохся так, что все норовил тут же свернуться вновь. Алиса не стала воевать со свитком, а решила прочесть его потом. Вдруг на нем написано что-нибудь неизвестное про Атлантиду. Ведь до сих пор окончательно неизвестно, где она была и почему утонула. Поэтому Алиса осторожно перенесла свиток на стол и положила с краю, чтобы не забыть.

А сама пошла к бабушке, посмотреть, что такого они нашли с Грузиком.

Оказалось, в углу лежала груда рыцарских доспехов. Бабушка с Грузиком складывали их на тележку, и потому получалось много шума.

— Странно, — сказала Алиса. — Кто мог притащить из прошлого такие трофеи?

— Я думаю, это не трофеи, — ответила бабушка. — Никто их не тащил. Наверное, их сделали здесь для своих агентов. Чтобы было во что одеться, если поедешь в крестовые походы. А то Ричард Львиное Сердце или Робин Гуд сразу угадают, что ты не настоящий рыцарь.

— А я рукопись Платона нашла, — похвасталась Алиса.

Она тут же спохватилась, что бабушка может не знать, кто такой Платон, и добавила:

— Он Атлантиду описал.

— Как же, — сказала бабушка, — когда-то я была с ним знакома.

— Не может быть! Ты не такая старая.

— Я вовсе не старая, но Платон, должна тебе сказать, был в возрасте. Он тогда как раз собирался снова Атлантику в шаланде переплывать.

— Это какой Платон? — спросила Алиса.

— Какой-какой! Платон — один. Платон Денисович Непрестайло. Бывший рыбак и большой романтик.

Разговаривая, они помогли Грузику взвалить на свою спину все рыцарские доспехи, и Алиса увидела, как за большим, в обхват, камнем блеснул металл.

— Погоди, не уезжай, Грузик, — попросила Алиса. — Там еще какая-то железка осталась.

Она нагнулась и увидела, что приняла за железку рукоять старинного меча. Она потянула меч, но он не поддался. Алиса потянула изо всех сил, но все равно без результата.

— Посторонись, — сказала бабушка. — Я даром что старенькая и маленькая, но силенкой меня Бог не обидел.

Бабушка потянула за меч, но у нее тоже ничего не вышло.

Тогда они втроем вытащили камень, из которого торчал меч, на середину комнаты.

Камень был черным, почти круглым, как неровный шар, он доставал Алисе до колен. Меч вошел в камень до половины, да так плотно застрял в нем, словно это был не камень, а кусок масла — даже гвоздь не засунешь в щель между лезвием меча и глыбой.

— Давай искать этикетку, — сказала бабушка. — Это ведь, наверное, исторический меч. Не может не быть этикетки.

Но этикетки ни на мече, ни на камне не оказалось.

Алиса с Грузиком забрались в дальний угол комнаты и стали вытаскивать оттуда сваленные на полу трофеи.

Алисе удалось отыскать и переложить на свободное место:

Зуб дракона с дыркой. То ли на дракона напал злодей ка-

риес, то ли дырку просверлил охотник на драконов, чтобы носить зуб убитого чудовища на шее...

Красную королевскую мантию, обшитую горностаевым мехом, но на ситцевой подкладке. Всем мантия была хороша, только рассчитана на карлика. Алиса подумала, что, может быть, это мантия короля гномов...

Шкатулку, в которой что-то шевелилось. Но если запустить руку в шкатулку, то поймешь, что она пустая. А если посмотришь снова — опять шевелится! На этой шкатулке была этикетка:

«Шкатулка найдена в жерле почти потухшего вулкана Попокатепетль, возможно, ее вынесло лавой из центра Земли. Там кто-то есть! Прощайте, товарищи!»

Надпись показалась Алисе очень странной, надо будет спросить о ней у Ричарда...

Потрепанную шляпу.

На этикетке было написано:

«Шляпа мореплавателя Магеллана.

Подобрана на пляже, в месте его гибели от руки туземного вождя Папу-Папу».

— Может, отдать ее пирату Сильверу? — спросила Алиса. — А то он ходит в фуражке, разве это прилично для пирата?

— Прррравильно! — закричал с полки попугай, который, оказывается, вернулся и следил за Алисой.

Попугай камнем кинулся вниз с полки, схватил крепким загнутым клювом шляпу и с трудом полетел прочь от чулана.

Но Алиса продолжала искать этикетку от меча. И вот что еще она нашла:

Кусок известняка, в котором отпечаталась видеокамера, с этикеткой:

«Ископаемое мелового периода.

Кто-то из наших посеял казенную камеру в болоте динозавров. Камера сгнила, а отпечаток остался. Гнать с работы таких простофиль!»

И еще Алиса отыскала в углу один большой сапог.

Она сразу догадалась, что это семимильный сапог, выта-

щила его на свободное место и натянула на ногу. Вся нога ушла в сапог. А можно было и две ноги туда засунуть.

— Ну, пошли! — приказала Алиса сапогу.

Сапог не обратил на приказ никакого внимания.

Алиса попыталась сделать два шага, чтобы разбудить сапог, но он был тяжелым, словно свинцовый.

— Ты чего шумишь? — спросила бабушка.

— Сапог-скороход нашла, — ответила Алиса.

Бабушка посмотрела на сапог и прочла вслух этикетку:

«Сапог русского царя Петра Великого, потерян царем во время наводнения на Неве в 1724 году».

— Да, — вздохнула Алиса. — Я бы далеко в нем ушла.

— Есть! — услышала она голос Грузика.

Он подъехал, держа в щупальце заветную этикетку.

«Меч в камне.

Принадлежал кому-то из колдунов или друидов древней Англии. Говорят, юный Артур смог вытащить его из камня и этим доказал, что он — будущий король. Найден в лесу, забытый и заброшенный. Попытки вытащить меч из камня не увенчались успехом. Волшебная сущность меча требует исследования».

— Как странно, — сказала Алиса. — Принесли и забыли. А ведь это же самая настоящая тайна!

В этот момент в дверях появился пират Сильвер Джонович.

В шляпе Магеллана.

— Приветствую и благодарю, — сказал старый бандит. — Я эту шляпу теперь с головы никогда не сниму. И знаете почему? Потому что я в ней переплыл Тихий океан и чуть было не обогнул весь земной шар.

— Это не ты, — сказала бабушка, — а Магеллан. О нем ты, может быть, до сегодняшнего дня и не слышал.

— Какое оскорбление! — обиделся пират. — Не только слышал, но и знал лично. Мы с ним славно сражались спина к спине у мачты! И не исключено, что он — это я.

— Но Магеллан погиб! — сказала Алиса.

— Кому как кажется, — возразил Сильвер. — А мне кажется, что я не погиб. Меня только приняли за погибшего и

бросили на берегу. Но добрые филиппинки меня отыскали, перевязали мои кровоточащие раны и выходили кокосовым молоком. Вот так! А те, которые не верят, будут опозорены на всю оставшуюся жизнь.

Пират Сильвер говорил басом, выпятив грудь и постукивая по полу деревянной ногой. Он уже сам верил в то, что первым обогнул земной шар.

— Хорошо, — сказала симферопольская бабушка. — Если хочешь быть Магелланом, будь им. Только скажи мне, откуда здесь взялся камень с мечом и почему его не отправили на исследование?

— Помню, — ответил Сильвер-Магеллан, — как сейчас помню. Притащила этот камень Лена Простакова. Знаете ее? Она у нас работает спасательницей. Славный ребенок. Чемпион мира по бодибилдингу, то есть по атлетическому телосложению. Притащила, и тут ее вызвали на спасение «Титаника». Был такой пароходик. Потонул. Она вернулась такая расстроенная, что пришлось отпустить Лену в отпуск. А потом, видно, начальство в институте сменилось или была реорганизация. Вот и забыли о мече в камне.

Глава шестая

МЕЧ В КАМНЕ

В чулан влетел попугай и крикнул:

— Сильвер, дружище! Там туристы из Бразилии приехали. Что делать?

— Что делать? — Сильвер заковылял к двери. — На абордаж, вот что делать!

А бабушка подошла к камню и стала его внимательно осматривать.

— Конечно, волшебные чудеса случаются, почему бы им не случаться? Но вернее всего, в этом камне есть секрет и хитрость. И мы с тобой обязательно в этом разберемся. Сначала надо открыть книгу про короля Артура и узнать, что же там происходило. Пошли в библиотеку.

Бабушка пошла по коридору в библиотеку. Перед ней

ехала тележка, которая показывала дорогу, а сзади шагала Алиса.

Библиотека в Институте времени была громадной Там находились все книги, которые надо прочесть сотруднику, отправляющемуся в прошлое, там были все учебники манер, хорошего поведения, турнирного искусства и, конечно же, словари и звуковые курсы для начинающих и кончающих временщиков. Ведь, как известно, лучшие шпионы попадались именно на акценте. Вот приходит какой-нибудь наш сотрудник в Древнюю Грецию и спрашивает.

— Кик мини прийти до Порфанона?

Конечно, он мог сделать и другие ошибки в произношении, это не так важно. Важно то, что стражник у городских ворот Афин или любой водонос настораживается и думает: «Мне кажется, этот человек — персидский шпион. Уж очень плохо он говорит по-гречески» Тогда сотрудника хватают и тащат в городской суд И приказывают ему, скажем, прочесть вслух комедию Аристофана или «Диалоги» Платона. Читает наш сотрудник и делает неправильные ударения. Ну, как если бы вы встретили у нас человека, который говорит «инженера» вместо «инженеры» или «ложить» вместо «класть». Вам такие люди встречались? Если встретятся, знайте: это все персидские шпионы, которые не выучили толком русский язык, или, в крайнем случае, сотрудники Института времени, только не русского, а китайского.

У нас таких шпионов терпят и даже избирают в парламент или правительство, а в Древней Греции с произношением было строго. Если ты коверкаешь родной язык, тебе одна дорога — на эшафот.

Робот-тележка Грузик остался за дверями библиотеки, а бабушку встретил настоящий живой библиотекарь, дон Родригес, очень похожий на Дон Кихота.

— Чем могу служить, коллеги? — спросил библиотекарь.

— Мы хотим прочитать какую-нибудь старую книгу о короле Артуре.

— Попрошу уточнить, — сказал библиотекарь, — какого короля Артура вы имеете в виду. В истории человечества было несколько королей под таким именем. Некоторые даже

прославились. Например, король бургундский Артур Бесстрашный лично переплыл Сену в полном рыцарском доспехе и утонул ближе к вражескому берегу.

— Нам нужно узнать про короля Артура, у которого был Круглый стол, а за столом сидели рыцари Круглого стола. Вы читали о таком короле?

— Разумеется. Вы имеете в виду Британию, шестой век нашей эры, у него еще была сестра .. Злобное существо, я вам скажу. И советник Мерлин. Из волшебников. Но не очень крупный. Садитесь, подождите, я вам дам книгу. Вам, наверное, интереснее читать о короле Артуре в книге?

— Да, и начать мы хотим с самого детства, — сказала Алиса.

— Тогда я вам посоветую прочитать самую знаменитую книгу о короле Артуре, называемую «Смерть Артура». Написал ее английский писатель Томас Мэлори почти семьсот лет назад. У нас есть первое издание этой книги. Кто-нибудь из вас, уважаемые дамы, умеет читать на староанглийском языке?

Алисе неловко было вылезать первой, и потому она молчала и ждала, что же скажет бабушка.

А бабушка, конечно, никакого иностранного языка не знала, но была очень гордой и не хотела в этом сознаваться.

— Принесите мне книжку, — сказала она, — но учтите, что я забыла дома очки, и если в той книжке мелкий шрифт, то мне придется вас всех разочаровать.

— Если шрифт мелкий, — успокоила ее Алиса, — то я сама постараюсь прочесть.

— Ну конечно же, конечно, внучка мне всегда поможет!

Они уселись за широкий стол, отполированный локтями и рукавами многих сотрудников института, и вскоре библиотекарь принес им большую книгу в кожаном переплете.

— А тут картинки есть? — спросила бабушка.

— Нет, она без картинок, — ответил библиотекарь. — Но все равно очень интересная Ты, девочка, читай вслух, мне тоже хочется послушать.

Алиса раскрыла книгу, от которой пахло пылью веков.

Название оказалось французским, но сам роман был написан старым, богатым, красивым английским языком.

Алиса быстро проглядела две первые главы книги. Библиотекарь сказал ей:

— О самом Артуре — с семнадцатой страницы.

Алиса рассказала бабушке, которая делала вид, будто что-то знает о короле Артуре, а на самом деле ничего не знала, о папе Артура, короле Утере, о том, как он познакомился с Артуровой мамой, а помог им познакомиться местный волшебник Мерлин. Когда же родился маленький Артур, волшебник Мерлин почувствовал, что дела короля Утера идут все хуже, да и сам король что-то разболелся.

«Ох! — подумал Мерлин. — Это может плохо кончиться для малыша». И он пошел к королю и сказал, что знаком с одним бароном, очень честным человеком. Вот к этому барону и надо отвезти малыша Артура, никому не говоря, что тот на самом деле принц. Иначе враги до него доберутся.

— Ах, какие жестокие были нравы! — расстроилась бабушка. — Мальчика убить хотели. А зачем?

Алиса не ответила и продолжала рассказ.

Тайком от мамы мальчика вынесли из города и отдали Мерлину, переодетому нищим. А тот отнес Артура к новому отцу — барону Эктору.

Дальше Алиса стала читать вслух:

— «По прошествии двух лет слег король Утер от жестокой болезни. Тогда недруги вторглись в его владения, затеяли великую войну с его войском и многих людей перебили».

Алиса читала медленно, потому что ей приходилось переводить с английского языка. В библиотеке было тихо. Даже пиратский попугай, который прилетел туда из любопытства и повис вниз головой на люстре, молчал и слушал. Алиса читала про то, как король Утер вышел на последний бой, выиграл его, но стало ему совсем плохо, три дня он пролежал, не в силах сказать ни слова, а на четвертый день Мерлин созвал всех баронов и знатных людей королевства и спросил Утера:

— Сэр, быть ли вашему сыну Артуру после вас королем над этой страной со всеми ее владениями?

Король Утер ответил:

— Пусть молится за упокой моей души и пусть по чести и по праву требует мою корону!

И с этими словами он испустил дух.

— Значит, помер, — пояснила бабушка. — Жалко короля.

Алиса продолжала читать:

— «Похоронили его, как подобало королю. После этого королевство пребывало в опасности, ибо каждый властитель, у которого было довольно войска, чаял стать королем».

— Типичный случай, — сказала бабушка. — У нас в цирке тоже так было. Скушали львы дрессировщика Грациалли, Федю Грациалли. А ведь что-то надо делать. Съехались дрессировщики, и всем хочется львов себе забрать — уж больно славные были львы.

— И не страшно им было, что львы их тоже съедят? — спросил библиотекарь.

— Профессия у них такая, — ответила бабушка.

— Простите, я попросил бы вас не отвлекаться, — произнес благородный библиотекарь. — Мне так интересно узнать, чем кончилась история короля Артура.

Он поклонился Алисе, и той ничего не оставалось, как читать дальше.

Она прочла о том, как волшебник Мерлин снова собрал всех баронов и рыцарей королевства и на глазах у них во дворе церкви вдруг появился камень, в который был воткнут меч. И вокруг лезвия вилась золотая надпись: «Кто вытащит сей меч из камня, есть по праву рождения король над всей землей английской».

Когда лорды прочли надпись, некоторые стали тащить меч из камня, но меч и не шелохнулся. Тогда его оставили в покое, но поставили возле него стражу из десяти рыцарей. Отныне каждый, кто пожелает, мог попробовать вытащить меч. Многие пробовали, но не смогли.

— «И вот в день нового года, — читала Алиса, — устроили рыцарский турнир. Бароны выехали на поле, иные — сразиться в поединке, иные — погарцевать и явить свое искусство. Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у

которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним и его сын сэр Кэй и юный Артур, которого все считали младшим братом Кэя. Незадолго до этого Кэй был посвящен в рыцари, и ему уже можно было сражаться на турнире. Но когда направлялись они на турнирное поле, сэр Кэй хватился своего меча — а он остался дома! И тогда Кэй попросил юного Артура съездить за его мечом. Артур во весь опор поскакал за мечом».

Алиса замолчала и перевела дух. Она зачиталась, ей уже казалось, что она видит мальчика Артура, который спешит помочь своему старшему брату, и слышит, как стучат копыта его коня, скачущего к замку лорда Эктора по пыльным улицам английской столицы.

— Читай, читай, не отвлекайся! — закричал сверху попугай. — Интересно ведь, разве не понимаешь?!

Алисе и самой было интересно.

И она читала о том, как Артур прискакал домой. А дома пусто! Ни души. Стучал Артур в ворота замка, стучал, но ему не открыли. Оказалось, его приемная мама и все слуги тоже поехали на турнир, только по другой дороге. Вот и не встретились. А ключа не оставили.

Артур рассердился, но что поделаешь? И тогда он вспомнил о мече, который торчит из камня на церковном дворе. Он решил: возьму я его и отдам брату, не может же Кэй остаться без меча в такой день!

— Ясное дело, — сказала бабушка, — не знал он, что меч не вытаскивается! А то бы не стал и пробовать.

— Ему забыли рассказать про заклинание Мерлина, — согласился библиотекарь.

Алиса продолжала читать:

— «Вот прискакал Артур на церковный двор, спешился и привязал коня к ограде. Рыцарей возле меча не было, потому что они все отправились на турнир. Артур ухватил меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул его из камня, сел на коня и поскакал на турнирное поле. Он подъехал к брату Кэю и протянул ему меч. Кэй сразу узнал в нем тот меч, который торчал из камня на церковном дворе... Ничего не сказал Кэй Артуру, а поехал к своему отцу сэру Эктору и произнес: «Смотрите, отец, вот меч, что торчал в камне, и потому мне быть королем над этой страной!»

— Вот это безобразие! — возмутилась бабушка.

— Позоррр, позоррр! — кричал попугай.

— Да, настоящие рыцари так не поступают, — согласился с ними библиотекарь, который читал все книжки про рыцарей и знал, как они поступают.

— Подождите, — сказала Алиса. — Все не так просто. Дайте мне дочитать.

— Алиса права, — сказал библиотекарь.

— «Сэр Эктор, — стала читать Алиса дальше, — вскочил на коня и поскакал к церкви. За ним поскакал Кэй. Эктор поглядел на камень и убедился в том, что меча там нет. Тогда он вошел в церковь и приказал своему старшему сыну поклясться на священной книге Библии, что тот сам добыл себе меч. Кэй опустил голову и ответил, что на самом деле его принес Артур.

— Как же ты достал этот меч? — спросил приемный отец Артура. И когда Артур рассказал ему, как было дело, сэр Эктор сказал: — Вижу я, что быть тебе королем над этой землей.

— Почему? — спросил Артур.

— Только тому человеку дано вытащить меч из камня, кто будет законным королем над этой страной. А теперь посмотрим, сможешь ли ты засунуть его обратно и вытащить еще раз.

— Дело немудреное, — молвил Артур и снова засунул меч в камень.

Попробовал вытащить его сэр Эктор, но тщетно. Тогда он сказал старшему сыну:

— Попытайся и ты.

Кэй потянул изо всей силы, но ему не дано было преуспеть.

— А теперь тащи ты, — сказал сэр Эктор Артуру.

— Охотно, — ответил Артур и вытащил меч с легкостью.

И тут опустился сэр Эктор на колени, а с ним и сэр Кэй...»

Алиса закрыла книгу и сказала:

— Мне кажется, что все ясно. Остался пустяк.

— Какой пустяк? — спросил библиотекарь, который еще не знал, что тот самый заколдованный меч лежит в нескольких шагах от него в чулане Синей Бороды.

— Осталось проверить, та ли самая надпись на нашем камне, — сказала бабушка. Она была очень догадливой старушкой.

И они поблагодарили библиотекаря, а потом отправились все вместе обратно в чулан.

Там они внимательно осмотрели меч и увидели, что на камне вокруг лезвия мелко написано на старинном английском языке:

«Кто вытащит сей меч из камня, есть по праву рождения король над всей землей английской».

— Грузик, — попросила бабушка, — ты можешь вытащить меч?

— Я же не король Артур, — разумно ответил робот-тележка.

— Меня не интересует история и прочие сказки! — рассердилась бабушка. — Я хочу понять, какая нужна сила, чтобы вытащить меч. Имеем ли мы дело с особенно сильным мальчиком или это все-таки фокус.

— Или волшебство, — добавила Алиса.

— Волшебство — это фокус! — ответила бабушка. — А ты, Грузик, принимайся за работу!

— Погоди! — закричала Алиса. — Не спеши. А вдруг ты меч поломаешь? Ты же робот, а не человек, сколько в тебе лошадиных сил?

— Про лошадиные силы не скажу, — ответил Грузик, — но с танком бодаться приходилось. В мою пользу.

И Грузик, выбросив из себя два длинных стальных щупальца, схватился за рукоять и потянул вверх.

И случилось вот что.

Меч остался в камне, но сам камень весом, наверное, с полтонны поднялся в воздух.

— Все! — приказала Алиса. — Опыт закончен. Победил Грузик.

— Я тоже так думаю, — сказал робот и грохнул камень на пол.

— А может, он приржавел к камню, — предположила бабушка. — Мы дергаем, дергаем, а они срослись в единое целое. Надо распилить камень. У вас есть здесь пила, которая пилит камни?

— Бабуся! — взмолилась Алиса. — Пожалуйста, не надо! Давай подождем.

— Чего же мы будем ждать?

— Я думаю, что лучше всего будет сгонять к королю Артуру, познакомиться с ним и узнать, как он вытащил меч из камня.

— И кто же тебе разрешит? — спросила бабушка.

— Пока не знаю, — честно призналась Алиса. — Может быть, Ричард разрешит.

Бабушка ничего не заподозрила, она думала, что Алиса — человек воспитанный, выдержанный и послушный. Она еще не знала толком, какие черти водятся в ее двоюродной внучке.

Но день подошел к концу, и они отправились домой, а потом сходили в театр.

Глава седьмая

НАДО ПОЗНАКОМИТЬСЯ С МЕРЛИНОМ

На следующий день Алиса с бабушкой проработали в чулане до обеда. Потом заглянул Ричард и пригласил их в институтскую столовую.

При этих словах скатерть-самобранка попыталась слезть с полки — она не выносила, когда о ней забывали.

— К сожалению, нам надо домой, — сказала Алиса самобранке и Ричарду сразу. — Наш домашний робот Поля не переживет, если мы второй день подряд не будем обедать дома.

— Странно и даже неумно! — обиделся Ричард. — Разве вы не знаете, что столовая Института времени считается лучшим рестораном города Москвы, а может быть, и всей Земли, потому что туда привозят продукты из далекого прошлого, когда не только экологии не было как науки, но и о промышленности не знали. К тому же некоторые устрицы,

креветки, лимоны и ананасы прибыли из таких отдаленных времен, когда человека на планете просто не существовало. И он не мог ничего испортить. А уж если говорить о мелочах, то, наверное, вам не приходилось пробовать динобананов размером с лодку каноэ — любимой пищи ископаемых рептилий. И вы никогда не грызли ракушки агламегонов. Оставайтесь, друзья, вы получите удовольствие!

— Нет уж, спасибо! — сказала бабушка. — Я лучше картошечки пожую, я лучше нитратами побалуюсь, а не вашими агламегонами.

Алиса развела руками и добавила:

— Бабушка у нас в гостях. Я не могу ее оставить одну. Но не беспокойся, Ричард, мы пообедаем, бабушка поспит после обеда, и мы вернемся в чулан.

— Даю слово артиста, — сказала бабушка.

— Ну, как знаете, — сказал Ричард и пошел в столовую.

Дома бабушка долго учила робота Полю, как надо жарить картошку, робот обижался, потому что считал, что он куда лучше бабушки умеет все делать. От спора с роботом бабушка устала и сказала:

— Я на семь минуток прилягу, хорошо? А потом пойдем в наш чулан.

Алиса проводила бабушку в ее комнату. Когда бабушка легла на диван, Алиса укрыла ее пледом.

— Надо будет... — сказала бабушка сонно. — Надо будет познакомиться с этим самым Мерлином.

И заснула.

Алиса тут же начала действовать.

Она выскочила из дома, кинулась бегом к площадке флаеров, взяла воздушную машину и взвилась на ней в небо. Через пять минут Алиса уже была на окраине Москвы на большом поле, которое окружает Институт времени.

Алиса вбежала в институт. Пират Сильвер дремал за столом вахтера, положив лысую голову на шляпу Магеллана, великого путешественника, который обогнул бы на корабле земной шар, если бы его не зарубили филиппинцы, начавшие этим борьбу за свою свободу и независимость. Такова история. Из нее слова не выкинешь, а если выкинешь — не признавайся!

Алиса на цыпочках пошла к лестнице на второй этаж, где стоят машины времени. Попугай заметил ее и спросил:

— Ты разве не спишь после обеда?

Алиса приложила палец к губам, и попугай понял:

— Молчи, грусть, молчи!

Алиса пробежала по коридору. Раза два ей пришлось прятаться и пережидать, пока мимо пройдут сотрудники, а еще раз она прошла им навстречу и даже раскланялась.

В зале Машины № 1 было пусто.

Всю правую стену занимала старинная картотека, а слева стояли компьютеры. Дело в том, что всю информацию о полетах в прошлое следовало, конечно же, заносить в компьютеры, но порой полеты были такими срочными или даже секретными, что компьютеру об этом не говорили.

Хотя он, конечно, и без подсказок все знал.

У правой стены находилась самая обыкновенная картотека, с карточками, на которых писали от руки — где был, что делал, когда вернулся.

Сначала Алиса кинулась к компьютеру и запросила его:

— Как мне попасть к королю Артуру, который правил Англией полторы тысячи лет назад и у которого были рыцари Круглого стола?

Компьютер принялся подмигивать экраном, пережевывать и обдумывать информацию. Тогда Алиса перебежала к правой стене и вытащила из картотеки ящик со словами, начинающимися на букву «А». И сразу нашла, что нужно. На карточке было написано:

«Артур. Король английский. Я у него был. Хороший малый. Ему двадцать пять лет. Жена его Гвиневера отлично меня накормила.

Отчет представлю завтра.

Агент Пилотский».

Но никакой даты.

Сзади пискнул компьютер. Он звал Алису.

— Ну что, нашел? — спросила Алиса.

— Тот, кто вам нужен, родился в 475 году в замке Тинтейджел в Корнуэлле. Семья приемная. Глава семьи сэр Эктор, старший сын Кэй.

— Правильно, это тот самый Артур, который мне ну-

жен, — сказала Алиса. — Компьютер, а ты мог бы отправить меня в тот год, когда Артуру было тринадцать или четырнадцать лет и он вытащил меч из камня?

— Ждите ответа, — сказал компьютер. — Ждите ответа. Та-тата-та-та.

Алисе казалось, что прошло полчаса, сейчас прибежит бабушка, за ней Ричард, и ей не дадут слетать в отдаленное прошлое и поговорить с Артуром.

Когда она уже готова была стукнуть компьютер по гладкой головке, он выдал ответ:

— Кабина к перелету готова. Попрошу представить пропуск и научное задание.

— Все тебе будет, — сказала Алиса. — Подожди немного, отдохнешь и ты.

— Я не устал, — сказал компьютер.

— Все готово! — Алиса вступила на платформу, перед которой находился пульт автоматического и ручного управления. — Компьютер, начинай!

— А пропуск? — спросил компьютер.

— Немедленно слушайся человека! — приказала Алиса.

И тут компьютер сильно задумался. Еще никто с ним так не разговаривал.

— Поторапливайся! — прикрикнула на компьютер Алиса. Она делала это нарочно, хотела, чтобы компьютер запутался и пропустил ее в прошлое.

И она угадала.

Компьютер громко вздохнул и сказал:

— Ну ладно, я иногда вас, людей, не понимаю.

— Значит, Корнуэлл, замок Тинтейджел, — повторила Алиса, — 475 год. Время большого королевского турнира. Мне надо попасть в прошлое в тот день, когда короля Артура признали наследником престола.

Алиса вступила на платформочку, схватилась за поручни. Раздалось жужжание. Компьютер настраивал приборы, набирал энергию для переноса. Ведь для того, чтобы человек мог пролететь через сотни лет, требуется гигантская энергия. Когда включается машина времени, в соседних домах и даже районах на секунду становится чуть темнее.

На панели перед Алисой загорелась надпись:

«Подготовиться к переходу!»

Компьютер повторил вслух:

— Подготовиться к переходу!

В кабинете директора института вспыхнула предупреждающая надпись, как раз перед письменным столом: «Кабина № 1 готовится к переходу».

Но директор еще не вернулся с обеда. Он как раз начал есть компот из голубой земляники, собранной младшим научным сотрудником в Долине Троллей. Директор ловил ложечкой голубые ягодки и размышлял, как бы выпросить у поварихи Клотильды, бывшей ведьмы-разбойницы, еще чашечку. И некому было остановить Алису, которая помчалась в далекое прошлое задать несколько вопросов юному королю Артуру.

Глава восьмая

МЛАДШИЙ БРАТ КЭЯ

Дул жуткий, холодный, мокрый ветер. По небу неслись темные, беспросветные облака. Белые овцы, которые паслись на очень яркой зеленой траве среди серых скал, сбились в кучку, видно, совсем замерзли.

Голос моря, удары волн и рокот прибоя доносились до склона холма, куда из неглубокой пещеры выбралась Алиса.

«Зачем же я оставила свою шубку? — подумала Алиса. — Я здесь всего пять минут, а уже зуб на зуб не попадает».

Конечно, Алиса кинулась в прошлое легкомысленно. Она думала, что управится за полчаса, пока бабушка спит, а директор с Ричардом обедают.

Но вокруг никого не видно. Овцы, конечно, ничего не расскажут. Где искать принца Артура, непонятно!

Алиса пошла к замку. Он стоял на вершине округлого, невысокого холма, но оказался куда дальше, чем Алиса думала вначале.

Она шла и шла к нему, а он словно отодвигался.

Трава под ногами была мокрой, то ли от морского ветра, то ли недавно прошел дождь. Ноги сразу замерзли.

Когда Алиса выбралась наконец на дорожку, которая вела к воротам замка, она совсем устала.

В центре замка стояла башня, а стены ограждали ее квадратом, как будто забор вокруг сада или огорода. Запертые ворота были деревянными, невысокими, всаднику в них пришлось бы въезжать наклонившись.

Алиса подошла к воротам.

На веревке сбоку висела короткая толстая палка. Алиса решила, что это колотушка, чтобы не стучать в ворота кулаком.

Она взяла палку и ударила по толстой доске, обитой гвоздями с широкими, в ладонь, шляпками.

Никто не откликнулся.

— Эй! — крикнула Алиса. — Кто здесь есть живой?

Только тут Алиса заметила, что на воротах висит старинный замок, похожий на кирпич. Значит, никого нет дома.

Алиса решила обойти крепость вокруг. Может, с той стороны есть какая-нибудь деревня? Обычно замки не стоят на пустом месте — кому-то же надо кормить и обихаживать его обитателей.

Но только Алиса сделала шаг в сторону от ворот, как услышала стук копыт.

Она оглянулась.

Одинокий всадник скакал по дороге к вершине.

И тут Алиса поняла, что лучше всего ей спрятаться. И не потому, что она боялась всадников, но ведь она была одета совсем не по-здешнему!

На ней был модный костюм в обтяжку до колен. Такие костюмы в этом году носят все школьники. Он чем хорош — соскочил с кровати, прибежал в ванную, а на полке лежат в рядок шесть или семь костюмов разного цвета, под настроение. Допустим, у тебя с утра розовое настроение. Ты берешь с полки шарик, размером с пинг-понговый, только мягкий, и сжимаешь его между большим и указательным пальцами. Как только он щелкнет, отпускаешь шарик и кидаешь его — он тут же расправляется в воздухе и становится похожим на парашютик. Теперь тебе остается только приложить парашютик к груди, и костюм обнимет тебя, как будто ты окунулся в теплую воду.

И ты одет.

Захотел раздеться, провел ладошкой по груди — и костюм соскользнул с тебя, только успевай — подхвати и положи шарик на полку.

Когда Алиса спешила в древнюю Англию, она совсем не подумала, что таких костюмов там не носят, а девочки, если они благородного происхождения, одеваются в платья, узкие в талии и длинные, до самой земли. А если это крестьянки, то надевают серый холщовый балахон.

И волосы у девочек конечно же длинные.

А Алиса подстрижена коротко, как ей удобнее.

Так что сами понимаете — Алисе лучше бы скрыться с глаз.

Но она не успела.

Всадник поравнялся с ней и крикнул:

— Привет! — Разумеется, на самом обыкновенном древнем английском языке.

— Привет, — ответила Алиса.

Теперь уж убегать совсем не было смысла.

К тому же она увидела, что всадник лишь немного старше ее, подросток, почти мальчик.

Одет он был обыкновенно для тех мест и того времени, не богато, но и не бедно. На нем были штаны в обтяжку, свободная синяя куртка поверх рубахи. Его волосы, чуть подлиннее, чем у Алисы, стягивала веревочка.

Мальчик кинул поводья и подбежал к воротам. Он хотел открыть их, но тут заметил, что на воротах висит замок, похожий на кирпич.

— Ну вот, — сказал он. — Этого еще не хватало. Куда они все подевались?

Никто ему не ответил.

Мальчик постучал в ворота колотушкой, но никто не откликнулся.

— Куда они подевались? — спросил мальчик у Алисы.

— Я тут недавно, — ответила Алиса.

И тут она поняла, что мальчик совсем не удивлен, увидев ее.

А впрочем, чему удивляться? На нем штаны в обтяжку, и на Алисе штаны в обтяжку. У него поверх рубахи накинута

куртка, и на Алисе куртка. И даже пострижены они почти одинаково. Даже куртки у них одинакового синего цвета.

Вернее всего, мальчик принял ее за соседского парнишку, а не за девочку.

— Какая беда! — сказал средневековый мальчик. — Мне обязательно надо в замок попасть. Как ты думаешь, если ты меня подсадишь... Нет! — Он даже махнул рукой, поняв, что стена слишком высокая и отвесная, чтобы на нее забраться.

Пастух, который погнал от моря стадо овец, увидел мальчика у ворот и крикнул:

— Госпожа со слугами и девушками поехали на турнир!

Ветер донес его слова и тут же унес их дальше к холмам.

— Вот не везет! — огорчился мальчик. — Ну что ты прикажешь делать?

У Алисы появилось подозрение: а вдруг этого мальчика она и ищет?

— А что тебе надо в замке? — спросила она.

— Понимаешь, мой старший брат Кэй должен сегодня биться на турнире. Первый раз в своей жизни. А меч забыли в замке. Он попросил меня привезти меч, а я не смог выполнить его просьбы. Ты не представляешь, какая это беда! Он меня убьет!

— Но ты-то в чем виноват? — удивилась Алиса.

— Он скажет, что я должен был проследить, чтобы меч не забыли! — сказал мальчик.

— А сам он почему не проследил?

— Ты не представляешь, как он волновался, — сказал Артур. — Это же его самый первый бой! Еще хорошо, что он штаны надел!

Мальчик рассмеялся, но Алисе было не смешно.

— А как тебя зовут? — спросила она.

— А ты кто такой, чтобы меня спрашивать? — ответил вопросом Артур. — Что-то я тебя раньше в наших краях не видел. И одет как-то не так...

— Не бойся меня, — сказала Алиса. — Я тебя не трону.

— Я? Тебя? Испугался? — Юный Артур кинулся на Алису, явно собираясь надавать ей тумаков.

Алиса еле успела отскочить в сторону.

Артур промчался мимо нее как дикий бык.

— Да постой ты! — крикнула Алиса. — Я не враг тебе!

Но Артур ничего не слышал. Видно, он был отважным, но не очень разумным молодым человеком.

Поэтому Алисе ничего не оставалось, как подождать, пока он снова помчится на нее, чуть отступить в сторону и провести простенький прием карате, о котором в пятом веке нашей эры никто еще и не подозревал. И хоть не положено, конечно, обижать английских королей, но и английским королям не стоит кидаться с кулаками на девочек из отдаленного будущего.

Артур взлетел в воздух и шлепнулся на траву. Он был оглушен и даже не сразу сообразил, что произошло.

Потом он сел, покрутил головой, стараясь прийти в себя.

Алиса отошла немного и спросила:

— Ну что, хватит драться?

— Ты нечестно меня схватил! — возмутился Артур. — Сейчас я тебе покажу! Я от тебя мокрое место оставлю!

— Послушай, — сказала Алиса, — я тебя честно предупреждаю: я такие приемчики знаю, что все равно тебя на землю положу! Если не веришь, давай нападай!..

Артур, конечно, не поверил Алисе и снова кинулся в атаку.

Через полминуты он опять упал, на этот раз Алиса решила проучить его посильнее — он растянулся плашмя и шлепнулся всем телом на землю, в глазах у него потемнело.

Пока он приходил в себя, Алиса подошла совсем близко и сказала:

— Со мной лучше дружить. Я тебе покажу все свои приемы, станешь чемпионом мира.

Видно, ее слова наконец дошли до принца.

Он лежал не двигаясь и только спросил:

— А ты не колдун?

— Честное слово, не колдун.

— А почему ты меня победил?

— Потому что специально учился драться.

— И где же тебя так научили?

И тут Алисе пришла в голову замечательная мысль.

— Меня за морем учили, там у моего папы есть замок. У нас все умеют драться.

— А как твой замок называется?

— Мой замок называется Эльсинор, — сказала Алиса. — Он стоит в стране данов, мои родственники — все, как на подбор, викинги.

— Поклянись самой страшной клятвой, что ты не колдун!

— Клянусь самой страшной клятвой, — ответила Алиса. — Век воли не видать!

Она слышала такую клятву в историческом детективном фильме.

— Ну ладно, — сказал Артур. — Тогда давай мириться.

Он поднялся и протянул Алисе руку.

— Артур, — сказал он. — Мой отец — барон Эктор, я хочу стать рыцарем.

— Элис, — сказала Алиса, протягивая руку новому знакомому. — Мой корабль потерпел кораблекрушение, поэтому я оказался в одиночестве на этом берегу.

— Надеюсь, — сказал Артур, — твоих родителей на этом корабле не было?

— Нет, они остались дома, — ответила Алиса. — Мой папа не смог отплыть со мной, потому что у него есть зверинец и надо каждый день кормить зверей. А моя мама кормит папу.

— Я рад, что твои родители живы. Но я не могу тратить времени даром. Мне обязательно нужно добыть меч для Кэя. А то он пропустит свой первый бой и такого позора не переживет.

— А разве у вашего отца, сэра Эктора, нет своего меча? — спросила Алиса.

— Ты хороший парень, — ответил Артур, — но очень глупый. Кэю никогда не поднять папин меч. Даже я его с трудом поднимаю. Это же взрослый меч, а у нас с Кэем мечи облегченные, молодежные. Ну что делать... что делать?

И вдруг Артур хлопнул себя по лбу кулаком.

— Как же я не сообразил! — воскликнул он. — Я видел меч, как раз такой, как ему нужно!

— Где? — спросила Алиса.

— В городе, на церковном дворе. Я мимо проезжал и

увидел, что там в камень меч воткнут. Я его вытащу и отдам брату.

— А это чей меч? — спросила Алиса.

— Откуда мне знать! И не все ли равно? Я его потом на место положу, никто и не заметит.

С этими словами Артур пошел к коню, который пасся неподалеку.

— Артур, — сказала Алиса. — Ты совсем забыл обо мне.

— А что я должен делать?

— Неужели ты не хочешь, чтобы я научил тебя драться?

— Конечно, хочу. Поэтому ты подожди меня здесь до вечера, когда мы вернемся. К тому же ты можешь у нас переночевать. Ты расскажешь нам о своем королевстве.

— Нет, один я здесь не останусь, — ответила Алиса. — Если ты сейчас уедешь без меня, я уйду к другому соседскому барону и буду учить боевым приемам его!

— Кого ты будешь учить? — переспросил Артур.

Алиса показала рукой направо — не все ли равно, куда показывать.

— Ты хочешь научить боевым приемам паршивого сэра Горремора? Ни в коем случае! Может, ты и его рыжего сыночка приемам научишь?

— Обязательно, — подтвердила Алиса.

— Нет, я тебя здесь не оставлю! — воскликнул король Артур. — А ну садись в седло позади меня, поскакали в город!

Алисе только этого и надо было.

Она вскарабкалась на коня и обхватила сзади Артура за пояс. Артур пришпорил коня, и они поехали по зеленой долине к городу, где проходил рыцарский турнир, а на церковном дворе лежал камень, из которого торчала рукоять меча.

Ведь камень пока здесь. И нет ничего странного, что он лежит и в Алисином времени. Ведь ему еще жить тут много лет, пока о нем не забудут и он не затеряется в лесу. Там его отыщет сотрудник Института времени и отвезет в XXI век. И оставит в чулане.

Конь бежал не спеша, как его ни подстегивал Артур. Видно, он уже знал дорогу и не хотел себя утруждать.

Глава девятая

КТО ХОЗЯИН МЕЧА?

Город показался минут через пятнадцать.

Нельзя сказать, что он был велик. Его окружала стена из поставленных торчком толстых бревен, заостренных сверху. По обе стороны открытых ворот поднимались не очень высокие башни, сложенные из грубо обработанных камней.

За стеной виднелись соломенные крыши домов.

У ворот стояли два стража, на них были лапти, примотанные к ногам веревками, широкие штаны и кольчуги поверх рубах. На головах остроконечные шлемы.

— Скорей, Артур! — крикнул один из стражников. — Ваши мать и сестры уже проехали. Турнир начался!

Стражники не обратили внимания на второго мальчика, который скакал, обхватив Артура за пояс.

Въехав в город, они попали на грязную улицу, по обе стороны которой стояли деревянные дома.

Грязь летела из-под копыт, конь чуть не налетел на повозку, запряженную ослом. Возчик что-то крикнул им вслед.

Вот и церковь. Каменный дом и рядом башня с острой крышей. Перед церковью зеленый двор, по которому раскинулись плиты, стоящие торчком, — значит, здесь и кладбище.

А вот и знакомый камень!

Так странно видеть его здесь, словно ты встретил старого приятеля.

Артур остановил коня и спрыгнул на траву. Алиса последовала его примеру.

— Видишь, Элис, — сказал Артур, — об этом мече я тебе и говорил.

— Но он же воткнут в камень. Как его вытащить? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — ответил Артур. — Если он в камне, значит, кто-то его воткнул. А если кто-то воткнул, то всегда найдется другой, кто вытащит, правда?

Он уверенно подошел к мечу и потянул за рукоять.

Меч не шелохнулся.

Алиса услышала за спиной тихий кашель. Она быстро обернулась.

— Сегодня ужасный ветер, мисс, — сказал пожилой человек с длинной черной бородой. Крупный нос нависал над усами, а глаза так глубоко спрятались под густыми бровями, что невозможно было определить их цвет.

Алиса насторожилась. Этот старик угадал, что она девочка, в одну секунду.

Видно, страх отразился в ее глазах, потому что старик чуть усмехнулся и так же тихо добавил:

— Я никому об этом не скажу. Пока...

Артур услышал голос старика и, оставив меч в покое, радостно воскликнул:

— Сэр Мерлин! Где же ты раньше был? У нас беда! Кэй забыл меч, ворота замка заперты, а этот меч не вытаскивается.

— Может, его и не надо вытаскивать? — спросил старый волшебник, о котором Алиса читала в книге. — Может быть, его воткнули в камень специально?

— Ты ничего не понимаешь, Мерлин! — рассердился юный рыцарь. — Ведь Кэй ждет! Я не могу оставить его без меча. К тому же он просто растерзает меня за это!

— Ну что ж, я тебя предупредил! — сказал Мерлин.

Он подошел к камню и провел по нему рукой.

— Давай, — сказал волшебник. — Пробуй. Может, у тебя что-нибудь получится.

Артур схватился за рукоять меча и потянул ее на себя.

Меч вышел из камня так легко, что Артур чуть не потерял равновесия.

Лезвие меча блестело, будто смазанное.

Артур поднял меч и замахнулся им.

— Не тяжело? — спросил Мерлин.

— Совсем не тяжело.

— Ты славно выглядишь, — сказал волшебник.

Но Артур его не слышал. Он уже бежал к своему коню. Мгновенно вскочив на него, он поскакал прочь.

— Пошли, мисс, — сказал волшебник. — Здесь недалеко. Думаю, вам хочется посмотреть, как он отдаст свой меч

Кэю, который, я полагаю, сначала попытается сделать вид, что это он сам вытащил меч из камня.

— Вот именно, — согласилась Алиса.

Пред ними за церковью расстилалось поле, на котором было множество народа. Большей частью люди стояли за загородкой из веревок, натянутых на колья. Некоторые, самые знатные, сидели на деревянной трибуне, украшенной красными и синими полотнищами. В центре поля скакали всадники, готовились к бою.

Мерлин спросил:

— А откуда вы родом, мисс, и почему вы одеты под мальчика?

— Догадайтесь, — сказала Алиса.

— После боя догадаюсь, — пообещал волшебник. — Но сейчас мне куда интереснее узнать, чем кончится вся эта история! Должен сказать, что я ее задумал, я сделал этот меч, и я надоумил мальчишку вытащить его из камня. Только он сам об этом не подозревает.

Волшебник смотрел на поле. Алиса тоже смотрела.

Вот и Артур! Он ищет брата?

Да! Вот он подъехал к одному всаднику, спросил его, всадник показал направо, Артур туда и поскакал.

— Ага, — сказал Мерлин, — отыскал братца!

Им было видно, как Артур протягивает Кэю меч.

Кэй взял меч и принялся допрашивать брата, почему тот привез другой меч. Артур рассказывал, размахивая руками. Видно, вновь переживал свои приключения.

Кэй похлопал свободной рукой братишку по плечу и велел ему возвращаться к зрителям.

Артур медленно поехал прочь. Ему так не хотелось покидать турнирное поле! Там будут сражаться настоящие рыцари, а ему еще расти и расти!

— Если вам любопытно, мисс, — сказал Мерлин, — мы можем подойти к трибуне. Видите, посреди нее на главном месте сидит красивая женщина? Это королева Англии, прекрасная Игрейна.

— Мама Артура? — спросила Алиса.

Королева Алисе понравилась. У нее было доброе благородное лицо, она сидела гордо и прямо, внимательно слушая, что говорит ей пожилой мужчина с окладистой рыжей бородой.

— Ты откуда это знаешь? — прошипел Мерлин злым голосом. — Если ты ведьма, то беги отсюда! Мне стоит пальцем пошевелить, как тебя растерзают. У нас ведьм не любят!

— Не надо, господин Мерлин, — сказала Алиса. — Вам от этого никакой выгоды. Давайте лучше дружить!

— Ох и не нравишься ты мне! — Мерлин в самом деле был обескуражен. Он ничего не понимал, а волшебники не выносят, когда чего-то не понимают — какие же они после этого волшебники?

Впрочем, ему некогда было заниматься Алисой. Куда важнее было послушать, что будет говорить рыцарь Кэй. Старший брат Артура тем временем подъезжал к трибуне.

— Он все расскажет королеве? — спросила Алиса.

— При чем тут королева? — удивился Мерлин. — Он хочет поговорить с отцом, глупый мальчишка!

И в самом деле, Кэй, которого Алиса наконец разглядела вблизи, красивый чернокудрый юноша с маленькими карими глазами, обратился к рыжебородому рыцарю, сидящему рядом с королевой.

— Это сэр Эктор? — спросила Алиса.

— Разумеется! — ответил Мерлин, потирая руки. Он был взволнован, но доволен, а не сердит.

Встречные рыцари и горожане раскланивались с Мерлином. Видно, волшебника здесь все знали, хотя скорее побаивались, чем любили.

Черный плащ Мерлина развевался при ходьбе, длинные волосы выбивались из-под колпака.

В десяти шагах от трибуны они остановились. Никто на них не посмотрел.

Сэр Эктор сошел с трибуны. Он стоял возле своего сына, и тот, наклонившись с коня, протягивал отцу меч.

— Посмотри, отец, — сказал юноша, — какой у меня меч!

Сэр Эктор принял меч из рук сына и стал его рассматривать. Конечно же, рыцарь не смог сразу его узнать — ведь он никогда не видел меч целиком.

— Я не знаю этого меча, — сказал он наконец.

— А рукоять? Рукоять тебе ничего не напоминает?

— О боже! — воскликнул сэр Эктор. — Неужели это меч с церковного двора?

— Он самый!

— Как он тебе достался?

— Не все ли равно, отец? Ведь главное то, что я теперь — законный король Англии!

Сэр Эктор нахмурился.

Королева услышала этот разговор и встала со своего места. Подъехал и сам виновник этого переполоха — мальчик Артур.

Сэр Эктор обвел взглядом собравшихся и увидел волшебника Мерлина.

— Здравствуй, Мерлин, — произнес он. — Что все это значит?

— Подумай, — ответил Мерлин. — И ты сам найдешь ответ.

Эктор перевел взгляд на Артура.

Потом сказал, как бы размышляя вслух:

— Я знаю, что Кэй — мой сын. Но чей сын Артур — мне неизвестно. Известно ли это тебе, Мерлин? Ты же принес мне мальчика в дом двенадцать лет назад?

— Известно, сэр, — ответил волшебник. — Вы хотите убедиться в этом?

— Погоди минутку, — остановил Мерлина сэр Эктор.

Он строго посмотрел на старшего сына:

— А ну-ка, признавайся, кто тебе принес этот меч? Или ты будешь настаивать, что сам вытащил его из камня?

Кэй покраснел. Он ответил тихо, почти шепотом:

— Я послал Артура за мечом, но замок был заперт и пуст. Тогда Артур принес мне этот меч. А я подумал: королем станет тот, у кого меч. Вот и решил стать королем.

— А ты, Артур, что скажешь на это? — спросил сэр Эктор.

— А я его вытащил из камня! — ответил Артур. — Это было совсем не трудно. Он вышел, как нож из масла. Я очень боялся, что мой брат Кэй будет сердиться.

— Пожалуй, — заметил сэр Эктор, — больше тебе не придется опасаться гнева старшего брата.

— Скажи, мой сын, — обратился он к Артуру, — а можешь ли ты повторить свой подвиг?

— Не знаю, — сказал Артур. — И зачем это надо?

В толпе, которая уже собралась вокруг, некоторые рыцари рассмеялись. Они-то знали, зачем это надо!

И все вместе направились на церковный двор. Даже королева-мать пошла за ними.

Все остановились, не доходя до камня нескольких шагов.

— Иди! — приказал сэр Эктор Артуру.

Артур взял меч у Кэя и направился к камню.

Мерлин шагал следом.

Никто не посмел остановить волшебника. Понимали, что волшебник делает то, что считает нужным, и никто не хотел с ним ссориться.

— Вложи меч в камень! — приказал Мерлин.

Артур послушался.

Алисе была видна тонкая щелка, которая осталась от лезвия меча, — в эту щель меч ушел почти по рукоять.

В толпе раздался шум. Мерлин поднял руку, приказывая замолчать.

— А теперь самое главное, — сказал он. — На глазах у почтенных рыцарей, горожан и самой королевы Англии я приказываю тебе вытащить меч из камня! Вот из этого камня! — И он хлопнул ладонью по камню, как бы показывая Артуру, откуда ему надо тащить меч.

Затем Мерлин сделал шаг назад, чтобы всем было получше видно, как мальчик вытаскивает меч из камня.

Поднатужившись, Артур вытащил меч. Поднял его над головой, и меч сверкнул под лучом выглянувшего солнышка.

Люди вокруг закричали, захлопали в ладоши.

— Да здравствует король Англии! — закричал волшебник Мерлин.

— Да здравствует король! — И все стали опускаться на колени.

Потом и сэр Эктор с женой опустились на колени.

Кэй не хотел этого делать, но отец потянул его за рукав, и Кэю пришлось подчиниться.

Артур был растерян. Он никак не мог понять, что же ему теперь надо делать.

Тогда королева сказала:

— Подойди ко мне, мой мальчик! Наконец-то я тебя нашла! — Она обняла Артура.

Тут и Артур все понял и сказал:

— Мама, мамочка! Я так рад тебя видеть...

Но сразу же спохватился и вырвался из объятий королевы. Он подбежал к стоявшим на коленях сэру Эктору и его жене и воскликнул:

— Я не хочу расставаться с моими папой и мамой! Что мне делать?

— Теперь ты король, — сказал Мерлин. — И тебе придется вести себя как королю. Ты будешь ездить в гости к сэру Эктору, ты не забудешь своих приемных родителей. Они тоже будут приезжать во дворец.

— Конечно же! — подхватила королева Игрейна. — Я всегда буду рада их видеть.

А в толпе зрителей начали раздаваться голоса:

— Пускай он еще раз сделает! Мы не видели! Мы опоздали посмотреть!

— Артур не в цирке, — сердито сказал Мерлин, — а вы не зеваки.

Артур пожалел своих подданных и сказал:

— Мне не жалко, я хоть сто раз его вытащу. Где меч, Мерлин?

— Это драгоценный меч, а не ножик для хлеба, — сказал Мерлин.

— Ну последний разочек! Народ ждет. Я не могу обидеть свой народ.

«Ого! — подумала Алиса. — Мальчик на глазах становится настоящим королем».

Артур взял меч у своего брата, который держал его, и вставил в камень.

Опять были крики и аплодисменты, а Мерлин сказал:

— А ну-ка, попрошу всех на турнирное поле. Сегодня впервые на трибуне будет сидеть новый король Англии.

И все толпой пошли на поле.

Первой на трибуну взошла королева, она дала руку сыну,

и Артур поднялся за ней, хотя Алиса была уверена, что он предпочел бы сейчас скакать на коне и рубиться в настоящем бою.

Последним поднимался волшебник Мерлин.

Алиса догнала его и спросила:

— Подождите, пожалуйста!

— Зачем?

— Мне хотелось бы задать вам один вопрос!

— Задавай, только быстро, мисс, и беги отсюда со всех ног. Мое терпение не бесконечно, а я, скажу тебе, отношусь к числу самых страшных волшебников этой страны.

— Скажите, Мерлин, — попросила Алиса, — а чем вы трогали камень перед тем, как Артур вытаскивал из него меч?

— Рукой, — ответил волшебник.

— А что было в руке?

— Ничего.

— Неужели такой великий волшебник, как вы, может лгать девочке? — спросила Алиса.

— Еще чего не хватало!

— У меня есть одно подозрение... — сказала Алиса.

— Выкладывай!

— Скажите, а что, если камень — магнит?

— Я не знаю, что такое магнит! И слова такого у нас, волшебников, в словаре нету.

— Если вы дотрагивались до камня и размагничивали его — тогда меч легко выходил из него. А стоило вам намагнитить его — и меч приклеивался.

— Уходи, девочка! — крикнул Мерлин. — Уходи!

И он поспешил на трибуну. С трибуны он погрозил Алисе кулаком и уселся рядом с королевой.

По правую руку королевы сидел бледный Артур, который все еще никак не мог прийти в себя. Мама смотрела на него, гладила по плечу. Рыцарь Кэй ускакал в сторону, он готовился сражаться другим мечом, который ему достал отец.

«Странный народ, — подумала Алиса. — И часа не прошло, как обнаружился юный король, может быть, вся ваша история теперь пойдет иначе, а вы уже снова занялись скач-

ками и сражениями. Лишь порой проскачет мимо рыцарь и спросит на скаку:

— Где тут король Артур?

Артур приподнимется, поклонится, как в театре. А рыцарь уже умчался. Ох и трудно тебе будет править этим народом!»

Алиса сунула руку в карман. Так и есть — сейчас она проверит волшебный камень!

— До свидания, король Артур! — сказала она. — Желаю счастливо править!

Ей хотелось, конечно, сказать, что она знает о рыцарях Круглого стола. Но ведь сам король о них еще ничего не знает. Даже Мерлин, вернее всего, не знает. А уж ей-то, девочке из будущего, и подавно знать не положено.

Артур помахал ей, он так и не узнал, что она — девочка.

— До свидания, волшебник Мерлин, — сказала Алиса. — Вы неплохой фокусник, вам бы с моей симферопольской бабушкой познакомиться!

Мерлин лишь сверкнул глазами из-под черных бровей. И попрощаться не захотел.

Алиса прошла на церковный двор.

Там она остановилась возле камня, достала из кармана гвоздь.

Вы спросите, зачем девочке гвоздь? А я вам отвечу: лежит — значит, может пригодиться. С этой девочкой не соскучишься.

Алиса поднесла гвоздь к камню, и его буквально вырвало из пальцев — таким сильным магнитом оказался камень.

Вот и объяснили волшебство. Можно возвращаться, а то бабушка уже волнуется.

Глава десятая

ПЫЛЬНАЯ ЧЕРЕПАХА

Алиса быстро пробежала по коридорам. Хорошо еще, никто не обратил на нее внимания, и через три минуты после возвращения из путешествия она уже была в подвале возле чулана Синей Бороды.

Оттуда доносился шум и грохот — издали слышно.

А когда Алиса подошла поближе, то из открытой двери вырвался клуб пыли, словно внутри бушевал пожар и оттуда валил дым.

Алиса замедлила шаги и с опаской подошла к двери.

Заглянув внутрь, она увидела в клубах пыли симферопольскую бабушку, которая, как экскаватор, вгрызалась в груду непонятного барахла, сваленного возле книжных полок.

— Бабушка! — воскликнула Алиса. — Что-нибудь случилось?

Бабушка выпрямилась.

— Разумеется! — сказала она громким шепотом. — Оно пищит!

— Кто пищит? — удивилась Алиса.

— И двигает, — добавила бабушка. — Но очень глубоко забралось.

— Что двигает? — спросила Алиса.

— Все двигает. Я думаю, это привидение, но ископаемое. Кто-то нечаянно притащил призрак из эпохи легенд или из мезозойского периода, вот он здесь и лежал, пока не проснулся. А что теперь будет, что будет, ты не представляешь! Он может кидаться на людей. Не исключено, что я сейчас рискую жизнью, чтобы его поймать и посадить в клетку.

— Бабушка, опомнись! — взмолилась Алиса. — Привидений не бывает. Это сказки.

— А сказки бывают?

— Сказки бывают, — согласилась Алиса.

— Тогда смотри внимательно!

Алиса посмотрела на груду вещей — тут были и куртки, и ботинки, и портьеры, и балдахины, и сапоги, и кастрюли, и горшки из-под цветов, и рамы от картин — чего только не натащили из прошлого неугомонные агенты. К тому же на склад попадали и вещи из лабораторий и мастерских. Делают, например, сапоги для вельможи, да один сапог не лезет, вот его и прячут на склад, может, еще пригодится!

И вдруг она поняла, что бабушка не ошиблась. Вся эта груда вздрогнула и сдвинулась с места.

Алиса даже подпрыгнула от неожиданности.

А бабушка снова кинулась на ползущую груду вещей и закопалась в ней, как крот, который стремится уйти от охотников.

Снова поднялось облако пыли, а наружу торчали только бабушкины туфельки и джинсы до колена.

— Есть! — донесся голос бабушки.

И бабушка исчезла в груде хлама.

Откуда ни возьмись, выскочил робот-тележка Грузик. Грузик выпустил сверкающие щупальца, похожие на усики бабочки, и запустил их в кучу вещей. Он разыскивал бабушку.

Алиса хотела помочь — она боялась, как бы бабушка не наткнулась в хламе на что-нибудь опасное для жизни, но Грузик так отчаянно старался спасти бабушку, что Алиса не могла к ней приблизиться.

Тут еще на шум прилетел любопытный попугай, птица хоть и старая, но глупая. Попугай носился под потолком и кричал:

— С опасностью для жизни героиня нырнула в воду! Злые акулы угрожают бабусе! Все на абордаж! Пощады не давать, женщин и детей за борт!

Но бабушка перекричала попугая.

— Поймала! — раздался ее вопль, и в тот же момент бабушка показалась из завалов и взлетела к потолку, потому что Грузик вытащил ее щупальцами.

Бабушка держала за задние ноги большую черепаху.

— Спокойно, спокойно! — вмешалась Алиса. — Грузик, опускай бабушку помедленнее. Ты же знаешь, что она пожилой человек и у нее хрупкие косточки.

Этих слов бабушка не вынесла.

Она выронила на пол черепаху, вырвалась из щупальцев и пустилась в пляс.

— Это кто хрупкий? — приговаривала она. — Это кто старенький? Это кого надо в утиль сдать?

Алиса не знала значения древнего слова «утиль», но понимала, что для бабушки оно звучит обидно.

— Успокойся, бабушка, — попросила Алиса. — Я не хотела тебя обижать.

А черепаха тем временем уверенно поползла в сторону кучи хлама, видно, намеревалась снова там спрятаться.

— Откуда здесь черепаха? — удивилась Алиса.

Бабушка прекратила свой танец и кинулась на черепаху. И хоть черепаха была размером с обыкновенную подушку, она потащила на себе бабушку, будто та ничего не весила.

— Грузик, сделай что-нибудь, — приказала Алиса.

Робот подумал и, снова выпустив стальные щупальца, обхватил ими черепаху, перенес к себе в кузов, прижав так, что черепаха уже никуда не могла убежать.

Попугай прилетел сверху, сел на панцирь черепахи и заявил:

— Это что? Это бутылка! Это самая настоящая морская бутылка, которую бросили за борт во время кораблекрушения!

— Не говори глупостей, — сказала бабушка и подошла к Грузику.

— Я не говорю, — обиделся попугай. — Сама убедись.

Бабушка наклонилась к черепахе и произнесла:

— Как это странно!

Алиса тоже подошла поближе.

Панцирь черепахи был старым, исцарапанным, избитым, наверное, черепахе было очень много лет.

По панцирю шла надпись в несколько строчек на неизвестном Алисе языке и непонятными буквами, похожими на картинки или египетские иероглифы.

— В бутылках записки лежали внутри, — сказала бабушка, — а на черепахе снаружи написано.

— Значит, это наружная надпись и наружная бутылка, — ответил попугай.

— Алиса, ты не сможешь прочесть? — спросила бабушка. — Ты у нас образованная.

— Нет, такой язык мы не проходили, — сказала Алиса. — Надо позвать специалиста.

— А я хочу сначала узнать, — сказала бабушка, — кто и почему притащил сюда это несчастное животное? Я семьдесят лет работала в искусстве и никогда еще не встречалась с такой безответственностью. Оставить животное без пищи,

без воды, в чулане Синей Бороды — это неоправданная жестокость!

Бабушка очень рассердилась. Алиса ее такой раньше не видела.

— А ну-ка, попугай, вызывай сюда ваше начальство, я с ним говорить буду!

Алиса включила связь на своем браслете, и Ричард спросил:

— Что еще у вас стряслось?

— Немедленно приходи сюда, — приказала бабушка.

— У меня совещание...

— Какое может быть совещание, когда мы раскрыли преступление века! — воскликнула бабушка. — Если ты немедленно не придешь, я добьюсь, чтобы ваш институт вообще закрыли как преступное гнездо.

— Иду, — испуганным голосом ответил Ричард. — Через две минуты я у вас.

— А я старика Сильвера позову, — сказал попугай. — Он на своем веку немало поплавал по южным морям, немало повидал атоллов и коралловых рифов.

Через две минуты в чулане уже были не только Ричард Темпест и пират Сильвер. Прибежал даже сам директор института. Он у себя в кабинете слышал все переговоры и поэтому был в курсе новостей.

— Смотрите!.. — повторила свою речь бабушка. — Что мы видим на этой картинке?

— Черепаху, — сказал Ричард.

— Пожалуй, да, черепаху неизвестного мне вида, — сказал директор института, которого еще в детском саду прозвали «ходячей энциклопедией» и который прямо из старшей группы садика поступил на второй курс университета, но кончить его не успел, так как получил степень доктора Гарварда, а также кандидата исторических и физических наук в Москве. Директор был еще относительно молодым человеком, но так устал от своих знаний, что целыми днями просиживал у себя в кабинете перед стереовизором виртуального спорта, по которому смотрел футбол так, что его любимый «Локомотив» у всех выигрывал. А когда надоедало смотреть футбол, директор Института времени спускался на кухню и

готовил с Клотильдой супы для научных сотрудников. Вот что делает с человеком излишняя гениальность!

— Но что у нее на спине? — спросила Алиса.

— Надпись, — ответил Ричард.

— Надпись на неизвестном мне языке, — удивленным голосом сказал директор. Он потер ладони. Впервые за последний год перед ним было сразу две загадки, ответа на которые он не знал.

Директор Института времени был счастлив.

— Не в этом дело! — закричала бабушка. — Вы что, не понимаете?

— Нет, не понимаем, — сказал директор.

— Тогда будьте любезны, скажите мне, — продолжала бабушка, — разве по вашим правилам разрешено привозить из прошлого живых животных? Тем более редких животных?

Наступила тишина. Все виновато замолчали. Бабушка была совершенно права. Привозить животных категорически запрещалось, за исключением редчайших случаев, когда животному грозила неминуемая гибель.

— Тогда кто это сделал и зачем животное спрятали в чулане? Чтобы оно погибло? Вы понимаете, что черепаха, вернее всего, мучается уже двадцать пять лет и от нее остались только кожа да кости?! Поглядите!

Все стали смотреть на черепаху, но так как виден был только панцирь, то все, конечно, согласились, что от черепахи остались кожа да кости.

— Немедленно допросить всех сотрудников института, — приказал директор. — С пристрастием. И если виноватого в течение получаса не найдут, проверить всех на детекторе лжи!

— Это еще что такое? — спросила Алиса.

— Это прибор, — ответил директор. — Он употреблялся при допросах разведчиков сто лет назад.

— Но его у нас нет, — вмешался Ричард.

— Тем более! — грозно ответил директор. — Сам полетишь в двадцатый век и привезешь прибор! А ну-ка, включите громкую связь — хочу обратиться к моим сотрудникам!

Включили громкую связь, и голос директора загремел по всем этажам и комнатам института.

— Уважаемые сотрудники! — гремел голос. — У нас в институте случилось невероятное событие. Кто-то без разрешения привез из прошлого черепаху. Чтобы замести следы своего преступления, злодей спрятал черепаху в чулане Синей Бороды. По беспечности, или по злому умыслу, или, наконец, из преступной любви к черепаховому супу этот негодяй обрек животное на страшную медленную смерть от голода. Буквально чудом черепаху удалось спасти и... — Тут голос директора оборвался, он посмотрел на тележку, которая все еще держала черепаху, и закричал: — Не-мед-лен-но! Отвезти черепаху в столовую, на кухню! Напоить, накормить капустой! Она же на пороге смерти!

Глава одиннадцатая

ЕЕ ЗОВУТ КЛЕОПАТРОЙ

Директор Института времени расстроился, он чуть не плакал. Оказывается, в его институте есть преступники или по меньшей мере дураки, которые таскают из прошлого черепах.

Положение становилось все хуже и хуже.

Никто не сознавался в преступлении.

Директор Космического зоопарка профессор Селезнев, который тут же приехал в Институт времени, сообщил, осмотрев черепаху, что она принадлежит к совершенно неизвестному науке виду. Таких черепах не существует.

Специалист по расшифровке таинственных и древних письмен, который тоже примчался в Институт времени, сказал, что надпись, выцарапанная на панцире черепахи, сделана на неизвестном языке и сама письменность непонятна. Придется перенести ее в компьютер, пускай расшифровывает.

Наконец, черепаха отказалась есть капусту и, несмотря на голод, отворачивала от нее свой костяной клюв. Так что повариха притащила из кладовки все овощи, и их предлагали черепахе по очереди. И все без толку.

Если черепаха объявила голодовку, думал директор, не исключено, что она таким образом протестует. Ведь ее утащили? Утащили! Ее дети остались сиротами? Остались! Вот она и решила умереть, чтобы всех наказать. Но тут директор вспомнил, что черепахи откладывают яйца на берегу и никогда уже к ним не возвращаются. А раз так, то черепаха не может отличить своих детей от чужих. Это немного успокоило директора, и он спросил профессора Селезнева:

— Если другой такой черепахи на Земле нет, может быть, она инопланетная? Может, это и не черепаха вовсе, а инопланетный шпионский робот или инопланетный космонавт?

Так рассуждал директор Института времени, стоя над черепахой, которая все отворачивалась от еды, хотя двадцать сотрудников института хором ее уговаривали.

И вдруг в столовую вбежала высокая стройная девушка с коротко остриженными льняными волосами и серыми глазами. Ее приятное лицо было покрыто веснушками, как у маленькой девочки.

— Что случилось? — спросила девушка.

— Лена! — воскликнул директор института. — Ты где была?

— Я только что вышла из машины времени, — ответила девушка. — Вы же сами послали меня в командировку на поиски страны Офир в Африке.

— Разве? — удивился директор. Как все гениальные люди, он был рассеян и забывчив. — А я думал, что ты уже в отпуске.

Алиса была знакома с девушкой. Лена Простакова работала в институте спасательницей. Бывает же, кто-нибудь из сотрудников попадет в трудное положение — или в пропасть свалится, или в плен к людоедам угодит. Вот тогда вызывают Елену Простакову, которая вытащит вас из пропасти, вырвет из когтей дракона или из рук людоедов — недаром она уже третий год подряд становится чемпионкой Земли по выходу из безвыходных ситуаций.

Елена Простакова подошла к толпе, окружавшей черепаху, и заглянула в середину.

Она увидела черепаху, а рядом с ней сидящую на корточках толстую повариху Клотильду, пытавшуюся всунуть черепахе в рот морковку.

— Не надо, Клотильда, — сказала Елена. — Моя Клеопатрочка совершенно сыта.

Потом она тоже присела на корточки возле черепахи и в наступившей тишине сказала:

— Ну как тебе не стыдно, Клеопатра! Я же просила тебя посидеть в моем кабинете, пока я не вернусь из командировки. Как ты умудрилась убежать, негодница?

— Ах вот кто притащил в институт это животное! — закричал директор. — Так вот кто оголил нашу фауну! Простакова, ты — убийца и легкомысленная особа!

— Эдуард Эдуардович! — обиделась спасательница. — Почему вы позволяете себе так меня ругать?

— Ты притащила черепаху?

— Да.

— Ты оставила ее? Ты чуть было не погубила редчайшее, уникальное животное! И если бы не Алиса и ее симферопольская бабушка, черепаха была бы уже мертвой от голода!!!

— А теперь позвольте мне сказать, — твердым голосом заявила Елена. — Три дня назад, возвращаясь из командировки в Западную Африку, я увидела на жарком берегу океана в пустыне Калахари вот эту черепаху. Она умирала. У нее был солнечный удар. И к тому же она давно ничего не ела. Я не знала, как ее спасти! Оставить в пустыне — она погибнет. Отнести в океан и бросить в волны? А вдруг она не морская черепаха, а сухопутная и в море тоже погибнет? Мне ничего не оставалось, как забрать эту крошку домой.

— Почему не доложила? — строго спросил директор.

— Потому что вернулась поздно вечером. Я отнесла черепаху к себе в кабинет, дала ей воды, овощей и фруктов, и черепаха с удовольствием поела, а потом заснула. Я решила, пускай отдохнет. Но уже на рассвете следующего утра вы приказали мне немедленно отправляться в царство Офир в Африку. Чтобы притащить оттуда забытую Пронькиным видеокамеру-пуговицу. Я ее искала три дня подряд. А за это время моя несмышленая Клеопатра сумела выбраться из кабинета и пошла гулять по институту... Где вы ее нашли?

— В чулане Синей Бороды, — сказала Алиса.

— Конечно, там темно и тесно.

Тогда из толпы зрителей вышел знаменитый филолог, специалист по древним надписям, и спросил:

— Простите, а что же это за надпись на панцире?

— Да, надпись я заметила и даже подумала: ну кто мог шалить на берегу океана в пустыне Калахари десять тысяч лет назад? — ответила Елена.

— Сколько? — спросил директор института. — Десять тысяч?

— Но ведь тогда еще никакой письменности на Земле не было! — воскликнул филолог.

— Вот именно! — ответила Лена. — Это меня и удивило.

— Наверное, она инопланетная. — сказал пират Сильвер, который всегда находится в курсе всех новостей. — Прилетела, ищет братьев и сестер по разуму, а их еще нету. А на ней нарисовано послание нам от отдаленной цивилизации.

— Значит, так, — сказал директор института, — черепаху отправить на исследование, спасательнице младшему научному сотруднику института Простаковой Елене Сергеевне объявить выговор с упоминанием в приказе. Это же надо — тащить в институт черепах и не докладывать начальству! Чтобы в следующий раз такое не повторялось!

— Хорошо, — мрачно ответила Елена, — в следующий раз я разбужу вас, Эдуард Эдуардович, в три часа ночи, чтобы сообщить, что привезла с собой детеныша гиены. И оставлю его у вас в прихожей.

На этом все разошлись.

Черепаху взял профессор Селезнев, директор Космозо. Он, как все знают, не только директор зоопарка, но и папа Алисы. Так что Алиса была довольна: теперь, если понадобится, она знает, где искать черепаху.

А в том, что черепаха ей понадобится, она не сомневалась.

Что-то подсказывало ей, что тайна черепахи скрывается где-то в недрах чулана Синей Бороды. Такое у Алисы было предчувствие.

Ведь недаром же черепаха сама проползла через весь институт и забралась в подвал — именно в чулан. Может быть, ее что-то туда влекло?

Глава двенадцатая

ШЛЯПА НАПОЛЕОНА

Как только Алиса с бабушкой возвратились в чулан и встали в дверях, чтобы решить, за что браться, они услышали в коридоре знакомое постукивание деревянной ноги.

— Алиса! — позвал пират Сильвер, входя в комнату за ними. — Дело есть!

— Какое дело?

— Виноват я перед тобой, очень виноват, по-человечески. Но не я виноват, а одна птица. И прошу эту птицу уничтожить.

В комнату влетел попугай и устроился на верхней полке между книгами.

— Имеется в виду ваш покорный слуга, — пояснил он. — Самая безобидная птичка на свете.

— Я обращаюсь к тебе, — проникновенно сказал пират, глядя на Алису, — как человек к человеку. И к тебе, бабуся, тоже. Помнишь, у меня была шляпа мореплавателя Магеллана?

— Помню, — ответила Алиса.

— Нет больше этой шляпы, — сказал пират и всхлипнул. — Этот шулер выиграл шляпу в карты.

— Но честно! — закричал попугай. — Честно!

— Честно ты играть не умеешь, — возразил пират. — Ты жулик.

— А докажи!

— И доказывать не надо, мы не в суде. Отнимите у птицы шляпу. У меня голова мерзнет.

— Ну и ну, — покачала головой бабушка. — Эти хулиганы, по-моему, забыли, что шляпа Магеллана — ценная историческая реликвия. И ее дали поносить Сильверу на время, чтобы потом отправить ее в Исторический музей. А ну немедленно возвратить шляпу!

— Еще чего не хватало! — закричал попугай и вылетел в коридор. — Я ее знакомой вороне подарил!

— Сейчас же вызываю директора! — сказала бабушка.

— Только не это! Не надо! — закричали сразу Алиса и пират. Они-то знали, что виноваты оба.

— Я немедленно отправлюсь к Магеллану и попрошу у него другую шляпу, — предложила Алиса.

— И я с тобой! — обрадовался пират Сильвер. — Но птичке на свете не жить!

— Какой позор! — сказала бабушка. — Взрослый человек, пожилой... Тебе сколько лет, Сильвер?

— Прожил или проехал? — уточнил пират. — То есть сколько мне лет или сколько лет назад я родился?

— Всего, — сказала бабушка. — Всего!

— Всего мне лет пятьсот, но большинство этих лет я на свете не жил, а путешествовал во времени.

— И вот такой пожилой, опытный человек играет в карты на шляпу Магеллана. Ну хоть в достойную игру играл?

— В подкидного дурака, — признался пират и густо покраснел.

— Вот этого-то я и боялась, — сказала бабушка. — Вот в этом и заключается главный позор. В подкидного дурака!

— В преферансы не обучены! — обиделся пират Сильвер.

— Тогда иди к себе, — строго велела бабушка, — и жди. Мы с Алисой поищем, может быть, найдем тебе достойный головной убор.

— Не врешь?

— На глупые вопросы не отвечаю, — отрезала бабушка.

Сильвер ушел.

— Ну дети, право же, дети, — сказала бабушка. — Давай приниматься за дело.

— Я займусь книжками, — сказала Алиса.

— А я вещами, — согласилась бабушка.

Алиса стала брать с полок книги, проглядывать их и раскладывать — что в библиотеку, а что неизвестно куда.

Бабушка гремела посудой, рыцарскими шлемами, каменными дубинками, костями мамонтов и прочими загадочными и неожиданными вещами.

— Нет, ты погляди! — кричала она Алисе. — Ты можешь себе представить?

Алиса подходила к ней. И на самом деле интересно!

Вот отравленный кинжал, так и написано на этикетке:

«Отравленный кинжал,
принадлежал Лукреции Борджиа».

— Кто такая Лукреция Борджиа? — спросила Алиса.

Робот-тележка Грузик включил справочный экранчик и через минуту ответил:

— Так звали одну красавицу итальянку. Она жила в эпоху Возрождения, и ее имя связано со смертью многих знатных людей.

— А что такое Возрождение? — спросила бабушка. — Что они там возрождали?

На этот вопрос ответила Алиса. Про Возрождение они учили в школе.

— Возрождение, — сказала она, — это такое время после Средних веков. Кончились темные времена, люди стали ездить по всему свету, открыли Америку и Африку, построили чудесные дворцы и даже Кремль в Москве. Тогда жили знаменитые художники — Леонардо да Винчи, Рафаэль, Микеланджело и Дюрер. Коперник догадался, что Земля — не центр мира, а Галилей сказал: «Все же она вертится!»

— Это о ком он так сказал? — удивилась бабушка. — Кто там вертелся?

— Земля, — ответил за Алису Грузик. — Об этом каждый робот знает.

— А я не робот! — обиделась бабушка. — Я живой человек с недостатками. Я родилась так давно, когда еще школ не было.

Конечно, бабушка лукавила, не так уж давно она родилась. Но Алиса не успела ей ответить, потому что с полки упала черная треугольная шляпа.

— Надо отдать Сильверу, — сказала бабушка, — а то он, бедный, так переживает.

Сильвер уже бежал по коридору, стуча деревянной ногой.

— Дуся, — крикнул он на бегу, — ты меня звала?

— Возьми шляпу, — сказала бабушка, — только не проигрывай больше этой белой курице. И вообще, поклянись мне, что больше карт в руки не возьмешь.

— Не поклянусь, — честно ответил пират Сильвер. — Ты меня прости, дуся, но где ты видела, чтобы пират в карты не

играл? Сегодня я брошу карты, а завтра ты мне запретишь ром пить? Ну признайся, запретишь?

— Запретила бы, — ответила бабушка, — но, боюсь, не получится.

— И я так думаю, — сказал пират и протянул руку за шляпой.

— Подождите, Сильвер Джонович, — сказала Алиса. — Я только прочту, что там на этикетке написано.

— А может, не стоит? — с надеждой спросил пират. — Мало ли какой хулиган там баловался?

Но Алиса не послушалась его и все-таки прочитала надпись на этикетке. Вот что там было написано:

«Шляпа.
Возможно, принадлежала Наполеону в 1812 году. Найдена в снегу после бегства Наполеона из России».

— Вот видишь, — сказал Сильвер. — Никому не нужная шляпа, кинули, выбросили, хорошо еще, что не утопили.

Но Алиса не спешила возвращать треуголку. Она увидела, что изнутри на донышке было еще что-то написано и нарисовано.

Но от времени рисунок, сделанный, видно, чернилами, истерся, хотя можно было понять, что это — какая-то географическая карта или схема.

— Алиска, ты вечно будешь грязную шляпу рассматривать? — сердито спросила бабушка. — Так мы никогда уборку не кончим.

Алисе не хотелось отдавать треуголку, чуяло ее сердце, что в ней таится загадка, но Сильвер буквально вырвал шляпу из рук Алисы и напялил на голову.

— Ну что, похож я на Наполеона? — спросил он. — В молодости нас часто путали.

Попугай влетел в комнату и с полки закричал противным голосом:

— Все равно выиграю ее у тебя! Ты шестерки от валета не отличишь, старый разбойник!

Сильвер хотел схватить попугая, тот улетел, и Сильвер погнался за ним по коридору.

— Я одного не понимаю, — сказала бабушка. — Зачем попугаю головные уборы? Они же ему велики!

— Он их продает знакомой вороне, — объяснила Алиса.

— А той они зачем?

— Чтобы гнезда делать, — сказала Алиса.

— Ты шутишь? — спросила бабушка и сама себе ответила: — Ну конечно же смеешься над старой глупой женщиной. Я же понимаю, что попугаи не дружат с воронами.

Бабушка принялась дальше раскапывать груду одежд разных времен, а Алиса стояла возле стола и думала. Когда надумала, спросила у бабушки:

— Зачем Наполеон стал рисовать на подкладке своей треуголки? Разве у него бумаги не было?

— Может, и не было, — ответила бабушка. — А ты не отвлекайся, времени в обрез. Уже вечер наступает.

— И что же человек рисует на подкладке? — спросила Алиса.

И сама себе ответила:

— Тайный план! Который нельзя потерять и нельзя никому показывать.

— Ты о чем? — спросила бабушка.

— Я о том, что надо отобрать шляпу у пирата. Потому что пираты любят планы кладов.

— Каких кладов?

— Бабушка, поработай без меня, — попросила Алиса, — а я сбегаю к Сильверу.

Не ожидая ответа, Алиса побежала к выходу из института.

И конечно же она оказалась права.

Сильвер сидел за своим столом, перед ним подкладкой кверху лежала треуголка, по столу ходил попугай и тоже заглядывал в шляпу.

— И не такие загадки мы с тобой щелкали, — говорил Сильвер попугаю. — Пятнадцать человек на сундук мертвеца, йо-хо-хо и бутылка рому! А ну-ка, старый бандит, достань мне бутылку!

— Не отвлекайся, дедушка, — сказал попугай.

— Что мы видим? — сказал пират. — Мы видим реку

средних размеров. На ней не написано на́звания, но видишь, как она изгибается? Давай, я скопирую эту карту, и мы загоним ее в компьютер. И пускай он нам сообщит, голубчик, какая река в России вот так изгибается.

— Ты голова, Сильвер, — похвалил друга попугай. — Удивительно даже, что до сих пор на свободе.

— Сажали меня, приговаривали и даже голову рубили, — признался Сильвер, — но я, как всегда, уходил.

Он открыл ящик стола, вытащил лист бумаги и карандаш. Только Сильвер приготовился снимать копию с карты, как Алиса, которой надоело следить за пиратами, вышла из-за угла и подошла поближе.

— Руки вверх! — сказала она. — Ваша карта бита!

Попугай завопил и взлетел к потолку, а пират Сильвер послушно поднял вверх руки и сказал:

— Старый Сильвер знает, когда игра проиграна.

Но тут же он увидел Алису, понял, что никого, кроме нее, поблизости нет, и совсем другим голосом заговорил:

— Совсем не ясно, кому руки поднимать, а кому прощения просить! А тебя, пигалица, я выпорю, чтобы ты пожилых людей, инвалидов труда, не смела запугивать. Уходи, пока жива!

— Ну ладно, — засмеялась Алиса. — Это не ваша шляпа, Сильвер Джонович. Показывайте, что вы там увидели, а то директору позвоню.

— Значит, ты еще не звонила?

— Я сама люблю клады искать, — призналась Алиса. — Но если мы его найдем, то потом обязательно директору расскажем.

— Директору? Расскажем? Ну конечно же расскажем, — обрадовался Сильвер. — А я боялся, что отнимешь.

— И с карандашом я лучше вас умею управляться, — сказала Алиса. — Ведь речку надо точно нарисовать.

Попугай снова опустился на стол, заглянул в треуголку и сказал:

— Юнга дело говорит. Берем ее в долю.

— А я и не сомневался, — согласился Сильвер. — Давай

рисуй, только учти, что восемьдесят процентов добычи мне, а тебе и попугаю — по десять.

— Это почему мне десять? — возмутился попугай. — Без меня ты ничего не сделаешь. Да и долететь мне до директорского кабинета — раз плюнуть.

— И чего же ты желаешь? — спросил пират.

— Половину мне, половину тебе, а остальное девочке Алисе, — предложил попугай.

— Это что же мне достанется? — засмеялась Алиса.

— Как что? Третья половина, — ответил попугай.

— Немного, — сказала Алиса. — Но я вам хочу серьезно сказать — хотите клад искать, ищите, и я с вами этим займусь. Но все, что найдем, отдадим в институт или в Исторический музей.

— Ах так! — Сильвер схватил шляпу, поднялся и заковылял к черному ходу из института.

Попугай за ним.

— И что дальше? — спросила Алиса.

— А дальше мы скроемся в лесах и будем партизанить.

— А как же клад?

— Мы будем менять золото на сало и ветчину у мирных поселян, — сказал попугай.

Они уже покинули институт, когда их настиг голос Алисы:

— А где вы будете клад искать?

— Где надо...

— И где вы компьютер найдете?

— Где надо...

— Скатертью дорожка! — ответила Алиса и вернулась в холл.

И опять оказалась совершенно права, потому что через пять минут дверь медленно растворилась и в ней возникла красная физиономия Сильвера.

Следом пешком вошел попугай.

— Ах, ты здесь? — спросил пират, глядя на Алису.

— А где же ей быть! — сказал попугай.

— Ну, иди, давай план рисовать, — сказал пират, как будто ничего раньше и не было. И протянул шляпу Алисе.

Глава тринадцатая

ПОРТРЕТ В ПОДАРОК

Алиса не доверила Сильверу и попугаю отнести копию схемы из треуголки компьютеру. А когда увидела робота-тележку Грузика, передала записку ему.

Сильвер обиделся и сказал:

— А где доверие к человеку? А где гуманитарный гуманизм?

Но Алиса не стала его слушать, а поспешила в чулан. Ведь день клонился к концу, пора домой, а она совсем о бабушке забыла.

Бабушка, оказывается, ждала Алису с нетерпением.

— Я, конечно, не уверена, — сказала она, увидев внучку, — может быть, я неправильно прочитала. Здесь, наверное, на греческом языке написано, а я с детства не дружила со Спиро из соседнего двора.

Алиса подошла к бабушке.

— Я это отыскала под нижней полкой, завернутое в крокодилью шкуру.

Бабушка протянула Алисе круглую костяную пластинку. На ней был нарисован портрет молодого человека очень приятной наружности. Под портретом располагалась надпись на древнегреческом языке:

«Дорогая Лена! Дарю тебе на память мою персону. Если нравится, храни, а не нравится — сожги. Твой друг до гроба Александр, царь Македонский».

— Ну и что? — спросила Алиса. — Может быть, Александр был знаком с Еленой Прекрасной?

— Ах, если бы речь шла только о Елене Прекрасной! — возразила бабушка. — Но боюсь, что возлюбленная великого греческого полководца и завоевателя всего мира Александра Македонского, про которого даже я в школе учила, сейчас совсем не так далеко от нас, как Елена Прекрасная.

— Что ты имеешь в виду, бабушка?

— А ты поверни портрет!

Алиса повернула пластинку и прочла на обороте:

«Елене Простаковой от Александра Македонского. IV век до вашей эры».

— Ты хочешь сказать...

— Вот именно, — ответила бабушка на вопрос, который Алиса не успела задать. — Вот именно! Получается, что сотрудница института во время командировки в отдаленное прошлое не только познакомилась с древним полководцем, но и подружилась с ним, сообщила ему свою настоящую фамилию и, может, даже...

— Ну что еще? — спросила Алиса.

— Может, даже целовалась! — воскликнула бабушка. — А потом взяла у него на память фотографию...

— Портрет, бабушка.

— Ну пускай портрет. А что скажет директор, когда об этом узнает?

— А он об этом не узнает, — сказала Алиса, — если ты, бабушка, не наябедничаешь.

— Я? Наябедничаю? Ты с ума сошла. Я даже в детском саду ни разу ни на кого не пожаловалась! — Бабушка обиделась.

И бывают же такие совпадения! Именно в тот момент в чулан вошла Лена Простакова, спасательница и милая девушка, остановилась в дверях и смущенно произнесла:

— Вы тут убираетесь... У меня к вам будет просьба.

— Какая просьба? — Бабушка чуть не подпрыгнула от неожиданности. Она поняла, о чем будет просить их Лена Простакова.

— Я как-то возвращалась из командировки... от Александра Македонского. Вы слышали о таком полководце?

— Слышали, — подтвердила бабушка.

— Он очень хороший, добрый человек, несмотря на то что царь и завоеватель. Просто приличный человек. Мы с ним много разговаривали... и он подарил мне одну вещь.

— Какую? — поинтересовалась бабушка.

— Он подарил мне на память свой портрет. Красками. Маленький такой портретик.

— Почему? — строго спросила бабушка.

— Потому что мы... ну, мы подружились!

— А вы целовались? — еще строже спросила бабушка.

— Ну что вы! — Лена Простакова так покраснела, что ее щеки стали светиться вишневым светом.

— А что было дальше?

— Когда я вернулась из командировки, то положила портрет сюда, под полку.

— Почему же ты не показала его директору?

— Я постеснялась, — сказала Лена. — Может же человек стесняться!

Алиса пожала плечами:

— Такую личную вещь я бы домой отнесла.

— Я не могла... Вы не представляете, какой характер у моей мамы! Она бы добралась до Саши... простите, я так Александра привыкла называть... она бы ему все кудри вырвала. Я не хочу, чтобы она меня опозорила. Поэтому я портрет спрятала, а потом не взяла... Чулан был заперт.

— Ну, что делать? — спросила бабушка у Алисы.

— Не знаю, — сказала Алиса, — но, честно говоря, я бы отдала портрет Лене. Ведь его ей подарили.

— Ах, ты меня не поняла, Алиса, — сказала бабушка. — Но я думаю, что если бы мне свой портрет подарил Александр Македонский или хотя бы Юлий Цезарь, я никогда бы не кинула его под полку в чулане!

— Но это же... Я не имела права! — Лена Простакова чуть не плакала.

— Бабушка, — попросила Алиса, — давай отдадим портрет Лене.

— И никому об этом не скажем? — хитро улыбнулась бабушка.

— И никому об этом не скажем!

— Тебе повезло, Лена, — сказал бабушка, — что я тружусь здесь вместе с Алисой. Она совершенно не знает, что такое дисциплина. Так что бери портрет, иди домой! Говоришь, он хороший?

— Мы сидели с ним на берегу Евфрата, — задумчиво сказала Лена. — Начинался розовый рассвет. Саша пел мне греческую песню «Сиртаки»...

— Я тебе завидую, — сказала бабушка и протянула портрет спасательнице.

Глава четырнадцатая

ГИБЕЛЬ АТЛАНТИДЫ

Алиса и бабушка остались одни.

Алиса подошла к столу и подумала: что же еще связано с древним греческим языком? Ведь только что она держала в руках портрет Александра Македонского... древнегреческая надпись... другая надпись... Где же была другая надпись?

Алиса принялась разбирать бумаги на столе.

Конечно же, вот он, свиток!

И этикетка на нем, что этот свиток принадлежит Платону и его следует вернуть...

Алиса осторожно развернула свиток.

Она увидела те же греческие буквы, как на портрете Александра Македонского.

«Дорогой Аристокл, — начиналось письмо. — Да хранят тебя боги! Должен сказать тебе, что в моем плавании большим утешением служили твои «Диалоги», которые ты дал мне почитать и просил возвратить после того, как я достигну Карфагена. Вначале, читая «Диалоги», я был полностью уверен, что ты, мой друг, написал их специально, чтобы дать пример идеального общества. Но описание Атлантиды настолько хорошо, что я стал сомневаться: а вдруг она существовала на самом деле?»

Алиса читала письмо вслух.

Бабушка отложила работу, подошла поближе и спросила:

— А ты этого Аристокла знаешь?

— Ничего не понимаю, — призналась Алиса. — Сначала я думала, что тут речь идет о «Диалогах» и об Атлантиде, а оказывается, это письмо какому-то Аристоклу, который ничего не знал.

— Стой! — закричала бабушка. — Не смей меня запутывать. Когда в школе учили про твоего Аристокла, Патрокла и Плутарха, я болела свинкой. Рассказывай все с самого начала.

Тогда Алиса включила видеобраслет и спросила Ричарда:

— Простите, но я здесь нашла письмо к Платону, то есть

я думала, что к Платону, а оказывается, в нем обращаются к какому-то Аристоклу.

— Все правильно, — откликнулся Ричард. — Я об этом где-то читал. Будущий великий древнегреческий философ был в молодости чемпионом по легкой атлетике. Он был таким сильным и красивым, что его прозвали Платоном. Это значит «Широкоплечий». Но друзья детства помнили его настоящее имя. И если ты нашла письмо, в котором Платона называют Аристоклом, значит, писал кто-то из его близких друзей.

— Вот видишь! — сказала Алиса бабушке.

— Я ничего не вижу, — ответила бабушка, — пока ты не объяснишь. Что за «Диалоги» он написал, при чем тут Атлантида и о каких законах идет речь?

— В Древней Греции жил философ Платон, великий ученый. Он придумал идеальное государство, самое лучшее и справедливое. Платон написал труд, который называется «Диалоги». В них он разговаривает с другими философами и со своими учениками на разные темы. И об Атлантиде тоже.

— Я помогу Алисе, — вмешался в разговор Ричард с экранчика на браслете. — Платон говорил, что некогда, за много тысяч лет до него, египетские жрецы знали о том, что в океане располагался остров Атлантида.

— Знаю, — сказала бабушка. — Слышала. Была Атлантида, а потом утопла. А раз утопла, то ее и прозвали утопией. Правильно?

— Не совсем, — возразил Ричард. — Но вы правы в том, что Атлантида — это первая утопия в истории Земли, то есть выдуманное идеальное общество, какого на самом деле и быть не может.

— Но ведь утопла? — настаивала бабушка.

— Тебе неинтересно слушать? — спросила Алиса.

— Интересно, только ты сама рассказывай, мне тебя перебивать легко, а Ричарда неловко, все-таки он научный сотрудник, а ты простая школьница и даже не отличница.

— Как так не отличница! — возмутилась Алиса. — Я по рисованию отличница и по биологии отличница. А по остальным предметам почти отличница.

— Рассказывай, Алиса, — попросил Ричард. — Мне тоже интересно тебя послушать.

— Значит, в океане был большой остров Атлантида.

— В Атлантическом океане? — уточнила бабушка.

— Может быть, и в Атлантическом, — согласилась Алиса. — Но не все согласны.

— Так нырнули бы и отыскали ее, — сказала бабушка.

— Ныряли, — сказала Алиса. — Чего только не нашли! Даже в Тихом океане нашли, да все не та Атлантида, не платоновская...

— А где платоновская?

— В этом-то и заключается жгучая тайна. Известно только, что Посейдон объявил Атлантиду своим владением.

— Стой, стой, стой! — остановила Алису бабушка. — Это еще кто такой, почему не знаю?

— Ой, бабушка, — засмеялась Алиса. — Ты была очень болезненным ребенком!

— Ничего подобного! Я была живым и веселым дитем, — ответила бабушка.

— Почему же ты так часто болела?

— А про Посейдона тоже в школе учили? — спросила бабушка.

— Еще как! Ведь Посейдон — это один из самых главных греческих богов. Он был богом морей. Когда Посейдон сказал другим богам, что берет себе Атлантиду, они очень рассердились. «Еще чего не хватало! — кричали боги. — Мало тебе морей и океанов! Ты еще и сушей хочешь завладеть?» Но Посейдон, конечно же, никого не послушался, а взошел на свою колесницу, запряженную волшебными морскими конями, и помчался над волнами к Атлантиде.

Алиса перевела дух, а бабушка сказала:

— Не отвлекайся. Тебя старшие слушают, а ты вздыхаешь.

— Ребенок хочет пить, — вмешался робот-тележка Грузик. — Я привез вам лимонаду.

— Спасибо, Грузик, — поблагодарила Алиса и принялась пить лимонад. Лимонад был холодный, вкусный, бабушка тоже пила, а Ричард Темпест воспользовался перерывом и пришел из своего кабинета в чулан.

Напившись, Алиса продолжила свой рассказ об Атлантиде:

— В то время на острове жили только старик Евенор и его жена Левкиппа. Они были не очень обыкновенными людьми, их породила мать-Земля, а пап и мам, как другим людям, им не досталось. Наверное, они, как грибы, выросли под дождиком.

— А что! — заметила симферопольская бабушка. — У меня с Жорой Турелли был фокус. Зарываем в опилки на арене зернышко, поливаем, и появляется ма-а-а-ленький мальчик, растет, растет и вырастает в нашего администратора дядю Пашу. — Тут бабушка увидела, что никто не смеется, и поспешила сказать: — Ты продолжай, Алисочка, продолжай! Очень интересно! Я жалею, что так плохо училась в школе.

— Значит, жили на острове муж и жена, и была у них дочка Клейто. Самая обыкновенная девушка, но необыкновенной красоты. Скучала она на том острове безмерно. Представляете — никого, кроме пожилых родителей!

— И не с кем в прятки поиграть, не с кем куклу поняньчать, — сочувственно сказала бабушка. — Бедное дитя!

— Дом их стоял на горе, точно посреди Атлантиды, а от моря к ней вела прямая долина длиной в 50 стадий.

— Ну вот, не знали печали! — воскликнула бабушка. — Что еще за стадии такие? Метры знаю, сантиметры, даже дюймы и мили выучила, пока матроской на шхуне «Домовой» служила, а вот что такое стадия — не слыхала.

— Стадия равна 193 метрам, — сказал Ричард, заметивший, что Алиса запнулась: не знает, что такое стадия. — А название она получила потому, что такой длины была беговая дорожка на древнегреческих стадионах. Спортсмены соревновались в беге на стадию.

— Поняла! — ответила бабушка. — Поняла, откуда получилось такое нелепое слово, как «стадион».

— Посейдон пришел в одинокий дом и сказал, что он — моряк, потерпевший кораблекрушение. И попросил приюта. Ну как откажешь в приюте гиганту, красавцу, силачу — богу во всех отношениях!

— Красиво говоришь, Алиса, — заметила бабушка. — Интересно, а ты сама его не встречала?

— Но ведь бог Посейдон — это сказка! — сказала Алиса.

— Сомневаюсь, но не перебиваю, — сказала бабушка. — Продолжай.

— Посейдон влюбился в Клейто и потому прожил в том доме несколько лет. Он взял Клейто в жены, а сам ухаживал за ее родителями, пока они не умерли и не ушли обратно в землю. Пока Клейто вела хозяйство, Посейдон занялся строительством. Сначала он выкопал на холме два колодца, из которых стали бить родники: один с ледяной водой, а второй с кипятком, для стирки и кухни.

— Ах, если бы все мужья были такими! — воскликнула бабушка. — Не дождешься!

— Затем Посейдон обнес горы каменной стеной, а вокруг нее вырыл канал и заполнил его водой из родников. Посейдон трудился, а у Клейто родился маленький мальчик, а потом еще один мальчик, а потом еще один...

— Постой, Алисочка, — сказал Ричард, — к сожалению, ты ошиблась. Платон пишет, что Клейто родила близнецов, пять пар близнецов, а не отдельных мальчиков.

— И правильно! — одобрила бабушка. — Если ты решила родить много детей, то куда экономнее рожать сразу по двое или по трое. Значит, у них было десять детей?

— Пять пар близнецов, — подтвердил Ричард, — мал мала меньше, то есть погодки.

— Сыновья росли, занимались спортом, учились, — сказала Алиса. — Всем было весело, но Посейдон боялся, как бы его сыновья не перессорились из-за власти над островом. Поэтому он поделил остров на десять частей, как режут круглый торт, дольками. При дележе самому старшему сыну по имени Атлант достался и родительский дом на горе. Так как Атлант был главнее, остальные сыновья должны были его слушаться. С тех пор десять сыновей, которых назвали царями Атлантиды, дружно командовали своим островом и никогда не ссорились. У каждого из царей рождались дети, и все они были мальчиками. И все в свою очередь становились царями.

— Чудесная история, но, к сожалению, пока счастливая, — сказала бабушка.

— А что в этом плохого? — спросила Алиса.

— То, что такие истории хорошо не кончаются. Не может быть, чтобы десять царей долго жили в мире, и не может быть, чтобы обездоленный народ не встал на защиту своих интересов! — сказала бабушка. — А ну расскажи, что еще твой Платон придумал про эту сказочную страну.

— На Атлантиде были богатейшие рудники, где добывали самородную медь и ковали из нее доспехи, посуду и утварь. И это неудивительно, потому что Атлантида существовала в бронзовый век. Ты знаешь, бабушка, что такое бронзовый век?

— Наверное, не то, что алюминиевый, — сказала бабушка.

— Тогда еще железа не придумали, — объяснила Алиса. — Поэтому мечи, посуда, наконечники копий и щиты — все было бронзовым.

— А откуда же в Атлантиде взялись люди? Не только же цари там жили! А то бы им и жениться не на ком было.

— Атланты, наверное, покупали рабов, — сказала Алиса. — А может быть, к ним приплывали люди из других стран. Приедут по делам, увидят, как атланты живут, и остаются. Ведь Атлантида стала центром тогдашнего мира, в гаванях стояли сотни кораблей, там были склады и верфи, чтобы строить новые корабли. От моря до горы, где когда-то стоял дом стариков, прокопали широкий прямой канал. Рядом с тем местом построили храм Посейдона. Туда ходили молиться покровителю острова и приносили жертвы этому богу. Храм сверкал под солнцем, потому что был покрыт серебряными листами. Внутри же его отделали слоновой костью и золотом.

Вода из холодного источника служила для того, чтобы поливать сады, а горячая по трубам попадала во дворцы и дома и согревала их.

— Смущает меня этот горячий источник, — сказала бабушка.

— Почему?

— Потому что горячие источники обычно бывают там, где есть действующие вулканы.

— Погоди, бабушка, рано об этом, — сказала Алиса. — Мало ли почему бывают горячие источники?

— А какой там был климат, известно?

— Климат там был мягкий или даже тропический, — сказала Алиса. — Египетские жрецы говорили, что в Атлантиде не бывало зимы и в год снимали по два урожая зерна.

— А с кем Атлантида воевала? — спросила бабушка.

— Почему ты думаешь, что она воевала?

— Такая богатая страна и никому не понадобилась? — воскликнула бабушка. — Так не бывает. Тем более не бывало в древние времена.

— У атлантов были могучая армия и флот, — сказала Алиса. — Ее берега охраняла тысяча кораблей, а армия насчитывала десять тысяч боевых колесниц. И пока все цари Атлантиды жили в мире и дружбе, ее бы никто не смог победить.

— Значит, все-таки...

— Ну погоди, бабушка, уже немного осталось! Я же и так коротко рассказываю.

Бабушка замолчала.

— Каждые пять лет, — продолжала Алиса, — все десять царей приезжали в храм Посейдона и там решали все важные проблемы. И они это делали удивительным образом! С наступлением темноты они входили в храм, одетые в черные тоги. Слуги гасили факелы, и тогда цари на ощупь находили кресла и усаживались в них. Дверь в храм запирали, и теперь можно было обсуждать все секреты так, что говорившего никто не видел.

Всю ночь разговаривали цари, а с рассветом принимали решения, записывали их на золотых листах и клали листы на алтарь Посейдона. И впредь никто не мог изменить этих решений.

Так продолжалось много сотен лет. Но вот до атлантов стали доходить слухи о том, что за морем крепнут греческие государства. Потом и корабли стали приплывать оттуда. И чем сильнее становилась Греция, тем больше беспокоились атланты. Они решили первыми напасть на греков, чтобы те не успели их победить. Атланты собрали флот, посадили на корабли солдат и отправились в Средиземное море. Греческие корабли попытались встать на пути флота атлан-

тов, но потерпели поражение и утонули. Атланты выбрались на греческий берег, и почти все города им сдались.

— Ну уж это преувеличение! — вмешалась бабушка. — Знаю я греков, они так просто не сдадутся.

— Они не все сдались, — согласилась Алиса. — Их самый знаменитый город Афины отказался сдаваться. И афиняне так отчаянно защищали свой город, что атланты отступили. Сначала отступили, потом побежали, а потом еле ноги унесли.

— Так им и надо! — воскликнул Ричард Темпест, который забыл, что он совсем взрослый и знает эту историю с детства.

— Это исторический факт? — спросила бабушка.

— Никто не знает, — ответила Алиса. — Надо у Платона спросить.

— А что он нам рассказал про Атлантиду? Куда она делась?

— Остатки флота атлантов возвратились домой, но греки их не преследовали. Не было у них для этого сил, да и кораблей не осталось. Но тут...

Алиса замолчала, как царица Шехерезада, потому что знала: ее слушатели увлечены рассказом и, если бы она сейчас попросила десять порций мороженого за то, чтобы продолжить свои речи, бабушка, Ричард и даже пират Сильвер помчались бы за мороженым. Но, конечно же, Алиса не такая вредная, чтобы гонять друзей за мороженым — если нужно, и сама купит, — но помолчать немного стоило — пускай трепещут от нетерпения!

— Что еще там случилось? — первой не выдержала бабушка.

— Началась страшная ссора между богами, — сказала Алиса. — Ведь Афины и вся Греция — это царство верховного бога греков Зевса, а Атлантида принадлежит Посейдону, и все цари — его правнуки. Зевс поклялся, что накажет коварных атлантов, которые решили завоевать ни в чем не повинную Грецию.

— Только попробуй! — закричал на Зевса Посейдон. — Только попробуй напакостить Атлантиде, я твою Грецию утоплю!

Но на стороне Зевса были богини Афина и Гера.

Шум стоял страшный, а так как боги кидаются друг в дружку не чайными чашками и подушками, а молниями и горами, то на Земле небесный скандал превратился в настоящую катастрофу.

Страшные грозы загремели в небе над Атлантидой. Волны кинулись на ее берега. Разгневанный Зевс бабахнул по острову своим посохом. И затряслась земля! Открылись жерла вулканов!

Стали рассыпаться, как песочные, дворцы и города.

А Зевс уже ничего не слышал и не видел, остановить его было невозможно. Он втыкал посох в Атлантиду, колотил им по острову и добился своего...

Атлантида начала медленно погружаться в океан.

В ужасе тысячи людей бежали от моря, карабкались на холмы и центральную гору. Их столько там собралось, что гора стала черной от человеческих голов.

Люди тянули к небу руки, кричали, молились, но их голоса не достигали слуха богов, потому что греческие боги редко замечают людей, они заняты своими делами и склоками.

Алиса помогала себе руками, словно была артисткой на сцене. Голос ее дрожал:

— И вот вся Атлантида оказалась под водой!

Сначала в океане образовалась гигантская воронка. В нее затянуло все корабли, которые успели выйти в море. Потом высокие волны пронеслись над остатками Атлантиды и смели с нее леса, растения и последние дома. И не осталось в живых ни одного атланта.

Тогда Посейдон схватил свой трезубец и принялся вонзать его в Грецию. Он наслал на нее ветры и молнии — и Греция была разрушена. Почти все греки погибли. Так боги поссорились, а пострадали люди.

Потом Зевс и Посейдон помирились и отправились пировать, а Греция еще много лет не могла оправиться от разорения.

Моряки рассказывали, что смытая с полей почва, растения и деревья еще долго плавали на месте погибшей Атлантиды, и даже корабли старались обходить это опасное место. Все. Я больше ничего не знаю об Атлантиде!

В чулане было тихо, целую минуту никто не сказал ни слова.

— Так что же, в конце концов? — воскликнула вдруг бабушка. — Была Атлантида или ее выдумали? Это вопрос вопросов!

— Надо поговорить с Платоном, — ответила Алиса.

Ричард посмотрел на нее с подозрением и спросил:

— Надеюсь, ты не помчишься в Древнюю Грецию говорить с Платоном? Это совершенно исключено!

— Знаю, что исключено, — вздохнула Алиса.

Ричард ушел, бабушка стала собираться домой.

Алиса снова взяла свиток, лежавший на столе, и, развернув, принялась его рассматривать.

— Ты идешь? — спросила бабушка.

— Иди, я тебя догоню, — ответила Алиса.

— Ладно, только не задерживайся надолго, — сказала бабушка.

И она ушла.

Алиса слушала, как по коридору удаляются ее шаги.

Потом возвратилась к свитку.

Это был удивительный свиток, и никто, кроме Алисы, не догадывался, что именно он поможет разгадать тайну Атлантиды. Правда, для этого на самом деле стоило бы поговорить с Платоном.

Глава пятнадцатая

ГДЕ ИСКАТЬ ПЛАТОНА?

Алиса вновь развернула свиток и снова прочла письмо.

«Дорогой Аристокл, — читала она. И уже знала, что Аристокл — это настоящее имя великого философа Платона, который, как все знают, придумал Атлантиду. — Да хранят тебя боги! Должен сказать тебе, что в моем плавании большим утешением служили твои «Диалоги», которые ты дал мне почитать и просил возвратить после того, как я достигну Карфагена. Вначале, читая «Диалоги», я был полностью уверен,

что ты, мой друг, написал их специально, чтобы дать пример идеального общества. Но описание Атлантиды настолько хорошо, что я стал сомневаться: а вдруг она существовала на самом деле?»

Алиса отложила письмо и задумалась. Что она узнала из письма? Первое — пишет друг Платона, настолько близкий, что тот доверил ему ценнейшую рукопись. Ведь в те времена никаких типографий и даже пишущих машинок не существовало.

Во-вторых, ясно, что этот друг — путешественник, и он поплыл из Греции в Карфаген. А любой человек, который немного интересовался историей, знает, что Карфаген — это город в Северной Африке. Его основали финикийцы — народ мореплавателей, путешественников и торговцев. Карфаген прославился через много лет тем, что воевал с Римом, да так отчаянно, что карфагенский полководец Ганнибал чуть было не победил Римскую империю. Но в истории «чуть-чуть» не считается. В конце концов Ганнибал был побежден римлянами, а город Карфаген разрушили.

Читаем дальше, сказала себе Алиса.

«Должен сообщить тебе, Платон, что в доме моего нового друга, жреца здешнего храма, я рассказывал о твоей Атлантиде. И жрец, сын жреца, внук жреца и даже правнук жреца, сказал мне, что его предки знали о такой стране, которая лежала в океане, за Геркулесовыми Столпами, а потом была проклята богами и погрузилась в волны. Однако еще до гибели той страны корабли из Карфагена ходили туда с товарами, и когда-то один из капитанов привез оттуда письмо какому-то атланту, жившему в Карфагене по торговым делам. Но что-то случилось. Возможно, адресат умер. Словом, письмо осталось в доме жреца. Мне показалось интересным послать это письмо тебе. Ведь если Атлантида — не твоя шутка, а действительно существовавшее государство, то ты, наверное, включишь это письмо в следующее издание твоих «Диалогов». Пользуюсь случаем также вернуть тебе твою рукопись. Твой верный друг Эмпедокл».

Алиса увидела, что внутри свитка с письмом Эмпедокла лежит кусок ткани. На нем были изображены совершенно неизвестные Алисе знаки.

— Но ведь это великое открытие! — воскликнула Алиса. — Значит, Атлантида на самом деле существовала, а потом утонула! Сейчас же надо отправлять экспедицию в Атлантический океан. Именно там, а не в Тихом океане и не в Средиземном море лежала самая настоящая Атлантида. А если и были другие Атлантиды, например в Тихом океане, то они не настоящие.

Надо тут же рассказать обо всем Ричарду или даже директору института.

Алиса протянула палец к кнопке внутренней связи, но вовремя спохватилась.

И вот почему.

Если она скажет, что нашла доказательство, что Атлантида была на самом деле, то в экспедицию ее конечно же не возьмут. Рано тебе, скажут они, тебе еще учиться надо.

А если даже и возьмут, то куда они поплывут?

Атлантический океан — огромный.

В нем есть пропасти, горные хребты и глубоководные долины. Если Атлантида погибла от извержения и бурь, то остатки ее наверняка покрыты илом. Ведь недаром ни одна экспедиция Атлантиду до сих пор не отыскала.

Так что остается сделать то, чего делать совершенно не разрешается.

Надо самой потихоньку отправиться к философу Платону, чтобы отдать ему письмо, которое по неизвестной причине до адресата не добралось.

Сейчас все уже ушли из института, и никто не заметит, что Алиса пользуется машиной времени.

Но так ли это? Может, наоборот? Легче слетать в прошлое днем, когда в институте много народа, все кабины включены, люди летают туда и обратно... А ночью ты включил машину — и сразу тревога! Почему ночью? Кто разрешил?

Сразу прибежит вахтер, выключит машину и еще сообщит самому директору.

Единственный выход — самой пойти к Сильверу, во всем сознаться. Пускай он будет союзником.

Алиса взяла письмо Эмпедокла Платону и листок с пись-

менами атлантов и отправилась по пустому коридору к выходу.

Ей никто не встретился. Даже робот Вертер не попался, наверное, у него тоже кончился рабочий день.

Сильвер собирался закрывать институт. Он уже расстелил на своем рабочем столе почти белую скатерть. На ней лежала оловянная ложка с гнутой ручкой, стояла кружка, бутыль туманного цвета и еще блюдечко с гречневой кашей, из которого клевал попугай.

— Ты иди, иди, — сказал он Алисе, — не задерживайся, практикантка. А то у нас ужин начинается.

— Даже удивительно, — сказала Алиса, — что вы меня на ужин не позвали. Вот если бы вы ко мне домой пришли, я бы вас обязательно накормила.

— А что у тебя сегодня на ужин? — заинтересовался попугай.

— Не знаю. Вроде бы сибирские пельмени, салат из крабов и ананасы со взбитыми сливками.

— Тогда пошли! — сказал попугай. — Нечего мне, как нищему, из блюдца гречневую кашу клевать.

Но Алиса, конечно же, и не собиралась домой. А вдруг сейчас и старый пират решит к ней в гости идти?

Но пират не поддался.

— Постыдись, попка! — воскликнул он. — Перед народом стыдно.

— Значит, не приглашаете? — спросила Алиса.

— Иди домой, там и ужинай. А у нас здесь все рассчитано на двоих.

— Ладно уж, — сказала Алиса, — приятного аппетита. Меня получше ужин ждет, чем ваш и даже чем домашний.

— Где же это? — подозрительно спросил Сильвер.

— Понимаете, — сказала Алиса, — я получила приглашение от Платона. Он как раз урожай винограда собрал, виноградной водки бочку нацедил, да вот не знает, кому бы в подарок бутылочку послать.

— Мне, — сразу ответил пират.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Я тогда ему скажу: пират Сильвер...

— И я! — крикнул попугай.

— Ты же водку не пьешь!

— Я единственный в мире попугай-пьяница, — ответил попугай пирата.

— Я пошла, включу машину, — сказала Алиса, — так что не удивляйтесь, это я к Платону поехала.

— А почему я должен тебе верить? — спросил старый пират. — А что, если ты все сама выпьешь?

— Сильвер Джонович! — воскликнула Алиса. — Ну как вы могли такое подумать? Я же учусь в школе, в пятом классе. У нас с этим строго.

— Все-таки я с тобой...

— А кто же будет институт охранять? — удивилась Алиса. — Вы представляете, какой поднимется скандал, если вас не найдут на рабочем месте?

— Пускай гонят! — крикнул пират. — Меня вообще здесь не ценят. Спецодежды не выдают.

— Мы порошок «Тайд» просили, — пришел на помощь сторожу попугай, — а нам что дали? «Блеск»! Разве «Блеском» перила отмоешь?

— Вот именно! — сказал пират.

— Жалко, что вас выгонят, — сказала Алиса. — Институт без вас — не институт. Возьмут они какого-нибудь Робинзона Крузо на ваше место...

— На мое место? Этого бездельника Робинзона? — Пират расстроился, он чуть не плакал. — Нет, Алиса, я раздумал. Не полечу я за виноградной водкой к твоему Платону. Мне важнее институт сберечь. А то сейчас всякие злобные космические силы распоясались. У меня под охраной имущество. Нет, ты и не уговаривай, сама лети.

— Точно, — поддержал друга попугай. — Лети сама, Алиса, только о нас не забывай. Попадется тебе там лишняя бутылочка, вспомни о нас... А если увидишь маслины, вспомни — нет мне жизни без маслины! Поняла?

— Поняла, — сказала Алиса.

— Ну чего ты стоишь здесь, прохлаждаешься? — рассердился пират Сильвер Джонович. — Что я, подталкивать тебя должен? Тебя же Платон ждет, уже бутылку приготовил. А ну, быстро!

Алиса сказала:

— Ну, если вы настаиваете...

— Еще как настаиваем! — завопил попугай.

И тогда Алиса побежала к машине времени.

Она задала компьютеру работу — определить точно место и время, где можно отыскать древнегреческого философа Платона, и отправить туда практикантку Алису.

Компьютер долго решал эту задачу — видно, давно никто не летал к Платону.

Наконец загорелась зеленая лампочка на пульте.

Машина готова к переброске.

«Письмо с собой!» — проверила Алиса.

Она набрала код Древней Греции, имя Платона — остальное за нее сделает компьютер.

Раздалось негромкое жужжание.

Алиса покрепче схватилась за поручни, которые выходили из пульта и как бы обхватывали Алису.

Стены исчезли.

Алисе показалось, что она падает в глубокую пропасть.

Еще минута — и она в Древней Греции.

Глава шестнадцатая

АЛИСА И ПАСТУШОНОК

В Древней Греции было жарко.

Белое солнце светило на ослепительном небе. Ни облачка. Земля высохла так, что от каждого шага над дорожкой поднималось облачко белой пыли.

Впереди возвышались стены какого-то города.

«Интересно, — подумала Алиса, — это Афины? Но почему я тогда не вижу холма Акрополь, на котором должен стоять знаменитый храм Парфенон?»

Рядом с Алисой стояло раскидистое дерево, дающее негустую, но все же настоящую тень. Корни дерева расступились, а под ними оказалась щель, как домик.

Алиса быстро стянула с себя костюм, осталась в шортах и кедах.

Под деревом в тени спал загорелый пастушонок. Он про-

снулся и удивился, что видит такую странную белокожую девочку.

— Ты кто? — спросил пастушонок. И Алиса не сразу поняла, что он говорит вовсе не на греческом, а на каком-то другом языке. Но язык был очень похож на греческий.

— Я Алиса, — сказала она. — Давай меняться.

— Как меняться?

— Я тебе дам мой замечательный костюм, а ты мне свою накидку.

— Покажи, — сказал пастушонок.

Он взял костюм Алисы и долго мял его в пальцах.

— Издалека везла? — спросил он.

— Очень.

— У нас так не делают.

— Знаю. Меняемся?

— Не, — сказал пастушонок, — хозяин сразу отберет.

— А ты не показывай. Продай в городе.

— Неплохая мысль, — сказал пастушонок и рассмеялся. — А ты куда идешь?

— В ваш город. Это Афины?

— Никакие не Афины! — возмутился пастушонок. — А самые настоящие Сиракузы, поняла?

— Сиракузы... мы это проходили... Я только забыла, где они?

— Как где? — удивился пастушонок. — Сиракузы — самый главный и великий город во всем нашем мире. Сама-то ты откуда, если о Сиракузах не слыхала?

— Я из Москвы, но не в этом дело...

— И в какой же стране есть такой городишко? — спросил пастушонок.

— Есть такая страна, — ответила Алиса. — Ты еще маленький, не знаешь.

— Получается, для тебя Сиракузы неизвестные, а для меня Москва неизвестная. Значит, ты шпионка, и я тебя, пожалуй, лучше отведу, куда надо. Наш великий и непобедимый тиран и владыка Дионисий Единственный приказал всех шпионов и лазутчиков сразу вести к нему и казнить.

— А чего же я шпионила? — спросила Алиса.

— Ты? Да любой шпион найдет, чего шпионить. На то он

и шпион. Может, ты даже не девочка, а враждебный карлик. А может, в твоей Москве настоящих шпионов не хватило, вот они и послали девчонку, которую я одним пальцем опрокинуть могу.

— Знаешь что, — предложила Алиса, — раз ты такой сильный и смелый, давай соревноваться. Если я тебя одолею, то ты мне отдашь свою накидку. Она все равно старая и рваная.

— А если я тебя одолею? — спросил пастушонок.

— Тогда ты возьмешь мой костюм и отведешь меня, куда надо, чтобы меня казнили как шпионку.

— Надо подумать, — сказал пастушонок и принялся шагать туда и обратно по зеленой траве. Овцы ходили за ним всем стадом: они думали, что пора домой, в овчарню.

— Хорошо! — сказал пастушонок. Видно, рассудил, что с Алисой всегда справится. — С чего начнем наши соревнования?

— Ты решаешь, ты хозяин, — сказала Алиса.

— Давай по камню кинем, — сказал пастушонок. — У кого дальше полетит, тот и победил.

Алиса согласилась.

Тогда пастушонок выбрал два камня. Себе взял камешек размером с грецкий орех, а Алисе дал булыжник с большое яблоко.

— Вон туда кидаем, — сказал он, — в сторону дерева.

Он размахнулся и кинул камешек так, что он почти долетел до дерева.

Алиса, конечно, могла бы кинуть туда же, она все хитрости этого древнегреческого мальчишки видела насквозь. Поэтому она решила кончить бой одним ударом.

Она как следует размахнулась и метнула камень, как метают диск. Даже завертелась на месте.

Даже овцы ахнули, когда увидели, как высоко, к самым облакам, взметнулся булыжник и опустился далеко за деревом.

— Ну все? — спросила Алиса. — Я победила? Давай меняться и попрощаемся.

— Ничего подобного, — злым голосом ответил пастушонок. — Ты бросила не по правилам. Так не кидают.

— А мы не договаривались, как кидать. Каждый кидает, как умеет, — сказала Алиса.

— Значит, тебе твои паршивые московские боги помогали, — сказал пастушонок. — Таких, как ты, надо на костре жечь.

— Не стоит меня на костре жечь, — сказала Алиса. — Если ты считаешь, что лучше меня кидаешь камни, то давай побежим до дерева и обратно. Кто быстрее, тот победил.

— Еще чего не хватало! — возмутился пастушонок. — Ты девчонка, я тебя в два счета обгоню.

— Вот и обгони, — согласилась Алиса.

Они встали рядом. Мальчик приказал овцам дать сигнал.

Овцы хором заблеяли. Три раза. На третий раз пастушонок побежал. Алиса за ним. Она не спешила бежать первой, чтобы пастушонок не сказал, что она жулит.

На половине пути она легко обогнала мальчишку и, обогнув дерево, даже подождала его. Пастушонок тяжело дышал, и лицо у него было злое. Но упрямым он оказался до ужаса.

— Что, устала? — спросил он из последних сил. — Сейчас упадешь, да?

— Почему ты так решил, дружок? — спросила Алиса. Она побежала рядом с ним, не обгоняя.

— Я... ух... я... — Но ничего сказать он не смог, дыхания не хватило.

Тогда Алиса перешла на спортивную ходьбу. Конечно, спортивной ходьбой ты нормального бегуна не обойдешь, но пастушонок бежал из последних сил, и если бы ему на макушку сел комар, то мальчик бы от тяжести свалился.

Так они рядышком доплелись до старта, и Алиса сказала:

— Вообще-то ты молодец. Такой слабак, а доплелся. Упрямый.

Пастушонок только и смог, что оскалиться.

— Ну что, кончили мы с тобой соревнования? — спросила Алиса.

— Нет, — с трудом ответил мальчик.

— И что же ты предлагаешь?

— Драться! — прохрипел пастушонок.

Алиса уселась на траву, сорвала травинку, пожевала ее и сказала:

— Хоть я и спешу, но тебе надо отдохнуть. Отдышись, тогда будем драться. Только без оружия, голыми руками.

Ее противник лег на траву и старался отдышаться.

Овцы собрались со всех сторон, стояли, склонив головы, и смотрели на своего пастуха. Видно, переживали за него, болели. Но помочь не могли. Одним укоризненным взглядом Алису не победить.

Досчитав до тысячи, Алиса вскочила на ноги и спросила:

— Ну как, будем драться или сдаешься? А то мне уходить пора.

— Будем драться, и я тебе покажу! — сказал пастушонок.

Алиса была в одних шортах. Пастушонок тоже сбросил на траву серый холщовый мешок с прорезями для головы и рук.

«Хорошо, — подумала Алиса, — по крайней мере, не придется раздевать этого упрямца».

Все остальное заняло ровно двадцать секунд.

Пастушонок кинулся на нее, как баран на новые ворота.

Алиса, как вы понимаете, сделала небольшой шажок в сторону и, когда мимо нее пролетала костлявая торпеда, подсекла противника, и пастушонок полетел вперед над землей и шлепнулся пузом на траву метрах в пяти от Алисы.

Овцы снова ахнули.

Потом Алиса взяла мешок — одежду пастушонка и натянула через голову. Кто теперь отличит ее от любого небогатого ребенка в городе Сиракузы, который, оказывается, для кого-то был центром мира?! Удивительно все-таки устроены люди.

Пастушонок лежал, около него стояли овцы. Алиса склонилась над ним.

— Ты не ушибся? — спросила она.

— Уходи, а то я тебе покажу! — прошептал поверженный противник. Гордый и не сдавшийся.

— Ухожу, — сказала Алиса.

Она пошла к городу и вдруг услышала за собой чьи-то шаги. Алиса даже испугалась.

Обернулась — оказывается, часть овечьего стада решила,

что Алиса в мешке — их новый пастух. Другие остались возле старого пастуха.

Алиса прикрикнула на овец, чтобы не ходили за кем ни попадя.

Вслед Алисе по направлению к городу летело облако пыли. Алиса не поняла, что это такое, но отступила в сторону.

И правильно сделала. По дороге неслась колесница, запряженная двумя конями. В колеснице стояли два человека. Один правил, второй, прекрасный юноша в золотом шлеме, был пассажиром. Больше Алиса ничего разобрать не успела.

До городских ворот она встретила еще нескольких путников, но никто из них не обратил внимания на ребенка, бредущего по жаре к городу.

Над головой вились слепни и оводы, жара стояла несусветная. Сейчас бы окунуться, да негде. И непонятно притом, почему она оказалась в этих самых Сиракузах. Компьютер не ошибается, наверное, Платон живет сейчас здесь.

Ворота в город были раскрыты — видно, в такую жару и стеречь его никому не хочется.

Глава семнадцатая

ТОРГОВЕЦ КНИГАМИ

Город был не очень большой, но тесный. Где искать Платона?

Алиса пошла по самой широкой улице, куда шли все.

И правильно сделала — она очутилась на базарной площади.

Площадь окружали магазинчики, похожие на пещеры, товары были выставлены и повешены у входа. На площади к тому же торговали овцами, ослами и конями, толкучка вокруг царила невообразимая.

И тут Алиса увидела книжный магазин.

Конечно, там продавались не книги (книг в те времена еще и в помине не было), а разного рода свитки, от маленьких, со стихами, до очень больших — как Алиса поняла, сборников законов. К тому же у входа в магазин на досках висели географические карты, картинки и даже картины.

А на мраморном столе перед входом были разложены записные книжки — восковые таблички в деревянных рамках и острые палочки, чтобы записывать на воске. Интересный оказался магазин, и Алиса наверняка провела бы тут много времени. Да и хозяин магазина ей понравился. Это был большой пузатый человек с завитой рыжей бородой, в черной тюбетейке и засаленном на пузе зеленом халате. И понятно почему. Хозяин ел чебурек, с которого на халат капал жир.

— Простите, — сказала Алиса в полном изумлении, — как же вы такими жирными руками хватаете книжки?

Алиса сказала это нечаянно, она не хотела обидеть торговца. К тому же она уже поняла: с торговцами на рынке Сиракуз лучше не разговаривать, потому что при виде оборванки они сразу же хватаются за что-нибудь тяжелое.

Но книжный торговец даже не обиделся.

— Я никогда жирными руками не беру книг, — сказал он, — для этого, ребенок, у меня есть помощник.

Торговец сложил блестящие толстые губы в трубочку и свистнул.

Тут же из темной лавки выскочила рыжая обезьяна, ну точно такого же цвета, как борода торговца.

— Покажи клиенту новую комедию Аристофана, — сказал он.

Обезьянка посмотрела на Алису, показала ей язык и убежала внутрь магазина.

— Вот видишь, — сказал торговец. — Она уже научилась отличать покупателей от вредных зевак.

— А я вредная зевака? — спросила Алиса.

— Ты вредный мальчишка. И не очень образованный. Неужели ты до сих пор не знаешь, что слово «зевака» — мужского рода?

— В русском языке именно так, — согласилась Алиса. — А в тонкостях древнегреческого, да еще сиракузского, я еще не разбираюсь.

— Ох-хо-хо! — воскликнул торговец. — Клянусь моей мамой Емимой, что означает на нашем финикийском наречии «голубка светлая», я давно не видел такого наглого ребенка!

Он щелкнул пальцами два раза, и из темной лавки на задних лапах вышли два больших рыжих кота. Каждый держал в передних лапах по тарелке с чебуреками. Они поставили их на землю у ног торговца и так же гордо и медленно ушли.

— У нас в семье все рыжие, — сказал торговец книгами. — Бери и ешь чебуреки, их делает Эмиуд, отец Фалмая, и нет ему равных в землях финикийских! Ешь, не стесняйся, ведь ты голодный, мальчонка, по глазам вижу. Кстати, как тебя зовут?

Алиса уже поняла, что торговец человек добрый, бить не будет, кричать не будет.

— Меня зовут Алисой, — призналась она. — И я, кстати, девочка. Я русская.

— В это трудно поверить, — сказал торговец, — но я всегда сначала верю человеку и жду, когда же он начнет врать. Начал врать — я ему верить перестаю, не начал — буду верить до конца жизни. Здравствуй, Алиса, но я тебе руки не подаю, она у меня жирная от чебурека. А зовут меня Иовом, в честь дедушки назвали. Большой был мученик. Тебе его имя ничего не говорит?

— Извините, нет.

— Я так и думал. Забываем великих людей, забываем. А ты ешь, ешь, потом мне расскажешь, откуда ты услышала про этрусков.

— Я не этруска, — улыбнулась Алиса. — Я русская.

— Русских не знаю. Этруски вон там, на севере живут. А где русские?

— В России, — сказала Алиса.

— Очень любопытное открытие. А где же Россия?

— А она далеко-далеко на севере, и можно сказать, что ее еще нет, ее еще не придумали.

Торговец вздохнул и кинул в рот целый чебурек.

— Боюсь, что скоро перестану тебе верить, — сказал он, проглотив чебурек.

— Жалко, — сказала Алиса. — Я говорила правду.

— Если ты такая правдивая, то скажи мне, что тебя привело в эти провинциальные, никому не нужные Сиракузы?

— А мне один мальчик сказал, что Сиракузы — это центр мира.

— Для человека, который не видел света, — наставительно сказал Иов, — даже кучка навоза может быть центром Вселенной. Проблема в точке зрения. И каждую точку зрения надо уважать.

Торговец вздохнул и опечалился, но Алиса не поняла, что он хотел сказать.

— Так почему ты здесь? — повторил он вопрос.

— Я ищу одного греческого философа. И думаю, что вы знаете, где его отыскать.

— Греческого? Философа? Ты, наверное, имеешь в виду знаменитого Платона?

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Алиса. — Как вы быстро догадались!

— Мир образованных людей очень узок, — сказал Иов-младший. — И люди необразованные всегда подозревают образованных во всяких гадостях. Зачем, думают они, кому-то нужны науки и искусства? Что это за слово такое ругательное — «философия»? Например, знаешь ли ты, что недавно случилось в Афинах?

И Алиса сразу догадалась, что имеет в виду торговец. Ведь недавно в главном городе Древней Греции, в Афинах, суд приговорил к смерти самого великого ученого на свете — Сократа за то, что он подает плохой пример молодежи, учит их разным наукам и утверждает, что у человека есть бессмертная душа. Сократ был учителем Платона. Он сам выбрал себе смерть — выпил целую чашу яда цикуты.

Алиса все вспомнила и ответила:

— Недавно в Афинах умер Сократ. И даже через две или три тысячи лет люди будут помнить и чтить его память, а всех его убийц давным-давно забудут.

— Ох, какой ты умный ребенок! — закричал торговец книгами. — Вы только посмотрите на такого умного ребенка, да к тому же еще и девочку! И я всегда говорю: всех мучителей забывают, хотя сегодня они думают, что у них есть власть! Это не настоящая власть! Это власть над нашими телами, но если ты гордый, то ни один негодяй, ни один бан-

дит или угнетатель не сможет добраться до твоей души. Вот именно так!

И тут бедный Иов заплакал, снял свою тюбетейку и стал вытирать слезы.

«Видно, у него тоже неладно сложилась жизнь», — подумала Алиса.

Немного успокоившись, торговец спросил Алису:

— Ты хочешь увидеть Платона?

— Да, — сказала Алиса. — Мне нужно отдать ему письмо от Эмпедокла из Карфагена.

— Боже мой! — воскликнул Иов. — Я знаю Эмпедокла, я встречал его здесь. Он афинянин, правда же, он афинянин и хозяин торгового судна?

— Наверное, — сказала Алиса, — но его письмо потерялось, а Платону его обязательно надо прочесть.

— И ты ради этого отправилась в путешествие из страны... как называется твоя страна?

— Моя страна будет называться Россией.

— Ах, какая отважная девочка! Я хотел бы, чтобы у меня была такая дочка! А то все мои дочки думают только о куклах и женихах, ты представляешь?

— Это ужасно! — согласилась Алиса.

— Еще чебуреков хочешь? — раздался голос из-под ног Алисы.

Там стоял один из рыжих котов.

— Нет, спасибо, — сказала Алиса. — Я сыта.

— Чудо! — воскликнул Иов. — Вы только посмотрите на этого бездельника! Вы когда-нибудь видели, чтобы он кому-нибудь предложил добавки чебуреков? Это же первый жадина на всем острове Сицилия!

— Для кого жадина, а для кого готов последнюю рубашку снять, — с достоинством ответил кот и ушел. А из дверей добавил: — Была бы девочка хорошая.

— Ты произвела неизгладимое впечатление на моих животных, — сказал Иов.

— А где мне отыскать Платона?

— Платон живет у своего друга Диона, — ответил торговец. — Он нередко заходит ко мне. Он путешествует по всему свету, чтобы не оставаться в Афинах, где убили его учите-

ля Сократа. Вот и приехал сюда. А тут подружился с Дионом, они вместе занимаются науками, и у них есть один план, но я вам не скажу, и поймите меня правильно — не имею права!

По всему было видно, что рыжий толстяк готов лопнуть — так ему хочется выдать тайну. Но Алиса молчала, и тогда, не выдержав, торговец прошептал:

— Они хотят устроить здесь справедливое государство, в котором все люди будут равны, ты представляешь?

— Как же они намерены это сделать?

— Дион — племянник правителя, нашего тирана Дионисия Единственного. Они хотят уговорить его измениться, стать хорошим и добрым.

— А Дионисий?

— Кто их поймет, этих тиранов? По мне, так лучше с ними вообще не разговаривать. Сегодня он хочет справедливости, а завтра супа из акулы. Пока что ходят слухи, что Дионисий решил ввести в армии курсы доброты, запретить убивать овечек и рабов, открыть школы и даже академию, заниматься гимнастикой и делать каждый день по доброму делу.

— Это очень интересно! — сказала Алиса. — Расскажите же мне, как пройти к Платону?

— Если пойдешь прямо, то упрешься во дворец Дионисия, но ты туда не ходи, а поверни направо в переулок и увидишь синюю калитку. Стучи в нее.

Глава восемнадцатая

ПЛАТОН В БЕДЕ

Алиса не успела попрощаться с добрым книжным торговцем, как услышала стук копыт по каменной мостовой.

К лавке подъехала колесница. Молодой человек, прекрасный и роскошно одетый, соскочил с нее и подбежал к торговцу.

— Иов! — закричал он, не обращая внимания на людей вокруг. — Случилась беда! Платона схватили!

— Что такое? — Торговец выбежал на улицу, за ним толпились его звери: рыжая обезьяна и два рыжих кота, с потол-

ка свесилась рыжая летучая мышь, а на плечо торговцу села рыжая ворона. — Как это могло случиться? Он же гость!

Конечно, Алиса никуда не стала убегать, а вернулась к лавке Иова.

Молодой человек ее не заметил. Он взволнованно рассказывал:

— Учитель Платон согласился пойти со мной на встречу с царем. Да и мой дядя Дионисий не отказывался от встречи. Ему даже приятно было, что такой знаменитый ученый остановился в его городе. Ведь мог отправиться в Карфаген или Иудею. Мог выбрать страну этрусков или ассирийцев. Нет, он живет на Сицилии! А я сколько раз говорил: «Дядя, воспользуйся случаем, станешь знаменитым на весь мир! Ты построишь свое государство, как учит Платон! Даже черные эфиопы и люди из Индийского царства придут к тебе на поклон. Фараон египетский лопнет от зависти! Выслушай Платона и узнай, какой он великий человек».

— И ваш дядя, славный Дион, — спросил торговец книгами, — согласился с вами?

— Мой дядя Дионисий Единственный, честно говоря, сомневался. Он все хотел мне сказать, что никто на свете не знает, как управлять государством, лучше его самого.

— Так я и думал, — вздохнул Иов, — так я и полагал. Ну продолжайте, мой юный друг.

— Мы сегодня собрались во дворец. Я отвез Платона на лучшей колеснице, дядя приготовил легкое угощение, в тронном зале собрались все придворные, которые старались не пропустить ни слова из разговора.

— И придворные радовались тому, что теперь Дионисий будет создавать справедливое государство?

— Да вы с ума сошли, Иов! Придворные готовы были растерзать Платона. Как ты будешь воровать и грабить в справедливом государстве?

— Тонкое наблюдение, — сказал торговец.

— Платон стал говорить о том, что у каждого человека есть бессмертная душа, о том, что во всех вещах есть скрытая суть. Глазами всего не увидишь, надо уметь заглянуть в душу вещей и в душу событий. А настоящий царь должен создать государство, в котором не будет угнетения и где даже воины

будут учиться только на благородных примерах. Там все станут честными... Я смотрел на моего дядю Дионисия, — продолжал молодой Дион, — и видел, что ему речь Платона с каждой минутой нравится все меньше. Но я и подумать не мог, что в конце концов царь взбесится. «Стой! — закричал он. — Ни слова больше! Я знаю, что ты грязный шпион республиканцев из Греции. Вы хотите у меня отнять власть! Да кому нужен добрый царь? Его тут же ограбят и выкинут на помойку! Я желаю избавиться от этого Платона, пока бедняки и оборванцы не наслушались его вредных идей и не свергли меня с престола!» Ну тогда я понял: есть опасность, что Платона вышлют из Сиракуз, и отправится мой учитель путешествовать дальше и искать более доброго и справедливого царя. Но как я был не прав! Все обернулось куда хуже!

— Что же случилось? — воскликнул Иов.

— Дионисий приказал схватить Платона и продать его в рабство.

— Как так может быть? — Торговец книгами был потрясен. — Нельзя продать в рабство свободного гражданина Греции, который принадлежит к самому высокому роду Афин.

— Все можно, если ты сильный и бесстыжий. Дионисий отлично знает, что за Платона некому вступиться!

— И что дальше?

— Дальше? Дальше Платона связали и отправили на рынок рабов. Мой подлый дядя решил не терять времени даром. Он даже велел своим слугам не гнаться за высокой ценой, а продать его как самого обычного землепашца или галерного гребца.

— Ой! — вырвалось у Алисы. Ей стало так жалко великого ученого, что даже словами ее жалость не описать. — Неужели так можно обращаться с людьми?

— А это что еще за Демосфен? — спросил Дион.

Молодой человек с удивлением и презрением смотрел на оборванца, который посмел вмешаться в разговор благородных людей.

— Это ребенок Алиса из страны Россия, — сказал торговец книгами. — Она удивила меня своими познаниями и утверждает, что у нее есть послание к Платону из Карфагена.

— Боюсь, что не скоро наш друг и учитель прочтет это послание, — сказал Дион. — А может, и никогда! — Он всхлипнул и вытер набежавшую слезу.

— Тогда пойдите и купите Платона, — сказала Алиса. — Неужели у вас не найдется денег на одного раба?

— Убирайся, оборванка! — крикнул Дион.

Крикнул он это по-древнегречески, но Алиса поняла и не обиделась. Во-первых, он человек знатный, значит, отсталый и почти дикий, а во-вторых, он очень расстроен и беспокоится за Платона.

Алиса отступила на шаг, но, конечно же, не убежала. Она, как вы знаете, бывает очень упрямой, особенно если уверена, что права.

— Ребенок, — вздохнул Иов, — верно, ты права, когда советуешь почтенному Диону выкупить своего друга. Но Дион не богат, он сам живет на то, что ему подарит его дядя Дионисий. А представляешь себе, что будет, если дядя узнает, что сделал Дион?

— Он будет его уважать, — предположила Алиса.

— Он ему отрубит голову, — сказал сам Дион. — Не могу же я купить раба, которого продает мой дядя, на деньги, которые мне дядя и дает! Не мо-гу!

— Тогда вы купите Платона! — сказала Алиса книготорговцу. — Разве вы не знаете, что Платон — самый великий мыслитель всех времен и народов? А вам стало жалко кучки монет. Да вас будут славить так же, как самого Платона! Уж я об этом позабочусь!

Дион и Иов засмеялись. Они уже не сердились на Алису — ну что сердиться на дурочку? И все же Иов сказал:

— У меня каждый медяк на счету... Семью надо кормить, налог надо платить, взятки надо давать и еще надо домой посылать, где у меня осталась старушка мама. Да я питаюсь чечевичной похлебкой! Я недоедаю! Я вина не пью!

Алиса хотела было сказать, что видела, как коты кормят торговца чебуреками, но потом подумала: «Ну что я ему докажу? Он же сам верит, что такой бедный!» К тому же Алиса вдруг почувствовала взгляд и увидела, что оба рыжих кота смотрят на нее грозными желтыми глазами и скалятся, как

злые собаки. Разве тут посмеешь обвинить их любимого хозяина?

— Но неужели у вас в городе нет богатых людей, которые любят Платона?

— Очень немного, — ответил торговец.

Дион схватился за голову ладонями.

— Что делать, что делать! — стонал он. — История нам этого не простит!

— И очень скоро, — сказала Алиса. — Завтра уже об этом будет знать вся Греция. Уж что-что, а афинский военный флот на вас сразу нападет.

Но эти Алисины слова никого не напугали.

— Ты плохо знаешь царей и политиков, — сказал торговец книгами. — Ни один из них и пальцем не пошевелит, чтобы помочь философу, который хочет, чтобы все люди были счастливы. Ведь цари и генералы хотят только сами быть счастливыми, иметь роскошные загородные дворцы, самые лучшие заграничные колесницы и много-много золота и рабов. Нет, не надейся, что Афины кинутся выручать Платона.

— Но может, и там найдутся какие-нибудь его ученики?

— Ученики бедные, а остальные жители Афин совсем не желают, чтобы новый Сократ учил их детей тому, что воровать и убивать плохо. Представляешь, ты много лет учил своего ребеночка воровать, грабить и обманывать... и вот нате!

Алисе, конечно, не хотелось верить в такое, тем более что она уже знала, что Платон останется живым и, вернее всего, возвратится в Афины, но, к сожалению, перед отъездом в Древнюю Грецию она забыла заглянуть в учебник истории и узнать, продали его в рабство или нет.

Тогда она сказала:

— Если вы не можете помочь своему другу, то я сама достану денег. Вы только скажите, сколько стоит Платон?

— Ох, много! — прошептал торговец. — Ой, как много! Всех овец твоего отца, если у него есть овцы, не хватит, чтобы расплатиться!

— Когда будет торговля? — спросила Алиса.

— Сегодня после обеда, — сказал Дион.

Молодой человек уже не кричал на Алису и не гнал ее.

— А где?

— Повыше, у дворца на площади Собраний. — Дион показал в сторону холма.

— Благодарю вас, — сказала Алиса. — До встречи на площади Собраний. — И она кинулась бежать.

Кто-то из торговцев не сообразил, в чем дело, и закричал:

— Держи вора!

Зеваки и бездельники, которых всегда хватает на восточном рынке, побежали с криками за ней, по дороге каждый что-нибудь украл, так что за Алисой неслись десятки преследователей.

Но Алиса, разумеется, всех обогнала, выбежала в городские ворота и понеслась по полю туда, где таилась машина времени.

По дороге ей попался пастушок. Он так и не надел ее комбинезона.

— Отдавай сейчас же мою тунику! — завопил он.

— С удовольствием, — ответила Алиса и на минуту задержалась, чтобы снова переодеться.

Глава девятнадцатая

НУЖЕН КЛАД!

Когда Алиса возвратилась в институт, там царил покой.

Ночь. Все спят. Никого нет.

Алиса пробежала на цыпочках к входу, где дежурил Сильвер Джонович.

Пират спал на диване, накрыв физиономию шляпой Наполеона. Попугай тоже спал. Он сидел на спинке дивана, спрятав голову под крыло, и даже похрапывал.

Алиса остановилась в нерешительности.

Куда бежать? Где доставать деньги? Наверное, все-таки быстрее всего попросить их у Сильвера. Уж у него-то всегда есть запасец.

К счастью, Сильвера будить не пришлось.

Старый пират еще не потерял ловкости.

Он неожиданно вскочил с дивана, нахлобучил шляпу на

нос, и в руке у него оказалась широкая загнутая сабля. Он прыгал на одной ноге.

— Руки вверх! — закричал он. — Лицом к стене!

— Погодите, Сильвер Джонович, — сказала Алиса. — Своих друзей надо узнавать.

— Мои друзья спят без задних ног, — сообщил пират, — а не шастают ночью по секретному институту! Ты почему здесь?

— Забыли?

— Я ничего не забываю! — ответил пират. Он сел на диван и стал привинчивать деревянную ногу, которую на ночь снимал. — Но вспоминаю не сразу. Напомни-ка мне, где ты была.

— В Древней...

— Конечно же в Древней Басурмании, в Древней Индии и так далее. Могла бы там переночевать, лучше, чем пожилых людей будить на середине самого интересного сна в моей жизни. Как мне его теперь досмотреть?

— Сейчас ляжете и досмотрите, — сказала Алиса. — Только дайте мне немного золота.

— Немного чего?

— Понимаете, Платон попал в рабство, его продают... Мы обязаны его выкупить. Ради науки.

— Значит, твоего Платона продают, а я должен его покупать... Ну и дела!

Сильвер подошел к своему вахтерскому столу, уселся за него, достал из нижнего ящика недопитую бутылку рома и плеснул в серебряный пиратский стакан.

— Ваше здоровье, — сказал он.

Выпил, крякнул и спросил:

— И где же я отыщу золотишко?

— Где-нибудь, — сказала Алиса. — Неужели не накопили?

— Даже если и накопил, то держу в банке.

— Ах, в банке! — воскликнул попугай.

— Вот именно, в железной банке из-под чая, — сказал Сильвер. — Оно у меня все учтенное. И его перемещать из нашего времени не положено.

— Почему? — спросила Алиса.

— Ну, это золото — как будто живое. И живет в нашем времени. Все знают, откуда оно пришло, где крутилось, куда легло...

— А что нам тогда делать? — расстроилась Алиса.

— Ума не приложу.

Алиса готова была расплакаться.

— Дело идет о жизни и смерти великого ученого!

— Да хоть и невеликого, — ответил пират. — Не положено, и все тут!

Сильвер сам расстроился, плеснул себе еще рому, выпил, но ничего не придумал.

Наконец он произнес:

— Вот если бы нам с тобой это золото из земли выкопать или клад найти... Неучтенный, неизвестный. Да где его найдешь?

— Мне сегодня нужно, — сказала Алиса.

— Понимаю.

Попугай слетел на стол, покачал головой и сказал:

— Есть клад, только неизвестного содержания.

— Где?

— В шляпе, — сказал попугай. — Дело в шляпе. В той, что на голове у Сильвера нахлобучена. Там же на подкладке план Наполеоном нарисован!

— И что же? — спросила Алиса. Она даже не сразу вспомнила, что случилось так недавно. Она думала только о горькой судьбе Платона.

— А что? — сказал Сильвер. — Может быть, у нас клад на носу, а мы сидим тут чаи распиваем.

Он нажал кнопку на своем столе и спросил:

— Компьютер, ты не спишь?

— Не говорите глупостей, Сильвер Джонович, — ответил компьютер. — Как я могу спать?

— Это точно, — согласился пират. — Где такому подушку найдешь?

Компьютер фыркнул от гнева. Потом спросил:

— Спрашивайте, отвечаем.

— Тебе вчера вечером Грузик приносил схему? — спросила Алиса. — План какой-то местности, с речкой, озером и горушкой?

— Разумеется, приносил и просил от твоего имени отыскать, где это место находится на самом деле.

— И ты отыскал? — спросила Алиса.

— Это немыслимо, — ответил компьютер. — По такому наивному детскому рисунку никто не способен что-нибудь найти.

— Как жалко! — сказала Алиса. — А нам очень нужен какой-нибудь клад.

— Погоди ты! — рассердился компьютер, хотя, как все знают, компьютеры не умеют сердиться. Они только подражают людям. — Погоди ты! — повторил компьютер. — Никто не способен, но ведь я гениальный компьютер. И я отыскал три места на Земле, где таким вот образом течет речка, впадает в озеро, а рядом горушка.

— Где же они?

— Одно находится в Бразилии, в заповеднике обезьян. В густых джунглях.

— Наполеон там никогда не был, — сказала Алиса.

— Тогда есть второй вариант, — предложил компьютер. — Такое место расположено в Индии в верховьях реки Брамапутры...

— Нет! — сказала Алиса. — Наполеону нечего делать в верховьях реки Брамапутры.

— Тогда остается последнее место. Это речка Варавка недалеко от города Смоленска. Она впадает в озеро Глубокое возле горушки Зверушка.

— Правильно! — закричала Алиса. — Там проходил Наполеон, когда бежал со своей армией из Москвы. Компьютер, наложи, пожалуйста, нашу схему на карту.

— Слушаюсь и повинуюсь, — сказал компьютер.

Тут же на стене загорелся белый квадрат. На нем возникла местность, как ее видно со спутника. Показалась речка, изогнувшаяся дугой, длинное, как запятая, озеро и горка, поросшая лесом, только из космоса не было видно, елки это или сосны.

Затем невидимая рука наложила на эту картинку рисунок, который сделала Алиса, — нарисованная речка легла на настоящую речку Варавка, озеро — на озеро Глубокое, а горушка Зверушка попала под кружок, обведенный черным карандашом.

— Вот здорово! — сказала Алиса. — А что ты еще знаешь про это место?

— Тут в самом деле проходили войска Наполеона, — ответил компьютер. — Было очень холодно, стояла ранняя зима, французы замерзали, а русские гусары, казаки и партизаны нападали на них из леса. Французы уже жалели, что напали на Россию, и мечтали только об одном — скорей бы добраться до своей теплой Франции, где и снега-то толком не бывает. Неподалеку...

Изображение на стене сместилось, и стали видны крыши каких-то строений.

— Неподалеку, — сказал компьютер, — была деревня Новостройки, в которой, как рассказывали старики, Наполеон провел два дня. Он ожидал, пока подойдут из Москвы обозы. Но что случилось потом, никто не знает — обозы то ли подошли, то ли не дошли. Наполеон сел в кибитку и поехал дальше. Когда-то, лет сто назад, в этих местах целая экспедиция искала следы клада Наполеона, но не нашла.

— А что было в кладе? — спросил Сильвер.

— Разве мы знаем? — удивился компьютер. — Вернее всего, сокровища, которые Наполеон награбил в Москве. Всем известно, что он велел погрузить ценности в закрытые кареты, они выехали из Москвы, но до Франции не доехали и пропали.

Глава двадцатая

СОКРОВИЩА В ОЗЕРЕ

Два флаера за несколько минут одолели расстояние от Москвы до горушки Зверушка у реки Варавка.

Внизу лежал такой глубокий снег, что даже медведи пробивались сквозь него с трудом, а уж зайцы проваливались целиком, только уши торчали. Тут к зайцу можно было подойти совсем близко, схватить за уши и вытащить наружу. Он даже не сообразит, кто же его поймал.

В ту зиму малышам не было большего удовольствия, чем

лепить снеговиков. Во всей Москве морковка пропала — пошла на носы снежным толстякам.

Алиса смотрела вниз и любовалась синим под луной снегом, черными елями и редкими огоньками деревень или гостиниц.

И вдруг...

— Сильвер, ты видишь? — воскликнула Алиса.

— Вижу и удивляюсь, — ответил старый пират.

И на самом деле было чему удивиться.

Снег внизу исчез. Как будто флаеры пронзили невидимую стенку и попали совсем в другое время года.

Алиса снизилась и поняла, что летит над зеленой летней поляной, окруженной березами. Листва берез шумела под ветром.

Алиса обернулась. Сзади еще можно было разглядеть снежное поле.

— Это чудо и сказка, — произнес пират.

Но Алиса знала, что сказок и чудес не бывает. Вернее, они бывают, но им всегда можно отыскать разумное научное объяснение.

Поэтому Алиса нажала на пульте кнопку «ИНФОРМАЦИЯ».

Нежный голос произнес:

— В чем проблема, пассажир?

— Скажите, — попросила Алиса, — а почему здесь не зима, а лето?

— Внизу расположен детский сад для слабеньких детей, — ответил нежный голос. — Ведь даже в наши времена бывают слабенькие дети, особенно на отсталых планетах. Они должны жить в тепле и греться на солнышке. Поэтому для них выбрали отдаленное лесное место на берегу речки и озера. Построили им домики с большими открытыми верандами, где детишки спят. А весь этот лес окружен силовым полем, так что холода и снег ударяются о невидимую стену гигантского купола, но не могут проникнуть внутрь.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Теперь мне все ясно.

— Можно я еще кое-что скажу? — спросил нежный голос.

— Говорите.

— Вы намерены опускаться возле детского садика?

— Разумеется, — ответила Алиса.

— Тогда, пожалуйста, не шумите и не говорите громко. Дети уже спят и могут испугаться.

— Мы обещаем, обещаем! — закричал попугай. — Я за ними буду следить! Я очень люблю маленьких детей!

— Это кто такой? Кто говорит? Кто так громко кричит?

— Это всего-навсего птичка! — Алиса постаралась успокоить перепугавшееся справочное бюро. — Просто у нее громкий голос, потому что птичка провела молодость на пиратских кораблях.

— Ах, какой ужас! — прошептало справочное бюро и отключилось.

— Ну вот, — вздохнула Алиса. — Ты совершенно невоспитанная птица!

— А ты чего от меня хотела? — удивился попугай. — Я же в гимназиях не обучался. Мы — пэтэушники.

— Кто?

— Птички тихие и умные. ПТУ.

— Снижаемся, — сказала Алиса. — И попрошу не шуметь.

— Есть не шуметь! — отозвался пират Сильвер.

— Есть шуметь поменьше, — сказал попугай.

Грозно шумел лес на горушке, по речке неслась рябь, плескала рыба, редко, но грозно квакали лягушки и урчали жабы.

Флаеры опустились на берегу озера.

На минуту из-за облаков показалась луна и высветила дорожку на воде. Озеро было невелико, оно упиралось в дремучий лес.

Но с этой стороны вдоль озера тянулся причал, возле которого под ветром покачивались лодочки, а выше по берегу в ряд стояли домики.

— Где крестик? — спросила Алиса.

Грузик посветил фонариком, а Алиса заглянула в шляпу Наполеона.

— Все ясно, — сказала Алиса.

— Все ясно, — подтвердил Сильвер.

Оба показали на точку в озере недалеко от берега.

— Надо нырять, — сказал Алиса. — Хорошо, что льда нет.

Она посмотрела на Сильвера.

Пират посмотрел на Алису, потом на озеро, а потом спросил:

— Здесь глубоко, да?

Голос у знаменитого пирата был хриплым и несмелым.

— Уж, наверное, глубоко, — сказала Алиса. — А то бы сокровища давно нашли.

— Недаром озеро зовется Глубоким, — вмешался попугай. — Я бы сам нырнул, да перья не позволяют.

Пират поежился и сказал:

— Прости, Алиса, но я родился в такие древние времена, когда никто не учил детей плавать.

— Но ведь ты был пиратом!

— У нас на корабле шлюпки были, — сказал Сильвер. — А у меня еще и деревянная нога. Я три раза спасался после кораблекрушения. Возьмусь за свою деревянную ногу и плыву себе по воле волн.

— Ладно, — не стала спорить Алиса. — Давай я сама нырну.

— Правильно, — обрадовался Сильвер, — если умеешь плавать, тебе ничего не страшно.

— Но она может простудиться, — сказал компьютер голосом Грузика. Он ведь следил за тем, что происходило на берегу озера.

Алиса подошла к берегу, разулась и потрогала воду кончиками пальцев.

— Не страшно, — сказала она. — Вода прохладная, но не холодная. Я и в более холодной купалась.

— И все же не исключена опасность простуды, — сказал компьютер противным голосом.

— А сам ты не простудишься? — спросила Алиса.

— Я не ржавею, — сказал Грузик.

— Компьютер, — спросила Алиса, — твои датчики установлены на тележке?

— Я все вижу, что видит тележка, и даже больше.

— Тогда пошли! — скомандовала Алиса.

Она первой вошла в воду. И сразу поскользнулась и ухнула в глубину — так резко вниз шел берег.

Алиса проплыла несколько метров под водой, вынырнула и поплыла дальше.

Рядом забурлила вода. Показался кончик металлического щупальца тележки.

— Нахожусь на дне, — сообщил кончик щупальца. — Через два метра центр крестика.

— Он может быть поставлен не точно на месте клада, — сказала Алиса. — А приблизительно.

— Не маленький, — обиделся компьютер, — кое-что понимаю.

Алиса снова нырнула, но под водой почти ничего не смогла увидеть.

К тому же вода замутилась.

Когда Алиса вынырнула, чтобы вдохнуть воздуха, сверху спустился попугай. В клюве он держал маленький фонарик.

— Спасибо, — сказала Алиса и снова нырнула.

На этот раз она увидела, что Грузик бредет по дну озера, погрузившись в тину.

Алиса проплыла еще немного вперед. Там поднимались какие-то бугры.

Она направила на них луч фонарика — рыбки кинулись врассыпную.

— Включаю локаторы! — сказал компьютер, и его голос был слышен в воде.

Робот-тележка послушно подобрался к холмикам и начал разгребать тину.

— Вижу ящики, — сказал компьютер, — сундуки, коробки, бочки, шкатулки и прочие хранилища вещей. Вернее всего, предположение о том, что это сокровища, которые французы вывезли из Москвы, но зимой в лютые морозы кинули в озеро, оказалось правильным.

Алиса вынырнула и спросила:

— Компьютер, ты можешь определить, что лежит в ящиках?

— К сожалению, не сразу. Мне удобнее вытащить их на берег. Кстати, их все равно придется вытаскивать, иначе нас никто не поймет.

Алиса согласилась с компьютером и вернулась на берег, а робот Грузик занялся работой.

Он забирался в тину, хватал щупальцами ящик или сундук и тащил его на берег. А там уж пират Сильвер, попугай и Алиса осматривали ящик и заглядывали в него.

Разумеется, по всем правилам археологии так делать нельзя.

Потому что подводные и подземные сокровища вынимают специальными машинами, чтобы чего-нибудь не повредить, потом сушат, моют, наклеивают на них этикетки, реставрируют, ремонтируют и отправляют в музей.

Но в компании, залезшей ночью в озеро Глубокое рядом с горушкой Зверушка, главной была девочка Алиса, которая думала только об одном — как ей отыскать золото или драгоценности, чтобы купить на древнем рынке в городе Сиракузы великого философа Платона, имевшего неосторожность уговорить местного тирана переделать свое государство из несправедливого в справедливое. Вот его и продают в рабство. И помочь ему сможет только Алиса.

— Где здесь драгоценности? — спросила Алиса.

Грузик все еще трудился, вытаскивая из озера ящики и бочки. Сильвер пытался их открыть, а компьютер, который все видел, шумел, что археологи не имеют права вскрывать гробницу Тутанхамона, пока им не разрешат.

— Эхма! — воскликнул Сильвер, достав свой клинок, подцепил им крышку одного из ящиков и рванул.

Раздался оглушительный треск.

Стаи ворон с криком поднялись над темным лесом, забурлила вода — это кинулись врассыпную щуки и сомы, зажглись огни в домиках детского садика, заплакали дети, и дежурные роботы принялись их одевать, чтобы вывести из зоны бедствия.

— Осторожнее, коллега! — крикнул попугай. — Они арестуют тебя прежде, чем ты добудешь сокровища!

— Нет, ты только посмотри! — Сильвер вытаскивал из сундука кое-как пересыпанные опилками и переложенные соломой кубки, тарелки, серебряные кастрюли, позолоченные самовары, чайные и столовые ложки, ножи для фруктов, для мяса, для рыбы и для зубров...

Все внимание были приковано к пирату, так что Алиса быстро осмотрела добро, выставленное на берегу, и подобрала с травы шкатулку черного дерева.

Она попыталась открыть ее, но ключика у нее не было, а так замок не открывался.

— Грузик, — попросила Алиса, — протяни мне одну ручку и открой замок.

Грузик метнул в сторону Алисы стальное щупальце и его кончиком осторожно потрогал замок. Замок заскрипел тонким голоском, щелкнул, и крышка шкатулки открылась.

Внутри были солома и тряпочки.

Алиса поставила открытую шкатулку на траву, присела возле нее на корточки и вытащила твердую штучку, завернутую в тряпку.

И эта штучка оказалась самым обыкновенным драгоценным камнем, может быть, алмазом, а может, изумрудом, но главное — камень легонько светился, отражая лунный свет.

Алиса расстелила на траве тряпку и положила на нее камень, затем достала из шкатулки жемчужное ожерелье, сразу десяток золотых колец и маленькую корону, которая называется диадемой. Диадема была усыпана бриллиантами.

Теперь, пока не опомнились, надо было решить, что взять с собой в древние Сиракузы, чтобы расплатиться за Платона.

Только не надо думать, что Алиса не понимала, как плохо себя ведет. Конечно же, все эти драгоценности надо срочно сдать в музей. Их ценность не в деньгах, которые они стоили, а в искусстве, вложенном в них мастерами.

Но Алиса решила: пускай она будет виновата. Потом разберемся. Но будет куда хуже, если великого древнего ученого продадут в рабство и он погибнет, так и не написав своих знаменитых книг.

Диадему Алиса брать не стала. И понятно почему: она слишком уж необычная, ее сразу угадают — не было таких диадем в Древнем мире!

Надо взять что-нибудь попроще.

Наверное, вот эту связку золотых перстней. Хорошо бы еще узнать, сколько они стоят, но, пожалуй, об этом легче узнать там, в древности.

Алиса спрятала кольца в кармашек шортов и аккуратно сложила драгоценности обратно в шкатулку.

И вовремя.

Над озером уже кружили флаеры милиции. Из детского сада в милицию позвонили и сказали, что какие-то преступники вытаскивают клад из озера Глубокое. А ведь в детском саду самый маленький малыш и тот знал, что именно в этом озере утоплен клад Наполеона.

Так что Алиса побежала в лес, а Сильвер стал объясняться с властями.

Алиса рассчитывала на то, что ее сразу не хватятся. К тому же милиция всегда подозревает в первую очередь пиратов, а уж в последнюю — маленьких девочек.

Алиса помнила путь по лесу к дороге. Главное было — не налететь на сучок и не споткнуться о торчащий корень.

К счастью, до дороги было недалеко, а уж по дороге Алиса припустила во всю прыть. А когда увидела вдалеке огни какого-то грузовичка на воздушной подушке, замахала руками.

Грузовичок остановился. На его кузове была нарисована корова.

Пожилой мужчина выглянул из кабины и спросил:

— Что делает в лесу одинокая девочка голого вида? Неужели твоих родителей сожрали волки?

— Шутки в сторону! — ответила Алиса. — Я выполняла задание по зоологии и наблюдала, как енот роет нору. Но не заметила, что наступила ночь.

— Увлеченная, значит? — спросил молочник. Потому что грузовичок оказался молоковозом. — Хочешь ученой стать?

— Не очень, — схитрила Алиса. — Я бы предпочла стать шофером, как вы.

— Тогда садись, — сказал водитель, и они скоро домчались до города. В пути водитель рассказал Алисе, что сам он хотел петь в Большом театре, да интриганы и завистники его

обошли и не допустили. И сейчас он возит молоко, вот уже сорок лет возит, но пением все равно занимается. В будущем году готов снова поступать в певцы. Только некому доверить любимый молоковоз. И если бы его новая знакомая девочка согласилась учиться на водителя, все его проблемы были бы решены.

Алиса согласилась, соскочила с машины у стоянки флаеров и через пять минут прилетела к Институту времени. Даже замерзнуть не успела.

Глава двадцать первая

КРАСИВЫЙ РАБ

В институте Алиса не пожалела десяти минут, забежала в костюмерную и вышла оттуда в греческих сандалиях, шелковой тунике до самой земли с перевязанным лентой черным париком — длинные волосы парика падали на спину, и от этого Алиса казалась старше своих лет.

Потом она кинулась к машине времени и уже вскочила на платформу, как раздался голос:

— А я сообщу, чем ты занимаешься по ночам!

Алиса оглянулась.

В круглом белом зале никого не было.

— Я бы на твоем месте шел домой!

И тут Алиса узнала голос компьютера.

Нет, эта машина слишком много на себя берет!

Но Алиса не стала спорить с компьютером. Он кого угодно переспорит. Она набрала код Сиракуз — хорошо еще, что не нужно просить компьютер вычислять, куда ей лететь — все уже было вычислено при прошлом перелете.

Вокруг заклубилось время, искрами пролетели годы, молниями — столетия. И вот она снова в пещере возле Сиракуз, где укрыта промежуточная машина времени.

Подобрав тунику, Алиса бросилась бежать к древнему городу.

Она очень боялась, что Платона уже продали.

В Москве была зимняя полночь, а здесь разгар жаркого

дня. Жужжали оводы, мирно паслись овцы. Пастушонок, увидев Алису, не узнал ее из-за парика и туники, замахал палкой и закричал вслед что-то обидное. Это был плохо воспитанный мальчик.

Ворота города были открыты.

Алиса перешла на шаг. Она запыхалась и вспотела. Спасение Платона оказалось очень сложным делом.

Вот и рынок.

Первым делом Алиса добежала до книжной лавки Иова. Тот сидел на каменной скамье, отодвинув в сторону свитки, и жрал пирог. Перед ним стояла рыжая обезьяна и держала в лапах еще кусок пирога. Пирог был жирный, масло капало на землю, рыжие коты сидели под пирогом, разинув рты, чтобы ухватить эти капли на лету.

— Что с Платоном? — спросила Алиса, подбежав к торговцу.

— Беда, — ответил тот, не прекращая есть, — продают, живьем продают. Солнце нашей философии закатилось!

— И никто его не купил?

— Я хотел бы... нет, я не выдержал бы такого зрелища! И к тому же мне товар не с кем оставить. Растащат!

— Куда мне бежать?

— Ой, ой, ой! — закричал книжный торговец. — Так это ты, бедный ребенок? Когда же ты успела так переодеться? Я тебя совсем не узнал. И волосы другого цвета... Только глаза... те же самые глаза.

— В какую сторону мне бежать? — спросила Алиса.

— Прямо, совсем прямо, немного в горку, и ты не промахнешься. Только на обратном пути обязательно сообщи мне, кто купил! Это так важно! Я буду искать помощи...

— Я его куплю, — сказала Алиса.

— О нет, тебе это не по карману!

— Скажите, пожалуйста, — попросила Алиса, — сколько стоит это кольцо?

Она тайком отцепила один из перстней и протянула торговцу.

— Ах, какая красота! — воскликнул торговец, но потом печально сказал: — Ну откуда же мне, бедному книжнику,

знать, сколько стоят такие кольца! Может, три драхмы, может, пять драхм...

— Только, пожалуйста, скажите правду. Я же хочу освободить Платона.

— Стыд на мою рыжую голову! — закричал Иов. — Пусть меня накажет бог! Моя жадность чуть было не заставила меня солгать! Я скажу правду! Этот перстень стоит по меньшей мере двадцать драхм. И я тебе их дам! Хоть сейчас.

Алиса подумала, что, если торговец и решил немного заработать, ей некогда осуждать его. У нее еще осталось десять таких колец.

Она протянула перстень торговцу, но в этот момент на нее упала тень.

— Что ты здесь делаешь? — спросил знакомый голос. Это был молодой Дион, племянник тирана Дионисия Единственного, из-за которого Платон и пострадал.

— Даю денежек девочке, чтобы она пошла на рынок.

— Зачем?

— На рынок рабов.

— Я и пришел за этим, — сказал Дион. — Я смог занять пятьсот драхм. Мне нужна еще тысяча, чтобы участвовать в торге. Дай мне их взаймы.

— Но у меня нет ни медяка!

— А что ты собирался дать девочке?

— Все, что у меня есть, абсолютно все.

— Давай сюда! — Дион забрал двадцать драхм.

— А что ты ему оставила в залог? — спросил Дион. — Я же знаю, он так просто с деньгами не расстанется!

— Вот этот перстень, — призналась Алиса.

— Он уже мой! — закричал книжный торговец. — Я за него заплатил двадцать драхм.

— Я не торговец, — сказал Дион, разглядывая перстень, — но знаю, что стоит он впятеро дороже. Возьми, Иов, обратно свои деньги. А мы с девочкой пойдем на рынок.

— Я не хотел! — закричал им вслед торговец.

И тут же они услышали его ужасный крик. Как будто в живот ему вонзили тупой кинжал.

Алиса с Дионом обернулись и увидели, что от лавки следом за ними бежит обезьяна и несет в руке кожаный мешок, а за ней два кота с мешочками поменьше.

Обезьяна протянула мешок.

Его не пришлось развязывать, чтобы понять — он полон денег. И не надо развязывать маленькие мешочки — в них было золото и драгоценные камни.

— Спасибо, зверюшки! — сказал Дион.

— Несите деньги назад, — сказала Алиса. — Мы обойдемся без помощи вашего жадного друга!

Торговец уже догнал своих четвероногих слуг и выдирал из их когтей и пальчиков свое добро. На Диона и Алису он даже не смотрел.

Дион с Алисой рассмеялись и поспешили дальше, к центральной площади, где находились два помоста.

На одном, высоком, сидели в креслах роскошно одетые вельможи.

В центре — нетрудно догадаться! — сам царь Дионисий Единственный.

На другом помосте было пусто — с него как раз сводили нескольких негров, связанных одной цепью.

— Успели, — сказал Дион.

Они с Алисой протолкнулись вперед.

Тем временем на помост вывели человека со связанными сзади руками.

Это был очень высокий и широкоплечий молодой человек с короткой бородой, удивительно красивый и благородный. Почти живой бог.

— Вот и Платон, — сказал Дион.

— Не может быть! — откликнулась Алиса. — Он же старый и мудрый философ!

— Может, через несколько десятков лет он и станет старым и мудрым, — улыбнулся Дион, — но пока что он молодой.

Дион поднял руку, приветствуя Платона.

Платон был одет в рваную тунику, голова его была непокрыта.

Он увидел Диона и поклонился ему.

Но не улыбнулся. Он оставался печальным.

Толстый распорядитель торгов с курчавой головой сверкнул браслетами, зазвенел ими и воскликнул:

— Продается молодой и сильный раб из Греции! Победитель Олимпиады по борьбе, здоровый, умный, но не в этом дело!

На этих словах царь Дионисий и его свита принялись хохотать. У них слово «умный» вызывало припадок веселья.

— Можно использовать на галерах, в рудниках и даже кататься на нем верхом.

Тут царь и придворные просто покатились от хохота.

— Первоначальная цена за этого осла невелика! Десять драхм. Кто больше?

Тут же поднялась рука.

— Сто драхм! — послышался хриплый голос.

Алиса хотела было вмешаться в спор, но Дион остановил ее.

— Рано! — сказал он.

— Сто пятьдесят драхм! — закричал темнокожий старик с бритой головой.

— Это хозяин торговых кораблей, — сказал Дион, — ему нужны гребцы. Он даже не знает, кто такой Платон.

— А вдруг он купит? — спросила Алиса.

— И не надейся, — сказал Дион. — Появятся другие конкуренты.

— Сто пятьдесят драхм — раз! — закричал распорядитель. — Мизерная цена за такого раба. Сто пятьдесят драхм — два!

— Двести драхм! — не выдержала Алиса.

— Двести драхм молодая госпожа! — закричал распорядитель. — Двести драхм неизвестная молодая госпожа, которой нужен дружок!

— Я его убью! — сказала Алиса.

— Успеешь, — успокоил ее Дион. — И зря ты поспешила, теперь они нас заметили и будут следить. Нам будет труднее.

А цена на Платона все поднималась. Теперь уже торговались настоящие богачи. Дион объяснил Алисе, что каждый

из них хочет обзавестись таким рабом — хозяин Платона может на весь мир прославиться. Они это понимают.

Когда цена поднялась до тысячи драхм, Дион тоже вмешался в борьбу.

Но тут же нашелся соперник, который предложил тысячу двести драхм.

— Сколько у тебя таких перстней? — спросил Дион.

— Десять.

— Ой, как плохо! Еще немного, и нам придется отступить. И попадет наш Платон в лапы толстому негодяю!

— Ах, какой красивый раб! — послышался пронзительный голос.

На крытых носилках, которые несли четыре раба, на площадь въехала толстая дамочка, разукрашенная браслетами, как тигрица полосами. Она откинула полог носилок и продолжала:

— Он будет у меня виночерпием. Я его украшу и завью, я буду играть с ним в прятки!

— О боги! — воскликнул Платон. — Избавьте меня от этого! Лучше галеры!

— Две тысячи драхм! — крикнула толстуха, и ее браслеты зазвенели на всю Сицилию.

— Что делать? — воскликнул Дион. — У нас может не хватить денег.

«Какая я глупая! — подумала Алиса. — Я же могла взять у Наполеона еще драгоценностей!»

И вдруг ее кто-то дернул за край туники.

Алиса обернулась и увидела, что рядом стоит рыжая обезьяна торговца книгами и протягивает ей мешочек. Алиса взяла его. Мешочек был тяжелый.

— Здесь драхмы, — сказала обезьянка.

— Ты опять их украла? — спросила Алиса.

— Не обращай внимания! — ответила обезьянка. — У нас еще осталось.

Сзади тяжело дышал толстый торговец книгами.

— Если это ваши деньги, — сказала Алиса, — то вы не бойтесь, мы их не тронем.

Но Дион уже протянул руку к Алисе, взял кошелек и спросил Иова:

— Здесь сколько?

Вместо того чтобы закричать, потребовать свои деньги назад, Иов сказал:

— Здесь три тысячи драхм. И простите, что я пожадничал. Мои звери оказались лучше меня.

— Раз — две тысячи драхм! — кричал распорядитель. — Два — две тысячи драхм... Кто больше? Три...

— Три тысячи! — воскликнул Дион.

— Четыре! — закричала раскрашенная тетка.

Платон закрыл руками глаза. Он так боялся, что у его друзей не хватит денег.

Тетка зазвенела браслетами и закричала:

— Он мой, мой, мой!

— Ну что ты? — Алиса обернулась к Диону.

— Я сам скажу, — тихо произнес Иов, — я ведь торговец и знаю, как торговаться!

И раньше, чем распорядитель успел опустить молоток, он произнес:

— Четыре тысячи и одна драхма!

— Ах! — воскликнула тетка в браслетах и упала с носилок в обморок.

— Как вы догадались? — удивилась Алиса.

— Что переполняет чашу? — ответил вопросом на вопрос Иов.

— Капля.

— А что ломает спину верблюда?

— Соломинка, — сказала рыжая обезьяна.

— Вот именно, — согласился Иов и обернулся к распорядителю торгов. — Пожалуйста, заверните мне товар.

— Сначала деньги, а потом Платоны, — резонно заметил распорядитель.

Иов собрал нужные деньги и понес на помост.

Когда царь Дионисий Единственный увидел, что произошло, когда он увидел, как Платону развязывают руки и юный Дион обнимает его, он со злости покинул площадь, убежал во дворец и хлопнул дверью.

Все вместе они прошли в лавку торговца книгами. Там Дион познакомил Алису с Платоном и сказал, что эта девочка сделала все, чтобы его спасти. Платон страшно удивился.

Он пил виноградный сок, гладил рыжего кота и понемногу приходил в себя.

— Почему? — спросил он. — Почему ты, Алиса, так много сделала для меня? Мы же не родственники и даже не земляки. Ты откуда родом?

— Я уже говорила Диону, — сказала Алиса, — и торговцу Иову, что я приехала к вам из России. Это большая страна на севере.

— Знаю, — сказал Платон. — Там край гипербореев, где царит вечная ночь и мороз. Там вода всегда ледяная, озера и реки замерзли, а на полях лежит снег.

— Что такое снег? — спросил Дион, который никогда не видел снега в Сиракузах.

— От холода дождь превращается в белые хлопья, — объяснил Платон.

— Все это не совсем так, — осторожно поправила Алиса.

— Вижу, что не так, — сказал Платон, — поэтому мне хочется с тобой поговорить. Ты совершенно не производишь впечатления снежного человека. Так что же заставило тебя мне помочь?

— Дело в том... — начала Алиса. И замолкла. Она знала, что нельзя нарушать главное правило путешественников во времени. Нельзя в прошлом рассказывать о будущем.

Поэтому пришлось сказать неправду.

Вернее, полуправду.

— В России, — сказала Алиса, — вы очень известный философ. Вас много читают и даже в университете преподают вашу философию.

— Не может быть! — воскликнул Платон. Он был очень доволен.

— Когда я узнала, что вас продают в рабство за то, что вы хотите людям добра, я решила помочь и принесла некоторые драгоценности.

— И они не понадобились, — сказал торговец Иов. — У нас и без них хватило денег.

Алиса очень удивилась. И даже немного расстроилась.

— Значит, мои деньги не нужны?

— Если бы твоих колец не было в самом начале, наш друг Платон уже был бы рабом на галере, — сказал Дион.

— Да, — вздохнул книжный торговец. — Я очень виноват. Сначала я пожадничал.

— Хорошо, друзья! Все кончилось. Теперь я ваш раб. И твой раб, девочка из России.

Все рассмеялись, а Дион добавил:

— Алиса, ты теперь можешь взять Платона, отвезти в Россию, и он станет гребцом на твоей галере.

— Ели бы Платон согласился приехать в Россию... — начала Алиса и спохватилась. Ну какая Россия за пятьсот лет до нашей эры? Ведь даже нашей эры еще и в помине нет.

— Нет, — сказала Алиса вслух. — Конечно, я вам очень благодарна за то, что вы теперь мой раб, но лучше оставайтесь здесь. В России вы и в самом деле замерзнете.

Дион сказал:

— Хорошо, что все хорошо кончилось, но, мой учитель, я должен вас предупредить, Дионисий Единственный — человек достаточно подлый. Он очень переживает, что вас купили друзья и его наказание пропало впустую.

— Нет, не впустую, — сказал торговец книгами. — Он же все наши денежки заграбастал. Все, что я заработал таким тяжелым трудом!

— Оставьте себе мои перстни, — предложила Алиса. — Их все равно Наполеон утопил.

— Нет, честный финикиец у женщин денег не берет! — возмутился Иов.

— Поехали в мое имение, — сказал Дион. — И если хочешь, девочка из России, мы тебя тоже возьмем.

— Ой, нет! — спохватилась Алиса. — Мне же пора домой возвращаться. Я только хотела вам письмо отдать.

— Какое письмо?

— Из Карфагена, от вашего друга Эмпедокла. Он не сумел это сделать вовремя и попросил моих друзей. — Алиса достала свиток и протянула Платону.

Он развернул свиток и быстро пробежал его глазами. Затем стал рассматривать послание из Атлантиды.

— Удивительно, — произнес он. — Я не был уверен, существует ли Атлантида или ее на самом деле не было, а это простая выдумка жрецов.

— Учитель, — повторил Дион, — нам пора бежать!

Они попрощались с толстым Иовом, который уже принялся за очередной чебурек. Алиса пожала лапы обоим котам.

Потом они быстро прошли к городским воротам. Некоторые прохожие узнавали Платона и радовались.

— Как приятно, что вас купили хорошие люди, — говорили они.

Платон тоже кланялся и благодарил.

— Никогда не думала, что вы молодой, — сказала Алиса.

— Я еще стану старым, — ответил Платон. — Это происходит со всеми.

За воротами их ждала колесница Диона. Рядом стоял возничий с кнутом.

— Я буду за возничего, — сказал Дион. — А ты, возничий, дойдешь до моей виллы пешком.

Платон спросил:

— А куда подвезти тебя, девочка? Ты поедешь с нами?

— Нет, — сказала Алиса. — Я сойду вон у тех холмов.

— Чем я могу тебя отблагодарить? — спросил Платон.

— Ничем, — ответила Алиса. — Мне было важно узнать ваше мнение об Атлантиде.

— Судя по всему, — сказал Платон, — она на самом деле утонула. И много сотен лет назад.

— А вы можете прочесть это послание?

— Я буду стараться. Ведь у меня дома, в Греции, остались еще кое-какие документы...

— А ну, быстро в колесницу! — закричал Дион. — За нами погоня!

Платон и Алиса вскарабкались в колесницу, Дион подхватил из рук возничего поводья, и лошади с трудом сдвинули колесницу с места. Алиса стояла перед Платоном, и философ держал ее за плечи, чтобы не упала.

Из города выскочили всадники. С криками они помчались за колесницей.

Колесница проезжала мимо холмов, где таилась кабина времени.

— Здесь! — крикнула Алиса.

Дион придержал коней, Алиса выскочила из колесницы и побежала к холмам.

— Спасибо, девочка из России! — крикнул ей вслед Платон.

Глава двадцать вторая

ЛУЧШЕ РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ!

Вот Алиса и дома, в Москве.

В самом зале, где стоит машина времени, было пусто, зато в коридорах института, несмотря на ранний, рассветный час, кипела жизнь.

Громыхали по коридорам тележки, спешили куда-то роботы, сотрудники института несли сумки, коробки и вороха ткани.

Алису никто не замечал, никто не обращал на нее внимания.

Алиса не стала вызывать Ричарда, а проскользнула к выходу, где должен был сидеть за своим столом вахтер Сильвер.

Но Сильвер не сидел за столом.

Он стоял посреди холла, попугай сидел у него на плече, а на Сильвера смотрели десятки камер, линз объективов, электронных пушек и видовых иголок — он был в осаде журналистов и репортеров.

— Как вам удалось догадаться, где искать клад? — спрашивал один из журналистов.

— Как вы сообразили, что Наполеон спрятал сокровища Кремля в отдаленном озере?

Сильвер покачивался — деревянная нога с трудом держала его. Три пустые бутылки рома стояли на столе.

— Спа-койно! — ответил Сильвер журналистам. — Я вам не какая-нибудь сухопутная крыса! Двадцать лет на капитанском мостике бешеных кораблей пиратского флота! Я знаю, где искать клады!

— А вам приходилось самому закапывать клады? —

спросила известная телевизионная ведущая, перекричав своих коллег.

— А то как же! — ответил Сильвер. — Кладов пять-шесть я закопал, но большей частью на необитаемых островах Тихого океана, и, конечно же, за пятьсот лет кое-что забыл... Впрочем, понимаешь, мне клады не нужны. Я здесь на всем готовом и пенсия!

— Ах ты, разбойник! — чуть было не крикнула Алиса, но ей на плечо опустилась тонкая сильная рука Лены Простаковой.

— Тише, Алиса, — сказала спасательница. — Пускай старик потешится. Ведь ему так редко приходится давать интервью.

— Но ведь это неправда! — сказала Алиса. — План клада был нарисован на подкладке шляпы...

— Я все знаю, — сказала спасательница. — Он же уже час, как вернулся с озера Глубокое. К тому времени компьютер уже разбудил директора и меня и все рассказал. А ты-то где была?

— Я так... недалеко.

— Ну вот, — улыбнулась Простакова. — Ты обвиняешь в неправде старого пирата, а сама не очень-то откровенна.

Алиса смутилась и замолчала.

А журналисты продолжали допрашивать пирата.

— Сто экспедиций искали клад Наполеона, а вы нашли. Ну, скажите нам, скажите, как вам это удалось?

— Ладно, — сдался старый пират. — Так и быть, открою вам тайну. Только вы ее — никому, понятно?

— Никому, кроме наших зрителей и читателей! — поклялись журналисты.

— Как вы знаете, — разглагольствовал пират, — я человек пожилой, сам не помню, когда родился, то ли в шестнадцатом веке, то ли в восемнадцатом. В общем, в разгар наполеоновских войн в 1812 году я был человеком немолодым, опытным, заслуженным. А когда узнал, что Наполеон пошел походом на Россию, то подумал: вот безобразие, а?

Все журналисты согласились, что со стороны Наполеона идти походом на Россию было совершенно неприлично.

— Оставил я свою шхуну в Карибском море и поскакал

верхом в Россию. Прискакал, а мне говорят: Москва горит, Наполеон уже собрался бежать. Я к полководцу Ворошилову — дайте мне полк или хотя бы эскадрон, я вам поймаю Наполеона.

— Наверное, вы имеете в виду полководца Кутузова, а не Ворошилова? — спросила репортерша карманного телевидения «Мышка».

— Может быть, — согласился Сильвер. — Я его не узнал. Но он меня узнал сразу. А как узнал, говорит: «Возьми, Сильвер, дивизию, догони Наполеона, отними у него наши сокровища». Ну я и согласился... А теперь я сделаю перерыв, чтобы выпить стаканчик рома за ваше здоровье, друзья.

В одной бутылке еще оставалось немного на дне. Сильвер допил остаток, вытер рот рукой.

— Продолжать? — спросил он.

— Продолжать! — хором закричали журналисты.

— Настиг я французского императора в лесу, чуть-чуть не догнал. Если бы у меня фрегат был или хотя бы канонерская лодка, наверняка бы он был мой. Но, как вы знаете, моряки в седле не мастера, нет, не мастера. Умчался он... Только шляпу свою, знаменитую треуголку, потерял. Упала она в снег. Я ее взял, надел, а то подмораживало. Потом война кончилась, вернулся я к своим морским подвигам, но шляпу редко снимал с головы. Только когда мылся. Так что прошло двести лет, прежде чем я ее перевернул и заглянул внутрь. И вижу — черт меня разрази! Там же карта! Я ее — в компьютер, а компьютер мне — это, говорит, озеро Глубокое. Так я же его у того озера и гонял! Понимаете? Сегодня ночью я, чтобы никого не беспокоить, слетал туда, вытащил, что мог, а потом объявил это по институту. Вот и все. Спасибо за внимание.

Раздались бурные аплодисменты.

Сильвер кланялся. Он принял шум всерьез, думал, что ему поверили — поздравляют с таким подвигом.

На самом же деле журналисты не настолько глупые люди, чтобы поверить старому пирату. Они от смеха даже корчились.

Потом кто-то из них крикнул:

— Здесь найдется кто-то, кто знает, что же было на самом деле?

— Еще рано, — ответила журналистам Лена Простакова. — Приходите после десяти утра, когда на работу придут настоящие сотрудники.

— Ах так! — возмутился Сильвер. — Значит, я не настоящий? Тогда я требую расчета. И уйду на фабрику мягких игрушек, меня давно туда звали.

Но, конечно же, он никуда не ушел, а лег проспаться на продавленном диване.

Потом приехал директор. Алиса пошла к нему в кабинет и рассказала про треуголку Наполеона и про ночной полет к озеру Глубокое.

— Верить-то я тебе верю, — сказал директор Института времени, — но не все понимаю. Объясни, пожалуйста, с чего это вдруг вы помчались на это озеро? Никого не предупредили, никому не сказали. Это же нехорошо!

— Я боялась, что мне никто не поверит, — сказала Алиса.

— А если еще подумать? — спросила Елена Простакова, которая вошла в кабинет директора.

— А если еще подумать... — И тут Алиса поняла, что лучше рассказать правду, и тогда все останутся друзьями.

И она рассказала про свиток для Платона, рассказала, как решила отдать письмо Платону, тем более что там была надпись на языке атлантов. Платону это нужно для работы. Она рассказала, как прилетела на Сицилию и узнала в городе Сиракузы, что Платона продают в рабство.

В этом месте директор покачал головой и произнес:

— Я об этом знал, читал где-то, но там не было сказано, кто его выкупил.

— Его друг Дион, торговец книгами Иов из Финикии и немножко я...

Тут директор совсем удивился, зажмурился на секундочку, а потом догадался и громко спросил:

— А не могло так быть, что тебе понадобились деньги? Что ты думала, где найти деньги, и вспомнила, что клад Наполеона может лежать на дне озера и, значит, он никому не принадлежит?

— И тогда ты взяла клад... — начала Лена Простакова, но Алиса перебила ее:

— Я взяла всего несколько золотых колец, и мне их вернули, так как у Иова нашлись деньги.

Алиса откинула полу длинной туники, вынула из кармана шортов связку колечек и положила на стол директора.

Директор кивнул, ему все было понятно, а раз все понятно, то уже не очень интересно. Таким он был человеком. Он хотел было отпустить всех, но прежде задал еще один маленький вопрос:

— Так ты отдала письмо Платону?

— Разумеется, — ответила Алиса.

— А вот это никуда не годится! — сказал директор.

Правда, было видно, что он не сердится.

— Вы не правы, — возразила Лена Простакова. — Ведь это письмо какой-то наш дурак уже притащил из Древнего мира. Почему бы теперь ему и не вернуться на место?

— Да, почему бы? — спросил директор и задумался.

— Мне можно идти? — осторожно спросила Алиса. — А то дома, наверное, с ума сходят.

— Ничего подобного, — сказал директор. — Я уже все всем объяснил еще с вечера. На то я и директор, что знаю многое заранее. Жалко, что ты отдала письмо...

— Я сделала копию, конечно, сделала, — сказала Алиса, — спросите компьютер.

А компьютер, который имеет обыкновение подслушивать все разговоры в институте и даже в них вмешиваться, когда сочтет нужным, тут же сказал:

— Информация верная. Копия надписи на неопознанном языке хранится у меня в памяти.

— Тогда, — сказал директор компьютеру, — займись на досуге расшифровкой.

— А я уже занялся.

— И что же?

— А то, что надпись сделана на том же языке...

— Ах, правильно! — закричала Алиса. — А я ломала голову, где я видела такие же буквы.

— Где же? — спросила Лена Простакова.

— Сейчас принесу, — ответила Алиса.

— Не стоит, — сказал голос компьютера.

Дверь в кабинет директора раскрылась, и в кабинет въехал робот-тележка по имени Грузик. На его платформе спала черепаха, а на панцире черепахи была видна надпись на том же языке, как в письме Платону.

Глава двадцать третья

ТАЙНА ЧЕРЕПАХИ

Конечно, вначале только два человека в кабинете директора знали о том, что надпись в письме к Платону от Эмпедокла и буквы на панцире черепахи из чулана одинаковые.

Одним из них была Алиса, а вторым оказался не совсем человек, то есть компьютер, у которого человеческий характер, но все остальное электронное.

Черепаха объелась капусты и ананасов, поэтому она мирно дремала в тележке и не мешала рассматривать надпись на ее спине. Надпись, правда, почти стерлась, и разобрать ее было нелегко. Но умница компьютер превратил стену кабинета в экран, и на нем появилась «черепашья» надпись.

А рядом с ней на том же экране появились слова, скопированные из письма Платону.

— Чудо! — сказал директор института. — Ты, Алиса, почти сделала великое открытие!

— Почему почти? — спросила Алиса.

— Потому что, — ответил директор, — мы не знаем, на каком языке сделаны надписи и о чем они говорят.

— Мы уже знаем, — сказал компьютер. — Пока я расшифровывал надпись на черепахе, мне не хватало букв. А как только появилось письмо Платону, все встало на свои места.

— Так откуда эти надписи? — спросил директор.

— Эти надписи, — ответил компьютер, — из неоткрытой страны Атлантиды.

Алиса даже подпрыгнула от радости.

Но директор Института времени — человек серьезный.

— Докажите, — сказал он.

— Пред нами, — сказал компьютер, который был очень доволен, что его так внимательно слушают, — самая древняя надпись на Земле.

Он показал на надпись из письма к Платону.

— Возраст клочка материала, на котором написаны иероглифы, — десять тысяч лет!

— Как здорово! — воскликнула Алиса. — Ведь это возраст Атлантиды!

— Это возраст предполагаемой Атлантиды, — сказал директор. — Может быть, даже сказочной Атлантиды.

— Я понимаю вас, коллега, — сказал компьютер, и Алиса подумала: «Как он надулся от гордости!» — Но за возраст записки я ручаюсь.

— А за содержание? — спросил директор.

— Посмотрим, что там написано, — сказал компьютер. Иероглифы тут же исчезли со стены, и появилась русская надпись:

«Привет тебе, друг, из великой страны атлантов. Посылаю тебе груз ананасов, мешок сушеного табака и зерна какао. Ты получишь его через восемь дней. Продай с выгодой...»

— И все? — спросил директор, кончив читать.

— Абсолютно все, — ответил компьютер. — И думаю, этого достаточно.

— Но при чем тут ананасы, табак и какао? — спросила Лена Простакова. — Ведь пока Колумб не открыл Америку, в Европе не знали этих продуктов!

— А в Атлантиде знали! — ответил компьютер. — Значит, этот остров лежал на пути из Европы в Америку.

— Вторая надпись! — воскликнула Алиса. — Прочтите нам вторую надпись!

— Не спешите, увидите! — Компьютер стер с экрана иероглифы, и вместо них появились слова:

«Спасите, о боги! Великая волна и землетрясение!»

— Вот видите, она погибла! — сказала Алиса.

— Похоже, что так, — согласился директор. — Но боюсь,

что мы никогда не отыщем Атлантиду. Неужели нам придется снова перелопачивать весь Атлантический океан?

— Не придется, — сказала Алиса. — Компьютер, покажи, пожалуйста, карту Атлантического океана.

Компьютер тут же выполнил просьбу Алисы.

Алиса подошла к белой стене, на которой был нарисован голубой океан и берега Африки и Америки.

— За восемь дней из Карфагена, где, если верить Эмпедоклу, хранилась записка атланта, до Америки не доплывешь, даже до середины океана не добраться.

Алиса провела по океану линию сверху вниз. Как бы поделила океан пополам.

— Вот до этой линии и мог бы доплыть корабль за восемь — десять дней, — сказала Алиса. — А теперь, Лена, расскажи нам, где ты отыскала черепаху.

— Я была в Африке десять тысяч лет назад, как раз когда погибла Атлантида. Но правда, я об этом тогда не знала. В пустыне, недалеко от берега, я увидела эту черепаху. Она умирала от жажды. Это была большая черепаха, в пустыне такие не водятся. Я и поняла, что ее прибило к берегу волнами, и она пошла искать свой дом. И чуть не погибла в пустыне.

— Покажи нам место на берегу Африки, — попросила Алиса, — где ты нашла черепаху.

— Вот здесь, — ответила Лена Простакова.

— Спасибо.

И Алиса провела от этой точки линию до тех пор, пока она не пересекла ту границу, до которой мог доплыть корабль за десять дней.

— Вот здесь, — сказала Алиса, — и утонула Атлантида.

Все помолчали минуты две, подумали, а потом стали хлопать в ладоши. Даже компьютер изобразил звук аплодисментов.

— Расскажи нам, — попросил директор, — почему ты так решила?

— Атлантида могла лежать где-то на расстоянии десяти дней плавания от Карфагена. Но в какой точке? И я решила: если черепаха выбралась на берег в Африке, то, вернее всего, она плыла к земле по самому короткому пути. Вот я и нарисовала ее путь. Где две линии пересеклись, там и была Атлантида.

— При условии, — проворчал компьютер, — что черепаха плыла к Африке, а не кружила по океану.

Но его никто не стал слушать.

— Сейчас все расходятся спать, — сказал директор, — а я днем обязательно выйду на связь с Академией Атлантиды и Морским институтом.

На этом разговор закончился, и Алиса пошла домой.

Тем более что утро было в полном разгаре. Сотрудники с удивлением смотрели на вахтера Сильвера, который спал на диване, но, так как они были людьми воспитанными и деликатными, никто вахтера будить не стал. Можно ведь обойтись без вахтера?

Дома еще спали, и Алиса проскользнула к себе в комнату.

Только заснула, как ее пришла будить симферопольская бабушка.

— Алиса, — сказала она, — нам же пора кончать уборку чулана. Вдруг мы пропустим самое интересное?

Алисе хотелось сказать, что бабушка уже сама проспала все самое интересное, но ей так хотелось спать, что она только проговорила, что придет в институт попозже, и заснула снова.

Но еще через три или четыре часа ей все-таки пришлось проснуться.

В открытую форточку залетел попугай пирата Сильвера и сказал:

— Есть новости. Совершенно секретно.

От его негромкого, но пронзительного голоса Алиса открыла глаза и вскочила с постели.

— Слушай, — сказал попугай, — уже организована первая экспедиция на поиски Атлантиды. Они ее найдут, и никто не вспомнит, кто же ее открыл на самом деле.

— А ты откуда знаешь?

— Подслушал в директорском кабинете. Он переслал в Институт Атлантиды твою карту, где ты указала точное место. Ты гений, Алиса. А гениев обычно жгут на кострах.

— Ой, не говори глупостей, — отмахнулась Алиса и побежала умываться. Ей было ужасно обидно, что экспедиция на поиски Атлантиды собирается обойтись без нее...

Дома никого не было, даже домашний робот Поля куда-то исчез. Так что Алиса обошлась без завтрака и обеда, прыгнула во флаер и догнала экспедицию где-то над Польшей. Алиса правильно рассчитала, что экспедиция полетит на рейсовом самолете, чтобы пересесть на морской вездеход уже в Англии. Так и случилось.

Она вступила на борт морского вездехода, приспособленного для подводных работ, в порту Бристоль и сразу же спросила, где начальник экспедиции.

Начальником экспедиции оказался седой профессор, специалист по древней узбекской поэзии, который каждую свободную минуту своей длинной жизни отдавал поискам Атлантиды.

— Здравствуйте, профессор Махмуд, — сказала Алиса. — Неужели вам не сказали, что я и есть та скромная школьница, которая нашла и помогла расшифровать две надписи из Атлантиды?

— Не может быть! — воскликнул профессор. — Сегодня утром компьютер Института времени сообщил, что именно он сделал это великое открытие. Он сказал, что рассчитывает на медаль.

— Он мне просто завидует, а если вы не верите, спросите директора института.

— Послушай, девочка-джан, — сказал профессор, — поплыли с нами и не будем обижаться на всякий компьютер-мопьютер. Нам ли, людям, спорить с машинами?

Если компьютер и услышал слова профессора, он не посмел возразить. Все-таки компьютеры должны знать свое место.

Так что Алиса поплыла на вездеходе-батискафе до нужной точки в середине океана. Там корабль опустился на дно, и стали работать подводные роботы. Вы не поверите, но уже до ужина они нашли первые колонны атлантского храма. Алису качали, чуть не ударили о потолок, а потом она полетела домой, чтобы успеть к ужину.

Глава двадцать четвертая

ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО!

На следующий день все ученики пятого класса «Б» собрались в школе, чтобы подвести первые итоги исторической практики.

Сначала выступал Аркаша Сапожков, который вернулся из древнейшей эпохи, из мелового периода, и старался разгадать там тайну — почему вымерли динозавры.

Аркаша замечательно провел время в эпохе динозавров, тайну разгадал и возвратился домой, сняв фильм.

В Институте времени сложилось мнение, что Аркаше за этот фильм можно присвоить степень доктора исторических наук, но скромный Аркаша отказался. Он получил за историческую практику пятерку.

Вторым выступал Пашка Гераскин.

Он провел несколько дней среди троглодитов, то есть пещерных людей. Он старался вжиться в племя и разгадать другую историческую тайну — куда делись неандертальцы, первобытные люди, похожие не столько на нас, сколько на горилл.

Пашка тоже сделал все, как надо, даже наломал не так много дров.

Он очень гордился собой и думал, что ему тоже захотят присвоить звание доктора наук или по крайней мере академика. Но никто не предложил, так что пришлось отложить получение научной степени до других экспедиций.

Маша и Наташа Белые еще не вернулись из своих путешествий. Джавад Рахимов и новый китайский ученик только готовились к экспедициям. Зато за Алисой увязалась бабушка, но в класс она не вошла, а осталась в коридоре.

— Расскажи нам, Алиса, — попросила учительница Каролина Павловна, — выбрала ли ты для себя историческую тайну, чтобы отправиться в прошлое и ее разгадать?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — мы с бабушкой столько времени провели за разборкой чулана Синей Бороды, что я не успела подобрать себе тайну.

— Ну, что-нибудь интересное было? — спросил Пашка.

— Я могу рассказать про то, как мы нашли Атлантиду, — сказала Алиса. — Только я это сделала не сама и в Атлантиду не попала, потому что в то время и не подозревала, где эта Атлантида находится.

И Алиса рассказала друзьям о том, как она увидела черепаху с таинственной надписью на панцире, а потом отыскала в чулане письмо Эмпедокла Платону, как она навестила Платона в Сиракузах и помогла ему спастись от рабства.

— А еще какие-нибудь тайны тебе попались? — спросил Пашка Гераскин, когда Алиса кончила рассказ.

— Ну, была еще одна тайна, но совсем маленькая, — ответила Алиса.

— Какая же? — спросила учительница.

— Понимаете, мы наткнулись на треуголку Наполеона, а на ее подкладке была нарисована карта, где спрятаны сокровища, награбленные Наполеоном в Москве.

— И что же? — спросил Аркаша.

— Мы нашли этот клад, но его бы и без нас, наверное, нашли. Теперь его перевозят в институт и музей.

— Не очень интересно, — проворчал Пашка Гераскин, который не выносит, если кто-то, кроме него, делает какие-нибудь открытия. — Расскажи нам что-нибудь поинтереснее.

— Честно говоря, ничего особенного, — сказала Алиса. — Только, правда, мне удалось побывать у юного короля Артура.

— Зачем? — спросил Пашка. — Я сам к нему собирался!

— Дело в том, что в чулане нам попался меч в камне, тот самый волшебный меч, который волшебник Мерлин воткнул в камень, а юный Артур вытащил и стал королем.

— Ну уж это ты преувеличиваешь! — сказал Пашка.

Тут дверь в класс отворилась, и вошел невысокий волшебник Мерлин в черном одеянии до земли, в черных очках и черном колпаке, усеянном звездами. Он с трудом нес, прижимая к груди, круглый камень, из которого до половины торчал меч, рукоятью наружу.

Волшебник бухнул камень об пол, и гул прокатился по всей школе.

— Вот доказательство, — сказал волшебник.

— Что это? — спросил Сапожков.

— Волшебный меч в камне. Он хранится в чулане Института времени. Если есть желающие, они могут вытащить меч и стать королями Англии.

Сначала была пауза, но потом Пашка первым сказал:

— А ну-ка, разойдитесь, дайте мне повеселиться.

Пашка подошел к камню и потащил меч на себя. Он тащил, пыжился, чуть не упал, упирался в камень ногой, расшатывал меч, дергал и, в конце концов, сказал:

— Тут все заржавело. Надо трактор.

Потом попробовал силы Аркаша, правда без толку, и другие ученики, и даже учительница.

Когда все убедились, что меч из камня вытащить невозможно, волшебник Мерлин произнес:

— Алиса, попробуй сделать так, как учил тебя король Артур.

Алиса подошла к мечу.

Пашка сказал презрительно:

— Это дело не для девчонок!

Волшебник похлопал ладонью по камню и сказал Алисе:

— Начинай!

Алиса спокойно потянула за меч, и он легко вышел из камня.

Все ахнули.

Алиса вставила меч на место, и они с волшебником отошли.

Пашка тут же вскочил и кинулся к мечу. Он ухватился за рукоять, уперся в камень ногой — никакого результата.

И тогда волшебник Мерлин снял колпак, черные очки, и все увидели, что перед ними симферопольская бабушка Алисы.

— Это нечестно! — закричал Пашка. — Вы никакой не волшебник.

— Как бы я ни называлась, — сказала бабушка, — результат тот же самый. Я могу, Алиса может, а ты, бедолага, не можешь.

И тогда Пашка сдался.

— Расскажите, — взмолился он.

— А нечего рассказывать, — сказала бабушка. — Волшебник Мерлин сделал нам на прощание подарок.

И, разжав пальцы, она показала плоскую табличку, похожую на большую монету.

— Я дотрагиваюсь ею до камня, который представляет собой глыбу магнитного железняка, и она размагничивается.

— Значит, меч держался магнитом! — разочарованно протянул Пашка.

— Разумеется, — сказала бабушка. — Обычный фокус. Меч — металл, камень — магнит. А эта монета — орудие фокусника.

— Вы что же, хотите сказать, что и волшебства не бывает? — спросил Пашка.

— А это надо проверять в каждом отдельном случае, — ответила бабушка.

Тогда встала учительница и сказала так:

— Алиса никак не могла решить, какую тайну истории она откроет. Она даже отправилась работать в Институт времени и расчищала вместе со своей бабушкой какой-то чулан. И что получилось?

— Получилось, — сказал справедливый Аркаша, — что Алиса между делом разгадала целых три исторические тайны.

— Как так три? — удивился Пашка.

— Тайну Атлантиды — раз, тайну короля Артура — два, и тайну клада Наполеона — три. По-моему, она заслуживает, чтобы получить зачет, — сказал Аркаша.

И все согласились, только Пашка воздержался.

И объяснил это так:

— Не хочу, чтобы Алиска зазналась.

— Я не зазнаюсь, — ответила Алиса. — Я ведь познакомилась с философом Платоном, а он меня научил, что зазнаваться вредно для здоровья.

И никто не понял, серьезно ли говорит Алиса или снова шутит.

ДРАКОНОЗАВР

Глава первая

МАГДАЛИНА В ИНСТИТУТЕ ВРЕМЕНИ

Младший научный сотрудник Института космической геологии Магдалина Дог пришла в Институт времени в десять часов утра.

Ну и фраза получилась! Сразу и не разберешься.

Придется объяснить все по порядку.

Через сто лет в Москве будет работать Институт времени, в котором установят специальные кабинки, то есть машины времени. И если у тебя будет разрешение Академии наук, ты сможешь войти в любую из кабинок и улететь в прошлое. Но, конечно, не для прогулок или баловства, а с научными целями.

В той же Москве через сто лет будет Институт космической геологии. Он станет заниматься камнями и породами, из которых сложены планеты, кометы и метеоры. Его сотрудники будут летать в экспедиции в далекие галактики и вести интересную, хотя порой и опасную жизнь.

Магдалина Дог — это самый младший научный сотрудник Института космической геологии. Она такая талантливая, что одновременно училась в шестом классе школы и на первом курсе университета. Поэтому она окончила университет раньше, чем школу. И ее приняли на работу в Институт, хотя она все еще писала контрольные в десятом классе.

Магдалина с утра до обеда работала в Институте космической геологии по специальности «космические гости Земли», а после обеда бежала в школу и занималась там самостоятельно. Ночью она учила иностранные языки и писала научную книгу. Магдалина была постоянно занята и не умела ходить, а только бегала и говорила короткими фразами. Если Алиса Селезнева скажет: «Большинство мальчишек —

дураки, но есть счастливые исключения», то Магдалина выразится гораздо короче: «Мальчишки — дураки!» Чувствуете разницу?

Фамилия у Магдалины Дог не совсем Дог. На самом деле она Собачкина. Но Магдалина почему-то решила, что с такой фамилией великим человеком никогда не стать, и поменяла ее на иностранную. Почему она решила, что проще стать великим Догом, чем великой Собачкиной, я не знаю. Пока что она стала только младшим научным сотрудником.

Магдалина ходила на работу уже полгода, но все равно каждое утро вахтер ее спрашивал:

— Ты, девочка, к кому?

А когда директор увидел ее в первом ряду на научной конференции, он воскликнул:

— Только детей нам здесь не хватало!

Хотя сам принимал Магдалину на работу.

Можете представить, как трудно Магдалине быть настоящим ученым и как она старается.

Во-первых, она ходит только на очень высоких каблуках. Раза два она уже падала, но, к счастью, ничего не сломала, хотя злые языки в институте уверяли, что упасть с таких каблуков все равно что с третьего этажа.

Во-вторых, Магдалина носит большие затемненные очки. Видит она в них хуже, чем без очков, и выглядит как стрекоза.

В-третьих, Магдалина не тратит зря ни минуты. Она говорит только короткими фразами, ест раз в день, а спит раз в неделю. Исхудала бедная девочка так, что вчера ее не узнала собственная мама, а сегодня утром чуть не склевала ворона.

Вот такая Магдалина отправилась в командировку в прошлое, а точнее, в мезозойскую эру. А мезозойская эра случилась много миллионов лет назад, и в то время на Земле царили динозавры, от махоньких, с лягушонка, до огромных, выше небоскреба.

Магдалину динозавры не интересовали.

Ее интересовал большой метеорит, который грохнулся именно тогда на территории теперешней Англии и утонул в болоте.

Ну, грохнулся, и дело с концом!

Так может говорить только неспециалист. А Магдалина знала, что метеорит состоял не только из камней и железа, но в нем были примеси радиоактивных элементов.

Теперь я вам расскажу о том, что в младших классах не проходят, а в детских садах от детей скрывают.

На свете есть много разных металлов и камней, и все они называются или минералами, или элементами. Есть элемент кислород — мы им дышим, есть элемент железо, есть медь, азот, неон и так далее. Даже сера есть, хоть она плохо пахнет. И даже ртуть, которая катается по полу шариками. Эти элементы могут тысячу лет лежать в земле, и ничего с ними не случится.

А есть элементы, которые живут, как бабочки-однодневки: прошло три секунды — и нет элемента! Они возникают при взрывах, во время разных событий, но потом распадаются на атомы — и исчезают!

В том метеорите, который собиралась изучать Магдалина, содержались радиоактивные элементы, которые исчезли почти сразу же, как метеорит грохнулся в болото. Но сколько было этих элементов и каких именно, никто, разумеется, не знал. Вот Магдалина и отправилась в экспедицию, чтобы заснять метеорит на подлете к Земле и определить все элементы, какие в нем найдутся.

Вы поняли, зачем Магдалина поехала в прошлое?

Я тоже не все понял. Но вам-то хорошо, вы уже пошли в школу и скоро все узнаете о радиоактивных элементах, а я последний раз был в школе так давно, что все уже забыл.

В тот день Магдалина встала пораньше, взяла флаер и полетела в Институт времени. Это большой двадцатиэтажный корпус, окруженный газоном. Он на шесть этажей уходит под землю.

В просторном вестибюле института стоял стол, за которым сидел странный человек. Он был немолод, один глаз завязан желтой тряпкой, на голове треугольная шляпа, вместо одной ноги — деревяшка.

На этом человеке красовался старинный камзол с позументами, а на плече сидел пожилой попугай с поредевшим хохолком и насвистывал песенку про желтую субмарину.

Магдалина подошла к столу и остановилась.

— Ты к кому, девчушка? — спросил человек в камзоле. И конечно же нажил себе в Магдалине злейшего врага. Хоть бы девушкой назвал, хоть бы девочкой! А то — девчушка! Вы такое слышали?

— Я — начальник, — коротко ответила Магдалина и приподнялась на цыпочки.

— Начальник?

Человека в камзоле звали Сильвером. Он бывший пират. Что-то не поделил с Билли Бонсом, Морганом и капитаном Киддом — дела давние. Вот и пришлось Сильверу бежать куда глаза глядят. А попал он в наши дни.

Пристроился вахтером в Институте времени и отлично себя чувствует.

Попугай тоже работает в институте и называется сторожевым попугаем. В случае чего, он может поднять тревогу или разбудить Сильвера, если тот переберет рома и заснет как убитый.

Никакой власти у вахтера нет, зато строгости — хоть отбавляй!

Если ты пришел в Институт времени в первый раз, то можешь испугаться.

Магдалина, конечно же, не испугалась, но рассердилась.

И поэтому назвалась начальником.

Сильвер захохотал и повторил:

— Начальник? Начальник над мышками или зайками?

— Где руководство? — строго спросила Магдалина.

— Здесь я руководство, — ответил Сильвер. Тогда Магдалина направилась к лестнице, словно Сильвера и не было.

— Стой! — Сильвер вскочил, подхватил костыль и, хромая, кинулся вдогонку за нарушительницей.

Это было ошибкой. Потому что Сильвер вырос в то время, когда дрались на кулаках или на шпагах. И совсем не знали карате и восточной борьбы у-ку-шу. А Магдалина, как маленькая и слабенькая, с детства занималась восточными единоборствами.

Понятно, что инвалидов обижать нехорошо. Но если инвалид — пират, да еще напал на девушку, то его надо остановить.

Вот Магдалина его и остановила. Ловким приемом она подбросила его в воздух так, что пират Сильвер очутился на люстре.

— Сами виноваты, — сказала Магдалина и пошла по лестнице, которая вела вниз. По дороге она у всех спрашивала: — Где тут машина времени?

Молодой человек, черноволосый, курчавый и очень веселый, которого зовут Ричардом Темпестом, спросил ее:

— А зачем вам, девушка, машина времени?

Магдалина даже улыбнулась. Наконец-то кто-то догадался, что она не ребенок.

— Вот смотрите, — сказала она. — Мезозой.

Она протянула Ричарду карточку, на которой было написано, куда Магдалине разрешено отправиться в экспедицию, а именно в мезозойскую эру на сто миллионов лет назад.

— Начальник экспедиции, — прочитал Ричард. — И сколько вас в экспедиции?

— Я одна, — ответила Магдалина.

— Понятно, — улыбнулся Ричард. — Заглянем ко мне в кабинет, спросим у компьютера, на какое время назначена переброска.

Они вошли в кабинет Ричарда и там узнали, что Магдалине надо лететь в прошлое через полчаса.

— Что вы с собой берете? — спросил Ричард.

— Ничего, — ответила Магдалина.

— Вряд ли это разумно, — заметил Ричард. — Можно дать вам совет?

— Да.

— Вы, видно, в первый раз летите в прошлое?

— Да.

— И не знаете, какой там климат и какая сегодня погода?

— Где?

Ричард запустил пальцы в свои кудри. Такую путешественницу во времени он еще не встречал.

Потом посмотрел на карточку.

Там было написано: «Младший научный сотрудник Института космической геологии Магдалина Дог направляется

в мезозойскую эру в момент падения радиоактивного метеорита в районе города Лондон».

Затем Ричард вставил карточку в щель компьютера и выслушал ответ:

— В заданном районе в заданное время идет дождь, температура воздуха — плюс тридцать шесть градусов, влажность воздуха — девяносто девять процентов, количество комаров и москитов рекордное для тамошнего лета, из болота лезет всяческая нечисть. Необходимо взять с собой москитные сетки, намазаться мазью номер шесть-двенадцать, обязательно взять ласты, пропеллер для прыжков через болота, желательно водные лыжи и, уж конечно, пистолет со снотворными иголками для защиты от крупных хищников.

— Видите, — сказал Ричард. — Это просто ужас какой-то!

— Пустяки, — отмахнулась Магдалина.

Но все же ей пришлось отправиться в специальную комнату подготовки, откуда она вышла гораздо больше похожей на путешественника во времени и куда меньше похожей на Магдалину Дог.

И только тогда Ричард согласился ее отпустить.

— Желаю тебе, Магдалина... — начал было он, но тут послышался шум, даже грохот.

По коридорам забегали сотрудники, но оказалось, что это всего-навсего упал с люстры пират Сильвер, которого старалась снять оттуда пожарная команда.

К счастью, он не ушибся, хотя угодил деревянной ногой по припрятанной в заветном уголочке за вахтерским столом бутылке рома, отчего сильно расстроился.

Пожарники велели вытереть ромовую лужу, потому что она была огнеопасной. Попугай взял швабру и принялся таскать ее клювом за палку. Это было так смешно, что все сотрудники института стали по очереди помогать попугаю.

И никто не обратил внимания на то, что странное маленькое существо, обернутое в москитную сетку, в резиновых сапогах выше колен и с сонным бластером в руке шагнуло в кабину и отправилось в прошлое, высчитанное компьютером.

Глава вторая

МАГДАЛИНА В МЕЗОЗОЕ

Магдалина зажмурилась и стала терпеть. Надо было потерпеть, пока тебя за одно очень длинное мгновение отправили за миллион лет до нашей эры, да еще не в Москву, а в Лондон, о котором в мезозойской эре никто и не подозревал.

Магдалина принялась читать вслух стихотворение Пушкина «Памятник», но на третьем слове забыла, что будет дальше. Язык двигался еле-еле, и у слова «воздвиг» оказался длинный хвост.

«Я памятник себе воздвиииииии-и-и-и-и...» Тут загорелся свет, и перед глазами Магдалины появилась светящаяся надпись: «ПРИЕХАЛИ».

— Спасибо, — сказала вежливая Магдалина.

Дверь кабины раскрылась, и маленькая геологиня вышла наружу.

Все было правильно. Стояла влажная жара, в воздухе парили стрекозы размером с орлов, еще выше — птеродактили размером с жирафов, издали доносился рев стегозавров и бронтозавров. В болоте кто-то хлюпал и чавкал.

Магдалина достала суперкомпас, который сразу ей показал, что она находится на месте будущего города Лондона.

Надо пройти километра три с половиной, и окажешься точно на месте падения метеорита.

Магдалина осторожно пошла вперед. Время у нее еще было, так что бежать не стоило. Но и рассиживаться смысла не было. Если она пропустит падение метеорита, больше ее сюда не пошлют. Найдется более аккуратный младший научный сотрудник.

Кабина времени опустилась в мокрую землю, а на ее месте поднялась антенна — гибкий металлический прут высотой в пять метров с желтым флажком на конце.

— Я тебя не потеряю, — сказала Магдалина.

И уверенно пошла куда надо.

Она шла по широкой утоптанной тропинке. На мокрой земле были видны углубления, наполненные зеленоватой

водой. Магдалина догадалась, что это следы динозавров, которых, как известно, в мезозойской эре множество. Поэтому Магдалина шла осторожно, оглядываясь по сторонам и даже взяв на изготовку пистолет с сонным зарядом, чтобы успеть выстрелить, когда на нее набросится какое-нибудь чудовище.

Чудовище набрасываться не спешило, но вот беда — под ногами хлюпало, тропинка забралась в болото и не собиралась выбираться на сухое место.

Лодки у Магдалины с собой не было, летательного аппарата тоже.

Дело в том, что в экспедициях в отдаленное прошлое исследователю дают с собой только самые необходимые вещи. Если что случится, то лучше не оставлять в прошлом вещей из будущего. Нехорошо это, может получиться скандал.

Так что Магдалина шла, хлюпая сапогами, а вокруг кипело жизнью первобытное болото.

Магдалина поняла, что скоро ей придется плыть, но плыть по болоту — не самое приятное занятие, и она пошла обратно, чтобы отыскать обходной путь.

И в этот момент на нее спикировал птеродактиль.

Птеродактиль — это ящер, причем довольно большой. В мезозойскую эру он заменял сразу и орла и шакала. А похож птеродактиль больше всего на летучую мышь-переростка, да еще с клювом.

Птеродактиль кинулся на Магдалину, но геологиня почувствовала опасность и села в болотную жижу так, что наружу торчала только голова.

Птеродактиль щелкнул клювом над головой Магдалины, подумав, что это не голова, а кочка, и взмыл вверх.

Магдалина подождала немного, раздумывая, куда идти дальше.

Тем более что над головой кружили еще несколько птеродактилей, высматривая добычу.

Конечно, можно было бы подождать темноты, но в темноте на охоту выйдут ночные хищники, так что лучше, чем сейчас, наверное, уже не будет.

Магдалина была маленьким, но очень упрямым человеком. Она знала, что скорей утонет в болоте, чем упустит свой метеорит.

— Птеродактиль! — воскликнула она строго. — Берегись!

И погрозила чудовищам своим сонным пистолетом.

Потом Магдалина пошла вокруг болота, чтобы выйти к тому месту, где должен был вот-вот грохнуться метеорит.

И вдруг замерла.

Еще бы: страшный звук, похожий на рев трубы, потряс воздух.

Над головой Магдалины пронесся огромный язык пламени.

Магдалина присела на корточки. И тут она увидела невероятную картину.

На пригорке в тени двух гигантских папоротников сидел самый настоящий сказочный дракон. Он был недоволен и выпускал из раскрытой пасти языки пламени.

И тут же Магдалина поняла, что к ней это не имеет никакого отношения.

Потому что дракон воевал с птеродактилями. И огненные языки он выпускал именно в них, и именно на них он так страшно рычал.

И понятно, почему дракон так сердился.

Оказывается, он сидел не просто на земле, а на гнезде с яйцами. А гнусные птеродактили старались вытащить эти яйца из-под него. Одно яйцо они уже откатили подальше от усаженного пиками хвоста и теперь в три клюва молотили по нему, чтобы добраться до зародыша.

— Ааах! — дракон наконец увидел, что творится за его спиной, извернулся и так полыхнул пламенем по хищным врагам, что те, обожженные и перепуганные, пешком кинулись во все стороны.

Но закатить яйцо обратно под себя дракон никак не мог, потому что, как только он пытался это сделать, остальные птеродактили кидались на гнездо.

— Минуточку, — громко сказала бесстрашная Магдалина.

Она побежала к лежавшему на земле яйцу дракона. Дракон растерянно крутил головой. Видно, его маленький мозг никак не мог решить, враг ему Магдалина или друг.

Магдалина подняла яйцо, которое было размером со средний арбуз, и потащила его к драконьему гнезду.

На всякий случай дракон пыхнул пламенем, но так, чтобы оно пролетело повыше, и грозно застучал хвостом по земле.

Тем временем Магдалина подтащила яйцо к гнезду и крикнула дракону:

— Будьте любезны, подвиньте хвост!

Дракон начал елозить в гнезде. И когда там освободилось место, Магдалина положила яйцо к остальным яйцам и отскочила в сторону.

Дракон, видно, так ничего и не понял, он крутил головой, ухал и екал селезенкой.

Магдалина помахала ему рукой, а дракон покачал головой.

Так они и расстались, если не считать того, что взбешенные птеродактили кинулись на Магдалину.

Но когда они подлетели совсем близко и готовы были схватить девушку, дракон повернул голову в их сторону и выпустил из ноздрей две струи огня, как будто воду из шланга.

Птеродактили с визгом попадали на землю, как комары, которые обожглись о горящую свечку. Поджимая обгоревшие крылья, хищники бросились наутек.

— Спасибо, — лаконично сказала Магдалина и пошла дальше, чтобы не пропустить, как упадет метеорит.

Вскоре тропинка, по которой она шагала, углубилась в заросли хвощей и папоротников. Стало темнее, вокруг зажужжали комары, но зато от птеродактилей Магдалина наконец избавилась.

«Даже самые первобытные существа, — думала Магдалина, — испытывают чувство благодарности, хоть у них еще и ума нет. Чувства рождаются раньше, чем мысли».

Размышляя так, она шла через заросли. Когда Магдалина выходила на открытое место, то любовалась видами и окружающими ее растениями, а когда попадала в топкое болото, то думала только о том, чтобы не утонуть.

Наконец ей попался довольно сухой пригорок. На нем

не было ни змей, ни лягушек, а впереди открывался чудесный вид.

Магдалина развернула бутерброды и достала термос. Всю еду она принесла с собой. Путешественникам по времени не советуют есть древние фрукты или овощи — мало ли какие древние опасные микробы там скрываются?

До падения метеорита оставалось по геологическим часам больше часа.

Магдалина жевала бутерброд, смотрела на небо и думала: как же здесь оказался дракон? Она никогда не слышала, чтобы в мезозойской эре водились драконы. Ведь драконы — это сказочные существа. Ну ладно, в эпохе легенд их встретить можно. Но не в честном же мезозое, где и так немало динозавров! Вот и сейчас Магдалина видела, как вдали купаются в озере бронтозавры, чудовища смирные, травоядные, с маленькими головками на длиннющей шее. А подальше расположились стегозавры — у них на спине щитки, похожие на листья, каждый размером с паровоз. Но ни у одного из этих ящеров из пасти не вылетают языки пламени. Зачем, позвольте спросить, животному нужно пламя? Защищаться от птеродактилей? Так ведь можно и себя сварить...

И вдруг Магдалина увидела в небе прямо над головой яркое пятно.

Пятно становилось все крупнее и ярче.

Не может быть!

Это же ее метеорит подлетает к болоту! На полчаса раньше срока! Скандал!

Магдалина вскочила, вытащила карманный радиотелескоп, развернула его, раскидала вокруг счетчики и измерители, включила съемочные камеры во всех пуговицах и пряжках и принялась снимать метеорит.

Метеорит ухнул прямо в гигантское, глубокое болото, подняв фонтан воды и грязи до самых облаков. И Магдалина вместе со всеми своими приборами оказалась в трясине, а вытащить ее на сухое место было некому, потому что в мезозойскую эру маленькая геологиня отправилась одна-одинешенька.

Может, ей бы смог помочь дракон, но дракон перепугался больше всех — он же сидел на пригорке, и метеорит грох-

нулся совсем близко к нему. Дракон решил, что это какой-то негодяй снова хочет полакомиться его детишками, и пустил в метеорит языки пламени, но тот не стал дожидаться, пока его обожгут, и скрылся в глубине болота.

А Магдалина, завязнув в тине, поняла, что если она не оставит на дне болота свои приборы, то, вернее всего, уже никогда не выберется наружу.

Не думайте, что Магдалина боялась погибнуть.

Ей некогда было об этом размышлять. Но она понимала, что, если она утонет, вместе с ней утонут все ценные приборы и, самое главное, все записи о метеорите. Зачем же ей было отправляться в такое путешествие, если она ничего из него не привезет и даже сама не вернется?!

Поэтому Магдалина сказала себе:

«Ничего страшного. Я вернусь сюда с большой болото-черпалкой и вытащу все свои приборы. А найду я это место по дракону, который сидит неподалеку».

С этой мыслью Магдалина отстегнула от себя все приборы, тянувшие ее ко дну, и выскочила на поверхность, как пробка из бутылки.

Дракон даже зажмурился от ужаса, потому что из болота выскочила не девушка в накидке от комаров, а нечто бурое, облепленное грязью и очень страшное.

Дракон взревел, уселся на гнезде покрепче и поклялся, что будет защищать нерожденных детей до последней капли зеленой драконьей крови.

Магдалина выбралась на берег у самых драконьих лап. Дракон смотрел на нее сверху, как подъемный кран на грязную собачонку. Геологиня попыталась протереть глаза, но ничего из этого не получилось, потому что руки были такими же грязными, как щеки.

Дракон даже плюнул со злости — так ему не нравилась эта козявка. Но он сидел на яйцах, и еще его мама говорила, что, сидя на яйцах, ни в коем случае нельзя нервничать, а то дети выведутся ненормальными.

Магдалина долго шарила вокруг, стараясь найти какие-нибудь листья, чтобы вытереться. Дракон, не выдержав, сорвал пук листьев папоротника и протянул его Магдалине.

Магдалина взяла листья и сказала:

— Спасибо.

Хоть она и не видела, кто ей помог, но она была хорошо воспитанной девушкой и никогда не забывала сказать спасибо.

Наконец Магдалина привела себя в порядок, вернее, почти привела. Ну, хоть глаза протерла — и то хорошо.

Дракона она, конечно же, не увидела, потому что стояла между передних ног чудовища. Она подумала, что это стволы деревьев.

Магдалина обогнула ноги, перешагнула через хвост дракона и отправилась к машине времени.

Она возвращалась домой в самом печальном расположении духа — ведь все приборы остались в мезозойском болоте.

Глава третья

НАЗОВЕМ ЕГО ДРАКОНОЗАВРОМ!

Когда Магдалина вернулась в конец XXI века в Институт времени в Москве, она первым делом направилась к Ричарду Темпесту, чтобы рассказать ему о своей неудаче.

Ричард был в своем кабинете, но когда туда вошла Магдалина, он ее узнал не сразу. Сначала он решил, что из прошлого случайно пробралось в наши дни какое-то чудовище небольшого размера, но уродливости исключительной.

Тут эта грязная лягушка заквакала человеческим голосом, и Ричард узнал голос младшего научного сотрудника Института космической геологии Магдалины Собачкиной-Дог.

— Что случилось? — спросил Ричард.

Глотая слезы и сдерживая рыдания, Магдалина рассказала ему о падении метеорита и о том, что это космическое тело погубило все плоды ее трудов.

— Значит, приборы лежат в болоте?

— Лежат, — вздохнула Магдалина.

— Ничего страшного, — сказал Ричард, который не выносит, когда женщины плачут. — Достанем мы ваши прибо-

ры. Вот я сейчас кликну мальчонку, он слетает, нырнет и отыщет.

— Нет! — твердо возразила Магдалина. — Я сама утопила приборы, мне их и доставать. К тому же мне куда легче их отыскать, чем какому-то мальчонке.

Это была самая длинная речь Магдалины за последние два года.

— Что ж, — согласился Ричард, — отдохните, помойтесь и приходите к нам завтра. Что-нибудь придумаем.

Магдалина попрощалась и куда более спокойная, чем раньше, ушла к себе.

Правда, не все получилось так гладко, как нам бы с вами хотелось.

Дело в том, что ей пришлось пройти через холл, где за столом нес свою вахту пират Сильвер.

Магдалина решила уйти по-английски. А уйти по-английски — это значит уйти не попрощавшись. Такие вот люди, эти англичане, совершенно невоспитанные.

Пират Сильвер принял свою норму капель ромского короля. Как вы понимаете, ромским королем он называл ямайский ром, бутылка которого стояла у него под столом. Он сидел, дремал и думал о том, что когда-нибудь вернется на свой фрегат «Пенитель морей», и погонится за турецкой фелюгой, и захватит на ней сказочный груз ананасов и красавицу персидскую княжну...

Во сне персидская княжна пела ему персидские песни и плясала, изгибаясь как змея.

— Давайте познакомимся, — произнес пират. — Как вас зовут?

Персидская княжна посмотрела на пирата и громко чихнула.

Пират удивился и открыл глаза.

И в тот же момент персидская княжна превратилась в такое страшилище, в такое чудовище, в такую злую ведьму, что пират закричал:

— Мама! Мамочка! — и попытался залезть под стол.

А чудовище, в которое превратилась персидская красавица, протопало к двери, оставляя на чистом полу грязные следы.

Только тогда, услышав, как хлопнула входная дверь, потому что чудовище покинуло институт, Сильвер вылез из-под стола и закричал диким пиратским голосом:

— Кинуть за борт! Немедленно! В набежавшую волну!

Но его криков никто не услышал — все были заняты своими делами, и даже персидская княжна в облике грязного монстра уже была на улице. Вы уже догадались? Спросонья Сильвер испугался Магдалины Дог.

А Магдалина пришла домой, мама ее узнала и отвела в ванную. Потом Магдалина заснула, и во сне ей снился дракон, сидящий на яйцах.

На следующее утро Магдалина поднялась, позавтракала и приняла решение: вернуться в мезозой и доделать то, что ей не удалось. Но она понимала, что ее могут и не пустить снова к динозаврам. Раз ты провалился, переэкзаменовок в этой школе не дают.

И Магдалина придумала вот что.

Она пошла в Космический зоопарк, или Космозо, который занимает один из московских парков.

В Космозо она не смотрела по сторонам и не увидела страшного тигрокрыса, не заметила говоруна и, уж конечно, не кинула взгляд на половинку собаки, вторая половинка которой живет завтра.

Магдалина уже не раз здесь бывала, тем более что директором Космозо служит профессор Селезнев, отец ее подружки Алисы Селезневой.

Магдалина открыла дверь в дирекцию, поднялась на второй этаж и оказалась в большом кабинете Селезнева.

На ее счастье, профессор Селезнев сидел за столом и думал, что делать, чтобы гигантский червяк с Брянтии-Блянц не ловил себя за хвост и не жевал его. Он и так уже в два раза короче, чем в день приезда, и ничем его не отвлечешь — жует свой хвост, и все тут!

— Здравствуйте, — сказала Магдалина.

— Чертов червяк! — рассеянно ответил профессор.

— Простите? — удивилась Магдалина. Профессор глядел куда-то сквозь нее и продолжал думать. Поэтому он совершил непростительную ошибку.

— Ты ошиблась, девочка, — сказал он. — Станция юных натуралистов на Зеленой горке.

Магдалина всхлипнула. Бывают же такие тяжелые моменты в жизни!

Ее обидели в кабинете старого знакомого.

Магдалина повернулась и пошла прочь.

Но тут профессор сообразил, что ошибся. Он вскочил из-за стола и догнал Магдалину в коридоре.

— Простите! — сказал он. — Но у меня вся голова червяками забита.

— Вот именно! — ответила Магдалина.

— Ты к Алисе? — спросил Селезнев.

— Нет.

Вы ведь уже знаете, что Магдалина говорит мало, даже недостаточно.

— Так кто же тебе нужен?

— Вы.

— Хорошо, — вздохнул профессор, который все еще думал о червяке, но понимал, что придется заняться Магдалиной.

Они вернулись в кабинет, и Магдалина сказала:

— Я была в мезозое. Видела там дракона.

— Драконов в мезозое не бывает, — вежливо ответил Селезнев. — Драконы — существа сказочные, они водятся только в эпохе легенд.

— Я видела.

— Магдалина, ну объясни, пожалуйста, почему ты решила, что это дракон. Или покажи фотографию. Ведь ты была в мезозое?

— Да.

— Только что?

— Да.

— Ты сняла фильм?

— Да.

— А где он?

— Там.

— Магдалина! — взмолился Селезнев. — Тебя без переводчика не поймешь. Ты можешь говорить подробнее?

Магдалина подумала и в нескольких словах рассказала,

что была в мезозое, ждала метеорит и тут увидела динозавра, который был во всем похож на сказочного дракона, вплоть до того, что у него из ноздрей вылетали языки пламени. Он высиживал яйца и воевал с птеродактилями.

— Может быть, он съел гриб-табак? — спросил профессор. — Ты же знаешь, его сожмешь в руках — и черный дым идет.

Магдалина даже отвечать не стала на это предположение. Она сказала, что метеорит окунул ее в болото, что все приборы остались на дне и что задание она провалила.

Конечно же, Селезнев сильно задумался. Тут вошла его дочь Алиса, которая еще учится в школе, в шестом классе.

Алиса выросла рядом со зверями из Космозо. В том числе и с бронтозавром Бронтей, который вывелся из яйца, найденного при раскопках. Бронтозавр поселился в пруду зоопарка, Алиса с ним дружила и даже каталась на нем верхом, к страшной зависти всех мальчишек Москвы.

Но недавно ученые решили, что в Космозо должны остаться только космические звери с других планет. И организовали новый зоопарк. Туда поместили животных, которых привезли из прошлого.

Этот зоопарк — исторический. Его назвали Палеозо.

Первым жителем Палеозо стал мамонтенок Гриша. Его отыскали в вечной мерзлоте далеко на севере и смогли оживить. Вот он и растет и скоро станет настоящим мамонтом.

Потом в Палеозо перевезли Бронтю, чтобы дети, которые ходят туда на экскурсии или с родителями, смогли увидеть настоящего живого динозавра. А то в школе изучают, а живьем не видели.

А потом в новый зоопарк на машине времени стали привозить яйца динозавров, детенышей саблезубых тигров и икру гигантских ядовитых лягушек. Неудивительно, что в Палеозо самым главным местом стал инкубатор. Там в тепле и уюте лежат яйца крокодилов, динозавров и икра земноводных существ.

А как кто-нибудь выведется, малыша отвозят в аквариум или загон.

И каких только динозавров там нет!

Но, конечно, нет дракона.

Потому что профессор Селезнев совершенно прав: на свете нет и никогда не было драконов. Не может динозавр пыхать огнем — он же холоднокровное животное!

— Но я не могла ошибиться, — сказала Магдалина.

— Папа, она в самом деле не могла ошибиться, — вступилась за подругу Алиса.

— Если так, — сказал профессор Селезнев, — то надо послать в мезозойскую эру специалиста. Пусть он отыщет этого... дракона.

— Драконозавра! — воскликнула Алиса.

— Пускай его зовут драконозавром, — согласился папа.

— Драконозавра, — повторила Магдалина. — Я принесу яйцо.

— Не твое это дело! — возразил профессор. — Мы пошлем человека из нашего зоопарка.

— И где же он найдет дракона? — спросила Алиса.

— Он знает, что искать, значит, найдет.

— Он не знает, — сказала Магдалина. — Только я знаю.

— Папа, давай мы с Магдалиной вдвоем слетаем в прошлое! — обрадовалась Алиса.

— И не мечтай! — отрезал Селезнев. — Никто тебе туда лететь не разрешит. И правильно сделает.

— Правильно, — сказала Магдалина. — Я еду!

Селезнев подумал-подумал, провидеофонил Ричарду Темпесту в Институт времени, потом посоветовался с директором Института космической геологии, а после всех переговоров и разговоров сказал Магдалине:

— Мы тут посоветовались и решили: младший научный сотрудник Магдалина Дог хочет помочь зоопарку, потому что она знает, где находится гнездо не известного науке ящера, которого мы условно будем называть драконозавром. Точнее — драконозаврус магдалинис в честь отважной исследовательницы. Магдалина сейчас отправится в мезозойскую эру, чтобы отыскать там яйцо драконозавра и привезти его к нам в зоопарк.

От радости Магдалина готова была прыгать и хлопать в ладоши, но вовремя вспомнила, что ее положение и возраст не позволяют прыгать и веселиться.

Ведь она не какая-нибудь школьница, а настоящий научный сотрудник, хоть и младший.

Поэтому Магдалина побежала домой, поцеловала маму, пообещала вернуться на следующий день и поспешила в Институт времени.

А в этот самый момент в институте появились Семен Владимирович и Тихоша — большие специалисты по профилактике.

Профилактика — странное слово, оно означает ремонт, который делают раньше, чем что-нибудь сломается. Чтобы не сломалось потом.

Например, если в машине времени надо сменить какие-нибудь кристаллы, потому что по правилам их надо менять раз в год, то совсем не важно, годятся они или уже не годятся. Надо менять, и все тут!

Вот поэтому Семен Владимирович и Тихоша открыли люк рядом с машиной времени, который вел в специальное подземелье. Вы же понимаете, что такое сложное устройство должно иметь свое подземелье, где стоят разные приборы и устройства. Без них машина времени никого никуда отправить не сможет.

Мастера начали менять хрусталики и кристаллики, а чтобы кто-нибудь по ошибке не залез в машину времени, повесили на дверке объявление:

«НЕ ВЛЕЗАТЬ! ПРОФИЛАКТИКА!»

И вот тут-то и произошел несчастный случай.

Правда, сначала никто не догадался, что это несчастный случай.

Директор Института времени отправился на совещание.

Проходя мимо вахтера Сильвера, он вдруг вспомнил, что к нему вот-вот должен кто-то приехать. И его не застанет.

Поэтому директор подошел к столу и произнес:

— Сильвер Джонович... не в службу, а в дружбу... будьте любезны... О чем это я хотел сказать?

— Вот именно, — заметил Сильвер.

— Тогда запишите.

— Одну секундочку, — сказал Сильвер и дернул за хвост попугая.

Попугай — птица сообразительная и верная. Недаром он

с хозяином вокруг света три раза обошел — «Пенитель морей» гнался за испанским галеоном, который был загружен бутылками с ромом, а когда догнал, то никуда не мог двинуться, пока весь ром не выпили.

Попугай быстро полетел по коридорам института в поисках бумаги.

Вы же понимаете, что Сильвер был не очень грамотным пиратом и бумаги у него отродясь не бывало.

Попугай пронесся по коридорам. Двери в комнаты и кабинеты были закрыты, потому что как раз наступил обеденный перерыв. Только дверь в зал, где стояла машина времени, была приоткрыта.

Попугай влетел в комнату и увидел, что на машине времени висит листок бумаги. Попугай, тоже не отличавшийся грамотностью, сорвал листок и полетел обратно к своему хозяину. Он положил листок перед Сильвером чистой стороной вверх как раз в тот момент, когда директор института наконец вспомнил, кто же должен к нему прийти.

— Записываете? — спросил он. — Дон Сезар эль-Хуанито и с ним профессор Мухаммед Златогоров.

— Записал, — сказал Сильвер, который за это время нарисовал на листе довольно много крестиков и ноликов.

Директор вниз, конечно же, не смотрел. Он кивнул вахтеру и поспешил наружу, где его ждал флаер.

А Сильвер прижал листок каменным топором, который принесли от первобытных людей — троглодитов, погладил попугая по перьям и сказал:

— Ну спасибо, выручил ты, бездельник, своего старого хозяина. А то погнали бы меня с работы, как пить дать. И стали бы мы с тобой на флаерных стоянках милостыню просить, по космодромам побираться. Ох-хо-хо, грехи наши мелкие!

И тут в институт прибежали Магдалина с Алисой.

— Вы куда, девочки? — спросил Сильвер.

— На машину времени, — ответила Магдалина, которой даже обидеться было некогда.

— Минутку, — сказал старый пират и подвинул к себе лист бумаги с крестиками и ноликами. — Не будете ли вы

случайно профессором Мухаммедом Златогоровым или доном Сезаром эль-Хуанитой?

— Ни в коем случае, Сильвер, — сказала Алиса. — Плохо не узнавать старых знакомых, и даже стыдно!

— Стыдно! — закричал попугай. — Стыдно!

— Она права, — согласился Сильвер. — Мне стыдно, но как ее зовут — хоть убей, не помню.

Алиса с Магдалиной поспешили на склад, где Магдалине надо было снарядиться для особенного путешествия.

С помощью серьезного глуховатого робота Магдалина подобрала себе небольшой акваланг с двигателем, фонарь, который светит сквозь тину и грязь не хуже, чем через чистую воду, и скафандр, такой скользкий, что ни одна частица грязи к нему не пристанет.

Когда Магдалина была готова лезть в мезозойское болото, она отправилась в зал, где стояла машина времени.

Алиса шагала рядом, потому что ей не хотелось оставлять Магдалину одну. Мало ли что может случиться!

У входа в зал им встретился Ричард Темпест.

— Ну как, все в порядке? — спросил он.

— Все в порядке, — ответила за Магдалину Алиса.

— А яйцо небольшое? — поинтересовался Ричард.

Он уже знал, что Магдалина отправляется в мезозой за яйцом нового динозавра, которого она открыла в прошлую поездку.

— Как футбольный мяч, — ответила Алиса.

— А сумку с мягкой подкладкой и подогревом взяла?

— Взяла, у меня сумка, — сказала Алиса и показала сумку.

— Ну тогда поскорее возвращайся, — сказал Ричард и побежал дальше.

— Он даже не обратил внимания, что ты одета для подводного плавания? — воскликнула Алиса. — Ох уж эти мужчины! Никакой наблюдательности!

Возле машины времени девочки остановились.

— Бери сумку, — велела Алиса. — Я буду тебя здесь ждать.

— А если я задержусь? — спросила Магдалина. Она была очень благодарна Алисе за поддержку.

— А ты не задерживайся, — ответила Алиса.

— Я постараюсь, — пообещала Магдалина и шагнула в машину времени, на которой еще так недавно висела табличка: «НЕ ВЛЕЗАТЬ! ПРОФИЛАКТИКА!»

А теперь эта бумажка лежала на столе у вахтера Сильвера.

И получилось вот что

Поскольку ремонтники вытащили из машины некоторые маленькие хрусталики и кристаллики, она потеряла точность наводки. Поэтому Магдалина могла вообще заблудиться во времени и вернуться не в конец двадцать первого века, а неизвестно куда.

Алиса рассудила, что Магдалине надо не только утащить яйцо у дракона, но еще и разыскать в болоте свои приборы. Так что вернется она не очень скоро.

Алиса сходила в буфет, перекусила, потом вышла из института и увидела на зеленом газоне робота Вертера, которого знала уже давно. Вертер как раз закончил все дела в институте и думал, чем бы ему заняться. Вот Алиса и уговорила его сыграть в футбол.

Они с Вертером немного погоняли мяч по газону, но стало жарко, и Алиса вернулась к машине времени.

Магдалины все не было.

Прошел час... Магдалины не было.

Вот уж и вечер наступил, сотрудники потянулись к выходу из института. Но далеко не все. По институту уже пробежала тревожная весть: путешественница во времени потерялась в мезозое среди ящеров.

Время шло, но Магдалина не возвращалась.

Глава четвертая

ПЛЕННИЦА ВРЕМЕНИ

Магдалина и не подозревала, что с машиной времени что-то может быть неладно.

Через сто лет машины будут ломаться редко. Тем более что машина времени не ломалась, а была неисправна. А это

совсем разные вещи. Ведь на вид она была совершенно целой и работала как положено.

Магдалина без приключений добралась до того самого болота и сразу увидела над кустами зеленую голову дракона, который сонно поглядывал на облака, даже покачивался. Вот-вот уснет.

«Никуда он от меня не денется», — подумала Магдалина, проверила оборудование, скафандр и акваланг, включила фонарь и отважно полезла в болото.

Дракон увидел ее с пригорка и даже засвистел, может, узнал.

Магдалина провела в болоте минут двадцать, хоть у нее был искатель. Но тина в болоте была такой густой, что сквозь нее с трудом пробивался даже луч специального фонаря.

Когда маленькая геологиня нашла наконец свои приборы, то обрадовалась, как грибник, которому попался боровик ростом с арбуз и не червивый.

Магдалина вынырнула на поверхность и кое-как добралась до берега, кулаками отбиваясь от глупого птеродактиля Похоже, он решил, что Магдалина — это большая вкусная лягушка.

Тащить скафандр и акваланг в будущее смысла не было. Ведь ей еще надо добыть яйцо и доставить его в целости и сохранности.

Но выбрасывать в прошлом ничего нельзя. Поэтому Магдалина взяла с собой специальный порошок — ликвидатор. Если им посыпать любую пластиковую или металлическую вещь, она за несколько секунд превратится в безвредный порошок.

Магдалина так и поступила. Дракон все время посматривал на нее и даже отгонял нахальных птеродактилей, которые пытались напасть на девушку.

Наконец Магдалина была готова к возвращению.

Оставался пустяк — забрать у дракона его ребеночка.

Ну не совсем ребеночка, а ребеночка в скорлупе.

Дракон, который был или мамой, или папой, мог не согласиться. Поэтому Магдалина перекинула сумку для яйца через плечо и тихонько, делая вид, что собирает травинки

и листочки, двинулась вокруг драконозавра, не глядя на гнездо.

Драконозавр, видно, почувствовал неладное. Он поворачивал голову на длинной шее так, чтобы не выпускать Магдалину из виду.

Но Магдалина не сдавалась.

Она дошла до хвоста и уселась на землю. Пускай дракон смотрит, ничего интересного он не увидит!

Дракону и в самом деле надоело выворачивать шею.

Магдалина на цыпочках добежала до гнезда и увидела, что одно из яиц лежит чуть в стороне от динозавра, который насиживал своих детишек.

Магдалина перегнулась через барьерчик из веток и камней и схватила яйцо. Яйцо было тяжелым и теплым.

Магдалина с трудом его приподняла, взглянула наверх и...

И увидела, что прямо над ней нависает морда дракона — пасть чуть приоткрыта, глаза дикие от драконьей злобы, а из ноздрей тянет вонючим дымком.

— Ах, простите! — воскликнула Магдалина, которая от испуга стала красноречивой. — Клянусь вам, что я не хотела разбивать или жарить ваше яйцо! У меня и в мыслях не было ничего подобного! И лучше меня не убивать, потому что вы можете повредить своему ребенку.

Дракон вздохнул. Он думал.

И вдруг морда дракона уехала куда-то в сторону и исчезла.

Магдалина поняла: он разрешил!

— Клянусь вам, — горячо сказала Магдалина, — ваш малыш будет счастлив. Лучшие условия. Уход. Забота.

Для Магдалины это была длинная речь. Она даже устала.

Она расстегнула сумку на мягкой подкладке и протянула ее дракону. А дракон сам подхватил когтями яйцо и осторожно положил его в сумку.

— Большое спасибо, — сказала Магдалина. — От лица мировой науки.

Динозавр, конечно же, ничего не понял. Он просто кивал и пускал дым из ноздрей.

«Как жаль, — подумала Магдалина, — что я не знаю, чем

питаются эти страшные драконозавры. Я бы принесла ему чего-нибудь вкусненького из двадцать первого века. Если только он, конечно, не злобный хищник!»

Магдалина убедилась, что яйцо лежит как следует, застегнула сумку и вытащила камеру. Она стала снимать драконозавра на память. А тот, словно поняв, что происходит, принимал различные позы, задирал то хвост, то голову, рычал и пускал пламя.

А потом приподнялся, сделал два шага в сторону и лапой разворошил земляной холм, заваленный сучьями. Под сучьями лежали большие тыквы или какие-то другие овощи, очень похожие на тыквы.

Дракон выкатил одну из тыкв.

Магдалина ждала, что будет дальше.

Драконозавр положил тыкву в пасть и замер. Из ноздрей шел дым, во рту что-то булькало, и Магдалина, которой надоело ждать, сказала:

— До свидания!

И пошла прочь.

Тут драконозавр взревел и перегородил ей дорогу хвостом с жуткими крючьями на конце.

Магдалина удивилась, но подчинилась. Не будешь же спорить с драконозавром длиной в двадцать метров!

Но тут дракон открыл пасть, и Магдалине все стало ясно!

Как же она раньше не сообразила!

Нижняя челюсть дракона была похожа на котел. Котел был налит водой, вода кипела, над ней поднимался пар. Из горла драконозавра вырывались языки пламени, как из печки. А в котле варилась большая тыква.

Дракон языком выбросил тыкву изо рта, и она, бухнувшись о землю, развалилась на части.

Дракон подхватил перепончатой лапой тыквенной каши и протянул Магдалине.

— Спасибо, — сказала Магдалина, — я уже завтракала.

Дракон угрожающе заревел.

— Спасибо, спасибо, — сразу согласилась Магдалина.

Она подставила ладошки, и динозавр кинул туда горсть каши.

Каша была не очень вкусная и совсем несоленая. Но Ма-

гдалина съела все до последней капельки, потому что сверху на нее смотрела драконья голова, так что никуда не денешься.

Так Магдалина сделала великое открытие в биологии. Оказывается, в прошлом на Земле жили динозавры, которые умели так поднимать в себе температуру, что во рту у них, как в котле, можно было сварить тыкву, а может, и ведро картошки.

В природе ничего не бывает просто так. Если у кролика длинные и сильные задние ноги, значит, он замечательный прыгун, а если у кенгуру на животе карман, значит, кенгуру носит в нем детеныша. Вот и драконозавры приспособились к тому, чтобы есть мягкую горячую пищу. Ведь это полезнее, чем грызть сырую картошку. И огонь в них теплится не для того, чтобы уничтожать несчастных рыцарей, а чтобы варить еду.

Но, к сожалению, это замечательное открытие в науке о ящерах было сделано молодой девушкой, которая еще не вернулась домой в двадцать первый век и, возможно, никогда не вернется.

А виноват в этом бестолковый попугай пирата Сильвера. Ведь это он снял с машины времени записку, которую оставили ремонтники.

И ремонтники тоже виноваты. Привел машину в негодность — не оставляй ее без присмотра. Или совсем выключи.

Но Магдалина-то ни в чем не была виновата.

Она помахала на прощание драконозавру, который уселся на гнездо и принялся пыхать огнем в птеродактилей, отпугивая этих бандитов, и пошла к машине времени.

Настроение у Магдалины было отличное — ведь за какие-то полчаса ей удалось выполнить все, что она себе наметила. И приборы из болота вытащила, и яйцо от динозавра раздобыла, причем получилось так, что он сам доверил ей свое чадо.

Даже сумка с яйцом не оттягивала руки.

Магдалина вошла в кабину машины, закрыла за собой дверь и набрала код возвращения.

На пульте засверкали огоньки. Пассажиру они ничего не говорили — сверкают, и замечательно!

Но специалиста они предупреждали:

«ОПАСНОСТЬ! МАШИНА ВРЕМЕНИ РАЗЛАДИЛАСЬ!»

Машина подхватила Магдалину и сумку с ценным яйцом. Девушка почувствовала, как проваливается в пропасть... В глазах было темно, и полыхали звезды.

Потом все прекратилось. Приехали!

Магдалина думала, что окажется в зале Института времени, где ее ждет Алиса. Но машина стояла совсем не в Институте времени. Это был совсем другой пункт прилета.

Магдалина вышла из большого дупла древнего дуба, расщепленного молнией пополам.

Позади шумел темный еловый лес. Впереди был заросший травой склон, который вел к длинному озеру. А за озером тянулись голубые холмы.

Было сумрачно, собирался дождик.

— Это ошибка! — заявила Магдалина.

Никто не ответил. Даже эха в тех местах не было.

Магдалина вернулась из мезозоя, но она сразу поняла, что это не конечный пункт, где стоит пульт, на котором можно набрать код места назначения. Это просто промежуточная станция, можно сказать, полустанок. Здесь никакого пульта нет. Только одна кнопка «ПУСК».

На нее Магдалина и нажала.

И хоть бы что!

Ничего не оставалось, как выйти обратно.

Что же делать? Ждать, пока придет помощь?

И тут Магдалина испугалась. Если она будет сидеть и ждать помощи, яйцо может замерзнуть. Здесь было градусов на двадцать-тридцать холоднее, чем в мезозойской эпохе.

Магдалина обняла сумку с яйцом и прижала ее к груди, но сумка была слишком велика, чтобы держать ее долго.

Надо идти за помощью.

«Будем надеяться, — сказала себе Магдалина, — что мы просто ошиблись местом. Я пройду километра два и увижу станцию флаеров».

И она пошла вниз к озеру.

А сзади из леса донесся волчий вой.

Глава пятая

МАГДАЛИНА В ШЕРВУДСКОМ ЛЕСУ

Узкая проселочная дорога, разбитая колесами, тянулась по берегу длинного озера, а потом повернула в глубь леса.

Лес был дубовый, просторный, гулкий, как дворец великана, но чем глубже заходила Магдалина, тем темнее он становился, тем больше вековых елей стояло между дубами, тем гуще был подлесок из орешника и калины. Правда, в одном месте деревья расступились, и дорога снова вышла к озеру. И тогда Магдалина увидела, как над лесом поднимается высокий столб черного дыма. Наверное, пожар в деревне.

Но пожар или не пожар — надо идти дальше в ту сторону. Не ночевать же в лесу: холодает, и яйцо может простудиться.

Магдалина, как вы понимаете, человек очень серьезный. Она даже в самых тяжелых условиях всегда помнит о своем долге. А раз драконозавр доверил ей своего ребенка, если это яйцо с нетерпением ждут в зоопарке, она не может оставить его на произвол судьбы. Яйцо должно быть согрето и спасено, чего бы это Магдалине ни стоило.

Она совсем не была уверена, что попала домой. Магдалина понимала, что машина времени сломалась, чего никогда еще не случалось. Она рассудила, что, скорее всего, попала в какое-то другое время и теперь придется ждать, пока ее найдут и спасут.

Так что Магдалина закинула тяжелую сумку с яйцом через плечо и побрела по дороге дальше. От каждого ее шага поднималось облачко пыли — видно, здесь давно не было дождя.

Небо стало зеленеть, появились первые звезды, но темнота еще не наступила. Магдалина прибавила шагу. Она надеялась дойти до жилья, прежде чем станет совсем темно.

И тут она услышала шаги.

Легкие шаги, почти беззвучные, пыль скрадывала все звуки.

Из-за поворота показался человек. Он шел налегке, но по походке было видно, что он очень устал и измучен.

Когда человек подошел поближе и остановился, вытащив из ножен длинный меч, Магдалина увидела, что он молод, но лицо его изрезано ранними морщинами. Волосы и бородка юноши были светлыми, а одежда — пышный камзол и обтягивающие ноги темные штаны — в ужасном состоянии, словно молодого человека возили по земле.

— Стой! — приказал он хриплым голосом. — Дальше ни шагу!

Говорил он на староанглийском языке — Магдалина в этом разбиралась, потому что проходила специальные уроки.

— Я стою, — сказала Магдалина.

— Отдавай свой мешок! — велел путник.

— И не подумаю, — ответила Магдалина.

— Тогда я тебя растерзаю!

— Попробуй. Только я тебе не советую.

— Почему?

— Я волшебница, — объяснила Магдалина.

— Не похожа ты на волшебницу, притворяешься. Лучше покажи, что у тебя в мешке.

— Не могу, — сказала девушка. — Там яйцо.

— Какое еще яйцо?

— Яйцо дракона, — призналась Магдалина.

У молодого человека челюсть отвисла от удивления.

— Яйцо дракона? Так оно же ядовитое!

— Посмотрим, — сказала Магдалина. — Какой же сейчас у вас год?

— Год? Точно не помню, но вроде бы середина пятнадцатого века от Рождества Христова.

— А что там горит?

Видно, молодой человек еще никогда не встречал такую деловитую и уверенную в себе девушку. Он сначала хотел ее испугать, а теперь об этом забыл.

— И не спрашивай! — ответил он. — А у тебя чего-нибудь поесть не будет?

— Найдется, — сказала Магдалина, отошла с дороги и села на ствол поваленного дерева.

Каждый путешественник во времени получает НЗ, что означает «неприкосновенный запас». Если у тебя все продукты кончились, а вокруг нет ни одной столовой или тебе

не удалось подоить мамонтиху, то ты достаешь из-за пояса такой ма-а-а-аленький пакетик.

— Проголодался? — сочувственно спросила Магдалина.

Юноша ей понравился. Хотя волосы его были грязными и спутанными, одна щека вымазана сажей, на другой краснела глубокая царапина, а под глазом темнел синяк.

Магдалина нажала на пакетик, и он тут же развернулся в скатерть.

Путешественники во времени такой пакетик прозвали самобранкой. Это великое изобретение. Потому что в пакетике спрятаны скатерть, две тарелки, три чашки, сколько хочешь ложек и вилок, а также разные продукты, батон хлеба, пакет молока, пачка масла и еще множество тюбиков, в каждом из которых свой продукт — хочешь печеночный паштет, хочешь красную икру, а хочешь манную кашу. А о чайнике с чаем мы не забыли?

Вот все это сейчас и лежало перед путником.

Магдалина почувствовала, что тоже проголодалась.

— Не может быть, — произнес путник.

— Может, — коротко возразила Магдалина.

— Значит, ты и вправду волшебница!

— Вправду.

— Тогда я пошел, — сказал молодой человек.

— Почему?

— Потому что лучше от голоду помереть, чем с волшебницей связаться. Еще превратишь меня в лягушку.

— Живи до старости, — улыбнулась Магдалина. Но юноша не сдался:

— И одета ты, как отрок... или черт.

— Я издалека.

— И стриженая ты, как мальчишка.

— У нас такая мода.

— И драконьи яйца с собой таскаешь, будто гусиные.

— И такое бывает, — согласилась Магдалина. Они разговаривали совершенно серьезно, потому что оба оказались серьезными людьми.

— И скатерть-самобранка у тебя есть.

— Ты говори, — сказала Магдалина, — а я все съем.

Она взяла тарелку и положила в нее кабачковой икры и

куриную котлету. Юноша проглотил слюну и подошел поближе.

— А может, не заколдуешь? — спросил он.

— Может, и не заколдую, — согласилась Магдалина.

Путник изловчился и выхватил тарелку из рук Магдалины.

— Ты уже ела, значит, оно не заколдованное, — сказал он.

— Ну и дикий ты человек. Как тебя зовут?

— Меня зовут Роберт Шоу, я сын благородного дворянина...

И тут путник зарыдал громко и горько. Слезы полились по грязным исцарапанным щекам.

— Ну, ты что? — расстроилась Магдалина. Она совершенно не знала, как себя вести с плачущими мужчинами.

— У меня был отец... Они убили его!

— Кто убил?

— Сэр Гай и шериф Ноттингема. Гай Гисборн позарился на наш замок. Отец был в долгах... Мы сопротивлялись... Когда стало ясно, что нам не устоять, мы хотели убежать, но начался пожар, крыша замка обрушилась, слуги погибли, а отца зарубили воины шерифа. О, горе! Куда мне деваться! Теперь я вне закона!

— Садись, — велела Магдалина. — Выпей воды...

Роберт опустился рядом с ней на бревно и с жадностью стал пить лимонад из пакета.

Теперь Магдалине стало ясно, почему он такой грязный и избитый.

— Это все случилось недавно? — на всякий случай спросила она.

Роберт показал на столб дыма, который поднимался над деревьями. На фоне закатного неба он казался совсем черным.

— А где твои враги?

— Они веселятся... пируют. Я им отомщу!

— Сначала поешь.

Роберт страшно возмутился

— Как ты могла подумать, — закричал он, — что я буду есть и пить, когда у меня такое горе!

Но при этом он продолжал жевать котлету. «Уже лучше», — подумала Магдалина.

— Я им отомщу! — шептал юноша, глотая куски котлеты. — Они будут у меня просить пощады, а я их не прощу!

— У тебя есть еще родственники? — спросила Магдалина.

Уже стемнело, из леса тянуло подвальным холодом, над головами бесшумно пролетали летучие мыши.

— Нет у меня родных, — сказал Роберт. — Я уйду в разбойники. Буду отбирать добро у богатых и отдавать бедным, а потом, когда стану сильным, нападу на рыцаря Гая Гисборна и на шерифа Ноттингемского и вздерну их на осине.

Магдалина услышала вдали топот копыт.

— Роберт, — сказала она, — не лучше ли нам сойти с дороги? Кто-то скачет.

— Нет! — воскликнул юноша. — Если это мои враги, я встречу их лицом к лицу! Лучше смерть!

— Если ты погибнешь, — заметила Магдалина, — кто же им отомстит?

Юноша задумался.

Топот копыт раздавался все ближе.

— Может, лучше пока скроемся, а потом отомстим? — предложила Магдалина.

Она схватила юного рыцаря за руку и потащила в лес.

И вовремя, потому что как раз в тот момент по дороге проскакали несколько всадников.

— Куда теперь? — шепотом спросила у Роберта Магдалина.

Они стояли в орешнике неподалеку от дороги.

— Если идти в глубь чащи, — сказал Роберт, — то мы попадем в большой Шервудский лес. Он такой дремучий, что стражники не смеют туда и носа сунуть. Там водится множество оленей и всякой дичи. Там можно прожить...

— Мне бы лучше в какую-нибудь деревню, — сказала Магдалина.

— Разве ты не со мной? — удивился Роберт. Но Магдалина его не слушала.

— Какой ужас! — произнесла она.

— Что случилось?

— Жди меня здесь. Я должна вернуться.

— Это опасно!

— Я сейчас вернусь. Я сумку забыла.

Магдалина кинулась обратно к дороге.

К счастью, проезжавшие стражники и рыцари в сумерках не заметили сумку. И не обратили внимания на скатерть-самобранку, которая лежала на поваленном дереве.

Магдалина подняла сумку с земли и тихонько сказала драконьему яйцу:

— Прости меня, маленький. Скоро мы придем в деревню, и я тебя устрою поближе к печке.

Яйцо конечно же не ответило. Потому что еще не умело разговаривать.

Магдалина закинула тяжелую сумку на плечо и только собиралась снова шагнуть в орешник, как услышала грубый голос, доносившийся словно с самого неба:

— Ты чего здесь делаешь?

Магдалина подняла голову и увидела темный силуэт всадника.

Голова коня была совсем рядом. Он тихонько заржал, как будто хотел сказать: «Я здесь ни при чем».

Надо было бежать, и она метнулась к кустам, но сильная рука схватила ее за плечо и рванула назад. Магдалина испугалась, как бы чего не случилось с яйцом, и потому замерла, как кролик перед удавом. Она только успела пискнуть:

— Роберт, беги!

И не знала, услышал ли он ее. Страшнее было бы, если бы Роберт кинулся ей на помощь. И помочь не помог бы, и себя погубил.

Из темноты выехали другие всадники.

— Смотри, поймали одну, — сказал первый.

— Гони ее к господину!

Другой голос произнес:

— А ну пошла!

Кто-то ударил Магдалину плетью по плечу. Было больно.

Магдалина покорно пошла по дороге.

Раз больше шума не было, значит, Роберта они не поймали.

А что касается ее самой, то, может, все и к лучшему: по

крайней мере, она проведет ночь в тепле и сможет согреть несчастного драконозаврика.

Убежать было невозможно, тем более с тяжелой сумкой на плече. По бокам и сзади ехали всадники. Время от времени кто-нибудь из них принимался допрашивать Магдалину, откуда она и что делает в лесу в такую пору.

Но Магдалина делала вид, что не очень понимает вопросы, и только мычала или отрицательно мотала головой.

Идти оказалось недалеко, но дорога была неровной. Она спускалась в низину, и Магдалина скользила по глине, чавкала башмаками по грязи. Теперь она убедилась, что машина времени забросила ее в английское Средневековье.

Средневековье — значит Средние века.

Они находятся между временами древних греков и римлян, когда жили Александр Македонский, Юлий Цезарь и царица Клеопатра, и эпохой Возрождения, когда начали развиваться науки, Коперник догадался, что Земля вертится вокруг Солнца, Колумб открыл Америку, а Рафаэль и Леонардо да Винчи написали великие картины.

Если верить Роберту, то Магдалина попала в середину пятнадцатого столетия, то есть в 1450 или в 1460 год. А это уже самый конец Средневековья.

Но Магдалине от этого было не легче. Времена все равно были дикие, приходилось постоянно беречься, чтобы не угодить в ведьмы. А ведьме один путь — на костер!

«Как жаль, — подумала Магдалина, — что я не знала заранее, куда попаду, и не надела правильного платья». Ведь для динозавров одежда значения не имеет, а вот в городе или замке, куда ее скоро приведут, это очень важно.

За этими мыслями Магдалина не заметила, как они добрались до рыцарского замка. Наступила ночь, но взошла луна, и потому замок был отлично виден.

Он оказался не очень большим — четыре башни по углам, высокие стены с прямыми зубцами, ворота из деревянных плах, скрепленных железными полосами, и даже ров с подъемным мостом — все, как в какой-то старинной книжке.

Конечно, Магдалине уже приходилось видеть замки наяву, только в них в двадцать первом веке устроили музеи. Баронов там почти не осталось.

С башни всадников окликнули:

— Кого поймали?

— Такую страхолюдину, что ни в сказке сказать, ни пером описать!

Ворота со страшным скрипом отворились, через ров бухнулся мост.

Внутри оказался двор, тесно заставленный телегами, заваленный тюками и бочками. Посреди двора стоял худой мужчина в железной кольчуге. Два воина по бокам держали факелы.

Мужчина всмотрелся в Магдалину и прикрикнул на воинов:

— Опустите факелы! Дайте разглядеть ее как следует!

Магдалина подумала: «Хорошо еще, он догадался, что я девушка».

— Кто ты такая? — рявкнул мужчина. Свет факелов упал на его лицо, и Магдалина увидела длинный нос, который почти доставал до нижней губы, жидкие висячие усы и темные прямые космы, торчавшие из-под тесного колпака.

— Магдалина, — сказала геологиня.

— Откуда?

— Издалека, — так же лаконично ответила Магдалина.

— Говори, из какого графства, а то прикажу из тебя дух вышибить!

— Из северной страны.

— Точнее!

— Ты ее не знаешь, господин.

— А чего у нас делаешь? Вынюхиваешь? Вредить хочешь?

— Ищу убежища, — сказала Магдалина.

Она уже придумала, как себя вести. Но для того, чтобы ее план удался, она должна была остаться наедине с хозяином замка.

— Какого такого убежища? — рявкнул рыцарь.

Воины, столпившиеся вокруг, загоготали. Им показалось смешным, что девушка решила искать убежища именно в этом замке.

— Это великая тайна, — сказала Магдалина. — Я дочь короля гиперборейских земель, принцесса Магдалина. Надеюсь, что ты, рыцарь, знатного рода?

— А то какого же?! — взревел рыцарь. — Я — сэр Гай Гисборн! Меня все знают от Ноттингема до Йорка! Сам шериф Ноттингемский — мой лучший друг.

— Тогда разрешите мне поговорить с вами по секрету, сэр, — сказала Магдалина. — Конечно, я предпочла бы иметь дело с королем Англии или хотя бы с герцогом Йоркским, но вы, барон, производите приятное впечатление. У вас очень мужественное лицо. По всему видно, что вы — выдающийся рыцарь.

Магдалина перевела дух. В жизни она не произносила такой длинной речи!

Барон подбоченился и стал крутить ус. Его воины принялись кричать, что их барон — самый смелый рыцарь в Британии.

А Магдалина догадалась, что барон — дурак, только набитый самомнением, как мешок ватой.

— Пошли! — скомандовал барон. — Можешь на меня положиться.

Он первым вошел в башню, за ним топали два воина с факелами, а потом уж Магдалина и все остальные. По деревянной лестнице они поднялись на второй этаж, и там набилось столько народу, что скоро стало трудно дышать.

— Я сказала — наедине! — заявила Магдалина. — Вы не понимаете английского языка?

— Я? Не понимаю? Какого языка? — Рыцарь очень удивился.

— На каком языке вы говорите? — спросила Магдалина.

— На своем, — ответил барон.

— Вы говорите на английском языке, — объяснила Магдалина.

Барон задумался. Оказывается, он и не подозревал, что говорит на английском языке.

Потом он рявкнул на своих подданных:

— А ну, прочь отсюда! Остаться только Джону и Косому Тейлору — пускай держат факелы.

Но Магдалину это решение не устроило.

— Так дело не пойдет.

Рыцарь подчинился. Он велел воткнуть факелы в держатели на стенах.

— Ну, теперь говори! — приказал он, когда последний из воинов застучал сапогами по ступенькам.

— Моя страна, Гиперборея, — сказала Магдалина, — была завоевана врагами. Я успела убежать на последней каравелле. И мой папа, который остался защищать дворец, приказал мне плыть в Англию и найти здесь настоящего рыцаря.

— Зачем? — спросил Гисборн.

— Сила нашего царства, — сказала Магдалина, — заключалась в том, что ворота дворца защищал огнедышащий дракон. Папа держал его на цепи, и дракон признавал только меня.

— Ты могла подходить к дракону? — удивился рыцарь.

— И даже кормила его живыми кроликами, — сказала Магдалина, и рыцарь посмотрел на нее со страхом. Ведь не часто приходится встречать девушек, которые кормят драконов кроликами!

— И что же случилось? — спросил рыцарь.

— А то, что дракона предательски отравили! — сказала Магдалина. — Враги подсунули ему миску с бледными поганками. А наш дракоша так любил грибной суп! И он умер в мучениях.

— Какой ужас! — вздохнул рыцарь.

— И вот мой папа сказал: «Скоро враги нас совсем одолеют. Беги в Англию и уноси с собой самую большую драгоценность нашего королевства».

— Какую драгоценность? — Глазки рыцаря разгорелись.

— Только никому ни слова! — предупредила Магдалина.

— Клянусь!

Магдалина раскрыла сумку и произнесла:

— Смотрите, но руками не трогайте!

Рыцарь с опаской заглянул внутрь. Он долго вглядывался — свет факелов был не очень надежным — и наконец произнес:

— Яйцо!

Он был явно разочарован.

— Это не просто яйцо, — сказала Магдалина. — Это яйцо

последнего боевого дракона во всей Европе. Говорят, что два или три еще сохранились в Китае. Но в остальном мире огнедышащие драконы перевелись. Уж очень много рыцарей на них охотится.

— А я думал, что драконы — это выдумка, — сказал рыцарь.

— Вот теперь вы убедились в обратном. Клянусь, вам не приходилось еще видеть настоящее яйцо дракона.

— И это... оно?

— Есть варианты? — спросила Магдалина.

— Может, птица Рок? — решил рыцарь. — Мне как-то няня рассказывала сказки про Синдбада Морехода.

— У птицы Рок яйца будут помельче, — уверенно сказала Магдалина, которая на самом деле не знала, какие яйца у птицы Рок.

— И что же теперь? — спросил рыцарь.

— Вы хотите стать обладателем самого настоящего дракона? — спросила Магдалина.

— Еще бы! — воскликнул рыцарь.

— Тогда я его выведу специально для вас, — сказала Магдалина.

Барон даже зажмурился от счастья.

— Но придется подождать, пока он выведется и подрастет.

— Я подожду, подожду! — закричал барон. — А потом с его помощью всех соседей разгромлю!

— Значит, так, — сказала Магдалина. — Попрошу отдельное сухое, теплое помещение, без тараканов и клопов, с очагом. Трехразовое питание мне и будущему дракону, постельное белье, стирку и полную свободу — куда хочу, туда хожу. Согласны?

— Не совсем, — ответил барон. — Насчет тараканов не ручаюсь, а свободы ты, конечно же, не получишь — еще сбежишь!

На том и порешили.

Магдалину отвели в большой подвал под главной башней.

— А не врешь? — спросил барон на прощание.

— Скоро проверим, — ответила Магдалина. Она была почти довольна. По крайней мере, яйцо будет в сохранности. А там разберемся.

Глава шестая

РЕМОНТНИКИ ПОЧТИ НЕ ВИНОВАТЫ

Алиса еще подождала Магдалину у машины времени. Скоро ей надоело ждать, и она вышла наружу. Погода испортилась, над институтом неслись тучи. Видно, синоптики погнали их куда-то на восток, чтобы поливать поля.

Она решила снова поиграть в футбол с роботом Вертером, но тот уже ушел. Сильвера тоже не было на месте.

Алиса вернулась в зал к машине времени. Та стояла как мертвая.

В зал вошел Семен Владимирович, похожий на тюленя, обтекаемый, гладкий, с круглой мордочкой и черными глазками.

За ним шла Тихоша. А Тихоша похожа на ежика — у нее такие волосы.

Ремонтники несли с собой приборы.

Они подошли к машине времени и сказали Алисе:

— Ну вот, все в порядке, можно пользоваться.

Мастера говорили хором, только Семен Владимирович как будто пел, а Тихоша произносила слова хрипло и гулко, как из бочки.

— Чем пользоваться? — спросила Алиса. Она не поняла, кто эти люди и что они хотят сказать.

— Машинкой пользоваться, ясное дело. Летать туда-сюда.

Семен Владимирович подплыл к машине времени и погладил ее по боку. Он ее строил и теперь любил, как живую.

— А раньше? — спросила Алиса. — Раньше нельзя было пользоваться?

— Так мы же записку оставили, — сказала Тихоша. — Ты ее куда дела?

— Я ничего никуда не девала.

— Ну, вот это непорядок, — рассердился Семен Владимирович. — Работаешь, трудишься. Стараешься для людей...

— Записки пишешь и вешаешь, — добавила Тихоша.

— А кто-то приходит, — закончил Семен Владимирович, — и никакого в тебе уважения к нашему беззаветному труду.

— Какая еще записка? — встревожилась Алиса. — Мы не видели никакой записки.

— А кто такие «мы»? — спросил Семен Владимирович, человек немолодой и опытный. Ему-то известно, что от любой машины надо ждать неприятностей. И чем машина сложнее, тем хуже неприятности.

— Сотрудница ушла в мезозойскую эру, — объяснила Алиса. — Ушла и еще не вернулась.

— Несмотря на записку? — возмутилась Тихоша. — Там же русским языком было написано: «НЕ ВЛЕЗАТЬ!»

— Да не было здесь никакой записки! — воскликнула Алиса. — Клянусь вам, ничего не было! Неужели бы мы отправили человека к динозаврам, если бы не были уверены, что человек вернется?

— Нет, — вздохнула Тихоша. — Не вернется ваш человек. Съедят его динозавры...

— В записке было строго написано, — сказал Семен Владимирович, — что машиной пользоваться нельзя, что мы в подвале делаем профилактику. Значит, если на ней поедешь, то приедешь не туда, куда хочешь.

Алиса кинулась к экранчику на стенке у входа.

— Ричард! — закричала она. — Скорее! У нас беда!

Прибежал не только Ричард, но и директор института.

Потом, когда Алиса и мастера все рассказали, подошли и другие специалисты. Все думали, что делать, и прервались только на минутку, потому что приковылял вахтер Сильвер и признался, что записку унес попугай.

— Ну вот, — расстроился директор института. — Разве можно вешать важные записки так, что их любой попугай снимет?

— Нельзя, — хором сказали все научные сотрудники.

— Включайте тогда главный компьютер и, если надо, подключайте его к космонету. Задачка простая? Требуется

выяснить, все ли в порядке у Магдалины Дог, а если не все, то узнать, где она находится, чтобы можно было поскорее ее оттуда вытащить.

После такой речи директор обвел сотрудников строгим взором, и некоторые из них, особенно те, кто не выполнил квартальный план или опоздал сегодня на работу, задрожали.

А попугай, который снял предупреждающую записку, упал на пол и задрал вверх когти.

Лежа, он кричал противным голосом:

— Не виноватая я! Не по злому умыслу, а токмо по воле пославшего меня на смерть директора!

Директор обиделся и ушел, сотрудники тоже разошлись, а техники и Ричард принялись искать Магдалину в компьютере института. А компьютер, который не следил за машиной времени, потому что думал, что она остановлена на профилактику, все повторял:

— Да бросьте вы! Ничего плохого с машиной времени случиться не могло. Я лично за ней слежу.

Поэтому Ричарду пришлось отключить голос компьютера и попросить его вывести сведения, где Магдалина, на экран.

В ответ на это компьютер принялся на всех дисплеях писать:

— Помогите! Мне заткнули рот! Где свобода?

Попугай поднялся с пола, почистил перья, прочел надпись и сказал:

— Я тоже буду жаловаться в Организацию Объединенных Наций!

Поскольку обстановка накалилась, Ричард включил карманный компьютер.

Тот мучился, мучился, щелкал, свистел и наконец перегорел, как лампочка, чего с компьютерами в двадцать первом веке не бывает.

Починить его удалось не сразу. И только через полчаса общими усилиями люди и компьютеры догадались, что Магдалина выпала из машины времени в Средние века, а именно в середину пятнадцатого века.

Но где — этого не смогла сказать ни одна машина, ни один прибор, ни один ученый.

Дело в том, что она пропала именно в тот момент, когда Семен Владимирович с Тихошей смазывали географические блоки. В их памяти ничего не сохранилось.

— Итак, — сказал Ричард, — мы с тобой, Алисочка, должны признать, что отыскать Магдалину сразу нам не удастся. Я закладываю в компьютеры и даже в космонет все, что нам известно о Магдалине и ее путешествиях в прошлое. Теперь во всех точках Земли, где установлены наши кабины в пятнадцатом веке, заработали скрытые камеры. Как только они что-нибудь засекут, тут же дадут нам знать. Надеюсь, это случится очень скоро.

— А если не засекут? — спросила Алиса.

— А вот так не бывает, — строго ответил Ричард. — Человек не песчинка. Еще не было такого случая, чтобы путешественник во времени бесследно исчез. Что-нибудь да останется...

Тут Ричард смутился, потому что Алиса могла его неправильно понять.

— Путешествие во времени совершенно безопасно! — воскликнул он.

— Знаю, знаю, — согласилась Алиса. — Магдалина обязательно найдется.

Компьютер сообщил, что включено три тысячи восемнадцать следящих устройств по всему пятнадцатому веку.

Все работают.

Все наблюдают.

Пока что ничего интересного сообщить не могут.

Тогда Ричард посоветовал Алисе идти домой и передохнуть до завтра, а сам начал организовывать группы поиска. Потому что все понимают, что компьютеры — это замечательно, они даже умнее людей, но все-таки порой без глупеньких и отсталых человечков не обойтись.

Так же думала и Алиса.

Она для виду согласилась с Ричардом, попрощалась с ним, но далеко от машины времени не отошла и стала думать.

Алиса ходила по коридору, благо рабочий день уже кон-

чался и все сотрудники, которые не были заняты подготовкой экспедиции по спасению Магдалины, ушли домой.

Как найти девушку в пятнадцатом веке, то есть почти шестьсот лет назад, если не знаешь, где она оказалась?

И тут Алисе пришла в голову мысль, которая, конечно же, должна была сперва прийти в головы взрослым ученым, но они такие умные, что порой до простых вещей не додумываются.

Зачем ездила в прошлое Магдалина?

Она ездила за яйцом драконозавра.

Почему всех ученых так удивило открытие в мезозойской эре динозавра, который пышет огнем и дымом? Да еще и покрыт бронированной чешуей?

Потому что он был похож на сказочное существо — огнедышащего дракона. А такой дракон есть в сказках многих народов.

Почему же сказочники придумали огнедышащего дракона, если можно было придумать громадную змею или гигантского медведя? Ведь обычно в сказках действуют существа, которые встречаются в жизни, только они не такие большие и страшные.

Может быть, сказочники подсмотрели дракона?

Может быть, дракон кому-то попадался на глаза?

Может быть, кто-то принес в Средние века яйцо драконозавра и из этого яйца вывелся дракон? И так всех удивил, что они его запомнили и детям о нем рассказывали?

«Ах, какая я умная! — похвалила себя Алиса. — Теперь включим литературную программу и спросим у компьютера, у каких народов есть сказки про драконов, которые пышут огнем».

И Алиса побежала к компьютеру.

Выяснилось, что такие драконы водятся далеко не во всех сказках. Они есть у славян, то есть у русских, украинцев, поляков и других народов, которые говорят на славянских языках, как мы с вами.

Есть такие драконы в Германии, в скандинавских странах, то есть в Швеции и у ее соседей.

Есть такие драконы в Италии, Испании и Англии — это последняя страна к западу, где о таких драконах слышали.

— Замечательно! — сказала Алиса компьютеру. — Нам не нужно искать Магдалину по всему миру. Нам надо только попасть в Европу в середине пятнадцатого века и спросить у местных жителей, откуда они узнали о драконе! А потом от города к городу, от дома к дому — так и отыщется несчастная Магдалина.

Приняв решение, Алиса кинулась к Ричарду.

Но дверь его кабинета была закрыта. Когда Алиса попыталась повернуть ручку, дверь вежливо произнесла:

— Простите, но Ричард Питерович сидит на совещании по поводу спасения Магдалины Дог, и его нельзя отвлекать.

— Понятно, — сказала Алиса и побежала в буфет.

Буфет тоже был закрыт, но не на замок.

Алиса зашла внутрь, открыла холодильник и сделала себе и Магдалине по большому бутерброду, а в плоскую бутылку налила крепкого чая.

Из буфета Алиса побежала на склад. Ей уже приходилось бывать на складе, и она знала, как открывается дверь.

На складе она разыскала рюкзачок, положила в него продукты, несколько серебряных монет, сменила свои тапочки на прочные, непромокаемые башмаки, а потом задумалась: как лучше всего одеться, чтобы не привлекать внимания? Конечно, можно одеться принцессой и всем говорить: «Видите ли, меня похитили разбойники, и теперь я ищу своих безутешных родителей!»

А вдруг придется побывать в разных странах? Не везде же принцессы одеваются одинаково. Да и зачем привлекать к себе внимание? Чем незаметнее, тем лучше. Может, и в лесу придется ночевать...

Алиса увидела на полке сверток. Похоже на тонкий коврик.

«Если он не тяжелый, возьму его с собой, — решила Алиса. — Вот и мешок на веревке, чтобы через плечо носить. Будет мне одеяло и подстилка».

Коврик вздохнул.

— Этого еще не хватало! — воскликнула Алиса. — Говорящий коврик! Тогда лучше оставайся здесь.

— О нет! — откликнулся коврик. — Умоляю, не оставляй меня здесь! Я с ума схожу от тоски! Скажешь молчать — буду

молчать, скажешь петь — буду петь. Хочешь, спою тебе арию мельника из оперы Даргомыжского «Русалка»?

— Нет, спасибо, — сказала Алиса.

— Хорошо, в следующий раз. А хочешь — стихи почитаю?

— Спасибо, как-нибудь потом. Сейчас я спешу.

— Ну, если спешишь, я тебе — лучшая находка. Легок, если нести в руке, невесом, если перекинуть через плечо, и сам могу летать. Ты знаешь, какая у меня грузоподъемность?

— Ты — ковер-самолет?

— Тебе сказочно повезло, Алиса, — ответил ковер-самолет. — Меня приволокли из эпохи легенд и забыли на складе. Хотя учти, из эпохи легенд без специального разрешения ничего брать не велено.

Алиса подумала: «А может быть, мне и в самом деле повезло? Хорошо, если дракона я отыщу сразу и поблизости от кабины времени. А что, если мне придется целую неделю носиться по пятнадцатому веку?»

— Скорей, скорей, а то раздумаю и останусь здесь, — сказал коврик.

— А ты, я вижу, хитрец!

— Не только хитрец. Я самый грузоподъемный из ковров-самолетов в эпохе легенд, а здесь, в вашем мире, мне и цены нет. Могу везти двух человек куда угодно, а при нужде и трех подниму, если они не тяжелые.

— Хорошо, — сказала Алиса. — Ты прав, поехали.

— А куда? Мне же надо знать, куда меня влечет судьба.

— В пятнадцатый век. На поиски моей подруги Мадалины и огнедышащего дракона.

— Прости, а без дракона твою подругу искать нельзя?

— Испугался?

— Ни в коем случае. Поехали!

Алиса надела длинную суконную юбку, кофту потеплее и парик — длинную пшеничную косу. Не ехать же Средневековье коротко подстриженной?!

Алиса поглядела на себя в зеркало и решила, что на первый взгляд она похожа на любую средневековую девочку.

Со склада Алиса снова побежала к кабинету Ричарда, но тот все еще не вернулся с совещания. Видно, сотрудники ин-

ститута решили совещаться, как найти Магдалину, вместо того чтобы ее искать.

Ну и ладно!

Они еще не успеют кончить свое совещание, как Алиса привезет Магдалину обратно. Вот они удивятся!

С этой мыслью Алиса вернулась к машине времени.

Возле нее сидели на корточках Семен Владимирович и Тихоша.

— Что такое? — спросила Алиса. — Почему вы домой не ушли?

— Переживаем, — ответила Тихоша. — Как там девушке в диких временах?

— Спасибо за переживания, — сказала Алиса. — Идите домой.

Алиса дождалась, пока мастера уйдут из зала, а потом вошла в кабинку машины времени и набрала на пульте задание: 1450 год.

— Какое место Земли? — спросила машина времени.

— То же самое, — сказала Алиса. — То место, на котором я сейчас стою.

— Будет сделано, — ответила машина, и на экране появились координаты окраины города Москвы в градусах, минутах и секундах. — Держитесь крепче.

Алиса взялась за поручни и помчалась сквозь время.

Глава седьмая

ВЫ НЕ ВИДЕЛИ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА?

В прошлом было ветрено. Алиса обрадовалась, что догадалась надеть теплую кофту.

Она думала, что очутится на улице или во дворе — все-таки Москва уже тысячу лет существует. Но вокруг поднимались темные ели, земля была усыпана шишками, из-за дерева на Алису смотрел кабан — самый настоящий, с клыками, волосатый и сердитый.

Алиса не двигалась с места. Она поглядела на кабана и сказала ему:

— Поросеночек, не сердись на меня. Я найду Магдалину

и сразу уйду. Мне ничего от тебя не надо, ни желудей, ни редьки. Кушай на здоровье.

Кабан фыркнул и ушел в лес.

Алиса пошла в другую сторону. Вряд ли кабан вывел бы ее на открытое место.

Вскоре она увидела тропинку. Тропинка закончилась на опушке леса. Дальше тянулось ржаное поле, а за полем виднелись дома. Там была деревня.

Алиса быстро шагала по полю, настроение у нее исправилось.

Где деревня — там и люди, а где люди, там и сказки. А где же быть драконам, как не в сказках!

Но до деревни Алиса дошла не сразу, потому что увидела двух девушек, которые жали серпами рожь и вязали ее в снопы.

Странно было видеть, что люди так собирают урожай. Алиса когда-то видела похожую картинку в исторической книге, но увидеть все наяву и даже заговорить со жницами — совсем другое дело.

— Здравствуйте, — сказала Алиса. — Можно вас спросить?

Девушки удивились, бросили работу и глазели на Алису, разинув рты.

— Вы чего удивляетесь? — спросила Алиса.

Девушки не ответили.

— Меня зовут Алисой, я к вам приехала издалека.

Наконец одна из девушек, черноглазая и чернобровая, вымолвила:

— Ой, какая ты красивая!

— И одежка на тебе такая складная, — сказала другая девушка, тоже чернобровая, но зеленоглазая и рыжая.

Обе были в белых платках, а платья их напоминали серые холщовые рубахи почти до земли.

— А до Москвы далеко? — спросила Алиса.

— Далеко, — хором ответили девушки.

— Сколько километров?

— Чего? — не поняли девушки

«Конечно же, какая я глупая, — подумала Алиса. — Они же не знают слова «километр»».

— А долго до Москвы ехать? — спросила она по-другому.

— Ой, долго! — ответила черноглазая девица. — До вечера идти!

— Или до утра, — подхватила вторая.

— А Москва большая? — спросила Алиса.

— Ой, большая! — ответила черноглазая.

— Больше нашей деревни, — подхватила рыжая. Они так разговорились, что не заметили, как к ним подъехал верхом на коне бородатый мужик.

— Что за разговорчики в рабочее время! — рассердился он и взмахнул плеткой.

Алиса сразу вступилась за девиц — она не выносит, когда обижают слабых.

— Не смейте обижать девушек! — сказала она. — Это я их отвлекла.

— Тогда и тебе достанется! — зарычал мужик и хотел ударить плеткой Алису.

Это ей так не понравилось, что она дернула мужика за ногу. Мужик нападения от девчонки не ожидал, вылетел из седла и грохнулся наземь.

— Ох! — воскликнули девушки. — Как ты его?

— Вы же видели. Обычный приемчик, на уровне детского сада.

— Ой, ничего мы не видели, ничего не знаем, нас здесь вовсе не было! — И с этими словами девицы подхватили серпы и со всех ног побежали в деревню.

А мужик сел, потер ушибленный лоб и спросил:

— Ты ведьма, что ли?

— Нет, — ответила Алиса. — Я не ведьма, но не люблю, когда детей бьют.

— Это кто же дети? — рассердился мужик. — Это Клавка-то с Парашкой дети? Да я их не сегодня-завтра замуж отдам! А ты — дети! Сама-то кто будешь, откуда, пигалица?

Мужик разговаривал сидя, не поднимался, и Алиса почувствовала, что он ее опасается.

— Я из дальних земель, — сказала Алиса. — Хожу вот...

— И зачем же ходишь? — полюбопытствовал мужик, прищурив глаз.

— Да так...

Ну что же придумать? С самого начала не придумала, а сейчас — ой как трудно придумывать, когда на тебя смотрит пожилой местный житель и уже заранее не верит ни единому твоему слову.

— Говори, говори, а то я сейчас других мужиков кликну — вот тебе и конец пришел!

— Живу я в городе... Новгороде! Слышали о таком?

— Ну, допустим, слышал, — сказал мужик. — А может, и не слыхал. А чего тебе на месте не сидится?

Он поднялся, схватился за спину и взвыл:

— Ох, грехи мои тяжкие, ну разве можно человека так об землю ударять? Я же не просто поселянин, не смерд вонючий — я староста деревенский, со мной сам князь за руку... Вот так!

— Я не хотела вам сделать больно, — сказала Алиса.

— Свежо предание, да верится с трудом, — изрек староста. — Кто же будут твои родичи?

— Мои родичи... — Ну как же это называлось в Новгороде? Забыла название! Надо было лучше в школе историю учить! — Мои родичи — торговые гости!

— Как отца кличут?

Это уже был настоящий допрос, и если он тебе не поверит, вся твоя работа, Алиса, пойдет насмарку. Ты же не сможешь искать Магдалину, если тебя за человека не считают.

Алиса заметила, что неподалеку из ржи выглядывают две головы в платочках и на нее смотрят две пары глаз — черные и зеленые.

— Отца моего кличут Садко, — сказала Алиса. — Он на корабле по озеру Ильмень путешествует, а потом из варяг в греки.

— Чего-чего? — не понял мужик.

— Наверное, вы слышали, что есть варяги и есть греки?

— Нет, не слыхал, — уверенно ответил староста.

Конечно же Алиса опять ошиблась! В пятнадцатом веке греков, то есть Византийской империи, уже не существовало, потому что ее завоевали турки. И варягов давно уже не было. Она спутала — ошиблась лет на пятьсот!

— Мой папа со шведами торгует. С немцами, с англичанами — со всем культурным миром!

— Это дело, — одобрил староста. — А как же Орда? Татары как же? Не шалят?

— А татар мы в Новгороде и не видали, — сказала Алиса. — Нас никто не завоевал. У нас демократия — то есть вече.

Новое слово совсем смутило мужика.

— Ладно, — сказал он. — Идем в деревню, а то тут комары заедят.

Вроде он уже не сердился на Алису. И то хорошо.

И Алиса пошла за старостой в деревню.

Так и шли. Впереди староста, которого звали дядей Тимофеем, потом Алиса, а сзади девушки-жницы.

До деревни оказалось идти недолго.

В деревне была всего одна улица и, наверное, десятка два домов, не больше.

Дома маленькие, приземистые и без труб. Вместо труб на верху крыш дырки, а из дырок идет дым. Алиса вспомнила — это называется «курная изба»! Но не от слова «курица», а от слова «курить».

Она подумала: «А ведь мне повезло! Я как будто на практических занятиях по истории. Разве дома мне бы удалось пройтись по старинной деревне?»

На пыльной дороге, что бежала между избами, ребятишки играли в какую-то старинную игру — кидали косточки.

При виде Алисы ребята бросили играть и побежали сзади. Они кричали, прыгали и радовались — такой гостьи они еще не видели.

— Чудо-юдо! — кричали они. — Ты откуда?

Девушки кинулись на защиту Алисы. Они разогнали мальчишек, надавали им подзатыльников, чтобы не приставали к гостье.

Староста привел Алису к себе в избу.

Окна избы оказались махонькими. Они были поделены на частицы деревянными планками и затянуты слюдой или рыбьим пузырем.

В избе стояли стол и скамья.

Мужик уселся за стол и велел Алисе стоять спиной к двери.

— Теперь мы остались одни, девки не в счет. Расскажи

мне, что в самом деле замыслила, что тебе нужно. А то сразу драться лезешь!

Алиса не стала спорить. Она уже давно поняла, что спорить со взрослыми — дело пустое. Они любят показывать, какие они умные и принципиальные. Так что умным детям лучше помалкивать.

— Ну и душно у вас, — сказал Алиса. — И как вы только в такой духоте живете? Хоть бы форточку придумали.

— Самое ценное, что есть у человека в доме, — ответил староста Тимофей, — это тепло. Для этого и дом строится. Так что ты нам головы не мути, лучше признавайся, зачем пришла... Или будешь в молчанку играть?

— У меня сестра пропала. Старшая сестра, — призналась Алиса. — Ее Магдалиной зовут. Ростом она чуть повыше меня, худенькая, молчаливая, возможно, носит с собой сумку, в которой лежит яйцо дракона. А может быть, дракон уже вывелся.

Алисе было жарко. Она и не заметила, как стащила с головы парик с длинной косой и принялась обмахиваться им, словно веером.

Стало прохладнее. А коса носилась по воздуху, как длинная сабля.

И тут Алиса увидела, что обе девушки залезли под лавки и спрятались, только босые пятки наружу. А сам староста, крупный мужчина, лежит на полу без чувств.

— Вы чего? — спросила Алиса.

— Чур меня! Чур меня, чур меня! — бормотали девицы визгливыми голосами. — Ведьма, ведьма, ведьма!

— Да перестаньте, — перебила их лепет Алиса. — Что еще за чепуха! Я не думала, что вас одно слово «дракон» так перепугает.

— Нет, не дракон, — послышался голос с печки. Оказывается, там лежал старичок с длинной седой бородой и одним зубом.

— И не дракон вовсе, — прошепелявил старичок, — а тот прискорбный факт, что ты, молодица, сняла с себя волосья и машешь ими, как метелкой. Страшно, аж жуть!

И тут Алиса поняла, что старичок прав. Наверное, с непривычки человеку страшно смотреть, как снимают парик.

Она засмеялась и натянула парик на голову.

— Ну, теперь не так страшно?

Но девушки не сразу вылезли из-под лавки, а староста долго не хотел приходить в себя.

Пока он ворочался на полу, пришла Аксинья, женщина спокойная, которую ни париком, ни драконом не испугаешь.

Она налила девочкам молока и позвала их за стол. А потом сказала:

— Повтори свой рассказ, девочка, а то мой мужик здоров, да робок.

— А вот это лишнее, — обиделся староста и сел на полу. Потер шишку на лбу — видно, набил ее, когда падал. — Я просто лежал и думал. Могу я полежать и подумать? Подумать и полежать? Совсем немного. Весь день в делах и беготне, а тут думаю: почему бы мне не полежать и не подумать о главном?

— И что же у тебя главное, Тимоша? — спросила Аксинья.

— Это самое! — ответил староста. — Думать!

— А ты чего заявилась? — спросила Аксинья у Алисы. И Алиса повторила свой рассказ о сестренке Магдалине и драконьем яйце.

Старичок с печки откликнулся:

— Нету у нас таких драконов. Нету. Я сто лет прожил, а про драконов не слыхал. Это зверина зарубежная, не наших кровей. У нас был Змей Горыныч, его еще Илья Муромец, блаженной памяти, воевал, вничью бой кончился. Потом этот Горыныч от старости подох, а может, от лихорадки. Точно не скажу.

— И правда, давно у нас такого не слыхать...

— Но, мама! — воскликнула рыженькая девица.

— Мамочка! — крикнула вторая.

Аксинья отмахнулась от дочек:

— Мало ли что люди болтают!

Алиса почуяла неладное. От нее что-то скрывают!

— Что болтают люди? — спросила она.

— Нет, — сказал староста твердо. — И думать не смей!

Нельзя — значит, нельзя! Хочешь на всю деревню погибель навести?

— Но это же моя любимая сестренка Магдалина! — воскликнула Алиса. — Может, она в опасности?

Но как Алиса их ни просила, взрослые отказались поделиться с ней тайной.

— Иди дальше, — сказал староста. — Может, тебе в Москве скажут. Москва — город большой.

Не хотелось Алисе уходить из избы. Она всей кожей чувствовала, что обитатели ее что-то знают о драконе.

Правда, оставалась еще надежда на девочек.

Поэтому Алиса попросила:

— А можно, ваши дочки меня до дороги на Москву проводят?

— Сама найдешь, — отрезала Аксинья. — Все прямо да прямо, вот и выйдешь на большак.

— Мама, можно, мы ее проводим? — в один голос взмолились девушки.

— Зачем вам это?

— А затем, — сказала рыженькая, — что Алисия нам свои золотые кудри даст поносить. Дашь, правда?

— Дам, — сказала Алиса.

Они вышли из избы и по пыльной дороге пошли к большаку.

— А теперь рассказывайте, что знаете, — попросила Алиса.

— А косу дашь поносить?

Алиса сняла парик, и рыженькая сразу его напялила.

— Ну как, подружки? — спросила она. — Кто красивей всех на свете?

— Ты у нас самая красивая и умная, — сказала Алиса. — А где дракон водится?

Девушки оглянулись — нет ли кого поблизости?

Вокруг лежало поле, дальше лес. И ни одной живой души.

— В лесах нечисть живет, — сказала черноглазая. — У нас в лесу этой нечисти — пруд пруди.

— Обижают вас? — спросила Алиса.

— Не то чтобы обижают, — ответила рыженькая. — Нечисть — она во всех лесах водится, и, если ее не дразнить,

она не тронет. Так, поиздевается, покружит, голову задурит и отпустит...

— Ну, конечно, не Баба-яга, — вмешалась черноглазая. — Баба-яга — она бестия, клейма ставить негде. Говорят, она мальчиков таскает и потом их в котле варит. Там у нее есть избушка на курьей ножке...

— Чепуху старухи мелют, а ты веришь! — перебила ее рыженькая.

— А ты сама посмотри! — возмутилась ее сестра. — Неужто ты тете Фекле не веришь? Она же своими глазами лешего видела!

— Но ведь не Бабу-ягу!

— А кто Бабу-ягу видал, тот больше уже ничего не увидит.

— А как же дракон? — спросила Алиса.

— Ты нам скажи, какой он, — попросила черноглазая. — Может, мать с отцом знают, но мы такому слову неученые.

— Дракон, — объяснила Алиса, — похож на Змея Горыныча, только изо рта пламя выпускает, а из ноздрей — дым, и покрыт он, как броней, зелеными пластинами. И ростом он выше избы.

— Ой! — Рыженькая зажала ладонью рот.

— Ой! — Черноглазая зажмурилась.

— Девчата! — взмолилась Алиса. — Вы его видели?

Девчата трепетали, но не отвечали.

— Признавайтесь!

Черноглазенькая сняла парик и протянула Алисе.

— Опасный ты человек, — сказала она. — Иди себе с богом. Вон там большак.

— Но вы только скажите, — крикнула Алиса, — вы его видели?

На бегу рыженькая обернулась и крикнула:

— Видели, да издали! Вот и живы до сих пор.

Алиса обрадовалась. Девушки не придумывали. Да и не только они — взрослые тоже ведут себя так, словно напуганы драконом. Неужели Алисе так повезло и она скоро увидит Магдалину?

Глава восьмая

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я — БАБА-ЯГА!

Алиса поспешила к Москве.

Ночевать в лесу ей не хотелось. Было зябко, да и мало ли кто водится в таком старинном лесу?

Темнело. Взошла луна. Она выглядывала в просветы бегущих облаков.

Страшный вой раздался из глубины леса. Кто там, в чаще? Может, волки?

Алисе конечно же приходилось видеть волков в зоопарке или в цирке. Она даже думала, не завести ли себе волчонка, но в будущем времени звери тоже стали умными и разумными. А здесь даже на сердце стало холодно от этого воя.

Над дорогой поднималась пыль и казалась белой, словно подсвеченной.

Что это за тихий топот сзади?

Алиса обернулась и увидела зеленые точки глаз.

За ней гнались... волки!

Этого еще не хватало! Как в сказке!

Алиса, конечно, побежала и на бегу вспомнила — ах, какая же она глупая! Не взяла с собой из института порошок от хищников. Ты сыплешь его на дорогу, и любой хищник впадает в бешенство и рычит: «Чтобы я гонялся за такой вонючей добычей! Да я лучше с голоду помру!»

Но эти волки так не скажут, потому что Алиса порошок взять забыла.

Теперь можно надеяться только на собственные ноги! Недаром Алиса стометровку пробегает за одиннадцать секунд, лучше всех в классе, хотя в школе есть мальчики, которые бегают и побыстрее.

Как назло, дорога была не очень приспособлена для того, чтобы быстро бегать. И когда Алиса обернулась, волки были уже совсем близко. Ей казалось, что она чувствует их жаркое дыхание.

Алиса кинулась прочь с дороги. Увидела узкую тропинку в темных зарослях и прыгнула туда.

Но волки не отстали.

Вот они все ближе и ближе!

Алиса споткнулась о толстый сук, но тут же схватила его и подняла над головой.

— А ну, подходи, бездельники! — грозно сказала она.

Наверное, ей было бы лучше кричать во весь голос — может, услышал бы какой-нибудь поздний путник, купец или воин... Но люди стесняются кричать и звать на помощь.

Волки выстроились полукругом, и самый ближний, оскалив белые зубы, кинулся на Алису.

Алиса как следует съездила ему по башке суком, волк взвизгнул и откатился — видно, не ожидал такой прыти от девчонки.

Остальные хищники остановились и призадумались. Ведь волки, шакалы и просто бандиты сильны тогда, когда их в десять раз больше или когда добыча кажется им совсем беззащитной.

Но как только кролик или девочка покажет зубы, шакалы и бандиты сразу задумываются: а вдруг им сделают больно? Они очень себя ценят!

— Ну что? — спросила Алиса. — Может, домой пойдете? Спатеньки пора!

Волки были настоящие, не сказочные, говорить они не умели, лишь скалились в ответ и злобно рычали.

И вот нашелся один смельчак!

Он бросился на Алису. Алиса только успела прикрыться суком. От удара она не удержалась на ногах и чуть было не свалилась. Хорошо, что сзади оказался огромный дуб и Алиса смогла к нему прислониться.

В то же мгновение она ощутила горячее дыхание зверя!

Все!

Голыми руками с ним не справиться!

И в этот момент Алису оглушил дикий свист.

Сверху, похоже с вершины дуба, свалилось страшное, темное и мохнатое существо, похожее и на медведя, и на человека.

Чудовище завопило:

— Ййеех!

И принялось быстро-быстро кружиться, выбрасывая ноги и руки, как четырехрукий боксер.

Волки завизжали, словно побитые собаки, и кинулись врассыпную. А Алиса так и осталась стоять, прижавшись спиной к дереву.

— Ну как? — спросило чудовище. — Не повредилась?

Алиса подумала: раз ее спрашивают, да еще спокойным голосом, значит, пожирать не намерены.

— Со мной все в порядке, — сказала Алиса. — Сейчас пойду дальше.

— И куда же ты, прости за любопытство, пойдешь? — спросило мохнатое чудовище.

— В Москву! — ответила Алиса. — Мне говорили, что тут недалеко.

— Далеко-недалеко, но верст двадцать будет. Ты туда как раз к рассвету дойдешь, только сомневаюсь я.

— Почему же?

— А потому что в лесу еще волки есть. И медведи, все захотят на тебя поохотиться.

— А куда же мне деваться? — огорчилась Алиса.

— Эх, не хотелось мне этого делать, и товарищи мои будут сердиться, но, видно, ничего не поделаешь — пошли к нам.

— Куда же это — к вам?

— Вот придешь, там и увидишь.

Алиса поняла, что надо слушаться. У нее не было другого выхода.

Чудовище поспешило в глубь леса, а Алиса семенила за ним, стараясь не спотыкаться о торчащие из земли корни.

— Нам долго идти? — спросила Алиса.

— Пока не дойдем, — откликнулось чудовище.

— Хорошо бы поскорее, — сказала Алиса, — а то я что-то устала.

— Еще бы, — согласилось чудовище. — С волками наперегонки бегать — это не каждый сможет!

Алиса решила не обижаться и спросила:

— А вы в лесу живете?

— Как будто не знаешь, — ответило чудовище.

Стало совсем темно. Свет луны с трудом пробивался сквозь ветви деревьев. Алиса видела перед собой только мох-

натую спину чудовища. Оно шло странно — переваливалось, как медведь или, может, как горилла.

А что, если это первобытный человек? Последний неандерталец?

— Вы, очевидно, троглодит? — спросила Алиса.

— Чего-чего?

Чудовище сразу остановилось, и Алиса уткнулась в его теплую мохнатую спину.

— Ты откуда слово такое знаешь? — спросило чудовище.

Оно обернулось, но Алиса в темноте не смогла его разглядеть.

— Обычное слово, — сказала Алиса. — Жилец пещер, первобытный человек, может быть, даже неандерталец.

— Ну ты даешь! — восхитилось чудовище. — Как тебя зовут?

— Алисой. А вас?

— Чаще всего меня называют лешим, — сказало чудовище, — но порой зовут хозяином леса, дядюшкой, словом, кто как...

— Никогда в жизни не видела лешего. То есть в эпохе легенд видела, а вот в обычном измерении, в реальности — нет, не видела, — призналась Алиса.

— Ну и дела! — пробормотал леший. — «Обычное измерение»... Откуда только такое в твою головку попало? Это надо будет тщательно проверить.

Последние слова лешего прозвучали как-то зловеще. Нехорошо прозвучали.

И тут они вышли на поляну.

Небольшая поляна в лесу была бы обыкновенной, если бы не избушка, которая возвышалась точно посредине.

Это была обычная древняя изба, но стояла она не на земле, как положено, а на гигантской, с Алису ростом, куриной ноге.

Вот это уже никуда не годилось.

И я объясню вам почему.

Конечно, все знают, что существовала эпоха легенд. Как раз между третьим и четвертым ледниковыми периодами. И в ту отдаленную эпоху на Земле жили волшебники, ведьмы, лешие, драконы — кого только не было. Обитатели всех

сказок, оказывается, когда-то жили на самом деле, и первобытные люди, которые их застали, запомнили их, а потом рассказали о них своим детям, а те поведали своим внукам и так далее. И чем больше проходило лет, тем сказочней казались эти истории.

А потом, когда в теплых странах наступили холода и навалились ледники, сказочные существа вымерли — они же огонь развести не могли, дома строить не умели. А если такой волшебник и возведет дворец, то с восходом солнца чудесные дворцы, как правило, рассыпаются в порошок. Они же построены не из кирпичей, а из заклинаний. А заклинания не греют.

Только люди, построив печки и посеяв пшеницу, смогли пережить холода.

Теперь понимаете, почему Алиса удивилась?

Она же знала, что попала не в эпоху сказок и легенд, а в нормальный пятнадцатый век, в обычное время. Тут не должно быть избушки на куриной ноге и не может быть никаких леших!

— Это неправильно! — сказала Алиса.

— Правильно, правильно, — ответил леший и громким противным голосом произнес: — Избушка-избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!

«Говорит, что надо, — подумала Алиса. — Но все равно это розыгрыш!»

Избушка медленно, со скрипом начала поворачиваться.

Вот показалась низкая дверь.

В двери стояла Баба-яга.

Алиса догадалась, что это Баба-яга, не только по согнутому силуэту, но и по отвратительному ведьминому голосу.

— Кого ночью по лесу носит? — спросила Баба-яга. — Кому не спится? Кто честных людей осмелился будить? Растерзаю!

— Да погоди, бабка, — ответил леший. — Я же леший, неужто не узнаешь?

— Может, и узнаю. А с тобой кто?

— А вот ты пусти нас в избу, тогда и поговорим.

— Вижу плохо, — откликнулась ведьма. — Вроде бы че-

ловеческий детеныш, человечьим духом пахнет! Зачем сюда привел? Хочешь нашу тайну людям передать?

— Кончай ты свои речи! — рассердился леший. — Опускай лесенку, комары заедают!

И тут Алиса поняла, что леший прав. Она так волновалась, что не заметила, как злобно нападают на нее комары.

— Ну ладно, только проверь, нет ли у нее с собой пистолета! — сказала Баба-яга и через секунду опустила лесенку, по которой Алиса с лешим поднялись наверх.

В избе было тесно, в углах пыль и паутина, черный ворон сидел на перекладине под потолком, черный кот сразу начал ластиться к Алисе, словно узнал в ней хозяйку.

Баба-яга оказалась и в самом деле древней и весьма неприятной особой. Лет ей было на вид сто пятьдесят, к тому же она не вставила себе искусственные зубы, а настоящих у нее осталось всего два — один сверху и один снизу.

— Ну что, будем ужинать? — спросила старуха. — Спасибо, что ты, старый греховодник, мне сегодня ужин на дом привел. А то лови, хватай детишек. Устала я в моем возрасте по лесам бегать, за углами подстерегать. Я уж думаю порой: а не перейти ли мне на растительную пищу? Ты как считаешь, леший?

— Главное — ребенка не пугай. Ее уж волки так напугали, что ей теперь никакая Баба-яга не страшна.

— В самом деле я тебе не страшна? — спросила Баба-яга и захохотала.

Алисе этот хохот не понравился. Кто их знает, этих ведьм? Ведь недаром же они в сказках малышей в котлах варят.

Алиса огляделась.

Избу освещали лишь две свечи на столе. Но они давали достаточно света, чтобы понять: печка в избе есть, а вот большого котла, чтобы сварить в нем человека, нет.

Но хитрая Баба-яга догадалась, куда смотрит Алиса, и быстро ответила на вопрос, которого Алиса и задать-то не успела:

— А мне большого котла и не надо! Я сначала вашего брата на куски режу, а уж потом в кастрюлю закладываю, да с лучком и перчиком!

— С перчиком? — удивилась Алиса. — А ведь еще Индию не открыли!

— Вот именно, — вмешался леший. — Я неоднократно предостерегал от анахронизмов!

— Чего-чего? — воскликнула ведьма.

— Да так, случайное слово, — смутился леший.

«Странный этот леший», — подумала Алиса. И от волков ее спас... А зачем лешему человека от волков спасать, если леший — хозяин леса и волки ему как младшие братья? Любую сказку прочти, там об этом сказано. Привел ее сюда и вроде бы сам не очень верит в злодейство своей подруги.

— Простите, — спросила Алиса у Бабы-яги, — а вы на самом деле едите детей?

— Разумеется, — ответила ведьма.

— А почему?

— Потому что они вкусные.

— Это чепуха, — возмутилась Алиса. — Вовсе мы не вкусные.

— Вот когда поживешь с мое и съешь три тысячи пятьсот детишек, тогда иначе заговоришь, — сказала Баба-яга и захохотала.

В дверях показался мокрый толстяк в женском купальном костюме и укоризненно произнес:

— Старая женщина, а так врет! Ну когда ты успела слопать три тысячи пятьсот ребятишек? Ты и двух тысяч не сожрала!

— Ах, какое грубое слово! — вздохнул леший. — Надо говорить: скушала.

Алиса смотрела на эту компанию и глазам своим не верила. Один мохнатый, словно медведь, шерсть встрепанная, грязная, борода во все стороны, а лицо как у человека. Это леший.

Вторая — старуха, худая, согнутая, как вопросительный знак, два зуба торчат из пасти, седые волосы выбиваются из-под платка. Это — Баба-яга, только нога у нее не костяная, а самая обыкновенная, и из-под юбки сапоги видны, со шпорами.

И вот третий пришел. От него рыбой воняет, вода на пол капает, лицо круглое, зеленоватое, безволосое, глаза белые,

выпученные, из рук не выпускает зонтика. Это водяной, догадалась Алиса.

— А вот я, — поделился опытом водяной, — детей обычно топлю. Они потом вкуснее становятся.

— Хватит, друзья, пугать ребенка, — вмешался леший. — Это безобразие, ведете себя, как невоспитанные младенцы!

Кот подкрался к Алисе и стал ластиться, тереться боком о ее ноги, а Баба-яга подошла к столу и кинула на нее скатерть. Алиса не успела заметить, откуда старуха ее достала.

Скатерть была обыкновенной, белой.

Потом Баба-яга открыла деревянный шкаф — как же его Алиса раньше не углядела!

Из шкафа ведьма вытащила тарелки — четыре тарелки, но потом задумалась. Леший понял, о чем она думает, и велел:

— Ставь пятую тарелку, ребенку тоже кушать надо. Она же растет.

— Как тебя зовут, ребенок? — спросила Баба-яга скрипучим голосом.

— Алисой, — ответила Алиса. — Я — Алиса Селезнева.

— Ну, садись за стол, Алиса Селезнева, — пригласил леший и вытащил из-под стола несколько табуреток.

Между тем водяной принялся помогать ведьме накрывать на стол, раскладывать деревянные ложки, резать хлеб. Вот уж чего Алиса не ожидала увидеть, так это настоящий хлеб.

— У нас не только хлеб есть, — сказала Баба-яга. Уж очень она умела чужие мысли угадывать. Даже неприятно. — Компотами не балуемся, но чаю дам.

— Анахронизм? — спросила Алиса у лешего.

Тот засмеялся и сказал:

— Запомнила слово? А оно означает...

— То, что случилось не вовремя, — закончила Алиса.

— Примерно так, — согласился леший. — Ты садись за стол, садись, небось проголодалась.

Алиса села и подумала: «А ведь я и в самом деле проголодалась!»

Баба-яга поставила перед каждым по миске со щами. Щи как щи, словно дома на даче бабушка сварила.

Алиса получила ломоть хлеба и стала есть.

Она ела и поглядывала на своих соседей. И ломала голову.

Вот сидят вокруг сказочные существа — их мало кто в самом деле видел, а уж верят в них только малыши до пяти лет.

Чудовища страшные!

Едят с аппетитом. И хоть уродливые, но Алиса их не боится.

Тут водяной откусил от ломтя сразу половину и спросил:

— Девочка Алиса, скажи нам, откуда ты родом и зачем сюда прискакала?

— Родители у меня живут в Новгороде, — начала Алиса. — Папу зовут Садко, он торговый гость, на корабле плавает и гостит, а я вот поехала к бабушке...

Алиса не успела договорить, как Баба-яга проворчала:

— А бабушку твою, конечно, скушал серый волк?

— Это меня чуть не съели серые волки, — сказала Алиса. — Спасибо, леший спас.

— Знаем-знаем, о твоих подвигах весь лес уже шумит, — проворчал водяной.

— Ты лучше нам скажи, откуда ты на самом деле, — сказал леший. — Историю про купца Садко ты из книжки вычитала или в кино смотрела?

— Она оперу знает, — заметил водяной.

«Конечно, они притворяются!» — подумала Алиса. Но кто же они на самом деле? Может, космические пришельцы? Инопланетяне прилетели завоевывать Землю, но пока копят силы и сидят в Средних веках? Надо срочно возвращаться и сообщить комиссару Милодару из Галактической полиции.

— А ты, я вижу, притворяешься, — сказала Баба-яга. — Подозреваю, что приехала ты из будущего.

Но Алиса уже решила не сознаваться. И поэтому сказала:

— Из какого еще будущего?

— Не хочешь, не говори, — обиделась Баба-яга. — Тогда иди на печку спать, а нам надо еще обсудить кое-какие свои проблемы. А на прощание можешь задать нам один вопрос.

— Один вопрос? — повторила Алиса.

— Вот именно.

— Скажите, — спросила Алиса, — вы не видели в этих краях дракона?

— Кого? — удивился водяной.

— Не видели ли вы ящера, змея или другого крупного чудовища, покрытого зеленой чешуей и извергающего изо рта и ноздрей дым и огонь?

— О нет! — закричали все сразу. — Только не это!

— Что случилось? — удивилась Алиса. — Что вас так испугало? Неужели вы его знаете и не любите?

— Почему не любим? — неискренне сказала Баба-яга. — Очень даже любим.

— Кого?

— Дракошу, ясное дело — кого, — ответила Баба-яга.

— Бабушка шутит! — вмешался в разговор леший. — Ты, Алиса, лучше кушай поскорее и иди спать. Детям спать пора.

— Баиньки-баиньки, — сказал водяной. — Иди спи на печку, а то у нас еще дел много.

— Каких дел?

— Дел? Деловых дел, вот каких, — отрезала Баба-яга. — А ты спи!

Алиса вдруг поняла, что больше всего на свете хочет спать. Хоть убей, только дай поспать!

Глаза слипались, голова кружилась...

Алиса с трудом заставила себя подняться из-за стола.

— Где здесь... печка... — прошептала она.

— Дай-ка я тебя отнесу, — сказал леший и подхватил Алису на руки.

Алиса даже сказать ничего не смогла. Как и положено девочке из двадцать первого века, она хотела сказать: «Где здесь душ или ванна, мне надо помыться перед сном?» — но язык ее не послушался.

Глава девятая

ПОКАЖИТЕ МНЕ ВАШЕГО ДРАКОНА

Алиса спала крепко и без снов. И понятно почему. Ведь лесные существа ее загипнотизировали, чтобы она не мешала им обсуждать свои проблемы. А какие, я вам пока не ска-

жу, и вы можете думать, что они рассуждали о том, как помочь Бабе-яге ловить мальчиков и девочек или как запугать всех рыб в речке, чтобы водяному было сподручнее их ловить.

На самом деле леший, Баба-яга и водяной обсуждали совсем другие проблемы.

А Алиса спала.

И, к своему стыду, проспала до половины десятого утра.

Она точно знала время без часов, потому что через сто лет детям при рождении будут вшивать капельку размером меньше муравья. Это и есть внутренние часы. И каждый человек будет знать время с точностью до секунды. Не надо смотреть на часы, и ничего в тебе не сломается. Тебе даже не надо спрашивать себя, который час. Ты просто знаешь об этом, как знаешь, что сейчас день, а потом наступит вечер.

Алиса проснулась и подумала: «Уже половина десятого. А что я здесь делаю?»

Она попыталась вскочить и со всего размаха стукнулась головой о потолок избы, потому что печка была высокой, а с лежанки можно было рукой достать до потолка.

В глазах у Алисы помутилось, и она услышала скрипучий голос Бабы-яги:

— С добрым утром, ребеночек! Так-то ты со старухой здороваешься? А ведь у меня здоровье слабое, подорванное безобразиями бурной молодости, ни кровинки чистой в организме не сохранилось. Погубить ты меня решила, что ли?

— Извините, — сказала Алиса. — Это я спросонья вскочила.

— Понимаю, потому и не буду тебя на завтрак варить, — смягчилась Баба-яга.

— Шутите?

— Шучу-шучу, но в каждой шутке есть доля истины. Так что вставай, ребенок, одевайся, умывайся, далеко от избы не отходи, потому что лес здесь опасный, можешь и голову потерять.

— Я постараюсь.

Алиса уже начала привыкать к жизни у ведьмы. Баба-яга была скорее смешной, чем страшной, особенно когда старалась запугать Алису.

— Как выйдешь из дома, — сказала Баба-яга, — сразу бери вниз, к речке. Там у затона вода глубокая, чистая, только не купайся, не ныряй.

— А почему нельзя? — спросила Алиса.

Ведь Алиса — самый настоящий обыкновенный ребенок. Если взрослые сказали, что купаться нельзя, ей сразу же захотелось искупаться.

Алиса спрыгнула с печки.

Баба-яга стояла возле печи и заглядывала внутрь, словно там жарился ребеночек..

Она оглянулась, показала Алисе передний зуб и прошамкала:

— Чего на завтрак желаем? Козленка, лягушонка или котенка?

— Манную кашу, — ответила Алиса.

На самом деле Алиса не выносит манную кашу. Но не могла же она сказать, что любит лягушек или козлят? Ничего такого она в жизни не пробовала.

— Хорошо, — согласилась Баба-яга. — Скорее мойся и возвращайся. Будет тебе манная каша с комками и тараканами.

И захохотала во весь голос.

Но Алиса не сдалась. Она ответила:

— Пожалуйста, пускай будут тараканы, жуки и лягушки, только не надо комков.

Баба-яга даже не нашлась, что ответить. Рот разинула от удивления.

Алиса спрыгнула на траву, и только тогда ее догнал голос Бабы-яги:

— Ну, ты даешь, Алиса! Ты — наш человек!

Алиса поняла, что победила Бабу-ягу, и побежала направо, вниз по тропинке, которая вела к речке.

Речка была небольшая, узкая, тихая, к ней склонялись вербы, чуть ниже по течению ее пересекала плотина мельницы, но мельницей, видно, давно не пользовались, она обвалилась, только несколько бревен осталось, да и колесо мельничное лишилось половины спиц. Но плотина еще держалась.

Алиса сбежала к воде, зачерпнула ладошками воды и ополоснула лицо.

Жалко, что мыла нет, и у Бабы-яги забыла попросить.

Тут Алиса услышала, что кто-то идет, еле переставляя ноги, по другому берегу реки.

Она замерла.

А вдруг снова волк?

Нет, это был не волк. А тот старичок, что сидел на печке у старосты. Вот уж кого не ожидала увидеть.

Старичок спустился к воде, но Алису за кустами не заметил.

— Эй, — позвал старичок, — выходи, красотка, я к тебе пришел с приветом.

Алиса подумала было, что это зовут ее, но откликаться не стала — ведь Баба-яга предупреждала ее об осторожности.

И правильно сделала.

Оказывается, дедушка звал вовсе не ее.

Алиса увидела, как вода расступилась и к берегу подплыла русалка. Самая настоящая сказочная русалка — девушка с темно-зелеными волосами и без купальника.

Старичок ее не испугался.

— Доброе утро, — сказала он. — Я пришел, как мы с тобой и договорились.

— Чего принесли? — спросила русалка и закашлялась.

— Простудилась, что ли? — поинтересовался старичок.

— Разумеется, простудилась, — капризно ответила русалка. — А что будешь делать, если со всех сторон вода.

— Надо одеваться потеплее, — посоветовал старичок.

— Ну что вы говорите, Евгений Тихонович! — рассердилась русалка. — Что же мне, скафандр надевать, что ли? Вы его еще не изобрели!

— Не знаю, что там у тебя за сифандер, — ответил старичок. — Сто с лишком лет обитаю на этом свете, а про сифандер не слыхал. Виданное ли дело порядочной девушке в сифандерах ходить!

— Я не хожу, — сказала русалка. — Я плаваю и ныряю.

— Да, — вздохнул дедушка, — плохо твое дело, тут чахоткой не отделаешься..

— Перейдем к делу, — сказала русалка. — Попрошу вас,

Евгений Тихонович, поделиться со мной своим творчеством, а также творчеством ваших односельчан.

— Тебе как — устное творчество или записки передать?

— Говорите устно, — приказала русалка, — я записывать буду. А то на вас пергаменту не напасешься.

— А я писать люблю, — произнес старичок. — Тянется душа к образованию. Страшно подумать, как наши правители скрывают от народа образование! Это хорошо не кончится.

— Ладно-ладно, — перебила его русалка, — совсем вы меня, дедушка, заморозить решили. Начинайте свое повествование!

— Сказка о курочке — золотое яичко, — сказал дедушка. — Диктовать или ты ее слыхала?

— Про яичко слыхала, — ответила русалка, — но, возможно, у вас, Евгений Тихонович, другой вариант.

— Возможно, и другой. Так что начинаю. Значит, так: жили-были дед да баба, и была у них Курочка Ряба. Как-то раз снесла она им яичко. Да не простое, а золотое.

— Странно, — сказала русалка.

— А ты вылазь на бережок, — предложил старичок. — Меня ты своим голым хвостатым видом не испугаешь, а чужие здесь не ходят.

— И то дело, — согласилась русалка и взобралась на откос.

Вид ее был не для слабонервных. Представляете — длинные зеленые волосы, бледное, белое с зеленоватым отливом, голое тело. А ниже пояса начинается хвост, весь в чешуе, на конце плавник, но не рыбий, а как у дельфина или кита. Впрочем, ничего в этом необычного нет, поняла Алиса, ведь русалки — родственницы дельфинов и других водных млекопитающих.

— Продолжайте, Евгений Тихонович, — скомандовала русалка.

— Одну минутку. Забыл, где остановился.

— На золотом яичке, — подсказала русалка.

— Вот именно. Снесла им курочка-ряба золотое яичко. А у меня возник вопрос.

— Еще чего не хватало! Сейчас кто-нибудь пройдет мимо и увидит меня на берегу. Скандала не оберемся.

— Все равно задам. Скажи на милость, а если из яйца выведется цыпленок, каким он будет?

— Не выведется, — ответила русалка. — Разве не ясно, что не выведется? Яйцо же насквозь золотое, его разбить не смогли.

— А вот и неправда, — обрадовался старичок. — Давай я тебе дальше расскажу...

В этот момент Алиса, которая заслушалась разговором на другом берегу, поскользнулась на откосе и съехала по траве к самой воде.

— Ах! — воскликнул дедушка и уронил в воду листки пергамента, на которых он записал сказку.

— Ах! — воскликнула русалка и нырнула в воду — брызги во все стороны.

— Ах! — воскликнула Алиса и поджала ноги, чтобы не промочить.

— Ну вот! — сказала Баба-яга, которая верхом на метле спускалась к речке. В руке у нее было ведро. — На пять минут нельзя их оставить. Алиса, я же просила тебя не шуметь! Русалка, сейчас же вылезай! Тоже мне, пугливая отыскалась! Дедушка, а ты не робей, такие уж мы в лесу уродились.

Дедушка взял себя в руки и ответил:

— Мы понимаем, мы с разумением. Если вы страшилища такие, то и сами друг дружку опасаетесь. Вот только сказку жалко.

— Сейчас соберу, — успокоила старика Баба-яга.

Она ударила кулачком по метле, и метла взмыла над водой. Баба-яга летела над речкой и выхватывала из воды листочки. Тут и русалка вынырнула и тоже стала листочки собирать. А дед бегал по берегу и командовал:

— Левее бери, еще левее! А вон там, под корягой, видишь?

Скоро старуха все собрала и отдала дедушке. Тот сказал:

— Листки на бережку положь, а ко мне не касайся, уж очень о тебе слава дурная идет. Говорят, детей кушаешь.

— Глупый ты старик, — обиделась Баба-яга. — Лучше бы спросил у Алисы, она в моей избушке ночевала.

— Ага, — сказал дед, — Алису мы знаем, она вчера у нас побывала. Все драконом интересовалась. Подозрительная девица. Лучше бы ты ее съела.

— Ах, какая жестокость! — воскликнула русалка. — А я думала, что вы добрый дедушка.

— Как же мне добрым быть, — возмутился дедушка, — если я в такое жестокое время живу? Вокруг феодалы, угнетатели, татары наезжают, грабят, налоговые сборщики обирают, а тут еще нечисть в лесу развелась, драконом пугает...

— Дедушка, помолчите, пожалуйста, — взмолилась русалка. — Здесь человек посторонний, может неправильно понять.

— А у нас понимай не понимай, все равно добром не кончится, — упрямо сказал дедушка.

— Это нечестно! — закричала Баба-яга. — Тебе кто-нибудь из нас помешал, повредил? Кто-нибудь тебя испугал, ограбил? Нет, ты скажи, скажи, разве от нечистой силы тебе был убыток?

— Не был, так будет, — упрямился дедушка.

— Тогда зачем же вы к нам сказки носите? — спросила русалка.

— А выгода?

— Ну, какая вам выгода?

— Каждый писатель, — ответил старичок, — хоть ты ему ни копейки не плати, все равно писать будет. Такая у нас, у творческих людей, планида. А если дашь грошик на самогонку, век буду помнить!

— Держи копейку, — сказала Баба-яга и кинула старичку серебряную монету.

Тот монетку поймал на лету, сунул за щеку и повернулся было бежать, да вспомнил и обернулся.

— А чистый пергамент где найду?

— Значит, и дальше будешь сотрудничать?

— Куда ж мне деваться? — вздохнул старичок и побежал прочь, только кусты затрещали.

— Это еще что за подарок судьбы? — спросила русалка у Бабы-яги, показывая на Алису.

— Подарок зовут Алисой, — ответила ведьма. — Приблудилась к нам с вечера, подозрительная девчонка, так бы ее и поджарила.

— Не выйдет, — засмеялась Алиса. — Я вас не боюсь.

— Вот видишь, — огорчилась Баба-яга, — никакого воспитания!

— Мне хочется узнать, — сказала Алиса, — кто вы такие, почему притворяетесь и где прячете дракона?

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнула Баба-яга. — Она еще нам ставит условия!

Но почему-то при этих словах она улыбалась.

И тут из воды высунулась лысая голубая голова водяного.

— Доброе утро! — проревело чудище. — Что за шум, а драки нет? Кому хочется поглядеть на дракона?

— Все та же девчонка, — ответила Баба-яга. — Все тот же трудный ребенок!

— Пускай идет и смотрит собственными глазами, — сказал водяной, — только не мешает нам работать. У меня в двенадцать встреча с коллективом частушечников.

И водяной поплыл вверх по реке. Он плыл, как заправский пловец, саженками, только голубой затылок поднимался над водой, а за ним тянулся белый пенный след.

— Хочешь поглядеть на настоящего дракона? — спросила Баба-яга.

— Хочу, — ответила Алиса.

— И не испугаешься?

— И не испугаюсь.

— Тогда беги за мной.

Баба-яга полетела на метле вдоль тропинки, мимо развалин мельницы, над зеленым лугом, вдоль зарослей орешника. Алиса поспешила за ней.

Ей пришлось бежать. Видно, в метле был какой-то движок, потому что она жужжала, как большой шмель.

Баба-яга даже не оглядывалась. Она была уверена, что Алиса не отстанет.

Тропинка выбежала на вершину пологого холма. С него было видно далеко вперед.

И Алиса увидела, что над вершинами елок поднимается голова зеленого динозавра.

Ох и велик этот зверюга! Выше десятиэтажного дома!

Дракон медленно разворачивался — всем телом, словно старался разглядеть, кто там скрывается под пологом леса.

Алиса смотрела на него и думала, пыхнет он огнем и дымом или не пыхнет?

Дракон пасти не открывал.

И еще Алиса подумала, что сильно промахнулась, когда улетала в прошлое. Сколько же лет живет здесь несчастная Магдалина, если дракон уже вымахал под самые облака? Может, ее уже и в живых-то нет?

Пока Алиса стояла и рассуждала, Баба-яга умчалась далеко вперед.

— Постойте! — крикнула Алиса. — Подождите! Мне нужно у вас что-то спросить!

Баба-яга взвилась на метле под самые облака, потом совершила поворот и по широкой дуге опустилась к Алисе.

— Какие еще будут вопросы? — спросила она.

— Где Магдалина? — выпалила Алиса

— Не знаю никакой Магдалины! — ответила Баба-яга.

— А откуда же у вас дракон?

— От верблюда! — отрезала Баба-яга.

— Я не шучу! — закричала Алиса. — Я специально сюда прилетела, чтобы отыскать Магдалину Дог, и теперь я подозреваю, что вы ее убили и съели.

— Попрошу без оскорблений! — обиделась Баба-яга. — Мы не людоеды.

— Почему же не людоеды? Откройте любую сказку, и вы про себя такое узнаете!

— Еще бы! — Баба-яга опустилась на траву и взяла метлу на изготовку, словно винтовку или копье. — Мы же сами им помогаем это придумывать.

Алиса не стала слушать Бабу-ягу. Она очень беспокоилась о Магдалине.

— Простите, — перебила она ведьму, — но я хочу подойти к дракону поближе.

— Нельзя, — ответила ведьма, — он тебя зашибет.

— Вам не понять, — сказала Алиса. — Вы здешние, дикие люди...

— Не спеши обзывать, — сказала Баба-яга, — если людей

как следует не знаешь. Ты же не знаешь, кто мы такие на самом деле.

Но Алиса ее уже не слышала. Она кинулась бежать в лес, напрямик, через кусты, перепрыгивая через корни. Ветки стегали ее по лицу, шишки норовили стукнуть по голове, пауки расставляли липкую паутину, а Баба-яга летела над вершинами деревьев и кричала:

— Вернись обратно, непослушный ребенок! Это хорошо не кончится! Ты наверняка пострадаешь!

Алиса не помнила, долго бежала или нет, но неожиданно выскочила на небольшую круглую полянку.

Посреди полянки на задних лапищах сидел колоссальный зеленый дракон, морда которого поднималась над лесом.

Алиса даже отпрянула под защиту деревьев — таким страшным показался ей этот ящер.

Но что удивительно: рядом с драконом, как раз у конца его толстого хвоста, стоял леший. Он совсем не боялся дракона.

Больше того, он склонился над хвостом и дернул за него.

Конец драконьего хвоста остался у него в руке.

И это был не конец хвоста! Это была пробка!

Из отверстия в хвосте со свистом стал выходить воздух, а сам дракон начал клониться, клониться... клониться... Голова его опустилась у самых Алисиных ног и легла на траву.

И только тогда Алиса сообразила, что дракон-то — надувной! Как самая обыкновенная детская игрушка, только ростом повыше многоэтажного дома.

Баба-яга опустилась на полянку рядом с лешим.

— Теперь тебе понятно? — спросила она Алису.

— Совершенно ничего не понятно, — ответила Алиса. — Что это значит? Зачем вам понадобилось надувать дракона?

— Затем же, — объяснила Баба-яга, — зачем нам понадобилось переодеваться в сказочных существ.

С этими словами Баба-яга скинула с себя старое рваное платье, сняла страшную маску и оказалась очень милым молодым человеком.

А леший стал человеком средних лет и вовсе не мохнатым.

— Поверь нам, Алиса, — сказал бывший леший, — что наши друзья, которых ты видела в облике водяного и русалки, такие же, как мы, самые обыкновенные люди.

— Но зачем вы устроили такой маскарад? — удивилась Алиса.

— Потому что это — наша работа.

Между тем леший с Бабой-ягой свернули дракона в рулон, повесили его на метлу, свою одежду дали нести Алисе, и все вместе они отправились к избушке.

По дороге леший рассказал Алисе, что она попала в гости к этнографической экспедиции.

Этнографы — это ученые, которые изучают обычаи разных народов.

А наши этнографы должны были изучить, во что верили крестьяне пятнадцатого века, какие сказки рассказывали, каких привидений боялись. А как сделать так, чтобы тебе рассказывали сказки? Надо самому стать сказкой. Раз ты ходишь по лесу, то лучше прикинуться лешим...

— Простите, — спросила Алиса, — а может быть, лучше переодеться в обыкновенного путника?

— Наивно! — сказал леший. — Представь себе, ты — старинный крестьянин и идешь по лесу. А навстречу тебе неизвестный человек. Ты сразу выхватываешь саблю и отрубаешь ему голову. Потому что по лесам ходили только разбойники. А если ты увидишь лешего или Бабу-ягу, то, конечно, немного испугаешься, но голову рубить не станешь. Ведь ты же веришь, что в речке водятся водяные и русалки, а в лесу лешие и ведьмы. Так что наша безопасность обеспечена!

— А раз я показалась путнику, например дедушке Евгению Тихоновичу, — продолжала русалка, — то в следующий раз он меня уже не боится. Чего ему бояться? Я же русалка, он про меня сказки с детства слышал. Тут я его и спрашиваю: а сам-то ты какие сказки знаешь? Вот он и начинает мне рассказывать.

По тому, что в разговор вступила русалка, вы уже догадались, что наши знакомые дошли до речки.

— Самым лучшим сказочникам мы бумагу достаем и чернила, пускай пишут.

— А то заманю их к себе в избушку, — сказала Баба-

яга, — и пишу на магнитофон песни и частушки. Столько интересного удалось узнать!

— Но зачем вам надувной дракон?

— А чтобы побаивались, — объяснила русалка. — Все вокруг знают, что нас, нечистую силу, Змей Горыныч бережет. И не хулиганят. А то бы могли озорничать.

— Значит, вы всего-навсего экспедиция из Института времени? — наконец-то догадалась Алиса.

— Разумеется! — пробасил водяной, выпрыгивая из воды. — А ты откуда?

— Оттуда же, — призналась Алиса. — Только у меня другое дело. У нас исчезла сотрудница, которая полетела в мезозойскую эру за яйцом драконозавра...

И Алиса рассказала этнографам о судьбе Магдалины и про то, как машину времени отключили на профилактику.

Пока Алиса рассказывала, этнографы добрались до избушки на курьей ножке. Они затащили оболочку дракона внутрь, засыпали ее сверху сеном, чтобы кто-нибудь случайно не увидел, а потом уселись пить чай.

За чаем они обсуждали важную проблему — где может водиться драконозавр, а рядом с ним жить Магдалина.

— Может, стоит до Москвы дойти, там на рынке купцов поспрашивать, — предложил леший. — Купцы — народ ушлый, ходят по разным странам и весям.

— Боюсь, что там соврут — недорого возьмут, — заметила Баба-яга, которая в жизни была аспирантом Колей Птичкиным. Он собирался изображать в экспедиции говорящего медведя, но в последний момент оказалось, что спецшкуру медведя сожрала моль. Из какой-то древней эпохи забралась на склад и расплодилась. Пришлось Коле Птичкину напяливать запасной костюм — платье Бабы-яги. Вот он и мучается. Но, как настоящий ученый, терпит.

— В пятнадцатом веке, — сказала русалка, сняв хвост и повесив его сушиться у печки, — люди еще не разбирали, где сказка, а где наука. Мой дед будет рассказывать сказку о Курочке Рябе, а если увидит золотое яйцо, то скажет — вот оно, из сказки. Хотя сам сегодня эту сказку придумал. Все знают, что драконы только в сказках бывают, а смотрят на драконью морду над лесом и верят, что этот дракон — настоящий.

— Так что тебе, Алиса, — сказал леший, — нелегко будет отличить драконью сказку от динозавра.

— Но ведь сказки откуда-то берутся, — сказала Алиса. — Я думаю, что динозавр Магдалины и помог людям придумать сказку.

— Хорошо, — решила Баба-яга, — я провожу Алису до торжища. Там у меня есть свои люди, заморские гости. Уж если кто знает о драконах, то это купцы.

Алиса попрощалась с этнографами, они ей в дорогу дали бутербродов, а потом она забралась на ковер-самолет, а Баба-яга уселась на помело. И они полетели в Москву, на рынок, который в пятнадцатом веке назывался торгом.

Глава десятая

КРАКОВСКИЕ ШКОЛЯРЫ

Летели они недолго. За полями и пастбищами показалась Москва. Сначала Алиса увидела деревни, которые тянулись вдоль дорог, потом земляной вал, а за ним снова пошли поля и домики.

Стены Москвы были белокаменные, крутые крыши домов поднимались над ними, между домами виднелись маковки церквей.

Баба-яга сделала крутой вираж над домами и пошла на снижение. Ковер полетел за ней.

И тут Алиса увидела большую площадь, забитую народом. Вдоль площади тянулись крытые ряды с прилавками, на свободных местах стояли телеги, груженные товарами. Чуть подальше нашлось место и для балаганов, и даже для трактиров — это был очень большой рынок.

Баба-яга помахала Алисе рукой и показала на свободное место — зеленую лужайку между двумя заборами. На лужайке играли дети, толстая тетка сидела на траве и укачивала младенца, две собаки носились друг за дружкой, а рыжий петух смотрел на них с укоризной. Не любил он, когда собаки бегают.

Первой опустилась Баба-яга, за ней — Алиса.

Из-за забора выбежала женщина в платке и цветастом платье и закричала на детей:

— А ну домой, озорники! Не видите, что ли, что Баба-яга прилетела? Вот попадете к ней в котел!

— Не беспокойтесь, уважаемая женщина, — сказала Баба-яга, прислоняя метлу к забору. — Ваши дети меня не интересуют. Я только провожу мою подругу, куплю кое-чего на ужин — и домой!

— А я тебе, старая, должна верить, что ли? — удивилась женщина. — И подруга твоя не человек вовсе — разве люди на коврах-самолетах летают? Люди при виде ковра-самолета под лавку лезут.

Баба-яга отмахнулась от сварливой женщины, взяла метлу на плечо, словно винтовку, и пошла к торговым рядам. Алиса спрятала ковер в мешок и последовала за ней.

И через несколько шагов они оказались в густой толпе.

— Держись за меня, — крикнула Баба-яга, — а то затопчут!

Она схватила Алису за руку и потащила за собой к трактиру, вернее, к нескольким столам на открытом воздухе, вдоль которых тянулись обструганные лавки. На столах стояли глиняные кружки.

— Здесь, — сказала Баба-яга, — мы найдем нужного человека.

Она подошла к одному из мужчин, сидевших за столом, и спросила:

— Афанасия не видел?

— А он арабских гостей допрашивает, — ответил мужчина. — Обещал скоро прийти.

— Тогда мы, Алиса, его подождем, — сказала Баба-яга.

Подбежал половой — так раньше называли официантов.

— Вам чего, госпожа Баба-яга? — спросил он.

— Две шипучки, — приказала Баба-яга.

— Вас здесь знают? — удивилась Алиса.

— Так не первый же день в экспедиции, — объяснила Баба-яга. — Чего ж нас не знать?

— Но почему они вас не боятся?

— А здесь народ битый, опытный, знают, кого бояться, а кто безопасный. Ну, скажем, детей рядом со мной не остав-

ляют — а вдруг я ребеночка утащу? Но взрослых Баба-яга не трогает, это все знают.

— Это точно, — согласился половой, ставя перед Бабой-ягой и Алисой две глиняные кружки.

— Это что за шипучка? — подозрительно спросила Алиса.

— Квас это, ничего особенного. Я сама спиртных напитков не принимаю и тебе не советую. Тем более что бражка здесь хмельная! Ох и хмельная!

Алиса отхлебнула из кружки — квас был забористый, пенный.

К столу подошел молодой мужчина богатырского вида. Был он строен, широкоплеч, на голове шапка пирожком, а каштановые кудри такие тугие, что шапка не касалась головы.

— Меня звали? — спросил он.

— Присаживайся, Афанасий, — пригласила Баба-яга. — Кваску отведаешь?

— Детского не пьем, — ответил богатырь Афанасий. — Приучены к хмельному.

Половой сразу же умчался за новой кружкой. Афанасий посмотрел на Алису синими глазами и сказал:

— А девочка-то из далеких земель?

— Моя внучка, — сказала Баба-яга.

— Врешь, — усмехнулся богатырь, — не было у тебя ни детей, ни внучек.

Половой притащил целый кувшин браги. Афанасий налил себе в кружку и спросил:

— Говори, почто беспокоишь?

— Мою внучку, — сказала Баба-яга, — интересует проблема драконов. Что ты об этом знаешь?

— Ты лучше знаешь, — ответил Афанасий. — У тебя же в лесу его голова торчит.

— Не тебе говорить, — проворчала Баба-яга, — что мой дракон — игрушка. Только большая. А Алисе надо узнать про настоящего дракона.

— И ты, Баба-яга, с твоим жизненным опытом думаешь, что драконы на свете водятся? — хитро прищурился Афанасий.

— А ты как думаешь?

— И я так думаю, — улыбнулся Афанасий. — Потому что не ведаю, зачем твоей внучке дракон понадобился.

— Послушай, Афанасий, — сказала Баба-яга, — мы, лесные твари, с тобой хорошо знакомы. Ты нам помогал, и мы тебе помогали. И еще тебе понадобимся. Веришь?

— Верю.

Баба-яга обернулась к Алисе и объяснила:

— Наш друг, Афанасий Никитин, родом из города Тверь. Он великий путешественник.

— Ну уж это преувеличение, — сказал Афанасий.

— Ты у болгар был?

— Был.

— В Византии бывал?

— Приходилось.

— А в Индию собираешься?

— Ох, как хочется мне до Индии добраться и совершить подвиги почище, чем Марко Поло натворил. Вы о нем слыхали?

— И о нем слыхали, — сказала Алиса, — и о вас тоже. В будущем ваши путешествия в школе станут изучать.

Афанасий расплылся в широкой улыбке.

— Вижу, что ты хоть и молоденькая, но уже ведьма, — сказал он. — Я-то ни ведьм, ни чертей, ни заговоров не боюсь. Но если в школе про меня говорить будут, это славно. И что же будут говорить?

— Что был такой замечательный путешественник на Руси, тверской купец Афанасий Никитин. И отправился он в Индию, и много лет там прожил, и оставил очень интересные записки о хождении за три моря.

— Ну что ж... — Афанасий пригладил усы. — Хоть и подучила тебя бабка врать, но врешь ты красиво, мне нравится.

— А теперь, Афанасий, расскажи, что ты слышал о драконах. Ведь известно мне, что ты всех торговых гостей о разных странах и диковинках расспрашиваешь, — сказала Баба-яга.

Афанасий подумал, налил себе еще кружку, выпил ее одним махом и сказал:

— Ходят слухи о драконе в земле Краковской. Слыхали о

такой? Это в Польской державе. Говорят, что страшный дракон жил в пещере, но его победил богатырь. И основал на этом месте город Краков. Но когда это было и сказка это или быль — не знаю.

— А еще, Афанасий? — попросила Алиса. — Может, вы еще слышали о драконах?

— Говорили мне, — подумавши, произнес Никитин, — что безобразничает один дракон в италийском городе Флоренции. Завелось там чудище в старых каменоломнях. Один мой знакомый его недавно видал. Ехал через каменоломни и вдруг видит — дракон! Еле сбежать успел.

— Ой, как хорошо! — обрадовалась Алиса. — Это очень похоже на то, что мне нужно. А еще что вы слыхали?

— Еще слыхал, но не очень поверил. Один человек сказал мне, что во Франции в герцогстве Бретань в замке герцога де Рэ дракон живет прямо в подвале и кушает только молодиц. Но это надо проверять. Может, они спутали.

— Что спутали? — не поняла Баба-яга.

— Была такая сказка из земель грецких, — объяснил Афанасий Никитин, — будто один человек построил лабиринтус и посадил в него чудище — великана с бычьей головой. Ему было положено каждый год посылать на пропитание двенадцать красивых девиц. Интересно, но не верю.

— Это почему же? — заинтересовалась Баба-яга.

— А потому, зачем быку красавицы — не все ли равно, каких кушать?

— Правильно, — согласилась Алиса. — Но этого Минотавра давно уже убили. Тесей его убил.

— Ты и это знаешь? — Афанасий щелкнул Алису по лбу, но не больно. Потом встал и сказал: — С вами хорошо, а без вас лучше — спешу я, собираюсь в путешествие.

Алиса попрощалась с великим путешественником, который еще не начал своего путешествия, потом попрощалась и с Бабой-ягой. Бабе-яге надо было еще задержаться на рынке, чтобы купить припасов для этнографической экспедиции. А Алиса не хотела тратить времени даром. Во-первых, каждый лишний час в прошлом может быть опасным для Магдалины. А во-вторых, дома родители беспокоятся, не говоря уж о домашнем роботе Поле, который не выносит, если

Алиса задерживается. Но что поделать — Алиса всегда задерживается.

Алиса взлетела над торговой площадью, поднялась выше, над Кремлем, в котором еще не построили красивых красных башен, и над всей деревянной Москвой. В ней почти не было белокаменных домов и теремов, только кое-где поднимались каменные церкви.

— Можешь побыстрее лететь? — спросила Алиса у коврика.

— Постараюсь, — ответил ковер-самолет. — Мне тоже не хочется всю жизнь в небе проводить. Только ты меня не понукай, не отвлекай и не беспокой.

— Но высоко не поднимайся, — попросила Алиса. — А то мне холодно будет.

— Мне и самому в стратосфере неуютно, — ответил коврик и расхохотался. Он подумал, что ответил очень остроумно.

— Лететь нам надо на юго-запад, — сказала Алиса. — По географии у меня пятерка, так что карту Европы я приблизительно себе представляю.

И они полетели, правда, куда медленнее, чем Алисе хотелось.

Под ковром-самолетом был виден лес с редкими полями и деревеньками. Лишь к позднему вечеру они добрались до города Львова. Это был большой красивый город.

Они решили не лететь дальше в темноте, к тому же коврик сильно устал, а Алиса замерзла.

За Львовом они отыскали безлесный холм и остановились там на ночь. Коврик свернулся трубкой, а Алиса забралась внутрь, чтобы было теплее и уютнее. К тому же и безопасней.

Ночью Алиса проснулась от чужого дыхания. Присмотрелась — горят зеленые огоньки.

Оказывается, к ним пожаловали волки — посмотреть, кто тут поселился. Это были обыкновенные, а не сказочные волки, поэтому говорить они не умели.

— Кыш! — сказала Алиса. — У меня ничего вкусного нет. Последний бутерброд я перед сном съела.

Волки послушались, вздохнули и пошли прочь.

Утром Алиса с ковриком поднялись свежие, выспавшиеся. Ковер взмыл в небо и над самыми вершинами невысоких Карпатских гор полетел дальше, к городу Кракову.

У Кракова приземлились в полдень.

Краков стоял на берегу реки Висла. Река была широкая и спокойная. А над городом возвышался невиданной красоты королевский замок. Алиса вспомнила, что он называется Вавель.

Положив ковер в мешок, Алиса отправилась гулять по Кракову.

Чудесный город! Посреди него на площади стоял громадный красивый крытый рынок, сам как дворец. Вокруг площади возвышались многоэтажные дома и такой собор, которого во всей Европе не встретишь.

Первым делом Алиса решила позавтракать.

Она зашла в небольшую харчевню и стала размышлять: у кого спросить про дракона?

Тут в харчевню вошли три веселых студента. Алиса в жизни не бывала в пятнадцатом веке и уж, конечно, не видела тогдашних студентов. Но она сразу угадала, что вошли именно студенты, а не сапожники и не торговцы.

Студенты уселись за стол неподалеку от Алисы и принялись считать монетки, чтобы хватило на похлебку и на пиво.

Им все не хватало, и Алиса услышала, как они говорили между собой.

— Ну где бы еще хоть пару грошей отыскать? — сказал парень в синем берете с гусиным пером.

Другой студент стал смотреть на полу, даже на корточки присел.

— Иногда пьяные монетки роняют, — объяснил он.

— Сегодня пьяные еще сюда не заходили, — ответил третий студент, самый худой, голодный и оборванный.

Монетки не нашлось, и студенты принялись снова пересчитывать медяки. Хозяину харчевни это надоело. Он подошел поближе и сказал:

— Если денег нет, то выматывайтесь!

— Зря ты нам грубишь, Янек, — отозвался один из студентов. — Ведь через пять лет я стану нотариусом, а то и членом магистрата, и ты пожалеешь, что не дал нам похлебки в тяжелый момент.

— У вас других моментов и не бывает.

— Клянемся, что отдадим все долги!

Трактирщик только отмахнулся и обратился к Алисе:

— А вы, молодая паненка, желаете ли чего-нибудь?

— Да, — сказала Алиса и протянула трактирщику монету. — Я попрошу вас принести мне спелое яблоко.

Хозяин схватил серебряную монету и стал ее рассматривать. Потом попробовал на зуб.

— Саксонский талер, — сообщил он. — Где ты его украла, девчонка?

Алиса не стала отвечать на такой глупый вопрос, а вместо этого обернулась к студентам, которые мрачно смотрели на трактирщика и монету, и сказала:

— А на сдачу с талера я попрошу вас как следует накормить этих молодых ученых.

— Так здесь еще останется... — начал было трактирщик, да спохватился.

А студенты не стали ждать, пока он кончит считать про себя, и стали шуметь, требовать курицу, мяса и хлеба. И даже кинулись за трактирщиком, чтобы поскорее притащить еду. На Алису они и внимания не обращали, пока не наелись. Алиса уж подумала — сейчас уйдут, и она не сможет ничего узнать...

Студент в синем берете поднялся со скамьи и произнес:

— Слушайте, панове! Ясновельможная кобета, подобно Иисусу Христу, накормила пятью хлебами всю Академию Краковскую! Так поднимем же кружки за пьенкну паненку по раз перший!

Перевода не потребовалось — Алиса все понимала.

Студенты пересели поближе и стали расспрашивать, откуда такая юная паненка родом, что ее привело в славный город Краков и почему она такая добрая.

— Я такая добрая от природы, — отвечала Алиса. — Как родилась.

Студенты согласились, что такое бывает. Они и сами добрые, но денег нет и потому некогда добротой заниматься.

— А попала я в стольный град Краков, потому что ищу следы дракона.

— Зачем?

— А затем, — сказала Алиса, которая боялась возбудить подозрения в славных студентах, — что я с детства хочу увидеть дракона, а мой папа, герцог Арбатский, дал мне денежек, чтобы я поездила по белу свету и поискала дракона.

Студенты не поняли, зачем Алисе дракон, но раз папа-герцог велел, значит, дело стоящее. Конечно, они в жизни не слыхали о герцогстве Арбатском, но как ты не поверишь девочке, которая накормила троих прожорливых молодцов!

Трактирщик принес еще жбан пива и сам уселся за стол со студентами.

Все стали вспоминать, кто в этих краях слышал о драконе, и никак не могли вспомнить, пока хозяйская жена не крикнула:

— А как же витязь Крак?

Все замолчали, потом трактирщик произнес:

— Это давно было, очень давно.

И студенты согласились с трактирщиком.

— Давно, — повторили они хором. — И следа не осталось.

— Расскажите мне, пожалуйста, про Крака, — попросила Алиса.

Трактирщик сказал:

— Это было в дикие времена, когда еще и Кракова не было, и замка Вавель не было, только Висла текла мимо холма, а в холме была пещера. В пещере жил дракон, который похищал девушек и их кушал. Но вот пришел Крак и победил дракона. Он был королевской крови.

— А может, из местных хлопов, по-разному говорят! — крикнула из кухни жена трактирщика.

— А потом Крак основал на этом месте наш город Краков и построил Вавель, в котором стали жить короли польские.

— А что стало с драконом? — спросила Алиса, хотя заранее знала ответ.

— Что стало, что стало! — проворчал трактирщик. — А ничего не стало. В речку кинули.

— Нет, не в речку, — вдруг произнес худой студент. — Я знаю, где его кости лежат.

— Помолчи, Тадеуш! — воскликнул его товарищ. — О музеуме ни слова!

— Разве это тайна? — ответил Тадеуш. — Если такая славная паненка спрашивает нас про дракона, как мы можем от нее скрывать академический музеум?

И все студенты с ним согласились — нечестно кушать на деньги приезжей девочки, а потом скрывать от нее такую простую вещь: где можно найти кости дракона.

— Пошли, — сказал наконец самый решительный из студентов по имени Болек. — А то пан Юзеф уйдет домой, и, пока не протрезвеет, его никто не добудится.

Алиса не стала тратить времени даром и отправилась вместе со студентами к замку Вавель, по соседству с которым в старинном, похожем на крепость доме размещалась Академия Краковская.

— Вот тут мы и учимся, — сказал студент в берете по имени Мешко. — Тут штаны просиживаем над манускриптами.

Дверь в Академию была открыта. Внутри было пусто, грязные стены исписаны и изрисованы — видно, не первое поколение студентов училось на них грамоте.

Студенты подбежали к человеку, спавшему на каменной лавке, подложив под голову краюху хлеба.

— Пан сторож, пан Юзеф, — сказал Мешко, — нам нужен ключ от подвала.

— Сколько? — спросил пан Юзеф, не открывая глаз.

Студенты обернулись к Алисе.

— Шесть грошей есть?

— У меня талер.

— Много, — вздохнул Мешко.

Но сторож резво вскочил. Его длинные космы были растрепаны, глаза горели, куртка распахнулась.

— Где талер?

Алиса протянула длинноволосому сторожу монету, тот сразу же снял со своего пояса связку ключей и выбрал один. Потом он захромал в глубь зала, шаркая по полу деревянными подошвами. Остальные поспешили за ним.

— Слушай, Алиса, — сказал Мешко, — сейчас мы с тобой пойдем в музеум, куда в Академии складывают все удивительные вещи. Это место таинственное и секретное, потому что монахи из соседнего монастыря давно мечтают туда забраться, чтобы посмотреть, нет ли среди наших сокровищ каких-нибудь недозволенных вещей. Ох и не любят они нашу Академию!

— Потому что сами необразованные, — сказал Болек.

Гремя ключами, пан Юзеф отворил большую дубовую дверь, обшитую железными полосами.

Внутри было полутемно, но свет проникал сквозь узкие окна под потолком.

Такого музея Алиса увидеть не ожидала.

Чего только не было в том подвале!

Там были чучела животных, камни и кристаллы, высохшие растения и даже целое бревно. На длинном столе высились сосуды с разными заключенными в них существами — жабами, рыбами, змеями...

— Мы знаем, — сказал Мешко, — что мир вокруг велик и удивителен. Поэтому и учимся. А когда нас одолевает сомнение, когда нам все надоедает, когда нам хочется забыть обо всех науках и уехать на войну, мы приходим сюда...

— Я привожу сюда студентов, — сказал пан Юзеф, — и говорю им: «Обыкновенные люди закрывают глаза и проводят свою жизнь в слепоте. Ваш же долг, мои мальчики, увидеть и понять!»

— Видишь, какой у нас сторож в Академии! — сказал Мешко.

А Тадеуш добавил:

— Ох и доберется до нашего сторожа святая инквизиция!

— Не доберется, — ответил сторож. — Мы дурного не замышляем, сидим себе в своем подвале и беседуем со школярами. И я все жду, что один из них прославится, и если не прославит меня, простого академического сторожа, то все равно весь мир будет повторять его имя.

— Ну и смешной у нас сторож! — сказал Мешко.

— А ты, девочка, я вижу, не из наших мест, но в глазенках у тебя горит ум. Откуда будешь?

— Из Москвы, — ответила Алиса.

— Славный город, — сказал сторож. — И тебе надо взглянуть на дракона?

— Очень хочется.

— Она хорошая паненка, она плохого не сделает, — вступился за Алису Мешко.

— Как же может сделать плохое человек, который подарил сторожу целый саксонский талер? Да я неделю буду пить за ее здоровье!

— И вместе с нами! — подхватили студенты.

За разговорами они дошли до дальнего конца подвала, и там Алиса увидела громадный белый череп. А рядом с ним лежали другие кости.

— Вот и дракон, — сказал сторож. — Хоть драконов и не бывает.

Его светлые серые глаза смеялись.

Алиса пригляделась к костям.

Студенты переговаривались шепотом, им все же было страшновато.

— Я знаю, что это за дракон, — сказала Алиса.

— Все знают, — ответил сторож.

Студенты стали ей объяснять, что это и есть тот самый дракон, которого убил Крак, что его череп и кости раскопали на берегу Вислы совсем недавно, а настоятель монастыря хотел эти кости сжечь, чтобы посрамить дьявола, да король Казимир, приехав в Краков на сейм, согласился кости не тревожить, а отдать в Академию, чтобы студенты учились на них многообразию мира. Они стояли и смотрели на череп.

— Что скажешь, московская девица? — спросил сторож Юзеф.

— Если вы не обидитесь, — сказала Алиса, — то я бы сказала, что это череп древнего слона, который когда-то давно водился в этих краях. Вот и бивень его сохранился — только отдельно лежит.

— Не было слонов в наших краях! — воскликнул Мешко. — Чепуха это! Нет и не было в наших краях слонов!

— А называется этот старинный слон мамонтом, — объяснила Алиса.

Старый сторож вздохнул и произнес:

— А что? Все может быть. Девочка, наверное, уже видала такой череп.

— Видала, — подтвердила Алиса. — У нас в музее он есть, и даже целые мамонтовые туши находят в вечной мерзлоте в Сибири.

— Ого! — сказал сторож. — Ты и в Сибири побывала?

— Побывала, — призналась Алиса.

— И не замерзла?

— Нет.

— А правда ли говорят, что когда в Сибири люди разговаривают, то их слова замерзают и льдинками падают на землю?

— Неправда, — сказала Алиса. — Там люди живут, в шубах ходят, а лётом в речках купаются.

— Эх, интересно бы с тобой поговорить, — вздохнул сторож. — Да боюсь, ты торопишься.

— Тороплюсь, — согласилась Алиса.

— Дракона искать?

Алиса кивнула.

— Ну, с богом, — сказал сторож. — А если тебе деньги нужны, то возьми свой талер. Мне было интересно с тобой поговорить.

— Ну уж нет! — хором воскликнули студенты.

Алиса рассмеялась и сказала:

— Оставьте себе талер. Вам он больше пригодится.

Студенты и сторож проводили Алису до выхода. А когда Алиса прощалась с ними, она сказала:

— Пан Юзеф, можно вам кое о чем сказать без свидетелей?

Они отошли немного, и Алиса тихо сказала сторожу:

— Я знаю, что вы дождетесь своего часа. Через несколько лет к вам в Академию поступит студент Николай. Он будет самым знаменитым астрономом в мире. И именно в вашем музее он догадается, что Земля — не центр Вселенной, а вращается вокруг Солнца.

Сторож пригладил спутанные волосы, дернул себя за длинный рыжий ус и сказал:

— Спасибо, паненка. Я тебе верю. А из какой благородной семьи будет этот студент Николай?

Алиса ответила не сразу. Она вдруг подумала, что совершает проступок, который совершать путешественникам во времени не положено. Ведь людям нельзя знать будущего.

Алиса вздохнула и сказала:

— Кажется, он будет из семьи Коперников.

— Коперник...

Сторож забыл об Алисе. Он стоял и загибал пальцы. Губы его шевелились. Видно, он вспоминал всех Коперников королевства Польского.

Со студентами Алиса распрощалась на улице. Ей хотелось погулять с ними по старому Кракову, но надо было лететь дальше. На прощание она отдала им еще один талер и сказала:

— Это вам на учебники.

Вы бы слышали, как хохотали эти школяры!

И Алиса полетела в Италию.

Глава одиннадцатая

ЮНОША ИЗ ФЛОРЕНЦИИ

Горы становились все ниже, потом они превратились в холмы, поросшие лесом. В долинах между ними виднелись поля и виноградники. Дома в деревнях теснились друг к дружке и скрывались за стенами. Посреди деревни нередко поднималась крепостная башня.

Хотя ковру-самолету было русским языком сказано, чтобы он летел к Флоренции, он все перепутал и сначала попытался высадить Алису возле Милана, а потом приземлился у маленькой Сиены. В конце концов они все же отыскали Флоренцию.

Флоренция пятнадцатого века по любым меркам была большим городом. Даже сверху от облаков было видно, какие там стоят дворцы, монастыри и церкви, а над всем городом, как присевший отдохнуть воздушный шар, поднимался купол гигантского собора.

Неширокая речка делила город на две неровные части, через речку были перекинуты мосты, обстроенные лавками

и домиками, так что, если идешь по мосту, никогда не догадаешься, что переходишь речку — ее-то как раз и не видно.

Алиса опустилась у поросшего лесом холма и отыскала среди деревьев небольшую пещеру. Там она оставила ковер и отправилась в город.

У ворот, как и положено, стояли стражники, но они без долгих вопросов пропустили Алису. Один из них даже сказал:

— Добро пожаловать в свободную республику Флоренцию!

В этот момент сзади послышался топот копыт — к городу приближалась кавалькада разодетых, веселых, шумных всадников. Развевались короткие, расшитые золотом плащи, покачивались бархатные шляпы, а на некоторых всадниках были надеты сверкающие позолоченные шлемы и латы.

При виде кавалькады стражники оттолкнули Алису к стене, а сами склонились почти до земли.

Когда всадники промчались мимо, Алиса спросила:

— Кто же они такие?

— Сам герцог Джулиано Медичи, — ответил стражник.

— Он возвращается с охоты, — добавил второй.

— Странно, — сказала Алиса. — Если у вас свободная республика, то зачем вам так низко кланяться какому-то герцогу?

— Ты ничего не понимаешь в свободе, девочка, — ответил первый стражник. — Свобода заключается в том, что мы кланяемся, кому хотим. А кому не хотим, то и не кланяемся.

— Если сейчас мимо проскачет кто-нибудь из семейства Пацци, мы и усами не поведем, — сказал второй стражник. — Потому что мы свободно кланяемся только Медичи.

— А можно ли задать вам вопрос? — спросила Алиса. — Мне надо пройти на старые каменоломни. Далеко ли это место?

— На старые каменоломни, говоришь? И что же тебе там понадобилось?

— Мне говорили, что это очень красивое место, — сказала Алиса. — К тому же я собираю разные камни.

— И ты думаешь, что мы тебе поверим? — спросил стражник. — Любой человек знает, что старые каменоломни — дурное место! Туда не ходят любоваться природой и собирать камешки. Туда ходят встречаться с ведьмами и драконами!

— Может, отведем эту девчонку к судье? — предложил второй стражник. — Пускай допросит ее как следует.

— Извините, — сказала Алиса. — Я уже раздумала идти на каменоломни.

И она быстро пошла прочь. Не объяснять же стражникам, а потом еще и судье, что она ищет дракона!

— Эй, стой! — крикнул ей вслед стражник, но преследовать не стал.

Алиса свернула в узкий переулок, и ворота пропали из виду.

Чудесный город Флоренция! Такие замечательные дома и дворцы, такие улицы и площади!

Алиса вышла на набережную и увидела, что чуть ниже на берегу две девочки играют в мяч. Алиса знала, что всегда лучше поговорить с детьми. По крайней мере, они не станут доносить на тебя судье.

Алиса некоторое время смотрела на девочек. Одна из них заметила ее и спросила:

— Хочешь поиграть с нами?

— В следующий раз, — ответила Алиса. — Мне сейчас надо на старые каменоломни. Вы, случайно, не знаете, как туда добраться?

— Если ты свернешь по второй улице направо, то увидишь большой дом из красного камня. Это дом мастера Верроккьо, который учит детей рисовать и лепить. Уж там-то наверняка кто-то скажет, где находятся эти старые каменоломни.

Алиса поблагодарила девочек и поспешила к дому мастера Верроккьо.

Дверь в дом была открыта. Оттуда веяло прохладой и доносились голоса.

Алиса прошла вперед и оказалась в крытом дворике, окруженном колоннами. Там на табуретках сидели мальчики разного возраста и, держа на коленях доски, рисовали на них красками сидевшего посреди дворика старика в длинной тоге.

Между мальчиками ходил широкоплечий мужчина средних лет, совсем не похожий на художника. Порой он наклонялся к одному из учеников и что-то говорил ему или поправлял рисунок.

Пока Алиса разглядывала рисовальный класс, один из мальчиков, постарше других, вдруг поднялся и подошел к мастеру.

— Простите, мастер, — сказал он. — Но мне надо уйти. Я обещал отчиму помочь ему на винограднике.

— Ты меня удивляешь, Леонардо, — ответил Верроккьо. — Ты уже третий раз за эту неделю отпрашиваешься пораньше. То у тебя тетя заболела, то друзья приехали. Скажи отчиму, что я тобой недоволен.

— Я обязательно скажу ему об этом, — согласился юноша. — И я обещаю, что это в последний раз. Сегодня все решится.

— Что сегодня решится? — не понял мастер.

— Я объясню завтра, — сказал юноша и пошел к выходу.

Алиса отступила на шаг, пропустила юношу и догнала его у дверей.

— Прости, — сказала она, — у меня к тебе только один вопрос.

Юноша ей понравился. Он был стройным, высоким. Ремешок перехватывал светлые волнистые волосы. Большие карие глаза светились умом.

— Спрашивай, девочка, только побыстрее, я спешу.

— Скажи, пожалуйста, как мне попасть на старые каменоломни?

Можно было подумать, что Алиса наступила ему на ногу.

— Что ты сказала? — прошептал юноша. Его щеки покраснели. — Откуда ты знаешь?

— Я ничего не знаю, — сказала Алиса, — но мне обязательно надо там побывать.

— Я тебя сейчас убью! — тихо сказал Леонардо. В его глазах загорелась ненависть.

— Чем я тебя обидела? — удивилась Алиса.

— Тебе лучше знать, — сказал Леонардо. — Тебя наняли проклятые Пацци. Но у тебя ничего не выйдет. Тебе меня не

выследить! — С этими словами юноша выбежал из дома своего учителя и помчался по улице.

Бежал он быстро и конечно же знал, куда бежать.

Алиса подумала: никаких сомнений в том, что этот Леонардо спешит именно на старые каменоломни. Иначе почему он так разозлился?

Алисе не стоило труда догнать средневекового юношу, и она последовала за ним, держась на расстоянии. Когда они выбрались из города через провал в стене рядом с речкой, Алиса подобрала длинную юбку, которая ей мешала, и заткнула подол за пояс. Теперь бежать стало легче.

Вот и старые каменоломни — длинные глубокие ямы, кое-где заросшие кустарником и сухой травой. По камням расселись ящерицы. Они грелись на солнышке.

Но где же Леонардо?

Алиса остановилась. Ничего не видно, ничего не слышно.

Что ж, Леонардо привел Алису к каменоломням, и, даже если он и сбежал, теперь она сама отыщет дракона.

Алиса осторожно прошла вперед и остановилась на обрыве над ямой. И вдруг услышала сзади шум — треск веток и звук тяжелых шагов.

Она обернулась.

И, о ужас!

Над деревьями покачивалась голова самого страшного зеленого дракона, которого Алиса могла себе представить.

Он раскрыл алую пасть. К счастью, огонь из нее не вылетел, но и без этого Алисе захотелось убежать на край света.

Дракон увидел отпрянувшую Алису и вдруг сказал человеческим голосом, что было странно, так как драконам разговаривать не положено:

— Ты зачем сюда пришла?

— Ты не можешь говорить, — ответила Алиса и отступила на самый край обрыва. Дальше отступать было некуда.

— Признавайся! — громовым голосом произнес дракон. — Ты — шпионка самого Пацци? Тогда я тебя растопчу!

— Если растопчешь, то зачем мне признаваться? — возразила Алиса. — К тому же я не знаю никакого Пацци.

— Если так, то почему ты меня выслеживала?

— Вылезешь из дракона, — сказала Алиса, которая уже все поняла, — я тебе все расскажу.

Леонардо рассмеялся. Его смех усилился в брюхе дракона и превратился в такой гром, что вороны с карканьем разлетелись во все стороны.

В пузе дракона открылся люк, и на траву выскочил юноша.

Алиса подумала: «Ну как я могла принять за дракона такую большую игрушку?»

— Сам сделал? — спросила она.

— А кто же за меня сделает? — сказал юноша и похлопал чудовище по фанерной ноге.

— А зачем?

— Для дела, — ответил Леонардо. — Можешь мне поверить, не для развлечения. Но тебе я ничего не скажу, потому что ты — шпионка Пацци.

Алиса обошла дракона со всех сторон. Если учесть, что его придумал и сделал один мальчик, то, конечно, дракон получился великолепный. Он был длиной метров десять, а голова его поднималась над землей метра на два. Снаружи Леонардо обтянул дракона плотной тканью, на которой нарисовал чешую. Зубы чудовища торчали как настоящие, а между ними свисал красный язык.

— Нравится? — спросил Леонардо. — Я страшно способный, можно сказать — талантливый. Все остальные ученики мастера Верроккьо — и Сандрик Боттичелли, и Петрик Перуджино — тебе подтвердят, что я из них самый лучший.

— Пока что я вижу, что ты самый разговорчивый, — сказала Алиса, чем привела Леонардо в страшный гнев.

— Жаль, что я тебя сразу не растоптал! — сказал он. — А теперь приходится выслушивать оскорбления от девчонки. И вообще, ты не из Флоренции. Ты откуда?

— Я из Москвы, — честно призналась Алиса.

— Я такого города не знаю, — сказал Леонардо. — Это в какой-нибудь дикой Бургундии или Наварре?

— Это в России, — сказала Алиса.

— Россия? Ну конечно же! — Юноша обрадовался. — Конечно же! Русь называют Московией, значит, Москва — столица Московии. И это страна гипербореев, где водятся

волки и белые медведи, а люди полгода спят, потому что все вокруг покрыто снегом.

— Скажешь тоже! — рассмеялась Алиса. — Хоть ты и хвастаешься своими талантами, а про Московию ничего не знаешь.

— А как узнать?

— Возьми книгу и прочти, — посоветовала Алиса.

— А ты мне дай такую книгу, тогда я прочту. Лучше скажи, зачем ты сюда заявилась и что тебе нужно в старой каменоломне?

И тогда Алиса рассказала юноше, что она ищет свою подругу, про которую известно, что у нее было яйцо дракона. Но девушку отыскать трудно, а дракона легче. Вот Алиса и едет от дракона к дракону. Собирает слухи про огнедышащих чудовищ.

— А почему тебе нужны именно огнедышащие?

— Потому что дракон, яйцо которого отыскала Магдалина, был огнедышащим, а таких в жизни не бывает. И вообще драконов не бывает.

— Даже в Индии? — спросил Леонардо. — Даже в Китае?

— Даже на краю Земли, — твердо ответила Алиса.

— Почему же они тогда есть на рисунках?

— Когда-то на Земле водились динозавры, и память о них могла сохраниться... Можно, я тебе не буду рассказывать о геологии и палеонтологии? Ты еще до этого не дорос.

Тут южный характер юноши заставил его взорваться. Он перевернулся через голову и хотел было наброситься на Алису с кулаками, но Алиса отскочила и крикнула:

— Ну и рыцари живут во Флоренции! Они хотят избить беззащитную девушку!

Эти слова привели Леонардо в себя. Он расхохотался и спросил:

— Сколько же лет беззащитной девушке?

— Мне двенадцать лет, но это не играет роли.

— И ты меня не обманываешь?

— Я редко вру. Только когда очень нужно.

— А сейчас не очень нужно?

— Сейчас совсем не нужно.

— Тогда мне жаль, что мой дракон не настоящий.

— Мне тоже. Придется нам распрощаться.

— И куда ты дальше?

— Вроде бы о драконе слышали во Франции. В герцогстве Бретань. Вот туда, к герцогу Жилю де Рэ я и полечу.

— Ты и летать умеешь?

Тут Алиса запнулась. Ей не хотелось говорить неправду, но и объяснять Леонардо, что у нее есть ковер-самолет, она не могла.

— Не хочешь, не говори. Ты все равно странная, может быть, волшебница, — сказал Леонардо.

— Если бы я была волшебницей, — сказала Алиса, — зачем бы мне искать Магдалину? Я бы наколдовала, и она бы сама нашлась.

— А как ты летаешь?

— Летать сама по себе я не умею. Но в моих землях есть приспособления, чтобы летать.

— Приспособления? Я об этом уже думал, — пробормотал Леонардо.

— Ну, я пошла, — сказала Алиса. — Приятно было познакомиться.

Она пожала юноше руку и повернула обратно к городу, но тут Леонардо ее окликнул.

— Я даже не знаю, как тебя зовут, — сказал он.

— Алиса.

— Алиса, послушай, ты не очень спешишь?

— А что?

— Я вижу, ты можешь быть верным товарищем. Если я тебя попрошу помочь мне в хорошем деле, ты согласишься?

— А что за хорошее дело?

— Я родом из небольшой деревни, рядом с Флоренцией, — сказал Леонардо. — Недавно на нашу деревню напали слуги синьора Пацци. А синьор Пацци — страшный негодяй и грабитель. Он заявил, что деревня не заплатила дань его дедушке и он должен за долги отнять у нас все зерно и вино. Он хочет разорить нашу деревню. А там живет моя мама и мой отчим. И мои маленькие братья и сестренки. И тетя с дядей. Вся деревня — мои родственники. — Леонардо печально вздохнул и продолжал: — Суд не захотел рассматривать тяжбу между деревней и могучим синьором. Тогда мои

односельчане отнесли свое добро в небольшой замок, который стоит посреди деревни. А солдаты Пацци осадили замок и решили уморить моих родственников голодом или заставить их сдаться. Вот уже несколько недель продолжается осада.

— И чем же она кончится? — спросила Алиса.

— Она кончится нашей победой, если ты, Алиса, мне поможешь.

Алиса не поняла, что имеет в виду юный художник, поэтому он объяснил ей подробнее:

— Я долго думал, как помочь деревне, и придумал сделать дракона. Я в него спрячусь и пойду на бой с солдатами. Они же трусливые и испугаются дракона. Сначала я сделал скелет дракона из досок и палок, потом обтянул его материей, внутри построил площадку, от которой идут рычаги и канаты к ногам и морде дракона, так что им можно управлять. Но сейчас я понял, что мне одному не справиться, а помощника я себе не отыскал. Я стал просить своих товарищей, но одни испугались, а другие не умеют хранить тайну. И вот пришла ты. Помоги мне, пожалуйста!

Неужели вы думаете, что Алиса хоть секунду колебалась? Она решительно сказала:

— Поехали!

— Другого от москвички я и не ждал, — обрадовался юноша. — Девочки, которые с детства сражаются с белыми медведями и волками, вырастают настоящими амазонками. Спасибо тебе от имени угнетенных крестьян Флорентийской республики.

Алисе было и смешно и приятно слышать такие слова.

— Что я должна делать? — спросила она.

— Залезай внутрь, — сказал юноша, — а мне надо будет на минутку отлучиться.

Из дверцы в пузе дракона он вытащил небольшой мешок и убежал в кустарник. Алиса забралась внутрь дракона. Там было страшно, тесно и жарко. К тому же в драконе почему-то жило множество мух, которые возмущенно жужжали, пытаясь прогнать Алису из их убежища. Поэтому Алисе пришлось махать руками и юбкой, чтобы выгнать полчища насекомых.

Тут вернулся Леонардо. Его мешок был полон. Он осторожно положил его внутрь дракона и залез следом. Потом вытащил из мешка темный шар и спросил Алису:

— У вас в Московии такое растет?

Алиса взяла шар. Он был размером побольше теннисного мячика, и от него исходил грибной запах.

— Такое у нас растет, — сказала Алиса. — Это гриб. Пока он свежий и белый, он называется дождевик, а когда высохнет, то его называют дедушкин табак.

— И все-то у вас в Московии есть, — сказал юноша. — Это будет наше оружие.

Алиса не поняла, как можно использовать гриб вместо оружия, но спрашивать было некогда — Леонардо принялся объяснять ей, как управлять чудовищем.

Сам Леонардо лежал впереди и управлял головой дракона и его передними лапами. А вот задние лапы и хвост достались Алисе.

Сначала пришлось потоптаться на берегу речки, чтобы дракон шагал, как положено ящеру. Леонардо командовал: раз-два-три-четыре, и они с Алисой одновременно двигали правые, а затем левые лапы. При этом Алиса успевала двигать хвостом из стороны в сторону, а Леонардо раскрывал рот дракона.

Научившись ходить, дракон направился прочь от каменоломни по дорожке, которая вскоре влилась в заросшую травой дорогу.

В драконе стало прохладнее, потому что воздух влетал в щели и через пасть чудовища.

Чтобы не было скучно, Алиса разговаривала с Леонардо.

Вернее, разговаривал больше Леонардо, который любил поговорить и умел себя похвалить, а Алиса задавала вопросы.

— Я еще не решил, — говорил Леонардо, — кем мне стать. Я очень неплохо играю на лире. Мог бы стать музыкантом, и тогда бы меня приглашали играть во дворец к герцогам Медичи. Но еще интереснее быть бухгалтером или банкиром. Ты знаешь, что я сделал абаку?

Алиса знала, что абака — это старинные счеты.

— Я не только сделал абаку, но и умею считать быстрее

любого банкира или менялы. А еще интереснее изобретать военные машины. Ведь мы с тобой едем в военной машине, правда?

— Такую машину уже изобретали, — сказала Алиса.

— Где? — удивился юноша.

— Когда греки осаждали Трою, то они изготовили громадного деревянного коня, спрятались в нем...

— Знаю! Мне отец читал эту поэму. Она называется «Илиада». Потом греки выскочили из коня и открыли ворота в город изнутри. Но у меня дракон лучше любого троянского коня, потому что он ходит! Может быть, я ему еще и крылья приделаю.

— Зачем?

— Тогда получится большая летающая машина. Больше твоей, Алиса! Я назову ее — самлетатель. Нет, лучше самлет. Самолет! Тебе нравится?

— Очень.

Алиса подумала, что Леонардо и в самом деле выдающийся юноша.

— Но больше всего я люблю рисовать и лепить, — сказал Леонардо. — Я хочу сделать статую выше трехэтажного дома. Это будет герцог Медичи верхом на боевом коне.

— И рисовать ты тоже любишь?

— Вот в этом моя беда, — сказал юноша. — Мне так много всего хочется, что, скорее всего, я ни в чем не добьюсь толку.

— Это бывает, — согласилась Алиса. — Вот у меня есть друг в Москве, Пашка Гераскин. Он все хочет сейчас и сразу. Он комгуся изобрел. Мы все чуть живы остались.

— А что такое комгусь? — не понял Леонардо.

— Пашка скрестил комара с гусем, чтобы комары на лето улетали в полярные страны и не кусали людей.

— А как он скрестил?

— Это сложно объяснять. Ваша наука до этого еще не доросла.

— Науку придумываю я сам, — сказал юноша. — Но если ты будешь скрещивать гуся и комара, то из них надо сделать семью, а на свадьбе гусь склюет свою жену — вот тебе и ком-

гусь. Нет уж, лучше я буду заниматься настоящей наукой, а не сказками.

Дорога начала подниматься на холм. Алиса посмотрела сквозь щель и увидела, что они топают по узкой деревенской улочке. Дома на ней стояли тесно, и все, как один, были с красными черепичными крышами.

— Вот моя деревня, — сказал юноша. — Мы подберемся к замку с тыла, чтобы солдаты нас не увидели раньше времени. Готовься к бою! Ты не боишься, Алиса?

— Я вообще мало чего боюсь, — без лишней скромности сказала Алиса.

— Такой девчонки я еще не встречал!

Холм, на склоне которого раскинулась деревня, был увенчан небольшим каменным замком, посреди которого, как палец, торчала высокая квадратная башня.

Дорога кружила вокруг замка, и, когда она повернула в последний раз, Алиса увидела площадку перед воротами в замок, на которой столпилось несколько десятков воинов. Кое-кто из них был в кольчугах, другие — в стеганых куртках и высоких шлемах. Командовал всеми всадник гордого вида. Он был облачен в латы и шлем, коня покрывала расшитая попона. Всадник наблюдал за тем, как его воины раскачивают висящее на толстых цепях бревно, которое ударяло в окованные железными полосами ворота замка.

Видно, осаждающие трудились давно, но пока у них ничего не получалось.

Время от времени с башни, на которой стояли защитники, летел камень или стрела, но вреда они не причиняли.

— У наших уже ничего не осталось — ни пороха, ни воды, ни еды, вот-вот помрут, — прошептал Леонардо. — Главное, чтобы им удалось вырваться из замка и спрятаться в соседней деревне.

— Пошли? — спросила Алиса.

Леонардо заставил дракона разинуть пасть и зарычал страшным голосом, который в брюхе дракона так усилился, что даже Алисе стало страшно.

Солдаты на площадке перед башней обернулись.

И тогда Леонардо, не останавливая дракона, топающего к замку, начал давить грибы-табаки. Они превращались в

черный дым, и казалось, что этот дым извергает сам страшный дракон.

Всадник на коне поднял было меч, чтобы напасть на дракона, но при виде дыма потерял смелость и, пришпорив коня, поскакал прочь.

Остальные солдаты, увидев, что их командир уже удрал, тоже не стали испытывать судьбу и побежали прочь от замка, сшибая друг дружку и теряя оружие.

Но испугались и защитники замка. Они замерли на верху башни, сжимая мечи и копья.

— Теперь Пацци и его солдаты будут бежать до самой Флоренции, — сказал Леонардо.

Он открыл дверцы в брюхе дракона и выпрыгнул на пыльную площадку. Потом протянул руку и помог выбраться Алисе. Голова дракона упала вниз, пасть захлопнулась, словно он заснул от усталости.

— Эй! — крикнул Леонардо. — Вылезайте, герои!

— Это же Леонардик! — закричала сверху молодая красивая женщина с вьющимися каштановыми кудрями, такими же, как у Леонардо. — Сынок мой! Я же говорила, что он нас спасет!

Со страшным скрипом отворились двери башни, и оттуда выбежали истощенные, измученные, но очень веселые люди, которые кинулись обнимать Леонардо, хвалить его за ум и смекалку. На долю Алисы тоже достались объятия и поцелуи. Не забыли и дракона, которого все хлопали по морде и плечам и называли драгоценной ящерицей!

Дети бегали вокруг и плясали от радости.

Потом Леонардо сказал своим родным:

— Надо побыстрее уходить отсюда. Берите все добро. Мы спрячемся в лесу, возле соседней деревни. Если солдаты Пацци придут снова, они никого не застанут. А тем временем мой отчим, нотариус Пьетро, добьется приема у герцога Медичи. Вот увидите, все кончится хорошо.

Крестьяне послушались Леонардо, и вскоре длинная процессия двинулась через поля к соседней деревне, откуда уже спешили на помощь.

— А как же ты, Леонардо? — спросила Катерина, его красивая мама.

— Я сейчас же ухожу во Флоренцию. Вы меня не видели и не слышали. Ни в коем случае Пацци не должны догадаться, что напустить на них дракона — это моя выдумка.

— Правильно, — согласился суровый черноволосый мужчина, который был так слаб, что покачивался, опираясь на копье. — Леонардо — умный парень. Мы не должны подводить нашего друга.

Леонардо обнялся со своими родными. Они с Алисой остались на опустевшей площадке перед замком и развели большой костер.

На этом костре и погиб дракон..

Никто не должен его увидеть и понять, что чудовище — выдумка мальчика. Нужно распустить слухи по всей Флоренции, что слуг Пацци разогнал самый настоящий дракон. В это все поверят, и в будущем Пацци не будут такими наглыми грабителями. А вдруг дракон вернется? А вдруг он подчиняется здешним крестьянам?

Когда от дракона осталась лишь куча тлеющих головешек, Алиса с Леонардо пошли во Флоренцию.

— Теперь ты куда? — спросил Леонардо.

— Во Францию, в Бретань.

— Если ты меня подождешь, — сказал Леонардо, — то я тебе дам самую лучшую карту, на которой нарисованы не только города и реки, но даже замки и деревни. Это очень полезная карта.

Алиса поблагодарила юношу. Он был прав. В пятнадцатом веке надо пользоваться картой пятнадцатого века.

Пока Алиса ждала Леонардо, она поиграла на берегу речки в мяч с девочками. Ничего в городе не изменилось, и никто не догадался, что Алиса только что участвовала в бою, причем была настоящим танкистом. Ведь искусственного дракона можно считать древним танком, правда?

— Слушай, — спросила Алиса юношу, который подбежал к ней с картой, свернутой в трубку, — а как твоя фамилия?

— У меня вообще-то нет еще достойной фамилии. Когда я стану великим художником, я выберу себе новое красивое имя. Ведь моя фамилия совсем некрасивая. Крестьянская фамилия.

— И какая?

— Меня зовут Леонардо из деревни Винчи. Мы с тобой только что там были.

— Так и зовут?

— Ну да. Это звучит так: Леонардо да Винчи.

— Что ж, — сказала Алиса. — Очень приятно было познакомиться. И я могу открыть тебе тайну: ты станешь великим художником и великим изобретателем.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Леонардо и остался стоять на берегу, глядя вслед своей новой знакомой.

Глава двенадцатая

НОЧЬ В ГЕРЦОГСТВЕ БРЕТАНЬ

Ковер-самолет летел кое-как. Может, устал, а может, притворялся, что летит из последних сил.

Сказочным вещам в обычном мире приходится несладко, они быстро приходят в негодность. Даже сказочный меч заржавеет, хоть ты его будешь каждый день смазывать сливочным маслом. Но пока что Леонардо не изобрел самолета, хоть ему это ничего не стоит. Вы же знаете — Леонардо все время спешит, ему постоянно некогда. Он хочет все успеть и сам не знает, что же значит — «все».

Так что самолета в пятнадцатом веке нет, воздушного шара тоже нет, вот и приходится летать на ковре-самолете, дырявом и ненадежном.

Ковер летел невысоко, над верхушками деревьев. Впрочем, Алиса и не разрешала ему взмыть к облакам, потому что там было холодно и дул пронизывающий ветер.

Лес тянулся по всей Европе. Лишь иногда Алиса видела среди деревьев трещинку — лесную дорогу. Порой лес расступался, чтобы дать место крестьянским полям и деревушкам. А уж настоящие города встречались страшно редко.

Алиса разложила перед собой на ковре карту, которую ей принес Леонардо. Конечно, не все на ней было нарисовано точно, потому что Леонардо еще не везде побывал, он только сравнил несколько карт и сделал по ним самую точную.

Лететь было скучно, холодно, а порой и мокро.

Хорошо еще, что Алиса — человек закаленный, спортсменка, а то бы наверняка простудилась и не долетела бы до этой самой Бретани.

Бретань...

Никогда раньше Алисе не приходилось бывать в Бретани. В Британии она бывала. То есть в Великобритании. Но это ведь такая страна — Великобритания, которую еще называют Англией, хотя Англия — это только ее часть. А Бретань — это вовсе не страна, а полуостров во Франции.

Вот на этом полуострове ей и надо было отыскать герцога Жиля де Рэ, который живет в замке Тиффож и держит в том замке дракона. Откуда у герцога дракон и зачем он ему нужен, пока неизвестно. Вот Алисе и придется это выяснить.

Внизу все так же тянулись леса, правда, полей стало побольше и порой встречались виноградники.

Совсем близко промелькнула башня крепости или монастыря. На башне стояла девушка. Она вовсе не удивилась тому, что видит летающий ковер, а помахала Алисе рукой. Алиса тоже ей помахала, но чуть не свалилась с ковра. Хорошо еще, ковер загнул вверх угол и удержал свою пассажирку.

— Спасибо, ковруша, — сказала Алиса.

— Запомни! — строго проворчал ковер. — Ты на летающем средстве находишься, а не на корове верхом!

Уже начало темнеть, когда Алиса наконец долетела до Бретани. Есть хотелось ужасно, да и не выспалась она.

Вроде бы деревня и замок на ее краю были как раз теми, что нужны Алисе, но все-таки лучше проверить, пока светло.

Алиса приказала коврику спуститься на полянку у ручья, который уютно журчал, пробегая по камешкам. Вокруг было тихо, только пели цикады.

На том берегу ручья начиналась пустошь, поросшая вереском, а дальше были видны деревья парка, окружавшего замок.

Но больше ничего разглядеть не удалось — на лес уже надвинулись сумерки, а от ручья поднимался туман.

Где-то далеко, наверное в деревне, замычала корова, и в ответ ей залаяли собаки. Их лай разбудил петуха, потому что

он совсем не вовремя принялся кукарекать, но спохватился и смущенно замолчал.

Вдруг в тишине раздался тихий голос:

— Можно подумать, что мы с тобой дома, в деревне. А не в каком-то там пятнадцатом веке, да еще во Франции.

Алиса даже не сразу сообразила, что это голос ковра-самолета.

— Откуда ты такой образованный? — спросила она.

— Кому нужна моя образованность?

— Да ты у нас с характером!

— А как же без характера выживешь, — прошептал ковер. — Поистрепали меня люди, совершенно никому меня не жалко. Даже детей у меня нет.

— Какие же у тебя могут быть дети? — удивилась Алиса. — Ты же ковер. Вещь.

— Вот, и ты туда же, — обиделся ковер. — Пролетела на мне пол-Европы, приказывала мне подниматься и опускаться, я послушно летел туда, куда тебе хотелось, хотя порой ты и дороги туда не знала! Сейчас я с тобой разговариваю и, учти, еще не сделал ни одной грамматической ошибки. Но стоило мне заикнуться о том, что я разумен, ты возмутилась, словно наступила на камень, а оказалось, что это скорпион, да еще и кусается!

— Прости, коврик, — сказала Алиса. — Но можно у тебя кое-что узнать?

— Во-первых, я попрошу в будущем обращаться ко мне на «вы», — сказал ковер. — Я все-таки старше тебя в несколько тысяч раз. Можно сказать, что в прадедушки тебе гожусь. А во-вторых, я знаю, какой вопрос ты хочешь задать. Ты хочешь спросить, бывают ли ковры-мужчины и ковры-женщины?

— Честно говоря, — ответила Алиса, — я хотела вас спросить о другом. Но я буду рада услышать о том, бывают ли ковры-мальчики и ковры-девочки.

— Я отвечу тебе так, — сказал ковер. — Разумеется, бывают. Но разницу между ними могут заметить только сами ковры, и даже не все ковры. Потому что разница в чем?

— В чем?

— Разница в узоре.

Алиса посмотрела на неподвижно лежащий у ее ног ковер. Конечно, уже наступили сумерки и было трудно разобрать, какой у ковра узор, но ясно было, что узор этот так стерся, что даже сам ковер не смог бы выяснить, мальчик он или девочка, а может быть, и дедушка.

— А как вы говорите? — спросила Алиса. — У вас же рта нет.

— У меня многого нет, — вздохнул ковер. — И разговариваю я, потирая ворсинку о ворсинку. Раньше у меня был громкий и красивый голос, я даже иногда в опере пел. Ляжешь во всю сцену и поешь! А теперь еле-еле бормочу.

— Скоро станет совсем темно, — сказала Алиса, взглянув на небо. На небе высыпали звезды, и по ручью пробежала серебряная лунная дорожка. — Я думаю, что нам лучше лечь спать здесь. Вам не будет неприятно, если я на вас лягу?

— Можешь даже в меня завернуться, — разрешил ковер-самолет. — Мне это не обидно. Я люблю обнимать девочек.

— А вы меня с утра разбудите? — спросила Алиса.

— Как? А разве мы не будем больше разговаривать? — огорчился ковер. — Мне было бы интересно поведать тебе удивительную и драматическую историю моей жизни.

— Я буду рада услышать ее в следующий раз, — вежливо сказала Алиса. — А сегодня я замерзла и устала. Пожалуйста, обнимите меня, будьте так любезны, и мы поспим.

— Ну вот, — проворчал ковер-самолет, — еще и одеялом работай! Нет на свете никакой справедливости. Некоторые в гаремах лежат, а то и в тронных залах, других вешают на стенку, чтобы любоваться. А мне судьба такая — век по небу шататься.

Алиса улеглась на коврик, и он сразу же обнял ее — получилась трубочка с кремом. Ковер был трубочкой, а Алиса — кремом.

— Тебе удобно? — спросил ковер.

— Спасибо.

— Если неудобно, ты сразу говори, я проснусь и что-нибудь придумаю.

— Нет, спасибо, все хорошо

Алиса почти сразу задремала. Но толком заснуть ковер ей сразу не дал.

— Ты спишь? — спросил он.

— Сплю.

— Ты спи, спи. Я просто хотел сказать, что пошутил, будто завидую тем коврам, которые по стенкам висят или в гаремах лежат. Куда им — прикованы навечно к месту и никому толком не нужны. Вот и ждут перемен в жизни — когда их на базар потащат. А я как птица, лучше птицы... Ты спишь?

— Сплю.

— Ты спи. Если, конечно, можешь. А я бы на твоем месте небом полюбовался. Здесь небо сказочное, звездное. Скажи, а ты созвездие Орион можешь мне показать? Я что-то забыл. Вот Пегас помню. И Кассиопею, конечно, отыщу. А Орион забыл.

— Завтра. Хорошо?

— Конечно-конечно, я и не думал тебя будить. Мне просто хотелось вспомнить, какой из себя Орион.

Алиса пригрелась внутри ковра. Пахло травой и свежей водой. Ручей сонно журчал, словно кран в ванной забыли закрыть.

Алисе начал сниться сон, обыкновенный сон двадцать первого века. Будто она попала на планетку, населенную гномами, вернее, существами, похожими на гномов. Эти гномы старательно трудились в шахте и добывали алмазы. Шум от их молоточков стоял страшный!

Гномы увидели Алису, кинулись к ней и стали спрашивать, не видела ли она где-нибудь во Вселенной их собратьев. Не может быть, чтобы они, гномы, были совершенно одиноки. Алиса сказала, что на Земле должны быть гномы, только они встречаются довольно редко, но в эпохе легенд их вполне можно отыскать.

— А как они одеваются? — спросил самый старый гном с седой бородой, которую он перекинул через плечо, чтобы не волочилась по полу.

— Примерно как вы, — ответила Алиса.

— Примерно? А точнее, девушка, точнее, попрошу!

— У них красные колпачки...

И тут по толпе гномов прокатился возмущенный шум.

— Я так и думал, — произнес старый гном.

— В чем дело? — удивилась Алиса.

— Ты видишь, какого цвета наши колпачки? — спросил старый гном.

— Конечно, вижу — зеленого.

— Вот именно! И любой, кто напялит красный колпак, — нам не друг, а враг.

И тут все гномы хором воскликнули:

— Настоящий гном, который ненавидит мухоморы!

Наступила тишина. Гномы смотрели на Алису и ждали, что она скажет.

— А чем красные колпаки хуже зеленых? — спросила Алиса.

Гномы замахали руками, и старый гном сказал:

— Она же дальтоник! Для нее что зеленое, что красное — все равно, что синее!

Алиса хотела сказать, что она не дальтоник, но тут услышала голос:

— Проснись!

Алиса проснулась и сказала:

— Но я же не дальтоник!

...Стояла теплая ночь, горели яркие звезды, а издалека доносился крик совы.

— Мне плевать, дальтоник ты или гипертоник, — прошипел ковер-самолет.

— Что случилось? — спросила Алиса. — Я только что заснула.

— Ты не только что заснула, — прошептал ковер. — Ты проспала уже три часа.

— А ты чего не спал? — Спросонья Алиса забыла, что к ковру надо обращаться на «вы».

— Глупый вопрос. Ты же сама сказала, что я вещь, а не живое существо. Зачем мне спать? Я думаю. Я наблюдаю. Я слушаю голоса ночи.

— Но зачем ты меня разбудил?

— Потому что за ручьем происходит что-то плохое.

— Но скажи — что?

— Я сам еще не понимаю. Я не знаю здешних обычаев. И к тому же мне отсюда ничего не видно.

Алисе не хотелось вылезать из мягкой трубы, и сон никак не отступал.

Она прислушалась.

Из-за реки доносились голоса.

Потом Алиса услышала детский плач. И встревожилась. Почему глубокой ночью в поле плачет маленький человечек?

Ковер словно почувствовал, что Алиса услышала плач. Он развернулся и лег на траву.

Алиса вскочила.

Ей было видно, что на лугу перед замком горят факелы и мелькают человеческие тени.

— Не хочу! — услышала она детский крик.

Ребенок кричал на французском языке. Алиса его понимала, а ковер с трудом. Он ведь прилетел из древних времен, когда французского языка еще не было.

— Мама, спаси меня!

— Летим! — воскликнула Алиса.

Она уселась на ковер, и тот взмыл в ночное небо.

Он медленно перелетел через ручей и полетел над лугом, стараясь держаться поближе к кустам, которые росли вдоль его края.

Алиса вспомнила, что у нее есть очки ночного видения, достала их из пояса и надела. И сразу ей стали видны люди на лугу.

Алиса дала увеличение.

— Ах! — воскликнул ковер-самолет, который тоже умел видеть в темноте. — Какая жестокость!

Алиса пришла в ужас.

На лугу стояла железная ванна. Возле нее заросший бородой мужчина, типичный разбойник с большой дороги, держал на веревке связанного мальчика лет шести-семи. Мальчик, видно, уже устал плакать, только всхлипывал и вздыхал. Он замерз и дрожал, да и неудивительно — никакой одежды на нем не было. Грязный голый мальчик стоял и дрожал.

Возле ванны прогуливался худой, благородного вида господин с треугольной бородкой, в высокой мягкой шапке

и длинном до земли плаще. Рядом с ним, стараясь попасть ему в ногу, шагали два молодых человека, одетых скудно, в сандалиях на босу ногу. Господин рассуждал, а молодые люди его внимательно слушали. На несчастного мальчика никто не обращал внимания.

— Золото — это не только драгоценный металл, — говорил господин с бородкой. — Он живой. Золото состоит из крови Земли, вулканического жара и плоти гомункулусов.

— Как вы сказали, магистр Прелати? — спросил один из молодых людей.

— Такие вещи надо знать, студент, — ответил магистр. — Их проходят на первом курсе.

— Разумеется, господин магистр! — воскликнул второй студент.

— Есть два пути получения золота, — продолжал магистр Прелати. — Или мы его выплавляем в алхимической лаборатории из таинственных веществ, или призываем на помощь дьявола, захватываем его в плен и заставляем работать на себя!

Тут господин магистр поднял вверх длинный указательный палец, а студенты начали трусливо озираться, потому что боялись дьявола.

— У себя в Италии я неоднократно вызывал дьявола. Он уже так меня боится, — продолжал магистр, — что сам мне золото носит. Иногда мешок принесет, а иногда кошелек. Если мало приносит, я его плеткой бью.

— Ой! — воскликнули студенты.

— Так что цените, к какому великому ученому вы попали на практику! — заявил Прелати. — Внукам будете рассказывать, как вам в жизни повезло. Кстати, не исключено, что разбогатеете.

— А зачем вы сюда приехали, господин магистр? — спросил один из студентов. — Вы бы у себя в Италии пугали дьявола и собирали золото.

— Чем отличается простой алхимик от большого ученого? — наставительно спросил Прелати. И сам же ответил: — Настоящий ученый не гоняется за деньгами. Настоящий ученый не стремится к славе. Настоящему ученому важны

достижения! Открытия! Признательность потомков! Поэтому, когда герцог де Рэ пригласил меня в вашу провинциальную Францию, где не хватает специалистов по алхимии и черной магии, я с радостью согласился. Я не возражаю, чтобы мне поставили памятник здесь, а не на родине.

— Но почему же, господин магистр? — удивились студенты.

— Потому что некоторые завистники и негодяи в Италии меня не понимали и даже решили посадить меня в тюрьму.

— Но за что же? — воскликнул один студент.

— Враги всегда придумают, за что посадить в тюрьму честного человека, — отмахнулся магистр.

Он остановился и посмотрел на небо.

— Сочетание звезд благоприятно, — сказал он. — Можно начинать. Тащите мальчишку в ванну.

— Но почему в ванну, господин магистр?

— Неужели непонятно? — с раздражением спросил Прелати. — Мы не имеем права потерять ни капельки крови этого мальчишки. Всю его кровь мы соберем в ванну и добавим в нее химические элементы повышенной секретности. А когда все будет готово, мы вызовем дьявола! Он не сможет отказаться от целой ванночки детской крови.

— Ах! — произнес один из студентов и грохнулся на землю.

— Что с ним? — удивился магистр.

— Нервы, — пожал плечами второй студент. — А я ничего не боюсь.

— Быть тебе настоящим алхимиком, — сказал Прелати. — Я тебя с собой заберу. А этот пускай лежит, может, мы его кровь тоже в ванну подольем.

При этих словах лежавший без чувств студент вскочил на четвереньки и, как собака, помчался прочь.

— Ну и нервы у современной молодежи, — вздохнул Прелати. — Что ж, начинаем!

Оставшийся студент отошел на несколько шагов назад — ему было как-то не по себе.

По знаку магистра Прелати стражники подтащили маль-

чика поближе к ванне. Магистр вытащил из-под плаща тонкий кинжал, такой острый, что Алиса увидела, как пролетавшая мимо ночная бабочка, нечаянно коснувшись лезвия, лишилась усика.

— Ты, мальчик, не плачь, — сказал магистр. — Благодари судьбу, которая помогла тебе послужить большой науке.

Он занес руку с кинжалом.

Алиса шлепнула ладошкой по ковру, но этого можно было и не делать. Ковер уже сам взмыл в воздух и ринулся в сторону магистра.

Еще не успела опуститься злодейская рука с кинжалом, как сверху, словно с самих небес, прозвучал страшный голос:

— Остановись, магистр Прелати! Ты погибнешь, магистр Прелати!

Мальчик как будто ждал этого знака.

Он вырвался из рук опешивших стражников и бросился бежать к кустам.

— Ах, ты явился, дьявол! — воскликнул магистр Прелати.

Он совсем не испугался, не упал на колени, как остальные, и не стал молиться, как несчастный запуганный студент-практикант. Может, он ждал, что вот-вот появится дьявол?

Магистр побежал следом за мальчиком.

— Остановись, несчастный! — повторил дьявол.

Конечно, вы уже поняли, что это говорила Алиса.

— Помолчи, дьявол! — ответил магистр. — То ты мне угрожаешь, то мешаешь работать. Мы же с тобой одного поля помидоры.

И тут не удержался ковер-самолет. Ему бы помолчать, но разве остановишь коврик, если он услышал ошибку.

— Что ты несешь, магистр? — возмутился он. — Помидоры еще не открыты. Их Колумб из Америки привезет.

— Это еще что за чертенок такой? — удивился магистр. — А ну, явись пред мои строгие очи, я с тобой побеседую!

— Не связывайся с ним, — прошептала ковру Алиса. — Давай мальчику поможем.

Ковер с ней согласился и полетел к кустам, куда убежал мальчик. Все было бы хорошо, но этот магистр Прелати оказался ужасно упрямым и не отставал.

Тогда Алиса нажала на угол ковра.

— Не может быть, — проговорила она совсем тихо, — чтобы мы с тобой его не пугнули.

— Пугнем! — ответил ковер. — Держись!

И он понесся к земле, как пикирующий бомбардировщик.

Он пронесся над самой головой магистра, так что тот потерял равновесие и грохнулся на траву.

— Дьявол! — закричал он вслед ковру, снова взмывшему к небесам. — Я буду на тебя жаловаться! Ты не представляешь, какие у меня в аду связи! Я самого доктора Вельзевула знаю. У меня половина верховного совета дьяволов в кармане. Тебя быстренько в рай выкинут!

— Каков наглец! — поразился ковер. Но конечно же магистр этих слов не услышал, потому что ковер снизился у леса, где спрятался мальчик.

— Эй! — по-французски позвала Алиса. — Не бойся, мы — твои друзья. Мы тебя отсюда увезем.

Алиса спрыгнула с ковра и подбежала к мальчику, чтобы он увидел ее и не так боялся.

— Ты дьявол или девочка? — недоверчиво спросил мальчик.

— Не теряй времени!

— Если ты дьявол, как говорит господин магистр, то лучше уж пускай он меня убьет.

— Вот тебе моя рука, — сказала Алиса.

Сквозь кусты уже ломился магистр Прелати.

— Выбора у тебя нет, — вмешался ковер. — Нам не поверишь, магистр тебя поймает. От магистра убежишь — тебя волки в лесу загрызут.

Может быть, мальчик и не послушался бы Алису, но тут в лесу раздался такой страшный вой, что он сам вспрыгнул на ковер, и тот сразу взмыл в небо.

Магистр Прелати кричал снизу:

— Вы у меня за это ответите! Я до Вельзевула дойду!

Тут снова взвыли волки, и магистр с проклятиями побежал обратно.

— Теперь куда? — спросил ковер.

— Я домой хочу, — сказал мальчик.

— А где твой дом? — спросила Алиса.

— Мой дом далеко, в деревне Бонсуар. Я там живу с мамой и двумя сестричками.

— Как же ты сюда попал?

— Меня цыгане украли, — заплакал мальчик, — и продали магистру Прелати.

— Ты хоть можешь показать, где твоя деревня? — спросила Алиса.

— Это очень красивая деревня, — сказал мальчик и снова принялся реветь.

— Все, — сказал ковер. — Мне это надоело. Никуда я больше в такую темень не полечу. Опускаемся вон на той полянке и спим до рассвета.

— А волки? — спросил мальчик.

— А с волками, если понадобится, я сам поговорю, — пообещал ковер.

Они опустились на траву, ковер обмотал собой мальчика и Алису, и довольно скоро они все заснули.

Магистр Прелати их не нашел, волки не съели, черти не беспокоили.

Ночь прошла быстро, занялся рассвет. Солнце поднялось над вершинами деревьев и ударило в глаза, зажужжали пчелы, застрекотали кузнечики, запели птицы.

Ковер развернулся и улегся на траве, чтобы понежиться под солнцем. Мальчик стал прыгать на нем и задавать вопросы: он в жизни не видел говорящего да еще и летающего коврика. Ковер не выспался, поэтому разговаривал еле-еле.

Алиса отвела мальчика к речке, чтобы умыться, но он не привык мыться, кричал, что вода слишком холодная, он простудится и помрет от лихорадки. Потом потребовал завтрак, но завтрака у Алисы не было. Она сама с удовольствием слопала бы батон и выпила бы кружку сладкого чая.

Когда мальчик узнал, что его не накормят, он взобрался на ковер и крикнул:

— Полетели-полетели, я дорогу покажу.

— А найдешь ли?

— Чего ж не найти? Сверху все видно.

Он показал, в какую сторону лететь.

Сначала ковер пролетел над старинным замком с высокой центральной башней — донжоном. За замком толпились домики небольшой деревни.

— Там слуги сеньора де Рэ живут, — пояснил мальчик.

— Так это его замок?

— А чего мне врать-то? Сам живет, дракона своего держит. Иначе на что бы ему деньги понадобились.

— Расскажи мне, пожалуйста, — попросила Алиса. Мальчик оказался сообразительным, хотя и маленьким.

— Я вчера весь день в подвале просидел, — рассказал он. — Ждал, пока меня убивать поведут. И многое услыхал.

— Расскажи нам, — сказал ковер.

— Расскажу, если ты вон туда повернешь, — показал рукой малыш.

Когда он убедился, что ковер его послушался, то продолжал:

— У этого злющего герцога, который в замке живет, есть дракон. Самый настоящий дракон. Об этом все знают. И кушает этот дракон только молодых теток. Вот герцог и женится. Как увидит девушку, сразу женится и волочит свою жену в подвал к дракону.

— А зачем ему дракон? — спросила Алиса.

— Ну как можно спрашивать? — удивился мальчик. — Кому дракон не нужен? Да никто на герцога и напасть не посмеет, если у него дракон есть. А у герцога врагов — ой-ой-ой! Все знают! Его король и епископ хотят разорить и замок его отобрать. Наверное, так и будет. Теперь уже никто из девушек герцогиней стать не хочет и замуж за него не идет. Пойдешь, а тебя дракону скормят — тебе бы это понравилось?

— Нет, не понравилось бы, — согласилась Алиса.

— Вот дракон и голодает. И денег герцогу никто не платит. Он из другой страны вызвал к себе магистра Прелати, который умеет золото добывать. Чертей вызывает, колдует. Только трудно ему без крови невинных младенцев. А я вот и

есть невинный младенец. Рад познакомиться — Жан Рыжий из деревни Бонсуар. Из меня хотели кровушку выпустить, только я им не дался! Я как выхвачу меч — им головы порубил и домой возвращаюсь! А ты, ковер, не отвлекайся, а то мою деревню пропустишь. Видишь внизу озеро, а на берегу дома? Это и есть моя деревня.

Ковер опустился у крайнего дома.

Жан спрыгнул с ковра и помчался к дому. Ему навстречу выбежала молодая женщина.

— Жан! — кричала она. — Ты живой! Какое счастье!

Мальчик на бегу обернулся и крикнул Алисе:

— Если что нужно — помощь или еще чего, — не стесняйся, заходи!

Глава тринадцатая

ЗАМОК ГЕРЦОГА

— Куда теперь? — спросил ковер.

— Смотреть на дракона, — ответила Алиса. — В этом наша задача. Если найдем драконозавра, то отыщем и Магдалину. Так что — в путь!

— В путь! — воскликнул ковер. И они помчались к замку герцога. Замок как замок. Ворота открыты. Алиса оставила ковер в кустах, а сама, не спеша, пошла к подъемному мосту.

У ворот стоял стражник в латах и шлеме.

— Эй! — крикнул он. — В замок не позволено.

— Мне нужно видеть герцога де Рэ.

— И зачем же тебе, пигалица, нужно видеть нашего герцога?

Охранник подкрутил усы правой рукой, а левой наставил на Алису алебарду.

— Вы левша? — вежливо спросила Алиса.

— Эх, и не говори, — вздохнул стражник.

— И в школе вам за это влетало?

— Из второго класса вышибли, — признался стражник.

— А в мое время, — сказала Алиса, — все равно, какой рукой писать. Никто и внимания не обратит.

— Не скажи, — возразил стражник. — Левой рукой дьявол писал. Я поэтому, как меня из школы выгнали, ни разу ни слова не написал. Жить-то хочется.

— А хозяин дома? — спросила Алиса.

— Думаю, еще почивает, — сказал стражник. — Если не секрет, ты чего к нам пришла?

Стражник уже говорил с Алисой, как со старой знакомой. Очень важно вовремя посочувствовать человеку.

— У меня к герцогу срочное дело, — сказала Алиса.

— Тогда я тебе подскажу. Если с герцогом будешь говорить, ничего не бойся. Герцог — бывший маршал, он смелых любит. А вот магистра Прелати опасайся. Безжалостный человек. Все норовит младенца невинного загубить, его кровью дьявола приманить и золота раздобыть.

— Зачем же ему золото?

— Ох, — вздохнул стражник, — не могу я тебе герцогскую тайну раскрыть. Так что проходи и сама спрашивай.

— Спасибо.

Алиса пошла в замок, но тут стражник ей вслед сказал:

— Если захочет на тебе жениться, не соглашайся. Печальна судьба жен Синей Бороды. Вся Франция об этом наслышана.

Алиса пересекла замощенный булыжником двор и вошла в центральную башню. Еще не хватало ей Синей Бороды. Но ведь герцога зовут де Рэ?

Представляете, возвращаешься в школу, учительница спрашивает, готова ли ты к контрольной, а ты отвечаешь: простите, я была очень занята, ночной бал в замке, потом хрустальный башмачок искали, а тут еще вампир из соседнего леса заглянул.

Что ж, ваша воля смеяться, Каролина Павловна. Кстати, меня скоро скормят дракону, если я решусь стать женой Синей Бороды.

Тут Алиса расхохоталась и не заметила, как уже очутилась в нижнем зале башни, где располагалась герцогская столовая.

Алиса сразу угадала герцога. Он был большой, толстый и чернобородый, с массивным красным носом и черными вы-

пуклыми глазами. Конечно, герцог выглядел страшновато, но нельзя сказать, что был очень злобным.

За длинным столом сидела еще женщина, но Алиса не успела ее разглядеть, потому что при звуке Алисиного смеха толстый герцог вскочил на ноги и кинулся к ней с криком:

— Кто тебя пропустил? Как ты смеешь?

Он налетел на Алису, словно ураган, и вытолкал ее животом из комнаты.

И там сразу успокоился.

— Ты кто? — спросил он уже другим голосом.

— Алиса.

— Что здесь делаешь?

— Пришла к вам по делу.

— Крестьян и нищих я принимаю завтра, после обеда, — сказал герцог. — Вот тогда и приходи. И вообще — это безобразие! Я кормлю целую роту бездельников, и никакой охраны нет! Всех удавлю, разгоню и уволю!

— В воротах стоял стражник, — сказала Алиса. — Очень приятный дядечка.

— А вот приятных стражников быть не должно. Стражник обязан быть грубияном, хамом и мерзавцем. За это ему и деньги платят. Ну, чего ты не уходишь?

— Я ненадолго, — сказала Алиса.

— Ладно, проходи, — смягчился герцог. — Рассказывай. Только коротко.

Алиса прошла в комнату и увидела, что женщины за столом уже нет. Тарелка стоит, хлеб рядом лежит, а за столом никого.

— Ты попрошайка? — спросил герцог.

— Нет, я заграничная принцесса.

Алиса не придумала, она сказала чистую правду. Она и в самом деле была заграничной принцессой, только не на Земле, а на планете Пенелопа. Правда, это было давно, еще в прошлом году.

— Что-то не похожа ты на принцессу, — усомнился герцог.

— А на попрошайку?

— На попрошайку тоже не похожа, — согласился герцог. — Голодная?

— Нет, спасибо.

— И говоришь по-благородному, — сказал герцог.

— Такие уж учителя мне достались, — сказала Алиса. Она имела в виду компьютер-учитель, но вряд ли герцог видел в жизни хоть один компьютер.

Герцог сел за стол, Алиса уселась напротив.

«Если это была его жена, — подумала Алиса, — почему она убежала?»

— Скажите, это правда, что вас прозвали...

— Синяя Борода! — взревел герцог. — Еще вопросы есть?

— Скажите, пожалуйста, — спросила Алиса, — правда ли, что у вас в замке живет дракон?

— Это кто тебе сказал?

— Все говорят.

Герцог вздохнул, почесал нос и сказал:

— Ну, если все говорят, то так и есть. Народ ведь врать не будет?

— Конечно. А какой он?

— Странно, — сказал герцог и взял с блюда баранью ногу. — Приходит ко мне девочка, называет себя принцессой и хочет узнать что-то про дракона. Да обыкновенная девочка при одном слове «дракон» в кусты убегает!

— Может, вы мне все же его покажете? — спросила Алиса.

— С ума сойти! — Герцог принялся бить себя в широкую грудь кулаками. — Дракона ей покажи! А если он тебя сожрет, проглотит, разжует и выплюнет?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я драконов не очень боюсь. Немало я их навидалась, и, как правило, все это выдумки.

— Как так выдумки?

— Боюсь, что драконов в наши дни не существует. Их выдумали, — сказала Алиса. — У меня есть опыт, я много путешествовала...

— Ну и пигалица! — обрадовался герцог. — Ну и выдумщица! Да если драконов нет, то, может быть, и волшебников нету? И вампиров? И оборотней?

— Извините, герцог, — сказала Алиса. — Это не очень

простой вопрос. Вообще-то их нигде нет, но есть места, где они есть.

— Замечательный ответ! С одной стороны — нету, а с другой — есть! Тогда какого же дракона ты разыскиваешь?

— Честно говоря, господин герцог, — сказала Алиса, — я ищу одну девушку, которая унесла из мезозойской эры яйцо динозавра, но потом пропала. И я подумала, что из яйца вывелся динозавр. Но ведь в вашем времени никто не знает, что раньше на Земле жили динозавры. Значит, если он здесь появится, все будут думать, что это дракон.

— Красиво говоришь, но похоже, что ты рехнулась, — вздохнул герцог.

И тут в комнату вошел магистр Прелати.

Алиса смогла в первый раз толком разглядеть его.

Очень противный человек — настоящий Кощей Бессмертный, высох от ненависти к людям и жадности к золоту, даже глаза провалились — никогда не увидишь, какого они цвета.

— Доброе утро, герцог, — проскрипел Прелати. — Я всю ночь провел в важных опытах, поэтому не смог встать вовремя.

— Ну и спал бы дальше, — проворчал герцог. Алисе показалось, что он не слишком любит магистра.

Магистр посмотрел на Алису. Ее появление его явно удивило.

— Это еще кто? — спросил он.

— Невежливо, мой друг, невежливо, — укоризненно сказал герцог. — Если вы видите за моим столом молодую особу, то уважение ко мне, хозяину дома, требует уважения и к моей гостье. Я понятно излагаю?

— Извините, — прохрипел магистр, — но я так устаю на вашей службе...

Он провел рукой по лбу, словно отгоняя муху или грустную мысль.

— Ну тогда садитесь, магистр, — пригласил герцог, — выпейте чашечку чая.

— Я предпочел бы бокал доброго вина, — сказал магистр.

Герцог подвинул магистру кувшин, и Прелати уселся рядом с Алисой. Он налил себе вина, а герцог спросил:

— Ну и что нового? Добился чего-нибудь ночью?

— Этой ночью мне удалось вызвать дьявола, довольно крупного дьявола. Но удержать его я не смог.

— Почему же?

— И среди дьяволов бывают негодяи, — сказал магистр. — Стараешься, колдуешь, все силы кладешь, а тут какой-нибудь чертенок вмешается — и мои усилия идут прахом.

— Значит, плохо колдуешь, — сказал герцог. — Ты у меня уже второй месяц, а что-то ни кусочка золота я от тебя не дождался. Где золото? Я плачу тебе, как князю! Мне нужны деньги! Ну что тебе еще дать?

— Мне нужны невинные младенцы, — зловещим голосом произнес магистр Прелати. — Мне нужна их кровь! Дьявол отдаст золото только за кровь!

— Ах, оставь! — махнул рукой герцог. — Даже и мечтать об этом не смей. Ты что, хочешь мою бессмертную душу загубить? Я тебе овец дал, кроликов, корову...

— Мало, мало! Мне нужен младенец.

— Нет!

— Тогда результат я не гарантирую, — сказал Прелати и налил вина в большой бокал.

Алисе он очень не нравился. И хотя обычно она никогда не ябедничает, такого гадкого магистра она жалеть не стала.

— Он говорит неправду, — сказала Алиса. — Вчера он хотел зарезать мальчика Жана из деревни Бонсуар.

— Клевета! — завопил магистр.

— Больше того, — продолжала Алиса, — он говорил всем, что это ваш приказ!

— Что-о-о?! — взревел герцог, вскочил, выхватил из ножен меч и замахнулся.

Магистр со всех ног кинулся к двери, остановился и громко сказал:

— Это не девочка! Это и есть дьявол, который украл у меня мальчика. Украл и сорвал колдовство. Гоните эту девчонку, иначе она вас погубит!

Магистр выбежал из башни, а герцог обратил свое красное гневное лицо к Алисе.

— Что он такое говорит?

— Только не вздумайте ему поверить, герцог! — сказала Алиса. — Неужели вы не можете сами отличить дьявола от девочки?

— Могу, — твердо сказал герцог. — А ты уверена, что он до младенцев добрался?

— Одного я вчера ночью еле спасла от него.

— Значит, ты все же там была?

— Еще как была! Мальчик сам убежал, но я помогла ему скрыться в лесу.

— Все! — сказал герцог. — Больше этот магистр у меня не работает.

Портьера в углу комнаты отодвинулась, и женский голос произнес:

— Он еще вас оклевещет, мой друг. Он станет свидетельствовать против вас, если вас обвинят в черной магии, а сам-то он выпутается.

Из-за портьеры вышла красивая молодая женщина и подошла к столу.

— Простите, герцог, — сказала она, — но я не хочу оставаться без завтрака из-за того, что у вас много гостей.

Женщина была одета в кожаные штаны, кожаную куртку и коротко пострижена. Совсем не похожа на других женщин пятнадцатого века.

Лицо у нее было открытое, четкое, с большим лбом, соболиными бровями и зелеными ясными глазами.

Она уселась за стол.

— Простите, госпожа моя, — сказал герцог, — но вы же знаете, как трудно сохранить тайну.

Молодая женщина положила себе кусок холодного мяса и спросила Алису:

— Значит, ты ищешь дракона?

— Вот именно. Вы слышали, как я рассказывала?

— Я не могла не слышать.

— Мне сказали, что в подвалах замка герцога де Рэ живет страшный дракон.

— И чем же мы его кормим? — улыбнулась молодая женщина.

— Вы его кормите женами Синей Бороды, — выпалила Алиса.

Она поняла, как невежливо прозвучали ее слова, и добавила:

— Это, конечно, сплетни, так люди рассказывают. Но сама я в такую чепуху не верю.

— А почему не веришь? — удивился герцог. — Я эти слухи сам распространяю. Мне нужно, чтобы люди сюда не совались и не задавали лишних вопросов. Пускай они думают, что я чудовище, пускай сотни лет рассказывают обо мне страшные сказки, но я должен сохранить в тайне жизнь вот этой особы.

И толстый герцог кивнул в сторону молодой женщины.

— Другими словами, — сказала женщина, — я и есть дракон.

— Вы?

— Как только поешь, я тебе покажу мое логово.

— Может, не стоит ее вести в подвал? — спросил герцог.

— А мне нравится эта смелая девочка, — ответила молодая женщина. — Я сама такой была. Как тебя зовут?

— Алиса.

Вскоре они встали из-за стола, и молодая женщина повела Алису в подвал. Герцог с ними не пошел, сказал, что будет заниматься хозяйством.

Когда они вышли из башни, женщина сказала:

— Он сейчас пойдет выяснять, правда ли, что магистр — преступник. Ему тяжело с этим смириться — очень деньги нужны.

Несколько ступенек вели вниз. На массивной дубовой двери, окованной железными полосами, была прибита медная доска. Она гласила:

«ОСТОРОЖНО! ЗЛОЙ ДРАКОН!»

А рядом на стене был нарисован зеленый дракон.

— Нагни голову, — сказала молодая женщина. — Этим дуракам невдомек, что через такую маленькую дверь не то что дракон — коза не пройдет.

Глава четырнадцатая

ТАЙНЫЙ ДРУГ ГЕРЦОГА

Алиса со своей спутницей спустились по каменной лестнице на целый этаж и оказались в низком круглом зале, который освещался тремя факелами.

На стене висел портрет Синей Бороды, страшненький и не очень похожий — только по бороде и узнаешь.

В портрет были воткнуты восемь кинжалов. Эта картина показалась Алисе очень знакомой.

— Что это такое? — спросила Алиса.

— Ничего особенного, — ответила молодая женщина. — Просто восемь несчастных жен Синей Бороды перед смертью кололи кинжалами портрет своего мучителя.

— Но это же неправда? — спросила Алиса.

— Конечно, неправда. Потому что это я сама так изувечила портрет моего друга герцога. На всякий случай. Вдруг какой-нибудь дурак сюда проберется, увидит портрет и придет в ужас.

Молодая женщина прошла в соседнюю комнату, которая оказалась небольшой спальней. Там стояли два кресла и кровать, покрытая шкурами. На полу лежал потертый ковер, который, как двоюродный брат, походил на Алисин ковер-самолет.

— Садись, — предложила молодая женщина.

— А где же дракон? — спросила Алиса. У нее оставалась слабая надежда, что этажом ниже все же мается чудовище.

— Да я же тебе сказала! Дракон придуман для того, чтобы сюда не совались ненужные люди.

— Но почему?

— А потому, что мой старый друг уже много лет прячет меня от епископов и инквизиции.

— Кто же вы такая, что вас надо прятать?

— Может быть, ты обо мне слышала, — грустно сказала молодая женщина. — Зовут меня Жанной, родилась я в деревне и была самой обыкновенной деревенской девочкой, правда, любила скакать верхом и сражалась с мальчишками на палках.

— Вы — Жанна д'Арк?

— А ты откуда обо мне знаешь? — удивилась Жанна.

— Я про вас в школе учила, — ответила Алиса. — Я вас с самого детства уважаю. Вы взяли коня, надели латы и поскакали спасать свою любимую Францию, которую уже почти завоевали англичане. Со всех сторон к вам собирались помощники. Вскоре вы уже командовали целой армией и в нескольких сражениях разгромили английское войско.

— Именно так, — сказала Жанна. — Я никогда не думала, что обо мне кто-то помнит. Ты далеко отсюда живешь?

— В Москве, — честно призналась Алиса, но Жанна не знала, где находится такой город.

Алиса не стала объяснять, что между ними пролегли не только много километров, но и сотни лет — все равно Жанна не поймет. А то еще испугается.

— Я запомню это княжество, — сказала Жанна. — И обязательно приеду к тебе в гости, как только смогу.

— Хотите, я еще о вас расскажу? — спросила Алиса.

— Рассказывай, мне очень интересно.

— Жанна была очень скромной и уверяла, что ничего сама не делает, а ей помогает ангел.

— Святой Михаил, — подсказала Жанна.

— Но в действительности она все делала сама. Даже уговорила Карла, наследного принца Франции, короноваться в Реймсе, где и положено короноваться французским королям. Жанна с Карлом пробились в Реймс, и там он стал королем Франции.

— А в одном бою мы познакомились с герцогом, — тихо сказала Жанна. — Он был маршалом французской армии и замечательным рыцарем. Мы с ним подружились и всегда шли в бой рядом. Только теперь об этом никто не хочет вспоминать.

— А я знаю почему, — сказала Алиса. — И если вы мне позволите, то я вам скажу.

— Жду с нетерпением, — улыбнулась Жанна.

— Потому что, когда Карл стал королем и англичане были разбиты, у вас оказалось много врагов. Завистники стали

кричать на всех углах, что вы ведьма. Правильно я рассказываю?

— Более-менее правильно, — печально вздохнула Жанна.

— В одном из боев вас заманили в ловушку, захватили в плен и отвезли в английские владения. И там вас судили как ведьму.

— И я ничего не могла им доказать, потому что они заранее знали, что меня надо приговорить к смерти.

— Милая Жанна! — сказала Алиса. — Если бы вы знали, как я вас жалела, особенно когда узнала, что король Франции, которому вы добыли трон и вернули все королевство, даже и пальцем не пошевельнул, чтобы вас освободить.

— Да, — сказала Жанна. — Поэтому никто не удивился, что меня признали злобной ведьмой и живьем сожгли на костре.

— Ой, как это ужасно! Я, когда читала о вас, чуть с ума не сошла от горя! — Алиса посмотрела на Жанну и удивленно спросила: — Но ведь вы живы? Вы же не привидение?

— У каждого человека должны быть друзья. Без друзей человек — ничто. И у меня был друг.

— Маршал де Рэ?

— Умница! Именно он. Когда герцог узнал, что меня предали и приговорили к смерти, он собрал все свои богатства и помчался к судьям. Он успел в самый последний день и подкупил тюремщиков, потратив на это половину своего состояния. Вместо меня сожгли большую куклу, на которую напялили мою одежду.

— И вы убежали?

— Маршал... то есть герцог увез меня в этот замок и спрятал здесь. Но ведь весь мир думает, что я погибла на костре. Если выяснится, что я жива, то сразу найдутся враги, которые объявят меня ведьмой и сожгут.

— Какой ужас! — сказала Алиса. — Придется вам к нам перебираться.

— Куда к вам? — печально спросила Жанна.

— В Москву. У нас уже пират Сильвер с попугаем живут. И очень довольны. Их спасли от смерти.

— Ни в какой Москве мне не скрыться. Инквизиция меня и там найдет. А еще я боюсь магистра Прелати. Он страшный человек.

— Жанна, а зачем он здесь?

— В этом тоже я виновата, — сказала Жанна. — Ведь у герцога из-за меня остались одни долги. Многие друзья, которые знали о нашей с ним дружбе, от него отвернулись. Жена и брат отсудили у него почти все земли и замки. Вот мой друг и не придумал ничего лучше, чем пригласить из Италии магистра белой и черной магии, астролога и алхимика Прелати. Уж я его умоляла, упрашивала: не приглашай ты этого жулика. Добром это не кончится. А герцог...

И тут ее прервал бас герцога:

— А я сказал: не к лицу герцогам де Рэ пресмыкаться перед властями и просить милостыню!

— Ах, герцог! — прошептала Жанна. — Я прошу вас, умоляю, выпустите меня из замка, отдайте судьям! Пускай меня повесят. Вы подвергаете себя страшной угрозе!

— Пусть только попробуют мне пригрозить!

— Герцог!

— Хватит об этом! Алиса, ты убедилась, что я не убиваю своих жен и не прячу в подвалах дракона?

— В этом я убедилась, — сказала Алиса, — но я совершенно согласна с Жанной.

— В чем же ты согласна, пигалица?

— В том, что вы должны немедленно прогнать этого магистра! Если он хочет убивать детей, то никакой он не ученый!

— Не беспокойся, — отмахнулся герцог. — Я уже пригрозил ему, а магистр дал мне слово, что ни одного младенца он не зарежет.

— Неужели вы ему верите, герцог? — воскликнула Жанна. — Я его боюсь!

— Ты меня удивляешь, Орлеанская дева, — сказал герцог.

Он назвал Жанну так, как ее стали называть во Франции после того, как она победила английскую армию под городом Орлеаном.

— Ты меня удивляешь, — повторил герцог. — Всего несколько лет назад ты ничего не боялась и первой кидалась в

бой. А сейчас ты дрожишь перед каким-то ничтожеством, которого я привез из Италии.

— Я уже не та Жанна, — вздохнула молодая женщина. — Та сгорела на костре.

— Я спас тебя!

— Ты спас, но те, ради которых я шла в битву, ради которых я сражалась, как рыцарь, меня предали. Им я оказалась не нужна.

— Так часто бывает в жизни, — сказал герцог. — Пока ты нужна, они держат твое стремя и кланяются тебе в пояс, а когда ты все для них сделала, то тебя лучше забыть.

— Правильно, — сказала Алиса. — На прошлой неделе я дала Пашке Гераскину контрольную по математике у меня сдуть. Он сказал, что я — его лучший друг и что он готов ради меня прыгнуть с десятого этажа. А когда списал, то убежал домой и до сих пор мне ракетку для бадминтона не вернул.

— Вот видишь, — сказал герцог. — Устами младенца глаголет истина. Не жди благодарности от людей.

— Тогда и вы, герцог, не ждите благодарности от этого низкого Прелати. Пока ему выгодно жить в замке, он будет обжираться, спать и делать, что захочет. Но не дай бог, если ваши враги заплатят ему больше. Я не удивлюсь, если он сообщит им, как вы убиваете невинных младенцев и пьете их кровь.

— Ну уж обо мне, маршале Франции, знаменитом полководце, никто так не подумает.

— Подумают, — сказала Алиса. — Уже многие думают. По крайней мере, все знают, что вы убили восемь своих жен.

— Но у меня была только одна жена, и та меня покинула!

— Неважно. Все знают, что вы — убийца, а некоторые думают, что вы держите дракона и кормите его женщинами.

— Но ведь эту сказку я сам придумал, чтобы к Жанне никто не сунулся.

— А жаль, — огорчилась Алиса. — Я так рассчитывала, что это правда.

Герцог посмотрел на Алису, расчесал пальцами черную, как у Бармалея, бороду и сказал:

— Пошли чай пить. И эта девчонка, которая забралась к нам в замок, ничего не боится и еще учит старших жить,

должна будет рассказать всю правду о том, зачем ей понадобился дракон. Нет, вы подумайте: девочка ищет дракона!

Он расхохотался, и они отправились на кухню, где никого не было. И там Жанна сама приготовила им чай с печеньем. А герцог показал Алисе на пустые полки и сказал:

— Вот до чего обеднел! Слуги разбежались, а крупа кончилась. — Но тут же добавил: — Я Жанну ни в чем не виню. Пускай она живет у меня хоть до конца своих дней. Не могу же я допустить, чтобы французы убили собственную великую героиню. Все равно придется со временем ей памятники воздвигать.

— Ах, оставьте, герцог! — смутилась Орлеанская дева.

— Герцог прав, — согласилась Алиса. — В Москве вам памятника нет, потому что у нас своих великих людей не считано — целое море, но вот в Париже памятник наверняка есть. Я даже где-то картинку видела.

— Ты откуда про будущее знаешь? — строго спросил герцог. — Может, ты колдунья? Так мы с колдуньями строго!

— Чудо! — засмеялась Жанна. — Значит, мне можно быть колдуньей...

— Ну какая же ты колдунья!

— А Прелати у тебя с дьяволом разговаривает...

— Но мне же деньги нужны!

— А девочку зачем пугаешь?

— Вот такой я отсталый! Живем в глуши, в новых веяниях и модах не разбираемся, — проворчал герцог. — Даже не знаем, почему дети ищут драконов.

— Ну я же вам сказала: моя подруга взяла яйцо дракона и, наверное, заблудилась. Сама она небольшого роста, ее могут и не заметить, а дракона сразу заметят.

— А почему ты решила, что он здесь живет? — спросила Жанна.

— Я так не решила. Просто я знала, что моя подруга пропала в вашем времени.

— Как так в нашем времени? — удивился герцог. — Разве бывают другие времена?

— Еще как бывают. В вашем времени Жанну д'Арк на костре жгут, а в нашем ей памятники ставят.

— Значит, кого-то другого на костре жгут, — заметил герцог. Он был очень упрямым.

— Сначала я отправилась на Русь...

— Куда?

— Это страна далеко на Востоке.

— Где татары?

— Народ там называется «русские».

— Слышал, — сказал герцог. — Они с татарами воевали. И кто-то кого-то победил. Теперь они с Европой сырьем торгуют.

— Что такое «сырье»? — не поняла Жанна.

— Сырье — это то, что сырое. Не вареное, не готовое, — объяснил герцог. — Русские продают нам воск, дрова, мед, орехи. А берут у нас всякие культурные вещи. Это очень богатая страна, но порядка в ней никогда не было.

Алиса улыбнулась: герцог совершенно не разбирался ни в истории, ни в географии. Ну что с него возьмешь — он же средневековый!

— Из России я поехала в Польшу, — сказала Алиса. — Мне сказали, что дракон есть в Кракове.

— Значит, в России не нашла?

— Того, который мне нужен, не нашла.

— И в Кракове?

— И в Кракове не тот дракон оказался.

— А потом?

— Потом я побывала в Италии.

— И безуспешно, — предположил герцог.

— И безуспешно, — согласилась Алиса. — И вот я у вас.

Тут герцог схватил Алису своими могучими ручищами, поднял в воздух и поцеловал.

— Я тебя уважаю, — сказал герцог. — Потому что ты ради подруги пошла на такие приключения. Ты похожа на меня, и, если хочешь, я тебя удочерю.

— Спасибо, у меня уже есть неплохие родители, — отказалась Алиса.

— Если вернешься, ты хоть рассказывай людям, что герцог Синяя Борода — не такой изверг, как о нем думают.

— Это я вам обещаю.

Глава пятнадцатая

ПРЕДАТЕЛЬ ПРЕЛАТИ

Герцог встал из-за стола, подошел к длинной, во всю стену, плите, в которой давным-давно погас огонь. На плите стояли кастрюли, котлы, сковородки и жаровни. Герцог выбрал большой медный таз — в таком Алисина симферопольская бабушка Лукреция варит варенье из белой черешни с лимонами, — отыскал поварешку и принялся бить в таз. Но он не просто молотил в него, а ударял особенным образом, словно по азбуке Морзе.

Отстучав, он снова уселся за стол допивать чай.

Тут в дверях кухни показались два старых солдата, одноглазый и одноногий.

— Привет, орлы! — сказал герцог.

Орлы поклонились и сказали, что рады стараться.

— Как живете? — спросил герцог.

— Бедствуем, — ответили орлы.

— Теперь все бедствуют, — согласился герцог. Он обернулся к Алисе и объяснил:

— Это мои ветераны. Во всех войнах и походах рядом со мной шагали. Страшной храбрости головорезы!

Ветераны покраснели от такой похвалы.

— Ветераны, — сказал герцог. — Ко мне приехала одна отважная дама из далекой страны. Она интересуется, нет ли в наших краях дракона? Только настоящего.

— Чтобы изо рта дым шел и огонь, — пояснила Алиса.

— Нет, — сказал один ветеран, — таких слухов не доносилось, а если и доносились, то вранье.

— А я бы так не сказал, — заметил второй ветеран. — Заходил тут к нам странник, просидел он много лет в английском плену, да вот освободился. И рассказывал он, что своими глазами видал в одном английском замке огнедышащего дракона.

— Прямо в замке?

— Сидит он в темнице, близко никого не подпускает и даже принцессу Магдалину в плену держит...

— Принцессу Магдалину? — воскликнула Алиса.

— Мне странник сказывал, что зовут ее Магдалиной, росточком она невелика, но держит себя настоящей принцессой. А мается-то как, просто жуть! Все ждет, когда святой Георгий или другой какой рыцарь на белом коне сможет ее освободить.

— Это она! — обрадовалась Алиса. — Я побежала в Англию!

— Да погоди ты! Надо тебе в дорогу собрать чего-нибудь, — остановил ее герцог.

— А я тебя провожу, — предложила Жанна. — Тем более что надоело мне в замке сидеть.

— Тебя я не отпущу, — сказал герцог. — Ты еще в Англию с Алисой сбежишь! А там тебя снова узнают и снова казнят.

— Не бойтесь, — сказала Жанна.

Ветераны поклонились и спросили, нужны ли они еще герцогу.

Герцог дал каждому по пакетику чая, извинился, что с деньгами у него временные трудности.

— А ты, батюшка, своего супостата и кровопийцу итальянского гони, — посоветовали ветераны. — Не доведет он тебя до добра.

Они повернулись и пошли прочь, но в дверях столкнулись с господином небольшого роста в блестящем лиловом плаще и красном берете, из-под которого посверкивали маленькие черные мышиные глазки.

— С дороги! — крикнул господин тонким голосом.

Следом за ним в кухню ввалилось несколько солдат.

— Ты арестован, преступник и кровопийца, герцог де Рэ! — провозгласил господин. — Я — судья герцогства Бретань!

— В чем я провинился? — спросил герцог и постарался спиной заслонить Жанну.

— Тебя обвиняют в том, что ты занимаешься черной магией, с каковой целью крадешь и убиваешь невинных младенцев, а также скрываешь в подвале своего замка огнедышащего дракона. Кроме того, по показаниям родственников, ты убил восемь жен и отдал их на съедение дракону. Этих обвинений достаточно, чтобы сжечь тебя на костре!

— Где у тебя доказательства, судья? — спросил герцог. — Где твои свидетели?

— У меня все найдется, — сказал судья. — На этот раз тебе не отвертеться.

В кухне было не очень светло, свет проникал в нее через узкие, словно бойницы, окошки под сводчатым потолком, поэтому судья не заметил, как герцог чуть повернул голову к Жанне и прошептал:

— Бегите через черный ход. Ждите меня наверху.

И тут же, чтобы отвлечь внимание судьи и стражников, он кинулся к ним и громовым голосом закричал:

— Как вы смеете врываться в замок герцога королевства, маршала его величества? Да я вас в порошок сотру! Вы забыли, как бегали от меня, судейские крысы?

От неожиданности судья и стражники отпрянули к дверям, а Жанна, схватив Алису за руку, пригнулась и кинулась к задней дверце, что вела в подвал. Там когда-то хранились бутылки и бочки с вином, но вино кончилось, и деревянные затычки от пустых бочек валялись на пыльном полу, а бутылок и след простыл.

Алиса с Жанной пробежали через винный погреб, а оттуда по узкой винтовой лестнице поднялись на самый верх башни, где была небольшая круглая комната. Там стоял старый продавленный диван, две табуретки и трехногий стол.

Жанна подбежала к бойнице, стала смотреть вниз, но ничего не увидела и кинулась к другой бойнице.

— Я так боюсь, — сказала она. — Они давно хотят герцога уничтожить. Почему же они не выходят?.. Вот они идут!

Алиса тоже подбежала к бойнице и посмотрела вниз на мощенный булыжником двор замка.

Герцог вышел первым и остановился. Он увидел, что в воротах вместо его человека уже стоят стражники судьи.

— Может, договоримся по-хорошему? — сказал он судье. — Как раньше?

— Не получится, — ответил судья. — Твоим делом, герцог, заинтересовалась святая инквизиция. Черная магия и

убитые младенцы — это очень опасное и тяжелое преступление.

— Клянусь, что я ни одного младенца не обидел!

— А восемь жен кто убил? А дракона кто держит?

— Можете проверить!

— Нам не нужно проверять. Мы все заранее знаем, — сказал судья. — У нас свидетелей — сколько надо.

— Нет у вас свидетелей!

— Магистр Прелати! — позвал судья. Откуда-то, Алиса даже не поняла откуда, выскочил магистр Прелати. Он извивался, словно напуганная змея.

— Мальчик Жан из деревни Бонсуар! — крикнул судья.

Стражник втолкнул во двор мальчика, которого Алиса спасла прошедшей ночью.

— Вот этого мальчика сегодня ночью пытались убить, — сказал судья.

— Чепуха! — возмутился герцог.

— Мальчик, тебя хотели убить?

— Еще как! — воскликнул мальчик. — Еле сбежал от них. Спасибо, одна летучая ведьма помогла.

— Это я, — тихо сказала Жанне Алиса.

— И кто же тебя хотел убить?

— Вот этот! — Мальчик показал на магистра Прелати. — Он все кричал: «Дьявол, иди сюда! Дьявол, иди сюда!»

Стражники перепугались и стали креститься. Даже судья перекрестился.

— А теперь мы спросим второго свидетеля, — сказал судья. — Магистр Прелати, зачем вы сюда приехали?

— О, я есть иностранный подданный, — заявил магистр. — Я не есть понимай.

— Ну и хитрец, — прошептала Алиса. — А вчера говорил по-французски, как мы с тобой.

— Ничего, — сказал судья. — Если чего не поймешь, мы тебя на дыбу подвесим или иголки под ногти тебе забьем — сразу заговоришь.

— О да! Заговорю, — тут же согласился магистр. — Я должен сделать заявление. Я работаю для герцога де Рэ, где занимаюсь совершенно законными и мирными опытами: превращаю свинец в золото, а ртуть в серебро.

— С помощью дьявола? — с подозрением спросил судья.

— О, если бы дьявол мне помогал, — развел руками Прелати, — неужели бы я ходил в таком жалком халате и сидел бы в этом вонючем замке? Я бы находился при дворе его королевского величества!

— Но мальчик тебя узнал, — сказал судья.

— Еще бы не узнать, — сказал Прелати. — Этот злодей, герцог де Рэ, приказал мне срочно добыть золото любой ценой, и если для этого нужна кровь невинных младенцев, то он велел мне украсть или купить младенца и его убить. О, как я возражал! Как сопротивлялся! Но герцог сказал, что лишит меня — чик-чик! — моей умной головы. Я решил — о нет! Я спасу мальчика! Я убью кролика и скажу, что это его кровь — о да!

Судья обернулся к герцогу:

— Ну, что ты ответишь, герцог, на обвинения этого уважаемого профессора? Не будет же он врать?

— О нет, я не есть буду врать! — закричал магистр. — Я с детства говорить только чистая правда. Моя дорогая покойная мама так больно порола меня, если я врать или воровать.

— Вот видишь, — произнес судья, — человека пороли, а ты говоришь!

— Мне никуда не деться, — вздохнул герцог. — Меня обложили, как медведя в берлоге.

— Я вынужден отвезти тебя, герцог, в Париж или в Нант для следствия и пыток. Сам поедешь или вязать тебя?

— А может, все же сговоримся? — без всякой надежды спросил герцог.

Вдруг судья закричал:

— А ну — все со двора! Чтобы я здесь никого не видел!

Он потащил герцога за рукав в сторону, к сараю, и, когда убедился, что их никто не слышит, понизил голос и сказал:

— Есть одно условие. Выполнишь его — останешься на свободе со своими драконами, женами и младенцами, даже магистра твоего тебе оставим.

— Что за условие?

— Ты нам отдаешь ведьму по прозвищу Жанна из Орлеана, которую ты, по слухам, дошедшим до святой инквизи-

ции, скрываешь в своем замке уже много лет. Даже сам король Франции смущен этими слухами.

— Почему же?

— А потому, что мы готовимся объявить Жанну святой спасительницей Франции, которую коварно захватили в плен и замучили англичане, наши злейшие враги. Вот-вот начнем сооружать первый памятник в ее честь.

— В честь ведьмы?

— Не притворяйся, герцог. Тебе это не поможет. Жанна д'Арк только казалась ведьмой, а на самом деле была святой. А если окажется, что она жива и какой-то еретик и преступник не только утащил ее из рук правосудия, но и скрывает в своем замке, в каком положении окажутся его величество король, все герцоги, бароны и епископы? Что же они все делали, пока ты ее спасал? Так что будет лучше, если ты ее нам выдашь и мы ее осторожненько отправим на тот свет — давно пора! И начнем воздвигать ей памятники.

— Как обидно! — вздохнула Жанна д'Арк. — Пока я была живая и сражалась за этих людей, они меня терпели. Когда я победила, они меня убили, а теперь хотят убить снова, чтобы поставить мне памятник. Разве это справедливо?

— Совершенно несправедливо, — согласилась Алиса. — Наверное, они тебе завидовали.

— Подожди, герцог что-то говорит! — прервала Алису Жанна.

Они прислушались. Герцог говорил громко.

— Вы можете обыскать весь замок! — сказал он.

— Не беспокойся, герцог, мы обязательно это сделаем, — ответил судья.

— Но вы не найдете никакой Жанны. Жанна уже много лет как погибла... Хотя, впрочем, есть мнение, что она скрывается в Англии.

— В Англии! Ха-ха! — засмеялся судья. — Ее бы там давно поймали и разоблачили.

— Она переоделась, — сказал герцог.

Он говорил громко, четко произнося каждое слово, и Алиса поняла, что он пытается передать Жанне свой приказ.

— Мы полетим с тобой вместе, — сказала Алиса.

— Нет, я не покину герцога в беде! Он мой друг!

— Герцогу ты не поможешь, — сказала Алиса. — А если тебя здесь найдут, ему наверняка отрубят голову за то, что он не дал тебя казнить. Ты же взрослая, неужели не понимаешь?

— Понимаю.

— И у нас нет ни минуты.

— У нас нет ни минуты, — вздохнула Орлеанская дева.

— Смотри, судья уже собрал стражников и велит им обыскивать замок. Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Через подземный ход, — сказала Жанна. — В каждом настоящем замке есть подземный ход.

— Тогда побежали.

Жанна кинула последний взгляд на своего друга и повела Алису вниз по лестнице к тайной дверке за пыльным гобеленом в спальне герцога.

Они чуть не опоздали. Войдя в подземный ход, они сразу же услышали позади шаги и крики стражников.

Подземный ход был сырой, темный и такой низкий, что даже Алисе пришлось нагибаться.

Сверху капала ледяная вода, ноги скользили по грязи, из-под ног разбегались крысы, летучие мыши носились возле самых ушей. Алиса думала, что подземный ход никогда не кончится, как вдруг Жанна велела ей остановиться.

Звякнул металл, и Жанна откинула люк. Изнутри он был железным, а снаружи покрыт дерном и травой, как маленькая клумба.

Сразу стало так светло, что Алиса зажмурилась.

Жанна стояла, высунувшись из хода, и оглядывалась, как сурок, который выглянул из норки.

— Вроде бы сюда они не добрались, — сказала Жанна.

Она первой выскочила наружу, потом протянула Алисе руку, чтобы помочь ей выбраться.

Впереди стоял лес, сзади виднелся ров, а за ним возвышалась стена замка.

— Куда теперь? — спросила Жанна. — Я так давно не выбиралась из замка, что позабыла, где Лондон.

— Лондон за проливом Ла-Манш, — сказала Алиса.

— У тебя есть корабль?

— Нет, — ответила Алиса. — У меня есть самолет.

Глава шестнадцатая

МАРКИЗА И ЕЕ ДОЧЬ

Ковер-самолет был недоволен.

Он громко жаловался, что везти двух девиц тяжело, что он вот-вот порвется и рухнет, что в такую погоду хороший хозяин ковра на улицу не выгонит. Хотя погода была вполне сносная, ветреная, но притом солнечная, и если она кому-то не нравилась, то это Жанне. Она любила тепло и призналась Алисе:

— Я, даже когда в бой шла, обязательно под латы фуфайку надевала, чтобы не простудиться. Мамочка мне теплые фуфайки вязала и на войну привозила. Ты не представляешь, как фуфайки в бою рвутся — не напасешься!

И тут же Орлеанская дева начала переживать за герцога. А вдруг его стражники зарубили, а вдруг его в тюрьме пытают или уже на костер повели...

Тем временем французская земля кончилась, и ковер полетел над проливом Ла-Манш, отделяющим Францию от Англии. Пролив был такой широкий, что другого берега не видно. На воде виднелись разбросанные, словно семечки, рыбачьи лодки. Ковер ворчал, что не умеет плавать и, если упадет в воду, сразу утонет. Но тут впереди показалась стена белых скал. Жанна сказала, что это и есть Англия.

Долетев до берега, ковер повернул к северу, как велела карта Леонардо. Алиса решила опуститься в Лондоне, столице Англии. Она подумала, что там они смогут узнать о драконе.

Ковер-самолет пролетел над лесами и садами. И вот впереди показалась широкая река Темза, на берегах которой раскинулся большой город.

Они спустились неподалеку от города, на лужайке возле ручья, умылись, спрятали ковер в мешок и поспешили к Лондону, чтобы успеть к воротам до темноты. А то стучи не стучи — ни за что не откроют.

Но тут Алиса вспомнила, что они летели на запад. А Земля, как известно любому малышу, круглая. То есть если ты летишь на запад, то догоняешь Солнце. Когда на Камчатке

утро, в Москве еще только начинается ночь. И если ты вылетел из Бретани на ковре-самолете и несешься к Лондону, то через час полета окажешься в том же самом времени. В три часа дня вылетели и в три часа прилетели. Зато если лететь в обратном направлении, из Лондона в Москву, то полет получится очень долгим. Ты пролетишь три часа, а в Москве будет на шесть часов больше.

Алисе это, как и тебе, известно, а вот когда она сказала Жанне, что им повезло, раз они летели на запад, то Жанна посмотрела на нее удивленно и спросила:

— А почему нам повезло?

— Потому что Земля круглая и мы догоняли время.

— Что ты говоришь! — воскликнула Жанна. — Как так Земля круглая?

— Ты в школе училась?

— Кто будет учить в школе крестьянскую девочку? — улыбнулась Жанна. — Но наш кюре меня очень любил и научил читать и подписывать свое имя. Я ведь способная, ты же знаешь.

Они шли по дороге, кое-как замощенной брусчаткой. Порой их обгоняли повозки и всадники, навстречу медленно катили возы и телеги — наверное, базар кончился, и крестьяне разъезжались по деревням.

Солнце стояло в зените, иногда его закрывали пышные величавые облака, которые плыли по голубому небу, как парусные корабли по синему морю.

— Польский ученый Коперник, — сказала Алиса, — догадался, что Земля круглая и вертится вокруг Солнца.

— Ты с ума сошла, Алиса! Да тебя за такие жуткие речи на костре сожгут! — испугалась Жанна. — Если Земля круглая и вращается, то на чем она держится?

— А ни на чем, — ответила Алиса.

— Если ни на чем, — заметила Жанна, — то она упадет и мы все расшибемся! И ты, и я, и даже герцог!.. Ох, как он там? Он пожертвовал ради дружбы состоянием, честью, а теперь и самой жизнью!

— Ты погоди, — сказала Алиса. — Может, обойдется...

— Разве ты не знаешь, какие они жестокие! Им никого не жалко. И тебя им было бы не жалко. Хорошо еще, что я

тебя люблю и не сообщу о тебе судьям и священникам. Хотя, может быть, ты — слуга дьявола.

— Почему? — удивилась Алиса

— Потому что обыкновенная девочка не летала бы на коврах-самолетах и не говорила бы о таких отвратительных делах, как изобретение польского еретика. Как его зовут?

— Коперник.

— Значит, его уже сожгли.

— Не только не сожгли, — сказала Алиса, — но мы с тобой даже можем съездить к нему в Польшу.

— Ой! — Жанна даже зажмурилась от страха. — Только не это! Мне достаточно того, что меня саму на костре сожгли. Мне еще только слуги дьявола не хватало!

— Кстати, — сказала Алиса, — я забыла, в чем тебя обвиняли?

— Как — в чем? В том, что я — слуга дьявола.

— И все поверили?

— Но ведь это неправда! Ты же знаешь, что это клевета!

— Понятно. Когда тебя обвиняют, то это клевета, а когда меня, то это правда.

— Но я же никогда не говорила, что Земля круглая! — возмутилась Жанна.

— А я говорю! Скоро путешественник Магеллан на корабле проплывет вокруг Земли.

— И не упадет вниз?

— И не упадет вниз. Потому что его удержит сила тяготения.

— Ну ладно, — сказала Орлеанская дева. — Одного его эта твоя сила тяготения, может, и удержит. А целый океан как она удержит? Вот он и выльется на китов.

— На кого? — удивилась Алиса.

— На китов, которые волей Господа держат на своих спинах нашу несчастную Землю!

— Хоть ты и Орлеанская дева и даже посмертная героиня, — рассердилась Алиса, — но человек ты темный и необразованный.

— А что ей делать прикажете? — вдруг вмешался в разговор ковер-самолет, высунувшийся из мешка. — Ты подума-

ла, Алисочка, что Коперник еще не успел доказать, что Земля круглая?

— Почему? — Алиса удивилась, что ковер-самолет показывает свою образованность. Еще коврики всякие будут тебя учить!

— А какой сейчас год? Середина пятнадцатого века! Коперник, прости, еще только в школу ходит. А Магеллан уж точно не родился.

И Алиса поняла, что ковер прав. Так ведь бывает. Ты что-нибудь знаешь и поэтому думаешь, что об этом знают все. Ты говоришь серому волку: «Сходи-ка к моей бабушке!», а куда идти, забыла сказать, потому что тебе эта тропинка с детства знакома. Кстати, и хорошо, что забыла, а то бы волк к бабушке пробрался, а ты знаешь, чем это кончается для Красных Шапочек.

И неудивительно, что до самых ворот Лондона они дошли в молчании. Жанна размышляла, что делать, если Алиса — служанка дьявола или вообще маленький черт. Сообщить куда следует или помнить, что Алиса ее спасает от смерти?

Алиса думала, как все-таки надо быть осторожной в прошлом времени. Даже не заметишь, как кого-нибудь оскорбишь, а то и такую глупость скажешь, что на костер угодишь.

А ковер думал о своих проблемах: что совсем-то он поизносился, пора бы заштопать, а то бы и сдать его в ковровую мастерскую для настоящего ремонта. И еще он думал, что люди забывают, что коврам-самолетам много тысяч лет и уж волей-неволей они пообразованней любого академика.

Ворота в Лондон были открыты. У ворот кучкой стояли стражники в железных шлемах и стеганых куртках. Им было жарко, над ними вились мухи. С каждой телеги они брали по мелкой монетке, а на пеших не обращали внимания.

Может, и Алису с Жанной пропустили бы, но чем-то Алиса привлекла их внимание.

— Эй, — крикнул один из стражников, — попрошайкам в Лондоне делать нечего! Попадешься — посадят в колодки!

Алиса остановилась. Она забыла, что и в самом деле выглядит как нищенка: ее платье за время путешествия через

всю Европу изорвалось, волосы спутались от ветра, а парик где-то потерялся.

Жанна дернула ее за руку и быстро повела прочь. Жанна и сама выглядела не намного лучше Алисы — она убежала из замка в домашнем холщовом платье и простых сандалиях.

Они пошли по большой улице, что вела от ворот.

Улица казалась праздничной, потому что с некоторых домов свисали флаги и полотна. На одних были нарисованы белые розы, на других — красные.

— Это праздник цветов? — удивилась Алиса.

— А мне кажется, что розы — это гербы знатных семейств Англии, — ответила Жанна.

И тут они увидели странную картину: два всадника медленно ехали по улице им навстречу, не обращая внимания на прохожих. На них были камзолы, штаны в обтяжку и широкие белые плащи, расшитые красными розами. Длинными крючьями они срывали со стен флаги с белыми розами и бросали их на мостовую. Впрочем, никто не обращал на это внимания.

Тут Алисе пришла в голову мысль. Она обратилась к немолодой женщине, которая вела за руку ребенка:

— Простите, вы не скажете, где можно купить приличную одежду? Мы приезжие, пообносились в дороге, но у нас есть деньги.

И Алиса вытащила из-за пояса большую серебряную монету.

— Идите на Друри-Лейн, — сказала женщина. — Там торгуют одеждой.

— Как хорошо, что ты захватила с собой деньги! — обрадовалась Жанна. — А то я не успела. Но ты не беспокойся: мой друг герцог обязательно вернет тебе долг.

— Не надо мне ничего возвращать, — сказала Алиса. — Есть деньги, значит, мы с тобой их тратим. Не будет — стиснем зубы и поживем в бедности. Правильно?

— Правильно, — улыбнулась Жанна, и они пошли к Друри-Лейн.

Это оказалась узкая длинная улица, на которой было множество лавок и лавочек, где продавали ткани, платья, скатерти и всякое другое добро.

На Алису и Жанну никто не обращал внимания — уж очень они были скромно одеты, запылились и растрепались.

«Ах так! — подумала Алиса. — Вы судите о людях по одежде! А это грубейшая ошибка. Людей надо ценить по уму!»

Жанна догадалась, о чем думает Алиса, и добавила:

— Или по кошельку.

— Вот именно, — проворчал из мешка ковер, которому тоже хотелось поговорить, но как поговоришь, когда тебя свернули колбасой и несут в пыльном мешке.

— Смотри! — сказала Жанна и замерла перед небольшой лавкой. — Такое платье у меня было в детстве. Я ходила в нем в церковь. Правда, красивое?

Алисе платье красивым не показалось, но надо же было с чего-то начинать.

Они зашли в лавку, которая была очень тесной. Со всех сторон ее сдавливали полки, шкафы и вешалки с одеждой.

— Говори ты, — сказала Алиса. — Деньги у нас с тобой есть, не беспокойся. Только говори, как будто ты... как будто...

— Как будто ты — Орлеанская дева! — подсказал из мешка ковер.

— А ты помолчи, если не хочешь нас погубить! — приказала ковру Алиса.

Ковер фыркнул, но замолчал.

— Ну держись, богачи! — сказала Орлеанская дева и вошла в магазин так, как входила в зал во время коронации.

И выглядела она так, что узколицый, крючкастый, цеплястый хозяин лавки закричал было:

— Вы куда, шантрапа...

Но осекся, съежился, как ежик перед медведем, и забормотал:

— Госпожа, простите, я не узнал... я не посмел... и ваша дочь, ее высочество, маркиза!

— Ладно-ладно, — сказала Жанна и уселась на единственный стул.

Хозяин замер, склонившись перед ней.

— Чуешь, кто к тебе пришел? — с усмешкой спросила Жанна.

— Так точно, чую и соответствую!

— Мы путешествуем инкогнито, — сказала Жанна, — но в дороге на нас напали разбойники и перебили всех моих слуг. Но, как вы понимаете, мы не можем явиться во дворец в таком виде!

— Никак не можете, госпожа герцогиня, — прошептал хозяин лавки.

— Значит, попрошу нечто скромное, чтобы было настоящее инкогнито.

— Будет вам и инкогнита, — пообещал хозяин лавки. Видно, он не знал, что инкогнито — это секретность.

Хозяин хлопнул в ладоши, и откуда-то прибежала рыжая курчавая девица. Вдвоем они принялись доставать с полок и вешалок платья, кофты, а потом, пока Жанна за занавеской примеряла наряды, девица сбегала в соседнюю лавку к обувщику, и тот притащил целый сундук туфель для леди и ее доченьки.

Словом, на улице Друри-Лейн началась суматоха, а известная всем своей жадностью миссис О'Лири прибежала в лавку со своим красным в зеленый горох платьем, которое не могла продать уже двадцать два года, и попыталась всучить его Жанне.

Алиса тоже не теряла времени даром. Всех, кто заглядывал в магазин, включая разносчика воды, продавца сладостей и мусорщика, она спрашивала, не знают ли они об огнедышащем драконе, который обитает то ли в районе Оксфорда, то ли возле Кентербери, то ли у самого Ливерпуля. И многие признавались, что слышали о драконе, а у некоторых были родственники, друзья которых слышали от своих знакомых об одном леснике, который точно встречал такого дракона, но, правда, живым домой не вернулся и не смог никому рассказать о своих приключениях.

Алиса слушала, никому не верила, но все надеялась, что в каком-то из рассказов появится крошечка правды.

Наконец рыжая дочка хозяина сказала:

— Я бы на вашем месте, мисс, пошла к мистеру Флибустьеру.

— Ах! — раздалось со всех сторон. — Он такой опасный человек!

— Кто такой мистер Флибустьер? — спросила Алиса.

— Это специалист по ядам, — объяснил хозяин лавки, — страшный отравитель, даже непонятно, почему король до сих пор его терпит. Давно уж виселица по нему плачет.

— А потому король его терпит, — вздохнул разносчик овсяной каши, который как раз заглянул в лавку, — что ему самому эти яды бывают нужны.

Тут все зацыкали, зашипели на разносчика и выгнали его из лавки.

А хозяин принялся считать, сколько же ему должны маркиза и ее дочка.

А должны они были за синее в маленьких серебряных звездочках дорожное платье госпожи маркизы, за серебристо-лиловое платье для дочери госпожи маркизы, за шесть пар туфель и башмаков для маркизы и ее уважаемой дочки, за шелковые ночные рубашки, чулки, накидки, летние открытые платья, два парика для коротко стриженной маркизы и кое-что еще, для чего понадобилось два кожаных саквояжа.

Целых три гинеи стоило все это добро. Маркиза и ее дочка не торговались, и хозяин лавки расстроился. Он понял, что мог бы запросить вдвое больше, да не догадался.

Дочка хозяина проводила клиентов до постоялого двора, который принадлежал двоюродной племяннице самого графа Эссекса, поэтому там не грабили постояльцев, не травили их дохлыми цыплятами и не приставали к женщинам с разными глупостями.

Алиса, к сожалению, не знала, чем знаменит этот граф Эссекс, а Жанна знала, но забыла. Надо будет почитать газеты, подумала Алиса, но она не могла вспомнить, в это время в Англии уже есть газеты или английские джентльмены пьют утренний кофе без газет. К тому же Алиса не помнила, когда в Англию привезли кофе из Америки, ведь для этого Америку еще надо открыть!

Племянница графа Эссекса сама спустилась встретить гостей — видно, такие знатные и благородные дамы не часто останавливались на постоялом дворе, который назывался ни много ни мало «Новый Константинополь». Она была похожа на помидор. Это не значит, что она была толстая — ни в коем случае! Она была попросту круглая! И это не значит,

что она была красная. Она была ярко-помидорного цвета, а на голове у нее торчала маленькая зеленая шляпка — ну точь-в-точь зеленые веточки.

— Ах! — воскликнула племянница. — Неужели вы нас почтили? Разрешите, миледи, я покажу вам самые лучшие апартаменты!

Она повела Алису с Жанной в большую комнату на втором этаже. Там пахло пылью и пудрой. Посреди комнаты стояла громадная кровать под балдахином. На ней могли бы выспаться сразу пятнадцать Алис, если бы они не боялись клопов и умели спать на камнях и кочках.

За эти апартаменты миссис Помидор потребовала по гинее в сутки. А гинея — это больше фунта стерлингов. А фунт стерлингов — это английская серебряная монета, самая большая. Когда-то она и в самом деле весила целый фунт серебром. Но эти времена давно прошли.

Чтобы не тратить времени даром, Жанна спросила, как ей найти дом мистера Флибустьера, доктора оккультных наук и почетного профессора Черной Мессы.

— Даже и не упоминайте при мне это отвратительное имя! — воскликнула хозяйка гостиницы. — Это известный всем убийца и отравитель, по нему давно виселица плачет!

— Это мы слышали, — сказала Жанна. — Но нам бы хотелось узнать его адрес.

— Никто не знает его адреса, — ответила миссис Помидор.

— Жалко, — сказала хитрая Алиса. — А я так хотела повидать моего дядю.

— Ах, несчастная крошка! — воскликнула хозяйка гостиницы. — Неужели тебе так не повезло в жизни, что ты вынуждена всю жизнь оставаться племянницей такого страшного человека?

— Я сама об этом жалею, — притворно вздохнула Алиса. — Но что делать: он пригласил нас с мамой в Лондон, чтобы отдать нам часть своих богатств, а адреса не оставил. Только сказал: «Меня в городе любая собака знает. А если кто вам поможет меня найти, то я его отблагодарю».

— Неужели он так и сказал? — заволновалась миссис Помидор.

— Вот именно, — сказала Алиса. — Наша соседка по имению маркиза д'Орлеан может вам подтвердить мои слова.

— Ах, не надо подтверждений, я верю каждому вашему слову! Я дам вам провожатого, и он отведет вас к дому вашего несчастного дяди-чернокнижника.

— Дядя обещал...

— Нет, только не это! — воскликнула племянница графа. — Я все делаю только бескорыстно.

— Тогда примите нашу благодарность, — сказала Жанна, которая до этого молчала, потому что лгать не умела и не терпела, когда это делали другие. Так что она дала Алисе возможность обманывать, а сама решила молчать.

— Мне нужно только маленькое одолжение, — скромно потупившись, сказала миссис Помидор.

— Мы с радостью вам поможем, — вежливо ответила Жанна.

— Когда вы будете у своего уважаемого дядюшки, не могли бы вы передать ему от меня небольшой конвертик?

— А почему вы сами не можете этого сделать?

— Все-таки вы родственники. Я по глазам вижу, какие вы добрые и воспитанные дамы. Я дам вам маленький конвертик.

— Но мы скоро уходим, — сказала Алиса.

— Пока вы будете обедать, я все напишу, — ответила миссис Помидор. — Обед уже на кухне, мои повара очень для вас старались! Не откажите в любезности, отведайте печенку с жареным луком. Это объедение! Люди приезжают ко мне полакомиться даже из Франции и Италии!

Печенка с луком оказалась так себе, непрожаренная, недосоленная, жесткая. К ней бы картошки! Но тут Алиса засомневалась: а как в пятнадцатом веке обстояли дела с картошкой? Ее ведь тоже, наверное, Колумб должен привезти.

— Ты о картошке слыхала? — спросила Алиса. — Это такие земляные яблоки. Их варят или жарят и с солью едят.

— Кому нужны земляные яблоки, — возразила Жанна, — если есть обыкновенные?

— А редька? Редиска? Морковка?

— Это и есть редька, редиска и морковка, — ответила Орлеанская дева, — а не яблоки.

Алиса поняла, что о картошке ни в Англии, ни во Франции еще не слышали.

Они запили еду слабым, почти безвкусным чаем. Нет, этот обед Алисе определенно не понравился.

Тут прибежала темно-вишневая миссис Помидор и принесла конверт, склеенный из толстой бумаги. На нем было написано: «Доктору Флибустьеру в собственные руки».

— Я пришлю за ответом человека, — сказала хозяйка гостиницы. — Или в крайнем случае сама прибегу.

Глава семнадцатая

ДОКТОР ФЛИБУСТЬЕР

Миссис Помидор дала Алисе с Жанной провожатого — мрачного вида детину с большой палкой. За всю дорогу он не произнес ни слова.

Сначала они шли по большой улице, им встречались повозки, всадники, телеги и немало пешеходов, но потом они свернули в узкую улочку, где можно было, расставив руки, достать до стен, а сверху даже свет почти не проникал, потому что верхние этажи домов буквально соприкасались. Ты мог бы протянуть из своего окна руку и утащить у соседа напротив с подоконника недоеденный арбуз.

Идти приходилось, глядя под ноги, потому что жильцы нередко выливали прямо на мостовую помои и выбрасывали огрызки и кости.

Затем улица стала пошире, и с одной стороны началась высокая кирпичная стена. Через несколько шагов в стене оказались деревянные ворота, стянутые железными полосами.

Провожатый постучал дубинкой в ворота и, не говоря ни слова, ушел.

В воротах открылось окошко, и кто-то спросил:

— Какой недобрый ветер занес вас в наши края? Сознавайтесь и уходите подобру-поздорову.

— Мы пришли сами, без всякого ветра, — ответила Алиса. — Нам хотелось поговорить с самим доктором Флибустьером.

— О чем же?

— О жизни, — сказала Алиса. — О ядах, о науке, о драконах и о моей подруге, которая пропала без вести.

— Сейчас доложу господину, — откликнулся скрипучий голос.

Прошло больше минуты, а может, и все десять — на этой темной, глухой улице время тянулось еле-еле. Слуга вернулся, и ворота со скрипом раскрылись.

— Заходите, — сказал сутулый старик, опиравшийся на тяжелую палку. — Заходите, только ноги вытирайте. Не могу же я за каждым приходящим-уходящим пол мыть!

— На улице сухо, — ответила Жанна д'Арк, которая вообще не любила, когда ей делали замечания. Старик ничего не сказал и повел их по узкой лестнице на второй этаж.

Там обнаружилась просторная комната с высоким потолком. У камина стоял молодой человек в черном камзоле с книгой в руке. И вид у него был такой, словно он специально взял книжку в руку, чтобы гости видели, какой он образованный. За его спиной стоял шкаф, набитый книгами, и полки с различными чучелами и склянками.

— Рад вашему визиту, — сказал молодой человек и поклонился. — С кем имею честь?

— Я знатная дама, — ответила Жанна, — а это моя юная подруга. Я не могу открыть вам свое имя.

— Жаль, — пожал плечами молодой человек. — А меня называют доктором Флибустьером.

Окна в доме доктора были очень узкие, как и во всех лондонских домах, поэтому в комнате царил полумрак. Но Алиса все же разглядела молодого человека. У него было чистое белое лицо, большие внимательные глаза и полные губы. Если бы не слишком большой нос и длинные черные усы, Алиса бы назвала его красавцем. Алиса вообще неплохо разбирается в людях и уж точно знает, кто красивый, а кто уродливый.

— Я принесла вам письмо от нашей хозяйки, — сказала Жанна.

— У вас есть хозяйка?

— Вы меня неправильно поняли. Я имею в виду хозяйку нашей гостиницы, — улыбнулась Жанна.

— Что ж, давайте, — вздохнул молодой человек. — Я так надеялся, что вы — исключение.

Жанна передала ему конверт от миссис Помидор и спросила:

— А на что вы надеялись?

— Я думал, что вы хотите узнать у меня что-то очень хорошее. Или хотя бы неплохое. А вам, оказывается, нужны только гадости.

Он разорвал конверт, и из него выпала на пол серебряная монета.

Алиса подняла ее, но мистер Флибустьер не заметил монеты. Он читал письмо. Потом с негодованием кинул его на стол и воскликнул:

— Скажите своей миссис, что я не убийца и ядами не торгую!

— Это вам деньги? — Алиса протянула ему монету.

— Отнесите этот шиллинг обратно! Я же повторяю: я не наемный убийца!

— Почему вы так сердитесь? — спросила Жанна.

— А вы разве не знаете, что написала мне ваша хозяйка?

— Ума не приложу, — пожала плечами Жанна.

Флибустьер снова взял письмо и прочел вслух:

— «Уважаемый и дорогой доктор Флибустьер. Посылаю вам серебряный шиллинг и довожу до вашего сведения, что у меня есть сосед, дом которого мешает расширить мой постоялый двор «Новый Константинополь» на благо гостей нашего замечательного города. Этот сосед, Джон Джонс-младший, отличается отвратительным характером, и совершенно непонятно, почему его до сих пор земля носит. Я думаю, что, если бы он умер не спеша и без мучений, все в Лондоне вздохнули бы с облегчением. Пожалуйста, помогите несчастной вдове королевского гвардейца. Бутылочку с ядом для мистера Джона Джонса-младшего передайте через вашу племянницу и маркизу Инкогниду. Преданная вам миссис Джоан Меркъюри».

На этот раз Флибустьер кинул письмо на пол и наступил на него, как на горло какой-то гадине.

— Значит, вы еще и моя племянница? — Он злобно посмотрел на Алису.

— Мы вас искали, — призналась Алиса. — И сказали ей, что вы наш дядя, поэтому мы вас и ищем. Разве это так преступно? А она нам с собой письмо дала. Только не сказала, что в нем написала.

— Ясно, — сказал мистер Флибустьер. — И кого же вам надо отравить?

— Нам? Никого.

— Зачем же пришли?

— Наконец-то, — сказала Жанна. — Не знала я, что в Лондоне живут такие негостеприимные джентльмены.

— А у вас во Франции все лучше воспитаны?

— Как вы догадались, что я француженка? — удивилась Жанна.

— По цвету глаз, — ответил доктор Флибустьер, но Алиса поняла, что доктор шутит. Он угадал национальность Жанны по акценту.

— Значит, вы на самом деле... — Алиса никак не могла подобрать необидного слова. — Значит, вы и в самом деле специалист по отравлениям?

Доктор Флибустьер молчал, и поэтому Алисе ничего не оставалось, как продолжить:

— Нам сказали, что вы умеете делать яды.

— И еще что вам сказали?

Глаза у доктора сделались печальными, и Алиса поняла: ему очень горько слышать, какие страшные вещи о нем рассказывают.

— Но нас совсем не интересуют яды, — сказала Алиса.

— А что же? — Доктор повернулся к Жанне. Наверное, подумал: вот мама девочки, она все и скажет.

Но ведь Жанна ничего не знала, поэтому, как очень честная и искренняя женщина, она ответила:

— Я оказалась здесь совершенно случайно. Мы с Алисой бежали от страшной опасности. Теперь я ее охраняю.

— Охраняете? — усмехнулся доктор.

Он видел перед собой невысокую худенькую молодую женщину, которой на вид и меча не поднять. Где ему было знать, что под этой скромной внешностью, в этом худень-

ком теле скрывается боевой рыцарь, пронзавший мечом мужчин втрое больше себя.

Алиса видела, как трудно Орлеанской деве сдерживаться.

«Ужасная жизнь! — подумала она. — Какая ужасная жизнь! Всегда скрываться, таиться...»

— Порой я думаю, что лучше умереть, — как бы услышав мысли Алисы, сказала Жанна.

— Почему? — спросил Флибустьер.

— Потому что моя жизнь не удалась.

Доктор Флибустьер снисходительно улыбнулся.

— Миледи, — сказал он, — как мудрый человек и большой ученый, я могу сказать, что знаю вашу тайну и причину вашего расстройства! Но я уверен, что все еще обойдется.

— Ой! — воскликнула Жанна. — Не может быть, чтобы он догадался! Бежим отсюда, Алиса!

— Я не желаю вам зла, прекрасные дамы, — сказал доктор Флибустьер. — У меня самого жизнь не сложилась. Но я креплюсь.

Алиса крепко схватила Орлеанскую деву за руку и спросила доктора:

— А что вы знаете про мою тетю?

— Я знаю, что она была в тюрьме, где ее пытали, как поступают со всеми ведьмами. Потом ее выпустили на волю, наверное, ее выкупил кто-то из родственников или она убежала.

— Почему вы так решили?

— Очень просто — у нее шрамы на ноздрях и ушах.

— Это у меня с детства! — воскликнула Жанна.

— Можете не прятать лицо. Я вас не выдам.

— Хватит! — крикнула Орлеанская дева. — Пойдем отсюда, Алиса. Я никогда не сидела в тюрьме и не была преступницей, и...

— Жанночка, — прервала ее Алиса. — Можно я спрошу доктора о том, ради чего мы пришли.

Доктор обернулся к Алисе.

— Мы ищем дракона, — сказала Алиса.

— Наконец-то! — рассмеялся Флибустьер. — Девочка ищет дракона. Ни больше ни меньше — дракона. Какого тебе подать? Одноглавого, трехглавого или семиглавого? Морского, речного? Огнедышащего?

— Одноголового и огнедышащего, пожалуйста, — попросила Алиса, чем очень удивила доктора Флибустьера.

— И что ты еще скажешь?

— А может быть, вы мне что-нибудь скажете?

— Сначала объясни мне, зачем тебе, такой пигалице, понадобился дракон?

— Честно говоря, — сказала Алиса, — я ищу не столько дракона, сколько мою подругу, которая должна находиться где-то неподалеку от него.

— Садись-ка, Алиса, — сказал доктор. — Садись и рассказывай мне все по порядку.

— Нет, — вмешалась Жанна. — Сначала вы нам расскажите, что знаете про дракона. А то Алиса вам все скажет, вы вызовете стражу и обвините нас в колдовстве. А потом нас сожгут на костре, а вы захватите дракона.

— Что-то вы слишком много выдумываете, миледи, — сказал доктор. — Теперь я не сомневаюсь, что вас уже обвиняли в колдовстве.

— Донесете на нас? — испугалась Жанна.

— Я никогда не был доносчиком, — обиделся доктор.

— Пожалуйста, не ссорьтесь, — попросила Алиса. — Мы же пришли поговорить о драконе, и доктор Флибустьер обещал нам рассказать все, что он знает.

— В самом деле?

Доктор задумался. Он молчал целых две минуты и наконец произнес:

— Садитесь, я вам все расскажу. А ты, Чарли, отойди от двери, хватит подслушивать, ты же все равно глухой на одно ухо и так глуп, что даже не помнишь, на какое ухо оглох! — С этими словами доктор Флибустьер подошел к двери и распахнул ее. Дверь растворилась внутрь, и в комнату упал сутулый старик, который открывал Алисе дверь.

Как ни в чем не бывало доктор Флибустьер помог старику подняться и крикнул ему в ухо:

— Принеси нам чаю! Целый чайник. С сахаром. И не забудь помыть чашки для гостей.

— Слушаюсь, сэр, — сказал старик.

— А мне принеси сам знаешь что.

— Знаю, — проскрипел старик, — как не знать. Только зря вы меня, сэр, на этот раз уронили.

— До свадьбы заживет, — сказал бесчувственный доктор и подтолкнул старика к двери.

Когда старик удалился, Флибустьер объяснил:

— Он бывает несносен, но выгнать его нельзя, потому что он еще моему дедушке служил. Как бы фамильное наследство. Все остальное папа прокутил с друзьями, а потом погиб в битве при Азенкуре. Слышали о такой битве?

— Разумеется, — сказала Жанна. — Я тогда была еще маленькой.

— Я тоже, — сказал доктор. — Мы разбили этих лягушатников. Наш славный король Генрих стал наследником французского престола, но мой папа никаких выгод для себя не получил. Я тоже.

— Это была последняя победа англичан, — произнесла Жанна.

— Ну уж не последняя, — возразил доктор Флибустьер. — Мы еще лет пятнадцать громили французов, пока они не отыскали где-то эту уродливую страшную ведьму Жанну.

— Уродливую? — Жанна готова была растерзать доктора. — Ведьму?

— Нет, вы точно француженка, — сказал Флибустьер. — Иначе чего так сердиться?

Алиса изо всех сил наступила на ногу Орлеанской деве.

— Больно! — ойкнула та.

— Не перебивай доктора! — сказала Алиса. — Он же старается, рассказывает нам свою биографию.

— Рос я в благородной бедности, — продолжал доктор. — Но все же кончил школу и потом поступил в университет. В молодости я обошел пешком всю Францию, Бургундию и даже побывал в Италии. Я стал бакалавром медицины и до сих пор врачую несчастных бедняков. Но к счастью, одна из моих тетушек скончалась и оставила мне этот дом и сто фунтов дохода. И я смог заняться любимым делом.

— А какое у вас любимое дело? — поинтересовалась Алиса.

— Пресмыкающиеся, — ответил доктор. — То есть змеи, ящерицы, полозы, черви и драконы.

— Фу! — возмутилась Жанна, но больше не произнесла ни слова.

Вошел сутулый старик с подносом и поставил его на столик. На подносе стояли три чашки, вазочка с печеньем и два чайника.

Алиса видела, как старик налил из одного чайника в две чашки, а потом из другого чайника в третью чашку.

— Садитесь, — пригласил доктор, — и угощайтесь.

Алиса села. Кресло было жестким. Но ее смутило не это.

Нос Алисы уловил знакомый запах, которого здесь быть не должно!

Запах кофе!

Жанна спокойно отпила глоток из своей чашки, но Алиса пить не смогла. Ее раздирало любопытство.

— А что вы пьете, доктор? — спросила она.

— Ах, это напиток, который мне привозят из дальних земель.

— Как он называется?

— Ну какая ты любопытная! Никак не называется! Туземцы зовут его кавой, а может, я ошибаюсь.

— Почти не ошибаетесь, — сказала Алиса. В чашке доктора Флибустьера действительно был кофе!

— А где же живут туземцы, которые выращивают эту... каву?

— Далеко, — отмахнулся доктор, — за океаном.

— В Америке?

— Что такое Америка?

Алиса прикусила язык. Конечно же, если она находится сейчас в середине пятнадцатого века, то Америку откроют лет через пятьдесят. Но откуда же у доктора кофе?

— Это секретная земля, — объяснил доктор. — До нее надо два месяца плыть через океан. Когда-то туда плавали отважные викинги, а теперь плавают английские пираты. Они привозят из тех краев золото, вот этот напиток каву, золотые фигурки и нефритовых божков. Но эти путешествия мы держим в глубокой тайне, чтобы не догадались наши враги, испанцы и португальцы, а то они быстренько пошлют туда свои корабли.

— А почему же вы не послали туда целый флот?

— Пираты не говорят, куда точно надо плыть, а наши капитаны не смеют плыть в неизвестные моря. Они предпочитают торговать с германцами, бургундцами, а главное, с гипербореями, то есть с русскими дикарями из Московии.

— Вот я и приехала оттуда, — сказала Алиса.

Доктор посмотрел на нее и вздохнул:

— Теперь меня уже ничем не удивишь.

Он отхлебнул горячего кофе и продолжал:

— Я с детства повсюду изучаю змей, их повадки, пищу и, конечно же, яды. Я знаю о пресмыкающихся все. Я написал о них десять книг и все жду, когда кто-нибудь изобретет книгопечатание, чтобы мои книги могли прочитать не только в Лондоне, но и во всей Европе. Я знаю, как ползают, карабкаются, размножаются и нападают на людей любые гады. Я изучил все яды и противоядия на свете. Если вас укусит змея, спешите ко мне. Я спасу вас от неминуемой смерти.

— Значит, вы специалист по ядам? — переспросила Жанна.

— Разумеется, я крупнейший в Европе специалист по ядам. Ко мне приезжают за советом даже из Германии и Бургундии. Вот вчера у меня был Ричард, герцог Йоркский. И предлагал любые деньги за то, чтобы я дал ему яда для одной знатной особы. Конечно, я ему отказал, но иногда... — Доктор Флибустьер развел руками. — Иногда я принимаю заказы. Жить-то надо. Кушать хочется. Но конечно же не против людей! Например, если вам нужно вывести крыс или тараканов — милости прошу ко мне!

Доктор Флибустьер говорил быстро, громко, но в глаза не смотрел, а все норовил поглядеть в камин или на потолок.

И Алиса вдруг поняла: он говорит неправду! Он делает яды и продает их разным людям. Недаром хозяйка гостиницы послала ему конверт с монетой.

— А что вы нам можете сказать о драконе? — спросила Алиса.

— Я его еще не видел, — признался доктор Флибустьер. — Мне сообщили, что его встречали в лесу на окраине Ноттингема, там, где шумит Шервудский лес. Но вряд ли он живет в лесу — наверное, скрывается где-то в горах Шотландии. Должен вам сказать, что, как настоящий ученый, я в

сказки о драконах не верю. Но один человек привез мне вот это.

И доктор Флибустьер показал Алисе и Жанне кусок зеленой клеенки в углу кабинета.

— Знаете, что это такое? Вот именно: кусок шкуры дракона. Ведь, как и все змеи, драконы растут и сбрасывают шкуру. А раз есть шкура, значит, есть и дракон?

Глава восемнадцатая

ПОХОД НА ДРАКОНА

Старый слуга сунул голову в дверь и страшным шепотом произнес:

— Она пришла!

— Что? Что ты говоришь? — Доктор Флибустьер побледнел и вскочил. — Что делать? Я погиб!

Доктор указал Жанне и Алисе на портьеру, прикрывавшую боковую стену. Они все поняли и кинулись туда. Доктор не шутил — он явно был испуган.

— Вы заставляете меня ждать, — произнес женский голос. И не просто женский голос, а особенный, которым говорят только настоящие королевы. Есть музыкальный инструмент виолончель — вот у нее такой же тембр, как у королевского голоса.

— Вот именно, мой дорогой друг, — снова произнес голос. — Я подозреваю, что вы не выполнили моей маленькой просьбы и стесняетесь в этом признаться.

— Садитесь, ваше величество, — предложил доктор Флибустьер.

— Мне некогда. К тому же, как я вижу, у вас были другие гости. Куда же они делись?

Алиса выглянула в щелку между портьерами и увидела высокую стройную женщину, лицо которой трудно было назвать правильным или даже красивым, но стоило на него взглянуть, и уже трудно оторвать взгляд. Жанна д'Арк, например, тоже красива, но красоту ее не назовешь королевской. Кожа королевы была ослепительно белой, нос невелик и прям, огромные глаза бездонны и так черны, словно ты за-

глянул в озеро глубиной тысячу метров. Шла королева прямо, как ходят балерины, но конечно же совсем не по-балетному. Боюсь, что я рассказал о королеве недостаточно понятно, но я старался передать мысли и чувства Алисы. А они у нее были спутанными, как клубок шерсти после того, как им поиграл котенок.

— Я подозреваю, — сказала королева, — что ваши гости спрятались вон за той портьерой. И мне достаточно ее раскрыть, чтобы их увидеть. Я, конечно, могу вызвать стражу, и от вас, доктор, с вашими таинственными гостями останется мокрое место. Но я королева и делать этого не буду. Вы представите мне своих знакомых. Я не могу говорить, если меня подслушивают.

И тогда Жанна сама вышла из-за портьеры, а Алиса шагнула за ней следом.

Жанна поклонилась королеве, и Алиса тоже поклонилась королеве.

Хотя, конечно, она, как девочка из далекого будущего, навидалась всяких королев на своем веку. И даже сама была королевой на одной отдаленной планете. Но женщина, которая пришла к доктору Флибустьеру, была самой настоящей, редкой королевой из той породы, которая давно уже вывелась.

— Извините, ваше величество, — сказал доктор Флибустьер, — мои посетительницы никому не угрожают, но они оробели и при звуке ваших шагов спрятались за портьеру. Простите их.

— Простить надо вас, — усмехнулась королева. — Они никогда не стали бы прятаться, если бы вы им не велели. И помолчите. Здесь я сама задаю вопросы. Скажи мне, девочка, зачем вы сюда пришли? Какой яд вам понадобился?

— Нам не нужен яд, — сказала Алиса. — Честное благородное слово, мне просто нужно найти подругу, а найти ее я могу, только если найду огнедышащего дракона, о котором должен знать доктор Флибустьер.

— Это правда? — спросила королева у доктора.

— Этих женщин я вижу впервые в жизни, — сказал доктор Флибустьер. — И пусть разразит меня гром, если я посмею обмануть ваше величество.

— Уж не тот ли это дракон, на которого готовится большая охота? — спросила королева.

— Полагаю, вы правы, миледи, — ответил доктор.

— Значит, известно, где его искать? — обрадовалась Алиса

— Я вас прощаю, — сказала королева, — и постараюсь вам поверить. Давайте флакон. Я спешу, меня ждут охотники.

— Прошу вас, ваше величество. — Доктор Флибустьер склонился в глубоком поклоне и протянул королеве маленький флакон зеленого стекла.

— Только посмей меня обмануть, — пригрозила королева. — Ты проживешь не больше часа. Понял, змеелюб?

— Так точно, ваше величество.

Не попрощавшись с Алисой и Жанной, королева вышла из комнаты. Длинный лиловый плащ с капюшоном летел за ней, как крыло гигантской птицы.

Сразу стало тихо. Только слышно было, как по лестнице стучат каблучки.

— Боюсь, что жить мне осталось совсем немного, — вздохнул доктор Флибустьер.

— Это королева Англии? — спросила Алиса.

Флибустьер кивнул:

— Это Маргарита Анжуйская, самый влиятельный политик в нашей стране. Она глава всех Ланкастеров, вождь партии Алой розы.

— Простите, — сказала Алиса, — но мы в школе этого еще, кажется, не проходили. Я не знаю, кто такие Ланкастеры и что такое партия Алой розы. Правда, в Лондоне мы уже видели флаги с разными розами.

— Откуда вы приехали, если не знаете самых простых вещей? — удивился доктор Флибустьер.

— Из Франции, — честно призналась Алиса.

— А там этого не знают?

— Может, где-нибудь и знают, — ответила Жанна, — а где-то не знают. В моем замке об этом не слышали.

— Тогда слушайте. Вот уже пятьдесят лет трон в нашей старой доброй Англии занимают короли из семейства Ланкастеров. Сейчас царствует король Генрих Пятый. Он не-

много сумасшедший, немного святой, и в дела государственные почти не вмешивается. А правит страной ее величество Маргарита Анжуйская, дочь сицилийского короля, племянница короля Франции, первая красавица Европы и женщина железной воли. Понятно?

— И этой женщине железной воли нужен яд? — спросила Жанна.

— Ее слуги должны будут подлить яд в кубок герцога Ричарда Йоркского, когда он будет охотиться на дракона.

— И вы ей дали яд? — Жанна была очень сердита.

— Надеюсь, что у нее ничего не выйдет, — с кривой усмешкой ответил доктор Флибустьер. — А то как бывает в жизни? Травят господа, а казнят за это слуг.

— Значит, герцог Ричард Йоркский едет охотиться на дракона? — спросила Алиса.

— Вот именно.

— И куда же?

— Запомни название города — Ноттингем, — сказал доктор. — Потом я тоже туда приеду.

— Зачем? — спросила Жанна.

Ей доктор ужасно не нравился, она ни одному его слову не верила.

— Когда они убьют дракона, — объяснил доктор, — я выкуплю его шкуру. Я же ученый! Я сделаю чучело дракона, и ученые со всего мира будут съезжаться сюда, чтобы поглазеть на последнее чудовище. Я прославлюсь!

Доктор Флибустьер встал в красивую позу, словно позировал для своей будущей статуи. Он уже почти стал великим человеком.

— А может, все же занялись бы наукой? — спросила Жанна. — И забыли бы о ядах.

— А как жить? Жить как прикажете? — удивился доктор Флибустьер. — У нас времена тревожные, жестокие. Хочешь жить, умей крутиться.

Алиса с Жанной попрощались с доктором и поспешили по узкой лестнице вниз.

— Все-таки мы не зря сюда приходили, — сказала Алиса.

Жанна не ответила. Уж очень зла она была на ученого,

который торгует ядами. Может, они и не совсем смертельные, но все равно яды.

— Где этот бездельник? — раздался крик.

Хлопнула дверь, по лестнице застучали сапоги. Алиса с Жанной еле успели отпрянуть в темноту, когда мимо них, как стадо буйволов, протопали какие-то люди.

Доктор Флибустьер выскочил на лестничную площадку и сладким голосом возопил:

— Господин герцог! Я ждал вас, ваша милость!

— Готов ли яд для этой анжуйской ведьмы? — спросил мужчина, который шел первым. За ним шагали два рыцаря в кирасах и шлемах.

— Видишь, — продолжал мужчина, переводя дух, — видишь, как мне приходится по родному Лондону ездить из-за нее! Каждую минуту опасаюсь покушения! И кого только она ко мне не подсылала! Я даже к собственным сыновьям отношусь с подозрением.

— Заходите, ваша милость! — пригласил герцога доктор.

— Только посмей сказать, что яд еще не готов! — взревел рыцарь. — Хоть я и тороплюсь на охоту, голову тебе срубить успею!

— Все готово, господин герцог, не беспокойтесь! — Флибустьер отступил в свою комнату, и герцог вошел за ним.

Когда они скрылись в кабинете, Жанна с Алисой кинулись прочь.

Старый слуга быстро выпустил их на улицу. На прощание он дал им по розе.

— Почему вы дарите нам цветы? — удивилась Жанна.

— Потому что мне жалко вас, глупеньких. Это ведь белые розы.

— И что?

— По эту сторону Темзы белая роза будет вам охраной и пропуском. Но ближе к Тауэру спрячьте белые розы и найдите где-нибудь красные. Потому что там власть Ланкастеров — то есть Алой розы.

— Но почему именно розы? — спросила Алиса.

— Очень просто, — проскрипел старик. — У Ланкастеров на гербе алая роза. Ланкастеры — это наш любимый, но сумасшедший король, королева Маргарита и ее свита. Белая

роза нарисована на гербе Йорков. Главный у них — герцог Ричард, тот самый, который пришел к моему господину за ядом.

— Чтобы отравить королеву! — догадалась Алиса.

— Мой молодой господин — гуманист, — сказал старик.

— Что это значит?

— А то, что его яды только по названию страшные, а на самом деле от них бывает только понос.

— Так почему же за его ядами все так охотятся? — удивилась Жанна.

— Потому что у доктора Флибустьера жуткая репутация. Репутация убийцы и волшебника. А на самом деле его интересует только наука. Он готов всю жизнь считать позвонки у змеи и чешуйки у дракона. Но никто в это не верит. Вот и приходится нам торговать ядами, приворотным зельем и всякой чепухой... — С этими словами старик выпустил Алису и Жанну на улицу и еще раз напомнил: — Приколите белые розы к волосам. Останетесь живы.

Старик оказался прав. Не прошли они и десяти шагов, как их остановил патруль.

Патруль состоял из двух мужиков в кольчугах под плащами. С ними была их начальница — женщина махонького росточка и зычного голоса. Плащ ей достался с большого человека, и потому она заткнула его за пояс. Мужики вооружились алебардами — то есть копьями с большими загнутыми остриями, а их начальница выбрала себе большой меч, который она поднять не могла, а тащила за собой по камням. У мужиков были еще и щиты — треугольные щиты красного цвета, на которых красовались белые розы. Маленькая же начальница белую розу, сделанную из тряпок, кокетливо приколола к груди.

— Кто такие? — крикнула начальница. — Говорите пароль!

Алиса сразу догадалась, что надо делать. Она показала на белую розу, приколотую к волосам.

— Вот наш пароль, — сказала она.

— Это не пароль, — возразила маленькая начальница, — но лучше, чем ничего. Значит, вы за Белую розу?

— Мы за Белую розу, — подтвердила Алиса.

— А точнее? — спросила начальница.

— А точнее — мы за герцога Ричарда Йоркского!

— Ура! — крикнула маленькая начальница.

— Ура! — поддержали ее оба мужика.

— Мы вас до угла проводим, — сказала маленькая начальница, — а то кто-нибудь из наших не разберется спьяну и пристрелит. У нас это бывает.

Алиса не стала спорить. Они шли по улице, редкие прохожие норовили спрятаться в подворотнях, а то и убегали со всех ног, едва завидев патруль.

Так они дошли до угла.

— Дальше нам нельзя, — сказала маленькая начальница. — И вам не советуем.

— Но нам надо пройти на постоялый двор, где мы остановились, — сказала Алиса.

— И где же вы остановились?

— В «Новом Константинополе».

— Ох и подозрительное местечко! Будьте осторожны.

— А что там подозрительного?

— Хозяйка там розовая! Ни нашим, ни вашим. Мы до нее доберемся.

Маленькая начальница со своими помощниками осталась за углом, а Алиса с Жанной поспешили дальше.

Вдали на площади они увидели такой же патруль, как тот, с которым они только что расстались. Но этот патруль шагал под знаменем с красной розой.

Что делать?

И тут из какой-то щели выскочил грязный мальчишка.

— Пароль нужен? — спросил он.

— Какой пароль? — не поняла Жанна.

— Нужен, — быстро сказала Алиса. — Сколько?

— Пенни за штуку.

Алиса достала две монетки и протянула их оборвышу. А тот в обмен дал Алисе две помятые красные розы и скрылся в той же щели.

— Меняем розы, — скомандовала Алиса. — На войне как на войне!

К ним уже спешили патрульные из соседнего квартала.

— Да здравствует королева! — кричали они.

— Да здравствует королева! — отозвалась Алиса.

— Это неблагородно! — рассердилась Жанна. — У тебя, Алиса, совсем нет принципов.

— Ошибаешься, Орлеанская дева, — ответила Алиса. — Но когда я в экспедиции в далеком и диком прошлом, то оставляю принципы дома. Меня здесь все равно никто не поймет, а навязывать свои принципы людям я не хочу.

— Ты рассуждаешь совсем как взрослая, — сказала Жанна. — И это мне удивительно. Где ты научилась таким словам?

— Как ты со мной говоришь, — ответила Алиса, — так я и отвечаю. К тому же в моей школе я училась предметам, о которых ты и не подозреваешь.

— Значит, ты благородная?

— У нас все благородные.

— А кто же землю пашет?

— Машины.

— Ты, оказывается, любишь пошутить!

Алиса не успела ответить, потому что к ним уже подбежал патруль и пришлось размахивать красными розами, чтобы доказать патрульным, какие они хорошие. Этот патруль отличался от предыдущего только цветом щитов и роз на них, и начальником над ними был рыцарь средних лет на костыле.

На всякий случай патрульные спросили Жанну:

— Вы готовы сражаться за правое дело, миледи?

— Разумеется, — чистосердечно ответила Жанна. — Только этим я всегда и занималась.

— Правильно! — согласился рыцарь средних лет. — Так и надо себя вести.

Теперь до гостиницы осталось совсем недалеко.

Хозяйка — миссис Помидор — ждала их у дверей. Но не потому, что беспокоилась. Ей не терпелось узнать, принесли ли они яд для истребления неугодного соседа. Но вместо яда Алиса вернула ей монету.

— Сейчас не время, — сказала она хозяйке шепотом. — Вот кончится вражда Алой и Белой роз, тогда и займемся ядами. Так доктор и велел вам передать.

Хозяйка вздохнула и подумала вслух:

— Ну, хоть деньги вернул, и то слава богу...

Наступил вечер.

Солнце спряталось за городские стены, по небу летали громадные стаи ворон, которые устраивались на ночлег. Где-то слышались крики и звон мечей — наверное, дрались сторонники Белой и Алой роз.

Перед тем как подняться в свою комнату, Алиса спросила хозяйку:

— Может, вы знаете, в чем разница между Алой и Белой розами?

— Одни у власти, — сказала хозяйка, — а другие хотят власть отнять. Тогда они сами будут собирать налоги и брать взятки. Вот и воюют.

Это было мнение простой горожанки.

Жанна, которая всегда говорила умные вещи, заметила:

— Так было всегда и везде. Странно только, что они называют себя розами.

Попрощавшись с хозяйкой, они поднялись к себе.

Алиса оставила еще одну монету на столике у кровати, потом они открыли окошко и вытолкнули на задний двор свернутый в трубку ковер. Алиса велела ковру развернуться.

Ковер развернулся и повис перед окном.

Жанна и Алиса вылезли в окошко и забрались на ковер.

— Лети на север, — приказала Алиса. — К городу Ноттингем.

— А на карте он есть? — спросил ковер.

— Есть, только маленькими буквами, — ответила Алиса.

Глава девятнадцатая

В ПОДВАЛЕ С ДРАКОШЕЙ

Пока Алиса с Жанной д'Арк летят над английскими лесами и пастбищами на север к городу Ноттингем и к Шервудскому лесу, мне хочется вернуться к Магдалине. Ведь из-за нее же весь сыр-бор разгорелся.

Что случилось с ней и с ее динозавром, пока Алиса разыскивала их по всей Европе?

Магдалина жила в большом подвале под главной башней

замка. Да-да, прямо в подвале, потому что именно туда рыцарь Гай Гисборн приказал отнести яйцо динозавра.

С одной стороны, ему конечно же хотелось иметь собственного дракона — то-то он показал бы соседям! Но поверить в такое чудо было нелегко, и уж очень странная пигалица попалась ему вместе с яйцом. Может, она его хочет перехитрить, отравить, уничтожить и завладеть его замком?

Люди устроены интересно. Они готовы видеть в других те же недостатки, которыми обладают сами. Если человек жулик — он думает, что все вокруг жулики. А если он трус, то ему кажется, что весь мир полон трусов.

Рыцарь Гай Гисборн был трусливым, подлым, жестоким и жадным. Вот ему и казалось, что весь мир такой.

Он даже своим друзьям не доверял. Рыцарь Гай думал: им пальца в рот не клади, сразу откусят. Но одному безобразничать скучно, да и страшно порой. Вот он и злодействовал за компанию с шерифом Ноттингемским и настоятелем тамошнего монастыря.

До поры до времени Гай Гисборн даже дружкам своим не признавался, что держит в подвале замка пленницу, которая нянчит драконье яйцо. Поэтому он не выпускал Магдалину из подвала, и входить туда могли только его верные слуги да он сам.

В подвале было темновато, сыро, но, правда, тепло, потому что там всегда топилась печь. Возле печи соорудили гнездо, в гнезде лежало яйцо, накрытое одеялом, а рядом стояла койка, на которой спала Магдалина.

И так Магдалина провела не день, не два, а несколько недель.

Потому что динозавр не спешил выводиться. Рыцарь уже стал сердиться и грозился выкинуть Магдалину и яйцо динозавра из замка, но, конечно, этого не сделал.

И оказался прав.

Динозавр вылупился утром, на рассвете. Магдалина еще спала. Она проснулась от того, что громыхнул засов и в подвал вошел рыцарь Гай Гисборн.

Он каждое утро приходил посмотреть на яйцо.

Магдалине хотелось еще поспать, и она накрылась с головой козлиной шкурой, которая служила ей одеялом.

Но заснуть снова ей не удалось, потому что над самым ухом раздался громовой голос рыцаря:

— Это что еще такое! Ты куда дела моего дракона?

Магдалина подскочила как ужаленная. Рядом с ее койкой лежали скорлупки яйца. Дракона не было!

— Ты как посмела заснуть? — Рыцарь схватил младшего научного сотрудника Института космической геологии за ухо и дернул так, словно хотел это ухо оторвать. — Если мой дракон убежал, я тебя убью! Его же перехватят мои враги!

И тут Магдалина услышала шипение в углу подвала.

— Он там, — сказала она, морщась от боли.

И в самом деле, из темного угла к ним подбежала ящерица размером с собачку. Ящерица разинула пасть, оттуда пошел дымок.

Дракончик — а это был он — кинулся на рыцаря. Видно, он хотел спасти свою хозяйку, но Гай Гисборн не испугался. Он выставил вперед ногу в тяжелом сапоге, и дракончик налетел на нее мордой, сел на задние лапы и взвыл от боли и обиды. Ведь драконы не привыкли к тому, чтобы их били сапогами в морду.

— И это дракон! — расхохотался рыцарь. — Да я его плеткой перешибу!

— Рыцарь Гай! — строго сказала Магдалина. — Неужели вы не знаете, что каждая живая тварь рождается маленькой и растет постепенно?

— Он должен быть крупнее! — упрямо возразил рыцарь. — Из такого получится собака, не больше того.

— И много вам приходилось выращивать драконов? — спросила Магдалина.

Рыцарь Гай вынужден был согласиться со строгой геологиней, хоть и был очень недоволен, словно она нарочно уменьшила дракона.

— И скоро эта тварь станет настоящим драконом? — спросил он.

— Этого никто не знает. Даже змея не раз сбрасывает шкуру, прежде чем вырастет.

— Ну ладно, — сказал рыцарь. — Сиди с ним, не отходи ни на шаг. По крайней мере, я тебя пока не казню.

— А меня-то за что казнить? — удивилась Магдалина.

— Если бы из этого яйца вывелся гусь или страус, я бы тебя тут же казнил. Не люблю, когда меня обманывают.

— Но теперь вы убедились?

— Теперь я убедился, что ты меня не обманула в главном, но обманула в размере дракона. Так что я приказываю: чтобы через полгода он стал настоящим чудовищем!

— Тогда хоть кормите его по-настоящему! Любому живому существу нужны калории.

— Кто? Что? Какие еще калории?

— Калории — это хорошая пища.

— Ладно, так и быть. А какая пища?

— Будем пробовать, — сказала Магдалина, которой страшно надоело сидеть на сухом хлебе и воде — другой еды ей в замке Гисборна не давали. С помощью дракона она хоть поест получше.

Рыцарь ушел, дверь за ним закрылась, загремел засов. Но теперь, когда дракон все же родился на свет, Магдалина надеялась, что сумеет вернуть себе свободу.

Так и случилось.

Правда, не сразу.

Сначала по приказу рыцаря в подвал стали приносить разные кушанья. О драконе Гисборн заботился куда лучше, чем о девушке.

Магдалина уже знала, что драконозавры — вегетарианцы и варят овощи и траву во рту, отчего из их пасти идет дым.

Магдалине это понравилось. Ведь ей-то никто горячей пищи не давал.

Когда приносили какие-нибудь овощи — репу или тыкву, — она клала их в пасть Дракоше, чтобы он их разогревал. Когда вода во рту закипала, она брала оттуда репку, часть тыквы или еще чего-нибудь. Дракоша был не жадным и всем делился со своей хозяйкой. Он вообще думал, что Магдалина — его мама, и заботился о ней, как умел.

Порой слуги рыцаря приносили дракону курицу или рыбу. Ему это не нравилось. Но он послушно варил их во рту для Магдалины. Так что теперь она питалась хорошо и даже поправилась. Только устала жить в подвале.

Поэтому она сказала сэру Гаю, что дракону полезно гулять.

С тех пор по вечерам всех слуг загоняли в хижины, стражники забирались на стены, а в пустой двор выходила Магдалина с Дракошей. Гулять он любил, бегал и прыгал, как щенок.

Магдалина сшила ему из тряпок мяч. Дракоша гонял по двору, ловил его и приносил хозяйке, чтобы она кинула мяч снова.

Сам рыцарь Гай выходил на галерею и смотрел на дракона сверху. Он был недоволен — слишком медленно растет его чудовище! Рыцарь требовал, чтобы Магдалина ставила Дракошу к стенке и мерила, насколько он вырос за день. Он кричал:

— Мало! Мало! Я ему барана принесу!

— Только не это! — отвечала Магдалина. — Он же еще ребенок.

Когда прошло недели три, Магдалина сказала, что дракону требуются прогулки по лесу. Он тихий, смирный, она ему намордник сошьет, а жителям замка можно приказать, чтобы не высовывались.

Сначала сэр Гай наотрез отказался — а вдруг кто-то увидит и узнает, что дракон вовсе не так велик и страшен, как кажется. Ведь хочешь не хочешь, но слухи о каком-то чудовище, которого держит в подвале замка рыцарь Гай Гисборн, расползлись по округе.

Но потом он согласился, чтобы Магдалина гуляла с драконом за замком на поляне в стороне от дороги, правда, вокруг нее в лесу хоронились солдаты рыцаря. Притом гулять Магдалине разрешалось только на закате, когда уже плохо видно, но еще не совсем темно.

Для начала ее и это устроило. Дракоша в первое время буквально с ума сходил от радости. Он же мог пощипать свежую травку и листочки — ну что может быть слаще для драконозавра!

Наступило лето, деревья покрылись листвой и совсем укрыли поляну. Да и солдаты уже не так пристально следили за Магдалиной. Порой они устраивались в холодке под бере-

зой и дремали, а если шел дождь, то прятались под кроной дуба.

Однажды Дракоша ускакал в кусты, и Магдалина побежала за ним.

— А ну, баловник! — кричала она. — Ты куда помчался? Вот нашлепаю тебя хворостиной по хвосту, будешь жалеть, что так себя вел!

Дракону эти слова нравились. Он понимал юмор, хоть и не умел говорить.

И вдруг он удивленно фыркнул.

Магдалина добежала до ящера и увидела, что он смотрит на толстый старый дуб, а прямо над Дракошей с толстого сука свисают чьи-то ноги в зеленых чулках.

— Ты кто? — спросила Магдалина.

— Тише, — ответил голос сверху. — Оттащи в сторону свою крысу, я спрыгну.

С дерева спрыгнул молодой человек, в котором Магдалина сразу узнала юношу, которому весной помогла убежать.

— Привет, — сказал юноша.

За это время он сильно изменился. Сейчас на нем была зеленая куртка, зеленые чулки и зеленая шляпа, похожая на клюв. За пояс молодого человека был заткнут короткий меч, на плече висел большой лук, на перевязи — колчан со стрелами.

— Мы давно не виделись, — сказала Магдалина.

Молодой человек потянул ее за руку, и они спрятались от глаз солдат за могучим стволом.

— Я больше не изгой, не гонимый и несчастный наследник, которого лишили всего гнусные грабители, шериф Ноттингемский и рыцарь Гай Гисборн. Теперь я разбойник Шервудского леса, — сказал он гордо.

— Я знаю, как тебя называют! — воскликнула Магдалина.

— Ты не можешь этого знать. Я никому о себе не рассказываю.

— И все же ты — Робин Гуд!

— Как ты догадалась?

— Я читала о тебе книги и смотрела кино.

— Прости, но я тебя не понимаю.

— А я не могу тебе всего объяснить.

— Хорошо, в следующий раз. А что это у тебя за ящерица?

— Это мой друг и воспитанник, — сказала Магдалина. — Это дракончик. Я его вывела из яйца и теперь выращиваю.

— И какой же он будет?

— Точно не знаю, но, вернее всего, больше этого дерева.

— Никогда бы не поверил! И когда же эта ящерица станет чудовищем?

— Вот этого никто не знает. Боюсь, что он вырастет только через несколько лет.

— Значит, он нам не угрожает?

— Он никому не угрожает. Он не ест разбойников, — засмеялась Магдалина. — Дракоша питается только овощами и травами. Это настоящая корова в чешуйках.

Дракоша недовольно заворчал. Он всегда радовался, когда шутили или смеялись над другими, но шуток над собой не признавал.

— Эй, молодая госпожа! — послышался голос солдата. — Вы куда делись?

— Тебя хватились, — прошептал разбойник. — Но теперь я тебя не покину. Буду в гости приходить. А если захочешь меня увидеть, иди прямо в лес и позови меня. Я услышу!

— Спасибо за приглашение, — сказала Магдалина.

И в это же мгновение из-за кустов выскочили солдаты. Они размахивали копьями и мечами, но не увидели ничего подозрительного.

А Магдалина была рада, что встретила разбойника. По крайней мере, один хороший человек здесь нашелся.

Хоть Магдалина и верила в то, что ее обязательно разыщут, она не знала, когда это случится, и очень скучала по хорошим людям.

Она вернулась в замок, напевая веселую песню, и Дракоша старался подпевать ей, но, конечно, у него это не получалось. Рев стоял такой, что рыцарь Гай выскочил на галерею узнать, что произошло.

Когда он понял, что это поет Дракоша, он не рассердился, а крикнул сверху:

— Давай рычи, пугай дураков! Чем больше народа поверит в это страшное чудовище, тем сильнее будут тебя бояться. А мы используем тебя в своих целях.

— В каких? — спросила Магдалина.

— Важно, что у меня есть дракон! — крикнул Гай Гисборн, раздувая щеки и топорща черную бороду. — Он будет громадным завтра, но все начнут трепетать сегодня!

— А как вы это сделаете? — спросила Магдалина.

— А это ты придумаешь. Я же вижу — ты умненькая, ты читать умеешь, дракона колдовством усмиряешь. Пока мне дракон нужен, я тебя не трону. Но как только нужда в драконе пропадет, я тебя сразу инквизиции сдам. Пускай тебя сожгут как ведьму.

— Вы не очень хороший человек, — сказала Магдалина.

— Не то слово! — откликнулся рыцарь. — Я иногда ночью просыпаюсь и думаю: ну как в хорошей рыцарской семье на чистом воздухе мог вырасти такой негодяй? И не нахожу ответа.

Рыцарь расхохотался.

— Но я не знаю, как превратить дракона в чудовище, — сказала Магдалина. — Он же у нас добрый.

— А вот доброго дракона я у себя в замке не потерплю! — рассердился Гисборн. — Такого позора благородный рыцарь не допустит!

Дракоша покачал головой, ему было неприятно слушать такие слова.

— Дракон должен быть свирепым, безжалостным, хищным и страшным. Он должен пожирать детей и стариков, терзать красавиц и уничтожать отважных рыцарей.

Дракоша печально вздохнул, наверное, подумал, какими глупыми бывают люди!

— Значит, так, — сказал рыцарь. — Я приглашаю в замок нескольких соседних рыцарей, тем более что они давно напрашиваются в гости. Прознали про мою тайну, дрожат от нетерпения. Учти, им следует показать твоего дракончика. Но так, чтобы они решили: вот чудовище! Думай. У тебя весь завтрашний день впереди. Не придумаешь — отрублю тебе голову. И твоему ящеренку тоже. Надоело мне вас кормить!

Магдалина с Дракошей спустились к себе в подвал и стали думать.

Вернее, думала Магдалина, а Дракоша бродил по подвалу, тяжело вздыхал и всячески ей мешал.

Глава двадцатая

ДРАКОН И ГОСТИ

На следующий день слуга принес Магдалине с Дракошей завтрак — ведро репы, огурцов и большую тыкву, а также полкаравая пропеченного хлеба и кувшин молока. Царский был завтрак, сказочный. И зловещий. Потому что он был намеком: «Может быть, это ваш последний завтрак?»

Но Магдалина уже придумала, что надо сделать. Она сказала слуге:

— Передай господину, чтобы мне немедленно принесли ящик разноцветных тряпок, пуд хорошей глины, портновские ножницы и нитки с иголками.

Через час просьбу Магдалины выполнили.

И она принялась за работу.

Весь день она трудилась не покладая рук, а Дракоша охранял ее покой. И когда рыцарь Гай сунул было нос в подвал — даже злобным рыцарям свойственно любопытство, — Дракоша так рявкнул на него, что рыцарь отпрыгнул от двери и пошел прочь, приговаривая на ходу:

— А ты молодец, дракончик! Расти, моя ящерица, на страх врагам!

На закате Магдалина свой труд закончила и велела отвести ее на поляну, где она обычно гуляла с драконозавром.

Туда же пришел и рыцарь, который даже обедал без аппетита, так ему не терпелось узнать, что она придумала.

Магдалина рассказала ему о своем плане. Рыцарь заявил:

— Если не получится, пеняй на себя!

Но остался доволен.

Наступило утро следующего дня. Магдалина, покормив дракона, вывела его на полянку и привязала к дереву на длинной прочной бечевке.

А тем временем к сэру Гаю съезжались гости — шериф

Ноттингемский, граф Сэмбери, братья Роджер, настоятель монастыря Святой Полинации и еще два-три соседа. Они не выносили сэра Гая, но предпочитали не ссориться с ним, потому что он был дикого нрава и великой подлости. К тому же уже чуть ли не в Лондоне говорили, что рыцарь Гай Гисборн завел себе живого дракона невероятной силы и злобности. Конечно, все отмахивались от таких слухов и повторяли:

— Конечно, этого быть не может, драконы если и водились в древние времена, то в наш цивилизованный пятнадцатый век они все вымерли.

Но все же побаивались — чего только этот Гисборн не придумает!

А шериф Ноттингемский даже хотел бы, чтобы Гай завел дракона — так им будет легче вдвоем запугивать все графство.

Утром соседи съехались к замку. Там их встречали слуги и вели в зал, где был подан легкий завтрак. Легкий-то он, конечно, был легкий, но с крепким вином, джином и виски да с жареным поросенком, с фазанами, нашпигованными соловьями, с тушеными цыплятами и фаршированной щукой.

Вы понимаете, почему я об этом пишу? Просто чтобы вам стало ясно, что к полудню все гости были пьяны и обожрались так, что стыдно сказать.

И тогда рыцарь предложил:

— Желающие поглядеть на мое новое приобретение, на маленького, совершенно безвредного и безопасного драконьчика, прошу последовать за мной на башню. Оттуда можно увидеть, как он гуляет.

Шатаясь и громко хохоча, гости поднялись на башню, и Гай Гисборн пригласил их к зубцам северной стороны, откуда открывался вид на лес.

Сверху была видна поляна, посреди которой медленно прогуливался дракон. Иногда он поднимал голову, и раздавался рев, который доносился до башни. Люди, сопровождавшие чудовище на прогулке, стояли вокруг поляны. Было видно, что они не достают ему и до колен. И вдруг дракон открыл пасть, и оттуда вырвалось облако пара, дым, показались языки пламени. Это было настолько страшно, что не-

которые из гостей зажмурились и побежали к лестнице, чтобы не видеть такого ужасного зрелища.

А те, кто остался, стали свидетелями еще более страшной сцены.

Вдруг дракон, которому надоело гулять на поляне, протянул шею и схватил одного из людей, что жались к деревьям.

На испуганные крики гостей рыцарь Гай спокойно ответил:

— Это мои слуги и рабы — нечего их жалеть. Всех не пережалеешь.

— Да, мой рыцарь, — заметил шериф Ноттингемский, — ты прав. Есть люди, которых жалеть и не стоит.

А дракон тем временем вошел во вкус и начал кидаться на остальных людей.

— Они у вас что, к кустам привязаны? — спросил настоятель монастыря.

— Почему вы так решили, отец мой? — удивился Гай Гисборн.

— Они бы успели убежать, если бы хотели.

— Ах, это такое дурачье! — отмахнулся рыцарь.

Дракон расправился с людьми, умаялся, лег посреди поляны и положил голову на лапы. Заснул.

— Теперь вы понимаете, — сказал рыцарь гостям, — почему я не подпустил вас ближе к этому чудовищу?

Все согласились, что рыцарь берег их жизнь.

— Скажите, Гай, — спросил граф Сэмбери, нежный, словно девочка, — а есть ли на вашего дракона управа? Я так его испугался!

— Вместе с драконом, которого я раздобыл на Востоке во время крестового похода, я получил рабыню, которая на вид кажется обыкновенной девушкой, а на самом деле — злобная колдунья, к счастью, еще молодая, так что я с ней справляюсь. Она же от меня без ума!

— Она командует драконом?

— Она за ним следит, кормит его телячьими головами и целыми баранами, а если повезет и приедут торговцы из Африки, то и небольшими крокодилами.

— Кто такие крокодилы? — хором спросили гости. Никто из них такого зверя раньше не видел.

— Когда будут, покажу, — пообещал рыцарь. — Но учтите — это зрелище не для слабонервных! А теперь пошли, чайком побалуемся. — С этими словами Гай Гисборн повел гостей вниз, где они снова уселись за стол пить английскую самогонку под названием «виски».

А когда гости разъехались, рыцарь, пошатываясь, спустился в подвал, где Магдалина уже сладко спала, положив голову Дракоше на брюхо. Он толкнул ее сапогом и разбудил.

— А ты мне не нравишься, — сказал он.

Магдалина вскочила.

— Вы мной недовольны? — спросила она.

— А чему радоваться? Ты слишком умная. Всех моих гостей, уважаемых людей, богачей, провела, как мальчишек. Они поверили, что твоя мелкая ящерица может любого человека проглотить.

— Разве мы с Дракошей не старались?

— Перестарались, — проворчал рыцарь. — Теперь до Лондона слава докатится, а там и от короля приедут, отнимут мою крошку.

Магдалина обняла Дракошу за шею и снова заснула.

А рыцарь хоть и встревожился, не замышляет ли Магдалина какой-нибудь заговор против него, но был доволен тем, что теперь все соседи будут его бояться и трижды подумают, прежде чем угрожать Гаю Гисборну.

Когда рыцарь поднялся наверх, там его ждал последний из гостей, который в общем и не был гостем, а приехал по делу.

Этим гостем оказался толстый, неопрятный, грубый и жестокий шериф Ноттингемский.

Мы, может быть, никогда и не вспомнили бы об этом человеке, если бы он не был злейшим врагом разбойника Робина Гуда. А Робин Гуд, как известно, жил в Шервудском лесу, охотился там на оленей и кроликов, а иногда грабил торговцев и плохих людей, которые осмеливались проехать по дороге через лес, направляясь в Ноттингем, где и сидел этот проклятый шериф.

Конечно, мы знаем и любим Робина Гуда. Он очень веселый, поет песни, отлично стреляет из лука, никого не боится, грабит богачей и защищает бедняков. Ведь его самого выгнал из родного замка рыцарь Гай Гисборн.

Мы-то знаем, что шериф — личность неприятная. Но сам шериф об этом не подозревает, а его друг Гисборн если и подозревает, то никому об этом не рассказывает.

Когда рыцарь вернулся в столовую, шериф как раз доедал компот прямо из огромной кастрюли. Он был ужасным лакомкой.

— Ну как, отдыхает твой людоед? — спросил шериф. — Честно говоря, я тоже испугался. Ты уж будь поосторожнее, а то он невзначай тебя проглотит.

— Никого он не проглотит, — проворчал Гай Гисборн и вырвал из лап шерифа кастрюлю, в которой осталась одна гуща. — Мелкий он, чтобы глотать. Дай бог ему кролика слопать.

— Не скажи! — возразил шериф. — Я сам видел, как он людей пожирал.

— Эх, никому я не открою эту тайну, кроме тебя. — С этими словами Гай Гисборн вынул руку из-за спины. В ней была зажата грубо слепленная из глины кукла в локоть длиной, в платье из тряпок. — Вот кого он пожрал!

— Я чего-то не понял, — сказал шериф.

— Чего уж тут понимать. Дракончик мой недавно родился, ему еще и года нет. И растет он еле-еле, может быть, я и не доживу до того дня, когда он станет настоящим чудовищем.

— Объясни понятней, — попросил шериф. — А то я себя каким-то тупым чувствую.

— Все проще простого. Та ведьма, которая дракона воспитывает, придумала, как мне соседей провести и пугнуть. Она слепила эти куклы, расставила их по краям полянки, выпустила на нее дракона, и он принялся резвиться. Резвился, резвился да и сожрал невзначай кукол. Магдалина боится, что у него теперь желудок от глины испортится.

— Значит, мы сверху смотрели на ящерицу?

— Потому-то я и показывал вам дракона сверху и издали. Вы его с куклами сравнивали, и он вам показался большим.

— Ну вы и молодцы! — восхитился шериф. — Веревка по вас плачет!

— Это военная хитрость, — сказал Гай Гисборн. — Пускай слухи о моем драконе по всему свету катятся, мне спокойнее.

Шериф вздохнул и сказал:

— Ты меня огорчил, дружище. Как же это получается? Я так на тебя рассчитывал.

— Зачем?

— Я хотел с твоим драконом на проклятого Робина Гуда поохотиться. Пускай, думаю, дракон его растерзает. А то он вчера опять оленя свалил.

— Не может быть! Королевского оленя?!

— И когда только это кончится! — опечалился шериф. — Люди в лес боятся заходить: ограбят, обидят, разденут. Полцарства бы отдал тому, кто его заманит.

Гай Гисборн тоже задумался. Он понимал огорчение шерифа. Только понадеялся на дракона, а дракон оказался ящерицей!

— Тут нужна хитрость, — сказал рыцарь.

— Вижу, ты у нас мастер по части хитростей, — проворчал шериф. — Опять свою ведьму позовешь?

— Ей ни слова не скажу. Пускай сидит со своей ящерицей. Я сам все придумаю.

— И что же надо сделать?

— Надо устроить ловушку для Робина Гуда.

— Он не попадется, он хитрый.

— А мы должны стать еще хитрее. Мы должны найти у него слабое место.

— Какое?

— Он из лука стреляет?

— Еще бы! Он себя считает лучшим лучником во всей Англии.

— Вот и замечательно. Мы устроим состязание лучников и пригласим всех желающих.

— А он не пожелает.

— Не пожелает? Тогда мы назначим такой первый приз, что он не сможет отказаться.

— Чем же ты его соблазнишь?

— А тем, что победитель состязаний получит серебряную стрелу с золотым наконечником. Все лучники Англии умрут от зависти.

— А где мы достанем такую стрелу?

— А вот это, шериф, — сказал Гай Гисборн, — уже твои проблемы. Я тебе подарил идею, а уж ты поработай, займись приготовлениями.

— Но ведь стрела денег стоит!

— Шериф, если будешь жадничать, — сказал рыцарь, — никогда тебе Робина Гуда не поймать. Ты забыл, сколько золотых обещано в Лондоне за его голову? Ты забыл, какие сокровища спрятаны у него в пещере? Да ты озолотишься!

Шериф задумался. Думал он долго, даже голова поскрипывала, как спелый арбуз. Наконец он глубоко вздохнул, попрощался с рыцарем и ушел.

Глава двадцать первая

ЛОВУШКА ДЛЯ РОБИНА ГУДА

Через несколько дней по Ноттингему и окрестным городам и селениям разнесся слух: в городе будут устроены состязания на звание лучшего в графстве стрелка из лука. В них может принять участие любой желающий.

А наградой победителю будет почетная серебряная стрела с золотым наконечником.

Разумеется, все мужчины и мальчики от десяти до ста лет через три дня знали об этом, и каждый, у кого был лук, начал тренироваться. Вы бы знали, сколько перебили воробьев и кошек за время этих тренировок!

Рыцарь Гай Гисборн проговорился Магдалине о состязании, и она упросила рыцаря взять ее с собой. Рыцарь согласился и даже разрешил Магдалине перешить для себя одно из старых платьев покойной матушки, которое хранилось в дубовом сундуке.

На большом зеленом поле за городской стеной, где обычно паслись стада овец, принадлежавшие горожанам, соорудили места для знатных гостей. По обе стороны поля за веревками собрались тысячи зрителей. Слева толпой стояли

лучники, справа разместилась большая мишень. На щите, сбитом из досок, был нарисован белый круг, внутри его круг желтый, внутри желтого — зеленый, внутри зеленого — синий, в центре синего — черный, размером с вишню.

Шум стоял невероятный! В толпе бегали продавцы сладкой воды и семечек, играл оркестр, а все знатные и богатые люди графства старались перещеголять друг дружку, кто лучше одет и богаче разукрашен. Особенно это касалось знатных дам.

Шериф Ноттингемский сидел на центральном помосте, а графы и бароны занимали места по обе стороны от него.

Магдалина нашла себе местечко у самой веревки, поближе к цели, куда должны были стрелять лучники.

По знаку шерифа его помощник Мэддок ударил в гонг, первый из лучников, сделав шаг вперед, натянул тетиву и выстрелил. Стрела просвистела рядом с белым кругом и упала на траву.

Трибуны встретили неудачный выстрел хохотом и веселыми криками.

Следующему лучнику повезло больше. Его стрела уткнулась в желтый круг.

Судьи, одетые в желтые камзолы, показывали лучникам, куда идти. Те, кто попал в цель, шли направо, неудачники — налево.

Наконец первая серия выстрелов кончилась. Участникам разрешили выпустить еще по две стрелы. Состязания затягивались, ведь лучников было несколько десятков, но никому не было скучно.

Когда все выпустили по три стрелы, осталось двадцать лучших, тех, кто не промахнулся ни разу.

Начался следующий тур. Для этого мишень оттащили еще на пятьдесят шагов. Магдалине показалось, что так далеко не только что попасть в мишень, а даже дострелить из лука невозможно!

Все двадцать стрелков посылали свои стрелы точно в белый круг, но вот в синий и черный попадали немногие.

Зрители уже выбрали для себя любимцев.

Особенно хорошо стреляли двое: плотный широкоплечий парень с непокрытой головой и одетый во все зеленое

высокий худой мужчина, лицо которого скрывала низко надвинутая шляпа.

Эти два стрелка и остались лучшими из двадцати.

И когда все остальные отошли в сторону, главный судья подошел к финалистам поближе и о чем-то их спросил.

Потом громким голосом воскликнул:

— Начинается последний, решительный тур! В нем участвуют вольный каменщик Хьюберт из Оксфорда...

Плотный парень с непокрытой головой сделал шаг вперед и поклонился трибуне.

Знатные зрители захлопали в ладоши.

Судья обернулся ко второму финалисту и крикнул:

— Второй участник состязаний — Локсли, слуга графа Сэмбери.

Человек в зеленом дотронулся до шляпы, словно хотел ее приподнять, но в последний момент раздумал и лишь немного наклонил голову.

«Ну и гордец! — подумала Магдалина. — Здешние рыцари таких гордецов не выносят. Но, может быть, его хозяин такой знатный граф, что они перед ним робеют?»

На этот раз перед мишенью в землю воткнули тонкий прут.

Первым стрелял Хьюберт. Он долго целился и наконец выстрелил.

Его стрела расщепила прут пополам, а потом вонзилась в деревянный щит мишени.

Все зрители ахнули и стали хлопать в ладоши. Такой меткости здесь еще не видывали.

Хьюберт гордо отошел в сторону. Он уже решил, что выиграл.

Но Локсли это не смутило. Он не спеша поднял лук, вложил в него стрелу и выстрелил, почти не целясь.

Чудо!

Его стрела пролетела сквозь расщепленный прут, а потом ударила в стрелу Хьюберта так, что расколола ее пополам.

Стало так тихо, что было слышно, как половинки стрелы каменщика упали на траву.

А потом трибуны взорвались от восторга. Когда все успо-

коилось и аплодисменты стихли, Хьюберт обернулся к своему сопернику и пожал ему руку.

— Такого стрелка я еще не видел, — сказал он.

— Ты тоже славный лучник, — ответил Локсли.

Шериф встал и поднял над головой серебряную стрелу.

— Подойди ко мне, достойный победитель состязаний, — крикнул он, — и прими заслуженную награду!

Победитель направился к помосту.

«Что он делает!» — ахнула Магдалина. Она уже узнала Робина Гуда.

Робин Гуд подошел к помосту и протянул руку за призом. При этом он низко наклонил голову, словно кланяясь шерифу, но на самом деле пряча от него лицо.

Шериф отдал стрелу победителю и пожал ему руку.

Тысячи зрителей на поле хлопали в ладоши и славили искусство лучника.

Как только приз был вручен, зрители стали расходиться. Робин Гуд проталкивался через толпу, пожимал руки, перекликался с болельщиками. На поле образовалась такая неразбериха, такая толкучка, что даже Магдалина, которая старалась не выпускать Робина Гуда из виду, его потеряла.

Вот тогда-то его и схватили стражники шерифа.

Шериф со своего помоста увидел, как схватили разбойника, и пожал руку Гаю Гисборну.

— Ты молодец, Гай, — сказал он. — Из тебя вышел бы настоящий полководец. Не пора ли тебе пойти воевать с турками?

— Успею, — с усмешкой отозвался рыцарь. — Когда будем судить негодяя?

— А зачем его судить? — удивился шериф. — Завтра с утра и повесим.

Магдалина готова была заплакать, но тут Гисборн ее заметил и крикнул:

— А ну забирайся в телегу! Сколько тебя ждать!

Он торопился проехать через Шервудский лес до темноты. Знал ведь, что разбойники, товарищи Робина Гуда, сделают все, чтобы его освободить. На город им, конечно, не напасть, слишком их мало. Но захватить заложников или

попытаться отбить своего предводителя перед казнью — с них станется!

Рыцарь не боялся за себя. С ним был отряд из десятка закованных в железо солдат, да в двух телегах ехала дюжина слуг. Бояться он не боялся, но в темноте через лес ехать не хотел. Для разбойников лес — дом родной, а для рыцаря и его солдат — чужая вотчина.

Магдалина сидела среди солдат. На телеге было тесно, солдаты громко разговаривали, обсуждали события, произошедшие в Ноттингеме, ругались, не стесняясь сидящей рядом с ними девушки. Для них она была служанкой, такой же, как они, чего уж стесняться!

Зарядил мелкий дождик, ветер все усиливался и кидал капли дождя в лицо. Солдаты накрылись плащами и тихо переругивались.

В лесу стало темно, могучие деревья подступали прямо к дороге, листва тревожно шумела.

Вдруг кто-то загоготал страшным голосом, и кто-то другой откликнулся диким свистом.

Заржали кони, солдаты спрыгивали с телеги и разбегались в разные стороны. Рыцарь Гай крутился на коне между своими смельчаками и громко ругался. Но его мало кто слушал.

И тут Магдалина поняла, что наступил ее час.

Всегда лучше действовать, бежать, сражаться, чем ждать у моря погоды.

Она кинулась к кустам, откуда доносились страшные голоса. Ведь, в отличие от солдат рыцаря Гисборна, она знала, что чудес не бывает, а драконы — всего лишь обыкновенные динозавры.

Магдалина мчалась по лесу, мокрые ветки хлестали ее по рукам, корни норовили схватить ее за ноги и за длинное платье.

Шагов через двести она остановилась и крикнула:

— Есть тут кто живой?

Молчание. Только капли дождя щелкают по листьям да издали доносятся голоса — на дороге неизвестно с кем сражается рыцарский отряд.

И вдруг совсем близко послышался высокий — не разберешь, мужской или женский — голос:

— Ты кто такая?

— Магдалина.

— Раз ты такая грешница, что не побоялась в лес сунуться, бросай оружие!

— Нет у меня никакого оружия! — крикнула Магдалина. — Вы что, не видите?

— Видеть-то видим, — проворчал толстый монах, выходя из кустов. — Да, может, ты не одна, а за тобой стражники шерифа стоят?

— Так вы посмотрите! — ответила Магдалина. — Неужели вы такие трусы?

— Мы не трусы, — обиделся монах. — Мы — пуганые птицы.

Он спрятал кинжал за веревочный пояс.

— А я, — сказал он уже более дружелюбно, — преподобный Тук. Ты обо мне, может, и не слыхала.

— Слыхала, — сказала Магдалина. — Читала я о вас.

— Не понял твоей шутки, девочка. Кто будет писать о монахе-разбойнике?

— Ах, это длинная история! — отмахнулась Магдалина.

— Тем более я еще не видел девочек, которые умели бы читать!

Магдалине это надоело.

— Хватит называть меня девочкой! Я уже взрослая!

— Ну, как знаешь, — согласился монах. — Только скажи мне, взрослая девочка, как ты здесь оказалась?

— Я ехала на телеге с солдатами рыцаря Гая Гисборна, — объяснила Магдалина.

— Час от часу не легче. Ты что, их девка?

— Не знаю, что вы хотите этим сказать, — ответила Магдалина, — но я служу у рыцаря и забочусь о его драконе.

Монах чуть не подпрыгнул от любопытства.

— Неужели у него в самом деле есть дракон? Мы все думали, что это шутка. Пугалка.

— Разве вам Робин Гуд не рассказал? Я же ему показывала дракона.

— Не врешь? — спросил другой разбойник, который незаметно вышел из чащи.

— Спроси у Робина.

Второй разбойник был высоким, как баскетболист. Магдалина сразу узнала в нем верного друга Робина Гуда Маленького Джона. Он держал в руке трещотку. Вот чем разбойники рыцаря пугали!

— Я не могу спросить у Робина, — сказал он. — Ты же знаешь, он в темнице и завтра его казнят. Но мы этого не допустим! Мы только что напали на рыцаря Гисборна.

— Очень он вас испугался! — съязвила Магдалина.

Разбойник смутился и признал:

— Нет, не очень. Но шум мы подняли знатный!

— Давайте быстро думать, — сказала Магдалина. — Мне нужно вернуться к рыцарю Гаю раньше, чем меня хватятся.

Разбойники Магдалину разочаровали. Она-то в детстве читала, что они были смелыми, умными и находчивыми. А вот теперь они стоят перед ней и смотрят на нее, как детки, потерявшие свою мамочку.

Маленький Джон чуть не плачет, монах Тук, хитрый толстяк, достал из-под рясы плоскую бутылочку и сосет из нее, как младенец.

— Придется мне взять командование на себя, — сказала Магдалина. — Вижу, что вы сами ни на что не способны.

Разбойники были так расстроены, что даже не стали спорить с маленькой девушкой.

— Говори, — сказал монах Тук. — Говори, а мы тебе поможем.

— Надо освободить Робина Гуда.

Все согласились.

— А где лучше всего это сделать? — спросила Магдалина.

— Завтра в городе, когда его вешать будут, — ответил Маленький Джон. — Мы в город ворвемся, стражу перестреляем, остальных изрубим, а нашего Робина выведем в лес.

— Замечательно, — сказала Магдалина. — И сколько же вас, таких смелых?

— Много, — ответил Маленький Джон. — Пальцев не хватит.

— И что у вас есть? Пушки, танки, самолеты?

Разбойники смотрели на Магдалину как на сумасшедшую. Они даже слов таких никогда не слыхали.

— Нам, докторам, все ясно, — подвела итог Магдалина. — Больной сам не выздоровеет.

Настроение у Магдалины было отличное. Она же человек дела! Она должна все время что-то делать, а вместо того просидела несколько месяцев в подвале с единственным собеседником. Да и тот оказался огнедышащим драконом, который даже говорить не умеет.

— А что же нам делать? — уныло спросил Маленький Джон.

— Есть у меня одна идея. Я не могу о ней рассказать сразу, потому что кто-то из вас может проговориться, и тогда все погибнет.

— Обижаешь, начальница! — сказал Маленький Джон. — У нас доносчиков нету.

— Доносчики появились раньше, чем следователи, — ответила Магдалина. — Всегда найдется предатель, которому срочно нужно тридцать сребреников.

Разбойники стали коситься друг на друга с подозрением. Но Магдалине было некогда оставаться с шайкой.

— Сейчас я вернусь в замок рыцаря Гисборна, — сказала она. — А вы, как стемнеет, ждите меня на опушке леса.

— Когда совсем стемнеет? — спросил монах Тук.

— Или когда луна взойдет? — уточнил другой разбойник, которого Магдалина раньше и не заметила, потому что он сидел под кустом совсем неподвижно, как большой гриб. Он весь зарос бородой, косматые волосы свисали ниже плеч, а одежда разбойника была сшита из шкур.

— Это наш Джимми-отшельник, — сказал Тук. — Он то приходит, то уходит. Загадочная личность.

— Я буду на опушке, когда взойдет луна, — решила Магдалина.

За время жизни в пятнадцатом веке Магдалине понравилось определять время по Солнцу, Луне, звездам и петушиному крику. Да и Дракоша ей помогал — он требовал кормежки и начинал пускать дым изо рта и ноздрей ровно в шесть утра, в двенадцать дня и в шесть вечера. Можно любые часы проверять!

Поэтому Магдалина отлично знала, что луна взойдет в десять двадцать.

Договорившись с разбойниками, Магдалина со всех ног кинулась к дороге, а по ней к замку рыцаря.

Бегать Магдалина умела. Ведь в школе она была самой маленькой и постоянно боялась, что над ней будут смеяться. Так что она вставала в шесть утра и бегала до восьми, когда начинались занятия в школе. За это время она успевала обежать вокруг школы шестьдесят раз. И в конце концов научилась бегать так быстро, что даже самые могучие дылды от нее отставали. В школе ее прозвали ласточкой Магдой.

В далеком прошлом у Магдалины соперников не было.

Я вам должен сказать, что в пятнадцатом веке вообще спортом никто не занимался, если не считать рыцарских турниров. То есть стрельбы из лука и драки на копьях или мечах. Об остальных видах спорта — а уж тем более об Олимпийских играх, которые так любили древние греки, — люди вообще забыли.

Так что Магдалина догнала рыцаря Гая Гисборна и его компанию еще в лесу.

Кто-то из солдат, что ехали в телеге, заметил ее издали и закричал:

— Смотрите, сэр, кто за нами бежит! А мы думали, что ее пристукнули.

Рыцарь остановил коня и подождал, пока Магдалина приблизится.

— Что они с тобой сделали? — спросил он строго. — Обидели или издевались?

— Да я от них под кустом спряталась, — сказала Магдалина. — А вот почему вы убежали и меня не спасли, это меня удивляет.

— Ты не стоишь того, чтобы ради тебя рисковать моими солдатами, — ответил рыцарь.

— Эти ваши слова, — обиделась Магдалина, — я обязательно передам дракону. Он у меня памятливый. Вот подрастет и вам это припомнит.

Рыцарь сначала вспылил, даже занес руку с хлыстом, но потом расхохотался — видно, понял, что Магдалина права: не оставляют рыцари дам в лесу на милость бандитов.

— Ладно уж, — сказал он. — Только, боюсь, никому из нас не дождаться, пока твоя ящерица станет настоящим драконом.

Глава двадцать вторая

МАГДАЛИНА У РАЗБОЙНИКОВ

Впереди над лесом показалась башня замка Гая Гисборна.

Солдаты оживились. Они проголодались и надеялись, что сэр Гай по случаю такого трудного путешествия прикажет выдать им по кружке пива.

Но оказалось, что проголодались не только они.

Над долиной пронесся страшный рев чудовища.

Солдаты замерли. Такого они еще не слышали.

Даже сэр Гисборн в первое мгновение вздрогнул и чуть было не пустился наутек, да сообразил, что это рычит голодный дракон.

Магдалина готова была заплакать — такой виноватой она себя чувствовала перед бедным Дракошей.

Она соскочила с телеги и побежала к замку.

Правда, ничего ей это не дало, потому что ворота для нее не растворили. Пока не подъехал сам Гай Гисборн, Магдалина стояла у ворот, а Дракоша изнутри сотрясал воздух и стены замка своими голодными воплями.

Когда Магдалина вбежала в подвал, она увидела, что там все разбросано и перевернуто. Рассерженный дракон изорвал подстилку, сломал стол и разворошил постель Магдалины.

Хозяйку он встретил как злейшего врага. Зарычал и отвернулся, словно она нарочно его голодом морила.

Но после ужина подобрел и выслушал рассказ Магдалины о состязании лучников и о том, как Робин Гуд угодил в тюрьму.

Дракоша так расчувствовался, что положил тяжелую голову на колени хозяйке и принялся капать на пол тяжелыми слезами.

Тем временем наступила ночь, огоньки в окнах и бойницах замка погасли, а свечи горели лишь в комнате рыцаря, который что-то замышлял.

Магдалина услышала, как скрипит засов — заперли ворота. Значит, и стражники сейчас отправятся на бочок. Кому охота торчать у ворот ночью? Еще простудишься.

Потом погас свет и у рыцаря. Можно уходить.

Магдалина осторожно отворила дверь во двор замка. Там было пусто.

Быстро неслись облака. Лишь изредка в них были видны кусочки звездного неба.

Из хижины, в которой вповалку спали солдаты, доносился громкий храп.

Магдалина вела Дракошу на веревке, чтобы невзначай не сбежал.

Главное было — открыть ворота замка. Засов оказался длиной в метр и страшно тяжелый, его обычно отодвигали два солдата.

Магдалина никак не могла с ним справиться. К счастью, Дракоша сообразил, что надо делать — уперся в засов бронированной головой, и тот поддался.

Ворота Магдалина открывала медленно-медленно, но все равно раздался скрип. Магдалина замерла.

Ничего. Только испуганные вороны взвились в черное небо.

Магдалина проскользнула в щель и вытащила за собой драконозавра. Тот упирался, он боялся ночного леса.

Шепотом Магдалина его успокаивала.

Потом они побежали по дороге к лесу. Тюк-тюк-тюк-тюк — стучали по лужам и мокрой грязи ножки Магдалины. Шмяк-шмяк-шмяк — шлепали лапы дракона.

Бежали они долго. Оба устали.

Дорога вошла в лес, пересекла опушку, и вот впереди показался просвет — там были поля, а за ними город Ноттингем.

— Есть здесь кто? — крикнула Магдалина. И тут же из-за деревьев вышли разбойники. Они увидели, что перед ними не только Магдалина, но и еще что-то, черное и большое.

— Кого привела? — спросил монах Тук.

— Не бойтесь, — сказала Магдалина. — Это мой дракон.

Только он еще не совсем дракон, а дракончик. Ведь у драконов тоже бывают дети.

— Драконьи дети в яйцах сидят, — заметил Маленький Джон.

— Мой Дракоша уже вылез на свет.

— Небось кусается, — опасливо покосился на дракона косматый и мохнатый Джимми-отшельник.

— Он своих не кусает, — успокоила разбойников Магдалина.

Наконец-то луна выскочила из-за облаков и осветила Дракошу.

Дракоше тоже было страшно, и он крутил головой. От волнения он стал пускать дым из ноздрей, а когда приоткрыл пасть, в ней загорелся красный огонь.

Разбойники кинулись в разные стороны.

— Перестаньте, трусы! — рассердилась Магдалина. — Если вы намерены прятаться в кустах, то мы никогда не спасем Робина Гуда. Лучше подойдите поближе, познакомьтесь с Дракошей. Он с друзьями хороший, добрый. Он только к врагам жесток.

Магдалина не хотела говорить разбойникам, что Дракоша — вегетарианец и варит во рту репу и фасоль. А вдруг среди них есть шпионы шерифа?

Разбойники знакомиться с драконозавром не спешили, но трепетали уже не так, как прежде.

Наконец Маленький Джон сказал:

— Что-то он маловат для дракона.

— Маловат? — спросила Магдалина. — Так подойди и погладь его, почеши за ушком моего малыша!

Желающих погладить дракона не нашлось. Все-таки он был уже ростом с корову, может, чуть поменьше, зато в длину куда внушительнее, потому что один хвост тянулся за ним на метр, а то и больше.

— Дракоша нам поможет освободить Робина Гуда, — сказала Магдалина.

— И как же, интересно? — спросил кто-то из темноты.

— Будем пугать стражу, — объяснила Магдалина. — У вас факелы есть?

— В пещере есть.

— Несите сюда, только поскорее. А мы пока к городу пойдем.

Магдалина понимала, что ей надо быть уверенной в себе, ничего не бояться, тогда и разбойники будут храбрыми.

Она пошла по дороге к городу. За ней на веревке топал динозавр. А сзади, отстав на несколько метров, плелись разбойники.

Магдалина пока еще ничего не придумала — она знала только, что нужно пробраться к тюрьме. А как?

— Послушай, — сказала она монаху Туку, который показался ей поумнее других разбойников, — если бы тебе надо было в город пробраться, где это лучше всего сделать?

Некоторое время они шли молча. Монах думал, остальные разбойники тоже задумались.

Наконец Тук сказал:

— Со стороны речки, где деревья растут. Там стена совсем обвалилась.

— Это точно, — подтвердил Маленький Джон. — На той неделе мне выпить захотелось, так я там перелезал.

— А Дракоша там перелезет?

— Должен перелезть, — сказал монах.

Они еще некоторое время шли молча, а потом Магдалина спросила:

— Все здесь?

Разбойники посовещались, и монах Тук сказал:

— Вроде все.

— И Джимми здесь?

— Здесь я, здесь, — откликнулся лохматый разбойник. — Что же это получается, раз не постригся, то уж и подозрительный, да?

— Мы не можем рисковать! — строго сказала маленькая Магдалина. — А то все погибнем.

Не доходя до городских ворот, разбойники повернули направо, к речке, где лес близко подступал к городской стене. Под прикрытием деревьев они и в самом деле смогли перебраться через стену и оказались на задворках какого-то старого каменного дома.

Дальше их вел Маленький Джон, который знал дорогу до трактира, а уж от трактира до тюрьмы оставалась пара шагов.

В городе было темно, ведь в те времена жили при свечах, а свечи денег стоят. Так что спать ложились, как только темнело, а просыпались с рассветом. Из-за этого зимой спали куда больше, чем летом, но сами этого не замечали.

А фонарей на улицах Ноттингема не было вовсе. Ну какому хорошему человеку вздумается ночью по улицам ходить? Разве он вор или грабитель? Спал славный город Ноттингем. Никто в нем не читал книжек и не смотрел телевизор, никто не ходил в ночные клубы, не танцевал до утра на дискотеке. И знаете почему? Потому что ничего подобного в Ноттингеме не было.

Только луна освещала улицы этого города.

— Стой! — прошептал Маленький Джон. — Вот она, тюрьма.

— Факелы с собой? — спросила Магдалина.

— Ага, — ответил отшельник Джимми.

— Зажигайте! — скомандовала маленькая геологиня.

Магдалина подошла к двери тюрьмы и постучала. Никто не откликнулся.

— Погоди, малышка, — прошептал Маленький Джон.

Он отстранил ее и нажал на дверь плечом.

И чуть не упал, потому что дверь оказалась не заперта и распахнулась внутрь.

Все замерли.

Но вокруг стояла тишина. Только где-то далеко лаяла собака.

Маленький Джон вошел в тюремный коридор. Куда идти дальше, он не знал и прислушивался.

Вдруг раздался голос:

— Кто там?

— Свои, — отозвался Маленький Джон, но, видно, стражник не поверил.

— Свои дома спят, — сказал он и закричал: — Стража, тревога!

— Факелы! — крикнула Магдалина.

Факелы уже горели. Магдалина не зря велела их зажечь. Она рассудила, что стражники конечно же одолеют разбойников. Но если их напугать, то все может обернуться иначе.

А как сделать так, чтобы они испугались?

Надо показать им страшного дракона!

Но нельзя же показывать людям страшного дракона в полной темноте. Ведь тогда его никто не увидит и не испугается!

А вот свет факелов, такой тревожный, неровный и дрожащий, — самое лучшее освещение для небольшого дракона, при котором он покажется огромным и ужасным.

Два разбойника с факелами шли по коридору. Между ними вышагивал Дракоша, которому все это приключение очень понравилось.

Следом шла Магдалина и все остальные разбойники.

Стражники были готовы к нападению. Они уже натянули железные шлемы и схватились за мечи. Стражники могли изрубить и растерзать любого разбойника, но они никак не ожидали увидеть живого дракона, который исторгал из пасти дым и огонь.

В неверном свете факелов под крики разбойников дракон показался им вдесятеро больше настоящего.

Сбивая друг друга с ног, стражники кинулись в свободную камеру и закрылись изнутри.

А в соседней камере сидел Робин Гуд.

Его сразу нашли, потому что он услышал шум и звон мечей и догадался, что к нему на выручку идут его друзья.

— Сюда! — крикнул он. — Я здесь! Ко мне!

Маленький Джон откинул засов его камеры, монах Тук развязал узнику руки и ноги, и все вместе они побежали прочь из тюрьмы.

Последними отступали Магдалина и ее Дракоша.

А Робин Гуд совсем их не испугался, потому что был с ними отлично знаком.

Магдалина с Дракошей остались в лесу с разбойниками. Не возвращаться же им в замок к Гаю Гисборну! Он ведь догадается, где они ночью побывали, и тогда ни Магдалине, ни дракону не сносить головы. К тому же в лесу куда веселее, чем в подвале, свободно, климат лучше, а уж про еду и говорить нечего!

А к Дракоше разбойники привыкли в тот же день. Он для них стал одним из членов шайки. Вместе совершили набег на город, вместе освободили вожака.

Про Магдалину и говорить нечего. Если бы она не была такой маленькой и молоденькой на вид, разбойники называли бы ее мамашей. А так они стали называть ее сестричкой. А Магдалина не обижалась. Ей, оказывается, давно хотелось поразбойничать, только случая не было.

Когда рыцарь Гай проснулся, он узнал от слуг, которые понесли дракончику утреннюю репу, что ни дракона, ни Магдалины в подвале нет.

Рыцарь страшно разозлился, перепорол всех слуг, сломал о спину своего помощника дубовую палку, ведь он такой ценности лишился. Вчера его боялись все, а сегодня — никто!

А тут еще прискакал из города посланец от шерифа с плохой вестью: оказывается, ночью из темницы сбежал сам Робин Гуд, которого стерегла дюжина самых свирепых стражников. И все клянутся, что на них напал самый настоящий дракон, что они сражались с ним до последней капли крови, но дракон их победил, схватил Робина Гуда в зубы и поднялся в воздух.

Конечно, стражники привирали, но нетрудно было догадаться, что доля правды в их словах была. Ясное дело — эта проклятая Магдалина притащила своего дракона в тюрьму, перепугала стражников и освободила разбойника.

Оставалось одно — идти походом на Шервудский лес и уничтожить всех разбойников, ведьм, а заодно и сбежавшего дракона. Теперь уже им никого не испугаешь. Кто испугается ящерицы? К тому же ящерицы, которая, как выясняется, нарушила закон и полезла в тюрьму, чтобы освободить преступника.

Сэр Гай размышлял, как лучше выпутаться из положения, в которое попал. Он стоял перед окном своей комнаты в башне замка и глядел на поляну, где совсем недавно Магдалина так здорово провела его соседей. И зачем только он взял эту негодяйку с собой в Ноттингем? Там она и сговорилась с разбойниками. Нет, никогда нельзя быть добрым. На добрых всегда верхом ездят.

Как исправить положение и не испортить отношений с шерифом? Ведь шериф потерял добычу и никогда не сознается, что сам во всем виноват.

К тому же эта ведьма со своей ящерицей так дорого обошлась! Кормить их приходилось каждый день, да не раз, согревать подвал, печку топить... Не сосчитать благодеяний!

Как сделать так, чтобы убить дракона и разбойников, да еще и заработать на этом?

— Придумал! — воскликнул наконец Гай Гисборн. — Пускай этот дракон сам за себя платит!

И он приказал седлать коней.

Взяв с собой лишь двоих слуг, рыцарь отправился в Лондон. Его путь растянулся почти на неделю. Дело в том, что сэр Гай был верным слугой короля, а значит, и Алой розы.

А путь его пролегал мимо замков, в которых засели сторонники Ричарда Йоркского, то есть Белой розы.

Поэтому Гай Гисборн приказал слугам держать наготове сразу два цветка. Если он видел впереди рыцаря с белыми розами на щите, он брал в руки белый цветок.

И вот с такими предосторожностями он добрался до столицы.

А там он пошел к доктору Флибустьеру.

Вам уже хорошо известно это имя.

Доктор Флибустьер слыл специалистом по ядам. Несмотря на молодой возраст, он был известной фигурой в Лондоне. Его мало кто любил, но многие нуждались в его услугах. Некоторые говорили, что ему место на костре, а другие ждали, когда он туда угодит, и писали доносы на Флибустьера в святую инквизицию. Но доктор Флибустьер был нужен и святой инквизиции...

Вот к такому человеку и приехал рыцарь Гай.

Он сделал вид, что просто соскучился по старому другу, а старый друг сделал вид, что соскучился по сэру Гаю. Они выпили по стаканчику славного шотландского виски, поговорили, как положено, о погоде и ценах на овес, а потом сэр Гисборн сказал:

— Подарочек я тебе привез. По твоей специальности.

В кабинет доктора вошел слуга сэра Гая, развязал большой мешок и вытащил оттуда кусок драконьей шкуры.

Рыцарь бросил шкуру на стол.

— Что ты про это скажешь? — спросил он.

Доктор ахнул.

— Это же шкура молодого дракона! — воскликнул он. — Откуда ты достал это чудо? Неужели тебе привезли его из Китая?

Рыцарь усмехнулся:

— Ты ученый, должен был сразу догадаться. Когда мой дракон линял, я взял кусок шкуры и сохранил, чтобы сделать тебе подарок.

— Так этот дракон существует? — возопил Флибустьер.

Он так дернул себя за длинные черные усы, что чуть было не вырвал их с корнем.

— Он жив и здоров. И я хочу устроить на него охоту.

— Разве у тебя много драконов?

— Это единственный дракон в Англии. Возможно, даже последний в мире.

— Как он к тебе попал?

— Мне удалось отыскать его яйцо, которым владела одна молодая ведьма, — сказал рыцарь. — Она влюбилась в меня без памяти и попросилась в мой замок. Дракон родился, и я его целый год держал в подвале.

— Зачем же устраивать на него охоту? — никак не мог понять доктор.

— Потому что... потому что мне нужны деньги. Много денег!

Рыцарь не сказал доктору Флибустьеру всей правды. Он не стал рассказывать, что дракон от него убежал, он не стал рассказывать, что хочет убить Робина Гуда и Магдалину. Рыцарь сказал только про деньги, потому что знал: доктор лишь делает вид, что он бескорыстный ученый. А на самом деле за пенс он готов родную маму задушить. Недаром готовит яды и продает их.

— Я хочу устроить большую охоту в Шервудском лесу, — сказал рыцарь Гай. — Пусть в ней участвуют все вельможи королевства. Ведь никто и никогда еще не охотился на настоящего дракона. Пускай ко мне приедут все Йорки и Ланкастеры, все герцоги и бароны. Но каждый, кто захочет попытать счастья, должен будет заплатить мне сто гиней!

— Что? Это же огромные деньги! — воскликнул доктор. — И как я могу тебе помочь?

— Очень просто. Любому знатному придурку, который

придет к тебе за ядом или противоядием, говори, что ровно через две недели в Шервудском лесу состоится великая и неповторимая охота на настоящего дракона, притом каждый имеет право убить разбойника — их в лесу слишком много развелось. А тот, кто убьет проклятую молодую ведьму Магдалину, получит свои деньги обратно.

— А какая доля мне? — поинтересовался доктор.

— Десять гиней с каждой сотни.

— Пятьдесят!

— Двадцать!

— Тридцать!

— Двадцать пять!

Тут они ударили по рукам.

И сэр Гай отбыл в Ноттингем готовиться к облаве на дракона и Робина Гуда.

Глава двадцать третья

ОХОТА НА ДРАКОНА

Алиса с Жанной летели на север от Лондона.

Они старались держаться главной дороги, но летели не прямо над ней, а сбоку, чтобы их не было видно путникам.

У Алисы зрение как у орла, а у ковра-самолета — как у телескопа.

— Глядите, — сказал ковер, — большая процессия. Думаю, что на охоту собрался сам герцог Ричард Йоркский.

— Почему ты так решил?

— Посмотри на знамена. На всех белые розы.

И впрямь, перед процессией ехали знаменосцы со стягами, на которых были нарисованы белые розы.

Через некоторое время они обогнали еще одну группу всадников, сопровождавших богатые носилки. На знаменах этой компании красовалась красная роза.

— Ланкастеры, — сообщил ковер, который уже кое-что выучил из английской жизни пятнадцатого века. — Туда же.

Иногда Алиса удивлялась этому старому ковру. Ведь все разговоры с хитрым доктором Флибустьером велись без него. Он же оставался в гостинице!

И тут ковер, словно подслушав мысли Алисы, сказал:

— В гостинице стены тонкие, а постояльцы и слуги только и делают, что разговаривают. Нет на свете более болтливой нации, чем англичане. Я без вас все узнал про Белую и Алую розу, про Йорков и Ланкастеров и про большую охоту, в которой будут участвовать все — от королевы до Ричарда, герцога Йоркского. Бешеные деньги заплатили они сэру Гаю Гисборну за право поохотиться на дракона — по сто гиней с каждого рыцаря.

— Не понимаю, — сказала Алиса. — Честное слово, не понимаю. Зачем им охотиться на дракона? Ведь он никому вреда не причинил. И где же Магдалина?

— Говорят, что дракон подчиняется ведьме, — сказал ковер. — А скрывает их у себя известный разбойник Робин Гуд. В лесу.

— Ковер, наверное, прав — сказала Жанна.

Она уже привыкла летать на ковре и сидела на краю, свесив ноги, совсем как безрассудный мальчишка.

А один раз она захотела поймать пролетавшего мимо ястреба и еле удержалась за край ковра. Алисе пришлось броситься за ней, чтобы спасти французскую героиню.

— Ты забыла, что ты взрослая женщина? — укоризненно спросила Алиса. — Что я скажу герцогу, если ты свалишься?

— Боюсь, что он обо мне уже забыл, — печально сказала Орлеанская дева. — Нашел себе другую героиню и утешился... Если он еще жив...

Тут и Алиса вспомнила, что они оставили герцога де Рэ в руках врагов.

— Как только мы закончим гоняться за твоим драконом, — сказала Жанна, — помоги мне вернуться во Францию.

— Но ведь тебя там схватят?

— Меня везде могут схватить, — вздохнула Жанна. — У меня везде враги, а уж англичане — в первую очередь. Но лучше я погибну вместе с герцогом, потому что на всем белом свете у меня больше никого нет.

— Ладно, — сказала Алиса. — Мы еще до дракона не долетели. Давай сначала Магдалину спасем, а потом тебя.

— Алиса, взгляни на карту, — попросил ковер. — По-мо-

ему, мы уже у цели. Справа — Ноттингем, а слева начинается большой лес. Проверь.

Алиса заметила внизу пастушка, гнавшего стадо овец.

— А ну, давай-ка спустимся и спросим, — предложила она.

— Если только он не умрет со страху, — буркнул ковер-самолет, но спустился.

— Мальчик, — крикнула сверху Жанна, — как пройти в Шервудский лес?

Пастушок посмотрел наверх, отмахнулся и крикнул:

— Даже разговаривать с вами не хочу!

— Почему? Испугался?

— Чего тебя бояться? Мне просто обидно.

— Почему?

— Устроили охоту на нашего дракона и нашего Робина Гуда. Охотьтесь, кто вам мешает! Но кто вам разрешил с неба высматривать? Так, конечно, вы дракона отыщете. Это нечестно!

Алиса рассмеялась, Жанна улыбнулась. Даже ковер захихикал.

Потом Алиса крикнула:

— Ты не прав, смелый мальчик! Клянусь тебе, мы друзья дракона и Робина Гуда! Мы хотим ему помочь!

— Честно?

— Честное слово!

Пастушок подумал немного и сказал:

— Вон там, за пригорком, и начинается Шервудский лес. Там живут только лесники и разбойники. Я, когда подрасту, тоже пойду в разбойники. Надоело быть рабом!

— А как нам побыстрее Робина Гуда найти? — спросила Алиса.

— Этого никто знать не должен, потому что это — военная тайна. Если каждый будет знать, где найти Робина Гуда, то и шериф Ноттингемский будет знать, как его найти.

— Но мы же его друзья!

— Ну, если друзья, то я вам скажу. Летите одну милю от опушки леса. Увидите ручей, за ручьем громадный дуб. В три обхвата и до облаков ростом. Вот за этим дубом будет поляна, на поляне горит костер, а рядом с костром пещера. На

костре разбойники ужин готовят, а в пещере спят, когда дождик.

— Вот это точное объяснение, — похвалила пастушка Алиса. — Ставлю тебе «отлично»!

Они полетели к лесу.

Вскоре показался ручей, за ручьем возвышался огромный дуб, под дубом горел костер, а у костра сидело несколько человек.

Алиса велела ковру спуститься, но не у самого костра — зачем пугать разбойников, могут с перепугу еще и пристрелить! — а за стволом дуба.

— Эй! — крикнула Алиса. — Вы разбойники из шайки Робина Гуда?

— А ты кто такая? — послышалось в ответ.

— Мы спасательная экспедиция двадцать первого века, которая разыскивает младшего научного сотрудника Магдалину Дог!

— Ой! — раздался тоненький голосок. — Неужели это ты, Алиса? Неужели меня нашли?

— Можно нам приземлиться? — вежливо спросила Алиса. — А то наверху дождик идет.

— Садитесь, садитесь, — раздался молодой звонкий голос. — Только в костер не попадите.

— Какой славный голос, — сказала Жанна. — Голос настоящего мужчины.

Алиса с удивлением посмотрела на французскую героиню. Что-то раньше она от нее таких слов не слышала.

Ковер послушно опустился на траву.

Вечер еще не наступил, но было сумрачно и моросил мелкий дождик. Над костром поднимался едкий дым, который ветром разносило по всей поляне. Ковер закашлялся, и все посмотрели на него с удивлением. Алиса быстренько свернула ковер, чтобы не наговорил лишнего, и хотела отнести его в пещеру, но тут к ней подбежала Магдалина и принялась ее тискать, обнимать и целовать, словно Алиса совершила какой-то подвиг.

— Ничего особенного, — сказала Алиса. — Я решила тебя по динозавру найти. И нашла. А кстати, где твой динозавр?

— Где-то здесь был, — пожала плечами Магдалина. — Дракоша! Дра-ко-ша! Ты куда запропастился, негодный мальчишка?

— Дра-ко-ша! — хором закричали разбойники.

А главный из них, в котором Алиса сразу угадала Робина Гуда, вышел вперед, поздоровался с Алисой за руку, а потом повернулся к Жанне д'Арк. Они как начали пожимать друг дружке руки, так и не смогли их разъединить. Стояли и трясли руками, словно воду качали из колодца.

А Алиса тем временем познакомилась с монахом Туком, Маленьким Джоном, Красавчиком Дейлом и лохматым человеком по имени Джимми. Потом она наконец добралась до пещеры и положила ковер в сухое место, чтобы не простудился.

И у входа в пещеру Алиса столкнулась с Дракошей.

Вот не ожидала, что малыш так вырос! Он был ростом с корову, из красной пасти валил пар, дракон мычал и рычал.

— Иди сюда! — закричали от костра разбойники. — Мы заждались!

Дракоша оттолкнул Алису, словно она была табуреткой, и пошел к костру. Там он разинул свою немалую пасть, а разбойники стали совать туда руки и доставать горячую вареную репу.

— Ну и молодец ты, Дракоша! — говорили они. Дракон был доволен. От радости он постукивал о землю хвостом с когтем на конце.

— Это он? — спросила Алиса, будто где-то мог спрятаться еще один дракон.

— Он самый, — с гордостью ответила Магдалина. — Правда, он душка?

— Душка, — согласилась Алиса. — А он не кусается?

— Ты с ума сошла! С чего бы ему кусаться? Ведь он — мой воспитанник, а я укусов не терплю.

— Тогда расскажи мне, как ты здесь оказалась и что делала столько времени, — попросила Алиса.

— Хорошо, — сказала Магдалина, — я тебе все расскажу. А ты мне за это расскажешь, как ты меня искала и нашла, в каких странах побывала и каких видела драконов.

Алиса и Магдалина забрались в пещеру, легли на сено и

до самой темноты шептались, рассказывая о своих приключениях.

Тем временем Жанна поведала разбойникам о том, что вся английская знать выехала на охоту в Шервудском лесу, что они намерены убить дракона, а заодно, а может и первым делом, поймать и растерзать ненавистного Робина Гуда.

Жанна рассказывала всем разбойникам, а глядела только на Робина, который тоже не мог оторвать от Орлеанской девы глаз. Но никто не обратил на это внимания, потому что разбойники испугались и стали обсуждать, как им защититься от тысячи рыцарей и солдат, куда бежать и где скрыться.

Дракоша об этих разговорах не знал, а гулял вокруг, выкапывал острыми когтями из земли какие-то коренья, кидал их в пасть и варил.

Стемнело.

В лесу стало тихо.

Порой издалека доносились странные, чужие для Шервудского леса звуки — то заиграет охотничий рожок и ему откликнется боевая труба, то зазвенит оружие, а то послышится громкая военная песня.

— Эх, — вздохнул Робин Гуд, — как бы нам увидеть, где все эти охотники, откуда они к нам подбираются.

— Нет ничего проще, — ответила Алиса. — Ты же знаешь, что у нас есть ковер-самолет. Я тебя отвезу, куда захочешь.

— Прости, Алиса, — вмешалась Жанна, — хоть ты умная и смелая, но речь идет о настоящей войне. Эти люди приехали убить Робина и дракона, а если мы им попадемся, то и нас с тобой убьют. Поэтому вместе с Робином полечу я.

— Это еще почему? — удивилась Алиса. — Это нечестно! Это мой ковер!

— Жанна права, — вдруг откликнулся из пещеры ковер. — Дело серьезное.

Алиса подумала и согласилась. В самом деле, Жанна лучше сумеет подготовиться к бою.

— А кто ты такая? — спросил Маленький Джон. — Почему ты хочешь воевать?

— Я уже воевала!

— Где же? В обозе?

— Она командовала армией! — заступилась за Жанну Алиса, но тут же зажала рот ладошкой.

Как можно так проговориться! Ведь Жанна совсем не забыла о своем героическом прошлом и больше всего боится, что кто-нибудь о нем узнает, а тогда ей не жить.

Но никто, кроме Робина, этого не услышал. Разбойники были слишком озабочены предстоящим боем и думали, куда бы им сбежать.

— Полетели? — спросил Робин Гуд у Жанны.

— Разумеется, — ответила Орлеанская дева и пошла в пещеру за ковром.

— Слушай, — обратился к Алисе Робин Гуд, — кто она такая?

— Она из Франции, — сказала Алиса.

— Она принцесса? Или герцогиня?

— Насколько я знаю, она родилась в крестьянской семье.

— Жалко, — вздохнул Робин Гуд. — Она так похожа на принцессу.

— Извините, — спросила Алиса, — а почему вам хочется, чтобы Жанна оказалась принцессой?

— Но ведь интересно! — воскликнул разбойник.

Жанна принесла ковер и расстелила его на траве. Робин уселся на него, а остальные разбойники столпились вокруг. Они никогда еще не видели воздухоплавания. На ковре даже ворс дыбом встал — так он возгордился.

— Ну, держитесь! — сказал он.

Жанна вскочила на ковер в последний момент, и они понеслись к облакам.

Алиса осталась с разбойниками.

Чтобы не было скучно, она пошла к ручью, куда ушел молодой дракон. Он лежал в воде, только голова торчала наружу. Ему это нравилось.

— Интересно, — сказала Алиса, — когда же ты станешь совсем большим?

Дракон пустил из ноздрей дым, а потом медленно повернул страшную голову, распахнул пасть и, как половником, протянул Алисе печеное яблоко.

— Ой, спасибо! — воскликнула Алиса. — Мне хотелось бы, чтобы мы стали друзьями.

— А он вообще ко всем хорошо относится и не жадный, — сказала незаметно подошедшая сзади Магдалина. — Только обижать его не надо.

— А кто-нибудь обижал?

— Сэр Гай любил его дразнить. Поэтому Дракоша всех рыцарей в латах и не выносит.

Алиса увидела, как ковер-самолет медленно летит над лесом. Отсюда он казался не больше носового платка.

Снизу к ковру летели иголочки. Они вонзались в него, и ковер вздрагивал.

— Думаю, что по нему стреляют, — сказала Магдалина.

Ковер начал снижаться.

— Когда будем в Москву возвращаться? — спросила Алиса. — А то меня дома ждут, уже волнуются, наверное.

— Я тебе очень благодарна, — ответила Магдалина, — что ты меня искала и нашла. Я бы хоть сейчас кинулась домой. Ты не представляешь, как я соскучилась по ванне и обыкновенному клубничному мороженому! Но что делать с Дракошей? Ведь мы с ним столько всего вместе перенесли.

Магдалина всхлипнула. Видно было, что она уже давно об этом думает.

— Да, — согласилась Алиса. — Твоему динозавру ни за что не поместиться в кабинку времени. Придется ему здесь оставаться.

— Чтобы его убили рыцари?

Так ничего и не решив, они вернулись к костру. Возле него как раз спустились разведчики. Ковер висел над травой и стонал тонким голосом. С изнанки он был весь утыкан стрелами, как ежик, который лежит на спинке.

— Да помогите же! — кричал он. — Больно ведь!

Несколько человек кинулись к ковру и принялись вытаскивать из него стрелы.

— Жалко, что они нас увидели, — сказала Жанна. — Но, может быть, они не сообразили, что это такое.

— Не сообразили, а стреляли! — проворчал ковер. Стрелы из него вытащили, и он медленно опустился на траву.

— К лесу движутся два отряда, — сказала Жанна. — Один

со знаменем Белой розы во главе с герцогом Ричардом Йоркским. А над вторым развевается знамя Алой розы.

— Это королева Маргарита Анжуйская, — пояснил Робин Гуд. — А с ней мои злейшие враги — рыцарь Гай Гисборн и шериф Ноттингемский.

— Но мы заметили и других людей. Они идут по тропинкам, а то и прямиком через чащу. Они бедно одеты, тащат с собой мешки с добром и гонят скотину, — продолжала Жанна.

— Думаю, это окрестные крестьяне бегут от рыцарей, — сказал Робин Гуд. — Те ведь и ограбить могут.

— Будем готовиться к бою, — решила Жанна. Разбойники согласились с ней, но не знали, что делать.

— Будем сражаться, — сказала Жанна. — Нас мало, но мы отважные и умные, к тому же у нас есть дракон.

— Кто его испугается! — махнул рукой монах Тук.

— Отставить разговоры! — сказала Жанна. — Мне нужен приличный меч и конь. Робин, потом я добуду себе меч в битве, но для начала вам придется со мной поделиться.

— Лишний меч в пещере найдется, — сказал Робин. — А вот с конем у нас трудности. Нет у нас коней. Может, верхом на драконе поедешь?

— Шутишь! — воскликнула Жанна д'Арк. — Неужели ты не видишь, что на него седла не найти?

Все согласились с Жанной. Как скакать на драконе, да еще без седла?

— Тогда будем биться в пешем строю, — сказала Жанна. — А теперь слушайте меня внимательно.

Алису даже дрожь пробрала от этого громкого серебряного голоса. Жанна преобразилась на глазах. Только что она всего опасалась и ото всех таилась, а сейчас глаза у нее сверкали, щеки горели, и она была так прекрасна, что Робин Гуд даже зажмурился.

Жанна взяла длинный меч и его концом стала рисовать на земле возле костра.

— Вот этот круг, — говорила она, — это Шервудский лес. Через него проходит дорога. С этой стороны по дороге идут Йорки, а с этой — Ланкастеры. На кого мы нападем?

— А может, лучше не нападать? — спросил Маленький Джон. — Нас так мало.

— Вот именно поэтому и надо нападать, — сказала Жанна. — Иначе нам никогда не победить.

Тут она осеклась, потому что на поляну вышло несколько бедно одетых мужчин, один из которых вел на поводу белого коня. Эти люди были кое-как вооружены. Кто нес палку, а кто вилы.

— Не бойтесь, братья-разбойники, — сказал самый старый из них. — Вы меня, должно быть, не признали? Я — Питер из деревни Лесной Ручей.

— Ах! — воскликнул Маленький Джон. — Неужели это ты, дядюшка Питер Голодай?

— Я, а то кто же! — ответил старый крестьянин. — На нас, как саранча, напали рыцари. Все им подавай бесплатно, а если что не так — голову с плеч.

— Хуже бандитов, — сказала Магдалина. — Я их знаю.

На ее голос на поляну вышел Дракоша, который дремал в кустах. Он был недоволен поведением охотников, поэтому пыхнул дымом и зарычал.

Крестьяне решили, что это чудовище нападет на них, и кинулись врассыпную. Но Робин Гуд закричал им, чтобы они не боялись и возвращались. Да и Дракоша успокоился, подошел к Магдалине и свернулся у ее ног.

Крестьяне сообразили, что испугались зря, и стали смеяться.

— Слыхали мы о нем, — сказал дядюшка Питер. — Но люди Гая Гисборна говорили, что он большой и страшный. Мы на него очень надеялись. Пойдем, говорим, в лес, к разбойникам, у них там дракон со своей ведьмой скрывается. Может, они нас защитят?

— Эх, — вздохнул крестьянский мальчишка, — разве это дракон? Это же ящерица!

Но близко к Дракоше никто не подошел. Одно дело ругать, критиковать и смеяться, а вот руку протянуть — совсем другое. Рука-то одна, если ее оттяпают, другая не вырастет.

Из леса подходили все новые беглецы из окрестных деревень. Некоторые тащили с собой весь свой скарб, а кое-

кто гнал скотину. Один теленок увидел Дракошу, подбежал к нему и стал бодаться. Видно, захотел с ящером поиграть.

Дракоша отворачивался — он мог бы свалить теленка одним ударом, но совсем этого не хотел.

Из леса прибежал молодой разбойник, который сидел на ветви дуба над дорогой у входа в лес.

— Ланкастеры остановились на опушке! — крикнул он. — Королеве разбили шатер, а остальным палатки. Дым идет — наверное, что-то вкусное на костре готовят.

— А что у Белой розы? — спросил Робин Гуд. С вершины дуба отозвался другой дозорный:

— Они тоже остановились.

Глава двадцать четвертая

НОЧНОЙ БОЙ

Издалека донесся звук трубы.

— Ой, — испугался Маленький Джон. — А что, если они решили нас поймать этой ночью?

— Пусть только попробуют, — сказал Робин Гуд. — Как они найдут к нам дорогу в темноте?

— А зачем на трубе играют?

С другой стороны откликнулась вторая труба.

— Это они спать ложатся, — объяснила Жанна. — У англичан есть такая специальная мелодия: «Спокойной ночи, малыши, ты в бой поутру не спеши!»

Все засмеялись.

— Значит, нам теперь тоже можно спать ложиться? — спросил монах Тук.

— Ничего подобного, — ответила Орлеанская дева. — Мы будем готовиться к ночному бою.

— Почему? Ведь нам тоже спать хочется!

— Потому что нам невыгодно ждать утра, — сказала Алиса. — Утром они нас раздавят, как пустой лесной орех.

— Может, лучше убежать, пока они спят? — предложил Маленький Джон.

— У нас на всех один конь, — ответила Жанна. — Завтра утром они нас сразу догонят. Мы же голые, босые, у нас на-

стоящего оружия нет. Так что, прежде чем уходить, нам надо добыть оружие и доспехи.

— К тому же, — сказал Робин Гуд, — у нас есть самый настоящий дракон.

В этот момент дракон широко зевнул, и из его пасти выкатилась громадная вареная репа.

Все принялись хохотать. А Робин Гуд рассердился.

— Каждый лев сначала бывает львенком! — сказал он.

— Это ящерица, а из ящерицы вырастет только большая ящерица, — сказал Маленький Джон.

— Никто, кроме Гая Гисборна, не знает, что это ящерица, — рассудила Жанна. — Значит, нам надо идти против того отряда, где нет Гисборна и шерифа.

— Они присоединились к отряду королевы Маргариты, — сказал Робин. — Мы сверху видели. Они знают, кто такой Дракоша, а вот герцог Йоркский об этом не подозревает.

Робин Гуд с Жанной и старым крестьянином уселись у костра обсуждать военный план. Некоторые разбойники их слушали, другие пошли спать. Они были легкомысленными людьми.

— Может, я поеду верхом на драконе? — спросила Алиса. — Я хоть и небольшая, зато им покажется, что дракон больше, чем на самом деле.

Орлеанская дева строго посмотрела на Алису и сказала:

— А тебе, ребенок, пора спать.

Алису давно никто так не обижал! Поэтому она не удержалась и ответила Орлеанской деве:

— Когда ты, Жанна д'Арк, командовала армией, освобождала Орлеан и совершала боевые подвиги, тебе было всего семнадцать лет. Чуть больше, чем мне! А ты спрашивала кого-нибудь, когда тебе спать, а когда брать в руки меч?

— Алиса, помолчи! — воскликнула Жанна. — Что ты говоришь!

Но было уже поздно.

Многие услышали ненавистное для англичан имя. Имя той французской ведьмы, которая с помощью колдовства одолела английскую армию. Тогда мало кто из солдат вернулся домой.

— Откуда она появилась? — спросил кто-то.

— Помолчите, дурачье! — оборвал своих товарищей Робин Гуд. — Жанна — такая же благородная разбойница, как и мы с вами. Она сражалась за свою страну, за своих людей. А кто ее казнил? Сеньоры, бароны и герцоги! Ее враги — наши враги, и неважно, как их зовут — Алая роза, Белая роза или Черная роза. Да здравствует наш друг — Орлеанская дева!

Сначала разбойники растерялись. От своего вожака они таких слов не ожидали.

Потом монах Тук спросил:

— А если ее сожгли, значит, перед нами привидение? Чур меня!

— Клянусь вам, что я не привидение! — ответила Жанна. — Вы можете меня потрогать. Друзья меня спасли и все эти годы скрывали.

— Я подтверждаю эти слова! — сказала Алиса.

— Но все равно я ей не доверяю! — сказал монах Тук.

— А я ей верю! — воскликнул Робин Гуд. — И при свидетелях прошу вашей руки, Жанна д'Арк!

Вокруг раздались удивленные крики. Жанна ответила так:

— Большое спасибо, Робин, за предложение. Вы мне тоже понравились с первого взгляда. Но давайте сначала победим рыцарей и вырвемся из леса.

Так и договорились.

Когда совещание кончилось, Жанна подошла к Алисе, сидевшей на пеньке. Алиса все еще обижалась, но ей было стыдно, что она выдала Жанну.

— Не сердись, — сказала Жанна. — Я не могу тобой рисковать.

— Я не маленькая!

— Я знаю. И у меня к тебе большая просьба.

— Идти спать?

— Другая. Ты можешь подняться в небо на ковре и сверху напугать рыцарей?

Как только Алиса услышала эти слова, она сразу перестала обижаться и сказала:

— Жанночка, прости, что я тебя выдала. Но я нечаянно!

— В следующий раз будешь умнее, — сказала Жанна. — Слава богу, что все хорошо кончилось.

— А ты рада, что Робин Гуд в тебя влюбился? — спросила любопытная Алиса.

— А вот эти вопросы я с тобой обсуждать не буду, — отрезала Жанна, и, хоть было уже темно, Алиса увидела, как Орлеанская дева покраснела.

Алиса отправилась собирать камни и тяжелые сучья.

Тем временем Магдалина с разбойником Дейлом украшали Дракошу.

Конечно, не совсем украшали, а скорее делали его страшнее, чем он был на самом деле.

Во-первых, у разбойников нашлось немного фосфора, которым они помазали морду драконозавра, и теперь она горела в темноте зеленым огнем. Во-вторых, к Дракоше примотали много еловых веток, сделав из него лохматый веник. А еще умудрились приспособить к голове корявые сучья. В конце концов, Дракоша стал таким ужасным, что многие зажмурились, поглядев на него.

Сам Дракоша вдруг вырвался и побежал по тропинке к ручью.

Магдалина, Алиса и Робин Гуд — за ним. А вдруг он решил удрать?

Ничего подобного!

Дракон спустился к ручью и остановился над тихой заводью.

Света еще было достаточно, чтобы увидеть отражение, тем более что морда драконозавра светилась.

Дракоша остался доволен, пыхнул огнем и даже встал на задние лапы.

— Хватит любоваться! — прикрикнула на него Магдалина. — Иди отдохни, тебе предстоит трудная ночь!

Все были так заняты, что не заметили, как перевалило за полночь.

— Пора, друзья, — сказала Жанна.

Крестьяне подвели к ней белого коня.

Конь был, конечно, рабочей скотиной, трудовой конягой, но другого в разбойничьем войске не нашлось.

Жанна повела армию по лесу. Рядом с ней шагал Робин Гуд и вел ее коня под уздцы.

Следом шла Магдалина. Она тащила на веревке Дракошу. Дракоша цеплялся ветками и сучьями за деревья и кусты, ворчал и явно был недоволен тем, что его ведут неведомо куда и зачем.

Затем толпой шли крестьяне и разбойники. Они старались не шуметь, но это им не очень-то удавалось.

Алиса сложила посреди ковра камни и сучья, чтобы бросать их в рыцарей сверху.

— Ты понимаешь, что мы с тобой должны делать? — спросила она.

— А то! — ответил ковер. — Я еще и свистеть начну!

Первыми под покровом ночи к лагерю герцога Ричарда Йоркского подошли крестьяне и разбойники.

Они страшно закричали и принялись колотить в сковородки, кастрюли и котлы. Шум поднялся такой страшный и неожиданный, что охотники и их слуги, ничего не понимая, стали выскакивать из шатров и палаток.

И тут на них набросилось небольшое, но очень храброе войско разбойников, впереди которого скакала на белом коне Жанна д'Арк. Меч в ее руке сверкал как молния!

Бой длился недолго, но был он нелегким. Ведь рыцари, которые успели натянуть латы и кольчуги, сражались отважно. Да и сам герцог со своими оруженосцами были людьми смелыми и неплохими воинами. Жанне приходилось нелегко — уж очень ее войско было маленьким.

Но тут на помощь разбойникам пришел ковер-самолет, то есть школьница из двадцать первого века Алиса Селезнева.

Она метала сверху камни и сучья. Кое-кто из солдат завопил, что это летающие драконы, а может быть, и сам дьявол.

И словно в ответ на их вопли из леса выскочило чудовище, которого никому еще видеть не приходилось.

Мы-то знаем, что это был Дракоша, но рыцари увидели в темноте чудовище, сияющее зеленым светом, с красной пастью, изрыгающее огонь и дым. На его спине торчали такие страшные коряги и выросты, что даже самые смелые рыцари

с криками: «Спасайся, кто может! Дракон нас сожрет!» кинулись во все стороны.

Когда последний рыцарь скрылся в лесу и шум бегства стих, крестьяне и разбойники принялись делить добычу.

Многие разбойники облачились в рыцарские доспехи или солдатские куртки и шлемы. Крестьяне поделили материю шатров и позабытые башмаки солдат. Кое-кому достались даже рыцарские кони.

Было много суматохи, все спешили, потому что в любой момент могли нагрянуть рыцари, которые остановились с другой стороны леса.

Робин Гуд сказал своим друзьям:

— Боюсь, что нам придется покинуть наш родной Шервудский лес, о котором сложено столько баллад и сказок. Они нас затравят, даже если для этого придется пригнать сюда все английское войско.

Разбойники не спорили. Они понимали, что их вожак прав.

— А нам что делать? — спросил один из крестьян.

— А вам я советую вернуться по домам, — сказал Робин Гуд. — Ведь в темноте вас никто не видел. Раз нас с драконом не будет, то рыцари и другие охотники разойдутся по домам. А от вас требуется одно: спрятать как следует добычу и никому не проговориться.

Крестьяне сразу же согласились с разбойником. Да и что же им оставалось?

Уже начало светать. По лесу тянулся туман.

— Я не спешил говорить о наших планах, — сказал Робин Гуд. — Если кто-то из крестьян попадется, он обязательно расскажет, куда мы делись. Лучше не рисковать.

— Верно! — отозвались разбойники.

— Думаю, что нам надо идти на север. Затаимся в густых лесах у шотландской границы. У нас теперь есть лошади, еды и оружия достаточно. Пойдем с драконом...

— А где дракон? — спросил Маленький Джон.

— Где дракон? Где дракон? — раздались голоса. — Кто его видел последним?

— Мы его давно не видели!

— Как бой кончился, его никто и не видел!

«А где Магдалина?» — подумала Алиса, которая как раз опустилась на поляну.

И, словно услышав ее мысли, Жанна спросила:

— А где маленькая Магдалина?

И тут из чащи, шатаясь, вышла Магдалина.

Все кинулись к ней:

— Что случилось? Где дракон?

— Я ничего не знаю, — еле шевеля губами, произнесла Магдалина. — От шума битвы он кинулся в лес. Я бежала за ним... Я звала его...

Она заплакала.

Магдалина сидела на траве и говорила:

— Я столько времени потратила, чтобы его вырастить... Я сама чуть не погибла... Я не выполнила задания! Что же мне делать?

Алиса села рядом с подругой и принялась ее утешать:

— Магдочка, нам же все равно пора возвращаться. А мы не можем взять с собой Дракошу, он ни в какую машину времени не поместится. Магдочка, это лучше, что он сам решил убежать, а то бы ты не смогла его оставить...

— Я его найду! — воскликнула Магдалина и бросилась к темному лесу, но Робин Гуд ее остановил.

Магдалина горько рыдала, а Жанна д'Арк сказала:

— Пусть она поплачет, слезы размывают горе, а вино, разбавленное водой, уже не пьянит.

— Ты права, Жанна, — сказал Робин Гуд. — Но что ты сама решила делать?

— Если не возражаешь, я останусь с вами. А герцогу де Рэ я пошлю письмо, в котором все объясню.

— Я сам хотел просить тебя об этом.

— А тебя не смущает, что я француженка и враг твоего королевства?

— Смешно слышать такое! — ответил Робин Гуд. — Это королевство, все эти Алые и Белые розы — мои враги тоже.

— А вы не возражаете? — спросила Жанна у разбойников.

— Оставайся! — сказали они хором.

— При одном условии, — сказал монах Тук.

— При каком?

— Ты должна сменить фамилию и стать Жанной Гуд.

Жанна сразу не поняла, а разбойники все поняли и стали хлопать в ладоши.

Потом и Жанна поняла. Она покраснела, но не возразила.

— Тихо! — сказал Маленький Джон. Все замолчали, и стали слышны голоса, звон упряжи и топот копыт.

— Пора уходить! — сказал Робин Гуд. — Разбойники, по коням!

— А ты, Алиса? — спросила Жанна.

— Нам с Магдалиной пора домой, — ответила Алиса.

Они обнялись.

Алиса попрощалась с разбойниками, потом вскочила на ковер и помогла забраться на него плачущей Магдалине.

Ковер сказал:

— Мы по дороге посмотрим сверху — может, твой Дракоша где-нибудь по кустам бродит.

Они поднялись над деревьями. Сверху было видно, как уезжают на север разбойники, как с юга приближается отряд королевы Марго Анжуйской, как бредут тропками к своим деревням крестьяне.

Они искали Дракошу больше часа, но так и не нашли.

Потом они так замерзли, что ковер сказал:

— Хватит, погуляли, домой пора.

И взял курс к ближайшей станции Института времени.

Еще через три часа путешественницы вышли из кабинки в институте в Москве в самом конце двадцать первого века.

ЭПИЛОГ

У этой истории есть эпилог.

Эпилог — это такая часть книжки, в которой описаны события, случившиеся с героями после того, как книжка кончилась.

Магдалина вернулась к себе в институт, а Алиса в школу.

И однажды, месяца через два после их возвращения, Магдалина позвонила Алисе и спросила:

— Ты сегодняшнюю газету не видела?

— Какую?

— «Развлекательные новости».

— Сейчас включаю, — сказала Алиса. На экране показался седой усатый англичанин, который сказал вот что:

— В последние дни появились новые слухи о том, что в озере Лох-Несс в Шотландии водится ящер, динозавр или ископаемое чудовище. Наш корреспондент беседовал с туристами, которым снова удалось увидеть на поверхности озера след от загадочного существа, больше двухсот лет назад получившего имя Несси.

— Ура! — закричала Алиса, выключая газету. — Как мы с тобой раньше не догадались!

— Тогда звони своему отцу! — сказала Магдалина.

Алиса набрала номер Космозо и спросила папу:

— Сколько лет живут динозавры?

— На такой вопрос просто не ответишь, — сказал профессор Селезнев. — Это зависит от того, какого динозавра мы имеем в виду. Маленькие живут по пять лет, средние по сто, а что касается гигантов...

— Папа, скажи, — перебила Алиса, — а драконозавр может прожить шестьсот лет?

— Не исключено. А что случилось?

— Нам с Магдалиной кажется, что мы нашли Дракошу.

— Как? Где? Ведь он пропал в пятнадцатом веке!

— Он, может быть, обнаружился... И ты о нем отлично знаешь!

— Куда ты спешишь?

— На озеро Лох-Несс, — ответила Алиса.

Когда Магдалина с Алисой добрались до озера Лох-Несс, погода там совершенно испортилась. Дул ледяной ветер, порывами налетал дождь, и на берегах не было ни одного туриста.

Магдалина первой выскочила из флаера. Она очень волновалась. За ней к берегу подбежала Алиса.

— Дракоша! — кричала маленькая Магдалина, бегая по берегу возле самой воды.

— Дра-ко-ша! — помогала ей Алиса.

Они промокли, но никто им так и не откликнулся.

И когда они уже пошли обратно к флаеру, сзади послышался такой знакомый рев!

— Я не переживу! — закричала Магдалина. Она развернулась на одной ноге и кинулась прямо в озеро.

— Простудишься! — крикнула ей вслед Алиса, увидев, как маленькая геологиня вбежала в ледяную воду.

А гигантский динозавр уже подплывал к берегу. Из его ноздрей рвались струи дыма.

У самого берега динозавр раскрыл свою огромную пасть и на длинном языке вынес большую вареную тыкву. Он положил ее на берег к ногам Магдалины.

Магдалина, вместо того чтобы взять тыкву, села на берег и принялась рыдать от счастья.

А драконозавр осторожно слизывал слезы с ее щек.

ПРИНЦЫ В БАШНЕ

Глава первая

КОРОЛЬ НА ОХОТЕ

Солнце затаилось за пологим холмом, увенчанным кущей лип. Медленно поднимаясь по небу, оно высветило вершины и склоны соседних холмов, а потом неожиданно, словно взорвался порох, ударило ослепительным светом, пронзило лучами листву деревьев, что теснились в ложбинах и на откосах, вызвав к жизни тысячи голосов и шумов леса.

Лучи солнца проникали даже в самую чащобу, разыскивали там цветочные полянки, где оглушительно жужжали пчелы, гудели шмели, стрекотали кузнечики, рождая общий веселый гул.

С прогалины, по которой бежала проселочная дорога, в отдалении виднелся замок Ладлоу. Старинные башни замка возвышались над домиками городка, прижавшегося к нему.

Замок давно уже перестал служить крепостью. Теперь это был один из дворцов короля Эдуарда IV, баловня судьбы, победителя всех врагов, счастливого отца семейства и любимца народа. Редко так везет королям, но судьба, которая долгие годы не хотела баловать Эдуарда, в конце концов сдалась перед его упорством и волей.

Солнце разогнало клочья тумана, дремавшие в лощинах, и словно распахнулся занавес: на дороге показалась шумная, разноцветная процессия. Король Эдуард, приехавший вчера в замок Ладлоу навестить старшего сына, Эдуарда-младшего, наследника английского престола двенадцати лет от роду, решил устроить большую охоту на громадного вепря, который, как уверяли лесники и егеря, недавно пришел с севера. И был он так велик и страшен, что даже медведи убегали от него.

На королевскую охоту выехало несметное число людей.

Впереди, сразу за лесниками, егерями и псарями, которые вели на цепочках бойцовых и гончих псов, следовала охрана из двадцати лучших рыцарей королевства в синих с красным камзолах с арбалетами. Возглавлял отряд отважный сэр Грей, пасынок короля Эдуарда. За рыцарями ехал сам король в окружении баронов.

Вот красуется на знаменитом белом коне Перигоре любимчик всех девушек Англии, всегда отлично выбритый, голубоглазый и такой добрый на вид герцог Бэкингем. Хотя все при дворе знают, что он интриган и бесчестный игрок в кости. Бэкингем богат, знатен и даже мог бы занять английский престол, но предпочитает быть вторым, следовать за главной фигурой. Сейчас такая фигура — король. А что будет завтра, никто не ведает. Чуть отстав, гарцуют герцоги Норфолк и Оксфорд. Они соперничают за право зваться лучшими полководцами страны, но вот уже несколько лет, заботами Эдуарда, в Англии царит мир, и герцогам никак не проявить свои таланты.

Короля догнал сэр Генри Уайт, веселый обжора, который может влить в себя бочку эля, не замочив огромных рыжих усов. Вообще-то он считается ближайшим другом молодого герцога Генри Ричмонда, положившего глаз на рыжую красотку Лиззи. А Лиззи на страстные взгляды герцога всегда отвечает.

Лиззи, старшую дочку короля, зовут так, чтобы не путать с Елизаветой, королевой Англии. Они с мамой совсем не похожи. Королева — худенькая, тихая, стеснительная, прелестная женщина, никогда не повышающая голоса. Притом все знают, что она пользуется такой властью над королем, какой нет ни у кого на свете.

Следом за королем верхами ехали его сыновья — двенадцатилетний Эдуард, которого все зовут Эдди, чтобы не путать с отцом, и совсем еще маленький десятилетний Ричард. Младшего принца звали Диком, поскольку Ричардом всегда называли брата короля Эдуарда, герцога Глостера.

Королеву Елизавету и рыженькую красавицу Лиззи могучие слуги несли в носилках, следовавших за мужской половиной семейства. Рядом с ними скакали родственники ко-

ролевы, народ невысокого звания, но энергичный и довольно хваткий. Первым среди них ехал старший в роду — толстый, ленивый и мягкий, словно большая подушка, лорд Риверс.

И наконец, в отдалении, сам по себе, окруженный собственной свитой и собственными любимчиками, двигался второй человек в государстве — брат короля герцог Ричард Глостер.

Странное зрелище являл собой этот человек.

Он был невелик ростом, на голову ниже короля, но очень широк в плечах. Правда, правое плечо у него было несколько выше левого, а левая рука короче правой, и пальцы ее не разгибались до конца. Ричард утверждал, что его в детстве заколдовали враги, навели порчу. К тому же он немного хромал.

Ричард гладко брился, и было видно, что у него небольшой, острый подбородок, рот словно прорезали кинжалом, а про губы забыли. Черные, очень подвижные глаза Ричарда непрерывно рыскали по сторонам, как будто искали кого-то. Прямые до плеч волосы были черными под стать глазам. Вот так выглядел герцог Глостер.

Из людей, окружавших герцога, стоило обратить внимание на не слишком родовитого, но бесконечно преданного господину Джона Тайрелла. Этот мрачный, коренастый тип, словно верный пес, всегда следовал за Ричардом, и мало кто знал, какие черные дела были на его совести и какие тайные поручения своего господина он выполнял. По крайней мере, молва упорно утверждала, что именно Тайреллу Ричард поручил задушить в Тауэре своего брата Кларенса, после того как восстание против Эдуарда было подавлено.

В лощине процессия остановилась, кони смешались, собаки рвались с поводков и лаяли, распугивая птиц и кузнечиков. Пока о секаче, которого должны были выгнать на короля загонщики, вестей не было.

Подъехала телега с корзинами со снедью. Охотники забыли о секаче и окружили телегу.

Королева Елизавета не стала выбираться на траву. Сэр Риверс набрал на блюдо мяса и зелени и отнес королеве с дочерью. Мальчики тоже взяли по куриной ноге. Эдуард, ти-

хий, задумчивый, словно собирающийся стать священником, отошел с едой к большому пню, уселся и принялся глазеть на дупло, откуда высовывались желтые клювы птенцов. Ричард же отнес куриную ногу собакам и, смеясь, смотрел, как они грызутся из-за добычи. Псари сердились — собак нельзя кормить перед охотой, но не смели перечить принцу. Но герцог Глостер заметил проступок племянника, подошел к нему, больно схватил за ухо и потянул вверх так, что принц завопил от боли.

Король обернулся на крик, сразу все понял и не стал вмешиваться.

Но Елизавета, которая давно не выносила герцога Глостера, крикнула из-за занавесей:

— Что вы себе позволяете, герцог?

Ребенок умолк, понимая, что стал причиной раздора, но король не дал ссоре разгореться. Он подошел к брату, и тот отпустил Дика. Мальчик отбежал в сторону.

— Спасибо, брат, — сказал король, — что помогаешь мне воспитывать сыновей.

— Эти мальчики — надежда Англии, — ответил Ричард.

Королева Елизавета смотрела на братьев и уже в который раз поражалась их несходству. Король Эдуард был высок ростом, узок в бедрах, красив лицом и широкоплеч. Ричарда природа обошла милостью. Глостер знал о своих недостатках, поэтому всегда заказывал левый ботинок на высоком каблуке и подкладывал войлочную подушечку на левое плечо. Люди неосведомленные не всегда догадывались о недостатках брата короля. Зато Ричард Глостер был очень силен и умел драться на кулаках, хотя это занятие больше подходило для простолюдинов. Ричард знал, что простолюдины и есть английский народ, из простолюдинов состоит армия, а солдаты любили смелого Глостера, который так отличился в последней войне.

Ричард Глостер и его друзья не выносили королеву Елизавету. Ведь она была вовсе не знатной дамой. Эдуард попал в ее небогатый дом во время одного из своих путешествий и влюбился во вдову с двумя сыновьями. Он долго любил ее тайно, а потом все же решился жениться на умной, тихой, но упорной женщине. Это случилось в 1465 году. И несколько

месяцев король таил свой брак от собственных придворных, потому что они в то время планировали женить его на французской принцессе, которую король в глаза не видел и любить не собирался. Наконец король набрался духу и объявил в Лондоне, что у него уже есть жена, простая женщина и даже не принцесса.

Конечно, поднялся страшный шум, некоторые лорды изменили королю и подняли восстание. Эдуарду даже пришлось бежать из Англии, потому что к бунтовщикам присоединился и его брат Кларенс. Но оказалось, что молодой король — неплохой дипломат и полководец. В конце концов он победил своих врагов, с помощью Ричарда Глостера вернул себе трон, и в стране наступил мир.

Враги, конечно, не исчезли, но затаились и делали вид, что любят короля и королеву, а король не беспокоился за будущее, потому что был совсем не стар: разве сорок лет — это возраст для мужчины? Он был силен и держал королевство в руках. К тому же казна страны была полна и можно было не мучить народ тяжкими налогами.

Счастлив был Эдуард и в семейной жизни. Дети у него росли красивые, умные и разные. Лиззи, которой шел семнадцатый год, вышла красавицей. Старший сын, Эдуард, хоть и не блистал в поединках и не любил скакать верхом, отлично читал и писал, выучил разные языки. Из него мог получиться мудрый и толковый король. А если ему не суждено будет царствовать, то Эдуард знал: младший принц Дик был отчаянным, смелым мальчишкой, в свои десять лет обгонял в скачках взрослых наездников и стрелял из лука, как известный всем разбойник Робин Гуд.

Вот и сейчас король с улыбкой смотрел, как Глостер наказывает Дика. Он знал, что нахлобучка пойдет принцу на пользу. Пускай учится вести себя. Но понимал Эдуард и Елизавету, которая боялась и не выносила его младшего брата. Она не за себя боялась, а за родственников — народ жадный и наглый. Родственнички лезли напролом, словно вся Англия была их вотчиной. А Эдуарду это было на руку. Пускай Ричард Глостер и старая знать терпеть не могут новых баронов, пускай занимаются борьбой друг с другом. Все равно прибегут к королю за защитой.

— Как там загонщики? — спросил Эдуард. — Мы устали ждать.

Король кинул на траву обглоданную кость и взобрался в седло. Затем он обернулся к королеве спросить: как она себя чувствует, не замерзла ли на утреннем ветру, не кашляет ли?

И поэтому Эдуард не видел, что происходило почти рядом с ним.

А герцог Глостер сделал несколько шагов к кустам, раздвинул ветки и исчез с глаз. Если кто и заметил исчезновение герцога, то и виду не подал.

Солнце уже поднялось высоко и начало пригревать. Но у земли в густом подлеске было прохладно.

Ричард пробрался сквозь кусты и замер под громадным дубом, который рос здесь, может быть, с времен Юлия Цезаря и древних римлян, когда-то завоевавших Британию.

Герцог тихо свистнул.

Человек, не ожидавший этого, принял бы его свист за трель какой-то птицы.

Могучие ветви стоявшей рядом с дубом ели тут же раздвинулись, и показалась женщина высокого роста в длинном платье странного цвета. Оно было светлым, но при этом сливалось с темной хвоей. Если бы вы сказали, что оно зеленое, то жестоко ошиблись бы. Это платье было цвета лесного полумрака.

Горящие, как угольки, глаза женщины прятались в глубоких глазницах под густыми черными бровями, и поэтому она не казалась красивой, тем более что ее кожа была странного голубоватого цвета, а волосы отливали синевой.

— Ты готова? — громким шепотом спросил Ричард.

— Я без тебя знаю, когда начинать, — тоже шепотом ответила женщина.

Она говорила так тихо, что даже птицы, пролетавшие рядом, слышали лишь шелест. Но герцог Глостер различал каждое слово.

— Ты не будешь раскаиваться? — спросила женщина.

— Я никогда ни в чем не раскаиваюсь, — ответил брат короля. — Потому что забочусь не о себе, а о благе державы. Мне же ничего не надо. Я даже подумываю, не уйти ли мне в монастырь. Там тихо, там можно завершить свои дни в покое и молитвах: Я ведь грешил. Да, грешил! Я убивал врагов в бою!

Вдруг Ричард широко улыбнулся. Словно рассказал забавную сказку, а потом поставил точку.

— Друг мой, — почти беззвучно произнесла женщина, — ты намерен тратить время на пустую похвальбу?

— Не учи меня, фея Моргана.

— Имя мое запретно!

— Прости.

Ричард чуть склонил голову. Он боялся этой женщины, но не хотел показывать своего страха.

— Ты считаешь себя хорошим человеком? — спросила фея Моргана.

— Я — хороший человек.

— Закон жизни гласит, что ни один негодяй никогда не назовет себя негодяем. Он убежден, что совершает свои злодейства во благо родины и народа. В крайнем случае — во благо своей семьи. И ты такой же, как все.

— Я грешил, но не совершил ни одного злодейства!

— Не гневи богов, — оборвала его фея. — Они слышат нас!

— Я поклоняюсь христианскому богу, — ответил герцог Глостер.

— Ты убил родного брата и женился на его вдове.

— Это был приказ короля Эдуарда.

— Вот видишь, ты — типичный негодяй, который никогда в своем негодяйстве не признается.

— Время уходит, — сказал Ричард.

— Я могу придержать время, — пожала плечами фея Моргана. — И тогда минута вам покажется часом.

— Пора, — нетерпеливо топнул ногой Глостер.

— Но после этого я уйду на остров Авалон, и ты меня больше не увидишь.

— Посмотрим, — проворчал Ричард. — Я знаю заклинания друидов.

— Я не подвластна никому, даже друидам, — сказала женщина. — Отойди с дороги.

И на глазах у Ричарда фея стала уменьшаться в росте.

Он зачарованно и со страхом смотрел на нее и вдруг резко обернулся. Ему послышался шорох в кустах.

Рука герцога схватилась за рукоять меча.

Да, кто-то быстрый, как лань, кинулся прочь.

Но Ричард не побежал за ланью, потому что его внимание привлек другой, куда более грозный звук.

На месте феи Морганы стоял, наклонив голову, могучий кабан, тот самый вепрь, охоту на которого устроил король Эдуард.

Маленькие глазки вепря горели алым огнем. Короткая щетина отливала серебром. Ох как стар был тот зверь! Но как зол и жесток!

Кабан несколько раз ударил о землю острым раздвоенным копытом и кинулся в сторону, в гущу леса.

— Славно, — негромко произнес герцог Глостер. — Ох как славно!

Он направился к поляне, где скопились рыцари и слуги. Король Эдуард увидел его и крикнул:

— Если они не выгонят на нас вепря, я возвращаюсь в замок!

— Я слышал в лесу шум, — откликнулся Ричард. — Они гонят вепря сюда.

Но король ничего не услышал. Он и поверил, и не поверил младшему брату. Он привык не верить родственникам и считал, что, кроме Елизаветы, у него нет друзей на этом свете.

Взоры братьев столкнулись на лице Лиззи, старшей дочери короля, любимицы родителей. Лиззи была так подвижна, быстра и весела, так занята всегда своими и чужими делами, что уследить за ней было нелегко. С разрешения матери она оделась на охоту в одежду мальчика, чтобы длинное платье не сковывало ее движений, убрала медные волосы под вышитую бисером бархатную шапочку и казалась подростком, куда моложе своих шестнадцати с половиной лет.

Король Эдуард смотрел на дочку с обожанием, а Ричард — с жадностью. Он даже себе не хотел признаться, что влюбился в юную принцессу и из-за этого злился на ее мать и на своего брата.

Глава вторая

ДЕВОЧКА И ВЕПРЬ

— Эй! — донесся крик из глубины леса. — Берегись! Он приближается!

— Я же говорил! — крикнул Ричард и жестом велел подвести коня.

Пока он взбирался на коня, вокруг царила суматоха. Хоть вепря ждали давно, но его приближение застало всех врасплох.

Тем более что кабан выбежал не с той стороны, откуда его ждали, а сбоку из кустов, куда никто и не смотрел.

Страшный зверь кинулся было на короля, но конь Эдуарда отпрянул в сторону. Он был боевым конем, старым товарищем своего хозяина, и умел быстро оценить опасность.

Но за спиной короля стояли носилки королевы. Елизавета и Лиззи не видели вепря и не успели спрятаться.

А впрочем, никакие носилки не спасли бы их от этого нападения.

В тот момент между вепрем и королевой оказался лишь принц Эдуард, который сразу же понял, что матери и сестре грозит опасность. Он выхватил из-за пояса свой детский меч и отважно бросился на кабана.

Кабан взревел. В его реве чувствовалась радость, словно он только об этом и мечтал.

Маленький принц стоял между вепрем и носилками, вытянув вперед руку с мечом.

А все остальные замерли от неожиданности и страха.

Кто за себя, а кто за младшего Эдуарда.

Опустив голову к земле, вепрь ринулся на принца.

Мальчику бы отскочить в сторону — ведь зверь был всего в тридцати шагах.

И никто не успел заметить, как из кустов к кабану кинулась тонкая легкая фигурка.

Все произошло так быстро, что, если бы спросить потом всех, кто стоял вокруг, что же произошло, каждый бы рассказал эту историю по-своему, и ни один из этих рассказов не был бы чистой правдой.

А на самом деле из кустов выскочила девочка лет двенадцати — тринадцати, одетая как юный оруженосец и коротко остриженная. Девочка взвилась в воздух, отважно прыгнула вслед кабану, догнала его, схватила за тугой скользкий хвост и дернула на себя. Да так резко и сильно, что громадный зверь взревел и остановился как вкопанный.

Его клыки замерли в футе от меча юного принца.

Затем вепрь с быстротой, которой вряд ли можно было от него ожидать, развернулся на месте, чтобы уничтожить обидчика, и кинулся на девочку.

Но девочка не растерялась.

Она выставила кулак и встретила зверя точным ударом прямо в рыло.

Ну какой дикий вепрь ожидает, что какая-то пигалица посмеет ударить его в самое нежное место — в розовое рыло?

Вепрь завизжал, как выпоротый поросенок, и, круша кусты, ринулся в чащу.

И как только придворные и рыцари, псари и лесники, бароны и лакеи поняли, что опасность миновала, они принялись размахивать мечами и кинжалами, бегать по поляне с угрожающими криками, науськивать собак на убежавшего кабана, толкаться, мешать друг дружке и подняли такой шум, что с деревьев посыпались листья, а испуганные вороны поднялись к облакам, распугивая коршунов и ястребов, которые полагали, что в облаках воронам делать нечего.

В этом шуме и суматохе не растерялся только юный принц Эдуард. Он подбежал к девочке, которая спасла его от неминуемой смерти, и сказал:

— Спасибо, отважный оруженосец! Я не знаю тебя...

Он протянул девочке руку, та поклонилась принцу, потому что принцам положено кланяться, а потом подала Эдуарду руку и ответила:

— Меня зовут Алисой, я девочка и оказалась тут случайно, хотя давно хотела с тобой познакомиться.

Конечно, Алиса разговаривает с незнакомыми мальчиками, а тем более с принцами британского королевства на «вы», но беда в том, что в английском языке что «ты», что «вы» — одно и то же слово. Такой бедный язык! Наверное,

это произошло оттого, что англичане всегда думали, что все они равны.

— Не могу поверить! — воскликнул Эдуард. — Ты всегонавсего девчонка?!

— Кажется, ты разочарован, — сказала Алиса. — А разве не все равно, кто тебе немного помог на охоте?

— Не все равно, — упрямо произнес Эдди. — Мне куда приятнее думать, что мне помог рыцарь, и притом благородного происхождения.

Алиса нахмурилась.

— Я живу далеко отсюда, — сказала она. — В наших краях людей не делят на благородных и неблагородных. Нам все равно, кто нам помогает — девочка, мальчик или его бабушка.

— Но ведь ты благородная дама? — с надеждой спросил принц. — Как зовется твой род?

— Отстань, Эдди! — рассердилась Алиса. — Я не твоя подданная и живу не в твоем королевстве.

И тут раздался другой голос.

Он принадлежал рыжеволосой девушке с белым-пребелым лицом, усыпанным веснушками. Глаза у девушки были ярко-зелеными.

— Ты права, незнакомка, — сказала рыжая девушка. — Я, принцесса Елизавета, благодарю тебя за спасение моего упрямого братца и нас с мамой. Я все видела, и поэтому ты можешь просить все, что тебе угодно.

— Мне ничего не надо, — ответила Алиса.

На этом их разговор закончился, хотя принцесса Лиззи и Алиса сразу же понравились друг другу. Они были почти одного роста и даже похожи, только волосы у Алисы золотистые, а у Елизаветы цветом, словно медный самовар. Обе стройные, высокие, правда, принцессе уже почти семнадцать, а Алисе всего двенадцать. Но Лиззи живет в XV веке, а Алиса будет жить через шестьсот лет, в конце XXI века. Алиса об этом отлично знала, а вот Лиззи и не подозревала о том, что по времени можно путешествовать. А если бы Алиса призналась, что прилетела из далекого будущего, Лиззи точно решила бы, что она — чертовка или дьяволица, и бросилась бы бежать.

Так что Алисе лучше было молчать о том, кто она такая на самом деле. Что она и делала.

К Алисе стали подходить и остальные члены королевского семейства.

Первой рядом появилась бледная королева Елизавета, которая поблагодарила Алису, но ничего больше сказать не успела, потому что подошел король Эдуард. Смущенный, потому что не успел вовремя прийти сыну на помощь.

Но король — всегда король.

— Ты чей слуга, мальчик? — спросил он так, будто случайно ехал по улице и натолкнулся на нищего.

— Я не слуга, — ответила Алиса.

— Это девочка, — вмешался в разговор принц Эдди. — Как ты не видишь, отец!

— И вернее всего, ведьмочка, — раздался голос герцога Глостера. Ричард подъехал вслед за королем и не мог скрыть своего неудовольствия. — Я бы не стал с ней разговаривать: а что, если она наведет порчу на ваше величество или на драгоценных принцев?

— Как вам не стыдно! — воскликнула Лиззи. — Ведь вас, рыцарей, и близко не оказалось, когда на нас напал вепрь! Где вы были, дядя?

— Мне помешала эта девчонка! — рассердился Глостер. — Я бы убил зверя, а девчонка дала ему убежать. И не исключено, что кабан заколдованный и они с девчонкой заодно!

— Ну, отец! — закричал Эдуард. — Скажи, что это неправда!

— Мы подумали, — произнес король, глядя поверх голов, — мы подумали и решили, что девица, с готовностью помогшая нашему сыну победить дикого вепря, заслуживает того, чтобы быть приглашенной на пир в замке Ладлоу. Эта девица не кажется нам ведьмой и не пугает нас так, как испугала нашего уважаемого младшего брата Ричарда, который известен как смелый воин, но сегодня себя смелым воином проявить не успел, хотя и утверждает, что ему просто помешала именно эта девица: как тебя зовут?

— Алиса.

— Девица Алиса.

Придворные отлично поняли, что король издевается над братом, и с готовностью принялись смеяться. Они уже забыли, что сами струсили. А если тебе не хочется о чем-то вспоминать, то проще всего найти виноватого и вдоволь над ним посмеяться.

Герцог Глостер пришпорил коня, и тот отпрянул в сторону.

Король сказал:

— Пускай королева разузнает все о девице, и мы решим, какой награды она достойна.

Он хлестнул коня и выехал в центр поляны.

— Где наши загонщики? — громко спросил король. — Почему не спущены собаки? Вы что, не видите, что этот вепрь вот-вот уйдет? А ему уйти нельзя. У меня с ним свои счеты.

И сразу над притихшей было поляной разнесся шум. Даже собаки, которые и лаять не смели, чуя, как люди встревожены, заголосили, забрехали, загавкали, как самые обыкновенные дворняги.

Охота помчалась вперед и скрылась в лесу.

Во все стороны разбегались зайцы, волки, барсуки и олени, прятались в норах лисицы, а последний в тех краях медведь с перепугу нырнул в горную речку и сидел там в холодной воде, выставив наружу один лишь черный нос.

На опустевшей поляне остались только носилки королевы. Елизавета стояла рядом, тут же была и принцесса Лиззи. А вот принцы ускакали вслед за отцом.

— Я не люблю охоту, — произнесла королева Елизавета.

Она чем-то напоминала маму Алисы, только чуть постарше. Темные, тронутые сединой волосы были убраны под небольшую шапочку, расшитую бисером, серые глаза смотрели печально.

Алиса обратила внимание на то, что на кожаном, в серебряных бляшках поясе королевы висели ножны, откуда торчала рукоятка кинжала.

Королева перехватила взгляд Алисы и смущенно сказала:

— Я же на охоту поехала. А вдруг какой-нибудь зверь нападет? Да ты же видела!

Но Алиса не поверила королеве. Елизавета была напугана. Но напугал ее не вепрь. Или не только вепрь.

Алиса посмотрела на Лиззи.

Рыжая девушка перехватила ее взгляд и чуть заметно кивнула. Словно поняла, о чем думает Алиса.

Алисе вдруг пришла в голову странная мысль: ведь она была бы рада подружиться с этой рыжей принцессой. Она ее понимает. А как редко тебя понимают!

Но вернее всего, ничего из этого не выйдет. По очень простой причине: в следующий раз они увидятся в самое горькое для Лиззи время. Не все в нем понятно Алисе, но рыжую принцессу ждет большая беда.

— Ты меня слышишь? — донесся до Алисы голос королевы.

Она и в самом деле задумалась так глубоко, что не расслышала вопроса.

— Простите, ваше величество, — сказала Алиса.

— Ты не сказала нам, откуда родом и почему в этот ранний час оказалась совсем одна в этом лесу. Неужели твои родители так спокойно отпускают тебя одну? И в одежде мальчика. Нам это кажется странным.

— Если позволите, ваше величество, — ответила Алиса, — я вам все подробно расскажу, только чуть погодя. Но сейчас я могу лишь сказать, что никакая я не ведьма. Но я сирота. И живу неподалеку, у дальних родственников, которые не очень утруждают себя заботой о сироте. А мне это к лучшему. Я люблю бывать одна и не боюсь леса.

— Ой! — воскликнула Лиззи. — Ты не боишься волков?

— Волки нападают только на тех, кто их боится. А летом они вообще не опасны.

— А разбойники? — спросила королева.

— Ну какие здесь разбойники! — рассмеялась Алиса.

— А нечистая сила? — боязливо прошептала Лиззи.

— Нечистой силы я здесь не встречала. И даже очень удивилась, когда ваш дядя назвал меня ведьмой.

Издали донесся рев охотничьего рога. Видно, охотники ускакали уже далеко.

— Мой дядя, — сказала Лиззи, — нехороший человек. Я его не люблю. А ты хочешь посмотреть, как я вышиваю?

— С удовольствием, — согласилась Алиса.

— Тогда поедем в замок, — предложила принцесса. — Мама, можно Алиса поедет со мной в замок?

— Я согласна, — кивнула королева. — До обеда еще много времени. Наши охотники вернутся часа через три. Так что мы их обгоним и сможем отдохнуть без мужчин.

Алиса хотела сказать, что она спешит домой, но разве королевам говорят такие вещи? «Хорошо, — решила она, — я поеду с двумя Елизаветами в замок. Все равно не мешает поглядеть, как он устроен внутри. Заодно пускай они побольше расскажут мне о своей жизни и о родственниках».

— Ты поедешь с нами в носилках? — спросила Лиззи.

Алиса покосилась на несчастных носильщиков, которым придется тащить тяжелый паланкин по лесной дороге, и отказалась.

— А нет ли коня, на котором я могла бы доехать до замка? — спросила она.

— Чудесная мысль! — воскликнула Лиззи. — Мы с тобой поедем верхом!

— Лиззи, — с упреком сказала королева, — ты же знаешь, как я не люблю, когда ты скачешь верхом! С тех пор как тетя Матильда сломала шею, упав с коня, я переживаю, если вижу тебя в седле.

— Но я буду вместе с Алисой, — возразила Лиззи. — Что может со мной случиться?

— Ну как знаешь, — уступила королева и, усевшись в носилки, задвинула полог, чтобы не видеть ужасного зрелища — любимая дочка верхом на диком животном!

Глава третья

ЗАГОВОР ГЛОСТЕРА

— Тебе сколько лет? — спросила Лиззи свою новую подругу.

— Уже двенадцать, — ответила Алиса. — Но у нас люди выше ростом, чем здесь, и мы быстрее растем.

— Это в каком графстве?

— Ты не знаешь. Далеко отсюда.

— Я все знаю, — обиделась Лиззи. — Я — настоящая принцесса и поэтому все знаю лучше, чем некоторые простолюдинки.

Она выразительно поглядела на Алису, но Алиса не стала спорить, а только улыбнулась, потому что совсем не страдала оттого, что временно оказалась сироткой.

— А у тебя есть жених? — спросила Лиззи.

— Нет, — ответила Алиса. — Я пока не интересуюсь мужчинами в этом смысле.

— А в каком же смысле интересуешься?

— Ну, мне интересно, какие они спортсмены и умные ли — я дураков не выношу.

— Все ясно, — кивнула Лиззи. — Ты только кажешься высокой и почти взрослой, а на самом деле ты такой же ребенок, как мои братишки.

— Только я посильнее, побыстрее и уж точно поумнее твоих братьев и даже их сестры.

— Ты кого имеешь в виду? — удивилась принцесса.

— А я имею в виду того, кто не знает, в каком году была битва при Гастингсе, кто такой Юлий Цезарь и чему равен квадратный корень из четырех.

— А ты знаешь? — удивилась Лиззи.

— Знаю. И много еще чего знаю.

— Чепуха! — воскликнула Лиззи и придержала коня. — Даже мужчины таких вещей не знают. Для этого есть монахи и учителя в университетах. А что это за битва при Гастингсе?

— Вильгельм Завоеватель победил англичан и завоевал Англию.

— Придумаешь тоже! — возмутилась принцесса. — Разве кто-нибудь может победить англичан?

— А французы?

— Это слабаки! — Лиззи взмахнула руками и отпустила поводья. К счастью, Алиса ехала так близко к ней, что успела подхватить принцессу, прежде чем та выпала из седла.

Чтобы не злить свою новую подругу, Алиса переменила тему разговора:

— Ты хотела сказать мне, что у тебя есть жених.

— А ты откуда знаешь?

— От тебя.

— Это секрет.

— Почему это секрет?

Лиззи оглянулась. Но лес, подходивший вплотную к дороге, жил своей шумной птичьей жизнью, и ему дела не было до двух девочек, которые мирно ехали по проселочной дороге.

— Я боюсь, что об этом узнает дядя Ричард.

— Если ты хочешь рассказать, то рассказывай, — сказала Алиса. — А если нельзя, то помолчи.

— Мне все можно, только ты не проговорись.

— Клянусь!

— Ричард ненавидит Генриха. Он завидует ему!

— Как может герцог и брат короля завидовать какому-то Генриху?

— А вот и не какому-нибудь! Генрих тоже королевской крови, только другой ветви. И хоть он молодой, но такой красивый и смелый, что знатные бароны всегда за ним пойдут.

— А зачем им за ним идти? — невинно спросила Алиса.

— Если он захочет занять трон!

Лиззи говорила так тихо, что Алисе приходилось наклоняться с седла, чтобы расслышать.

— Но ведь на троне твой отец! — удивилась Алиса.

— А если с папой что-то случится?

— Что же может случиться с твоим папой? — спросила Алиса.

Ей было очень интересно узнать, что думает эта молодая девушка о будущем.

— Он пойдет на войну, и его могут убить. Или кто-нибудь может подослать к нему убийц. Мой папа король, а это очень опасное занятие.

— И что тогда будет?

— Тогда королем станет мой брат Эдуард. Но он еще маленький, и надо будет назначить регента, то есть правителя королевства. Регентом может стать мама или дядя Ричард. Но вряд ли они позволят маме.

Алиса подняла ладонь, призывая Лиззи замолчать.

Та сообразила и закрыла ротик.

Алису насторожило то, что лес замолк. Шумел, пел

птичьими голосами, гудел жужжанием шмелей... и вдруг замолчал. Испугался.

Алиса всей кожей чувствовала, что в лесу затаилась опасность.

Совсем близко, вон в той лощине, заросшей орешником.

Она направила коня в ту сторону и через несколько шагов остановилась.

Потом спешилась.

Алиса не оглядывалась на принцессу, потому что знала: та и без нее решит, что ей делать.

Привязав коня к дереву, Алиса пошла в глубь леса.

Через полсотни шагов она увидела поляну. На поляне притулилась покосившаяся хижина под соломенной крышей. Перед хижиной стоял конь, а изнутри доносились голоса.

Алиса обернулась.

Принцесса Лиззи стояла рядом с ней. Она прижала палец к губам и прошептала:

— Это его конь. Конь дяди Ричарда.

Алиса тоже узнала коня. Белый крупный жеребец под красным седлом, сбруя расшита золотом. Конь повел глазом на девочек и коротко заржал.

— Помолчи, — шепотом попросила его Алиса. — Не выдавай нас.

Из хижины, продолжая разговаривать, вышли мужчина и женщина в плаще. Собеседники не таились и говорили громко. А может быть, просто они были сердиты.

Алиса сделала еще два шага и сквозь густую листву различила герцога Глостера.

Лиззи тоже подкралась поближе. Женщина в плаще была ей незнакома, но спрашивать, знает ли ее Алиса, она не решилась. Принцесса понимала, что они находятся очень близко и любой шорох может их выдать.

Лиззи крепко схватила Алису за руку и невольно вонзила ей в ладонь острые ногти. Она испугалась и пыталась найти поддержку в новой подруге.

— И ты называешь себя волшебницей? — кричал Ричард, не скрывая злобы.

— Я не ожидала появления маленькой колдуньи! — оправдывалась женщина.

— Какая еще колдунья? — завопил Глостер. — Местная девчонка, лесная бродяжка! Она просто умеет обращаться со свиньями.

— Чепуха! — фыркнула фея. — Еще не родилась девчонка, которая может схватить за хвост дикого вепря!

Лиззи дергала Алису за руку, будто просила: слушай же, что они говорят!

Алиса поняла, в чем дело: вепрь был оборотнем — именно в вепря превращалась та женщина, именно она напала на принца и королеву. «Ну как я, глупая, раньше не сообразила, что все это подстроено!»

— Но ты убежала от девчонки! — засмеялся Глостер.

— Я убежала, потому что не знала, волшебница какой степени на меня напала. Кому хочется, чтобы его превратили в мышь?

— А я-то думал, что ты великая колдунья.

— Не тебе, простому смертному, судить меня! — вскинулась Моргана.

— Я отыскал для тебя посох волшебника Мерлина. Ты обязана помогать мне!

— Я делаю это по доброй воле.

— Открой мне дорогу к трону. Ты поклялась!

— Корона Британии будет твоей, герцог. Я клянусь!

— Сегодня!

— На пути к короне перед тобой много препятствий, — сказала фея.

— Ты уже сегодня не сумела убрать одно из них, Моргана!

— Не ропщи, герцог!

— Если ты будешь оттягивать кару, то не получишь посоха.

— Ты дал слово!

— Я его сдержу, когда ты сдержишь свое!

— Первым умрет король Эдуард, — мрачно сказала фея Моргана. — Но помни, в момент коронации ты отдашь мне посох.

— Значит, сегодня? — спросил Глостер.

— Сегодня во время обеда.

— И как это случится?

— Тебе лучше не знать, — ответила Моргана.

Фея подняла руку, и Алиса увидела, как на ее среднем пальце синим светом сверкнул драгоценный камень.

— Уходи, — промолвила фея. — Мне не нравится, как пахнет воздух в этом лесу. Здесь чужие.

— Не может быть! Никто не видел, как я приехал сюда.

— Я не ошибаюсь. Уходи!

Лиззи вцепилась в руку Алисы так сильно, что та испугалась, как бы из ладошки не брызнула кровь.

Они замерли.

Совсем рядом, проламываясь сквозь ветви, прошел герцог Глостер.

Фея Моргана осталась стоять на месте. Она медленно поводила головой из стороны в сторону, принюхиваясь, как обыкновенная ведьма.

Потом отступила в чащу и будто растворилась в воздухе.

Конь Ричарда тревожно заржал, словно старался что-то сказать хозяину.

Глухо застучали копыта по лесной земле.

— Они нас чудом не заметили, — прошептала Алиса.

— Не чудом, — ответила принцесса Лиззи, — а потому что ты колдунья. Я тебя не боюсь, потому что даже у колдуний есть друзья. Но будь осторожна! Если до тебя доберутся монахи или судьи, тебе не жить на белом свете.

— Я убегу, — успокоила принцессу Алиса. — Я быстро бегаю, быстрее любой колдуньи.

Лиззи покачала головой. Она не поверила новой подруге.

Девочки вернулись к лошадям. Ричард не заметил их, наверное, потому, что очень спешил.

Лиззи трясло. Она начала плакать. Принцесса прижалась лицом к боку коня, медные волосы свесились на грудь.

— Они хотят папу убить, — шептала Лиззи. — Они хотят его убить...

— Скажи маме, — посоветовала Алиса.

— Что мама может сделать? Отец любит ее, но всерьез не принимает.

— Сама скажи отцу.

— Он не поверит. Это же его брат!

Девочки взобрались на коней и поехали к замку.

Дорога выбралась из леса и потекла между полей. На полях трудились крестьяне. Потом потянулось пастбище, где рядом паслись кони и овцы.

— Ты подтвердишь? — спросила Лиззи.

— Конечно, — ответила Алиса. — Но я здесь чужая, меня никто не знает, и если я посмею что-то сказать, твой дядя заявит, что я ведьма. И кому поверят?

— Конечно, ему, — вздохнула Лиззи. — Я тебя познакомлю с Генри. Он такой умный. Только совсем не верит в сказки.

— А при чем тут сказки?

— Но ведь фея Моргана жила много-много лет назад, и волшебник Мерлин тоже был при дворе короля Артура. Ты знаешь про короля Артура?

— И про рыцарей Круглого стола тоже, — кивнула Алиса.

— Фея Моргана была сестрой короля Артура, но всегда ему вредила. Об этом все знают.

— Твой Генри не верит в фею Моргану?

— Он считает, что все волшебники придуманы хитрыми людьми, чтобы мешать рыцарям заниматься делом.

— А каким делом должны заниматься рыцари? — не поняла Алиса.

— Они должны поклоняться прекрасной даме, сражаться с драконами и ходить в крестовые походы.

«Да, — подумала Алиса. — Здешние рыцари, видно, очень занятые люди».

— Но теперь крестовых походов нет, драконов тоже не осталось, — печально сказала Лиззи. — Поэтому рыцари сражаются только на турнирах и воюют друг с другом.

Алиса нахмурилась. О чем же она забыла? Это связано с феей Морганой. Фея взмахнула рукой, и на длинном белом пальце сверкнула синяя искра.

— У нее кольцо, — вспомнила Алиса. — Перстень!

— Ты о ком?

— У феи Морганы на пальце перстень с синим камнем!

— Ну и что? — не поняла Лиззи. — Почему ты об этом вспомнила?

— Не знаю. Но это может быть важно. И еще он говорил о посохе Мерлина.

— Наверное, у Мерлина была палка или трость, — пожала плечами принцесса. — Ведь он был старым.

— Он всегда был старым? — уточнила Алиса.

— Почти всегда, — ответила Лиззи.

Глава четвертая

СОБЫТИЯ В ЗАМКЕ ЛАДЛОУ

Они въехали на узкую улицу городка. Маленькие домики облепили холм, на котором возвышался замок. Дома были белыми, с узором из черных полос, под черепичными или соломенными крышами, в зависимости от богатства хозяина.

Улицы и небольшая площадь перед въездом в замок были заполнены народом — ведь не каждый день сюда приезжал король со свитой.

— Обычно здесь тихо, — сказала принцесса, тоже заметившая столпившихся людей. — Отец хочет, чтобы мой братец Эдуард всегда жил здесь. Он ведь принц Уэльский. Значит, пускай живет поближе к Уэльсу.

Алиса молчала. Зато Лиззи болтала без умолку:

— Вообще-то папа хочет, чтобы Эдди жил подальше от Лондона, в столице у нас слишком много врагов. Бароны не любят маминых родственников. Мамины родственники не знатные, но гордые.

И Алисе было непонятно, гордится Лиззи такими родственниками или их осуждает.

— А где же младший братик?

— Ричард живет со мной и с мамой. В Лондоне.

Девочки подъехали к открытым воротам замка. Стражники узнали принцессу и отдали ей честь.

На обширном дворе замка их встретили слуги, помогли спрыгнуть с коней и увели лошадей в конюшню. А Лиззи по-

вела Алису наверх, в королевские покои, чтобы подруга могла умыться с дороги.

Они договорились, что Лиззи зайдет за Алисой.

Алиса налила воды из кувшина в тазик, умылась, вытерлась чистой тряпкой. И тут же за ней пришла принцесса.

Они пробежали темным коридором, увешанным гобеленами. Свет проникал туда только сквозь редкие узкие окошки. Под потолком скопилась густая паутина.

Лиззи толкнула низенькую деревянную дверь, и они оказались в просторной комнате со сводчатым потолком. Здесь было светлее, чем в коридоре, и не так пыльно. В дальнем конце комнаты стояла кровать под балдахином, пол был застлан ковром. Вдоль стен стояли стулья с высокими спинками. На одном сидела королева. Она держала в руках книжку в кожаном переплете. Книжка была закрыта. Королева явно не собиралась читать. Она глубоко задумалась.

— Мама, — позвала Лиззи. — Я привела Алису.

— Садитесь, девочки, — сказала королева.

Она чуть улыбнулась, ее рука бессильно опустилась, и книжка упала на ковер.

— Мама, — сказала Лиззи, — мы с Алисой слышали, как дядя Ричард разговаривал с феей Морганой о покушении.

— С кем?

— С феей Морганой, сестрой короля Артура.

— Ты хочешь сказать, что ей пятьсот лет?

— Не знаю:

— А кто тебе сказал, что ты видела именно фею Моргану?

— Так ее дядя называл. Алиса может подтвердить.

Королева подняла тонкие брови.

— Подтверди, странная девочка, — приказала она.

— Я видела эту женщину раньше, — сказала Алиса. — С герцогом Глостером перед охотой. Но я не могла подойти поближе и как следует ее рассмотреть.

— И еще он говорил про посох Мерлина, — перебила ее принцесса Лиззи. Ей не терпелось самой все рассказать.

— Подожди, — нахмурилась королева. — Сначала пускай Алиса расскажет нам о том, что произошло перед началом охоты.

— Мне показалось... — начала Алиса неуверенно. — Только не смейтесь, если это покажется странным... Мне показалось, что фея Моргана превратилась в кабана и напала на вас.

— Я не буду смеяться, — произнесла королева, а Лиззи даже рот раскрыла от негодования.

— И ты мне этого не рассказала?! — воскликнула она. — Какая же ты после этого подруга?!

— Я рассказываю сейчас, — сказала Алиса.

Лиззи обиженно отошла к окну и стала смотреть вниз, на холмы и лес, что подступал к самому городку.

— Кого хотел убить брат моего супруга? — спросила королева.

— Кого-то из вашей семьи, — ответила Алиса. — Скорее всего, самого короля.

— Ты видела, как фея превратилась в вепря?

— Нет. Герцог Ричард стал прислушиваться, и я убежала. Но фея исчезла, а на ее месте появился вепрь.

— Это могло тебе почудиться... — неуверенно сказала королева.

— Пусть она помолчит! — крикнула принцесса. — Я сама расскажу, что мы слышали в лесу.

— Хорошо, — согласилась королева. — Говори, моя девочка.

— Они договаривались убить папу! — выпалила Лиззи.

— И как же?

— Фея Моргана сказала, что она это сделает, и тогда дядя должен будет отдать ей посох Мерлина.

— Откуда у него посох Мерлина?

Алиса поняла, что королева не сомневается в том, что где-то поблизости бродит фея, которой уже пятьсот или тысяча лет, что герцог Глостер хочет убить ее мужа — она совершенно в этом уверена!

— Мама, мама! Она хочет совершить это сегодня, во время обеда! Ее надо остановить!

— Ты ее узнаешь?

— И я узнаю, и Алиса тоже.

— Ах, девочки, — тихо сказала королева, — вам, наверное, неизвестно, что фея Моргана — волшебница, древняя, как сам мир. Она может менять облик. Как же вы ее узнаете?

— Отца надо предупредить!

— Думаю, герцог Глостер не посмеет убить брата. Это же ему ничего не даст, — сказала королева. — У меня же есть два сына. Принцы стоят между престолом и Ричардом...

— Мама, ты же сама себе не веришь! — воскликнула Лиззи.

— Друзья защитят нас...

— Скорее расскажи все отцу!

— Он верит брату. Они сражались вместе. К тому же он еще не вернулся с охоты.

— Мама, я так боюсь, так боюсь!

— По-моему, ты хотела показать Алисе свои вышивки, — прервала ее королева. — Что же вы теряете время? Идите, дети.

Комната принцессы была напротив спальни королевы. Лиззи вышивала на пяльцах. Вышивка была обыкновенной, если бы Алиса хотела, давно бы так научилась.

Но Лиззи не хотелось говорить о вышивке, а Алисе неинтересно было на нее смотреть.

Они, не сговариваясь, отошли к окну, забранному решеткой, но без стекол, и смотрели вниз, на дорогу из леса, ждали, не появятся ли охотники. Лиззи стала было рассказывать о том, какой замечательный рыцарь ее Генрих, но сразу же замолчала.

А потом усталость сморила девочек, и они улеглись на низкое ложе, покрытое шкурами. Было тепло, почти жарко, теплый воздух вливался в окно, но солнце уже поднялось так высоко, что его лучи не могли заглянуть в комнату, и поэтому каменные стены хранили прохладу.

Девочки обнялись, задремали и не заметили, как проспали два часа.

А очнулись они одновременно от звуков, доносившихся снизу, — это возвращалась королевская охота.

Пустое и тяжкое ожидание кончилось. Скоро обед. Главное — расскажет ли королева мужу об опасности?

Пришли фрейлины. У принцессы были свои фрейлины, совсем еще девочки. Они раскрыли большой сундук, стояв-

ший у стены, и стали доставать оттуда разные платья — ведь к королевскому обеду надо одеваться специально.

Лиззи рассматривала платье за платьем, отвергала их, а Алиса отошла в сторонку и делала вид, что это ее не касается — ведь у нее ничего, кроме мальчиковой одежды, не было. И даже непонятно, как ей в таком виде идти на обед.

— Ты чего стоишь? — спросила Лиззи. — Могла бы сама себе платье выбрать. Мы же с тобой почти одного роста. Правда, я на два пальца повыше.

Конечно, Лиззи была не повыше, а может быть, даже чуть пониже Алисы, но разве будешь спорить с настоящей принцессой, да еще если она разрешает тебе надеть ее платье?

Правда, все оказалось не так просто.

Как только Алиса выбрала себе длинное, до самого пола, голубое платье с белым поясом и другая фрейлина принесла ей туфли с длинными, чуть загнутыми спереди носками, а третья — головной убор, похожий на высокий колпак, в котором на сцену выходят фокусники, принцесса Лиззи вдруг замерла, оглядывая подругу с ног до головы, а потом произнесла:

— Снимай платье.

— Почему?

— Потому что это мое платье и я решила его надеть. Оно мне идет.

— Мне тоже, — сказала Алиса.

— Ты что себе позволяешь! — Лиззи была вне себя от ярости. — Надевает мои вещи и еще спорит с принцессой! Я сейчас позову стражу, и тебя кинут в подземелье!

— Ну что ж, — пожала плечами Алиса, — может, там мы с тобой встретимся.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты уверена, что, когда Ричард убьет твоего отца, он не возьмется за остальное семейство?

— Меня он не тронет! — вспыхнула Лиззи. — Он в меня влюблен.

— И это тебе нравится?

— Еще чего не хватало! У него пальцы потные!

Они не заметили, как в комнату вошла королева. Возможно, она стояла незамеченной несколько минут.

— Тише! — сказала королева спокойным голосом. — Мне стыдно за тебя, Лиззи. Хотя на твоем месте, Алиса, я бы не стала спорить с особой королевской крови. Но главное, вы не смеете спорить и ссориться в тот момент, когда решается судьба всего королевства.

— Но мне это платье самой нравится, — заныла Лиззи.

— Ах, — отмахнулась королева, — не надо обманывать собственную мать. Ты увидела, как хороша Алиса в твоем платье, и в тебе взыграла ревность. Это так просто и так гадко... Но мне любопытно другое, моя дорогая дочь. С чего ты решила, что твой дядя Ричард в тебя влюблен? Это для меня новость.

— Он мне сам сказал.

— А ты?

— Я засмеялась. Что еще может сделать принцесса?

— И ты не подала ему никаких надежд?

— Что я, глупая, что ли?

— Очень глупая, — строго сказала королева. — Ты уже проговорилась совершенно незнакомому тебе человеку.

И Елизавета указала на Алису.

— Ну, она никому не скажет!

— Я никому не скажу, — повторила Алиса.

Во дворе ударили в гонг. Низкий гул прокатился по замку.

— Поторапливайтесь, девочки, и, как только будете готовы, спешите ко мне. Мы должны прийти в зал пораньше. Я хочу поговорить с моим царственным супругом.

Девочки закончили одеваться в молчании. Лиззи была недовольна тем, что мама приняла сторону Алисы, а Алиса немного робела перед событием, для принцессы совершенно обыкновенным, — королевским обедом. Одно платье с этим дурацким колпаком чего стоит! В нем можно выступать, словно пава, но нормальным человеческим шагом идти нельзя. К тому же, если тебя ненавидит такой человек, как герцог Глостер, лучше держаться от дворца подальше, тем более что где-то рядом таится и фея Моргана, которая

может быть сказочной, а может быть и настоящей. В любом случае Алисе от этого не легче.

Фрейлины суетились и совсем не жалели Алису. Они туго затягивали шнурки, втыкали куда попало булавки, а так как им не понравилась прическа Алисы — слишком короткие волосы! — они прикрепили ей шиньон — длинный конский хвост, который вылезал из-под колпака и тяжело лежал на спине.

Какой-то придворный сунулся в дверь. Фрейлины зашипели на него, а он успел крикнуть:

— Скорее, скорее, королева уже в пути!

Пришлось бежать по коридору, чтобы догнать королеву на узкой лестнице.

Совершенно неожиданно для Алисы они оказались в высоком, гулком обеденном зале, где бароны как раз рассаживались по своим местам, а король уже восседал во главе стола.

При виде спешащей королевы он поднялся и громко, перекрикивая шум в зале, спросил:

— Что с тобой, Елизавета? Ничего не случилось?

Королева прошла вдоль длинного стола, чтобы занять место рядом с Эдуардом.

Стол был накрыт в форме буквы «Т», только верхняя палочка была короткой, а ножка очень длинной. Во главе стола сидели король с королевой, мальчики-принцы и герцог Глостер. Там же нашлись места для Лиззи и Алисы, которая оказалась почетной королевской гостьей.

Сидевшие за длинным столом придворные и знатные вельможи переглядывались, перешептывались и никак не могли сообразить, кто эта девушка, что направляется к королю. Даже те, кто видел Алису на охоте, когда она укротила дикого кабана, конечно же не узнали в изысканно одетой девушке мальчишку, выскочившего из леса.

Даже сам король узнал Алису не сразу, а только когда она подошла совсем близко и королева шагнула в сторону, открывая Алисе дорогу. Елизавета улыбалась, довольная превращением девочки.

Первым сообразил, кого видит перед собой, герцог Глостер. Его злой черный глаз умел различать людей под любой оболочкой.

— Кто к нам пожаловал! — усмехнулся он. — Ведьма из леса! Она и здесь найдет себе жертву.

— Рад видеть тебя, девица, — произнес король. — Займи место рядом с королевой.

Эдуард сделал вид, что не слышал злых слов брата. Ричард почувствовал, что сказал лишнее, и поспешил исправить положение.

— Простите, если я показался вам грубоватым, — сказал он, обращаясь сразу и к Алисе, и к королеве. — Но я всегонавсего солдат и не приучен к придворным тонкостям. По мне, ведьма — всегда ведьма. Но я рад ошибиться, был бы счастлив его величество король и его славное семейство.

— Отлично, — сказал король. — Можно приступать к трапезе.

Эдуард уселся в свое кресло. По левую руку от него села королева, по правую — герцог Глостер. Принцесса с Алисой сидели рядом с королевой, а мальчики-принцы устроились возле Глостера, который был к ним очень добр. Он гладил их по головам и громко повторял, как славно они вели себя на охоте, как отважно скакали по чаще. Им просто не повезло, что не встретился кабан, а то бы они с ним ловко расправились.

Мальчишкам нравилось, что дядя так громко их хвалит, а король лишь усмехался.

Перед Алисой стояло серебряное блюдо, сбоку лежали нож и вилка с двумя зубцами.

Оказывается, вилки были нововведением, и только короли могли ими пользоваться. Остальные жители королевства ели руками. Король сам отрезал кусок мяса от жареного барана, что громоздился перед ним на подносе, и кинул его Алисе, угощая гостью. Пока король ухаживал за Алисой, а потом и за другими женщинами, сидевшие за столом придворные резали мясо, разливали по серебряным кубкам вино или воду, хватали со стола и жевали вареную репу и морковь.

Алиса краем глаза увидела, как королева наклонилась к уху Эдуарда и шепчет ему что-то.

Ричард тоже заметил это и стал прислушиваться. Король взглянул на брата и криво усмехнулся. Алиса не слышала, о чем говорит королева, но могла догадаться. Тем более что Лиззи ей прошептала:

— Сейчас мама все ему расскажет, и он прогонит дядю Ричарда.

— Спасибо, — громко произнес король. — Но детские забавы — это детские забавы, а мы здесь — взрослые люди.

Король обернулся к Ричарду и спросил:

— Брат, мог бы ты замыслить злое против меня?

— Только безумец может так подумать, — ответил герцог Глостерский. — Я — человек верный, тихий, не покладая рук тружусь на благо нашей державы. У тебя, Эдуард, нет более скромного слуги, чем твой младший брат.

— Вот именно, — кивнул король.

Эдуард принялся за еду. Он обгладывал большую кость и показался Алисе похожим на большого льва, раздирающего антилопу.

По знаку герцога Глостера заиграл небольшой оркестр. Музыканты сидели в углу зала. Играли они нестройно, каждый сам по себе. Но баронам такая музыка нравилась, кто-то стал подпевать, кто-то хлопал в ладоши.

— У меня для тебя есть сюрприз, — сказал Ричард королю. — Мне привезли танцовщицу из южных стран. Ты такого еще не видел.

— Покажи нам танцовщицу, — согласился король.

По знаку Глостера в зал вбежала девушка в турецкой одежде. На ней были широкие шелковые шаровары и расшитый бисером лиф, черные прямые волосы водопадом спадали на плечи и спину.

В обнаженных, украшенных множеством браслетов руках танцовщица держала золотой кубок.

Девушка извивалась как змея, неистово кружилась, крутила бедрами и грудью, а оркестр старался помогать ей, но, кроме нестройного шума, у музыкантов ничего не выходило.

И вот танец закончился. Все хлопали в ладоши и требовали повторения танца. Но девушка мелкими шажками подбежала к столу и, поклонившись, протянула королю золотой кубок.

— Это сладкое вино Востока! — произнесла она негромко, но все услышали. — Выпей, славный король, и будь великим воином!

— Выпей! — закричали бароны. — Пей до дна!

Танцовщица поднесла вино королю, и тот принял кубок.

— Пей до дна! — кричали придворные.

Королева привстала. Она словно почувствовала неладное.

Синяя искра, яркая, как фонарик, вспыхнула на пальце танцовщицы.

— Стой! — крикнула Алиса.

Но принцесса оказалась резвее.

Она, как кошка, кинулась к отцу и вырвала у него из руки кубок.

Эдуард такого нападения не ожидал. Лиззи выплеснула вино на стол.

— Как ты посмела! — закричал король.

— Наглая девчонка! — потеряв самообладание, завопил Глостер.

Но тут взгляд короля упал на стол. Красное вино попало на груду фруктов в вазе, стоявшей перед ним. Там были яблоки, груши и мелкий виноград.

Белая пена покрыла фрукты, и они стали плавиться, словно лед под кипятком.

— Что это? — растерянно спросил король. — Что это значит?

— Покушение на его величество! — закричал герцог Глостер. — Где эта женщина? Схватить ее немедленно! Пытать! Узнать, кто организовал покушение! Кто хотел отравить нашего любимого короля?

Танцовщицы в зале не было.

Но никто не заметил, как она исчезла.

— Кто пригласил убийцу? — кричал Глостер. — Немедленно выяснить и всех казнить! Всех казнить! Я лично возглавлю следствие!

Алиса почувствовала на плече руку.

Она обернулась. За ее спиной стояла королева.

— Беги, Алиса, — тихо прошептала королева. — Герцог

Глостер наверняка постарается направить подозрения короля на тебя.

К ним уже подошла Лиззи.

За ее спиной стоял высокий молодой человек в скромном голубом камзоле.

— Спасибо, — сказала Лиззи. — Ты заметила синий камень на ее руке. Видишь, я запомнила.

— Молодец! — похвалила принцессу Алиса.

— Грини выведет тебя из замка.

— Спешите, — поторопила их королева.

И вовремя. В тот момент, когда юный паж королевы выводил Алису из зала, она услышала сзади голос герцога Глостера:

— А где так называемая Алиса? Где она? Я намерен допросить ее в первую очередь.

Алиса вбежала в узкий проход, что вел на кухню. Здесь она сорвала с головы и выкинула прочь высокий колпак и приколотый шиньон.

На кухне стоял такой чад и гарь, что на Алису никто из поваров и внимания не обратил.

Грини вывел Алису к калитке в крепостной стене. Калитка была закрыта на ржавый засов, и только вдвоем им удалось ее открыть.

— Беги, — сказал паж.

— Спасибо тебе, — сказала Алиса.

— Я служу ее величеству, — ответил Грини. — А ты смелая! Я видел, как ты вепря одолела. Жалко, что ты не парень. А то бы тоже пажом стала, а потом рыцарем.

— А я не жалею, — улыбнулась Алиса. — До встречи.

— До встречи!

Алиса побежала к лесу.

Глава пятая

АЛИСА В МОСКВЕ

В конце XXI века на окраине Москвы построили Институт времени.

Это большое одноэтажное здание, совсем невзрачное на

вид, если не знать, что оно уходит на одиннадцать этажей под землю.

Отсюда отправляются в путешествия по времени сотрудники института и специалисты, которым нужно что-то узнать или увидеть в далеком прошлом.

В будущее отсюда не ездят, потому что будущего еще нет.

Но порой из будущего к нам попадают люди. И ничего не рассказывают. Или стараются ничего не рассказывать. Любой путешественник во времени дает слово, что ни слова не расскажет о будущем. Впрочем, в прошлом вообще надо вести себя очень осторожно, ничего не портить, не ломать и не изменять. Изменишь что-нибудь в прошлом — мало ли что из-за этого может случиться сегодня? Хотя, вернее всего, ничего страшного не случится. Время — как гигантская подушка. Прыгаешь на нем, как муха или кузнечик, а подушка и не замечает твоих прыжков.

Алиса Селезнева в Институте времени — свой человек. Так уж сложилась ее судьба, что ей пришлось не раз путешествовать в прошлое. И по своей воле, и по воле обстоятельств. Совсем недавно один мальчишка из XX века унес с собой миелофон — прибор для чтения мыслей. И Алиса выслеживала его сто лет назад, спасала от космических пиратов, которым тоже не терпелось завладеть ценным прибором, а потом неслась к себе в будущее, чтобы вернуть миелофон на место. Путешествовала Алиса, и не единожды, в отдаленное прошлое — в эпоху легенд, что таится между третьим и четвертым ледниковыми периодами. Тогда все сказочные существа жили на самом деле. Но они не смогли перезимовать в ледниковый период, потому что не умели разжигать настоящий огонь и шить теплую одежду. А хозяевами Земли стали люди.

Этим поездки Алисы в прошлое не ограничились. И причиной тому — историческая практика. Когда она училась в пятом классе, каждый ученик должен был выбрать себе какую-то эпоху в истории, отправиться туда, разгадать тайну и снять о ней фильм. Тогда Алиса познакомилась с юным королем Артуром, выкупила из рабства философа Платона и отыскала на дне глубокого озера клад Наполеона. А потом, разыскивая пропавшую подругу Магдалину, путе-

шествовала по средневековой Европе, побывала у герцога Синяя Борода, подружилась с Жанной д'Арк и Робином Гудом... Словом, приключений не перечесть!

Путешествовать по лабиринтам истории так понравилось школьникам, что они, и став старше, продолжали разгадывать загадки прошлого. Темой последнего путешествия Алиса выбрала судьбу английских принцев в Тауэре.

Тауэр — королевский замок в Лондоне. Именно туда, если верить историкам, попали два принца, два наследника королевского престола — Эдуард и Ричард. Их посадил в тюрьму родной дядя, герцог Глостер.

История эта довольно темна и загадочна. Дело в том, что после того, как герцог забрал принцев у матери, их больше никто не видел. Хотя почти все современники и историки уверены в том, что по приказу Глостера мальчиков убили, чтобы дядя мог захватить принадлежавший им по праву трон. Этот дядя, правивший под именем Ричарда III, был таким мерзавцем, что великий драматург Шекспир, написавший трагедию о его преступлениях, изобразил его хромым горбуном отвратительного вида. С тех пор принято считать короля настоящим уродом.

На уроке истории Алиса попросила разрешения отправиться в XV век и выяснить, что же произошло с мальчиками на самом деле. А так как Алиса отличница и все ее путешествия кончались благополучно, то учительница разрешила ей отправиться в средневековую Англию и расследовать преступления герцога Глостера на месте. Алиса прошла специальный курс обучения, освежила в памяти староанглийский язык, просмотрела множество фильмов и книг по истории Англии того времени, вместе со специалистами-историками придумала себе легенду и отправилась в Англию как сиротка, которая бродит сама по себе, хотя ее родители были благородными баронами. Ведь Алисе придется общаться с королями, принцами и баронами, а вести себя надо так, чтобы они ничего не заподозрили. Откровенно разговаривать они будут только с ровней, а какую-нибудь крестьянку и близко к себе не подпустят.

Когда подготовка закончилась и Алиса сказала дома, что ее не будет недели две-три, никто не удивился. Ведь папа и

мама знают, что Алиса — непоседа, ее никак не удержать дома. И ничего дурного с ней не случится. Только домашний робот Поля расстроился. Он всегда расстраивался, когда Алиса отправлялась в путешествия. Очень за нее переживал.

До временной кабины, в которой сотрудники института отправляются в прошлое, Алису проводил ее старый друг Ричард Темпест.

— Привет, — сказал он. — Возвращайся поскорее. Береги себя. Счастливого перемещения!

— Спасибо! — Алиса помахала ему и исчезла.

Ричард Темпест проверил, правильно ли сработала установка, а потом вырубил свет в зале и пошел к себе в кабинет.

Он вошел в комнату, уселся за стол, включил компьютер и стал просматривать почту. Почты в тот день было много. Ричард не отрывался от экрана и поэтому не сразу понял, что в комнате он не один.

А когда наконец кончил читать письма, то увидел, что напротив него сидит Алиса Селезнева собственной персоной.

— Глазам не верю! — воскликнул Ричард. — Ты так быстро?

— Прости, — сказала Алиса. — Мы немного ошиблись, и я попала в прошлое за несколько месяцев до нужного срока.

— На несколько месяцев ошиблись? Ай-ай-ай! — воскликнул Ричард. — Наших вычислителей гнать надо, гнать, гнать, гнать!

На самом деле он не очень сердился, потому что понимал: ошибки в работе временных кабин возможны и случаются довольно часто. Ведь время подобно океану, в нем есть свои течения, бури и штили, случаются приливы и отливы. И точно послать человека в отдаленную точку времени очень трудно. Компьютеры занимают весь нижний этаж института, они сложнее и сильнее, чем государственный компьютер, который управляет хозяйством всей России, но все-таки и они иногда ошибаются.

— Устала? — спросил Ричард.

Уж он-то знал, как трудно даются перелеты в глубокое прошлое. Кажется, что ты пробежал двадцать километров.

Голова раскалывается, ноги сводит. Бывало, что временщиков отправляли из института прямо в больницу.

— Нет, — ответила Алиса. — Но я пойду выпью кофе и съем в буфете жареной картошки.

— Потому что там этого не было?

— Потому что Колумб еще только собирается открыть Америку, — сказала Алиса. — Представляешь, они вообще почти не едят овощей и приправ у них нет. Сплошной авитаминоз.

— А ты витамины принять не забыла? — забеспокоился Ричард.

Алиса отрицательно покачала головой.

— И сильно ты промахнулась? — поинтересовался Темпест.

— На три месяца. Зато я на королевской охоте побывала, — похвасталась Алиса. — Даже дикого кабана за хвост дернула!

— Вот теперь я буду вынужден отстранить тебя от полетов во времени, — строго произнес Ричард. — Это нарушение правил невмешательства.

— Я не нарочно, — сказала Алиса. — Кабан хотел разорвать мальчика, принца Эдуарда.

— Это не оправдание. — Ричард был просто неумолим. — Уходи, и чтобы мои глаза тебя больше не видели. Если бы ты была новичком, я бы тебя просто выгнал. Но ты — опытный временщик. Как ты могла себе это позволить?

— А мне вообще там не понравилось:

— Почему?

— Принц Ричард, герцог Глостер... Понимаешь?

— Который потом станет королем Ричардом Третьим? — догадался Темпест.

— Он самый, — кивнула Алиса.

— Хромой горбун?

— Это все твой Шекспир выдумал. Никакой он не горбун и не урод. Нормальный кособокий мужчина, но плохой человек.

— Не может быть! Это историческое открытие! — обрадовался Ричард. — Ты уверена, что он не хромой и не горбун?

— Ричард, можно я пойду в буфет? — взмолилась Алиса.

Ричард махнул рукой:

— Иди. И как окончательно вернешься из прошлого, сразу готовь отчет, а то ты в прошлом году в школе отчиталась, а нам отчет сдать забыла.

— Помню, — созналась Алиса.

— А может быть, ты сегодня не будешь возвращаться в прошлое? — предложил Ричард. — Пойди домой, выспись как следует, отдохни.

— Ни в коем случае! — возразила Алиса и побежала в буфет.

Ричард посмотрел ей вслед и подумал: «Вот как растут дети! Еще немного, и станет Алиса взрослой. И тогда ей уже будут неинтересны космические пираты или эпоха легенд. Отправится она в серьезную экспедицию и о своем детстве будет вспоминать с улыбкой. Никогда не подумаешь, что ей только двенадцать лет. Даже в конце XXI века она кажется старше своего возраста. И все-таки она еще ребенок».

Глава шестая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В АНГЛИЮ

Англия была погружена в траур.

Совсем неожиданно, в расцвете лет, за несколько часов скончался король Эдуард IV. Ну кто мог подумать, что короля и добрую старую Англию поразит такая беда! Ведь впервые за много десятилетий казна была полна, налоги необременительны, торговля в расцвете, враги посрамлены и не смеют носа высунуть. Даже война Алой и Белой роз утихла, потому что народ и король хотели мира. Король был счастливым семьянином. И хотя знатные лорды и бароны не выносили безродных родственников королевы Елизаветы, для простых англичан знатность не играла роли — важнее было то, что королева из своих. Говорят, что отец ее был всего-навсего конюхом. Елизавета родила королю двух замечательных принцев. Теперь старший из них, Эдуард, должен будет взойти на престол, хоть ему всего двенадцать лет. Младший брат короля, герцог Глостер, у смертного одра монарха в

присутствии всех первых вельмож королевства дал клятву сделать все возможное, чтобы на первых порах помочь племяннику и не дать в обиду вдову и сирот.

Но хотя людям и хотелось надеяться на лучшее, в воздухе ощущалась тревога. Ведь уже не раз короли и герцоги нарушали свое слово, когда речь шла о власти или великом богатстве. Захочет ли герцог Глостер соблюсти клятву и отдать власть мальчику, а сам остаться при нем регентом, было неясно. Тем более что все в Лондоне знали: Ричард — человек суровый и жестокий. Он не щадил врагов на поле боя, не щадил и пленных. Именно Глостер приказал убить в тюрьме собственного брата Кларенса, а потом женился на его красивой вдове.

Пока что положение оставалось непростым и напряженным.

Королева Елизавета с младшим сыном Диком и дочерью Лиззи жила в Виндзоре в ожидании коронации старшего сына. А сам Эдуард оставался в замке Ладлоу, как и при жизни короля. Там он был в полной безопасности. Замок и город стерегли надежные рыцари графа Риверса, брата королевы. В соседних замках стояли отряды, верные семейству королевы. Так что если кто-нибудь и захотел бы причинить зло наследнику престола, рыцари Риверса дали бы ему достойный отпор.

Герцог Глостер тоже сидел в Лондоне. Он правил страной — ну кому же, кроме него, этим заняться? Он нанес визит королеве и сообщил, что готовит коронацию. А когда все будет в порядке, он назначит торжественный день. Тогда мальчика привезут в столицу и коронуют.

Королева Елизавета сделала вид, что поверила.

А что ей еще оставалось делать?

Но тут на королевскую семью обрушилась еще одна беда. Жениху Лиззи, Генриху Ричмонду, пришлось тайком бежать из Англии. Как только он понял, что Ричард намерен его схватить и убить, то ускакал к морю, где его ждала лодка. В шторм, чуть не потонув, Генри Ричмонд добрался до французского побережья.

Прошло несколько дней с его исчезновения, а никакой

весточки от него так и не пришло. Королева волновалась, а уж Лиззи, сами понимаете, места себе не находила.

И в тот день она металась по комнате дворца и рыдала:

— Ну где же гонец?! Он ведь даже со мной не попрощался! Я его ненавижу и презираю!

— За что? — спросила сидевшая за прялкой королева. Королевам вообще положено сидеть за прялкой, даже если лилиям прясть негоже.

— За то, что он жалкий трус! — воскликнула Лиззи. Она не причесалась, и ее темно-рыжие волосы стояли дыбом, как густое облако, подсвеченное лесным пожаром.

— Ты его разлюбила? — спросила королева.

— Почти, — призналась принцесса. — Еще немного, и я разлюблю его совсем.

— Не спеши, — заметила королева. — Я предпочитаю живого труса мертвому храбрецу. И не считаю Генри трусом. Он разумный человек. И пока он во Франции, у нас с тобой остается надежда, что герцог Глостер не совершит ничего дурного.

— Фу! — рассердилась Лиззи, которая на самом-то деле больше всего боялась, не перевернулась ли лодка и не утонул ли ее обожаемый Генри.

И тут в комнату с поклоном вошла фрейлина Джейн Дайн.

— Ваше величество, — сказала она. — Внизу девочка, переодетая мальчиком, хочет к вам пройти.

— Это убийца! — воскликнула Лиззи. — Гоните ее!

— Подожди, — остановила дочку королева. — Как она назвалась?

— Она не назвала себя, — ответила фрейлина. — Но она уже была представлена вам на последней королевской охоте...

— Алиса! — воскликнула королева.

— Алиса! — повторила Лиззи и снова рассердилась. — Как она посмела сбежать от меня и прогулять самые тяжелые для нас дни?! Не пускай ее сюда, мама! Ты же знаешь, что я не выношу предателей. С утра меня обидел Генри, а теперь еще и Алиса.

— Впустите эту девочку, — улыбнувшись, сказала королева.

Через минуту в комнату вошла Алиса. Королева протянула ей руку для поцелуя и совсем не обиделась, что Алиса просто ей поклонилась, а руку целовать не стала. Алиса знала, что королевам целуют руки, но у нее это никогда не получалось.

— Мне приятно тебя видеть, девочка, — сказала королева. — Лиззи тоже по тебе скучала.

— Ничего подобного! — фыркнула Лиззи. — У меня куча своих проблем! Еще не хватало, чтобы я, принцесса Англии, думала о какой-то чужой девочке!

— Лиззи очень расстроена, — объяснила Алисе королева. — Ее жениху, Генри, пришлось бежать из страны. Принц Ричард его не выносит. Потому что боится. Нам свойственно ненавидеть тех, кого мы боимся, правда?

Алиса постаралась припомнить что-нибудь на эту тему, но не сумела. Никого она так и не научилась ненавидеть. Конечно, кое-кого она не любила, а некоторых, например, коварного Весельчака У, просто не выносила. Но ведь даже космические пираты со временем исправляются, не так ли?

— Хоть расскажи, где ты была? — спросила Лиззи.

— У родственников, — ответила Алиса. — В Шотландии. Там живет дядя моей мамы, Август Кармайкл. У него небольшой замок на Клайде.

— А зачем?

— Во-первых, каждому человеку надо где-то жить. Во-вторых, мне пора учиться — не оставаться же неграмотной.

— А ты что, читать умеешь? — удивилась Лиззи.

— И читать, и писать, — ответила Алиса. — И не только по-английски, но и по-французски.

— Так не бывает! — заявила Лиззи. — Я ведь не умею писать по-французски.

— А жаль, — заметила королева. — Но мы еще не завершили твое обучение.

— Лучше я буду учиться танцам, — сказала Лиззи.

Она была самой обыкновенной принцессой, избалованной, капризной и обидчивой, потому что считала себя лучше и красивее всех. Маме бывало с ней нелегко.

Королеве надоело слушать рассуждения дочки, и она спросила Алису:

— У тебя есть где остановиться в Лондоне?

— У меня здесь были дальние родственники, — ответила Алиса, — но я не знаю, будут ли они мне рады.

— А чего же ты ехала? — сказала Лиззи. — Если бы меня в городе не оказалось, ты что, на улице бы ночевала?

— Я бы уехала из Лондона и переночевала в лесу. Ничего со мной не случится, я привычная.

— Ты необыкновенная девочка, — сказала королева. — Иногда я просто теряюсь. Но скажи мне, пожалуйста, что тебя привело в Лондон?

— Я хотела увидеть вас, — сказала Алиса. — У вас такое горе, и вам грозит опасность. Может быть, я смогу быть вам чем-нибудь полезной.

— Ты с ума сошла! Чем ты можешь нам помочь? — сказала Лиззи. — Лучше уезжай к себе.

— Спасибо, Алиса, — произнесла королева Елизавета. — Думаю, ты поживешь в одной спальне с Лиззи.

— Ни в коем случае! — воскликнула Лиззи, но потом чуть-чуть подумала и добавила: — А что, это неплохая мысль. Мы будем друг другу рассказывать страшные истории.

— Страшные истории грозят нам наяву, — заметила королева. Она оглядела Алису с головы до ног и спросила: — А у тебя есть во что переодеться?

— У меня есть мешок с одеждой, — сказала Алиса. — Он приторочен к седлу лошади. Но эта одежда не очень подходит для жизни во дворце.

— Ты можешь надеть какое-нибудь из моих платьев, — сразу заявила Лиззи.

У принцессы было много недостатков, но жадность к их числу не относилась.

— Ты будешь фрейлиной Лиззи, — сказала королева. — Но не обыкновенной фрейлиной, а оруженосцем. Я видела, как ты умеешь сражаться.

— Спасибо, — сказала Алиса. — Я постараюсь.

Он была довольна, что все так обернулось. Ведь целью Алисы было оказаться рядом с королевой — иначе как по-

пасть в центр событий? Как разгадать страшную тайну маленьких принцев, Эдуарда и Ричарда? Как узнать, что будет делать королева в те дни и часы, когда ее не видит никто из посторонних людей?

— Вызвать фрейлин, чтобы помочь тебе одеться?

— Простите, ваше величество, — твердо сказала Алиса, — но я привыкла одеваться сама. Можно я буду это делать без помощи фрейлин?

— Ну разумеется.

Королева взяла медный колокольчик и позвонила. Через минуту вошла старшая фрейлина Джейн Дайн, круглолицая, добродушная брюнетка.

— Джейн, — обратилась к ней королева, — Алиса будет жить с нами. Она дальняя родственница моего отца, сирота. Так что позаботьтесь о ней. Хотя она девочка самостоятельная и сама о себе может позаботиться.

— А где она будет спать? — уточнила Джейн.

— В спальне принцессы. Постелите ей на полу.

Конечно, раскладушек и надувных матрасов в те времена еще не водилось.

В комнату вбежал принц Дик, сорванец десяти лет от роду. Он сразу узнал Алису.

— Привет! — Мальчишка показал ей кожаный мяч и крикнул: — Лови!

Алиса поймала мяч.

— Ты славный охотник! — весело сказал принц. — Давай с тобой поспорим, кто дальше прыгнет.

— Не буду я с тобой спорить, — сказала Алиса. — Я старше, и у меня ноги длиннее. Вот я и прыгну дальше тебя, а ты на меня обидишься.

— Я могу отрубить тебе голову! — захохотал принц. Но тут он увидел, как поморщилась королева, и быстро добавил: — Но ты не бойся. Ты моего брата спасла. А я честный. Ты будешь мой друг, и я буду твой друг. Побежали, прыгнем. Знаешь, я дальше всех во дворце прыгаю.

— Еще бы! — фыркнула Лиззи. — Он прыгает со слугами, а слуги всегда подчиняются принцу. Неужели ты думаешь, что кто-то из них осмелится прыгнуть дальше тебя?

— Мне с тобой спорить не хочется, — гордо ответил

Дик. — И я бы тебе сейчас ответил по-настоящему, но я люблю Генри Ричмонда, а он обещал взять меня в свое войско.

— И когда же это случится? — насмешливо спросила Лиззи.

— Когда он вернется, чтобы помочь моему брату.

— Беги, поиграй во дворе, — сказала королева. — А мне нужно с Алисой серьезно поговорить.

— Хорошо, — согласился принц. — Но как кончишь серьезно говорить, сразу присылай ее ко мне. Тут мы с ней и попрыгаем.

Принц убежал так же стремительно, как и появился.

— Ты уже большая девочка, — сказала Алисе королева. — И хоть я ничего о тебе толком не знаю, ты мне нравишься. А я привыкла доверять собственным чувствам. Лиззи, закрой дверь.

Лиззи не просто закрыла дверь. Подойдя к ней на цыпочках, она сначала изо всех сил ее дернула, распахнула, чтобы проверить, не таится ли там враг, и только потом плотно ее прикрыла.

— Четыре дня прошло, — печально сказала королева, — как мы предали земле прах моего дорогого супруга.

Она приложила к глазам тонкий кружевной платочек. Не потому, что ей так хотелось плакать, но ведь королеве положено скорбеть по умершему мужу.

— Наверное, я бы больше плакала и убивалась, — сказала Елизавета, — будь я спокойна за себя и своих детей. А я боюсь. Настолько боюсь, что порой забываю о моем горе.

— Почему, ваше величество? — спросила Алиса.

По знаку королевы она уселась на низенькую скамеечку возле ее ног.

— Короля могли убить, — тихо произнесла королева.

— Отца убили! — вмешалась Лиззи. — Я уверена! Помнишь, Алиса, как мы с тобой подслушали разговор в лесу?

— А что, снова видели фею Моргану?

— Разве обязательно нужна фея, чтобы отравить человека? — спросила королева.

— Но в первый раз была фея.

— Король пировал с послами из Бургундии, — сказала

королева. — Нас с Лиззи и мальчиков там не было — не такой обед, чтобы звать членов семьи.

— Если бы я там была, — сказала Лиззи, — они никогда бы не сумели подобраться к отцу!

— И что случилось потом? — спросила Алиса.

— К вечеру его величеству стало дурно, его рвало, болела голова, потом начались судороги. Герцог Глостер всем объявил, что виновато дурное мясо. Врачи поставили пиявки, пустили кровь, но ничего не помогло. И тогда Эдуард...

— Отец вызвал к себе нас, детей и маму, — продолжила за королеву Лиззи. — И при всех передал власть моему брату Эдуарду. Только Эдуарда не было, потому что его не успели привезти из Ладлоу.

— Не надо было мальчику ехать так далеко, — заметила королева. — А мой супруг благословил его на царство. Он поручил своему брату охранять и заботиться о нас.

— А когда будет коронация?

— Герцог Глостер держит совет с баронами. Они должны решить. Но я думаю, что этот торжественный день уже близок. И это меня пугает:

Глава седьмая

МОНАХИНЯ ОРДЕНА КАРМЕЛИТОК

Алиса понимала чувства королевы Елизаветы, которая не доверяла брату короля. Алисе было горько думать, что ей известно горе, предстоящее этой женщине. Королева надеется, что все обойдется, что герцог Глостер сдержит слово. Но Алиса потому и полетела в Лондон, чтобы увидеть, что здесь произойдет и как это случится.

Но одно дело у себя в XXI веке обсуждать историческую поездку в XV век, а совсем другое — сидеть на низенькой скамеечке у ног худенькой, бледной женщины средних лет, чем-то похожей на маму Алисы, видеть, как ее пальцы мнут кружевной платок, потому что она боится за жизнь сына и не верит, что ее любимый муж умер своей смертью.

Алиса была теперь не на уроке истории. Она попала в настоящую жизнь, и эти люди уже не были ей чужими.

— Герцог посылает навстречу Эдуарду отряд своих рыцарей, а может быть, и сам поедет встретить принца и проводить до Лондона. Он говорит, что беспокоится, как бы чего не случилось по дороге. Якобы развелось много разбойников. А ведь при жизни короля на дорогах было спокойно!

— Вели Эдуарду не ездить в Лондон, — решительно сказала Лиззи. — Пускай сидит в Ладлоу.

— Чудесно, — печально улыбнулась королева. — Может быть, этого они и желают. Тогда некого будет короновать в Вестминстерском аббатстве, и они найдут другого короля.

— Они не имеют права! — возмутилась Лиззи. Недаром у нее были огненные волосы — она вспыхивала в одно мгновение. — Эдди — настоящий король!

— Они постараются нас обмануть.

— Как? У нас много друзей. И тебя, мамочка, любит добрый английский народ.

— Народ сам не знает, кого любит, — ответила королева. — Ему завтра скажут, что мы с тобой неизвестно откуда приехали... Что мы цыганки... Вот народ и поверит.

— Мама, ты сошла с ума!

— А знаешь ли ты, что архиепископ Кентерберийский еще вчера попросил у меня свидетельство о нашем с папой браке. Он сказал, что у некоторых баронов есть сомнения: И их надо развеять.

— А ты?

— Я ответила, что со временем обязательно покажу этот документ.

Алиса не знала о визите архиепископа и спросила:

— А почему он не видел этого документа раньше?

— Ты не знаешь, девочка, — сказала Елизавета. — Тебя тогда еще и на свете не было. Наша свадьба с королем была тайной. Ведь я не знатная дама. Эдуард знал, что если он объявит о нашем браке заранее, меня убьют, а против него поднимутся бароны. Ведь он должен был жениться на французской принцессе — это высокая политика! А Эдуард влюбился в меня...

И тут королева зарыдала в три ручья, словно обиженная девочка.

И Алиса поняла: королева вспомнила, как они с коро-

лем любили друг друга, а теперь эти времена никогда не вернутся.

— Жизнь пролетела так быстро, — прошептала королева.

Лиззи тоже заплакала и стала утешать маму. Алисе очень захотелось приласкать тетю Лизу и поплакать вместе с ней. Но ведь нельзя забывать, что отсюда до твоего рождения пятьсот с лишним лет.

Потом, отплакавшись и даже улыбнувшись, словно небо после дождика, королева сказала, что ей надо написать очень важное письмо своему брату, в Ладлоу. А девочки пошли погулять.

Сначала Лиззи, у которой бури и солнечные минуты быстро сменяли друг друга, потащила Алису в подвал, на кухню. Кухня во дворце была просторной, но своды потолка невысоки. И Алисе все хотелось наклонить голову, чтобы не удариться.

Лиззи пробежала мимо длинного разделочного стола, где поварята резали куриц и кромсали мясо для супа, прямо к огромной печи. Толстая маленькая повариха как раз вытаскивала противень с пирожками.

И хоть повариха делала вид, что страшно сердится и сейчас выгонит девчонок, не посмотрит, баронессы они или принцессы, но по пирожку им досталось. А когда девочки поднялись во внутренний двор, то встретили маленького Дика, который маялся, потому что некому было сыграть с ним в мяч. И тут Лиззи, к удивлению Алисы, вытащила из большого кошеля, прикрепленного к поясу, горячий пирожок для братишки — оказывается, она о нем подумала!

А этот мальчишка даже спасибо не сказал и умчался.

И забыл, что собирался с Алисой попрыгать.

Лиззи потащила Алису по зеленому лугу к собору Святого Георга.

— Это мой папа построил для рыцарей ордена Подвязки, — сказала она, вводя Алису в громадный высокий зал, по обеим сторонам которого тянулись ряды деревянных кресел для рыцарей и над каждым креслом стояло знамя рыцаря с его гербом. Принцесса подвела Алису к одному из них и с гордостью сказала: — А вот это место моего дяди — графа Риверса.

Кресло как кресло.

По проходу быстро шла монахиня в черном одеянии до земли, черной накидке и капюшоне, из-под которого опускалась густая вуаль.

Повернувшись к Алисе, монахиня приподняла вуаль, чтобы рассмотреть девочку, и Алиса на секунду зажмурилась от яркого синего огонька — на пальце монахини сверкнул сапфир.

— Кто это? — спросила Алиса у принцессы.

Монахиня быстро удалялась прочь.

— Это монахиня из ордена кармелиток, — ответила Лиззи. — Они дают обет бедности.

— А эта монахиня такого обета не дала, — сказала Алиса. — И мне кажется, что я знаю только одну женщину с таким перстнем.

Она кинулась следом за монахиней, а ничего не понявшая Лиззи крикнула ей вслед:

— Ты куда, Алиса?

— Стой, жди меня!

Алиса добежала до дверей собора.

Над зеленой лужайкой дул пронизывающий ветер.

Двор был пуст.

Лиззи подошла к Алисе.

— Ты думаешь, что это была фея Моргана? — шепотом спросила принцесса.

— Я боюсь, что она здесь, — кивнула Алиса. — И надо обязательно сказать об этом твоей маме.

— Может, тебе показалось? — сказала Лиззи, но в голосе ее чувствовалась тревога.

Когда они поднялись в покои королевы, та как раз кончала писать письмо.

— Мама, — сказала Лиззи. — Алисе показалось, что в зале рыцарей она встретила фею Моргану. Но я думаю, что это была простая монахиня.

Королева побледнела.

Она медленно и неуверенно, словно кто-то ее больно ударил, поднялась, опираясь на подлокотники кресла.

— Она снова здесь... — прошептала королева. — Ей мало нашего горя. Зачем она здесь? Кто ей нужен?

— Мама, Алисе показалось, — повторила Лиззи.

Она как будто колдовала — сама не верила своим словам, но так хотелось поверить.

— Что ей надо? Ты узнала ее? — обратилась королева к Алисе.

— Нет, я увидела ее перстень.

— Второго такого нет, — сказала королева. — Ведь это она отравила Эдуарда. И она была тем вепрем, которого ты остановила на охоте... А это значит, что мы должны, как самого дьявола, бояться герцога Глостера. Мы у него в руках.

Королева схватила со стола колокольчик.

Через мгновение появилась фрейлина Джейн.

— Вызовите сэра Грейвза, — сказала королева.

Когда Джейн ушла, Елизавета объяснила Алисе:

— Сэр Грейвз — мой племянник. Он командир стражи в Виндзоре. Пока он не пришел, я хочу попросить тебя, девочка, выполнить мою просьбу. Очень трудную и опасную. Но я ни к кому, кроме тебя, не могу с ней обратиться.

— Я рада вам служить, — сказала Алиса.

Лестно, когда к тебе обращается за помощью сама королева Англии.

— Мне некого послать в Ладлоу.

— Мама, что ты говоришь! — воскликнула Лиззи. — Пошли сто рыцарей!

— Их перехватят и убьют, — ответила королева. — Рыцарей могут перекупить или обмануть, на них все обратят внимание. А мальчишка, который пробирается к своей тетке, не вызовет подозрений.

— Если я буду одна, — сказала Алиса, — меня не заметят. А представьте себе...

Но она не успела докончить фразу, потому что в комнату вошел высокий молодой человек с короткой черной бородкой и усами. Из-под густых бровей сверкали темные глаза.

— Вы меня звали, ваше величество?

— Артур, — попросила королева, — я опасаюсь за безопасность моих детей. В замке появилась опасная женщина, колдунья...

Рыцарь быстро перекрестился. Конечно, со стороны это

могло показаться смешным — взрослый мужчина, а боится колдунью. Ведь колдуний не бывает!

Алиса оборвала себя. Мысль-то получилась не очень умная. Где-то, скажем, в XXI веке, ведьмы не водятся. А вот в XV веке в Англии они еще, возможно, встречались. Наверное, потом они постепенно вымерли, но, как вы понимаете, ведьмы — народ очень живучий. В любом случае Алиса уже видела одну из них — знаменитую фею Моргану. Была ли она феей или просто фокусницей — ну как разберешь?

Так или иначе, но эта фея — вовсе не доброе существо из «Золушки». Алиса не была уверена, что Моргана превратилась в вепря, но ей так показалось.

И конечно же фея пыталась отравить короля Эдуарда. Возможно, в конце концов ей это удалось.

А что же Моргане нужно сейчас в замке Виндзор, где живет королева с дочерью и маленьким Диком?

Алиса совсем не удивилась и не возражала, когда услышала, как королева говорит начальнику охраны замка:

— Во-первых, я прошу вас обыскать замок и постараться найти монахиню ордена кармелиток с сапфировым перстнем на пальце. Во-вторых, немедленно приставьте рыцарей к Ричарду и Лиззи и установите караул у дверей моей спальни. Пока мы не знаем, что нужно ведьме, будем осторожны.

— Вы правы, ваше величество, — ответил сэр Грейвз.

Он свел густые брови. Его глаза воинственно блеснули.

На Алису сэр Грейвз смотрел с подозрением. И понятно: он же ее раньше не встречал и не понимал, как она оказалась в покоях королевы.

«Интересно, — подумала Алиса, — как мы встретимся в следующий раз?»

— Все будет сделано, ваше величество, — сказал рыцарь и покинул комнату.

Его сапоги гулко и тяжело затопали по коридору.

— Я надеюсь, — сказала королева, строго глядя на дочь, — что ты ни на минуту не спустишь глаз с Дика. Ты же знаешь, какой он непоседа.

Лиззи хотела что-то возразить — она всегда спорила. Но мать не стала ее слушать.

Королева протянула Алисе небольшой конверт.

— Я пишу моему брату, — сказала она, — о том, что здесь происходит. И прошу его вызвать на подмогу рыцарей со всего графства. Ты понимаешь, Алиса, как много зависит от успеха твоей поездки?

— Я постараюсь вас не подвести!

— Ты вернешься вместе с принцем Эдуардом и графом Риверсом. Под охраной рыцарей.

— Хорошо, — кивнула Алиса.

Ой, как ей хотелось рассказать доброй королеве, что случится вскоре с ее сыновьями и братом, графом Риверсом. Но Алиса понимала, что рассказывать о будущем людям, которые его еще не знают, — это самое страшное преступление, которое может совершить путешественник во времени. Не только сам ты никогда уже не полетишь в прошлое, но твой рассказ может искалечить жизнь тем, кто получит от тебя запретные сведения.

Попадая в прошлое, ты должен намертво забыть, что случится с твоими новыми знакомыми завтра. И если Институт времени в тебе сомневается, то, с твоего согласия, тебе могут просто стереть память. Но так никогда не бывает. Потому что не уверенным в себе людям нечего делать в прошлом. Они и в наше время опасны, а уж пятьсот лет назад, в прошлых веках, они опаснее гремучей змеи.

Глава восьмая

НОЧНОЙ ПОЖАР

Алиса понимала, что, даже соглашаясь отвезти письмо королевы, она совершает по крайней мере ошибку.

На самом деле ее в XV веке не было и быть не могло. И вместо нее королева должна была поручить это дело другому человеку. Но Алиса не очень расстраивалась из-за этого, потому что нарушение было невелико и наверняка за несколько столетий все утрясется.

— Иди к себе, — велела королева. — Лиззи даст тебе нитку и иголку. Ты умеешь с ними управляться?

— Умею.

— Зашьешь письмо себе в куртку. Ты ведь поедешь в одежде мальчика?

— Конечно.

— Только зашивай как следует, чтобы было незаметно.

— А когда мне ехать? — спросила Алиса.

— Сейчас уже вечер, путнику нечего делать на дороге. Поедешь завтра с рассветом. Я велю принести вам с Лиззи ужин в комнату. А Дик переночует у меня. Утром мы не увидимся, тебя проводит Джейн.

Королева протянула Алисе обе руки и сжала ее ладони своими сухими, тонкими пальцами. А потом вдруг привлекла Алису к себе и прижала к груди.

— Я виновата перед тобой, — сказала королева. — Не дело девочке одной нестись через полстраны. Но у меня нет выхода. Прости меня, Алиса.

— Вы совсем не виноваты, — возразила Алиса. — Если бы я не хотела или боялась, то никогда не поехала бы. А мне даже интересно. И хочется вам помочь. Мне кажется, что вы немного похожи на мою маму.

— Вот это забавно! — воскликнула Лиззи. — Как может быть королева похожа на обыкновенную женщину? Ты, Алиса, не забывайся!

По натуре Лиззи была не злой, но сильно избалованной.

Попрощавшись с королевой, Алиса и Лиззи поспешили по темному, пыльному коридору в комнату принцессы.

Навстречу им топали два рыцаря в железных безрукавках, которые называются кирасами, и в высоких шлемах. Они спешили к дверям королевской спальни.

Девочки закрылись в темной комнате. Джейн принесла два канделябра, и от свечей стало уютно и даже тепло. Другая фрейлина разожгла камин.

— Что еще я могу для вас сделать? — спросила Джейн.

— Принесите нам нитки и иголки, — сказала Лиззи. — Мы будем шить.

— Негоже принцессам шить, — возразила фрейлина. — Скажите мне, и я прикажу все сделать.

— Джейн, вы меня иногда удивляете своим упрямст-

вом, — возмутилась Лиззи. — Чувствую, придется вас в тюрьму посадить. Ни о чем вас попросить нельзя!

— Сажайте, сажайте, — обиделась добрая фрейлина. — Вы другого обращения с людьми не понимаете!

— Интересно! — воскликнула Лиззи. — Разве я кого-нибудь уже посадила в тюрьму?

— У вас, принцесса, еще вся жизнь впереди, — рассудительно заметила Джейн.

Фрейлина удалилась, а через несколько минут принесла клубок толстых ниток и иголки — медные, кривые, даже стыдно такие во дворце держать. Но никто, кроме Алисы, этого не заметил.

Шитье заняло немало времени — надо признать, что обе девочки не были способными рукодельницами. Нетерпеливая Лиззи раза три решала, что с нее достаточно, и бросала иголку.

Потом они попили чаю, умылись над бочкой, что стояла в углу комнаты. Девочки поливали друг дружку из большого фаянсового кувшина. Рядом с бочкой примостились таз и ночной горшок. Жизнь во дворце была довольно простой и не очень чистой. К тому же Алиса заметила в углу здоровенных тараканов, которых терпеть не могла.

Прежде чем заснуть, Лиззи с Алисой поболтали. Вернее, болтала Лиззи, а Алиса слушала, пока принцесса не заснула на полуслове. Ей-то спать было куда удобнее, чем Алисе. Принцесса улеглась на широкой мягкой постели, а Алиса спала на полу на подстилке. Лиззи и в голову не пришло позвать Алису к себе, а Алиса никогда ничего ни у кого не просит.

Лиззи рассказывала про то, какой красивый, умный и смелый ее Генри. Но так как Алиса об этом уже слышала и даже знала, что случится с Генри в ближайшее время, то она слушала вполуха и все собиралась уснуть. Но заснуть Лиззи ей не давала — через каждые две фразы спрашивала: «Ты меня слышишь? Тебе неинтересно?» И попробуй тут сказать, что тебе неинтересно — могут и голову отрубить, такие здесь времена и нравы.

Вдруг на полуслове Лиззи замолчала.

Наступила тишина.

Только в коридоре кто-то закашлялся — наверное, рыцари на часах.

Что же, Лиззи заснула, что ли?

«Ну вот, — решила Алиса, — теперь и я посплю».

Но ничего из этого не вышло. Сон пропал.

И хоть стены в замке были толстыми, а двери дубовыми, в комнате царила такая глухая тишина, что слышно было, как храпит в коридоре рыцарь.

Вдруг где-то сверху послышались шаги. Медленные и задумчивые. Кто-то ходил наверху: сделает шаг, постоит, подумает...

— Что это? — спросила Алиса.

— Не обращай внимания, — ответила Лиззи, как будто и не спала. — Это призрак дворецкого.

— Какого еще дворецкого?

— Ну как можно об этом не знать! — фыркнула Лиззи. — Все знают, а ты как будто чужая. Когда-то, еще при дедушке, здесь служил дворецким мистер Пайп. Гордон Пайп. Все у него было в порядке, но кто-то отпивал вино из графина, который он нес королю. И однажды король, давно заметивший, что ему приносят неполный графин, приказал дворецкому: или ты поймаешь вора, или лишишься головы. И вот ночью дворецкий Пайп поставил графин с вином на буфет и стал ждать. Ровно в двенадцать часов черная тень приблизилась к буфету и взяла в руки графин. «Стой!» — закричал дворецкий. Но тень умчалась на чердак. Дворецкий побежал за ней. И больше его никто не видел. Иногда его привидение бродит по чердаку.

И Лиззи снова засопела.

А Алисе после ее рассказа спать расхотелось совсем.

Медленно и мерно ступало по чердаку привидение дворецкого Пайпа. Интересно, а кем была та черная тень, которая так любила королевское вино?

Вот черная тень скользит по коридору. Кому захочется бродить по дворцовым коридорам после полуночи?

Неприятное предчувствие охватило Алису. Словно в комнате внезапно повеяло могильным холодом.

Алиса поднялась с подстилки и босиком побежала к двери.

Она медленно приоткрыла дверь.

В коридоре было полутемно. Только большие факелы, воткнутые в железные кольца на стенах, давали скудный свет.

Рыцарь, который должен был стеречь комнату девушек, мирно спал, сидя на полу и прижавшись спиной к стене.

Коридор был пуст. Даже призрак дворецкого не желал появляться.

Алиса стояла в дверях.

Ей казалось, что надо подождать и тогда что-то случится. Это называется предчувствием. Но бояться ей было нечего, потому что стоило окликнуть рыцаря, как он сразу проснулся бы и кого надо пронзил мечом.

Кто же там мелькнул в конце коридора?

«Алиса, не вмешивайся!» — воскликнул ее внутренний голос.

«А вдруг что-то угрожает королеве?» — ответила Алиса внутреннему голосу. Хотя как историк из будущего она должна была прекрасно знать, какая судьба ждет Елизавету.

«Ну знала, ну забыла, ну не подумала! Хорошо вам рассуждать, сидя в молочном кафе на площади Дружбы всех народов Галактики! А я, Алиса, крадусь по темному коридору средневекового замка неизвестно за кем и могу голову потерять в прямом смысле этого слова. Ох уж поднимется плач и стон в XXI веке! Но меня уже не спасешь. Если я без головы — это навсегда». Куда заглянула темная тень?

А что, если это фрейлина, которая спешит со свидания, или уборщица, разыскивающая свою метлу?

Алиса добежала до поворота. Вот и дверь, за которой скрылась тень.

И что она скажет этой женщине?

А вдруг та ее тоже заметила и сейчас подкарауливает за дверью? И рыцаря звать — не дозовешься. Уж очень далеко Алиса от него убежала.

В комнате послышался громкий шелест бумаги, потом что-то упало.

Не у самой двери, а подальше. Тогда Алиса решилась и приоткрыла дверь. В щель она увидела женщину, которая зажгла свечу и поставила ее на стол. Освещены были только стол и книги на нем — остальная часть просторной комнаты скрывалась в темноте. И Алиса не сразу сообразила, что комната заставлена сундуками и шкафами — это была средневековая библиотека.

Женщина склонилась над столом и принялась быстро перебирать бумаги, которые она вынимала из большой резной шкатулки. Просмотрев лист, она кидала его на пол. Конечно же, это оказалась та самая монахиня!

С синим перстнем! Фея Моргана! Что ей нужно?

Вот она выхватила из шкатулки лист, который ей и понадобился. Монахиня быстро свернула его в трубку. Не надо было Алисе открывать рот! Но ведь открыла!

— Стойте! — сказала она почему-то шепотом, словно боялась кого-то разбудить. Хотя в ее-то интересах было побыстрее разбудить всех рыцарей королевства.

Монахиня сунула свернутый в трубку лист себе в широкий рукав, а другой рукой скинула на пол свечу.

— С дороги! — крикнула она. — Прочь с дороги!

Она бросилась на Алису так стремительно, что девочка невольно отступила в сторону.

При свете факела, прикрепленного к стене, Алиса увидела синюю искру.

— Что вы взяли, фея Моргана? — крикнула она.

От неожиданности монахиня остановилась.

— Ты знаешь, как меня зовут?

— Многие знают, — ответила Алиса.

Ей задали вопрос, вот она и ответила, а вообще-то Алиса перепугалась и не знала, что делать, потому что колдунья медленно надвигалась на нее и ее глаза светились в темноте, как у кошки.

— Твое знание тебя погубило! — зарычала фея Моргана. Она протянула вперед руку, и Алисе показалось, что из кончиков ее пальцев вырвались маленькие молнии.

Молнии ударили ей в грудь и в лицо, и все вокруг поплыло.

Последнее, что запомнила Алиса, был топот — страшный топот рыцарских сапог.

Все-таки он проснулся!

Проснулась, прибежала фрейлина Джейн.

А потом, что совсем уж удивительно, пришла королева в ночной рубашке, волосы заплетены в косички, и страшно перепуганная.

Но оказалось, что испугалась она не столько за Алису, как за Лиззи.

А Лиззи, надо признаться, во всей этой суматохе и бесплодной погоне за монахиней не участвовала — она спала как сурок.

Алиса очнулась.

— Расскажи, девочка, что случилось? — спросила королева. В руке у нее был кружевной платочек, и она принялась вытирать им лицо Алисы. Рыцарь держал канделябр с пятью свечами, чтобы было светлее. — Кто тебя исцарапал?

— Это та самая монахиня, — ответила Алиса и добавила шепотом, чтобы услышала только королева: — Это фея Моргана.

Королева ни на секунду не усомнилась в ее словах.

— Где она была?

— Там... в библиотеке...

— Что она искала? Да говори же ты! — Королева была испугана и раздражена, но Алиса ничем не могла ей помочь.

— Когда я заглянула, фея Моргана копалась в шкатулке.

— Покажи!

Алиса стала подниматься. Голова болела страшно, лицо щипало. Но она постаралась не показать королеве, как ей больно. Что будешь делать — все же королева!

Леди Джейн помогла Алисе подняться и войти в библиотеку.

И — о ужас! — как только дверь раскрыли пошире, изнутри пополз серый дым.

— Свеча! — догадалась Алиса. — Она уронила свечу!

— Мои бумаги! — закричала королева.

Она кинулась в библиотеку, затянутую дымом, налетела на стол и заплакала от боли.

— Вы ищете шкатулку с резной крышкой? — спросила Алиса и не стала ждать ответа.

До стола, где монахиня оставила шкатулку с бумагами, было всего три шага.

Алиса на ощупь отыскала шкатулку.

В горле першило, глаза разъедал дым, огонь уже полз по полу, по ковру, по бумагам, но он не мог осветить комнату, и люди казались черными, мелькающими тенями.

Алиса ударилась о шкаф. А может, это был стол?.. Упала, но шкатулку не выронила. И поползла дальше к открытым дверям, которые скорее можно было угадать, чем увидеть.

Возле двери ее подхватила Джейн и буквально выволокла в коридор.

Народу там прибавилось вдесятеро — кто-то уже нес ведра с водой, бежали люди с песком и баграми, шуму было, как на площади.

Королева выхватила шкатулку из рук Алисы.

Она поставила ее на пол, упала на колени и стала рыться в ней.

— Посвети сюда! — крикнула она рыцарю, стоявшему рядом с факелом в руке.

Через минуту королева захлопнула шкатулку.

— Алиса! — крикнула она. — Ты где, Алиса?

— Я здесь.

Алиса уже почти пришла в себя.

— Ты все принесла? Там ничего не выпало?

— Шкатулка была закрыта. Я ее не открывала.

— Как ты догадалась, что мне нужна именно она?

— Та женщина, монахиня, рылась в этой шкатулке. Она просматривала бумаги, и если они ей были не нужны, то кидала их на пол.

— Значит, документ остался там.

Не обращая внимания на огонь, королева направилась к библиотеке.

На нее накинулись сразу все фрейлины и рыцари. Они словно ждали момента, чтобы показать, как они заботятся о королеве Англии.

— Что вы делаете? — Королева говорила, словно в тран-

се. — Мне надо взять бумагу, которая выпала из шкатулки и лежит на полу.

— Там уже все сгорело, — сказал сэр Грейвз. — Туда невозможно войти!

— Войдите же туда! — требовала королева.

Она стала вырываться, но, конечно же, ее не пустили. Да к тому же в коридоре стало жарко и дымно — пожар в библиотеке разбушевался вовсю.

Королеву почти насильно увели прочь. Елизавета не выпускала из рук шкатулки.

Вскоре все крыло дворца опустело. Остались только те, кто тушил пожар.

Королева, Алиса и Лиззи, которую подняли с постели и этим очень рассердили, оказались на кухне. Потом все стали искать принца Дика. Мальчику очень понравилось тушить пожар, поэтому он пристроился на повозку с бочками, которая поехала к Темзе за водой.

Пока его не нашли и не привели, измазанного сажей, мокрого, но вполне счастливого, королева места себе не находила. И Алисе было непонятно, что ее беспокоит больше — пропажа какого-то документа или исчезновение мальчика.

Наконец все успокоилось, и даже пожар погасили, так что можно было возвращаться в свои комнаты. Но спать уже никто не смог — хоть и была глубокая ночь.

Только Дик умылся и заснул на маминой кровати.

Лиззи наконец задала тот вопрос, который вертелся на языке у Алисы:

— Что там пропало в шкатулке?

— Не знаю, может быть, этот документ просто упал на пол, — ответила королева. — А может быть, именно из-за него приходила фея Моргана.

— Что же за документ?

— Свидетельство о моем браке с королем Эдуардом.

— А что в нем особенного?

— Наш брак был секретным, тайным. Никто не знал, что мы уже полгода, как женаты.

— А потом все узнали! — сказала Лиззи.

— Нового венчания мы не устраивали. Не знаю, кому эта бумага могла понадобиться, но ведь хороший человек не стал бы красть документы. А если тут замешана фея Моргана, то мне просто страшно.

— Ваше величество, — вмешалась Алиса, — а где стоит та церковь, в которой вы венчались с королем?

— Недалеко, в местечке под названием Гринвич, к югу от Лондона.

— Так пошлите туда верного человека, — предложила Алиса. — Пусть священник сделает для него копию с церковной книги.

— Правильно! — обрадовалась Лиззи. — Пошли меня. У тебя ведь два верных человека — я и Алиса. Только Алиса предательница! Пошла ловить фею Моргану, а меня не разбудила.

— И слава богу, — улыбнулась королева.

— Вы доверяете Джейн? — спросила Алиса. — Мне кажется, что она вас любит.

— Но она же женщина! И низкого происхождения.

— Во-первых, я тоже женщина, — сказала Алиса. — И тоже низкого происхождения. Во-вторых, наверное, Джейн не такого уж низкого происхождения, если она — старшая фрейлина королевы.

— Разумеется, — кивнула королева. — Отец Джейн — главный лесничий графства Кент.

И королева подняла свой колокольчик...

Глава девятая

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Только-только рассвело, когда невыспавшаяся Алиса, выпив чашку теплого молока, спустилась в гулкий, пустынный в это время двор Виндзорского замка.

С ней шел паж Грини, с которым она познакомилась на королевской охоте. Грини вывел для Алисы вороного Ланселота, коня смирного и выносливого. К седлу были приторочены сумки с едой и теплой одеждой. Не забыл Грини и широкий кожаный пояс с кинжалом. Свой рюкзачок Алиса

привязала к мешку и накинула плащ, подаренный Лиззи. Плащ был темно-синим, гладким. Только выворачивать наизнанку его не стоило, потому что подкладка у него была ярко-красной, с вышитыми золотыми львами. Но другого плаща в спешке не нашлось

— Дорогу на Оксфорд помнишь? — спросил паж.

— Помню. Ты мне тысячу раз объяснял.

— Девчонкам и две тысячи раз объяснить полезно, — проворчал Грини. — Вашей сестре лучше дома сидеть.

— Но когда надо выполнить поручение королевы, причем опасное и трудное, то просят меня, — подколола пажа Алиса. — Потому что ты — не самый умный из пажей.

— Зато я верный! — обиделся Грини.

— Верный дурак — находка для врага! — заявила Алиса, которая немного обиделась на пажа за его отношение к девочкам. Она подумала: «Вот бы предложить ему соревнование. Какое угодно! Например, по борьбе у-ку-шу или самбо. Хорош бы был этот мужчина!»

— Хотел бы я тебе накостылять, — сообщил Грини, но не накостылял, а проводил ее до ворот Виндзора, потому что его знали стражники, а стражникам лучше было бы не обращать внимания на мальчика, который ранним утром в одиночку уезжает из замка.

— Желаю счастья! — крикнул Грини. — Береги себя, Алиса!

Он был, в принципе, неплохим парнем. Но очень уж средневековым...

Дорога от Виндзора к Оксфорду сначала тянулась мимо вспаханных полей вдоль реки, потом отошла от нее и, минуя небольшие деревни и мрачный монастырь, окруженный могучими стенами из каменных глыб, вступила в редкий лес.

Поднялось солнце.

Лес был солнечным и прозрачным. Деревья только-только распустились. Над головой с пронзительными криками летела к северу стая гусей.

Дорога была оживленной. Большей частью по ней ехали телеги. Крестьяне торопились в город, на рынок, по торговым делам, за покупками — все-таки Виндзор был центром

для многих деревень, и дорога в Лондон шла через него. Хочешь — по реке, а хочешь — по берегу.

Конь Алисе достался и на самом деле хороший, умный, спокойный, разве что не разговаривал. Имя у него было рыцарское — Ланселот.

Часа через два Алиса сделала привал — трудно бывает без часов, но временщики не рискуют и в последнее время часов, даже вживленных, с собой не берут. В случае несчастья чем меньше от тебя останется в прошлом, тем лучше.

В стороне от дороги стоял каменный крест, возле него широкая скамья. Место это путники выбрали не случайно, потому что совсем рядом в ложбинке журчал родничок. И вода в нем была такая чистая и холодная, что зубы заломило. Алиса сама напилась и напоила коня.

Потом она посидела немного, подумала о том, как ехать дальше и как себя вести, чтобы не попасться врагам, а тем временем Ланселот пасся по соседству.

К вечеру Алиса добралась почти до Бирмингема. Ночевать она собиралась в Стропшире — Джейн сказала ей, что неподалеку от замка герцога Бэкингема есть хороший постоялый двор. Там может остановиться даже вельможа с большой свитой.

Алиса спешилась возле длинного двухэтажного здания, перечеркнутого черными балками, и уже собиралась привязать коня у коновязи, как из дома выбежала растрепанная служанка в сером платье и грязном переднике.

— О, сэр! — воскликнула она. — В гостинице нет мест!

— Как так? — опешила Алиса. — Коновязь пуста, на площади ни одной телеги:

— Мы ждем важных вельмож. Сегодня утром из Лондона от его светлости герцога Бэкингема прискакал гонец. Возможно, готовятся к большой охоте. Ведь герцог, как все знают, большой любитель поохотиться. А на этот раз он везет с собой гостей.

— Странно, — сказала Алиса. — Мне в Лондоне говорили, что никому не велено уезжать из города, потому что скоро коронация — великое торжество.

— Мы живем далеко от Лондона, — пожала плечами служанка. — Нам как хозяин скажет, так мы и делаем. Тем более

что по секрету сообщили: может быть, сюда пожалует сам герцог Глостер.

— Ну уж этого быть не может, — вырвалось у Алисы. — Он же регент принца Эдуарда и ждет его в Лондоне.

Из дверей гостиницы вышел хозяин.

— Проваливай! — завопил он, вытирая ладонью жирные губы — видно, недавно славно поужинал. — Здесь место только для настоящих господ!

— А где здесь можно переночевать?

— Под кустом! — нагло заявил хозяин постоялого двора, но потом, несмотря на темноту, сообразил, что мальчик, которого он только что прогнал, хорошо одет, что у него славный конь с доброй сбруей. Подумав, он смилостивился и сообщил: — Проедешь еще милю, увидишь дом под соломенной крышей. Там пивная «Полная кружка». У Джона над залом есть комнатки для таких, как ты.

Алиса послушалась его совета и вскоре уже входила в небольшую комнатушку с низким потолком, где умещались лишь кровать да табуретка, на которой стояли таз и кувшин с водой.

Она села на кровать и задумалась.

Не вовремя герцог Бэкингем и принц Ричард затеяли охоту на полдороге от Лондона к Ладлоу.

Чего они хотят? Встретить принца или это и есть та ловушка, о которой Алиса читала? Она вряд ли сможет предупредить друзей королевы, но надо попытаться.

Алиса никак не могла заснуть. Конечно, рассуждала она, можно потерять день и посмотреть, кто приедет на постоялый двор. Но вдруг они не спешат и появятся только дня через два? А письмо надо доставить срочно.

Нет, лучше ехать дальше.

И рассказать обо всем графу Риверсу.

Заснула Алиса только под утро. Но разве это сон, когда на тебя набрасывается стая голодных клопов? Таких встречают только путешественники во времени. Даже на самой отсталой планете XXI века о клопах не знают, не слышали, в школе не проходили!

С первыми же лучами солнца Алиса вскочила и, конечно, опять не выспалась.

Глава десятая

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

На третий день, избежав многих опасностей и приключений, голодная, уставшая, будто три дня дрова рубила, Алиса добралась до Ладлоу.

Увидев городок и возвышающийся над ним на холме замок, она обрадовалась, словно вернулась домой после долгой отлучки.

У города уставшего Ланселота догнал отряд рыцарей, хорошо вооруженных, суровых, будто враг уже недалеко.

На Алису рыцари поглядывали с некоторым удивлением. Мальчикам не место на этой дороге.

Алиса думала, что они так и проедут, не задавая вопросов, но вдруг один из рыцарей, поравнявшись с ней, громко спросил:

— Ты куда направляешься, мальчик?

— В замок Ладлоу, — честно ответила Алиса.

— К кому же ты туда едешь?

— Это мое дело, — отрезала Алиса.

И сразу же прокляла себя: ну зачем надо было грубить в двух шагах от цели?

Но сказанное слово обратно не вернешь.

Мрачные лица, как по команде, повернулись к ней.

Один из рыцарей покинул строй и направился к Алисе.

Конечно, она может сказать правду, что едет от королевы к графу Риверсу, и если рыцари не верят, пускай проверяют.

Но Алиса понимала, что так поступать нельзя. Ведь, скорее всего, среди этих рыцарей есть соглядатай или шпион герцога Глостера.

— У меня там дядя поваром служит, — сказала Алиса. — Я к нему в гости...

— Поваром? — удивился командир рыцарей. — А где же ты живешь, дружок?

Алиса смешалась и ответила неудачно. Она уже отвечала, но понимала, что так говорить не следовало.

— Я в деревне живу, — сказала Алиса. — Где же мне еще жить?

Рыцари не расхохотались, потому что решили, что поймали настоящего шпиона.

Им-то ясно было видно, что конь и сбруя у поварского племянника совсем не деревенские. Значит, мальчишка врет.

А раз врет, то с ним лучше расправиться. Не то сейчас время...

Рыцарь, который подъехал к Алисе ближе всех, повернулся к командиру:

— Я его зарублю, можно?

И стал вытаскивать меч из ножен. И сделал это так решительно, что Алиса сердито закричала на него:

— Да вы с ума сошли! Сейчас же спрячьте меч!

— Он еще спорит! — Тут уж рыцарь рассердился всерьез.

— У меня секретное дело! — закричала Алиса. Ей стало не до шуток. — У меня дело к графу Риверсу. И прошу меня не убивать, потому что могу твердо пообещать: если хоть волосок упадет с моей головы, вам не жить на свете!

Убедили рыцарей не слова Алисы, а тон, которым она их произнесла. Она не защищалась, а нападала. Люди это всегда чувствуют.

— Сэр Компьен, — крикнул командир отряда, — отстаньте от мальчика! Но вы мне головой отвечаете, чтобы он попал в замок живым и здоровым.

— Слушаюсь! — без радости откликнулся рыцарь. Он с гораздо большим удовольствием отрубил бы Алисе голову.

— Конечно, это великий подвиг, — не удержалась Алиса. — Убить ребенка, да еще безоружного!

— Ты не ребенок, — уверенно ответил рыцарь. — И не безоружный. Будь моя воля, я бы тебя и на милю не подпустил к графу Риверсу. Ведь от него два шага до нашего короля.

— Какого короля? — не поняла Алиса.

— Короля Эдуарда V. Его на той неделе коронуют в Лондоне. А мы будем его охранять в пути.

— Охраняйте получше, — посоветовала Алиса.

— А ты-то откуда?

— Я же говорю — из деревни...

Навстречу им от ворот замка на улицу городка выехала группа всадников.

Некоторых из них Алиса знала по встрече на королевской охоте, а других помнила по портретам в книгах из библиотеки Института времени.

Первым ехал брюзгливый толстяк в алом костюме и шляпе с перьями. У него было красное капризное лицо с оттопыренной нижней губой.

— Рад вас видеть, славный рыцарь Джонс! — крикнул он. — Вы вовремя привели своих мальчиков. Все ли в порядке?

— Все в порядке, граф, — ответил предводитель отряда.

— Придется вам стать лагерем в поле — у нас нет места для всего войска. Некоторые отряды расположились в десяти милях отсюда.

— Нам не привыкать, — махнул рукой сэр Джонс. — Только примите от нас добычу, граф. Мы поймали шпиона.

— Этого еще не хватало! — встревожился граф Риверс. — Надо было сразу ему голову снести.

— Он сказал, что у него к вам важное дело.

— Я не разговариваю со шпионами, — отрезал граф. — Так что разбирайтесь с ним сами, да поскорее.

— Ваша светлость! — крикнула Алиса. — У меня к вам секретное дело!

— Ничего не знаю! — Граф развернул коня, чтобы вернуться в замок. Командир рыцарей, сэр Джонс, поехал за ним, а остальные рыцари расположились на площади перед замком, ожидая, когда вернется командир, чтобы разбить лагерь в поле.

— Ну что, кончилась твоя короткая подлая жизнь? — сказал молодой рыцарь, который давно уже порывался убить Алису.

«Ну ладно, хватит тайну беречь, — подумала Алиса. — А то они и вправду со мной разделаются».

— Граф Риверс! — отчаянно закричала Алиса. — Прочтите все же письмо, а потом уж пускай меня казнят.

— Какое письмо? — повернулся к ней Риверс.

— От вашей сестры.

— Возьмите у него письмо и принесите мне, — приказал граф одному из рыцарей. — Я боюсь незнакомых людей. Говорят, у Глостера на службе сама фея Моргана. Может быть, это не мальчишка, а она.

Алиса вытащила из-за пояса кинжал. Рыцарь на всякий случай отпрянул от нее. Несколькими движениями кинжала Алиса распорола подкладку куртки и вытащила письмо.

— Возьмите, граф, — сказала она. — Мне приказано передать его вам в собственные руки.

Рыцари смотрели на графа. И он, видно, понял, что негоже ему бояться мальчишку.

Он тронул коня и подъехал к Алисе.

Тяжелая рука стоявшего рядом рыцаря опустилась ей на плечо.

Даже если бы она захотела, то не смогла бы дотянуться до графа кинжалом.

Граф колебался. Другими словами, трусил, но не хотел этого показывать.

— Давайте мы его прикончим, — сказал один из рыцарей, — а потом уж вы письмо прочитаете.

Граф продолжал колебаться.

Такой вариант показался ему самым безопасным.

Но, на счастье Алисы, именно в этот момент в приоткрытых воротах замка показался мальчишка. Он шел не спеша с удочкой на плече и с книжкой под мышкой. Ну что могло бы быть более мирным!

События у ворот привлекли внимание принца Эдуарда.

Он увидел, как рыцарь уже примеривается, чтобы нанести Алисе смертельный удар...

И закричал:

— Алиса, как хорошо, что ты приехала, друг мой!

Принц отбросил книжку и удочку и помчался к Алисе. Так как никто не сообразил, чего хочет принц, рыцарь не собирался бросать начатое дело.

Его меч уже опускался на голову Алисы.

Принц Эдуард намеревался закрыть ее своим телом.

«Какой благородный король будет в Англии! — успела

подумать Алиса. — Я его встречаю второй раз, и второй раз он совершает отважный поступок».

Но чтобы не рисковать жизнью героического принца, Алиса спрыгнула с седла в сторону, так что рыцарь не сумел ее удержать, и меч опустился на луку седла. Хорошо еще не поранил Ланселота.

Алиса рухнула в объятия мальчика, и они покатились по пыльной дороге.

Алиса еще не успела подняться, как юный принц уже вскочил и обнажил свой маленький меч.

— Любому, кто посмеет дотронуться до моей подруги, — закричал он, — я отрублю голову! Вы меня знаете! Я — король Англии! А ну, на колени, мерзавцы!

Очень рассердился король Эдуард V. И рыцари стали покорно слезать с коней и опускаться на колени.

А король стоял, держа Алису за руку.

— Тебя мама послала? — спросил он.

— Мама прислала со мной письмо твоему дяде.

— Он неплохой, — сказал Эдуард, — но только не очень умный, и это меня беспокоит.

Алиса передала письмо Эдуарду, а тот протянул его графу Риверсу, который, конечно же, не опустился на колени, но выглядел растерянным, оттого что показал себя трусом. Рыцари этого не выносят.

— Читай, — приказал Эдуард.

— Ни в коем случае! — воскликнула Алиса. — Это же секретное письмо! И все, что не написано в нем, я должна передать на словах.

— Она девочка... Она девушка... Она не мальчик... — растерянно бормотали рыцари.

Эдуард услышал и обернулся к ним. Он был таким маленьким, но могучие рыцари стояли перед ним на коленях.

— Граф Риверс, — спокойно произнес мальчик, — сейчас мы с вами проследуем ко мне в кабинет и там ознакомимся с тем, что пишет наша августейшая мать и что готова поведать нам благородная Алиса.

Он повернулся к рыцарям и приказал:

— А вы вставайте! Долго еще будете коленками пыль вы-

тирать? И в будущем не нападайте на девочек! Может, у вас будет возможность скрестить мечи с настоящими врагами.

Эдуард сам повел коня Алисы и только во дворе передал поводья конюхам.

Граф Риверс молчал, тяжело дышал и отводил глаза. Алисе он не нравился, но другого защитника у юного короля не было.

Когда они поднялись в кабинет, граф уже овладел собой настолько, что спросил Алису, не проголодалась ли она. Алиса сказала, что сначала она хочет передать послание и рассказать об остальном.

В письме, как Алиса уже знала, королева сообщала брату, что обстановка в Лондоне ее тревожит. Она умоляла Риверса взять с собой как можно больше рыцарей. «В пути, — писала королева, — тебя могут встретить враги под личиной друзей. Не поддавайся на их притворство. Главное — сохранить отряд рыцарей в Лондоне. Жители столицы на моей стороне и на стороне Эдуарда. Но они боятся бандитов, которыми окружил себя герцог Глостер». Королева писала, что не знает, в чем замысел Ричарда, но боится, что этот замысел дурной.

Письмо прочел вслух Эдуард, умевший читать куда лучше своего дяди.

— Я все это знаю и без Елизаветы, — сказал Риверс. — Но на самом деле Ричард бессилен. Он ничего не сможет нам сделать.

— Почему? — спросила Алиса.

— По двум причинам, — ответил грузный граф. — Во-первых, у нас две тысячи рыцарей — такого отряда Глостер собрать не сумеет. А во-вторых, он не посмеет причинить зло Эдуарду, потому что у Елизаветы в Лондоне есть еще один мальчик — Дик. И если они погубят Эдуарда, то придется короновать Ричарда. Мне об этом сказал епископ Йоркский, мы с ним все обсудили.

— Приятно слышать! — возмутился Эдуард. — Значит, мною можно пожертвовать?

— Ну кто так говорит! Я просто объясняю, что у Глостера нет никаких шансов.

— Ох, как хочется верить! — вздохнула Алиса. — А вот возле Стропшира я не смогла попасть на постоялый двор, потому что герцоги Бэкингем и Глостер сегодня или завтра устраивают там охоту.

— Какая еще охота в такие дни? — воскликнул Риверс.

— Рассказывай, — попросил Эдуард.

Он был рыжим, хотя и не таким ярко-рыжим, как старшая сестра.

Алиса рассказала, как попыталась устроиться на ночлег, но ее не пустили.

— Мало ли чего служанка наговорила, — отмахнулся граф Риверс. — Откуда ей знать! Герцог Глостер ждет нас у Оксфорда, и мы вместе въедем в Лондон.

Эдуард повел Алису к себе в комнату. Он боялся, что их могут обмануть. Но главное — мальчик не доверял графу Риверсу. Уж очень тот был глупым и спесивым. Он сам хотел стать регентом и править государством.

Потом Алиса и Эдуард сели играть в шахматы. Оказывается, принц Эдди умел играть — ему привезли шахматы из Италии.

Алиса могла бы легко обыграть будущего короля Англии, но не очень к этому стремилась. Понятно, что за много сотен лет шахматы изменились. В XXI веке любой школьник обыграет чемпиона мира из века XV.

Эдди оказался умным парнем — он догадался, что Алиса побывала в других странах, и расспрашивал ее о них. Алиса старалась не сболтнуть лишнего. Поэтому она больше говорила о животных и птицах, о горах и лесах.

А принц вытащил большой альбом с картинками, раскрашенными от руки. В нем были изображены звери лесов, полей и морей. Некоторые из них настоящие, хотя и не всегда можно догадаться какие. Медведя Алиса узнала, волка тоже — похоже, художнику приходилось их видеть. А вот слона и носорога угадать было нелегко. Зато некоторых зверей художник явно придумал. Например, дракона с тремя головами и морского змея, пожирающего корабль.

А вечером Алиса с Эдуардом поехали верхом вокруг городка, чтобы поглядеть, как готовятся к завтрашнему дню

рыцари. Все холмы и долины вокруг Ладлоу были усеяны огоньками костров. Там сидели рыцари и пехотинцы и распевали песни, многие пили эль — светлое местное пиво. Все было спокойно.

Глава одиннадцатая

ПУТЬ В ЗАПАДНЮ

Они ехали, как на войну.

Впереди двести рыцарей сэра Джонса под синим знаменем с двумя драконами — гербом его рода. Затем следовали славные всадники сэра Грея, известные умением стрелять из луков подобно йоменам, лесным братьям простого звания. Сверкали латы и шлемы кавалерии лорда Мальборо, черные плащи и серебряные щиты рыцарей сэра Дункана напоминали о вечном трауре по королю Артуру...

Алиса с Эдуардом ехали в середине этой бесконечной процессии.

И настолько силен был этот отряд, что даже у Алисы настроение улучшилось. Нельзя же победить в бою такое славное воинство!

Ночевали в Шрусбери. Рыцари встали лагерем вокруг города, а принц и его свита остановились в доме шерифа.

А когда все собрались на ужин, прискакал человек из Стратфорда и при всех сообщил графу Риверсу, что в десяти милях отсюда в Нортхэмптоне появились герцоги Глостер и Бэкингем. Они приехали встретить высокого гостя и сопровождать его до Лондона.

Риверс выслушал эту новость стоя. Он никак не мог решить, хорошо это или плохо. Наконец он спросил, теребя цепь на груди:

— У них много войска?

Посланец, видно, простой крестьянин, который решил таким образом заработать пару шиллингов, с готовностью ответил:

— У них совсем маленький отряд, не то что у вас. Все на одном постоялом дворе уместились.

— На постоялом дворе?

— Герцог Глостер сказал, что не хочет, чтобы у его светлости графа Риверса возникли подозрения.

Риверс задумался. Потом спохватился, что посланец все еще стоит у стола, и сказал:

— Накормите человека на кухне. И дайте ему шиллинг.

Кто-то из слуг увел посланца.

В зале царила тишина. Все ждали, что скажет граф Риверс.

— Будем ждать, — произнес он наконец. — Будем ждать сигнала от герцогов. Я полагаю, что они и на самом деле намерены встретить нас и оказать нам уважение. Свидетельством тому тот факт, что они выехали в путь без большого отряда.

А так как все продолжали молчать и ждали, что еще скажет граф, он приказал:

— Продолжайте ужин! И я предлагаю тост за его величество, короля Эдуарда V! Да будет его торжественная коронация удачной и скорой!

Зазвенели бокалы и кубки, за столом вновь поднялся шум, все обсуждали будущую встречу с герцогом Глостером.

— А ты что думаешь? — спросил принц у Алисы.

— Я думаю, что была права, — сказала Алиса. — И на постоялом дворе мне сказали правду. Они приехали. И скоро мы должны ждать от них гонца.

— Какого гонца? — не понял Эдуард.

— Они позовут нас в гости. То есть не нас, а тебя. Меня они не позовут.

— Но мне ничего не угрожает? — встревожился принц. — Нет, мне ничего не угрожает...

И было видно, что он совсем не уверен в собственных словах.

— Мы не знаем, сколько рыцарей у них на самом деле, — осторожно заметила Алиса.

— Дядя уже послал лазутчиков, — сказал Эдуард. — Они вернутся к утру и все разузнают.

— Главное, чтобы нас не застали врасплох, — прошептала Алиса. — Боюсь, что герцог Глостер похитрее, чем твой дядя.

— Я знаю, — согласился Эдуард. — Но я скажу дяде, чтобы он не отправлялся на встречу с герцогом без надежной охраны.

Ночью Алиса спала плохо, и, хоть она была одна в небольшой комнатке под самой крышей дома, ей все время казалось, что в комнате есть кто-то еще. Кто-то ходит, поскрипывает половицами и тяжело дышит.

К тому же в углу шебуршились мыши и даже попискивали — видно, у них шел дележ имущества.

Алиса встала и подошла к окошку.

Внизу слышались пьяные голоса. В столовой еще остались рыцари, которые все никак не могли разойтись по комнатам.

По двору прошла женщина в плаще с капюшоном. Неужели монахиня? Что ей делать здесь в такое время? Что, если принцу Эдуарду грозит опасность? Быть этого не может!

Алиса хотела было спуститься и поднять тревогу, но потом передумала: пока будешь спускаться, зловещая монахиня уже скроется.

Она опустила раму застекленного окна — дом-то был богатым, даже окна со стеклами! — и негромко сказала, благо в ночном воздухе звуки разносятся далеко:

— Фея Моргана, вы что здесь делаете?

Монахиня замерла, будто пораженная молнией. Потом подняла голову. В темноте из-под капюшона по-кошачьи сверкнули глаза.

— Ах, это ты, странная девочка? — прошипела фея Моргана. — Ты опять пытаешься мне помешать? Не думаешь ли ты, что нам следует поговорить? Есть у меня подозрение, что ты принадлежишь к тому же цеху волшебников и магов, что и я.

— Я стараюсь защитить принца, — сказала Алиса. — Вы же — враг его семьи. Откуда такая ненависть?

— Я никого не ненавижу. Ненависти не существует. Но существует корысть и интерес. Мне обещана великая награда за мои дела. А дела эти мне нравятся.

— Вам нравится убивать?

И тут же Алиса услышала за спиной мальчишеский голос:

— Ты с кем разговариваешь, Алиса?

Принц Эдди незаметно вошел в комнату Алисы, встал рядом и тоже выглянул в окно.

— Кто эта монахиня? — спросил он.

Монахиня кинулась бежать — как тень, как испуганный таракан. Она растворилась в тени соседнего дома.

— Это фея Моргана, — ответила Алиса. — И я подозреваю ее в темных и страшных делах. Она дружна с герцогом Глостером.

— Вот не думал, что фея Моргана еще жива, — удивился мальчик. — Она ведь была сестрой короля Артура и жила много-много лет назад. Что она здесь делает?

— Что бы она ни делала, это плохо, — уверенно ответила Алиса. — И если ты не возражаешь, я бы попросила тебя остаться до утра в этой комнате.

— Почему? — удивился Эдди.

— Потому что, — нашлась Алиса, — я очень боюсь оставаться одна.

— Ну хорошо, — великодушно согласился принц. — Я пойду тебе навстречу. Девочек надо охранять. Все равно мне спать не хочется.

Алисе тоже спать не хотелось. По крайней мере, теперь она была спокойна за принца. Если фея Моргана затеяла что-то отвратительное, то она сунется в комнату Эдуарда. Здесь ей делать нечего. А вдвоем всегда спокойнее и надежнее.

Некоторое время они с Эдуардом поговорили, потом стало холодно, и они накрылись медвежьей шкурой, которая валялась на лежаке. Накрылись, прижались друг к дружке и нечаянно заснули.

Так Алиса провела ночь под одной шкурой с королем Англии Эдуардом V. Хоть его еще официально не короновали в Вестминстерском аббатстве, как положено, но с момента смерти своего отца Эдуард считался королем, и все англичане это признавали. Правда, не все этого хотели. Конечно, пока не состоялась коронация и Эдуард не получил Большую королевскую печать, он еще не совсем король.

Они проснулись одновременно от шума под окнами, от голубого света, который вливался в решетчатые окна спаль-

ни, от криков конюхов и оруженосцев, от ржания коней и голосов рыцарей.

Эдди с Алисой спустились в столовую. За неубранным после вчерашнего пира столом сидел граф Риверс, сэр Грей и другие бароны. Увидев короля, Риверс сказал:

— Доброе утро, ваше величество! Садитесь за стол, позавтракайте. У нас есть для вас хорошие новости.

Алису он не пригласил, не считал достойной своего высокого внимания. Но Эдди повел ее за собой и, усевшись во главе стола, сказал сэру Грею:

— Подвиньтесь, пожалуйста. Алиса будет сидеть по правую руку от меня, сегодня и всегда.

Костлявый усатый сэр Грей, сводный брат короля, поморщился, но возражать не стал.

— Введите гонца, — приказал граф.

Вошел рыцарь в плаще с вышитым на нем золотым кабаном — гербом герцога Глостера. Он поклонился графу и прочим вельможам.

— Говори, — приказал граф Риверс. — Теперь ты можешь повторить все в присутствии короля Эдуарда.

— Простите, сэр, — твердо сказал гонец. — Но я вижу перед собой лишь принца Уэльского, ведь коронации еще не было.

— Выгони его! — велел Эдуард.

«Ого, — подумала Алиса. — Он мог бы стать неплохим королем. Самодержцем, который не выносит наглости чужих послов».

— Давай сначала выслушаем рыцаря, — ответил дядя. — Нам нужно попасть в Лондон на коронацию, а не воевать с баронами. Говори же, гонец.

— Его высочество герцог Глостер остановился в десяти милях отсюда с небольшой свитой и ждет к себе графа Риверса и принца Уэльского, чтобы обсудить с ними следование кортежа к Лондону, а также детали предстоящей коронации.

— И это все? — спросил Риверс.

— И это все, если не считать благородного слова герцога Глостера. Он обещает вам, сэру Грею и принцу Эдуарду полную безопасность и охрану. Слово герцога и принца крови.

Герцог просил напомнить вам, граф Риверс, что по воле его покойного брата он теперь — протектор престола и государства и несет ответственность за жизнь королевской семьи.

— Спасибо, — сказал граф Риверс. — Честно говоря, от сердца отлегло. Мы едем к Глостеру. А вы, рыцарь, садитесь за стол и подкрепитесь. Я должен буду отдать необходимые распоряжения.

Граф тяжело поднялся из-за стола и понес свое тугое пузо к выходу.

— Алиса, — позвал Эдди. — Иди за мной!

Они побежали за графом.

— Дядя, — сказал Эдуард, догнав графа Риверса. — Может быть, нам не стоит туда ехать?

— Я все продумал, — ответил граф. — Ты останешься здесь под охраной двух тысяч всадников. И уж тут до тебя не дотянется никакая вражеская рука.

— Значит, мне не надо ехать? — У Эдуарда от сердца отлегло.

— Командовать отрядом в мое отсутствие будет сэр Джонс. Он со своим штабом расположился в соседней деревне. Вон там, за перелеском. В случае опасности он немедленно придет тебе на помощь.

Граф Риверс направился к лошадям. За воротами стоял отряд рыцарей сэра Грея, который должен был охранять графа и его свиту в пути.

— Может, не стоило им ехать, — вздохнула Алиса. — Неспокойно у меня на сердце...

Процессия двинулась к лесу. Риверс со свитой помчался очень быстро, а рыцари сэра Грея немного поотстали.

— Тебе не кажется, — спросила Алиса у принца, — что мне лучше отправиться следом за ними?

— Я не смел просить тебя об этом, — ответил мальчик. — Но наверное, это хорошая мысль. Будь уверена: когда я стану настоящим королем и накажу врагов, я буду награждать друзей. И ты будешь первой среди них.

— Хорошо бы, — сказала Алиса.

Она побежала наверх, надела пояс с кинжалом, плащ. Эдуард отдал ей свою шляпу, похожую на клюв вороны.

Принц хотел отдать и своего коня, но Алиса сказала, что уже привыкла к вороному Ланселоту. Они с ним сдружились.

Во дворе народу было немного. Почти все рыцари ждали приказа, расположившись вокруг городка. Эдуарда берегли только телохранители. Все слуги и охранники уже пригляделись к странному оруженосцу-девице, подружке мальчика-короля.

Попрощавшись с королем и пообещав ему вернуться, если заподозрит что-то неладное, Алиса поехала к лесу, следом за отрядом сэра Грея.

Утро было мирное, но серенькое, моросил апрельский дождик, птицы перекликались — у них наступало самое интересное время, они знакомились между собой, начинали дружить и даже подумывали о свадьбах.

Алиса догнала хвост отряда только ближе к полудню.

Обгонять рыцарей она не стала — опять начнутся вопросы и подозрения. Так что она решила держаться позади, метрах в ста за последними всадниками. И так продолжалось больше часа.

И вот когда облака развеялись и выглянуло солнце, Алиса сообразила, что уже наступил полдень и пора бы появиться Нортхэмптону. Но по сторонам дороги тянулся все тот же лес.

Что-то случилось. Почему-то отряд движется совсем не туда, куда следовало бы.

Алиса решила действовать. Она пришпорила коня и догнала отряд. Рыцари ехали нестройно, не выставив охранения — видно, не опасались засады. Алиса считала, что они неправы и надо бы сказать об этом сэру Грею. Но сначала надо выяснить, где же цель пути?

Алиса пустила коня в галоп, и Ланселот поскакал по обочине лесной дороги.

Рыцари оборачивались, кричали что-то вслед, смеялись — им было скучно ехать несколько часов, и они были рады возможности развлечься.

Вот и голова отряда!

Сэр Грей обернулся к Алисе, пригладил усы и на всякий случай надел шлем, который висел у него за спиной.

— Сэр Грей! — закричала Алиса, заметив, что рыцари,

ехавшие по бокам от командира, уже натягивают тетивы луков. — Сэр Грей, это я, баронесса Алиса! Вы меня знаете! Вы меня вчера на ужине видели.

Луки опустились.

— Что случилось, девочка? — спросил сэр Грей.

— От дома шерифа до Нортхэмптона десять миль, — сказала Алиса. — А мы едем уже пять часов. Разве так может быть?

— Вы совершенно правы, — согласился с ней сэр Грей. — Почему мы так долго едем?

Но никто не смог ответить ему на этот вопрос.

— Может быть, вы сбились с пути? — спросила Алиса. — Может, свернули не туда на развилке?

— Но ведь не было развилки! — возмутился сэр Грей. — Неужели вы думаете, что мы бы ее проморгали?

Впереди показалась небольшая деревня.

— Вот тут мы все и узнаем, — сказала Алиса.

Ее мучили неприятные предчувствия. Даже не предчувствия. Она уже знала, что произошло. Наверняка граф Риверс уже оказался в руках герцога Глостера без охраны. А охрана оказалась без вождя.

— Эй! — крикнул сэр Грей крестьянину, который шел им навстречу, погоняя быка, и попытался было спрятаться в лесу. Любой крестьянин спешил спрятаться в лесу при виде вооруженных рыцарей — уж очень много лет в стране кипела, то загасая, то разгораясь вновь, гражданская война, и отряды рыцарей недурно потоптали поля и пожгли деревни.

— Эй! — снова крикнул сэр Грей. — Как зовется эта деревня?

Вопрос был неразумный. От того, как зовется деревенька, ничего не менялось.

— Беркстед, — ответил крестьянин.

— А где Нортхэмптон? — зарычал рыцарь.

— Не знаю! — Крестьянин дрожал так, словно прощался с жизнью.

— А эта дорога куда? — пытался понять сэр Грей.

— А это дорога никуда, — ответил крестьянин. — Она еще мили четыре до озера идет, а потом в озеро входит и пропадает.

— Почему?

— Все знают почему, — удивился неведению рыцарей крестьянин. — Потому что в озере фея Моргана утопилась. Давным-давно в одного из нашей деревни влюбилась, а он Кэтрин любил, не слыхали?

— А потом? — спросил сэр Грей, который так ничего и не понял.

— А потом она парня в болото заманила, а его девушка, Кэтрин, значит, за Тома Клайда вышла, и у них семеро детей было.

— А фея?

— А фея от злости утопилась. Такие не терпят поражений. Правда, она не до смерти утопилась. Время от времени она вылезает из озера и ходит, и ходит... Не дай бог ее встретить! Так что дальше по этой дороге не ходите. Через три мили болото непроходимое, а потом озеро бездонное. Тут вам и конец придет!

— Немедленно назад! — закричала Алиса. — Немедленно назад до развилки, на которой фея Моргана вас сюда повернула!

— Да не было никого! — ответил сэр Грей.

— Как не было? — удивился его адъютант. — Как нё было, если вы еще два часа назад на развилке с монахиней разговаривали? Дорогу спрашивали.

— Так то же монахиня! Святая женщина!

— Скорей! — закричала Алиса. — За мной! Мы можем опоздать!

И тут до сэра Грея дошел весь ужас положения. Он должен был охранять графа Риверса и его свиту, но не выполнил своего долга и даже не помнил, как послушался какую-то не то монахиню, не то фею Моргану.

— Назад, на помощь сэру Риверсу! — закричал Грей и повернул коня.

Он скакал мимо строя замерших и ничего еще не понимавших рыцарей. Но постепенно они соображали, в чем дело, и один за другим поворачивали следом за своим командиром.

Алиса опять оказалась в хвосте отряда, но она понимала,

что теперь спеши не спеши, вернее всего, граф Риверс уже угодил в капкан.

Вот и развилка. Трудно было ее не заметить. Но в Средние века дорожных указателей еще не придумали, так что всегда приходилось искать знающего человека.

Вот и нашли!

Не случайно Моргана ночью бродила по двору дома шерифа. Она хотела понять, кто и каким образом поедет на встречу с герцогом Глостером.

Может, ей не составило бы труда убить юного короля, но по каким-то причинам Ричард не смел пойти на такое преступление. Ему же возвращаться в Лондон, объяснять горожанам, что случилось с принцем, которого отец, умирая, оставил под его охраной.

Нет, Ричард еще не закончил свою игру.

Шаг за шагом.

Рыцари мчались к Нортхэмптону так, что земля стонала под копытами их коней, деревья раскачивали вершинами, а птицы замолкали на половине трели.

Вот впереди показались башни городских стен.

Цель близка!

Но оказалось, что не так близка, как хотелось...

Глава двенадцатая

В ЗАПАДНЕ

Отряд сэра Грея перевалил через пологий холм, и перед рыцарями открылся город.

Но город был недоступен.

Между Нортхэмптоном и отрядом сэра Грея в двадцать рядов стояли рыцари герцога Бэкингема.

Их было вдесятеро больше, чем спутников Грея.

Бой был безнадежен.

Враги не пошевельнулись, когда сэр Грей повел своих людей в атаку.

И Грей волей-неволей придержал коня.

Перед строем рыцарей стоял герцог Бэкингем, ненавидевший его так, как только может знатный аристократ нена-

видеть простолюдина, приблизившегося к трону в силу родственных отношений с королевой.

Кони успокаивались, рыцари переводили дух. Над полем установилась тишина.

— Добро пожаловать, сэр Грей, — произнес герцог Бэкингем, известный красавчик и покоритель женских сердец. — Граф Риверс уже заждался вас. Почему ваш отряд так припоздниился?

— Произошла ошибка, — осторожно ответил сэр Грей. — Мы сбились с дороги.

— Ах, как странно! — усмехнулся герцог Бэкингем. — Неужели вы решили съездить в болота у озера феи Морганы?

Грей сдержался и не ответил. Рыцари Бэкингема громко расхохотались.

— Не беспокойся, — оборвал смех своих рыцарей герцог. — Граф Риверс тебя ждет. Протектор Англии герцог Глостер приглашает вас к обеду. Надо обсудить детали коронации. Прошу тебя, следуй за мной.

— А мои рыцари? — спросил сэр Грей.

— А твои рыцари подождут здесь. Пускай они отдохнут, дорога была долгой и нелегкой. Им принесут пищу и вино.

Грей колебался.

Алиса, хоть и была всего-навсего девочкой, понимала, о чем он думает. Он, конечно, мог приказать своему отряду вернуться в Шрусбери. Но рыцари Бэкингема, без сомнения, догнали бы его и всех перебили — десять к одному, так даже греческие герои не сражались!

— Пойми, сэр Грей, в Нортхэмптоне и так тесно от слуг и лакеев — куда там девать твоих рыцарей? А когда будете возвращаться, рыцари тебя встретят, — пояснил Бэкингем.

Грей нехотя склонил голову.

А Алиса встретилась взглядом с молодым рыцарем, который гарцевал рядом с герцогом. Как же она сразу его не узнала? Это же тот поселянин, что принес вести о герцоге Глостере и сказал, что у него маленький отряд, только свита! Значит, его специально подослали, чтобы заморочить голову графу Риверсу!

Все погибло!

Но если она сейчас крикнет сэру Грею, предупредит его,

то нарушит важнейший закон путешественника во времени: не вмешиваться в действительность. К тому же почти наверняка она погубит сэра Грея — рыцари Бэкингема его немедленно зарубят. Впрочем, следующей жертвой станет сама Алиса.

Она смотрела на лжекрестьянина в упор, и тот почувствовал себя неловко, отвел глаза, а потом пришпорил лошадь, чтобы отъехать подальше от мальчишки.

И наверное, он подумал: «Меня узнали».

И еще подумал: «А какое мне дело! Ведь сэр Грей уже в ловушке и не выберется из нее».

Как просто они нас поймали!

Сэр Грей тронул коня, подъехал к герцогу Бэкингему и, когда тот тронулся, поехал рядом с ним.

Он не оборачивался. Может, ему было стыдно, а может, и страшно.

Рыцари тоже были растеряны. Помощник сэра Грея приказал им сойти с дороги на лужайку, кони перемешались, отряд превратился в толпу, и никто не заметил, как Алиса все быстрее и быстрее поскакала обратно, в Шрусбери.

Конь Алисы был верным и послушным, но не очень быстрым. Алиса, как могла, погоняла его, но, так как она знала, чем все это кончится, смысла загонять коня не было. А она все равно гнала. Все-таки принц Эдуард был ей не чужой человек, она с ним уже подружилась, знала его родителей, брата и сестру.

Алиса прискакала в Шрусбери быстрее, чем герцог Глостер.

Эдуард ждал ее на улице. Он помог ей спрыгнуть с коня.

— Все плохо? — спросил он. — Говори, я по тебе вижу, что все плохо.

Конюх отвел коня в сторону. Алиса взяла Эдуарда под руку, и они вышли на склон холма. День был пасмурным, трава еще робкая, весенняя.

— Они все попали в ловушку, — сказала Алиса. — Фея Моргана сделала так, что сэр Грей и его отряд поехали не той дорогой.

— Как это могло случиться? Он же опытный командир!

— Не будем тратить время на объяснения, — сказала Алиса. — Граф Риверс приехал в Нортхэмптон без охраны. Я не знаю, где он сейчас и что с ним. Кстати, это вранье, что у Глостера нет войска. Было у него войско, но мы поверили лазутчику герцога.

— Проклятье! — Будущий король даже ногой топнул.

— Бэкингем пригласил Грея туда же.

— Грей отказался? Отказался, да?

— У Бэкингема был отряд вдесятеро больше, чем у Грея. Мы попали в засаду. Грей оставил рыцарей в лесу дожидаться его — их в город не пустили. А сам поехал к Ричарду.

— Значит, надо бежать! Я сейчас же объявлю тревогу.

— Не знаю, успеешь ли ты. Ведь никого из взрослых здесь не осталось. А они уже едут.

И правда, к городку медленно, не скрываясь, как лучший друг, ехал герцог Глостер, рядом с ним герцог Бэкингем, а позади небольшая, сверкающая латами свита.

Орлиный взор протектора королевства издали распознал Эдди.

— Эй, дорогой мой племянник! Как хорошо, что я застал тебя в Шрусбери! — крикнул герцог. — У меня к тебе важный разговор.

— Отойди, — приказал принц Алисе. — Не хочу, чтобы тебя видели рядом. Они могут тебя узнать. Иди наверх, в мою комнату, спрячься в сундуке с одеждой.

Эдуард был прав.

Алисе не стоило там оставаться.

Она вошла в дом шерифа, поднялась на второй этаж в комнату принца. Дверь была приоткрыта, на этаже никого не было. Даже странно, что ни одного рыцаря там не оказалось. Словно судьба короля никого уже не беспокоила. Но две тысячи верных королеве рыцарей окружали Шрусбери. Вместо того чтобы прятаться, Алисе нужно было бежать к ним и поднимать тревогу. Если бы ее кто-нибудь послушался!

Большой сундук стоял у самой стены, за кроватью под балдахином. Там в самом деле было удобно прятаться. Если только он не захлопнется.

Алиса залезла в сундук, в нем было мягко и пахло пылью.

Она подложила под край шапку, чтобы оставалась щель — подглядывать и дышать.

И вовремя.

Как только она закончила устраиваться, в спальню вошло несколько человек. Даже если и не видишь, можно угадать по голосам — голоса Алиса уже знала.

— Мальчик мой, — сказал герцог Глостер. — У меня для тебя есть печальные известия.

— Говорите, дядя.

— Мои люди следили за твоим дядей Риверсом, и им удалось выяснить, что он вместе с сэром Греем замыслил заговор, чтобы убить тебя, мой дорогой племянник.

— Не может быть! Дядя охранял меня!

Сквозь щель Алисе было видно, что герцог Глостер уселся в кресло, Бэкингем стоит у него за спиной, а мальчик-король бегает по комнате. Он растерян, испуган и конечно же не верит своему дяде Ричарду.

— Он намеревался возвести на трон сэра Грея. Тогда семья твоей мамаши могла бы захватить всю власть в Англии, а нам с тобой пришлось бы бежать.

— Я не верю вам, дядя!

— Ты еще мал, чтобы не верить мне. У меня есть доказательства. И я намерен изложить их командирам всех рыцарских отрядов, что собрались вокруг Шрусбери. Бэкингем, попрошу поступить так, как мы договорились. Пригласите на встречу со мной всех баронов графства. И так как я приехал без охраны, полностью доверяя им, я прошу такого же доверия с их стороны.

Алиса услышала, как Бэкингем вышел из комнаты.

— Ты можешь мне верить или не верить, — продолжал Глостер, — но я переживаю только за судьбу королевства. Я поклялся твоему отцу и моему брату заботиться и охранять державу. Теперь у нас с тобой, мой мальчик, есть одна большая цель: мы должны как можно скорее провести коронацию, чтобы ты занял трон. Я мечтаю об этом. Клянусь тебе!

— Я хочу поговорить с дядей Риверсом! — упрямо сказал мальчик.

— Пока это невозможно, он задержан в Нортхэмптоне,

там идет следствие. Но как только следствие закончится, ты конечно же поговоришь с изменниками.

— Мы поедем в Лондон к маме? — спросил Эдуард.

— Молодец, — обрадовался Глостер. — Именно так! Мы поедем в Лондон к твоей мамочке. Но нужна крайняя осторожность. Потому что вокруг враги и завистники. Ты не представляешь, скольким мерзавцам твой трон кажется завидной добычей. Так что собирайся, мы едем в Лондон. А изменников ждет достойное наказание.

Алиса услышала, как Эдуард, выходя из комнаты, негромко произнес: «До свидания, друг!» И поняла, что эти слова относятся к ней.

Глава тринадцатая

БЕГСТВО В ВЕСТМИНСТЕР

Алиса возвращалась в Лондон проселочными дорогами через Уэльс, потому что боялась попасть в руки солдатам герцога Глостера. Может быть, безопаснее было бы расстаться с конем и пристроиться к бродячим актерам, студентам или паломникам, но Алиса берегла время — она понимала, что дорог каждый час.

Печальные вести нагоняли ее в пути. Они катились по мокрым весенним дорогам, как прошлогодние листья под ветром. И даже то, чего никто не мог увидеть, становилось известно за сотню миль уже на следующий день.

В Англии все знали, что после веселого пира у герцога Глостера граф Риверс и сэр Грей отправились в отведенные им опочивальни, но когда утром захотели выйти, оказалось, что двери заперты. Только к полудню следующего дня, когда король Эдуард уже был захвачен, Глостер и Бэкингем согласились увидеть пленников. Правда, у них отобрали оружие и обращались с ними, как с мелкими преступниками.

— Что случилось? — стал требовать Риверс. — Разве мы хоть чем-нибудь нарушили соглашение? Мы же только сопровождали Эдуарда в Лондон!

— Всем известно, — заявил красавчик Бэкингем, нагло ухмыляясь, — что вы старались воспрепятствовать дружбе и

добрым отношениям между нами и принцем Уэльским. И это — государственное преступление, ибо по завещанию короля именно герцог Глостер назначен протектором государства и регентом при будущем короле.

Глостер же ничего не сказал, а лишь жестом велел Риверсу подойти к окну.

Во дворе стояли скованные командиры рыцарских отрядов, которые сопровождали Риверса и должны были охранять молодого короля от интриг герцога Глостера.

— Они будут казнены вместе с тобой, изменник, — сказал герцог Бэкингем. — Они были орудием твоих интриг.

— Я делал все по приказу королевы Елизаветы, — твердо ответил Риверс. Он старался владеть собой и все еще думал, что сейчас Ричард попугает его, попугает, а потом простит, и они мирно поедут дальше в Лондон. А когда его повели вниз, а оттуда в подвал, чтобы первому отрубить голову, он все еще думал: «Вот сейчас они скажут: «Ха-ха, мы пошутили!» И даже когда голова его уже лежала на плахе, граф уговаривал себя: «Вот-вот этот ужас кончится...»

На следующий день Алиса узнала о гибели графа Риверса, сэра Грея и доверчивых рыцарей, которых заманили в капкан поддельными письмами Риверса о том, что их якобы вызывают на совет. Но ее больше интересовало, куда делся принц Эдуард, ее юный приятель? Не мог же Ричард убить его на глазах у всей Англии! Алиса уже не раз слышала и видела, как разные люди волновались за жизнь короля Эдуарда, беспокоились о его судьбе. Пожалуй, никто особенно не жалел родственников Елизаветы — интриги и дрязги вокруг трона никого не занимали. Но мальчика заранее любили. И не только потому, что он был сыном любимого короля, а за то, что он ребенок. К детям всегда лучше относятся. Их жалеют. А что касается герцога Глостера, то ему некоторые верили, а другие и в грош не ставили и даже боялись того, что он хочет сам захватить власть и заграбастать королевский трон. Правда, никто толком не понимал, как это можно сделать. Не посмеет же он убить юного короля! Проклятие падет на его голову — он не решится! А другие усмехались и добавляли, что если Ричард и сможет добраться до Эдуарда, то ведь у королевы Елизаветы остается другой сын.

А как его украдешь? Говорили, что при первых же известиях о судьбе сына и родственников королева заперлась в замке Виндзор, окруженная верными рыцарями. Попробуй отними у нее второго сына! Недаром покойный король Эдуард постарался, оставил после себя двух принцев — через двоих Глостеру не переступить...

Но это были разговоры по дороге, у костра, в лесу, возле печи на постоялом дворе, в пивной за кружкой эля. А если к ним и прислушивается худенький мальчишка, то кто на него обратит внимание...

А когда мальчишка встревал в разговор и даже говорил, что герцог Глостер такой хитрый, что обязательно придумает какую-нибудь гадость, люди только посмеивались. Не то чтобы они думали иначе, но ведь кому хочется предполагать худшее! Лучше надеяться на то, что все обойдется, а дело закончится миром.

На третий день к вечеру Алиса добралась до Виндзора.

Она уже думала, что ее путешествие закончилось, но оказалось, что до конца еще далеко.

И виной тому стала вереница всадников, щиты которых были затянуты серыми тряпками, а знамена свернуты и спрятаны в чехлы. Этот отряд направлялся в Виндзор. А Алиса его обогнала.

Она и не обратила бы особенного внимания на всадников — мало ли кто в такое смутное время разъезжает по дорогам Англии, спрятав свои гербы под серыми тряпками? Но, обгоняя всадников, она кинула взгляд направо и в сумерках узнала лицо рыцаря, ехавшего с края.

Это был тот самый молодой поселянин, который так ловко обманул графа Риверса.

К счастью, тот ехал задумавшись и не обратил внимания на Алису.

Алиса пришпорила Ланселота.

Он почувствовал ее волнение и перешел на рысь. Алиса так сдружилась с конем, что тот научился угадывать ее мысли, а Алиса без подсказки знала, когда конь устал, когда проголодался, а когда ему просто хочется попастись в поле.

До Виндзора было недалеко. Алиса добралась туда еще

засветло. И хоть на востоке уже ярко вспыхнули звезды, в западной части неба еще догорал закат.

Ворота как раз запирали.

Пароля Алиса не знала.

Поэтому решила лезть напролом.

— Эй! — закричала она. — Я везу послание юного короля Эдуарда его матери. Срочное послание!

— Говори пароль, — буркнул стражник. Стражников у ворот было всего двое. Королеву охраняли плохо, некому было ее охранять.

И понятно: главные силы ее брата были уничтожены и обезглавлены хитроумным Ричардом. Здесь у королевы своих войск не было. Ведь по закону герцог Глостер как протектор государства являлся командующим армиями. Во главе армий стояли Бэкингем, Хастингс и старик Стенли. Может, были и другие, но Алиса о них не ведала и не знала, кто из них будет поддерживать королеву, а кто — Ричарда.

Но в любом случае командовать армией королева не могла.

— Я не знаю пароля, я скачу прямо из Ладлоу, — настаивала Алиса. — Вызовите королеву! Она меня знает! Я — Алиса Кармайкл!

— Иди спать, завтра приходи, — ответил стражник. Он был пожилым, туповатым на вид мужланом, и ему не было дела до королевы и ее друзей.

— Эй! — пронзительно закричала Алиса. — Вызовите королеву! Срочные вести!

Голос Алисы ударился в стену замка и отскочил обратно.

Стены были темными, мрачными, даже в бойницах не мелькало ни лучика света.

— Уходи! — рассердился стражник. — Не шуми, а то отрублю тебе голову!

— Как у вас все просто! — огрызнулась Алиса. — Чуть что — голову рубить!

И тогда Алиса сделала то, что умела делать лучше всех в классе, хоть учителя и возражали.

Она сунула два пальца в рот и так засвистела, что деревья затрясли ветками, а в домах зазвенела посуда.

Конечно, об этом мало кто знает, но Алисе как-то при-

шлось побывать в мире русской сказки, где живут богатыри и всякие чудовища, с которыми богатыри конечно же сражаются. И там она не только познакомилась с Соловьем-разбойником, но и провела у него в плену целый день. День прошел не зря, потому что Соловей-разбойник научил Алису свистеть. Этому искусству самого Соловья обучила его бабуся, имя которой неизвестно, потому что его можно только просвистеть.

И когда Алиса (хоть, конечно, и не принято путешественникам во времени свистеть у средневековых замков) как следует свистнула, стражники замерли, а в воротах почти сразу появился принц Дик, Ричард Йоркский, большой поклонник Алисы, сорванец и следующий после Эдуарда король Англии.

— Алиса! — завопил он в полном восторге. — Научи меня так свистеть, и я на тебе женюсь!

Он побежал к Алисе, она схватила принца за руку, а тем временем в воротах верхом на коне появился сэр Грейвз с несколькими рыцарями, а за ними ехали королева Елизавета и Лиззи, но на этот раз не в носилках, а тоже верхом.

— Славный свист, — одобрительно сказал сэр Грейвз. — Где же этому учат? В горах Шотландии?

Королева придержала коня, а Лиззи, разумеется, сразу же скатилась на землю и начала во весь голос рыдать:

— Я была совершенно уверена! Совершенно и безрезультатно! Тебя убили и разрезали на части! Скажи мне, где мой брат? Ты что, не смогла его увидеть? И если ты не выполнила... — Тут она зарыдала еще громче, потому что, оказывается, страшно боялась за Алису.

— Девочка, — спокойно сказала королева, — пора ехать. Когда мы доберемся до цели, Алиса нам все расскажет.

Вечер был холодным, и королева закуталась в длинный темный плащ с капюшоном. Посторонний бы ее и не узнал.

— Мы едем в Лондон, — обернулась королева к Алисе. — Мы будем искать убежища в Вестминстерском аббатстве. Епископ Йоркский дал слово, что никто не посмеет войти в аббатство, чтобы причинить нам вред. Это священное право монастыря. Даже Глостер не посмеет. А ты, Алиса, поедешь рядом со мной и по пути начнешь свой рассказ.

— Как мы поедем? — спросила Алиса.

— По большой дороге вдоль Темзы. А почему ты спросила?

— Вам нельзя ехать по той дороге, — сказала Алиса. — Оттуда подходит отряд герцога Глостера. Они едут, закрыв гербы на щитах и свернув знамена, но я узнала одного из них. Я многих уже видела, а этого узнала без труда.

— Есть ли другая дорога в Лондон? — спросила королева у сэра Грейвза.

— Через Ричмонд, ваше величество, — ответил рыцарь. — Но я убежден, что девочка преувеличивает. Принц Ричард еще не вернулся в Лондон, и его отряды только собираются на севере.

— Тем не менее, — ответила королева, — он сумел захватить моего сына, а судьба моего брата и сэра Грея неизвестна.

Алиса молчала, хотя ей, к несчастью, была отлично известна судьба графа Риверса.

— Не обсуждайте мой приказ, — отрезала королева.

— Вы лишь женщина, — мягко, но настойчиво ответил сэр Грейвз. — Вы не понимаете, что дорога на Ричмонд может быть вдвойне опасна.

— Тогда оставайтесь здесь, сэр, — сказала королева, — и если через полчаса отряд герцога Глостера не появится, следуйте за нами. Если же появится... — королева сделала паузу, и голос ее стал ледяным, — то вы сделаете все, чтобы не пустить их по нашему следу.

Сэр Грейвз склонил голову, подчиняясь королеве.

— Кстати, Алиса, — спросила Елизавета, — а велик ли отряд, который мой драгоценный деверь послал, чтобы расправиться со мной и отнять у меня последнего сына?

— Человек двести, — ответила Алиса. — И они будут здесь с минуты на минуту.

Королева тронула коня и поскакала в сторону Ричмонда. За ней дети, фрейлина Джейн и паж Грини. После недолгого раздумья вслед королевской процессии двинулись и рыцари сэра Грейвза.

По дороге Алиса рассказала королеве и Лиззи о своих приключениях. Оказывается, они, сидя в Виндзоре, знали

куда меньше ее. А уж о подробностях засад и предательств, о появлении феи Морганы и о захвате Эдди могли только догадываться.

К счастью, взошла луна, и можно было ехать без факелов. Чем ближе к Лондону, тем напряженнее становились путники. Они разговаривали все тише и совсем замолкали, проезжая мимо тусклых огоньков деревенских домов.

Перед въездом в город сэр Грейвз с несколькими рыцарями проехал вперед к закрытым городским воротам. Но в отличие от Алисы он знал пароль и умел разговаривать с сонными стражниками.

Так что через полчаса небольшая кавалькада, проехав по узкой набережной вдоль реки, добралась до Вестминстерского аббатства, где королеву уже ожидала кучка дрожащих от ночного холода, закутанных кто во что придется монахов и священников.

При приближении королевы из собора вышел епископ Йоркский. Королева спустилась с коня и поцеловала старцу руку.

— Будь спокойна, дочь моя, — произнес епископ. — Господь не даст в обиду тебя и детей. Но твоим рыцарям придется искать ночлега в другом месте.

Глава четырнадцатая

ПОХИЩЕНИЕ

Ричард Глостер приехал в Лондон через два дня после королевы и только тут узнал, что его отряд упустил добычу.

Гнев герцога был отвратителен. Благо никто из чужих его не видел, он дал волю своим чувствам.

Сперва он решил арестовать королеву прямо в Вестминстере. Взломать двери аббатства и вытащить «эту вонючую семейку»!

Но приближенные, хоть и трепетали перед Глостером, все же сумели отговорить его от такого опрометчивого шага. Ведь вокруг Вестминстерского аббатства днем и ночью стояли толпы любопытных, которые хотели взглянуть на королеву и маленького принца и пожелать им счастья.

— Ваше высочество, — уговаривал Ричарда лорд Хастингс, влиятельный вельможа, которому Глостер последнее время не доверял, но не мог к нему не прислушиваться. — Вам долгие годы жить в этой стране и участвовать в управлении ею. Каким вы желаете остаться в памяти народной? Извергом, взламывающим двери главной святыни королевства, чтобы вытащить оттуда женщину с детьми? С таким грузом на совести долго не протянешь. И если, не дай бог, поднимется восстание, многие отвернутся от вас!

Эти слова дорого обошлись Хастингсу.

— Я знаю, откуда идет все зло предательства! — вопил Ричард. — Знаю, кто таится под той колодой!

Глостер указал скрюченным пальцем на дубовую колоду, которая испокон веков валялась у дверей дворца в Тауэре. На ней мясники рубили бараньи туши к обеду.

— Змея! — кричал Ричард. — Вот она, змея в моем доме! Заговор!

Он бился, как волк, попавший в капкан, и друзья стали удерживать его, думая, что герцог и на самом деле в страшном гневе.

Но даже самые близкие к Ричарду люди не знали, как отлично он умел изображать гнев, милость и даже любовь. Иногда он просыпался ночью, и ему казалось, что его жертвы, люди, убитые по его приказам, сходятся к его ложу и грозят страшной местью. Тогда он начинал умолять призраков и так убедительно клясться, что он все делает только ради государства и народа, что привидения смиренно убирались в царство теней.

И сейчас, безумно дергаясь и крича об измене, на самом деле он вел довольно простую и гадкую игру.

Потому что рядом с Хастингсом, осмелившимся предупредить герцога, стоял старенький епископ Йоркский, тот самый, кто впустил королеву в Вестминстерское аббатство и помешал Ричарду схватить младшего наследника престола. И гнев, направленный против Хастингса, должен был ударить и по епископу.

— Если вы обвиняете меня в измене, — сказал лорд Хастингс, — то я прошу судить меня высоким королевским судом, и пускай все в королевстве узнают, изменник я или нет.

— И что же, — вдруг тихо, почти шепотом, спросил Глостер, — неужели здесь кто-то считает... Неужели кто-то думает, что изменников надо судить, а не кинуть бродячим псам?

Герцог повернулся к епископу Йоркскому. Он смотрел на старика так, будто ждал ответа именно от него. Сейчас же!

И епископ заговорил. И сказал именно то, чего от него ждал Глостер.

— По законам королевства, — твердо произнес священник, — знатного лорда нельзя казнить без суда. Мы живем в великом государстве, а не в бандитской пещере.

— И это говорит мне священник, который укрывает у себя подлую, продажную... — Тут Ричард оборвал свою речь и как будто забыл о Вестминстере.

Он оглядел своих вельмож и спросил:

— Кто-то еще хочет суда для лорда Хастингса?

И ни один из лордов не осмелился поддержать епископа.

— Спасибо, друзья, — сказал Глостер и смахнул со щеки набежавшую слезу. — Спасибо! Другого я от вас и не ожидал. А заговорщиков приказываю немедленно казнить!

Все замерли, словно пораженные громом. Такое было немыслимо. Тем более что никто не сомневался: ни Хастингс, ни епископ Йоркский ни в чем не виноваты. Их арест и казнь только ухудшат репутацию герцога. Зачем ему это понадобилось?

Но, разумеется, никто из его приближенных не смел и слова сказать. Нрав герцога знали все.

По знаку Ричарда в зал вошли его гвардейцы.

Лорд Хастингс и епископ старались не поддаваться страху.

Но когда их повели к выходу, ноги у старого священника подкашивались.

— Сэр Джеймс Тайрелл! — позвал Ричард. — Епископа отведешь в подвал, и пускай сидит на воде. Помрет — жалеть не будем.

Вперед вышел грубого вида сильный, коренастый мужчина в черном камзоле. У него была короткая, лопаткой, борода и стриженные скобкой черные волосы. Глаза прятались в глубоких глазницах.

— А что делать с лордом Хастингсом? — спросил Тайрелл.

— Я не сяду за трапезу, пока он будет жив, — ответил Ричард. — А на том свете пускай добивается своего справедливого суда!

Глостер захохотал. Нарочито громко и даже пронзительно. Но глаза его оставались холодными и внимательными, они буквально вцеплялись в лица придворных, стоявших вокруг, и вельможи начинали вторить герцогу. Им хотелось плакать, бежать из Тауэра... Но они смеялись и даже хохотали.

Хастингсу связали руки за спиной, голову его положили на колоду, что лежала у дверей, и сам Тайрелл одним ударом отрубил ее. А когда после обильного и шумного обеда пьяные вельможи расходились из Тауэра, они в ужасе замирали перед обезглавленным телом самого знатного барона королевства.

Ричард запугивал всех — и друзей и врагов. Но планы его шли куда дальше.

Пока что он стягивал в Лондон верные ему отряды с севера. Он очень боялся восстания горожан. И потому не спешил.

Все надо делать шаг за шагом.

Ошибки исправлять будет некогда.

— Смотри, — говорил он своему союзнику, герцогу Бэкингему, — я начинаю следующее сражение. Один принц уже у меня в руках. Но второго я еще не добыл. И пока он в Вестминстере, все мои шаги к трону ничего не значат. Я могу топтаться на месте до смерти. Я не могу короноваться, потому что каждая собака начнет лаять: а настоящий ли король сидит в Вестминстере? Принцы должны исчезнуть.

— И как же вы намерены этого достичь? — спросил красавчик Бэкингем.

Ричард вдруг нахмурился.

— Ты хочешь слишком много знать, — буркнул он и отвернулся. — В последнее время я перестаю тебе доверять. Как Хастингсу.

Но Бэкингем не испугался Глостера.

— Даже вам, герцог, — ответил он, — не удержать власть в одиночестве. Без друзей не стать королем, особенно в стране, где большинство баронов вас не поддерживает, а народ вам не доверяет.

— Уходи, — приказал Ричард. — Но не смей покидать Лондон. Ты мне можешь пригодиться.

Чтобы не тратить времени даром, Ричард сам приехал в Вестминстерское аббатство. Как протектор и заботник о принцах. Поговорить по душам с королевой. Ведь не чужие люди!

Королева встретила его в зале аббатства. Рядом с ней стояли каноники и монахи.

Герцог и королева уселись на деревянные стулья с высокими спинками.

Маленького Дика не пустили в зал. Лиззи тоже осталась с братом. Королева не решилась рисковать судьбой детей.

Зато Алиса, одетая фрейлиной, стояла рядом с Джейн.

— Я приказал прислать вам оленины, — сказал Ричард. — Детям в это время года полезно свежее мясо.

— Спасибо, герцог, — ответила королева. — Сегодня я узнала, что коронация снова перенесена. Когда же мы коронуем Эдуарда?

— При первой же возможности, сестра, — улыбнулся Ричард.

Улыбаться герцог Глостер не умел. Пока он был серьезен, у него было обычное лицо с широким лбом, прямым носом, тонкими губами и выступающим вперед подбородком. Но стоило ему улыбнуться, как рот искривлялся, черные глаза превращались в щелочки, нос тянулся к губе, а подбородок вылезал вперед, как у старой ведьмы. И сразу становилось понятно: это плохой человек.

Королева вздрогнула и закрыла глаза. Она понимала, насколько опасен ее враг, но еще тешила себя надеждой, что он не посмеет пойти против всей Англии и лишить ее сына трона.

— Как себя чувствует мой сын? Я хочу его увидеть, — сказала королева.

— Это слишком опасно, — возразил Ричард. — Я не могу

везти его через весь Лондон, когда существуют заговоры против молодых принцев. Но если вы хотите, то в любой момент можете приехать в Тауэр и встретиться с Эдуардом.

— Я не хочу покидать аббатства, — спокойно ответила королева. — Если моему сыну опасно появляться на улицах Лондона даже под вашей охраной, то мне и тем более не стоит предпринимать подобную поездку.

— Вот именно поэтому я и приехал за вашим вторым сыном, — с фальшивой улыбкой проговорил Ричард. — Эдуарду плохо без братика. Он скучает и ломает игрушки.

— Ломает игрушки?

— Да, он сломал игрушечную лошадку.

— Эдуарду скоро тринадцать лет. Он взрослый юноша, — оскорбилась королева. — А вы говорите о нем как о несмышленыше. И я могу вас заверить, что если вы будете продолжать так обращаться с ним, то, став королем, он сможет вас наказать.

Ричард вздрогнул, словно его ударили.

А королева пожалела о своих словах, но вернуть их уже было нельзя.

Алиса старалась не смотреть на Елизавету. Страх королевы за сына долетел до нее, как камень, и ударил в грудь. Как же жалко Алисе было королеву!

— Я думаю, сестрица, — Ричард взял себя в руки, — что вы добровольно согласитесь отпустить мальчика поиграть в лошадки со старшим братиком. Здесь небезопасно. А народ требует, чтобы принцы остались в Тауэре.

— Здесь Ричарду безопаснее, — решительно ответила королева. — Даже вы не можете прислать своих головорезов, чтобы они вытащили его отсюда. Даже вы!

— Мне не надо никого присылать, сестрица, — сказал Ричард, — потому что я надеюсь на ваш разум. Вы сами приведете его туда. И если вы отдадите мне Ричарда, то я дам вам слово рыцаря и герцога, что и пальцем не трону племянников и через две недели состоится коронация. Это мое слово. И я могу поклясться у алтаря аббатства. В присутствии всех епископов королевства.

Ричард поднял руку, и по проходу между скамей к ним двинулась целая процессия.

Это шли епископы и высшие каноники, которых по приказу Глостера свезли со всех концов Англии.

Впереди шествовал сам архиепископ Кентерберийский.

— Говори, — приказал Ричард, словно он уже был королем Англии.

— Ваше величество королева, — сказал архиепископ, — мы пришли к вам с просьбой. Во избежание вражды в королевстве, ради всеобщей любви, мы просим вас отпустить младшего принца к старшему, чтобы мальчики до коронации побыли вместе. Мы не можем ручаться за безопасность принца Ричарда в аббатстве. Но ему ничто не будет угрожать в Тауэре под высоким покровительством герцога Глостера.

— Скажите мне, святой отец, что заставило вас изменить точку зрения? — изумилась королева. — Ведь еще неделю назад вы мне говорили, что я и мои дети в полной безопасности в аббатстве?

Наступила пауза. Словно епископы, как актеры на сцене, вдруг забыли слова. Они смотрели на Ричарда. А тот не сдержал своей страшненькой улыбки.

— Я сам скажу, — произнес он. — Дело в том, королева, что твой друг и покровитель, епископ Йоркский, который и впустил тебя с детишками в аббатство, арестован по обвинению в государственной измене. Он готовил заговор против твоих же детей. Один из руководителей заговора, лорд Хастингс, уже лишился головы. А второй — епископ Йоркский — еще ждет своей участи.

— Этого не может быть! — воскликнула королева. — Епископ — святой человек! Ему никогда и в голову бы не пришло злоумышлять против принцев или тебя.

— Ты мало знаешь людей, королева. А люди — предатели. И мне придется казнить епископа.

— Умоляю тебя, не надо! — Королева вскочила со стула. Она готова была упасть на колени перед Ричардом.

— Жизнь старика в твоих руках, — лицемерно вздохнул Ричард. — Если ты пойдешь мне навстречу, я сохраню ему жизнь.

— Королева! — сказал архиепископ Кентерберийский. — Мы молим вас спасти жизнь нашему собрату!

— Ценой жизни моего ребенка?

— Но ведь его жизни ничто не угрожает! Родной дядя готов взять на себя заботу о нем.

— Вы сами не верите ему! — Королева повернулась, чтобы уйти.

— Стойте, ваше величество, — сказал тогда архиепископ. — Мы не можем больше потворствовать вашим женским капризам. Церковь Англии отказывает вам в праве убежища. Вы и ваши дети должны сегодня же покинуть монастырь!

— И тогда я сам позабочусь о том, где вы будете жить дальше. — Ричард не скрывал своего удовольствия, он смеялся.

Уж лучше бы он не смеялся!

Епископов и каноников было много, человек тридцать. Ричард позаботился о том, чтобы их было как можно больше.

Они окружали королеву, оттолкнув Алису и Джейн.

Священники кричали на Елизавету, проклинали ее за бездушие, за то, что она не хочет спасти жизнь епископу Йоркскому.

А архиепископ громовым голосом приказал стоявшим позади монахам:

— Ведите сюда юного принца!

Услышав эти слова, королева стала биться, стараясь вырваться из рук епископов, но куда ей было справиться с ними! Ведь именно те люди, что дали ей убежище, теперь отдавали ее в руки злейшего врага.

Мальчика привели, вернее, притащили. Дик сопротивлялся, упирался, падал на пол и кричал:

— Я хочу к маме! Отпустите меня, негодяи! Я вас всех накажу!

Завидев принца, Ричард стремительно подошел к нему и поднял на руки. Он сжал принца так сильно, что у того перехватило дыхание.

— Как хорошо, мой мальчик! — сказал он. — Сейчас ты

поедешь со мной и увидишь своего братца. Ты соскучился по брату?

Королева стояла, опустив руки, и тихо плакала.

Ричард быстрыми шагами вышел из аббатства, за ним потянулись епископы.

Глава пятнадцатая

ДРАГОЦЕННОСТИ КОРОЛЕВЫ

Джейн пыталась успокоить королеву, даже принесла каких-то капель. Но ничто не могло утешить Елизавету. И понятно почему. Она не рыдала, не металась, не ругалась, а просто сидела в своем кресле и молчала. Она никого не видела, не ела, не спала...

Как беды меняют людей!

В те дни маленькая, капризная, взбалмошная Лиззи стала хозяйкой Вестминстера. И хозяйство у нее было немалое. К ней теперь шли за советом все обитатели аббатства и даже монахи. Ведь епископ Йоркский все не возвращался, и теперь уже никто не знал, сдержит ли слово Глостер. А может быть, епископа уже нет в живых?

— Надо срочно связаться с Генри, — заявила Лиззи, как только они с Алисой остались одни. — Пускай он соберет отряд рыцарей и приплывет сюда из Франции. Тогда все лондонцы придут к нему на помощь, мы выгоним дядю Ричарда и освободим братьев.

— А он богатый? — спросила Алиса.

— Довольно богатый, — неуверенно ответила Лиззи. — Но его замки в Англии, а во Франции у него ничего нет.

— А ты знаешь, что даже небольшой отряд рыцарей надо кормить? — спросила Алиса. — И перевезти их через пролив тоже стоит больших денег. Война — это очень дорогое занятие.

— Но мы не можем ждать! — воскликнула Лиззи. — Мы должны действовать!

— Отличная мысль. Надо посоветоваться с умными людьми.

— Но епископ Йоркский еще не вернулся, — осторожно сказала Лиззи. — А мама ни с кем говорить не хочет.

Уже стемнело, опять занялся дождь — ох уж и дождливая весна выдалась в 1484 году!

В комнате королевы было совсем темно. Только окна, забранные решетками, как будто слегка светились снаружи.

— Ты не спишь, мама? — спросила Лиззи.

— Нет, — ответила королева, но не сразу, а словно проснулась и некоторое время пыталась собраться с мыслями.

— Это мы с Алисой, — сказала Лиззи.

— Что вы хотели сказать?

— Нельзя так сидеть и ничего не делать, — сказала Лиззи. — А то дядя Ричард решит, что мы безопасные и над нами можно издеваться, как он пожелает.

— Пускай он думает, — ответил из темноты голос королевы, — что мы беззащитные и безвредные. Именно так.

— Ваше величество, — сказала Алиса, хотя ей очень хотелось назвать королеву тетей Лизой, — он не успокоится. Он еще что-нибудь придумает.

— Интересно, — сказала королева, — очень интересно. И зачем ему что-то придумывать?

Алиса постаралась облечь свои мысли в слова, но боялась, что королева подумает, что Алиса — обыкновенный ребенок, который лезет к взрослым со своими глупостями.

— Он завладел принцами, но не решается сделать последний шаг. Он боится причинить им зло. Но и выпускать их не хочет.

— Он никогда не выпустит моих сыновей, — печально сказала королева. — Это для него поражение. Ты же понимаешь почему?

— Я понимаю, — ответила Алиса.

— И я понимаю, — сказала Лиззи. — Он сам хочет стать королем.

— И ему надо придумать, почему Эдуард или Ричард короноваться не смогут, — добавила Алиса.

— Почему же? — спросила королева так, будто сама знала ответ.

— Ну говори же! — топнула ногой Лиззи.

— Потише, — остановила ее Елизавета. — Мы не знаем, где у этих стен уши.

— Он будет искать в них какой-то недостаток! — заявила Алиса. — И вот тогда он станет по-настоящему опасным. И объявит о своей коронации. Он не допустит, чтобы кто-то из твоих братьев стал королем.

— Но они принцы крови! — возмутилась Лиззи. — Мой отец был королем, вот сидит моя мама — кому же наследовать трон, как не Эдуарду или Ричарду?

— Рано или поздно он придумает, — вздохнула королева.

И в темной комнате повисла тягучая тишина.

— Мама, — нарушила тишину Лиззи. — Пускай мой Генри соберет войско и выгонит дядю Ричарда.

Королева тихо рассмеялась:

— А ты уверена, что ему хочется спасать тебя от Ричарда?

— Мама!

— Многие уже отвернулись от нас. Люди склоняются перед силой, даже если она жестокая и несправедливая. Многие помнят, что Ричард и его солдаты могут убить или ограбить любого. Он не знает, что такое стыд.

— Мой Генри Ричмонд не такой! Он говорил, что любит меня! Значит, он меня не предаст.

— Подожди, еще только вечер, — сказала королева. — Затем будет ночь. И только после нее может наступить утро. А может и не наступить.

— Утро обязательно будет, — сказала Алиса.

— Спасибо, девочка.

— Я думаю, мы должны что-то сделать для наших принцев, — сказала Алиса.

— Что мы можем сделать? — вздохнула королева. — Он нас к ним не пропустит.

— А у вас еще есть деньги? — спросила Алиса.

— У меня нет денег, я никогда не имела собственной казны, а семейные деньги хранились у моего брата, графа Риверса, которого Ричард убил и, наверное, ограбил весь его замок. Но у меня есть драгоценности — подарки короля.

— Неприступных крепостей не бывает, — решительно сказала Алиса. Где-то она эту фразу вычитала. — Главное —

отыскать к ним ключ. Мы должны подумать, кого можно подкупить, чтобы он рассказал нам про братьев.

— Правильно! — подхватила Лиззи. — Мы подкупим тюремщиков, а потом я туда проникну и спасу братишек.

— Не надо пустых надежд. Нет ничего горше, чем расставаться с ними, — сказала королева.

— Мальчиков из Тауэра нам не вытащить, — согласилась Алиса.

— Но попробуй узнать... — начала королева, осеклась на полуслове и сказала совсем другим голосом: — Нет, никуда ты не пойдешь! Даже если ты сирота, Господь Бог следит за тем, чтобы тебя не обижали взрослые люди. Я посылаю тебя, словно ты — взрослый мужчина. Я не жалею тебя, потому что погружена в собственные беды и заботы. Прости меня, Алиса, но я думаю, что сейчас тебе лучше всего вернуться домой и забыть обо мне и моих детях. Ты ведь умная девочка, ты понимаешь, что он не оставит нас в живых.

— Он трус, — сказала Алиса. — Такие жестокие и крикливые люди — всегда трусы. Им приходится вопить погромче, чтобы их боялись.

— Ричарду не нужно громко кричать, — покачала головой королева. — Ему достаточно шевельнуть пальцем, и ты останешься без головы.

— И все-таки я постараюсь пробраться в Тауэр, — твердо сказала Алиса. — Я хочу узнать, как там ваши дети...

— Странно, — задумчиво произнесла королева. — Зачем тебе так рисковать и подвергать себя такой опасности? Ведь ты ничего от этого не получишь.

Не могла же Алиса сказать, что это — ее школьное задание: узнать судьбу принцев Эдуарда и Ричарда, которые пропали без вести в 1484 году в замке Тауэр посреди Лондона и которых с тех пор, как их отвез туда Ричард Глостер, никто больше не видел. Столько об этом было написано романов и трагедий, но тайна так и осталась неразгаданной.

И уж конечно Алиса, отправляясь в XV век, и вообразить не могла, что привяжется к английской королеве и ее детям и даже их полюбит.

Королева замолчала, и Алиса поняла, что ее что-то сму-

щает. Что еще случилось? Сколько живешь, никогда не разберешься в этих средневековых проблемах!

— Лиззи, позови Джейн, — сказала королева. — А ты, Алиса, принеси свечи и зажги их. И чтобы больше здесь никого не было.

Через десять минут на столе перед Елизаветой стоял шандал с тремя свечами. В комнату вошла Джейн и недоверчиво покосилась на Алису.

— У меня нет секретов от этой девочки, — сказала королева. — Может быть, от нее зависит жизнь моих детей.

— Я тоже верю ей, — сказала Джейн.

И Алисе было приятно это слышать, потому что она чувствовала, что Джейн — верный человек.

— Помоги мне, — попросила фрейлина Лиззи.

Принцесса знала, в чем дело. Она подошла к Джейн сзади и принялась расшнуровывать платье. Платье было стянуто кожаными ремешками, и развязать их было довольно сложно. Королева снова погрузилась в печальные мысли. Пламя свечей колебалось, по стенам и потолку бродили черные, уродливые тени. Далеко-далеко запела труба, видно, на сторожевой башне возвещали наступление новых суток.

Наконец платье Джейн сзади разошлось, будто жук расправил крылья. Лиззи запустила руку в разрез и с трудом вытащила прикрепленный к поясу платья изнутри длинный кожаный мешочек, похожий на стручок. Не такой уж большой, но, видно, тяжелый.

Лиззи положила мешочек на стол.

Королева взяла небольшой кинжал и разрезала нитки, которыми был стянут стручок.

И тут Алиса не смогла сдержать возгласа удивления.

Раскрывшийся вдоль стручок, как переспелый горох, был набит драгоценными камнями. Пламя сразу же заиграло на гранях, по комнате забегали лучи и лучики, словно внутри каждого камушка пылал маленький пожар.

Королева внимательно наблюдала за Алисой, будто хотела увидеть на ее лице жадность или коварство.

Но, видно, ничего такого не углядела, потому что печально улыбнулась и сказала:

— Если нас оставил Господь и люди, мы можем надеяться только на презренные деньги.

Королева выбрала несколько камней, беззвучно шевеля губами, как будто подсчитывала, сколько стоит каждый из них.

— Вот этот бриллиант, — сказала она, подзывая к себе Алису, — привезен из Индии. Ты слышала о такой дальней земле?

Алиса кивнула, хотя и не была уверена, может ли она соглашаться или Индию еще не открыли и никому, кроме королей, знать о ней в Лондоне не полагается. Но королева не удивилась познаниям Алисы. Видно, она понимала, что после крестовых походов и завоевания Иерусалима с Востока пришло немало товаров и сказок. Королева сама рассказывала детям сказки царицы Шехерезады.

А Алиса подумала: «Вот бы меня к ним сказочницей! Я бы им и о Курочке Рябе рассказала, и о Синдбаде-мореходе, и даже о Карлсоне, который живет на крыше!»

Сколько сказок еще не придумано!

— А это испанский рубин, — сказала королева, тонким пальцем дотронувшись до кровавого сгустка, который пылал так мрачно, словно был не драгоценным камнем, а окном в преисподнюю. — Подарок гранадского халифа моей бабушке. Как-нибудь я расскажу тебе эту историю.

Говоря так, королева переложила горстку камней в свой бисерный кошелек, а остальные снова сложила в кожаный мешочек. Джейн села его зашивать.

— Завтра утром, — сказала королева, — Джейн продаст менялам два камня. Часть денег Алиса возьмет с собой в Тауэр.

— Мама, а можно я схожу в город вместе с Джейн? — спросила Лиззи. — Мне так надоело сидеть в аббатстве.

— Ты хочешь оставить меня круглой сиротой? — грустно усмехнулась королева. — Не покидай меня!

— Ой, что ты! Мне и в голову это не могло прийти! — воскликнула Лиззи.

Алиса уже придумала план, как проникнуть в Тауэр. Только она не хотела делиться им с королевой. Нечего вмешивать тетю Лизу. Ей и без того горько. Сейчас мы уйдем к

себе, а она будет сидеть в кресле, смотреть на старую луну, порезанную решетками окна, и плакать, потому что ей так страшно!

Кое-что из завтрашней истории Алиса помнила.

К сожалению, она отлично знала о том, что сделает Ричард в ближайшие дни, чтобы захватить трон. Но сказать об этом не могла.

А вот о другом она не помнила и не знала, потому что об этом не знал ни один человек ни в XV, ни в XXI веке. Никто не знал, что случилось с принцами, после того как они попали в Тауэр.

Это и должна была узнать Алиса.

А вот что она сделает, узнав об этом, Алиса сама не подозревала.

Глава шестнадцатая

ЛАЗУТЧИЦА В ТАУЭРЕ

Замок Тауэр — большое хозяйство. Там живет король и множество придворных, там устраивают пиры и серьезные тайные встречи, там заседает государственный совет и высший суд. Наконец, там обитают вороны, громадные черные птицы. Говорят, что когда Тауэр еще только построили, они слетались туда, чтобы полакомиться сердцами казненных, которые много дней оставались на виселицах.

Всех обитателей Тауэра надо кормить, за всеми приходится убирать и чистить, всех надо охранять. Поэтому помимо тех, кто живет в Тауэре, туда приходят на работу сотни слуг, уборщиков, поваров, разносчиков, носильщиков, плотников, кровельщиков, водопроводчиков, точильщиков ножей и музыкантов. Поэтому, когда утром в ворота Тауэра потоком вливаются служивые люди, стражники у ворот смотрят на них снисходительно и проверяют далеко не всех.

В любом случае дальше кухни или прихожей их не пустят. Во внутренних покоях своя стража. И очень строгая. Новый господин, герцог Глостер, строго следит за порядком. Ему ничего не стоит отдать приказ: казнить повара, который не вытер ног, входя во дворец, или музыканта, взявшего фальшивую ноту. Ричард так любит показать свою образованность и музыкальность. Все в Тауэре трепещут при одном упоминании его имени.

Но утром, особенно если снова сыплет дождик и дует пронизывающий ветер, стражники на входе не очень-то проверяют служивых людей. А уж мальчишку, который нес мешок с капустой, пропустили не глядя.

У Алисы была одна подсказка, на которую она очень надеялась.

Она знала, как звали констебля Тауэра, то есть коменданта крепости. Ведал он не только охраной, но и всеми пленниками, которых там держали. Это не значит, что Алиса могла подойти к нему и спросить, где искать принцев. Но, по крайней мере, она понимала, что сэр Томас Брендбьюри должен сам заботиться о таких высокородных пленниках Тауэра, как наследные принцы королевства.

Неизвестно, как сложится судьба страны, но, вернее всего, Ричард Глостер не посмеет причинить им вред. А раз так, то наступит день, когда на трон все же взойдет Эдуард, и тогда лучше пускай он припомнит доброго сэра Томаса, чем злобного тюремщика Брендбьюри.

Алиса думала, что все так и должно быть. Вряд ли этот констебль отличается от других тюремщиков и комендантов во всем мире.

Джейн и паж Грини постарались разузнать еще что-нибудь о хозяине Тауэра, но ничего особенного не узнали. Ворует ли, жадный ли — вот что было важно. Жадный, но в меру. Если и ворует, то его не поймали.

Есть у сэра Брендбьюри семья — трое или четверо детей, вечно недовольная и крикливая жена. Вот и все.

Любит вкусно покушать и выпить эля в пивной на набережной Темзы. Но кто не любит?

Отнеся капусту на кухню, Алиса спокойно отправилась бродить по зеленым лужайкам Тауэра, которые оказались не такими уж и веселыми. Сразу за гигантским кубом дворца стояли две виселицы, на одной из них висел казненный. На плече у него сидел ворон. У входа во дворец валялась большая деревянная колода, вся в крови. Поваренок сказал Али-

се, что кровь эта — бычья, тут мясники разделывают туши. А другой поваренок рассмеялся и сказал:

— Ты меньше верь этому бездельнику. Это кровь лорда Хастингса. Недавно герцог Глостер отрубил ему здесь голову. Сам отрубил.

Нагулявшись, Алиса спросила кого-то из слуг, где дом мистера констебля. Слуга показал на двухэтажный домик в ряду тех, что прижались изнутри к крепостной стене. Алиса уселась на траву и стала ждать, когда констебль выйдет из дома.

Вокруг спокойно текла обычная утренняя жизнь.

По дорожкам, протоптанным от башен к дворцу и арсеналу, спешили люди. В Тауэре в такое время дня никто не отдыхает, даже самые важные бароны королевства, которых принц Ричард созвал из разных графств на какое-то совещание. И как сказали Алисе другие мальчики на побегушках — Алиса ведь тоже мальчик на побегушках! — совет с баронами принц будет держать после обеда.

Рядом с Алисой по зеленой траве разгуливали вороны, черные с синим отливом, каждый размером с гуся. Они тут были хозяевами, они прожили здесь триста лет и такого навидались, что ни одному человеку не приснится! А уж человеческого мяса наклевались досыта! Даже в самые голодные времена в еде у воронов недостатка не было.

На Алису вороны поглядывали с интересом, будто примеривались, скоро ли она попадет к ним на обед. Но не приставали и вопросов не задавали, хотя считается, что вороны умеют говорить.

Ждать Алисе пришлось недолго.

Когда солнце поднялось над башнями арсенала и залило лучами зеленые лужайки, дверь дома констебля открылась, и оттуда вышли два тюремщика в кожаных передниках.

Один нес кастрюлю, второй — оловянные миски и чашки, а также медный кувшин.

Следом за тюремщиками гордо выступал худой, сутулый, строгого вида пожилой мужчина с раздвоенной на конце седеющей бородой. Он был в синем, расшитом серебром камзоле и высокой шляпе, из-под которой торчал острый кон-

чик красного носа. Порой на конце носа собиралась капля, и мужчина вытирал ее черной перчаткой.

Сразу за стариком шагали два мальчика, очень похожих на строгого бородача, только бород у них еще не было.

Они старались не отставать от старика и во всем ему подражали.

Алиса догадалась, что видит господина Брендбьюри, констебля Тауэра, и его малолетних отпрысков.

И они почти наверняка несут еду принцам в башню. Кого другого пойдет кормить сам констебль, на кого захотят поглядеть его сыновья, из-за кого вдруг так взволновались вороны и один за другим повзлетали на крепостную стену?

Алиса поднялась с травы и не спеша, словно гуляя, пошла следом за констеблем.

Она прислушивалась к разговору между отцом и сыновьями.

— Папа, — заныл мальчик, который был поменьше, — а у принца Ричарда есть мячик, полосатый. Можно я его отниму?

— Сынок, — отвечал серьезный констебль, — я не советую тебе этого делать, потому что не исключено, что принц Эдуард выберется из нашего с тобой Тауэра и станет королем. И тогда он вспомнит: «А где тот самый мальчик Робин Брендбьюри, который отнял у меня любимый мячик — последнюю забаву несчастного узника? Где его отец, который разрешил сыну обидеть пленника?»

— А мы здесь! — ответил второй мальчик.

— И это будет ошибкой, мой дорогой Питер, — по-прежнему серьезно сказал его папа. — Потому что молодой король тут же воскликнет: «Позвать главного палача! Отрубить головы братьям Брендбьюри, а также их ни в чем не виноватому папе, который так и не смог накопить деньжонок на поместье в Девоншире!»

Голос констебля задрожал. Так ему стало жалко себя и своих сыновей.

— Я понял, — сообразил Робин. — Пускай этот паршивый принц играет своим паршивым мячом. У нас будет мячик получше.

— Ох, не на мое жалованье! — вздохнул констебль.

— А может быть, папа, нам лучше не называть принцев паршивыми? — спросил осторожный Питер.

— Почему же нет? — возмутился Робин. — Если посадили в Тауэр, значит, паршивые. Дыма без огня не бывает. Хорошего человека в тюрьму не посадят.

— Дети, дети! — вздохнул констебль. — Правосудие порой совершает ошибки, особенно когда это касается высокопоставленных особ. Давайте не будем торопить события. Придет время, и всех, кого надо, назовем паршивцами.

Тут процессия дошла до невысокой двухэтажной башни, совсем недалеко от ворот Предателей, куда под подъемную решетку причаливали лодки с Темзы, если кто-то не хотел входить в крепость через главные ворота.

У низкой деревянной, обитой железными полосами двери стояли два стражника. И не дремали. Один стражник опустил алебарду, а второй громко спросил:

— Кто идет? Какой пароль?

— Не узнаешь своего начальника, что ли? — беззлобно спросил констебль.

— Мой начальник — начальник караула, и он пароль знает, — ответил стражник. — А начальник караула подчиняется только его высочеству. Так что говори пароль, констебль, или проваливай отсюда.

— А вот тогда принцы останутся без еды и помрут с голоду. Кого будем за это винить?

— Ну уж не нас, — сказал второй стражник. — Мы-то выполняли свой долг, а вот кто-то забыл пароль дома.

— Я не забыл, — рассердился констебль. — Я его и не знал. Зачем мне пароль?

— Тогда оставайтесь здесь. Поставьте кастрюлю на порог, и мы, когда будем сменяться, отнесем еду наверх.

— Мой долг, — сказал констебль, — проследить, как едят принцы. Вы, надеюсь, понимаете, что это не простые заключенные.

— Ладно уж, — усмехнулся стражник, — пускай старик идет. Ты поднимись с ним, а я здесь побуду.

— А мы? — заканючил Робин.

— Подождете здесь, — строго сказал стражник.

Мальчишки посмотрели на отца.

— Идите домой, дети, — приказал констебль и скрылся за дверью, которую отпер стражник.

Мальчишки наперегонки побежали домой.

Стражник увидел Алису и прикрикнул на нее:

— А ты чего здесь крутишься, сорванец? Здесь тебе нечем поживиться! Беги отсюда, пока цел!

Алиса пошла прочь, стараясь не смотреть на стражника, чтобы он не увидел ее лица. Заодно она воспользовалась случаем, чтобы осмотреть со всех сторон башню и примыкающие к ней части стены. Что ж, теперь она наверняка знает, где скрывают принцев. Можно возвращаться.

Но как вернуться? Королева-мать будет спрашивать: «А как там мои детки, бледненькие или здоровыми выглядят, а может, похудели? Ведь они совсем не гуляют... А какие у них постельки и хороший ли у них аппетит?» Какая бы королева ни была умная, она все же мать, а матери всегда задают глупые вопросы.

На первом этаже башни окон не было, даже бойниц. Бойницы, или узкие окна, были видны только наверху, на втором этаже, туда не дотянешься.

Надо постараться заглянуть в башню сверху, с крыши. Алиса отошла в сторонку и стала мысленно представлять себе, как она туда заберется. Но потом поняла, что придется ждать темноты — иначе ее увидят со двора.

Тут еще, как назло, дождь разыгрался не на шутку, тучи совсем легли на зубцы стен. Люди, натянув на голову полы плаща или тряпки, перебегали между башнями и домами. Алиса тоже укрылась в неглубокой нише напротив входа в Садовую башню и видела, как стражник вывел поваров с кастрюлей и грязной посудой, и они побежали прятаться к главному дворцу, в подвале которого была самая большая кухня.

Оба стражника, чтобы совсем не замерзнуть, втиснулись в нишу двери.

«А что, если рискнуть?» — подумала Алиса.

Какой дурак в Тауэре будет сейчас задирать голову кверху?

Только надо все сделать так, чтобы ее не заметили из окон главного дворца.

Ну что ж, совершим восхождение со стороны реки.

Для девочки, которая на крымских скалах оставляла позади местных альпинистов, это не проблема. Главное — не попасть на глаза стражникам и не подвести королеву. Ведь этот подлый Ричард может закричать: «Вон там кто-то лезет, хочет освободить принцев! А ну, приказываю всех казнить!»

Алиса нашла укромный ход на внутреннюю крепостную стену, дождь избивал ее, стегал плетьми — да еще какими холодными! Но за такой стеной воды ее и в двадцати шагах не увидишь. Значит, можно потерпеть.

Вот и стена, тут уже можно спрятаться за зубцами. А вот тут — ничего не поделаешь! — придется прыгнуть. Да так, чтобы никто этого прыжка не увидел.

Два с половиной метра... Нет, не меньше трех... Правда, можно сразу приземлиться за зубцом башни. Она же невысокая, эта Садовая башня. Какой дурак назвал ее Садовой? Ведь никаких садов тут нет, и даже клубника не растет...

Теперь только не поскользнуться... Мама этого не простит!

Алиса сгруппировалась и прыгнула через пропасть шириной около трех метров.

Вы скажете: разве три метра — расстояние для прыгуна? Даже если ему двенадцать лет... Я отвечу: нет, не расстояние. Но попробуйте прыгнуть под ледяным ливнем, когда под вами в десяти метрах булыжная мостовая!

Алиса, конечно, прыгнула и сразу же сжалась в комочек на крыше Садовой башни. Половина дела сделана.

Как бы теперь пробраться внутрь башни?

Наверное, это невозможно. Придется спускаться по выступам камней, из которых сложена стена, до бойницы и разговаривать с принцами снаружи. Да так, чтобы стражники снизу не услышали. А это самое сложное. Ведь, несмотря на дождь, они стоят совсем рядом, и каждое слово до них донесется. Даже шепот.

Положение было сложное, но Алису трудно обескуражить.

Размышляя над тем, как бы поговорить с принцами, она продолжала осматриваться, разглядывать крышу. Крыша

башни была плоской, вокруг шли зубцы примерно в метр высотой. А посреди торчала труба...

Стойте! Это что еще за труба?

Ну конечно же — зимой башню топят, иначе там помрешь от холода!

Значит, в башне есть камин.

Надо было раньше догадаться, что на любой нормальной крыше всегда есть дымовая труба.

А нельзя ли в нее забраться?

Труба была довольно широкой. Забраться в нее мог бы даже взрослый мужчина. К тому же внутри ее некоторые кирпичи выступали как ступеньки. Они и были ступеньками для трубочистов. Если не спуститься, камин не вычистишь.

«Хорошо, — сказала себе Алиса, — я залезу внутрь. И надеюсь, что никто не станет разводить в камине огонь».

Она улыбнулась. В апреле даже в обычном доме в Англии никто не будет топить камин, а уж в тюрьме и подавно. Вряд ли здесь о принцах заботятся как-то по-особенному. Констеблю это ни к чему. Алиса читала, что констебль Тауэра получал деньги на каждого заключенного, а жил на разницу. То есть чем меньше из отпущенных денег уходило на узника, тем богаче становился тюремщик. Конечно, выгоднее всего уморить узника голодом, но тогда деньги давать на него вообще перестанут. Лучше всего держать его впроголодь, но не дать помереть. Вот констеблю и приходилось решать сложную задачу, как ограбить узника, при этом его не уморив.

Рассудив так, Алиса спокойно стала спускаться по трубе. Изнутри труба была покрыта сажей и постепенно сужалась. Но Алисе не было страшно.

Неожиданно труба расширилась так, что Алиса чуть не грохнулась вниз. Внизу стало светлее. Алиса догадалась, что добралась до конца трубы, под ней уже камин — большая, подобная туристической палатке по форме и размеру, холодная печь.

Теперь надо спрыгнуть.

И как можно тише.

Но как можно тише не получилось.

Алиса сорвалась и грохнулась в пепел.

— Ой! — послышался крик.

И тут же раздался второй детский голос:

— Скорее вызывай стражу! Это убийца!

Алиса догадалась, что слышит голоса перепуганных ее падением принцев. Но появление стражи ее совсем не устраивало.

Алиса попыталась как можно быстрее выбраться из камина. Ей удалось высунуть голову наружу и громко прошептать:

— Спокойно, детки! Это я — Алиса!

Младший принц Дик заплакал.

Эдуард сообразил, что шума лучше не поднимать.

— Какая Алиса? — спросил он негромко.

— Помоги мне вылезти... и поймешь.

— Я ее знаю! — Маленький Дик перестал плакать. — Это наша Алиса. Это мой друг Алиса! Алиса пришла! Она нас освободит!

— Утихомирь ты его, а то стража прибежит, — сказала Алиса и стала вылезать из камина.

Дик подбежал было к ней, но при виде черного человека с белыми зубами замер и принялся рыдать.

— Это же сажа! — Алиса догадалась, почему Дик испугался. — Это черная сажа из трубы. Я же к вам с крыши пробралась — иначе ваших стражников не обмануть!

— Алиса, — бросился к ней маленький Дик, — уведи нас к маме! Они здесь такие злые! Я боюсь!

Эдди был старше и старался держать себя в руках. Этот мальчик никогда не забывал, что он — король Англии.

— Ты молодец, — сказал он, — что пробралась к нам. Я тебя награжу.

— Эдди! — улыбнулась Алиса. — Мы с тобой не во дворце и даже не на свободе. И я не могу здесь долго задерживаться. У вас есть бумага и перо?

— Зачем? — удивился Дик.

Он стоял рядом с Алисой, крепко взяв ее за руку, и смотрел снизу вверх.

— Зачем? — повторил Дик.

— Написать письмо маме. Она так переживает.

— Она здорова? — спросил Эдди.

— А сестренка Лиззи здорова? — спросил Дик.

— Все здоровы, — успокоила принцев Алиса.

Тогда Эдди развел руками и вздохнул:

— Ну откуда здесь перо и бумага?

— Надо что-то придумать, чтобы показать королеве Елизавете. Какой-нибудь привет от вас.

Эдди пожал плечами.

— А я знаю! — обрадовался Дик. — Я отдам маме свою веревку.

Он встал на четвереньки, заглянул под широкий топчан, стоявший посреди комнаты — на нем и спали принцы, — и вытащил оттуда плетеный шнурок в локоть длиной.

— Он выдергивал нитки из занавески, — пояснил Алисе Эдди, — и плел веревку, по которой мы спустимся и убежим. Но ведь окно такое узкое:

— Пускай мама пришлет с тобой толстую веревку, — сказал Дик.

— Эй! — послышался снизу крик стражника. — С кем вы болтаете?

— Друг с другом, — быстро ответил Эдди. — Сами с собой!

Стражник успокоился.

Эдди отвел Алису в угол, за топчан.

— Какие новости из Франции? — спросил он.

— Ты надеешься на Генри Ричмонда?

— А на кого нам еще надеяться?

— Но Ричард Глостер всем говорит, что скоро коронация, что у него и в мыслях не было лишать тебя трона.

— Я не верю дяде, — покачал головой Эдди. — Ты знаешь, что вчера он приходил сюда?

— Зачем?

— Он приказывал Эдди отказаться от короны, — вставил Дик.

— А ты?

— Я сказал ему, что я — законный король Англии, — гордо ответил Эдуард.

— Он рассердился?

— Дядя сказал, что я пожалею. Что буду локти кусать, что кровавыми слезами умоюсь.

— Он так и сказал — кровавыми слезами, — подтвердил Дик.

— Он не посмеет причинить вам вред, — сказала Алиса, хотя сама не была в этом уверена.

Они замолчали. Слышно было, как за стенами воет ветер и струи дождя молотят по крыше башни.

— Я пошла, — сказала Алиса. — По-моему, стражники открывают двери, чтобы проверить, как вы живете.

— Они проверяют нас каждый час, — сказал Эдди.

Принц снял с шеи цепочку, на которой висела золотая фигурка всадника, сражающегося с драконом.

— Это мой подарок, — сказал юный король. — Ты покажи его маме, но оставь себе.

Послышались голоса, кто-то поднимался по лестнице.

Алиса не стала терять времени на прощание.

Она нырнула в камин, но не посмела подниматься по трубе, потому что из комнаты ее наверняка услышали бы стражники. Алиса замерла, скорчившись в темной утробе камина.

— Дай-ка свечу вам поставлю, — сказал стражник. — А то небось страшно без света-то?

Он говорил без злобы, может, даже жалел мальчиков.

— Если голодные, — продолжал стражник, — вы мне только скажите. Я этому сэру Джону прикажу, чтобы побольше каши вам приносили. Вам много есть надо, ведь растете.

Стражник потоптался и вышел. Алиса услышала, как он спускался по лестнице.

Дик подбежал к камину.

— Ты еще здесь, Алиса? — прошептал он.

— Здесь, — откликнулась Алиса.

— Теперь уходи, — сказал Эдуард. — И скажи маме, что у нас все хорошо, одеяло есть и кормят. Не так, как у мамы, но кормят.

Алиса ждала, что он еще скажет.

— И относятся к нам неплохо. Если только дядя Ричард не придет.

— И еще эти мальчишки! — вмешался Дик. — Я их ненавижу! Я их казню, как только снова стану герцогом Йоркским.

— Ты о детях констебля? — догадалась Алиса.

— Они вредные и злые, — сказал Эдди. — И всюду суют свои длинные носы.

— А когда могут, что-нибудь воруют, — подхватил Дик.

— Хотя у нас и воровать-то нечего, — закончил Эдди.

— Вчера чуть мячик мой не утащили, — снова начал жаловаться Дик. — В последний момент я его отнял.

— Пожалуйтесь сэру Джону, — сказала Алиса. — Он их приструнит, потому что знает, что, выйдя на волю, вы им все припомните.

И Алиса полезла вверх по трубе.

Глава семнадцатая

ПРОПАВШИЙ ДОКУМЕНТ

Когда Алиса вышла из Тауэра, дождик прекратился. Солнце раза два пыталось выглянуть в просвет между облаками, но облака быстро набегали на его раскаленное лицо, и оно скрывалось в клубах пара.

Дело было к вечеру. Алиса, чтобы не терять времени даром, выбежала на берег Темзы и позвала лодочника. Как раз начинался прилив. Морская вода устремилась вверх по Темзе, и на некоторое время течение в реке остановилось и даже изменилось. Так что подняться на лодке вверх по течению было легко.

Лодочник, увидев измазанную в саже детскую фигуру, сначала даже и разговаривать не захотел — он ждал настоящего пассажира. Но Алиса вытащила из кармана серебряный пенс, и лодочник сразу сменил гнев на милость.

— Я спешу, — сказала Алиса. — Довези меня до Вестминстера.

— Будет сделано, — кивнул лодочник. — За полчаса управимся. А что это ты, парнишка, такой грязный?

— А я — ученик трубочиста, — ответила Алиса. — Я сегодня в Тауэре учился в каминные трубы лазить.

— Что ж, хорошая профессия, — одобрил лодочник. —

Нужда в трубочистах никогда не пропадет, даже через тысячу лет трубочисты будут нужны. Может, даже гребцов в лодках не станет, люди будут под парусами плавать. Но без трубочистов — куда без них?

Алиса соглашалась с лодочником и думала: «А ведь он не поверит, если ему сказать, что через шестьсот лет, когда я буду жить в Москве, многие уже забудут, что такая профессия вообще была на свете. Кому нужны трубочисты, если не стало труб, которые надо чистить от сажи и копоти?»

А лодочник всю дорогу до Вестминстера рассуждал о том, какие профессии стоят того, чтобы ими заниматься, а какие нет. Солдатом он быть не хотел: его брат полгода повоевал, вернулся без руки и без копейки, теперь живет на деньги своей жены, ее объедает и сам недоедает. Каменщиком он тоже не хотел быть: трудное дело, всегда на ветру, на холоде, под дождем, а еще надо кирпичи наверх таскать. Вот землекоп на кладбище — это уже лучше! Всегда можно от родных покойника монетку получить. Люди от горя мягчеют и хотят, чтобы другим было лучше, честное слово!

Темза была грязной, в нее сбрасывали все, что в будущем будет попадать в канализацию. Но по берегам все равно сидели рыболовы — неистребимое племя людей с удочками.

К реке выходили склады и сараи — к ним причаливали лодки, у складов разгружали баржи и круглобокие корабли из Франции и Нидерландов.

Вот и высокие шпили Вестминстера.

Алиса расплатилась с лодочником и побежала вверх по скользкому от дождя берегу, перепрыгивая через лужи.

Недалеко от входа в аббатство, где круглые сутки стоял караулом отряд северных гвардейцев герцога Глостера, собралась большая толпа. Люди были молчаливы и напряжены. И Алисе сразу почудилось что-то неладное в этой тишине.

Перед толпой, спиной к стене аббатства, на большой каменной тумбе, с непонятной целью поставленной там давным-давно, стоял солидный седобородый старец в черном, похожем на монашеское, одеянии и о чем-то вещал.

Голос у старца был пронзительный.

Но Алиса сразу обратила внимание на то, что тумба, на

которой стоял старец, окружена стражниками и среди них даже есть рыцарь. Значит, кто-то позаботился о том, чтобы оратор был в безопасности

Алиса подошла к толпе, чтобы лучше слышать.

— И пусть небо будет свидетелем страшного преступления, совершенного нашим покойным королем Эдуардом! — восклицал старец. — Он был законным образом обвенчан с Элеонорой Тайлер, которую потом предательски задушил в опочивальне, и мы найдем этому свидетелей.

— Кто это? — спросила Алиса у молодого подмастерья в кожаном переднике, который стоял рядом.

— Это доктор Шей, — ответил парень. — Брат лорд-мэра Лондона, ученый человек, законник.

По толпе прокатился невнятный шум. Люди как будто растерялись, но не поверить такому солидному человеку они не могли.

— И что это означает? — продолжал доктор Шей. — Это означает, что брак короля с так называемой королевой Елизаветой недействителен.

Он сделал паузу, словно ждал, пока значение его слов дойдет до слушателей, и потом повторил:

— Брак с Елизаветой недействителен!

Толпа охнула.

У Алисы в животе защекотало от страха. Что он говорит!

— Эта самая королева никогда не сможет показать нам документ о заключении брака, потому что его нет! Король Эдуард не был женат на этой грешнице! Он жил с ней в грехе! И прижил детей в грехе. Это не принцы и не принцессы. Это бастарды — то есть незаконные дети! Им не место во дворце! Им место на конюшне!

Доктор Шей размахивал руками, словно мельница крыльями, широкие рукава сползли к плечам, и из них торчали тонкие костлявые руки.

— Он врет! — закричала Алиса. Чего делать конечно же не следовало.

Сквозь толпу к ней сразу же кинулся стражник: видно, те, кто организовал это выступление, были готовы к такому повороту дел и имели приказ сразу же хватать всех смутьянов и бунтовщиков.

Алиса кинулась бежать, а в толпе шумели и возмущались. Многие стали мешать стражникам догнать Алису.

А когда доктор Шей снова хотел заговорить, в толпе поднялся такой шум, что он и сам себя больше не слышал.

Но дело было сделано. Уже к утру следующего дня в Лондоне все знали, что королева — ненастоящая, а дети Эдуарда — бастарды, рожденные вне брака, им вообще-то место на помойке.

А когда принцу Ричарду за ужином сообщили о словах доктора Шея, он громко возмутился: все его гости видели, как сильно он возмутился.

— Никогда! — закричал он. — Никогда я не позволю обливать грязью вдову моего возлюбленного брата! Немедленно арестуйте этого отвратительного доктора Шея! Я подозреваю, что он — самозванец. Не приходится ли он родственником уважаемому лорду-мэру нашей родной столицы?

Кто-то из придворных поспешил выкрикнуть:

— Он родной брат нашего лорда-мэра! И профессор Оксфордского университета!

— Не может быть! — Ричард был страшно удивлен. — И такой человек осмелился напасть на несчастную вдову?

Герцог в растерянности сел на свое место и опустил голову на руки. Целую минуту все в зале напряженно молчали, никто не смел и рта раскрыть.

Потом Ричард медленно поднял голову, обвел тяжелым взглядом зал и сказал:

— Никому нельзя верить! Никому. — И добавил: — Попросите у королевы документ о венчании. Она его нам даст, и никто не посмеет ставить под сомнение ее слова. И тогда мы коронуем Эдуарда хоть завтра. И я сам лично возложу на него корону. Вот так!

И Ричард отправил к королеве герцога Бэкингема, чтобы тот вежливо попросил у нее документ о браке с королем.

К тому времени, когда красавчик Бэкингем заявился в Вестминстерское аббатство, королева Елизавета уже обо всем знала.

Первой дурные вести ей принесла Алиса.

Королева же так ждала вестей о сыновьях, что рассказу Алисы о проповеднике докторе Шее не придала никакого

значения. Мало ли какие проповедники выступают у Вестминстера!

— Как там мальчики? — спрашивала она. — Как их содержат, хорошо ли они питаются, водят ли их гулять?

На некоторые вопросы Алиса смогла ответить, а на другие — нет. Когда она показала королеве, Лиззи и леди Джейн веревочку, сплетенную маленьким Диком для побега из тюрьмы, все заахали, а чувствительная Джейн расплакалась.

Потом Алиса показала золотого всадника на цепочке, которого ей подарил Эдди, Лиззи рассердилась и сказала, что это — знак ордена Подвязки, а Алиса не может быть рыцарем и поэтому должна вернуть орден обратно.

— Не обращай на нее внимания, — сказала Алисе королева. — Лиззи так переживает, что теряет разум.

— Я не теряю разум! — возразила рыжая принцесса. — Просто я знаю: что положено благородным, простым людям нельзя. А то они обнаглеют, потребуют свободы, захотят охотиться на оленей в королевских лесах, как тот паршивый разбойник Робин Гуд!

Алисе надоело слушать трепотню неумной девчонки, и она сказала королеве:

— Меня очень испугало выступление доктора Шея. Его хорошо охраняли, кто-то оповестил народ и созвал на площадь. И главное — он был очень уверен в себе. Почему он решил, что вы не настоящая королева и не были замужем за королем?

— Какая чепуха! — возмутилась королева. — Что плохого в том, что наша свадьба была тайной? У меня есть дети, которые унаследуют корону Англии!

— А может быть, Ричард хочет, чтобы они ничего не унаследовали?

— У меня есть документ...

В этот момент вошел монах и сообщил, что к ее величеству с визитом прибыл герцог Бэкингем. По поручению протектора Англии принца Ричарда.

Королева велела всем покинуть комнату. Она не хотела, чтобы герцог увидел Алису. Впрочем, и Лиззи лучше не присутствовать при разговоре. Наверняка опять какие-нибудь неприятности!

Все отошли за портьеру, которая отделяла дневную гостиную королевы от ее опочивальни.

Лиззи, Джейн и Алиса уселись рядом на широкой кровати и стали слушать. Им ведь тоже было интересно узнать, зачем вдруг приехал второй человек в государстве.

А вдруг он хочет объявить, что принцы возвращаются домой, чтобы получше подготовиться к коронации?

— Наверное, вы, ваше величество, хотите узнать, как живут ваши сыновья в Тауэре? Могу вас заверить, они ни в чем не нуждаются, совершенно здоровы и веселы. Должен сказать, очень милые мальчики.

— Спасибо, — услышала Алиса спокойный голос королевы. — Я благодарна вам, герцог, что вы приехали специально, чтобы сообщить нам о здоровье короля Эдуарда и его брата. Может быть, вы хотите также сообщить мне о дне коронации?

— Как бы я был рад это сделать! — с чувством ответил герцог Бэкингем. — Как я сам жду этого момента! Но тут произошла одна история... Право же, я не знаю, как поведать о том вашему величеству...

— Я жду.

— Возник чисто формальный момент... Простая формальность, не думайте, что за этим что-то скрывается...

Наступило молчание.

Если бы Алиса верила этому герцогу, она бы и впрямь подумала, что он мучается от каких-то благородных чувств, не в силах выразить свои переживания. Но ведь он кривляется!

Это она сама прошептала или кто-то рядом?

Наверное, не сдержалась фрейлина Джейн.

— У вас есть документ: свидетельство о вашем бракосочетании с его покойным величеством? — спросил наконец Бэкингем.

— Разумеется, — с достоинством ответила королева.

И только Алиса угадала, почему ее голос дрогнул.

— Для того чтобы церемония коронации прошла без сучка без задоринки, архиепископ должен зачитать этот документ на государственном совете. Так всегда делается перед коронацией. Следует развеять подозрения врагов относительно того, что ваш брак мог быть незаконным. А может, его и вовсе не было?

Сейчас он вежливо улыбнулся, догадалась Алиса.

— К сожалению, нашу свадьбу мы праздновали в узком кругу, и, разумеется, вас в числе приглашенных не было, — сказала королева.

— Тогда тем более у меня могут быть сомнения, — прозвучал голос герцога. — Прикажите принести документ.

— Как вы знаете, — ответила королева, — мы живем здесь, как на постоялом дворе. Все перепутано. Я порой своих туфель отыскать не могу. Так что передайте вашему хозяину, что я в ближайшие дни отыщу этот документ.

— Не в ближайшие дни, — голос герцога изменился, в нем зазвучала жесть, — а сегодня! Вопрос о коронации обсуждается именно на сегодняшнем государственном совете. И поторопитесь!

— Не смейте говорить со мной таким тоном!

— А почему? Если ты не королева, а обычная интриганка? Почему я должен тебе кланяться?

Лиззи рванулась вперед. Алиса и Джейн еле успели схватить ее. Фрейлина принялась успокаивать девушку, что-то шептать ей на ухо.

— Убирайся вон, лакей Глостера! — приказала королева. И голос ее прозвучал так холодно, что у Алисы мурашки пробежали по спине.

— Ты пожалеешь о своих словах, Елизавета из низкого рода Греев!

Затопали каблуки Бэкингема.

Хлопнула дверь.

Алиса, Лиззи и леди Джейн бросились в комнату.

Королева рыдала в кресле.

— Как он смел! Как он только посмел!

— Все это связано и просчитано заранее, — сказала Алиса.

— Я и без тебя понимаю, — ответила королева, всхлипывая. — Я все понимаю, но как это унизительно!

— Если вы позволите, ваше величество, — произнесла леди Джейн. — Я чувствую, что именно теперь вашим детям грозит самая страшная опасность. Если раньше Ричард не

смел и пальцем тронуть принцев крови, то с бастардами, мать которых не была королевой Англии, он может делать все, что захочет. И ему даже выгодно будет, чтобы они исчезли. Мне страшно так говорить, ваше величество...

— И не смей так говорить! — оборвала фрейлину Елизавета. — Я все понимаю не хуже тебя. Но я не вижу никакого выхода. Никакого...

— Наверное, он замыслил все это давно, — сказала Алиса.

Королева кивнула:

— Я тоже так думаю...

— Мама, — сказала Лиззи, — а ты отдай им этот документ. Пускай все видят, что ты была женой нашего папы! Или еще лучше: дай монахам прочесть его перед народом у дверей Вестминстера!

Королева отрицательно покачала головой.

— Помнишь, — спросила она, — пожар в библиотеке? Там еще была фея Моргана...

— Помню, но при чем тут документ?

— Алиса, что ты тогда видела?

— Она копалась в шкатулке и достала оттуда документ... Наверное, именно его фея и взяла с собой. А остальное сгорело...

— Алиса вынесла шкатулку, но документа о нашем браке в ней не оказалось, — сказала королева. Она нахмурилась, а потом добавила: — Мне бы тогда сообразить, что за документ ей понадобился! Но как я могла догадаться? Ведь в шкатулке были и другие важные бумаги. Как я могла понять, что сгорело, что выпало, а что понадобилось воровке?

Фрейлина Джейн в отчаянии ломала пальцы.

— Какой негодяй! — шептала она. — Какой негодяй! Он замыслил это уже давным-давно!

— Не знаю, — ответила ей королева, и Алиса мысленно согласилась с тетей Лизой. — Возможно, ему подсказали. Если эта мерзкая фея Моргана у него в союзницах, то идея объявить, что принцы — вовсе не принцы, могла принадлежать именно ей.

— Но ведь этому никто не поверит! — воскликнула Лиз-

зи. — Никто и никогда! Мой добрый народ знает, что мы все — законные дети нашего отца.

— Народ будет думать то, что ему прикажут думать, — печально сказала королева. — А когда спохватится и разберется, что хорошо, а что плохо, нам-то будет все равно.

— Почему? — спросила Лиззи.

— Потому что Ричард сделает так, чтобы нас больше не существовало.

— Вы только не расстраивайтесь, тетя Лиза, — сказала Алиса, и королева не возразила против такого обращения. А может быть, она просто не расслышала. — Для вас это и лучше.

— Почему?

— Потому что ваши дети больше ему не соперники. И он оставит их в покое.

— Есть человек — есть проблема, — вдруг сказала Джейн. — Нет человека — и проблемы нет, как говорил когда-то Джон Ди, покойный палач его величества, перед тем как поднять свой топор.

И против такого заявления нечего было возразить.

— В любом случае, — произнесла королева, — нашим детям больше нечего делать в Тауэре. С каждым днем там все опаснее...

Никто ей не ответил, потому что всем было ясно: принцев из Тауэра вызволить невозможно.

Невысокая, чуть повыше Алисы, исхудавшая королева подошла к камину, в котором потрескивали поленья, и стала греть руки в струе теплого воздуха.

— А раз невозможно, — сказала она, — значит, надо придумать, как это сделать...

Тогда заговорила Алиса.

Она как будто рассуждала вслух, потому что сама еще толком не понимала, что за мысль ее гложет:

— Освободить их силой мы не можем...

— Надо бы Генри позвать, — придумала Лиззи. — Он догадается, как взять штурмом этот Тауэр.

— И за это время они задушат моих мальчиков, — возразила Елизавета. — Я же знаю, какой приказ отдают страже, охраняющей важных пленников, которых ни в коем случае

нельзя выпустить на волю. Стражникам говорят: «Если дело дойдет до крайности, выполните свой долг!»

— А Генри далеко, — сказала Лиззи и зарыдала.

В жизни Алисе не приходилось видеть девочки, которая умела бы так часто рыдать и изливать из себя столько слез.

— Мальчиков надо освободить внезапно, чтобы стража не успела опомниться, — сказала королева. — Продолжай, Алиса, ты же хотела что-то предложить.

— Мы не можем напасть на Тауэр, — сказала Алиса. — Но у нас есть деньги.

— У нас есть деньги, — подтвердила королева.

— Надо найти человека, которого можно подкупить, — предложила Алиса.

— И который сможет нам помочь, — добавила королева. — Я такого человека пока не знаю.

— А я, кажется, знаю, — обрадовалась Алиса. — Я его даже видела.

— Кто же он?

— Констебль Тауэра, сэр Джон Брендбьюри, — прошептала Алиса, опасаясь, что у стен Вестминстера могут быть уши.

— Чем же он тебя заинтересовал?

— Он спесивый, надутый, как индюк, и к тому же очень нуждается в деньгах. У него подрастают дети, а он хочет купить дом в Девоншире.

— Откуда ты знаешь?

— Я подслушивала.

— Но этого мало, — сказала Джейн. — Даже если мы предложим ему деньги, он не сможет вывести принцев из Тауэра.

— Не уверена, — пожала плечами Алиса. — Мы не знаем, что может, а чего не может человек, у которого под началом вся прислуга.

Королева взяла со стола колокольчик. Хотела позвонить, но потом передумала. Она обернулась к Джейн:

— Позови пажа Грини. Без шума.

Юноша появился через три минуты. Словно ждал приказа королевы.

— Послушай меня внимательно, — сказала королева. —

Я поручаю тебе очень важное дело. И опасное притом. Ты должен пройти в Тауэр, под любым предлогом. В Тауэре ты подберешься как можно ближе к констеблю крепости, сэру Джону Брендбьюри. Ты должен узнать о нем больше, чем родная мать о нем знает. Времени у тебя в обрез. Даю тебе два дня. Понял?

— Сделаем, почему не сделать, — улыбнулся Грини: рот до ушей, черные волосы до плеч, глаза как вишни.

Глава восемнадцатая

КОРОЛЕМ БУДУ Я!

Судьба страны, ну и, конечно, людей, с которыми мы уже знакомы — королевы, принцев и самого герцога Глостера, — обсуждалась в тот вечер на государственном совете королевства.

— Пора уже что-то предпринимать! — грозно говорил герцог Бэкингем. — Враги королевства обнаглели до безобразия. Хотят посадить на престол какого-то бастарда, а во Францию, к Генри Ричмонду, отправляют связного. Мы его поймали, когда он высаживался из лодки.

— Это кто же? — спросил кто-то из баронов.

— Вы его знаете — пресловутый Генри Уайт из Кента, — ответил Бэкингем. — Ничем этого заговорщика не устрашишь.

— Устрашим, — мрачно произнес Ричард Глостер.

Он занимал королевское кресло. И никто не осмелился оспорить его решение.

— Будут какие-нибудь приказания? — спросил верный Тайрелл.

Его, конечно, за стол не пускали, здесь сидели только вельможи. Место Тайрелла было у стены, среди рыцарей помельче рангом, но достаточно близко к принцу, чтобы не упустить его приказа или даже намека на приказ. И если приказаний не было, то Тайрелл иногда позволял себе вольность — сам спрашивал у герцога.

— Пускай помирает от голода, — сказал Ричард. — Его

воля. А так — ничем не угнетать и любое его желание выполнять. И передай мои слова констеблю Брендбьюри.

— Передам, — ответил Тайрелл и растворился в полумраке у стены в толпе таких же, как он, неродовитых рыцарей.

— Какие еще мысли посетили моих любимых друзей? — весело спросил Ричард.

— Серьезные мысли, герцог, — произнес Бэкингем. — И ты понимаешь, что сейчас в наших руках будущее страны, которая находится на краю пропасти — на грани хаоса и гражданской войны! И лишь ты можешь ее предотвратить.

— Слушаю тебя, мой любезный брат, — произнес Глостер. — В чем же ты видишь опасность для Англии?

— В том, что наверняка найдутся подлые люди, которые не поверят уважаемому доктору Шею и здравому смыслу, а по своим низменным мотивам станут поддерживать принца Эдуарда...

— Кого? — удивился Ричард.

— Маленького узурпатора! — спохватился Бэкингем, и по залу прокатился смех. Все поняли и оговорку, и вопрос Ричарда.

— Уж лучше ты не ошибайся, — мирно сказал Ричард. — Продолжай, говори о гражданской войне.

— Королевству нужен хозяин, — сказал Бэкингем, и все бароны за столом принялись стучать кружками о столешницу, бить ложками по мискам и даже кидать чаши на пол, распугивая любимых бойцовых собак принца Ричарда.

— Королевству нужен король! — закричал лорд Эштон.

— Да здравствует король Ричард! — слышалось со всех сторон.

Тогда Ричард поднялся со своего места и поднял узкую ладонь, призывая к тишине.

Он дождался, пока бароны успокоятся, и заговорил.

— Дорогие мои друзья, — сказал он негромко, потому что настоящие властители всегда говорят негромко. — Я признателен вам за заботу о нашей дорогой Англии. Я тем более благодарен вам, что в тяжелый для страны момент вы вспомнили обо мне и обещали мне вашу безусловную поддержку.

— Гип-гип-ура! — закричал бароны.

— Но до сих пор никто не доказал, — продолжал Ричард, — что мальчики, которых я охраняю в Тауэре, на самом деле незаконные бастарды, не имеющие прав на престол.

— Слушайте, слушайте! — закричал Бэкингем.

— Я не сделаю ни единого шага, пока не соберется парламент и народные избранники не примут решение, столь важное для нашего государства. Этому решению я с радостью подчинюсь.

Ричард сел на свое место, и никакие крики и требования верных баронов не смогли заставить его изменить решение.

Обед закончился, и Ричард велел всем разойтись. Он сказал, что устал и ему надо подумать.

— Я останусь? — спросил Бэкингем.

— Иди, иди, — отмахнулся принц. — Подумай, может быть, тебе принять тяжелое бремя?

— Какое бремя? — притворно удивился Бэкингем.

— Бремя королевской власти.

— Мне и в голову не приходило ничего подобного! — возразил Бэкингем.

— Врешь, всегда врешь, красавчик! — прошипел Ричард. — Ты только и мечтаешь о троне. Думаешь, я не знаю, что ты воспитывался при дворе Эдуарда как его крестник? Думаешь, я забыл, кто твоя жена?

— Я разошелся с ней. Я никогда не любил Екатерину! Это всем известно.

— Так же, как и то, что она — младшая сестра королевы, которая меня ненавидит. Ну как я могу спать спокойно, если ты рядом?

— Вы нуждаетесь во мне, герцог, — спокойно сказал Бэкингем. — Кто-то должен делать за вас всю грязную работу. Вы не можете полагаться на одних Тайреллов. Они продадут вас за пару шиллингов.

— А какова твоя цена, герцог? Тысяча фунтов?

— Или вы будете доверять мне, Глостер, или я уезжаю. И добивайтесь короны самостоятельно, — обиделся Бэкингем.

Ричард отвернулся к стене и замолчал. Молчал долго, це-

лую минуту. Когда он снова обратил свой взор к Бэкингему, его лицо озаряла добрая, хотя и кривоватая улыбка.

— Я испытывал тебя, мой друг. Я же знаю, насколько тебе бывает трудно, но ты выбрал справедливую сторону в этой борьбе и пойдешь со мной до конца. До победы. До нашей победы!

Бэкингем склонил голову.

Он ничего не ответил.

Глостер ждал, скажет ли он еще что-нибудь, но не дождался. И тогда сказал сам, может быть, для того, чтобы оставить за собой последнее слово:

— Поезжай-ка пока к себе, в Уэльс, который я даю тебе в управление. Собери там налоги. Нам с тобой понадобятся деньги.

— А парламент? Кто будет обрабатывать этих тупых баронов?

— Пока я напущу на них моих законников во главе с доктором Шеем. А ты вернешься и наведешь глянец.

— Вы решили не спешить со своей коронацией?

— Какая может быть речь о коронации? Я об этом и не думаю. И тебе думать не советую.

— Я поехал собирать силы, — сказал Бэкингем.

— Ты меня правильно понял, — кивнул Ричард. — У нас немало врагов. Но если я стану королем, их станет еще больше, и палачам придется потрудиться.

— Не спеши убивать принцев, — сказал Бэкингем от самой двери.

Ричард не ответил.

Но его губы беззвучно шевельнулись:

— За эти слова ты мне тоже ответишь... своей жизнью...

Дождавшись, пока шаги герцога Бэкингема стихли в коридоре, Ричард отправился в оружейную.

Там хранились бочонки с порохом, стояли прислоненные к козлам алебарды и копья, на полках лежали мечи, а в ящиках россыпью — картечь.

Ричард прошел через этот мрачный зал к секретной двери в подвал.

По узкой каменной лестнице с высокими ступеньками он спустился в пыточную комнату.

В низком зале стоял неистребимый запах крови. Казалось, здесь еще звучат крики узников, умирающих от невыносимых страданий.

В последние дни здесь никого не пытали, но все было готово: орудия пыток ждали своих жертв.

Ричард подумал, что неплохо было бы помучить попавшего в плен сэра Генри Уайта — этого упрямого идиота, который никак не может смириться с тем, что Генри Ричмонд никогда не вернется в Англию. Генри слишком беден, и у него нет влиятельных друзей.

Не считать же друзьями глупенькую Лиззи и ее смиренную мать, на которую придется еще немного нажать — и тогда она станет шелковой.

Ричард вынул кремень и трут и высек огонь. Масляный факел, прикрепленный к стене, загорелся зловеще и ярко.

Ричард был опечален.

И в этом он не мог признаться никому.

Хотя был человек на свете, который мог читать его мысли и от которого Ричард не мог ничего скрыть.

И этот человек появился посреди пыточной, словно ниоткуда.

Перед Глостером стояла высокая женщина в монашеском одеянии.

Она откинула капюшон, тряхнула головой, и чудесные черные волосы водопадом рассыпались по плечам и спине, ниспадая до пояса.

— Здравствуй, фея Моргана, — сказал Ричард. — Конец пути близок.

— Но впереди еще трудные дни, — произнесла фея глубоким, грудным голосом.

— Они быстро пройдут.

— А потом может начаться самое трудное...

— Не пугай меня, фея Моргана. Ты принесла документ?

— Он давно у меня.

— Ты уже догадалась, что он может мне понадобиться?

— А как иначе ты сумеешь захватить не принадлежащий тебе трон? Кто тебе поверит? Кто поверит в то, что ты заботился о детях и вдове?

— А теперь?

— Теперь найдутся и такие, кто поверит. Их будет немного. Больше окажется тех, кто пойдет с тобой из-за власти или денег.

— Мне суждена победа?

— Я не знаю будущего, — ответила фея.

Ричард не поверил ей.

И она, угадав его мысли, ответила:

— Ты можешь верить или не верить, от этого суть дела не меняется.

— Я делаю все ради любви, — сказал Ричард.

— Что ты говоришь?!

— А ты думала, мною движет тщеславие? Страсть к власти? Да ничего подобного! Я полюбил, страстно и нежно...

— Кого же?

— Изгони усмешку из своего голоса. Мне, мужчине средних лет, тоже доступно чувство глубокой и бескорыстной любви...

— Говори, говори, мне интересно послушать еще одну лживую сказку.

— Когда моя племянница Лиззи подросла и стала девушкой, я понял, что все свои нерастраченные чувства, всю свою душевную боль я брошу к ее маленьким ножкам...

— А она полюбила недостойного Генри Ричмонда, — закончила за герцога фея Моргана.

— А ей показалось, что она полюбила этого мальчишку!

— Она не любит и никогда не полюбит тебя.

— Она сама себя не знает. А я знаю, какая стоит передо мной цель, и всегда ее добиваюсь. Но я не мог добиваться ее руки, пока был жив мой брат. Он бы меня не понял.

— Не сомневаюсь, — засмеялась фея Моргана. — Ты бы не достиг своей цели, а на пути к ней мог и голову потерять.

— Ты права. Ты права, черт побери! И что мне оставалось?

— Тебе оставалось убить своего брата, потому что он был отцом твоей любимой девочки, — сказала фея. — К сожалению, он был еще и королем. Все вместе.

— Ты мне помогла, — прошептал Ричард. — Ты — воплощенное коварство и злоба!

— Я помогала не тебе — сама по себе злоба не доставляет

радости. Мне нужен посох Мерлина. И я жду, когда ты отдашь его мне.

— Как только ты его получишь, ты перестанешь мне помогать...

— Перестану.

— Тогда потерпи, пока я стану королем.

— При условии, что ждать недолго.

— Не больше трех недель.

— И тогда ты добудешь себе юную красотку?

— Я в печали, — сказал Ричард.

— Объяснись.

— Мне нужна была власть, мне нужна корона, чтобы завладеть Лиззи. Мои советники и ты, ведьма, убедили меня, что нужно объявить принцев бастардами. Тогда они не смогут взойти на трон и королем стану я. Так и было сделано. Принцы опорочены.

— Радуйся.

— Но опорочены все дети королевы Елизаветы.

В наступившей тишине раздался смех феи Морганы.

— Как славно ты себя обманул, мой мальчик! Как славно! Теперь не только Эдуард и Ричард, но и их сестра Лиззи — простолюдины. И как же тебе, королю Англии, можно будет жениться на опороченной девчонке?

— Вот именно, — вздохнул Ричард. — Я не могу жениться...

— И что же ты придумал, мой мальчик?

— Не смей так меня называть!

— Я называю тебя так, как мне хочется. И не забывай, что я — фея Моргана, а ты обычный смертный мужчина. И очень даже смертный.

Ричард промолчал.

— Полагаю, что ты не будешь сейчас открывать мне свои секреты, хотя о них так нетрудно догадаться!

— Молчи.

— Коронуйся скорее, Ричард Нельвиное Сердце. И я уйду.

— Сначала ты мне поможешь. Где документ о венчании брата?

Фея достала свиток и положила на стол, за которым

обычно сидел писец и записывал признания пытаемых узников.

— Я уж решила, что за своими романтическими страданиями ты забыл о документах.

— Я ни о чем не забываю.

— А то откажись от власти, от короны, увези свою Лиззи в далекий замок...

— Прощай, фея Моргана, — оборвал ее Ричард. — У меня еще так много дел.

Фея рассмеялась низким, чуть хрипловатым смехом.

И исчезла в воздухе. Она умела появляться и исчезать, словно ее никогда и не было. Так бывает с феями.

Ричард подошел поближе к факелу и принялся читать документ.

Дочитал, поднес свернутую в трубку бумагу к огню и подождал, пока пламя охватит свою жертву.

Когда документ догорел, он затоптал упавшую на каменный пол золу и быстро вышел из комнаты.

Глава девятнадцатая

ВСТРЕЧА НА ТЕРРАСЕ

Паж Грини вернулся к вечеру на следующий день и доложил королеве Елизавете о своих подвигах.

Она снова послала его в Тауэр.

После второго похода Елизавета собрала у себя в комнате всех своих союзниц и велела Грини рассказать, что же он разузнал о констебле и как это можно использовать в интересах принцев.

Грини был очень доволен собой.

И не скрывал этого.

— Я неплохо потрудился, — сообщил он дамам. — Я не только поговорил с его слугами и стражниками, но даже смог расшевелить его повара и служанку его жены. Все вместе они и нарисовали мне истинную картину.

Грини поглядел на королеву. Елизавета улыбнулась и кивнула ему:

— Говори, не спеши, нам всем очень интересно.

— Господин сэр Джон Брендбьюри служит в констеблях давно, но, хоть и экономит на питании узников, большого состояния не нажил, да и как его наживешь? И узников богатых в последнее время совсем не было. А возраст у него поджимает, уже в отставку скоро. И дети растут.

— Сколько у него детей?

— Три сына, — ответил Грини. — Робину тринадцать, Питеру девять, а Сэмюэлю три годика. Есть еще две дочки, постарше, на выданье. А констебль никак не скопит им приданого. К тому же он присмотрел себе домик. Присмотреть-то присмотрел, да он оказался ему не по зубам. Для домика ему не хватает четыреста фунтов — а это большие деньги, столько на полудюжине узников не наберешь и за десять лет.

— Теперь расскажи нам, что он может, а чего нет, — попросила королева.

— А это не в его пользу.

— Поясни.

Грини почесал затылок, шмыгнул носом и сказал:

— Простыл я там. Все время на ветру, и вороны щиплются.

— Не тяни, Грини.

— Я стараюсь с мыслями совладать. Я так думаю, ваше величество, что вывести из замка констебль никого не сможет. Он ведь сам должен спрашивать разрешения из Тауэра выехать, если он в карете или с поклажей. Герцог бойтся, как бы его не обокрали. А если сэр Джон повезет принцев, его в воротах же и поймают.

— А если через стену? — спросила Алиса.

— Вокруг замка все время стража ходит. Сразу заметят. Нет, констеблю принцев не вытащить.

— А кому вытащить? — спросила Лиззи.

— Не знаю.

Грини и еще кое-что рассказал о констебле и его семье, оставил королеве бумажку со всеми именами, а также карту — как и что расположено в Тауэре. Но эта бумажка не имела особой ценности, если не найти помощника в крепости.

Королева отпустила пажа, и они принялись размышлять, что делать дальше.

И долго ничего не удавалось придумать.

А потом Алисе пришла в голову мысль, которая сначала всем показалась глупой и почти сумасшедшей. Но потом королева сказала:

— Мы ничего не теряем. А приобрести можем многое. Почему бы не попробовать?

— Я к нему сама пойду! — заявила Лиззи.

— И не мечтай, — оборвала дочку Елизавета. — Здесь нужен сдержанный и разумный человек. Ты вспылишь и все погубишь.

— Но ты же не пошлешь Алису! Она еще совсем ребенок.

— Ребенок, но разумнее тебя. А впрочем, ты права, констебль с Алисой и разговаривать не будет. Мы сделаем так: к констеблю отправится Джейн и скажет, что она — моя фрейлина и выступает от моего имени. Я могу даже дать ей мой перстень с гербом.

— А может быть, именно это и опасно? — спросила Джейн. — Если дело сорвется и об этом узнает принц Ричард...

— Хуже не будет! — отрезала королева. — Хуже некуда. Я думаю, что у нас больше шансов, если ты выступишь от имени безутешной матери. Порой у правды больше шансов победить, чем у самой изысканной лжи.

Договорились, что Алиса пойдет с Джейн как ее компаньонка и помощница.

Потом они потратили еще часа два, выбирая для Джейн платье из гардероба королевы, причем такое, чтобы оно не обращало на себя внимания.

А вот место встречи с констеблем выбрали тщательно. Благо Грини поведал о всех привычках и слабостях сэра Брендбьюри. И одной из этих слабостей была еженедельная прогулка по городу до пивной, которая называлась «Белый кабан» и располагалась на самом берегу Темзы в полумиле от Тауэра вверх по реке. Эта пивная была хороша тем, что в солнечную погоду хозяин ставил длинные столы на широкой террасе над водой, и посетители могли любоваться закатом, отраженным в реке, лодками и кораблями, что бороздили ее спокойные воды.

К террасе подходил небольшой старый сад, яблони уже

отцветали, и трава, как снегом, была покрыта ковром белых лепестков.

Там и уселись две дамы, возможно, мать с дочерью, солидные среднего класса горожанки, самостоятельные, как и положено лондонским жительницам, самостоятельность которых порой удивляла даже приезжих из Европы.

В это время дня посетителей в пабе было немного, и мальчишка сразу принес матери с дочкой по кружке светлого эля — большую и маленькую, а к легкому пиву сушеных рыбок.

День выдался теплым, в полдень даже жарким, но к вечеру похолодало.

Они недолго сидели в одиночестве, пока на улочке, что вела к Тауэру, не появился молодой человек в одежде слуги, который, проходя мимо, выказал неуверенность, то ли ему зайти в паб, то ли идти дальше по своим делам. В конце концов юноша решился — прошел сквозь темный прохладный пустой зал и вышел на террасу.

Он занял место за пустым столом неподалеку от того столика, где расположились две дамы. И, усевшись, незаметно кивнул им, словно показывая: все в порядке.

А еще через минуту на террасу вышел высокий сутулый джентльмен в шляпе с зеленым пером, черном камзоле, зеленых чулках, с тонкой золотой цепью на груди. Вид у него был донельзя скучный и даже тоскливый.

Джентльмен огляделся и уселся подальше от других посетителей, у самой воды.

И задумался.

Он не изменил позы, даже когда мальчишка поставил перед ним оловянную кружку с элем.

Если не считать Грини да двух горячо спорящих моряков на другом конце террасы, в пабе было совершенно пусто. Поэтому никто не обратил внимания на то, как полная, с добрым круглым лицом дама в синем бархатном платье и серой суконной накидке поднялась со своего места, не выпуская из руки кружки, подошла к джентльмену и спросила:

— Простите, сэр, вы позволите сесть за ваш стол?

Джентльмен был удивлен до крайности, если не сказать — испуган.

— Что случилось? — спросил он. Его глаза метались по лицу и фигуре дамы, словно их владелец никак не мог сообразить, кто она такая и почему осмелилась побеспокоить такого солидного господина.

Джентльмен сразу понял, что имеет дело не с нищенкой и не с женщиной недостойного поведения, не с обманщицей и не с бродячей торговкой. Так что же понадобилось от него такой богато одетой даме?

Так как джентльмен молчал и ничего не отвечал, дама продолжала:

— Разрешите представить вам, сэр Брендбьюри, мою дочь Алису, баронессу Гришем.

— Ал... — Констебль чуть было не поперхнулся пивом. Он никак не мог собраться с мыслями.

Тогда Джейн уселась напротив него и указала Алисе место рядом.

— Я приехала в Лондон, чтобы сделать вам выгодное предложение, — сказала фрейлина. — Вы позволите мне занять несколько минут вашего драгоценного времени?

Теперь все зависело от поведения констебля. Если он испугается и побежит прочь или начнет звать стражу, то Грини должен помочь Джейн с Алисой скрыться или прикрыть их от опасности. Но от фрейлины исходило такое спокойствие, ее добрым глазам так хотелось доверять... С ней можно было поделиться самыми жгучими тайнами.

Может быть, Брендбьюри и выслушает ее. Только бы благополучно прошли первые минуты!

— Вы говорите, — скрипучим голосом произнес констебль, — что вы приезжая?

— Я здесь по поручению несчастной женщины, матери, разлученной со своими детьми, — сказала Джейн. — Она желает припасть к вашим ногам.

— Не знаю я никакой несчастной женщины, — съежился констебль.

— Попробуйте поверить мне, сэр, — проникновенно сказала Джейн, глядя на констебля так, словно хотела его заколдовать. — И в доказательство моей искренности мне был дан этот перстень. Дан, чтобы показать его вам.

Джейн протянула Брендбьюри перстень королевы с резным изображением пальмовой ветви и рыцарского шлема — родового герба семейства Вудвилл, к которому принадлежала Елизавета. Над шлемом с ветвью был вырезан кабан с острыми клыками — герб правящей династии Йорков.

Алиса с интересом смотрела, как констебль берет перстень и внимательно его разглядывает. Ведь в то время визитных карточек не было, даже компьютеров не водилось — ну как людям друг друга узнавать? По паспорту? А если и паспорта не было?

Алиса подумала, что для мелкого дворянчика Брендбьюри гербы высокопоставленных особ, как дерево для дворняжки. Она уж и бегает вокруг, и обнюхивает, и ищет, кто из настоящих догов и сеттеров пометил это бревно.

— Это перстень королевы Елизаветы, — сообщил свой вердикт констебль. — Если только вы его не украли.

«Вот тут бы ему и показать визитную карточку», — подумала Алиса. Но Джейн ничуть не смутилась, а уверенно, хоть и негромко, произнесла:

— Вы могли видеть меня в свите ее величества.

— Ну, разумеется, разумеется, я польщен, — забормотал Брендбьюри.

— У ее величества беда, — сказала леди Джейн. — Ее дражайшая мать очень плоха и находится при смерти в Стратфордшире, в родовом поместье. Бабушка просила перед смертью привезти ей внуков. Попрощаться.

— Законное желание, — согласился констебль.

— Но есть одна трудность...

— Какая же именно?

— Ее внуки находятся в заточении в вашем замке.

— Ах да, да, припоминаю...

— Вы знали об этом?

— Я их вижу каждый день. Но нельзя сказать, что они находятся в заточении. О нет! Они ожидают коронации. Герцог Глостер только и ждет подходящего дня, чтобы выполнить обещание, данное им старшему брату.

— Но надо отвезти их к бабушке!

— Как можно? — опешил констебль. — Это же опасно! Они — достояние королевства!

И тут Алиса подумала: «Ведь уже половина Лондона зна-

ет, что по велению Ричарда брак Елизаветы признан незаконным. И не сегодня завтра об этом узнает и глупый констебль. Лучше было бы сказать ему об этом самим».

— Простите, сэр, — произнесла Алиса голосом послушной девочки, — но разве вам неизвестно, что обнаружилось, будто принцы — вовсе не принцы, а простые люди и не могут стать королями Англии?

— Ах, не может быть! — Сэр Брендбьюри был потрясен. — Это невозможно!

Но глазки у него были такие хитрые, что Алисе сразу стало ясно: врет уважаемый тюремщик.

Джейн быстро сообразила, что к чему, и продолжила:

— И очень скоро эти мальчики не будут представлять никакой ценности. Их просто выгонят из Тауэра, и дело с концом.

— Может быть, может быть, — согласился констебль.

— Но бабушка уже не увидит своих внуков, и это большое человеческое горе.

— О, как я сочувствую!.. — Тут констебль замолчал, подумал немного и спросил: — А может быть, и королева теперь уже не королева?

— Все может быть, — сказала Джейн.

Брендбьюри постучал донышком кружки о стол, и мальчишка принес всем полные кружки.

— А не хотите чего-нибудь покрепче? — спросила Джейн. — У нас есть деньги.

— А я не пью, — резко отказался Брендбьюри.

И тогда Джейн крикнула мальчишке, чтобы тот принес господину чарку настоящего лондонского джина.

Глазки констебля загорелись, и он признался:

— В моем положении я не могу себе этого позволить. Спасибо, добрая леди.

— Надо будет вывезти мальчиков из Тауэра, — твердо сказала Джейн.

Констебль допил джин, запил его элем и лишь потом сообразил, чего от него требует эта женщина.

— Как же это возможно?! — воскликнул он. — Мне отрубят голову.

Чтобы было понятнее, он даже провел ребром ладони по шее, и сам огорчился, чуть не заплакал.

— А ведь у вас трудное положение, — заметила Алиса.

— Ой и трудное, девочка, — пригорюнился констебль. — Тебе даже не понять.

— Всю жизнь вы честно трудитесь, а не можете купить себе дом, достойный детей и жены...

— И никакой надежды, — подхватил сэр Брендбьюри. — Даже если я заморю голодом всех заключенных, то не разбогатею. Кстати, вы знаете, какой указ пришел от принца Ричарда? Заключенного Генри Уайта, который что-то вез Генри Ричмонду, не кормить до полного прекращения в нем жизни, а все остальные его желания выполнять по мере возможности. Разве это не издевательство?

— Боюсь, что принца Ричарда сильно накажут, — нахмурилась Джейн. — Я вам это обещаю.

— Вы серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Но мне это ничего не даст.

— А ведь королева могла бы решить все ваши проблемы, — осторожно произнесла Джейн.

— Как же?

— Сколько вам не хватает для покупки желанного дома?

— Ах, и не говорите! Четыреста фунтов!

— Это целое состояние.

— Это только мечта!

— От имени королевы предлагаю вам пятьсот фунтов стерлингов, — сказала Джейн, рассеянно глядя на воду Темзы.

— Ах! — воскликнул констебль. — Не смейтесь над бедным стариком!

— Никогда бы не посмела.

Констебль допил эль и с прискорбием заглянул в пустую чарку, где был джин.

Джейн тут же заказала ему еще джина.

— И что же я должен для вас сделать? — спросил Брендбьюри. — При условии, что освободить принцев я не смогу.

— И не надо, — успокоила его Джейн. — Нам нужно, чтобы вы всего лишь подменили их на то время, пока Эдуард и Ричард побудут у умирающей бабушки в Стратфордшире.

— Кем же я их подменю? Коровами?

И констебль захохотал, пораженный собственным остроумием.

— Нет, — сказала Джейн. — Вашими сыновьями Робином и Питером. Они как раз того же возраста, что и принцы.

— Вы с ума сошли! — взревел констебль. — Я сейчас же вызову стражу!

— Это только на несколько дней. Ваши мальчики — разумные дети, они вас не подведут...

— Страааажа! — заорал Брендбьюри.

— Шестьсот фунтов стерлингов, и вы сможете к дому подкупить еще и мельницу, а может быть, новую конюшню.

— Стража! — повторил констебль, только уже гораздо тише.

— Если вы не сделаете этого сегодня или завтра, — продолжала Джейн, — то герцог может выпустить принцев, и тогда вы не получите ни пенни. А мы знаем, что собирать пятьсот фунтов вам придется... двести лет. Не так ли?

— Это вас не касается! Я не стану рисковать жизнью моих детей!

— А им ничего не будет угрожать. Вы же сами будете сторожить их от посторонних.

— Уходите, вы возмущаете во мне честного королевского служащего.

Джейн поднялась первой. Она показала на Грини, который сидел неподвижно и в их сторону не глядел.

— Вот этот юноша будет каждый день ждать у ворот Тауэра, в сторонке, на самом берегу Темзы. Каждое утро, с семи до десяти утра. И когда вы примете решение, киньте камешком в сторону этого юноши. Вам ясно?

— Ничего я не буду кидать! — пробурчал констебль.

— Мы ждем. Три дня. Не больше.

— Шестьсот фунтов?

— Шестьсот. Но принцев из Тауэра вы выведете сами.

— Как же?

— Под видом своих сыновей. Возьмете их покататься на лодке по Темзе. Кто будет за вами следить?

— А дальше что?

— А дальше вы отдаете нам принцев, а мы вам — деньги на дом в Девоншире.

— Исключено! — рявкнул Брендбьюри. — И не надейтесь! Мне дорога собственная голова!

И констебль направился к выходу. Когда его и след простыл, Алиса сказала:

— Бежим отсюда! А то он стражу позовет.

— Вот этого он никогда не сделает. Он же ничего не решил и не знает, на что согласиться.

— Как он мне не понравился! — вздохнула Алиса. Она поднялась из-за стола первой.

— Констебль многим не нравится, особенно тем, кто сидит по ту сторону решетки, — сказала рассудительная Джейн, и они пошли в Вестминстер.

Вечер был теплый, приятный, гулять — одно удовольствие.

До аббатства они добрались к закату.

Джейн была расстроена, ей казалось, что из разговора ничего не вышло. Алиса надеялась, что констебль подумает-подумает и согласится, а королеву больше всего заинтересовал рассказ о Генри Уайте.

— Констебль сказал, что сэр Генри что-то вез Генри Ричмонду, — сказала леди Джейн.

— Что же он вез? — задумчиво спросила королева.

— А вы его знаете? — удивилась Алиса.

— Он старый приятель Генри Ричмонда. Но я его ни о чем не просила и никуда не посылала, — ответила королева. — А ну, признавайся, Лиззи, ты ни о чем не просила Генри Уайта?

— Да я его тысячу лет не видела! — возмутилась Лиззи.

— А может, письмо для Генри? Тебе же ничего не стоит сорвать с места солидного человека и послать его с рискованной миссией.

— Мама, клянусь тебе, я тут совершенно ни при чем!

— Значит, констебль не сказал, за что Генри Уайта посадили в Тауэр?

— Не сказал.

— И что у него отобрали, тоже не сказал?

— Клянусь, миледи, ничего не сказал.

Алиса из этого разговора ничего не поняла, кроме того, что какой-то Генри Уайт, которого герцог Глостер решил уморить голодом, известен и королеве, и Лиззи. Королева подозревает, что именно Лиззи послала Уайта к Генри Ричмонду, а принцесса думает, не мама ли его послала.

— Если будете снова встречаться с констеблем, — попросила королева, — обязательно узнайте у него, не отобрали ли у Уайта чего-то при аресте — письма или посылки.

— А могло быть? — спросила Алиса. Но ответа не получила.

Только потом, когда разговор шел уже совсем о другом, королева напомнила:

— Кстати, Алиса, ты порой забываешь, что здесь и у стен могут быть уши. А когда ушам хочется что-то услышать, лучше всего подсказать им такие слова и мысли, которые придутся им по вкусу.

И Алиса опять ничего не поняла.

День тянулся за днем, и никаких известий из Тауэра не приходило. Не донес ли констебль о разговоре в пабе самому герцогу Глостеру? Может, Ричард тоже готовит капкан для королевы?

Тем временем богословы, законники и священники, нанятые или запуганные Ричардом, выступали с проклятиями в адрес королевы, околдовавшей покойного короля Эдуарда. Может быть, она вовсе не женщина, а ведьма, чертовка, которую лучше сжечь вместе с ее бесовскими детишками?

Но особенно рьяных обличителей останавливали советники герцога Глостера. Они советовали не слишком усердствовать. Сам Ричард вовсе не хотел крайностей. Он своего добился — принцы в башне, королева в аббатстве, Генри Ричмонд за морем. Но и рисковать он тоже не желал, и, узнав, что несколько баронов в Плимуте собрали отряд и надеются поднять восстание против Глостера, Ричард сам во главе сильного отряда помчался туда, жестоко подавил бунт и казнил недовольных. Никто не смел противиться Ричарду!

Если еще месяц назад он выступал протектором от имени малолетнего короля Эдуарда, то теперь Глостер попросту забыл это имя.

Он был защитником единства Англии, покровителем страны и народа.

Подавив восстание, Ричард сообщил архиепископу Кентерберийскому, чтобы тот начал подготовку к коронации. И королем будет не кто иной, как сам герцог Глостер.

Но никакого самовольства!

Решить это должны народные избранники.

Решать должен парламент.

Заседание парламента назначили на 25 июня.

И пока в Лондон съезжались бароны и вельможи, сам Ричард покинул Тауэр и с небольшой свитой переехал в дом своей матери, которая тихо доживала свои дни в небольшом дворце. Мать была крайне удручена состоянием дел в королевстве, но у нее оставался только один сын — Ричард. И пусть уж лучше королем станет он, чем начнется смута.

Как-то, выходя за провизией на рынок, Джейн увидела мрачного вида детину, который мялся у ворот аббатства в небольшой толпе любопытных. Сюда постоянно приходили люди, как паломники к святыне. При виде фрейлины детина покинул толпу и побрел следом за ней по улице. Когда рядом никого не оказалось, он окликнул ее:

— Ты, что ли, будешь Джейн, фрейлина королевы?

— Я самая. А тебе что надо, добрый человек?

— А перстень королевский у тебя есть показать?

— Зачем тебе?

— А ты точно Джейн?

— Точно, точно!

— Тогда сегодня в шесть пополудни один человек придет в пивную «Белый кабан». Не повторяй и не оглядывайся.

Джейн сразу догадалась, о каком человеке говорит мрачный детина. У нее даже сердце подпрыгнуло от радости. Ведь если бы констебль хотел ее предать, не нужно было бы так таинственно подсылать к ней человека.

Но когда она рассказала о встрече королеве, Елизавета возразила:

— Все равно это может быть ловушкой. Особенно если разговор пойдет о деньгах. Так что будьте осторожны.

— А мне кажется, что сегодня Ричард и его друзья о нас не думают, — сказала Алиса. — Им не до нас.

— Ричарду всегда и везде до нас. Он никогда ничего не забывает. Поэтому и станет королем.

— Если и станет, — машинально ответила Алиса, — то ненадолго.

— Что ты имеешь в виду? Что ты хочешь сказать?

— Ничего! — спохватилась Алиса. — Я просто подумала...

Она замолчала.

— Пойдете, как прежде, — приказала королева. — Джейн и Алиса будут сидеть в пабе, а Грини станет их охранять. Хоть из него охрана не слишком надежная, зато никто не заподозрит.

— Я — надежная охрана! — обиделся Грини.

— Хорошо, хорошо. Надежная так надежная. А к тебе, Алиса, у меня будет особая просьба. Вот тебе мешочек с чищеными грецкими орехами. Если сэр Генри Уайт еще жив и не умер от голода, умоляю, уговори констебля взять этот мешочек. Пусть Уайт восстановит свои силы. Я так надеюсь, что милостивый принц Ричард выпустит невинного человека из заточения и не даст ему умереть.

Алиса взяла с собой мешочек с грецкими орехами.

И тут вбежала принцесса, которая, как всегда, задержалась у себя.

Она пошла проводить Алису до ворот и там тихонечко передала ей маленький мешочек.

— Постарайся уговорить констебля взять этот мешочек для несчастного Генри Уайта, — прошептала Лиззи. — Здесь чищеные грецкие орехи. Я сама их колола, все пальцы молотком разбила! Пусть констебль передаст мешочек Генри, чтобы тот не умер от голода. А потом уж мы его откормим.

Алиса не стала говорить принцессе, что королева передала ей такои же мешочек. Лиззи наверняка расстроилась бы, что хорошая мысль пришла в голову не только ей.

Они попрощались, и посланцы королевы во главе с фрейлиной Джейн двинулись в недальний поход.

Глава двадцатая

СДЕЛКА С КОНСТЕБЛЕМ

Констебль опоздал почти на полчаса.

Джейн уже собиралась уходить, но Алиса ее удерживала — мало ли что могло произойти. Человек на работе, его дела задержали.

Тут появился и сам констебль. На шаг позади него семенила девочка Алисиного возраста, такая же худая и сутулая, как сэр Брендбьюри.

Констебль был раздражен, сутулился больше обычного, а шляпу надвинул на нос так, что сам перед собой дороги не видел и споткнулся о порог. Он страшно выругался, ни с кем не поздоровался, даже не извинился за опоздание.

— Проклятая кошка! — зарычал он, усаживаясь за стол. Девочка осталась стоять.

Мальчишка принес кружку эля, констебль опрокинул ее в глотку и потребовал:

— Неси сразу четыре и две чарки джина!

Потом обернулся к Джейн и добавил:

— За ваш счет, девица!

Фрейлина коротко кивнула. Она умела владеть собой.

После четвертой кружки и второй чарки констебль пришел в себя. Он несколько раз повторил «проклятая кошка», но не стал объяснять, что же имеет в виду.

Наконец Джейн сказала:

— Мы пришли по вашему приглашению. Значит ли это, что вы что-то решили?

— Решил, да, решил. Но вас это не обрадует, — проворчал Брендбьюри.

— А что случилось? — спросила Джейн.

— Времена изменились. К худшему, друзья мои, к худшему.

— Объяснитесь.

— Вы предлагаете мне рискнуть здоровьем, а может, даже жизнью моих любимых сыновей за жалкие деньги! Да лучше я получу эти же деньги, сообщив его высочеству о на-

глом предложении выскочки, так называемой королевы Елизаветы... А ну-ка принеси мне кружку джина!

— Кружку эля, сэр? — уточнил пробегавший мимо мальчишка, к которому и относились последние слова констебля.

— Слей десять чарок джина в кружку и принеси мне. А счет предъявишь вот этой госпоже.

Наступило молчание. Констебль ждал свой джин, а послы королевы ждали, что же он скажет дальше. Они понимали, что им рано вмешиваться в ход мыслей этого негодяя.

Мальчик принес джин. Девочка пискнула:

— Папочка, пей поменьше!

Констебль только отмахнулся и потянулся за полной кружкой. Наконец джин влился в глотку сэра Брендбьюри.

— Я могу продать вас герцогу, — повторил он.

— Ваша воля, — спокойно ответила Джейн. — Только я сильно сомневаюсь, что вы получите от него хотя бы пять гиней. И вам еще повезет, если удастся сохранить голову на плечах.

— Это еще почему?

— А вы подумайте как следует: три дня назад на этом самом месте мы предложили вам подменить пленников. И вы почему-то три дня молчали и не побежали сразу же доносить на нас своему герцогу. Мне кажется, что все эти дни вы рассуждали, кому лучше служить и от кого выгоднее получить взятку. А потом догадались, что от нас. Потому что от герцога вы ничего не получите. А если сегодня парламент предложит ему стать королем, то цена принцев вообще упадет до пенса.

— Ничего подобного! — заявил констебль. Но голос его звучал не очень уверенно.

— Папа, я пить хочу, — захныкала девочка.

— Принеси ей воды, — приказал мальчишке констебль. — Только не очень холодной, а то у нее горло заболит и ее мать мне голову оторвет.

— Это ваша дочка? — спросила Джейн.

— Бекки. Очень умная девочка, вся в меня.

— Это видно, — согласилась фрейлина. — Значит, мы зря с вами встречались.

— Я сообщу герцогу!

— И как вы объясните, что не сделали этого раньше?

Алисе показалось, что разговор пошел по кругу, как коза, привязанная к колышку длинной веревкой.

— А я письмо подброшу.

— Тогда тем более вам конец.

— Но за дом с меня требуют все больше и больше...

— Скажите, кто хозяин, и мы с ним поговорим.

— А если накинуть еще сто фунтов?

Алиса знала — королева согласилась заплатить жулику больше, чем договаривались. Джейн была предоставлена полная свобода. Но фрейлина не хотела уступать.

— Ни пенсом больше, — сказала она и поднялась из-за стола.

— А может, подумаете?

— Нет, — отрезала Джейн. — Я дала вам шанс остаться честным человеком.

— Вот именно! — И констебль медленно зашагал к выходу с террасы.

— Все пропало! — прошептала Алиса.

Но оказывается, расчет Джейн оказался верным.

— Пятьдесят фунтов сверху! — сказал Брендбьюри от двери.

Фрейлина отрицательно покачала головой.

Констебль сделал еще один шаг. Девочка семенила рядом, ухватившись за рукав отца тонкими бледными пальчиками.

— Тридцать!

— Возвращайтесь, — милостиво согласилась Джейн. — И учтите, что тридцать фунтов стерлингов — большие деньги, за них можно купить прекрасного коня или участок земли под огород.

Констебль уселся, положил руки на стол и сплел пальцы.

— Перейдем к делу, — сказал он, будто все предугадал заранее. И еще неизвестно было, кто кого перехитрил в этом споре.

— Когда требуется все сделать? — спросил он.

— Сегодня вечером, пока все будут на заседании парламента.

— Разумно, — согласился Брендбьюри. — Весьма разумно. Тем более что лучше все сделать в сумерках или в темноте, но не очень поздно. Я предупредил стражу, что везу детей к бабушке в Бромли. Они там поживут на свежем воздухе.

— Чудесно, — сказала Джейн. — Просто чудесно. Вы все предусмотрели.

— Даже больше, чем вы, — ответил констебль. — Я привел с собой мою доченьку, мою Бекки.

— Я не понимаю зачем? — удивилась фрейлина. — Я смотрю на нее и удивляюсь, зачем вы привели с собой ребенка?

— Тогда я отвечу вопросом на вопрос, — сказал констебль. — Принцы в башне знают кого-нибудь из вас?

— Разумеется!

— И вашу дочь Алису?

— И мою дочь.

— Я так и думал. Для этого и привел свою Бекки. Вы все еще не догадались? Тогда, полагаю, королева ошиблась, доверив вам такое важное дело.

— Я догадалась! — сказала Алиса. — Вы правы, констебль.

— В чем он прав? — недоуменно спросила леди Джейн.

— Ну представь себе, входит в твою камеру тюремщик и говорит: «Я решил вас тайком освободить и вывести из крепости. Собирайтесь, пойдем». Что ты будешь делать? Кинешься ему в объятия?

— Еще чего не хватало! — возмутилась Джейн. — Как я могу доверять тюремщику и палачу?!

— Значит, тебе нужны доказательства, что здесь нет подвоха?

— И тут выходишь ты! — засмеялась Джейн. — А что, он ловко придумал!

— И заодно попрошу вас впредь не называть меня тюремщиком, — заметил довольный констебль. — И тем более палачом. Я государственный служащий, констебль, то есть комендант Тауэра, занимающий высокое положение.

— Так точно, сэр! — согласилась фрейлина.

— Предлагаю вам на несколько минут спуститься в этот

небольшой сад, — сказал констебль. — Только осторожнее — там растут колючки и крапива.

Все спустились в садик. Только Грини остался на террасе и смотрел вокруг, чтобы невзначай никто не застал заговорщиков врасплох.

А когда они зашли в кусты, сэр Брендбьюри заставил девочек обменяться шляпками, шалями и накидками и спрятать волосы под шелковыми сеточками. Ведь Алиса была блондинкой, а Бекки — темной шатенкой.

— А теперь, — проскрипел констебль, — попрошу задаток.

— Здесь сто золотых гиней. — Фрейлина протянула констеблю увесистый кошелек.

— Маловато, — буркнул констебль, но золото спрятал. Он схватил Алису за руку и большими шагами пошел по улице. Алиса еле за ним успевала. А Бекки, которая от страха еле сдерживала слезы, осталась с Джейн. Грини пошел за констеблем, держась шагах в ста позади. Он охранял Алису — мало ли что могло случиться.

Начался дождик. Вечерний дождик. Тучи неслись так быстро, что в них то и дело образовывались дырки, в которые прорывались лучи заходящего солнца. Но просветы тут же затягивало сизыми облаками, и становилось сумрачно и зябко.

У ворот пришлось задержаться — навстречу выливался целый поток служилых людей Тауэра. Они не оставались на ночь в крепости и спешили вернуться домой.

Стражники у ворот узнали сэра Брендбьюри и окриками разогнали толпу.

Констебль даже спасибо им не сказал. Он втащил Алису в замок. Кто-то из стражников с насмешкой крикнул вслед:

— Как погуляла, Бекки?

Констебль потащил Алису по дорожке к домам служащих Тауэра. Черными тенями мелькали рядом вороны. Вдруг констебль крепко выругался, как совершенно недопустимо ругаться при детях, и, схватив с земли камень, запустил им в кого-то. «Наверное, увидел крысу», — подумала Алиса. Она не могла оставить без внимания грязные слова Брендбьюри и строго сказала:

— Надеюсь, что в будущем вы не будете позволять себе столь неприличные выражения, которые позволили сегодня, сэр!

И это было сказано так строго, что даже нахальный констебль, начисто забывший, что имеет дело с дочкой фрейлины, а не с собственной Бекки, опешил. Но извиняться не стал — не умел он просить прощения. Лишь злобно зашипел, как рассерженная кобра.

Они вошли в двухэтажный дом констебля. Он оставил Алису в маленькой прихожей рядом с кухней, где пахло вареной капустой и кислым молоком.

— Жди меня здесь, я скоро приду, — буркнул констебль. Из внутренних комнат доносились голоса, выкрики и споры.

Время тянулось бесконечно долго. К тому же Алиса так и не знала, верить ли этому жулику или он в самый последний момент выдаст ее страже. Но она надеялась на его жадность. Впрочем, и на трусость тоже. Он же должен понимать, что как только выдаст Джейн и Алису, то и сам, вернее всего, лишится головы.

Потом за дверью наступила тишина. Было слышно, как позвякивают монеты. Чета Брендбьюри считала деньги.

Дверь приоткрылась, и в щели появилась детская головка. Это был трехлетний сынишка констебля. Он долго вглядывался в темноту за дверью, потом закрыл дверь и сказал родителям:

— Там темно и пусто.

— Как пусто?! — Видно, констебль ужасно испугался. Он сразу кинулся к двери, распахнул ее и увидел сидящую на табуретке Алису.

— Ты чего детей пугаешь! — прикрикнул он на нее и сразу исчез — испугался, что без него жена неправильно посчитает добычу.

Наконец дверь распахнулась, и констебль появился в проеме со своими сыновьями. Мальчики немного робели и часто дышали.

— Они нам ничего плохого не сделают? — спросил Робин.

— Без меня в Тауэре ничего сделать нельзя. Не только

голову отрубить, но и цветок сорвать. Ваш отец — не последний человек в английском королевстве.

Дети замолчали.

— Пошли! — сказал констебль Алисе.

Жена констебля стояла в дверях и всхлипывала. Но в руке крепко сжимала кошелек с деньгами. Алиса ее толком не разглядела.

Повар с кастрюлей и его помощник с мисками уже ждали снаружи.

Они пересекли газон, прошли по дорожке к внешней стене. Садовая башня возвышалась перед ними, но дверь в нее, где стояла охрана, находилась с внешней стороны крепости.

— Что-то ты поздно нынче, смотритель, — сказал один из стражников.

— Нет, не поздно, — ответил констебль. — Сегодня погода плохая, вот и кажется темно, а шесть часов еще не пробило.

— И то верно, — согласился второй стражник. — Сегодня день длиннее кажется.

Он стал отпирать дверь. Цепь со звоном упала на землю. Робин вздрогнул и прижался к отцу.

— И чего ты детишек тащишь в тюрьму, — заметил один из стражников. — Только пугаешь их на ночь глядя.

— Пускай приучаются, — отмахнулся констебль. — Будут отцу помогать.

— Правильно, — кивнул второй стражник. — С малолетства надо жестокостям учить.

Дверь открылась.

Констебль подзатыльниками загнал детей внутрь. На каменной лестнице было темно, но наверху в комнате принцев горели свечи, и сквозь бойницы проникал свет. При появлении гостей Эдди и Дик встали.

— Что-то вы сегодня поздно, сэр, — сказал Эдди. — Мы проголодались.

Даже в тюрьме юный монарх умел говорить с другими, как лев с блохой.

— Зато я привел к вам гостей, — сказал констебль, и его голос дрогнул.

Тем временем повар с помощником поставили обед на стол, и констебль знаком велел им удалиться.

Они вышли.

Принцы почувствовали что-то необычное.

— Каких гостей? — удивился Эдди. — Опять своих детей? Но ты же знаешь, какие они надоедливые. Мы не хотим с ними играть. Мы не играем с детьми тюремщиков.

— Ладно, ладно. — Констебль не хотел ссориться. — Вы на девочку поглядите.

— Это твоя дочь? — спросил Дик.

Алиса сняла шляпу, сорвала с волос плетеную сетку и тряхнула волосами.

И тогда принцы в один голос воскликнули:

— Ой, это же Алиса!

— Вот именно, — сказал констебль. — Надеюсь, вы ее признали?

— Разумеется, признали, — сказал Эдди.

— Тебя что, тоже арестовали? — испугался Дик.

— Нет, мальчики, — сказала Алиса. — Я пришла вас освободить.

— Ты? Нас? — не поверили принцы.

— С помощью нашего друга, констебля Тауэра сэра Джона Брендбьюри, которого вы, без сомнения, уже встречали в этих стенах.

— К сожалению, — сказал Эдди.

— В будущем вы станете относиться к этому джентльмену гораздо теплее, — сказала Алиса. — И если он не возражает, я сама расскажу вам, что произошло.

Констебль возражать не стал.

Глава двадцать первая

НЕОБЫКНОВЕННАЯ КОШКА

Они покинули башню ровно через полчаса.

Впереди шагал сэр Брендбьюри, королевский констебль Тауэра, рядом с ним, держась за его рукав, семенила Бекки в надвинутой на нос шляпе и темной накидке, скрывавшей платье. Девочка сутулилась, как и ее отец.

Следом за ними, держась за руки, шли сыновья Брендбьюри, Робин и Питер, один повыше, другой поменьше. Они тоже были чем-то похожи на отца — наверное, в первую очередь одеждой, словно им сшили камзолы из остатков материи, которая пошла на костюм самого сэра констебля.

Уже почти стемнело, дворы Тауэра опустели, и лишь стражники, что медленно шагали по газонам, положив на плечо алебарды, да редкие вороны, доклевывавшие свой ужин, нарушали тишину и покой крепости.

Вдруг взгляд констебля упал на мелкое создание — кошку, которая тащила в зубах голубя, и им овладела необъяснимая ярость.

Он отбросил руку дочери и кинулся к кошке, размахивая тростью.

Кошка побежала прочь, но не очень быстро. Во-первых, трудно бежать с толстым голубем в зубах, а во-вторых, кошка вовсе не боялась сутулого сэра Брендбьюри.

Волей-неволей дети констебля побежали за отцом через газон по направлению к Зеленой башне, сквозь бойницы которой пробивался слабый свет, будто там, на втором этаже, кто-то жег свечу.

Кошка добежала до башни и нырнула в небольшую дыру у ее подножия, видно, предназначенную для стока воды.

— Нет! — закричал констебль. — Ты от меня не уйдешь!

Он отыскал на поясе связку ключей и открыл замок на двери. Видно, в этой башне содержался не такой уж важный заключенный, раз снаружи не держали стражника и замок открывался так просто.

Замок с грохотом упал на каменные ступеньки, и констебль кинулся вверх по лестнице.

— Я ей голову оторву! — кричал он. — Она от меня живой не уйдет!

Дети побежали следом, но сэр Брендбьюри сверху крикнул им:

— Оставаться на местах! Я вернусь. Только убью ее и вернусь!

Алиса не послушалась констебля и взбежала по лестнице за ним, но в комнату входить не стала, а остановилась на ступеньках и осторожно заглянула внутрь.

Это была довольно просторная комната, потому что она занимала весь второй этаж башни. Она показалась Алисе совершенно пустой. Посреди комнаты стоял низкий стол, на котором горела свеча, а у дальней стены притулилась небольшая лежанка. На табурете перед столом сидел веселый толстощекий молодой человек с пышными усами и светлыми кудрями. Перед ним стояла миска, в миске лежала какая-то зажаренная птица. Молодой человек отлично слышал и крики констебля, и его топот по лестнице, но этот шум его никак не встревожил. Он продолжал обгладывать птичью ножку с таким наслаждением, что Алисе захотелось есть. Одет молодой человек был очень скромно — темные рейтузы, некогда белая рубашка с отложным воротником, рукава которой были закатаны до локтей.

— Что случилось? — спросил узник.

— Вы знаете, что случилось! — продолжал буйствовать констебль. — Где она? Выдать мне ее немедленно!

— И помереть с голоду? Нет, я не согласен!

— Из-за вас меня самого повесят!

— Туда тебе и дорога, скряга!

Констебль в гневе застучал тростью по полу. И тут из-под стола выскочила кошка, промчалась между ног сэра Брендбьюри и исчезла в дверях.

— Учтите, сэр Уайт! — заявил тогда констебль. — Я сейчас спущу на нее всех собак Тауэра и всего Лондона. Мы ее найдем и публично отрубим ей голову, потому что она — ведьма!

— Сколько? — не обращая внимания на крики констебля, спросил веселый узник.

— Сто гиней!

— Ты сошел с ума, скупердяй! — воскликнул узник. — Две гинеи, и чтобы к завтраку я имел суп из этой птички.

Оказалось, что на полу у его ног лежит голубь — тот самый, которого только что тащила в зубах кошка.

— Пять гиней!

Снизу донесся шепот:

— Алиса, это же дядя Генри Уайт!

Алиса уселась на ступеньку и посмотрела вниз. У подножия лестницы стояли принцы, одетые как дети констебля.

— Вы уверены, что это он и есть?

— Я его голос знаю, — прошептал Эдди.

— Совсем не похоже, чтобы он умирал от голода, — заметила Алиса.

— Это он!

— Тогда у меня к нему есть несколько поручений. — И с этими словами Алиса вошла в комнату.

В комнате почти ничего не изменилось, если не считать того, что Генри Уайт отсчитывал серебряные монеты из своего кошелька, привязанного к поясу, а констебль уже держал за хвост несчастную птичку.

— Объясните, что это значит? — как можно строже спросила Алиса. — Чего мы ждем? Почему, когда каждая минута на счету, мы должны собирать голубей по башням Тауэра, платить за это гинеями и гоняться за кошками?

— А это еще что за создание? — удивился Генри Уайт. — Неужели это и есть твоя очаровательная дочка Бекки, констебль?

— Считайте что так, — ответила Алиса. — Хотя это совсем не так, потому что я — дочь фрейлины ее величества Елизаветы.

— И ты общаешься с этим негодяем?! — не поверил своим глазам сэр Генри.

— Только по приказу королевы и в интересах царствующего дома. Вы меня понимаете?

— Разговорчики! — рассердился сэр Брендбьюри. — Нам пора идти.

— Так, значит, это не вас морят голодом? — спросила Алиса.

— Меня, конечно же меня! — рассмеялся Уайт. — По приказу самого герцога Глостера!

— А почему вы такой веселый и здоровый?

— Потому что он хитрец и жулик! — проворчал констебль. — Потому что обдурил самого герцога Глостера.

— И вас? — удивилась Алиса.

— Меня ему не обдурить, — сказал констебль. — Мне он приличные деньги платит. Потому и живой.

— Значит, вы тоже ослушались герцога?

— Я?! Да ни в коем случае! Я точно выполняю указ: сэра Уайта не кормить, пока он не умрет своей смертью.

— Значит, я зря старалась, — вздохнула Алиса. — Мне нужно было поговорить с сэром Уайтом и принять его последний вздох.

— Ой, долго придется ждать! — произнес констебль.

— Надеюсь, что долго, — согласился Уайт.

— Так что же случилось? — спросила Алиса.

— Сначала все было ужасно, — сказал узник. — Меня заперли в этой башне и сказали, что мне суждено умереть от голода. И я начал умирать.

— Он умирал безобразно, — заметил констебль. — С криками и жалобами.

— Я же не совершил никакого преступления, — возмутился Уайт. — Меня задержали на берегу пролива, где я отдыхал и наслаждался свежим воздухом.

— Никто не дышит свежим воздухом в пустынном месте на берегу пролива, за которым лежит Франция, где скрывается враг престола и королевства, злобный бунтовщик некий Генри Ричмонд, — отрезал констебль. — Так что вас правильно арестовали.

— У меня ничего не нашли. Меня не в чем обвинить!

— Вас обвинили в дурных намерениях найти лодку и переплыть пролив, чтобы передать Ричмонду какое-нибудь письмо или еще чего похуже.

— Но ведь не было письма! — воскликнул Генри Уайт.

— Значит, плохо искали. И вообще, вы — известный друг Ричмонда. Так что вам и голову отрубить было бы правильно. А вас всего-навсего посадили в башню. Причем в хорошую башню, в Зеленую, тут и камера проветривается, и вид из бойницы прямо на газон...

— И сколько же времени прошло? — спросила Алиса.

— Скоро две недели, как я здесь, — вздохнул сэр Генри.

— И ничего не ели?

— Мне ничего не давали.

— А почему вы живой?

— Из-за кошки.

— Убью! — взревел констебль.

— На третий или на четвертый день, когда чувство голода уже пропало, я увидел, как ко мне в камеру вбежала кошка. Серая кошка, обыкновенная. Как пробралась наверх, не знаю, у них свои ходы. Пришла, легла рядом со мной. А я уже совсем ослаб, даже пожаловаться как следует не мог. Она пригрелась у меня на животе и грела меня всю ночь. А утром стала мяукать, чтобы я ее накормил. Потом сообразила, что кормить не будут, и убежала. Я подумал: «Вот последнее существо на божьем свете, которое обо мне подумало, — и то убежало». И вдруг — вы не поверите! — появляется кошка и тащит в зубах голубя! И кладет его к моим ногам. И ведь не крысу, не мышь, а голубя! Я был так голоден, что попытался съесть его сырым, но не смог. И тут я подумал...

Рассказ сэра Генри подхватил констебль:

— Прихожу я к сэру Уайту, чтобы проверить, живой ли он. Ведь герцог приказал, чтобы все его просьбы, кроме еды, выполнялись. А он сидит, держит в руках дохлого голубя и говорит: «А ну-ка, поджарьте мне эту птицу!»

— И при этом я предложил тебе гинею!

— Сначала я отказался, — продолжал констебль. — А потом понял, что запретов герцога я не нарушаю. Ведь никто не запрещал мне жарить голубей, если сам заключенный мне их выдает по штуке каждый день.

— И кошка продолжает носить вам голубей? — недоверчиво спросила Алиса.

— Когда выйду на свободу, — сказал сэр Генри, — отплачу ей добром. Она ведь не только подкармливает меня, но и согревает ночами.

— А мы эту кошку видели, — сказал принц Дик. Принцы незаметно поднялись на второй этаж — так заслушались удивительной историей сэра Генри Уайта.

И хоть свеча давала мало света, голос Дика показался узнику знакомым.

Он схватил свечу и, прежде чем Брендбьюри успел его остановить, кинулся к мальчикам.

— Это вы, ваше высочество? — прошептал он.

— Ни слова больше! — воскликнула Алиса.

— Ни слова больше! — повторил констебль.

Брендбьюри схватил мальчиков за руки и потащил их прочь, а Алиса, воспользовавшись суматохой, кинула сэру

Генри Уайту сразу два мешочка с чищеными грецкими орехами.

— Это посылают вам ваши друзья, — сказала она. — Держитесь!

— А почему принцы...

— Да помолчите вы! Можете все погубить! Вы уже забыли, что видели нас здесь. Поклянитесь!

— Святым духом клянусь! Я никого не видел.

Алиса помахала ему и поспешила вниз по лестнице.

— Молодцы! — громко прошептал вслед сэр Генри. — И скажи королеве: я выполнил ее просьбу и успел передать мешочек.

— Ты идешь? — раздался снизу голос Брендбьюри.

Алиса догнала братьев на полпути к дому констебля. И тут все чуть не погибло.

Раздались голоса, песни и пьяные возгласы.

Окруженная факельщиками, в их направлении двигалась шумная процессия.

Констебль рванулся было к своему дому, подгоняя перед собой мальчиков, как коз, возвращающихся с пастбища. Алиса не успела его догнать, но почувствовала опасность и стала сутулиться еще больше, чтобы стать похожей на Бекки.

И тут она, к своему ужасу, узнала самого герцога Глостера, который в окружении друзей и челяди, пошатываясь, двигался к главному зданию Тауэра.

Семейство Брендбьюри попалось ему на глаза.

— Констебль! — крикнул он. — Ты знаешь о славном решении парламента? Ты слышал?

— Никак нет, ваше высочество!

— Так вот, отныне я не высочество, а величество. Парламент провозгласил меня королем, потому что дети Эдуарда оказались самыми обыкновенными бастардами, дворовыми щенками!

В темноте Ричард не заметил, как замерли при его словах мальчишки, которые уже почти добежали до дома констебля.

— Поздравляю вас, ваше...

— Величество! Привыкай — ве-ли-че-ство!

— Да здравствует его величество! — пьяными голосами закричали вельможи.

— Стойте! — остановил крики Ричард. — Еще никто не знает моего окончательного решения. Не исключено, что завтра с утра я откажусь от титула короля Англии. На что мне английская корона? Нет, вы скажите, на что мне корона Англии?

— Да здравствует его величество! Гип-гип-ура! — кричали придворные.

К счастью для Алисы и принцев, Ричард уже забыл о констебле и его семействе. Толпа вельмож двинулась дальше, горланя песни.

При свете далеких звезд и луны было видно, как блестит от нервного пота лицо Брендбьюри.

— Я думал, мы погибли. Он же знает принцев в лицо! — прошептал констебль.

— Уж это точно, — согласилась Алиса. — Он и меня мог запомнить. Хоть и не часто, но мы встречались.

Шум и крики затихли вдали.

Повозка, устланная соломой, уже стояла перед входом в дом.

Жена констебля ждала их в дверях.

— Ну как они там? — спросила она. — У них мягкие постельки?

Принцы забрались на повозку.

— Постельки, как у принцев королевской крови, — ответил жене констебль.

Жена констебля наклонилась, заглядывая в лица мальчиков.

— Ничего особенного, — сказала она наконец, и было не ясно, нравятся ей их лица или она их осуждает.

Констебль велел поторапливаться. А то Ричард может вернуться или прикажет запереть ворота, никого не впускать и не выпускать.

Брендбьюри сам сел на козлы.

Он стегнул лошадь, и та потащила повозку к воротам.

Стражники у ворот как раз собирались запирать засовы. На счастье беглецов, в тот день ворота закрывались куда позже, чем обычно. Виной тому был принц Ричард и заседание

парламента. Гонцы туда и оттуда носились весь вечер, и потому ворота решили не запирать.

Констебля, которого стража отлично знала и почитала за начальника, пропустили беспрекословно.

И вскоре, покачиваясь на выбоинах, повозка покатила к пивной «Белый кабан», где ее с нетерпением ждали леди Джейн и Бекки.

Глава двадцать вторая

ВИЗИТ ГЛОСТЕРА

Как ни хотелось бы отвезти принцев к матери, делать этого было нельзя. За аббатством следили. Через полчаса Ричард узнал бы, что птички упорхнули.

Как и договорились заранее, принцев отвезли в деревню Сиднем, на другом берегу Темзы, где на краю леса стоял небольшой дом лесничего Дайна, отца Джейн. Он происходил из уважаемого, хотя и небогатого рода, не любил шумной городской жизни и предпочитал не убивать зверей на охоте, а охранять их от разбойников.

Сначала пришлось перебираться через Темзу на лодке, потом искать и ждать лошадей, которых выслал за гостями предупрежденный мистер Дайн. Добрались до теплого, уютного дома чуть ли не к утру. Все уморились так, что Эдди заснул прямо в седле и чуть не свалился с лошади, а Дика мистер Дайн, такой же круглолицый и добрый, как и Джейн, вез на руках.

Толстая и добродушная миссис Дайн встретила их в дверях.

Кровати для путешественников были готовы, горячее молоко ждало мальчиков и Алису. Помощники лесничего не ложились спать и устроили засаду на лесной дороге, чтобы никто не подобрался к принцам незамеченным. «Шутка ли — король Англии и его брат под крышей нашего скромного дома!»

Алису тоже сморил сон.

Поспать ей удалось лишь часа два, так как с первыми лу-

чами солнца Джейн разбудила ее, чтобы вернуться в аббатство. Лучше, если их отсутствия никто не заметит.

Но уехать незаметно не удалось.

Когда Алиса садилась на коня, окошко на втором этаже распахнулось, из него высунулась сонная физиономия короля Англии, и Эдуард сказал:

— Хоть бы попрощалась, Алиса. Я тебе даже спасибо не сказал.

Он был уже взрослым мальчиком, и в нем чувствовались задатки настоящего короля.

Эдди долго махал вслед Алисе и Джейн. Грини с ними не поехал. Он остался в доме лесничего. И не потому, что должен был охранять мальчиков — лесничий с этим и сам справился бы, — а на случай, если надо будет срочно отправить гонца в Лондон.

День выдался жаркий, даже душный. В городе начинались приготовления к коронации. Вывешивали флаги и гербы, между домов над узкими улицами укрепляли зеленые гирлянды, на площадях герольды читали перед толпами народа указы будущего короля и постановления парламента.

Коронацию назначили на 6 июля. Оставалось еще несколько дней.

Алиса и Джейн протолкались сквозь толпу к входу в аббатство. Монахи, сторожившие вход, узнали их и сразу же впустили.

Они прошли в покои королевы.

— А я стояла у окна, — сказала Елизавета. — Я вас издали увидела.

Прибежала Лиззи.

Королева расспрашивала Алису о совершенных пустяках. Алисе даже странно было слышать вопросы о том, не кашляет ли Дик, у него горлышко слабое, не жаловался ли на зубы Эдди. У него режется зуб мудрости — так рано, но это говорит о его высоком происхождении!

Лиззи перебила мать и принялась спрашивать, видела ли Алиса Генри Уайта. Пришлось прервать рассказ о мальчиках и поведать о приключениях сэра Генри и его кошки.

— Это не кошка! — уверенно сказала Лиззи.

— Я тоже так думаю, — поддержала ее Джейн. — Это до-

брая фея. Только я не знаю ее имени. У нас еще осталось несколько древних фей, и кое-кто из них добрые. Видно, она пожалела Генри и превратилась в кошку.

— Что он тебе сказал? — спросила королева.

— Он сказал, что все успел исполнить.

— Честное слово? Повтори его слова, точно повтори!

— Он все успел исполнить и передал мешочек.

— Слава богу! — вздохнула королева.

— А он видел моего Генри? — спросила Лиззи.

— Помолчи! — рассердилась на дочь Елизавета. — Ты всех нас подведешь.

Больше о Генри Уайте они не говорили, и Алисе не удалось понять, что же за мешочек и кому он успел передать. Хотя узнать это было очень любопытно.

Вбежал монах и с порога пропел:

— Его высочество герцог Глостер!

Королева привычным жестом указала Лиззи и Алисе за занавеску. Джейн убежала по хозяйственным делам.

Ричард вошел решительно и так быстро, что опрокинул табуретку.

— Можешь поздравить меня, — объявил он с порога, будто специально пришел принять поздравления. — Через десять дней меня коронуют, и тебе меня не остановить.

— Я не намерена останавливать вас, герцог, — сказала королева. — Что вас привело ко мне в столь ранний час?

— Для нас, государственных мужей, ранних часов не бывает, — ответил Ричард. — Я хочу внести ясность в наши отношения.

Он закрыл дверь и прислонился к ней спиной, словно боялся, что кто-то войдет. Королева продолжала сидеть.

— Не знаю, как мне лучше поступить с твоими щенками, — сказал Глостер. — Могу их придушить, могу отдать тебе. В обмен на девочку Лиззи.

— Исключено, — спокойно ответила королева.

— Учти, я ведь не добрый дядя. Мне нужна корона и спокойствие в государстве. Если твои дети останутся живы, они всегда будут представлять для меня угрозу. А вдруг кто-то поднимет восстание в их пользу?

— Ты же сам объявил, что они — бастарды.

— Я объявил, другой скажет, что я солгал. Я никому не доверяю.

— Что же ты предлагаешь?

— Ты знаешь, как нежно я отношусь к твоей дочке. Я не могу на ней жениться...

— Пока не убил свою жену, — язвительно сказала королева.

— Глупости! Анна больна и скоро помрет своей смертью. Я не могу жениться на Лиззи, потому что сам объявил ее незаконной. А мне нельзя жениться на простолюдинке.

— Твой старший брат смог жениться на мне.

— И видишь, что из этого вышло. Страшно подумать — в любой момент ты можешь остаться одна. Ты не боишься?

— Господь решит, что нам делать.

— Не очень на него надейся. Его многие просят — откуда ему знать, чья молитва громче?

— Ты не сказал, о чем просишь, — произнесла королева.

— Пока я прошу, но завтра буду приказывать. Я предлагаю тебе отдать Лиззи за хорошего рыцаря. Я сам буду заботиться о ней и о ее муже.

— Ничего не выйдет, Ричард.

— Тогда пеняй на себя! — вспылил Глостер. — Тебе не вечно сидеть в этой дыре! Я выкурю тебя, и тогда уж не буду ни о чем просить. Я буду приказывать, а ты — вылизывать мне сапоги!

— Оставь нас в покое!

— Ты подписываешь смертный приговор собственным сыновьям!

— Ты не посмеешь их убить!

— Еще как посмею!

— Мой ответ окончательный! Я уповаю на милость Господню!

— Дура! — закричал Ричард. — Дура, убийца!

Он распахнул дверь.

И произошла комичная сцена. Рыцари и вельможи, которые подслушивали под дверью, опираясь на нее, когда дверь распахнулась, ввалились в комнату, как груда капустных кочанов.

— Идиоты! — заревел Ричард и, наступая на руки и ноги соратников, ринулся в коридор.

— Надо предупредить об опасности констебля, — сказала Алиса, выходя из-за занавеса. — Глостер и в самом деле может отдать приказ об убийстве племянников.

— Нечего его предупреждать! — взъярилась Лиззи. — Этот тюремщик заодно с дядей Ричардом.

— Попробуй пробраться поближе к Брендбьюри, — сказала королева Алисе. — Расскажи ему о визите Ричарда. Меня он встревожил. Ведь констебль — тоже отец. Он тоже страдает.

— Он из-за денег страдает, — буркнула Лиззи. — Но замуж я ни за кого не пойду.

— Решаю за тебя я, — оборвала ее королева. — Ты у нас еще несовершеннолетняя.

— Ты что, послушаешься Ричарда?!

— Мои дети — его заложники.

— Но это неправда!

Королева топнула ногой и прижала палец к губам.

Тут даже Лиззи сообразила и мрачно замолчала.

Алиса снова стала собираться в путь. Честно говоря, после всех этих поездок она страшно устала, но дело было прежде всего.

У тети Лизы Алиса получила несколько серебряных шиллингов на всякий случай и пошла прочь.

В темном коридоре она увидела трех странных монахов. Они явно собирались заглянуть к королеве. Алисе они не понравились. У них была солдатская осанка, и даже сутаны сидели на них, как латы.

Они ждали, пока Алиса уйдет.

Но она не ушла, а кинулась обратно.

— Ваше величество, — прошептала Алиса. — Там монахи. Это переодетые солдаты!

— Молодец, — похвалила ее королева. — Это гости ко мне. Сделай вид, что ты никого не видела.

И Алиса снова побежала на улицу, протолкалась сквозь толпу зевак и направилась к Тауэру.

Что за переодетые монахи приходят к королеве? Вот уж кто не похож на заговорщицу! И держится она из последних

сил — все время думает о своих мальчиках, беспокоится о Лиззи, боится будущего короля. Но Елизавета совершенно не способна сопротивляться злу.

А у этих монахов явно военная выправка...

Улицы были оживлены, словно наступало Рождество. Но оживление не было радостным. Алиса перехватывала звуки, голоса, слова, фразы:

— Это добром не кончится!

— Господь все видит!

— Говорят, принца Эдуарда уже зарезали...

— А что ему станется! Он и короля уморил!

— Помолчи, здесь всюду его шпионы.

— А что, если я шпион, то буду покрывать убийц?!

— Кто тут убийца?

— А королева-то слезами умывается...

— Неужели она и в самом деле ненастоящая?

— Долго ему не царствовать. Сковырнут его. Многих он уже обидел, а если поднимет руку на принцев, его уже никто защищать не захочет.

Алиса шла по морю голосов.

Люди были недовольны Ричардом, никто его не защищал, но на коронацию все равно собирались — говорили, что во время церемонии будут давать бесплатное пиво, кидать в толпу золотые монеты, а то и коня могут подарить...

Потом улицы опустели. Справа между домами показалась Темза. Скоро и Тауэр.

Только тут Алиса подумала: а как ей туда проникнуть? Ведь надо спешить, сыновей констебля могут убить.

Ворота в Тауэр были закрыты, но калитка распахнута.

— Господин стражник, — взмолилась Алиса. — Можно мне пройти к сэру Брендбьюри?

— И не мечтай! — отрезал стражник. Он был пожилым, растолстевшим на сытной должности, но не злобным. — Сюда никому нельзя. У нас особый режим — коронационный!

И стражник торжественно поднял указательный палец. Но потом пригляделся и спросил:

— А где я тебя уже видел?

— Да я же племянница сэра Брендбьюри, — заныла Али-

са. — Я же сюда уже ходила. У нас тетя захворала, может, даже заколдовали ее — разве в наше время можно в этом разобраться?

— Это точно, — согласился стражник.

— Мы в деревне живем, — сказала Алиса. — Но не в крестьянском доме, а в господском. Наш господин сквайр — кузен сэра констебля. Он разводит куниц.

— Быть того не может!

— И еще у него рядом с домом плотина, на которой бобры живут.

— Еще того не легче!

— Он их разводит, а потом шкурки снимает и продает в городе. Конечно, доход небольшой, но концы с концами сводим.

— Вот никогда не знал, что куниц и бобров разводить можно, — удивился стражник.

— А сейчас у нас бобриную плотину прорвало, и водой все клетки с куницами затопило. И если дядя Джон нам не поможет деньгами, то придется бабушкой пожертвовать.

— Как так пожертвовать?

— Она у нас на втором этаже живет, в сухой комнате. Мы туда куниц переселим, а бабушку вниз, в куничью клетку. Там, конечно, тесно, но что будешь делать! Скорчится, потерпит. Сейчас тепло.

— Ужас какой-то! — расстроился стражник.

— Это еще не все, — разошлась Алиса. — А вчера бешеный енот к курам забрался, половину сожрал, других перекусал, боимся, что взбесятся куры, клеваться начнут...

— Ты иди, девочка, — перебил ее стражник. — Проходи к своему дяде. Не надо мне больше ничего рассказывать, мне же здесь ночью стоять, а тут привидения водятся, самые злобные во всем Лондоне. Так их тоже можно понять, привидения-то. Куда им деваться — что ни день, голову с плеч. Ты иди, девочка, иди, не оглядывайся.

Алиса с облегчением пробежала через двор. Больше ее никто не останавливал. Дверь в дом констебля была приоткрыта — вот и хорошо, стучаться не надо!

Алиса взбежала по лестнице на второй этаж и замерла,

потому что услышала наверху голоса. Но не мужской и женский. Не семейные, а два мужских голоса.

Алиса стояла неподвижно. Идти дальше или стучаться было опасно, особенно после того, как она поняла, о чем идет речь.

— А где же ваши детишки? — спрашивал низкий незнакомый голос, даже не столько низкий, как простуженный.

— Мои старшие в деревне, у кузена, — отвечал констебль. — Время сейчас летнее, пускай побегают по лесу, ягодок поедят, на травке поваляются.

— Разумное решение, — согласился простуженный голос. — Детям летом не место в Тауэре. Никаким детям не место. Меня вот послал к вам герцог Глостер. Его высочество хочет освободить вас от заботы о лжепринцах. И я думаю, он правильно рассуждает. Мы-то с вами знаем, что они не принцы, а если какой-нибудь французский самозванец начнет кричать, что принцы настоящие, народ и поверит. Народ английский глуп как пробка.

— И что же предлагает господин герцог? — осторожно проговорил констебль.

— Он хотел поручить вам ликвидировать мальчиков.

— Я не понимаю этого слова.

— Какая жалость! — произнес простуженный голос, и Алиса догадалась, что это Тайрелл, подручный Глостера, присланный, чтобы разделаться с принцами. Вряд ли можно было подыскать другое объяснение такому визиту.

— Какая жалость! — повторил мистер Тайрелл. — А господин герцог так надеялся на вас. Он как раз присматривал верного человека на пост лорда-мэра Лондона, со всеми почестями и доходами. Но это должен быть человек, абсолютно преданный герцогу и Англии.

— Я, конечно, рад бы сделать все, что надо... — начал констебль и неожиданно замолк. И понятно почему. Он, видно, вспомнил, что вместо принцев в башне сидят его собственные сыновья — не будет же он ликвидировать своих детей, как древняя царица Медея.

И потому он глубоко вздохнул.

Алиса догадалась, почему он вздохнул. Он проклинал

фрейлину Джейн и собственную жадность. Погнался за кучей фунтов на загородный дом и упустил такой шанс!

— Нет, — сказал констебль. — Не могу я это самое: ликвидировать принцев.

Видно, новое иностранное слово давалось ему с трудом.

— Что ж, не видать тебе, голубчик, поста лорда-мэра. А принцами придется заняться мне.

— Сейчас? — спросил Брендбьюри, и голос его дрогнул.

— Можно и сейчас, — согласился Тайрелл.

— Я бы хотел сменить стражу, — сказал констебль. — Стражники здесь стоят чужие, не из моей команды. А вот ночью, после полуночи, стражники будут верные. Вы же не один придете, чтобы ликвидировать?

На этот раз новое слово подчинилось констеблю почти сразу.

— Да я и не собирался идти туда при свете дня, — ответил Тайрелл. — Я приведу своих людей. Вы же мне своих не дадите?

— Нет никого, кому я мог бы доверить такое дело, — признался Брендбьюри.

— Допускаю, — сказал Тайрелл. — Но это значит, что вы плохо воспитываете своих слуг. Значит, так: я буду здесь за полчаса до полуночи. С помощниками. Подниматься к вам я не стану. Ждите меня возле башни. Кстати, я попрошу вас поставить у входа в башню две лопаты.

— Зачем лопаты? — не понял констебль.

— Чтобы яму копать, — спокойно ответил Тайрелл. — Куда мы тела девать будем? Не на газоне же трупы бросить?

— О да, конечно, — пропищал констебль. Вот уж Алиса никогда не могла подумать, что он может так пищать.

Конечно, он перетрусил.

— Я провожу вас, — предложил констебль.

— Не стоит. Нас не должны видеть вместе. Меня здесь не было. И зря вы отказались. За каждую головку принц заплатил бы вам по десять фунтов. Вы когда-нибудь видели такие деньги?

— Что вы, мне и не приходилось! — ответил констебль.

«Еще бы, посадил своих детей в башню за пятьсот фунтов», — подумала Алиса.

Она нырнула на кухню, где у плиты стояла грустная миссис Брендбьюри и помешивала поварешкой в кастрюле.

Алиса прижала палец к губам.

Миссис Брендбьюри сразу поняла ее — видно, тоже подслушивала.

За дверью было слышно, как Тайрелл спускается по лестнице. И через минуту на кухню на цыпочках вбежал констебль.

— Марта! — воскликнул он громким шепотом, но тут увидел Алису в платье Бекки и осекся.

— Я опоздала, — сказала Алиса. — Я спешила к вам, чтобы предупредить, что герцог Глостер решил убить принцев. Значит, вашим мальчикам грозит смертельная опасность.

— Честное слово? — Констебль был даже растроган.

— Можно дать вам совет? — спросила Алиса.

— Мала еще советы мне давать, — буркнул констебль.

— Тогда не буду, — пожала плечами Алиса.

— Говори, девочка, говори, — попросила миссис Брендбьюри.

— Как стемнеет, вы, конечно, выведете Робина и Питера из темницы, — сказала Алиса. — Но это не самое трудное. Самое трудное спасти их потом.

— Я их домой приведу, и все тут! — сказал констебль. — А ты, девочка, не вмешивайся в дела старших.

— Но ведь все знают, что ваши дети в деревне! — возразила Алиса. — И если принцев начнут искать по всей крепости и найдут ваших сыновей, может получиться, что вам придется отвечать на неприятные вопросы.

— Слушай, Джон, слушай, что умные люди говорят, — запричитала жена констебля.

— Да я слушаю, — вздохнул сэр Брендбьюри.

— А если кто-то решит пытать мальчиков? И они расскажут, в какую историю вы влипли, сэр? Вам не сносить головы. И боюсь, всей вашей семье тоже.

— Вот именно! — закричала миссис Брендбьюри. — Мерзавец, убийца собственных детей!

— Погоди, Марта, — остановил жену констебль. — Что же ты предлагаешь, Алиса?

— Их надо спрятать там, где никто искать не будет.

— Где же?

— В тюрьме!

— Не говори загадками, — рассердился констебль.

— Их будут искать во дворце, в домах, но кто будет искать беглецов, ушедших из одной тюремной камеры в другую?

— В какую же?

— В ту, где сидит Генри Уайт, — сказала Алиса. — Он верный человек. И очень умный. К нему никто не сунется искать принцев.

— Может быть... — произнес Брендбьюри. — Может быть...

— И сколько им там прятаться? — спросила Марта.

— А это зависит от хитрости сэра Джона, — ответила Алиса. — Он должен убедить Тайрелла, что тот тоже рискует головой, если не доложит, что выполнил приказ и убил принцев.

— Это точно, — кивнул констебль.

— Вот если он поймет, что ему лучше доложить, что принцы убиты, то вы спасены. Скажите, что сами боитесь за свою голову: Ведь это правда:

— Ведь это правда, — повторила Марта. — Он поймет...

— ...что у вас общие интересы, — подхватила Алиса. — Ведь Ричард Глостер не станет разбираться, кто виноват в том, что принцы исчезли. Просто возьмет и всем отрубит головы — и виноватым, и невиновным.

— Это точно, — еще раз сказал констебль.

— Пускай Тайрелл доложит Глостеру, что принцы убиты и больше ему не надо бояться соперников.

— Не надо бояться, — как загипнотизированный, повторил констебль.

— А вы через некоторое время спокойно выведете своих мальчиков наружу, а может быть, и не будете выводить. Все быстро забудут о том, что Робин и Питер были в деревне. Вы скажете, что они вернулись, но вас в этот момент не было рядом.

— А ты горячего молочка на дорогу не выпьешь? — предложила Марта.

— С удовольствием, — согласилась Алиса. — А то я не выспалась, приехала издалека и очень устала.

Алиса выпила молоко и пошла вместе с констеблем в Зеленую башню. Заходить не стала, а позвала Уайта к окошку. Тот высунул усы в бойницу, и Алиса сказала ему, что скоро у него будут гости и чтобы он верил констеблю. Чему сам Уайт поверил с трудом.

Глава двадцать третья

КОРОНАЦИЯ

Коронация прошла благополучно. Стреляли пушки, взлетали фейерверки, король принял корону от архиепископа Кентерберийского и поклялся верно служить народу. Нанятые простые люди кидали вверх шляпы и кричали «гип-гип-ура».

Но на самом-то деле весь Лондон, а вскоре и вся страна гудели возмущением. Уже все знали, что принцы исчезли, но кто-то где-то слышал, что незадолго перед тем король приказал своему подручному, бандиту Тайреллу, их задушить. Тот потом доложил, что задушил мальчиков подушками и закопал их под лестницей башни. Кто-то об этом услышал, кто-то по секрету рассказал жене или брату... И теперь уж до конца жизни Ричарду Глостеру (или, как он теперь звался, Ричарду Третьему, королю Англии) от этого клейма не отделаться.

Хоть Джон Тайрелл, верный пес Ричарда, обманул его, сохраняя свою голову, и тем самым сохранил голову сэру Брендбьюри, видно, он все же сказал что-то новому королю о констебле Тауэра. Иначе почему Ричард на следующий день после коронации выгнал констебля с королевской службы? А Брендбьюри и не возражал: тут же собрал свое имущество, забрал супругу и детей — трех мальчиков и двух девочек, — погрузил все на три подводы и покинул Тауэр. И не только Тауэр, но и Лондон. Больше его там и не видели. Говорили, что он живет в глуши, в новом кирпичном доме.

А потом он объявился в графстве Кент, у губернатора графства Генри Уайта, близкого друга нового короля, и стал

трудиться управляющим его громадными имениями, получив странное звание: «Заботник о кошках». А кошек, я вам скажу, у сэра Генри Уайта было две дюжины, если не больше. И ели они только мясо и рыбу. А если кому из них попадал в когти голубь или какая другая птица, то кошка была обязана отнести эту добычу самому сэру Уайту. И, поверите вы мне или нет, не было кошки, которая бы нарушила этот уговор.

Глава двадцать четвертая

ВОССТАНИЕ БЭКИНГЕМА

Эти дни Алиса прожила в аббатстве.

Королева печалилась, беспокоилась за принцев, но пока им ничто не грозило. И Елизавета занималась своими тайными делами, о чем Алису в известность не ставила.

В аббатстве время от времени появлялись монахи, которые были не похожи на монахов, но никто их не выдал.

Как-то Джейн сказала:

— Все знают, что Ричарду недолго цепляться за трон. А когда все в стране знают об этом, желаемое становится действительным. Ты меня понимаешь, Алиса?

— Еще как понимаю, — согласилась с ней Алиса.

А на следующий день Ричард, прослышав о том, что на берегу высадился отряд бунтовщиков, кинулся туда во главе отряда рыцарей и в коротком сражении разбил врагов. И не только разбил, но и казнил всех пленных жестокой смертью, что было нарушением воинских правил — но что Ричарду правила!

С каждым днем его правление становилось все более жестоким. Подручные Ричарда сводили счеты со своими давнишними врагами, которых не смели тронуть при прежнем короле. Виселицы гнулись под тяжким грузом человеческих тел, головы насаживали на пики и водружали возле городских ворот. И так король был жесток и скор на расправу, что страна затаилась, ожидая, когда же придет рыцарь, чтобы освободить их от узурпатора. Но рыцаря все не было, а Ричард все наглел.

Глубокой осенью он прислал в Вестминстер своего друга Бэкингема с требованием: «Пусть королева немедленно убирается из аббатства, а то король запретит пропускать туда хлеб и воду, и тогда монахи перемрут с голоду, а виновата будет Елизавета».

Честно говоря, королеве и самой уже страшно надоело сидеть взаперти.

Если бы не боязнь за судьбу Лиззи, она бы давно покинула аббатство — теперь она меньше боялась за детей, а Ричарда просто презирала.

А Ричард думал, что королева трепещет от страха.

То есть теперь он полагал себя в полной безопасности и мог измываться над королевой как хотел. Что могло его остановить?

— Готовы ли вы с принцессой Лиззи переехать в дом, который вам подготовил король Ричард? — спросил красавчик Бэкингем.

Алиса заметила, что за последние недели Бэкингем сильно изменился. Он похудел, потускнел, даже одежда на нем обвисла.

— Мы готовы, — покорно ответила королева. Даже не стала выяснять, что за дом, насколько он готов, удобен и соответствует ли положению королевы Англии.

Оказалось, что дом ничему не соответствовал. Это была хибара, развалюха у реки на окраине города, где жили попрошайки, бродяги и всякий беднейший люд.

— Вот здесь вы будете жить, — сказал король Ричард. Он поджидал их в комнате, где горел очаг, но не давал тепла. Пол был покрыт гнилой соломой. У стены стояла лежанка для королевы и ее дочери.

— Это хлев? — ошеломленно спросила Лиззи.

— Это твой временный дворец, моя любимая красавица, — ответил король Ричард. — И ты пробудешь здесь до тех пор, пока не выйдешь замуж за моего лучшего друга, будущего графа Тайрелла.

Корявый бородач с обезьяньими глазками под нависшими бровями выступил вперед и слегка поклонился.

— Ты выйдешь за него замуж, и мы сразу сменим твой

дворец, Лиззи, — сказал Ричард. — А я буду любить тебя и лелеять.

— Вы с ума сошли! — воскликнула Лиззи.

— Я совершенно трезв и разумен, — ответил король. — Кому ты теперь нужна, девка безродная? Кто на тебя польстится?

— У меня есть жених! — закричала Лиззи. — Он вам за меня отомстит!

— Есть ли? — засмеялся король. — И кто же он?

— Вы его знаете! Это Генри Ричмонд!

— Генри Ричмонд во Франции. До вчерашнего дня он бегал по ней, как заяц, скрываясь от моих убийц. Но вчера они его настигли.

— Не может быть! Вы лжете!

— У меня есть донесение, — сказал Тайрелл. — Извольте прочесть.

Он показал Лиззи мятый свиток, но в руки не дал.

А Лиззи вместо того, чтобы прочесть, стала отмахиваться от свитка, как от осы — так она боялась прочесть ужасную новость.

— Видно, на вас трудятся ангелы, — тихо сказала королева.

Алиса, Джейн и две служанки — все, что осталось от свиты королевы Англии, стояли за спиной Елизаветы возле стены, по которой нагло бегали тараканы. В сторонке остановился герцог Бэкингем, а лицом к лицу с Лиззи и королевой стояли Ричард и Тайрелл.

— При чем тут ангелы? — рявкнул король.

— За один день весть из Франции могут принести только ангелы!

— У нас есть почтовые голуби, — ответил король. — Не надейтесь на помощь из Франции. Стоит бунтовщикам высадиться на нашем берегу, их растопчут кони моих рыцарей.

Взгляд Ричарда упал на клетку с голубями, что стояла на окне. Их приносили королеве ночные гости.

— Вижу, что и у вас завелись голуби? — ядовито сказал король. — Что-то не похожи они на почтовых!

— Я купила их, чтобы сделать жаркое, — ответила королева. — У меня нет денег на говядину.

— Мясо вам не по чину! — захохотал Ричард. — Ты согласен, Бэкингем?

— Вы правы, ваше величество, — покорно согласился герцог.

«Теперь я вижу, что они больше не друзья, — подумала Алиса. — И я даже читала, как это произошло». Ричард отправил епископа Мортона, друга королевы, в замок Бэкингема, чтобы там он сидел под стражей. Но герцог не только объявил епископа своим гостем и обедал с ним за одним столом, но и вел с ним долгие беседы о чести и совести рыцаря, о Боге и справедливости. Может быть, эти беседы и не изменили бы Бэкингема, но епископ был умным человеком и не забывал напомнить герцогу, что у него такие же права на престол, как и у Ричарда. И если народ и бароны восстанут против короля, лучше всего поспешить и занять трон самому.

Ричарду донесли о том, что Бэкингем ведет себя странно и подозрительно. Так что теперь оставался всего шаг, чтобы лучшие друзья стали злейшими врагами. Они стоили друг друга, но Бэкингем был хищником помельче.

— Если же вы будете упрямиться и вести себя неразумно, — сказал король, — то мы отыщем для вас дворец похуже этого и отдадим Лиззи замуж за нищего. Я умею мстить и помню зло, причиненное мне.

— Я никогда не мучила тебя, Ричард, — сказала королева.

— Я тоже был к тебе добр, — усмехнулся Ричард. — Теперь же я хочу всего лишь устроить счастье твоей упрямой девчонки. И учти, я редко трачу время на простолюдинок. Сейчас я забочусь о моем друге Тайрелле, который, кстати, недавно вернулся из Тауэра, где встречался с твоими сынишками.

— Это правда? — спросила королева.

— Я видел их, как вас, королева, — ответил Тайрелл.

— Здоровы ли они?

— Здоровы, здоровы, — засмеялся Тайрелл. — Не скажу, чтобы живы, но наверняка здоровы!

— Помолчи, — одернул Тайрелла Бэкингем. — Забыл, с кем говоришь?

— Он говорит с подружкой моего брата, — ответил за Тайрелла Ричард. — И неизвестно, сколько еще дружков у нее было! А тебе лучше за нее не вступаться. Может, и тебя видели в числе ее дружков?

Бэкингем насупился, но промолчал. Или он боялся короля, или затаил обиду и не хотел ее показывать.

— Кстати, — сказал Ричард. — У меня в Тауэре засиделось несколько глупых баронов, таких, как сэр Уайт, который со дня на день помрет от голода. Хочешь, чтобы он пожил еще немного, дай согласие на брак.

— Разве я могу противиться воле короля? — робко произнесла Елизавета.

— Вот это правильно! — обрадовался Ричард.

— А когда свадьба?

Никто, даже король, не ожидал от нее такого вопроса.

Все замерли.

Ричард тихонько завыл, будто волк, увидевший добычу.

— Так ты согласна? — спросил он.

— А у меня есть выбор? — ответила вопросом на вопрос королева.

— Мама! — воскликнула Лиззи. — Мама! Не смей! Я никогда не соглашусь! Ты же королева Англии! Как ты можешь с ним соглашаться? Ты хочешь опозорить меня и всю нашу семью?

— Я хочу жить, — тихо сказала королева. — И я хочу, чтобы моя дочь тоже была жива.

— Правильно, — поддержал ее король. — Вы, простые люди, не думаете о чести. Вам бы живот набить да дружка найти! Учись у мамаши, козленок!

— Когда свадьба? — повторила королева.

— В конце месяца, — сказал король.

— Первого сентября, — решительно сказала королева.

— Что за отсрочка? — удивился Ричард.

— Я пошла тебе навстречу. Я согласилась отдать тебе дочь. Ты же прикажи дать нам дом, достойный нашего положения, верни мне слуг, присылай нам еду...

— А где же твои драгоценности, королева? — нагло спросил Тайрелл. — Найми на них слуг, купи дом.

— И прикажи твоему слуге, — продолжала Елизавета, не

обращая на него внимания, — чтобы он пощадил несчастную вдову.

— А вот этого, — засмеялся Ричард, — я ему приказать не могу. Ведь он будущий зять королевы Англии!

Ричард и Тайрелл расхохотались, а герцог Бэкингем лишь скривил рот не то в усмешке, не то в гримасе отвращения.

— А в самом деле — где твои драгоценности, королева? — отсмеявшись, спросил Ричард. — Мой братишка не жалел государственной казны, чтобы ублажить свою крестьяночку.

— У меня их отняли, — прошептала королева.

— Кто? Когда? Почему мне не доложили?

— Я расскажу тебе после свадьбы, — сказала Елизавета.

— Ладно, — согласился Ричард. У него было благодушное настроение. Он добился своего. Даже легче, чем ожидал. — Только другого дома я вам пока не могу дать. Ведь не в королевском же замке селить крестьянок! Докажете покорность — награжу.

Король пошел к двери. По дороге хотел потрепать свою Лиззи по щечке, но та умудрилась повернуть голову и вцепиться зубами в его кисть.

Тот вырвал руку, помахал ею в воздухе и, коротко размахнувшись, дал девушке пощечину. Лиззи было так больно, что она вскрикнула.

— Учись, собачонка, — холодно сказал Ричард. — А ты, Тайрелл, позаботься, чтобы после свадьбы она была как шелковая.

— Слушаюсь, сэр, — почтительно склонил голову Тайрелл.

Они вышли из комнаты: король, Тайрелл и последним — герцог Бэкингем.

Лиззи сквозь слезы принялась упрекать мать за предательство, но Елизавета и слушать ее не стала. Она подошла к окну — совсем близко, закрывая свет, темнела стена соседнего дома.

— Неплохой дом, — сказала королева. — К нему легко подойти в темноте, и я думаю, что теперь король не будет

тратить сил на то, чтобы выслеживать нас. Он сломил меня, убив моих мальчиков и отняв дочь.

— Что ты говоришь, мама! — возмутилась Лиззи. — Ты, наверное, сошла с ума. Ты забыла...

По знаку королевы Джейн подхватила плачущую принцессу и потащила ее в дальнюю комнату — в доме их всего было три, если не считать кухни в подвале.

Алиса осталась в главной комнате с королевой.

— Для того чтобы подняться, — сказала королева, словно разговаривая сама с собой, — надо упасть на самое дно... на самое дно пропасти...

— Мне что-то надо делать? — спросила Алиса.

— А то как же! — очнулась от своих мыслей королева. — В этой хибаре столько дел. Жаль, что я королева и не могу взяться за тряпку и начать мыть пол. А вдруг кто-нибудь из подданных увидит и сообщит всему миру, что я — простая прачка, околдовавшая короля Эдуарда?

— Даже если и прачка? Вам-то что?

— И то верно, — согласилась Елизавета. — Ты мне составишь компанию?

— Разумеется! — воскликнула Алиса.

— Тогда тащи тазы и ведра, тряпки и швабры! Давай вымоем пол и стены, выгоним мышей и тараканов! Нам тут придется пожить, и лучше, если мы будем жить в чистоте.

И они занимались уборкой до самого вечера.

Джейн и обе служанки им, конечно же, помогали, а Лиззи заявила, что она принцесса крови и ей плевать на то, как ее мать себя позорит. Она уже опозорила ее в глазах узурпатора и собирается отдать ее отвратительному мужлану. Одна надежда, что Генри все-таки живой, а не убитый...

Тут Лиззи ударилась в слезы, и ее оставили в покое.

А королева Елизавета мыла пол так же ловко, как Джейн, и Алиса поняла, что она в самом деле происходит из простой семьи, где девочкам положено заниматься домашними делами, а не ждать, пока это сделают слуги.

И казалось бы, Елизавета должна быть страшно удручена событиями сегодняшнего дня. Ну подумать только! Из аббатства выгнали, сунули в убогую лачугу, пришлось пообещать руку дочери отвратительному убийце... Никакого выхода, никаких надежд...

А она моет пол, улыбается и даже напевает веселую народную песенку. Разве так бывает?

«Значит, — подумала Алиса, — дела совсем не так плохи».

А как стемнело, в окошко постучали и пришли какие-то просто одетые люди, вернее всего, моряки. Они отдали Джейн несколько рыбин, чтобы приготовить ужин, а сами уединились с королевой и шушукались до полуночи.

Весь месяц после этого прошел в лачуге у Темзы в заботах и трудах. Какие-то люди приходили в темноте и исчезали под утро, порой раздавался звон оружия. Алиса тоже крутилась — по дому было много дел. К тому же она за этот месяц три раза ездила в Сиднем, потому что, кроме нее, никто не знал лесных дорог в графстве Кент. Джейн, конечно, могла и сама навестить отца, но она была женщиной не очень молодой и не любила скакать верхом. Не то что Алиса. Лиззи даже прозвала новую подружку кентавренком. Может, из зависти, ведь сама она была всадницей никудышной.

Алиса возила в дом лесничего письма от королевы и подарки мальчикам. Принцам нравилось жить в лесу, особенно после страшной башни. Они пропадали целыми днями, и когда приезжала Алиса, ей порой приходилось самой забираться в чащу, к любимому ребятами лесному озеру. Там они вместе купались и ныряли. Алиса учила принцев плавать. Сначала они боялись и вообще думали, что плавать недостойно настоящих принцев, но потом им так понравилось, что из воды их вытащить было нелегко.

Впрочем, никто не ограничивал мальчишек — живите как хотите. Здесь все самостоятельные люди.

Так что из всей охраны с ними был только паж Грини. Но он был не телохранителем, а старшим товарищем.

По дороге из лесничества Алиса узнала, что на юге страны поднялось восстание против короля и во главе стоит — в это трудно поверить! — герцог Бэкингем!

К этому времени Бэкингем уже убежал от Ричарда во Францию, где его ждал отряд рыцарей в пять тысяч человек. Он посадил рыцарей на корабли и поплыл через пролив, а

его сообщники и союзники должны были поднять восстание в тот момент, когда он высадится на английском берегу. И весь народ Англии кинется тогда на помощь Бэкингему и провозгласит его королем.

Восстание поднялось, но герцог к началу не успел. В проливе бушевали ветры, его корабли разбросало, и Бэкингем остался один.

Он стал тропинками и проселочными дорогами пробираться к своему замку, в то время как король Ричард мчался к морю, чтобы расправиться с предателем.

Могучий белый конь вынес короля на высокий обрыв. Белая меловая стена отвесно уходила к воде. Море было серым, мрачным, по нему бежали белые барашки. Вдали во мгле маленький кораблик боролся с волнами.

Над самым обрывом Ричард увидел старую разрушенную башню. Когда-то в незапамятные времена здесь сидели дозорные Если они видели на горизонте ладьи викингов, то зажигали огонь и поднимали тревогу.

Возле башни короля ждала монахиня в сером балахоне. Капюшон скрывал ее лицо, лишь глаза поблескивали из тени.

— Здравствуй, мой славный Ричард, — сказала монахиня глубоким молодым голосом. — Ты достиг всего, чего желал? Можешь расплатиться со мной.

Ричард спрыгнул с коня. Он так сутулился, что казался горбатым Пальцы рук чуть не касались земли.

— Я совсем не сплю, — сказал он. — Так тяжела дорога к трону.

— И залита кровью, — заметила фея Моргана.

— Я прошел ее ради Англии, ради моей страны, — торжественно произнес король. — Ни минуты отдыха, ни минуты покоя... Если бы не мои смелые решения, Англия полыхала бы в пламени гражданской войны. Мой брат Кларенс хотел поднять восстание против короны — мне пришлось пожертвовать любовью к нему ради государства...

— Не трать времени, Глостер, — перебила его фея Моргана. — Я знаю, что тебе пришлось убить короля Эдуарда и многих других... Тебе не удалось только убить племянников..

— Что? — Ричард даже отшатнулся. — Этого быть не может! Мой верный друг сам их задушил!

— Намерение убить — преступление не меньшее, чем само убийство. Послать убийцу к невинным детям — преступление худшее из всех возможных.

— Ты врешь, ведьма!

— Я не ведьма, мой маленький горбатенький герцог, — прошипела фея. Даже голос у нее изменился. — А ты — не король. Ты детоубийца, и я думаю, что смерть твоя наступит скоро.

— А я и ее убью, — пошутил король.

Но так пошутил, что если бы смерть услышала эти слова, наверное, она отошла бы подальше. С такими людьми, как Ричард Третий, король Англии, лучше не шутить.

— Твои племянники живы, подумай об этом, — сказала фея Моргана.

— Оставь, я верю Тайреллу Он получит от меня принцессу.

— Принцессу ты присмотрел для себя. Но ради трона ты объявил ее самозванкой, а теперь не можешь на ней жениться. Вот и придумываешь глупости. А этот Тайрелл тебя уже ненавидит. И при первой же возможности предаст.

— Уйди, Моргана, — застонал король.

— И ты не достиг высшей власти, — продолжала фея, будто и не слышала слов Ричарда. — Ты временный король

— Кто же настоящий, постоянный?

— Мне неведомо будущее, — ответила фея Моргана. — Но если бы держать пари, то я поставила бы на Генри Ричмонда.

— Он даже не присоединился к Бэкингему, — сказал король. — У него нет денег собрать армию. Его никто не поддерживает. И некому ведать его английскими союзниками.

— А королева Елизавета?

— Ты поглядела бы, в какой хибаре она ждет свадьбы своей дочери! Я ее унизил как хотел, и она лизала мне сапоги. Ты бы посмотрела на нее!

— А ты заглядывал в ее глаза? Ты видел ненависть в ее глазах?

— Еще чего не хватало!

— Тогда ты — счастливый дурак, — засмеялась фея Моргана.

— Завтра я уничтожу Бэкингема!

— Своего последнего друга...

— Я уничтожу Бэкингема, и у меня не останется соперников в стране.

— Верни мне посох Мерлина! Ты обещал!

— Ты в самом деле думаешь, что мальчишки могли сбежать? Значит, возле моего сердца затаились предатели?

— Вот именно!

— Если достанешь мне головы принцев... то есть щенков Елизаветы, бастардов, то получишь посох незамедлительно.

— Знаешь, почему я до сих пор не ушла от тебя? — спросила фея Моргана. — Не так уж мне нужен тот посох...

— Тебя удерживает ненависть к людям?

— Меня удерживает любопытство. Я еще не видела такого законченного негодяя. Хочу досмотреть до конца спектакль с твоим участием. Хотя представление получается довольно тоскливое.

— Тебе придется долго ждать.

— Не думаю.

— Принеси мне головы мальчишек, и я тебя озолочу!

— Только этого мне не хватало! — в сердцах откликнулась фея Моргана и мгновенно растворилась в воздухе. Она не уходила и не исчезала. Просто была и не стало.

Король еще долго стоял на берегу и глядел вдаль.

Иной бы решил, что Ричард думает. А он наблюдал за тем, как терпит бедствие корабль недалеко от берега, как его несет на скалы, как ни стараются спасти свое судно моряки.

Король ждал, когда корабль погибнет.

Когда погибнут моряки на нем.

И тогда ему станет хорошо.

Король дождался, когда корабль разбило о прибрежные скалы.

Он вскочил на коня и вернулся к свите.

Если бы он обернулся, то увидел бы на вершине полуразрушенной башни силуэт женской фигуры в монашеском одеянии.

Но король Ричард никогда не оборачивался.

На первом же привале он приказал вызвать сэра Тайрелла.

Он сам допрашивал близкого соратника до утра. Но Тайрелл знал самое главное правило: никогда не признавайся. Чистосердечное признание тебя погубит. Скажешь правду, лишишься головы.

Поэтому он стоял на своем: сам задушил мальчиков, а потом закопал тела под башней. И если нужно, то можно трупы откопать.

Эти слова немного успокоили короля.

Вряд ли Тайрелл стал бы так рисковать и врать столь нахально.

Но Тайрелл был игроком. Он думал, что королю долго на троне не продержаться. И не успеет он раскопать яму под башней, которую уже никто не называл Садовой — теперь она называлась Кровавой. Так эта башня называется и по сей день.

Ричард ускакал на запад. По пути его отряды захватывали замки подозрительных баронов — тех, кто был дружен с Бэкингемом и мог пойти с ним против короля.

Так продолжалось, пока не поймали самого Бэкингема и не отрубили ему красивую голову.

Глава двадцать пятая

КОШКА ЕДЕТ В ЛЕС

Как-то августовским утром в хибару к королеве заявился жених Лиззи Тайрелл в красном камзоле и шутовских рейтузах — одна штанина синяя, другая красная. Так он представлял себе благородную одежду. В иное время Лиззи подняла бы его на смех, но тут всем было не до смеха.

— Скоро свадьба, — заявил Тайрелл с порога. — Не вижу приготовлений.

Королева и Лиззи испугались. Они так надеялись, что Тайрелл забудет о них.

А тот все время помнил о свадьбе. Казалось бы, если ты не веришь, что твой хозяин удержится на троне, зачем тебе эта невеста? Не для себя ведь женился! А по приказу.

Но Тайрелл знал, что Лиззи — настоящая принцесса, и думал, что если он станет мужем принцессы, а потом предаст Ричарда, то останется жив, здоров, богат, и к тому же его сделают герцогом.

Так что он заявился в хибару королевы в полном шутовском наряде, опоясанный длинным мечом, и изображал вежливость и благородство. А королева, стараясь не встречаться с ним взглядом, всерьез обсуждала будущую свадьбу, хотя Лиззи рядом не было.

— Да потерпи ты, девочка, — сказала Елизавета, когда Тайрелл наконец убрался. — Нам надо потерпеть еще немного. Нас освободят. Я каждую ночь тайно встречаюсь с разными людьми, лучшие люди королевства готовы прийти к нам на помощь. Но мы не можем так просто избавиться от узурпатора. Он очень сильный и хитрый человек. У него армия, он господин нашей страны. А ты, как маленькая девочка, дразнишь его цепного пса.

— Не могу терпеть! Не хочу!

— А меня беспокоит сейчас совсем другое, — сказала королева. — Если наши друзья победят, то сюда придет Генри Ричмонд.

— Мой Генри! Скорей бы он приходил!

— Он придет, чтобы стать королем, — сказала Елизавета.

— Вот и замечательно! — обрадовалась Лиззи. — А я стану королевой!

— Он, как и все, думает, что твои братья погибли.

— Мы напишем ему письмо, чтобы он поскорее приходил и помог вернуть корону брату Эдди.

Королева вздохнула.

— Лиззи, — сказала она. — Не бывает двух королей в одном королевстве. Мы должны выбирать.

— Ой! — Лиззи замолчала, прижала ладони к лицу, и Алиса увидела, как между пальцев на щеки принцессы выкатываются слезинки.

Девушка поняла, в какое положение они с мамой попали. Каким бы хорошим ни был Генри Ричмонд, но он поднимает восстание против Ричарда, чтобы самому стать королем. И его сторонники, бароны и рыцари, идут за ним как за будущим королем. А королева Елизавета даже не может со-

общить ему, что мальчиков спасли и вытащили из Тауэра. Во-первых, об этом сразу узнает Ричард, и тогда над Эдди и маленьким Диком снова нависнет смертельная опасность. Во-вторых, Генри может поставить условие: «Или я, или Эдуард». Принцев спасли, но вроде бы их и нет.

— Объявить, что они живы, — тихо проговорила королева, — значит не только снова подвергнуть их смертельной опасности, но и расколоть Англию. Сейчас все поднимаются против Ричарда за Генри Ричмонда. А в ином случае народ расколется на сторонников Ричмонда и сторонников маленького короля. А выиграет от этого только Ричард. И тогда, Лиззи, — королева печально улыбнулась, — тебе уж наверняка придется идти замуж за этого негодяя Тайрелла.

— Лучше смерть!

— Может, всем нам лучше тогда умереть?

Королева подошла к клетке с голубями, что стояла на окне, и насыпала птицам зерна.

Алиса подумала: «Как странно — принцы исчезли, и никто, даже их собственная мать, не уверен, стоит ли им оживать и выходить из леса».

И она не удивилась, когда Лиззи произнесла:

— Мама, давай пока никому ни о чем не будем рассказывать.

— У нас нет другого выхода, — печально ответила королева.

Алиса решила, что лучше оставить тетю Лизу с дочкой вдвоем — им сейчас ни до кого нет дела. Плохо жить беззащитным женщинам в средневековой стране. И никому они, в общем, не нужны, и никто их не защитит. А если и защитит, то еще неизвестно: из-за них самих, или из-за денег, или из-за власти. Алиса догадывалась, что королева отправила во Францию Генри Ричмонду все свои драгоценности, именно на эти деньги он сумел набрать войско. Но она не могла сказать наверняка, что случится, если он победит. Куда проще было догадаться, что произойдет, если он потерпит поражение. И королева об этом знала. А раз знала, значит, делала все, чтобы Ричмонд победил. И если надо будет выбирать — дочь или сыновья, пускай это решает судьба. Даже если судьба примет обличье Генри Ричмонда.

Алиса вышла из домика на улицу. Было позднее утро, возле дверей сидел нищий, которого подослал сам король. Нищие на этом посту менялись, чтобы ни на минуту не оставлять хибару королевы без наблюдения. Но почему-то в охране короля забыли о том, что у хибары есть черный ход. Через него туда и приходили гонцы из Франции и разных графств Англии.

Узкая грязная улочка вела к реке. Алиса прошла до поворота, и перед ней открылась блестящая грязь — целое море блестящей грязи. Было время отлива, Темза сузилась в несколько раз и узкой лентой текла по полю липкой тины, то есть по собственному дну.

— Мяу, — громко сказала кошка, которая сидела посреди улицы.

— Здравствуй, — сказала Алиса.

— Мяу, — повторила кошка, и Алисе показалось, что она говорит ей что-то, а Алиса не понимает.

Алиса присела перед кошкой на корточки и почесала ей за ухом. Кошка не возражала, но и не обрадовалась. Мурлыкать, как это делают все кошки, она не стала, а просто повторила:

— Мяу.

Медленно-медленно, словно говорила с неразумным котенком.

— Ах! — произнесла Алиса. Она узнала кошку. Конечно, это та самая серая кошка с белым пушистым животиком и белым треугольником на морде.

— Ты — кошка Генри Уайта, — сказала Алиса. — Ты спасла его от голодной смерти.

— Мяу! — утвердительно сказала кошка.

— Что-нибудь случилось с сэром Генри?

И вдруг кошка отрицательно покачала головой. Это было удивительней, чем если бы она заговорила. Все можно представить, но нельзя представить кошку, которая качает головой.

Как будто это не кошка, а человек, спрятанный в кошачью шкурку.

Но Алиса привыкла ко всяким чудесам, а здесь, в Средние века, лучше ничему не удивляться. Средние века куда

ближе к древним временам, к тайнам, оставшимся после эпохи легенд, чем XXI век. Ведьмы, пусть даже и последние, могут здесь встречаться за любым углом.

— Ты фея? — спросила Алиса.

Кошка не ответила. Она смотрела на Алису зелеными глазами, словно что-то внушала. Но что же?

Ну с кем еще может что-то случиться? Ведь кошка так просто не прибежала бы.

— Ой! — сообразила Алиса. — Может, что-то грозит принцам?

И тогда кошка кивнула. Честное слово — кивнула!

— Мне надо туда поехать?

Кошка снова кивнула.

Алиса не стала терять времени даром. Она схватила кошку и побежала к хибаре.

Она добежала в две минуты, ворвалась в комнату королевы и с порога крикнула:

— Я еду в лесничество!

— Что? — Королева вскочила с кресла и смертельно побледнела. — Что с мальчиками?

— Она мне сказала! — Алиса показала на кошку и отпустила ее.

Кошка легко вспрыгнула на кресло. Она встала, подняв хвост, и только самый кончик хвоста подрагивал.

— Что это за животное? — спросила королева.

— Ты ее на помойке подобрала? — брезгливо поморщилась Лиззи

— Вы ее не знаете. — Алиса остановила принцессу, которая уже хотела согнать кошку с кресла. — Это та самая кошка, которая спасла жизнь Генри Уайту. Она ловила голубей и приносила ему.

— Как же, слышали, — улыбнулась королева. — И зачем она пожаловала к нам?

— Я думаю, что это фея, — сказала Алиса. — У короля Ричарда есть подруга — фея Моргана. А у нас с вами есть в друзьях добрая фея, только мы не знаем, как ее зовут.

— Мяу, — с достоинством сказала кошка. Именно сказала, а не мяукнула.

И все поняли, что имеют дело с разумной кошкой, может

быть, с заколдованной феей, которая не умеет говорить, так как у кошек рот не приспособлен для говорения, но думают они не хуже самого умного человека.

— Кошка мне сказала, что принцам грозит опасность, — сказала Алиса.

— Только не это! — воскликнула королева. — Я так устала бояться за мальчиков!

Кошка молча слушала эти слова. Только чуть склонила голову набок, чтобы лучше слышать.

— Давай договоримся, — сказала кошке Алиса. — Если ты согласна, то кивнешь головой.

— Ой, не смеши меня! — воскликнула Лиззи. — Никогда не поверю, чтобы *помоечная кошка кивала головой*!

Кошка мяукнула коротко, будто прикрикнула на Лиззи. И Алиса сразу поняла, что эта кошка совсем не такая маленькая и добренькая — может быть, это даже очень старая и строгая кошка.

Но самое удивительное — и Лиззи поняла, что кошка хотела сказать. Она мало кого слушалась, но перед кошкой спасовала.

— С принцами что-то случилось? — спросила Алиса.

Королева тихо ахнула. Она уже заранее ждала самого плохого ответа.

Кошка отрицательно качнула головой.

— Но им угрожает опасность? — догадалась спросить Алиса.

Кошка наклонила голову.

— В доме лесничего?

Снова наклон головы.

— Нам надо ехать туда?

Кошка не ответила. Она в упор смотрела на Алису. И если бы могла пожать плечами, то пожала бы: решайте сами.

— Кошечка, скажи, пожалуйста, — попросила королева, — герцог Глостер узнал, где они прячутся?

Никак не могла Елизавета заставить себя назвать Ричарда королем. И она была права.

— Нет, — молча ответила кошечка.

— Но кто-то узнал?

Кошка кивнула.

— Я знаю! — Алиса вздрогнула от холодного ужаса. — О том, где они прячутся, догадалась фея Моргана?

И кошка снова кивнула.

— Это хуже, чем Ричард! — воскликнула королева.

— Я сейчас же еду туда, — сказала Алиса.

— Одна? — испугалась королева. — Это невозможно. Что может сделать одна девочка против феи, а может, и всей армии Ричарда?

— Я могу сделать больше, чем целая армия. Меня не заметят, меня не остановят, я смогу пройти там, где не пройдет ни один взрослый рыцарь. И еще я умная.

— С этим можно поспорить, — заявила Лиззи, а ее мать заметила:

— Если бы ты не была принцессой Англии, я бы надавала тебе подзатыльников. Не улыбайся, я попрошу твоего будущего мужа сделать это за меня.

— Я выйду за Генри? — воскликнула Лиззи.

— Глупышка, — вздохнула королева, — разве я знаю? Я даже не понимаю, хорошо это или плохо для моих сыновей.

И Алиса с ней согласилась.

Трон Англии — это не лодка для всех желающих.

— Я поехала, — сказала Алиса. — Я возьму Ланселота.

— У нас всего два коня осталось, — улыбнулась королева. — Так что выбирать не из чего.

— Возьми кинжал, — посоветовала Лиззи.

— Что я буду с ним делать? — удивилась Алиса.

— А вдруг нападут волки?

Лиззи не сказала, что Алиса должна с кем-то сражаться. И то хорошо.

— Взять кинжал? — спросила Алиса у кошки. Словно кошка могла решить что-то за людей.

Кошка кивнула.

— Ты все же не кошка, — сказала королева. — Но почему ты нам помогаешь? Сначала сэру Уайту, потом мне.

Кошка посмотрела на нее в упор.

Словно пожала плечами.

Она не хотела отвечать.

В этот момент в комнату заглянула фрейлина Джейн.

— К вам монах, ваше величество, — произнесла она так, словно это был не монах, а по крайней мере иностранный герцог.

— Пускай войдет.

— Мне уйти? — спросила Алиса.

— Надеюсь, что больше нам таиться не придется, — радостно ответила Елизавета.

В комнату вошел высокий монах, который, наверное, никогда не слышал о слове «смирение».

— Ваше величество, — монах чуть наклонил голову, — я принес вам долгожданную весть. Сегодня на рассвете сэр Генри Ричмонд высадился со своей армией возле Дувра. И сейчас он уже на берегу залива Митфорд-Хэвен. Он опустился на колени и поцеловал английскую землю, затем перекрестился и приказал отрядам идти вперед во славу Бога и святого Георгия.

— И много у него рыцарей? — спросила королева.

— Всего две тысячи, но он надеется на народ и баронов королевства. Он надеется на вас, ваше величество. И мы все на вас надеемся.

— У меня заготовлено письмо с советами для моего юного друга, — сказала королева.

И когда она поднялась с кресла, Алиса увидела, что Елизавета за несколько минут стала выше ростом, ее громадные глаза загорелись священным огнем. Куда делась тихая и покорная, страдающая немолодая женщина?

Даже Лиззи была поражена переменой, произошедшей с матерью.

— Уже третий день, — сказала королева, — мои посланцы ждут сигнала.

Она подошла к окну, распахнула его и махнула белым платком. Рядом стояла клетка с голубями, над которыми так недавно издевался король Ричард.

Королева открыла дверцу клетки и голосом самой судьбы произнесла:

— Летите, птицы — вестники победы! Поднимайтесь над облаками в солнечную синеву, трубите всеобщий сбор отрядов и армий! Пусть каждый, кто может взять в руки оружие, каждый, кто способен держать в руках меч, пойдет в бой

против злодея и узурпатора, убийцы детей и родных братьев! Летите, вестники победы! Несите весть о восстании в свои города и замки!

Один за другим голуби поднимались к небу.

Монах откинул капюшон, затем, спеша и путаясь в складках, стянул с себя рясу через голову. Это могло бы показаться смешным, но никто даже не улыбнулся.

Под монашеским одеянием был кожаный колет, ноги лжемонаха были затянуты в кольчужные штаны, на плечах и локтях блестели металлические щитки.

— Ты останешься здесь, граф, — приказала королева. — Мне нужен опытный воин, который сможет отвечать на вопросы добровольцев и командовать их действиями. Джейн, принеси карту.

Джейн расстелила на столе большую карту Англии.

— Я думаю, братец Ричард уже кинулся навстречу Генри со своей гвардией. Ему нельзя отказать в быстроте и упорстве. Будьте осторожны с этим волком, друзья, потому что, если его ранить, он станет очень опасным.

Королева обернулась к Алисе.

— Как только будет возможность, я пришлю тебе помощь, — сказала она. — Постарайся успеть туда до темноты.

— Почему?

— Фея Моргана, как и все злые волшебники, сильна в ночи, в темноте. А пока на небе солнце, силы зла осторожны, они прячутся в лесах и пещерах. Спеши, Алиса.

— Я пошла, тетя Лиза.

Королева поцеловала Алису в лоб. Лиззи выбежала ее проводить.

Глава двадцать шестая

НАПАДЕНИЕ ЛЕСНОЙ НЕЧИСТИ

Сначала Алиса держала кошку на руках, но потом та сама перескочила на плечи и легла как пушистый воротник. Даже приятно было.

Дорога оказалась недолгой, день выдался теплый, но неровный. Так бывает летом в Лондоне — десять минут солн-

ца, потом налетят облака и выплеснут воду, которую они набрали где-то в тысяче миль отсюда, над океаном.

Алиса хотела по дороге поговорить с кошкой. Но ведь это не человек. И дело не в том, что кошка не умеет говорить. Важнее другое: это же не кошка, а волшебная фея, и она знает то, чего нельзя знать людям. И если она позвала Алису в Сиднем, к лесничему, если сказала, что принцам грозит опасность, значит, когда подойдет время, она скажет, что же делать дальше.

Так рассуждала Алиса, не зная, что именно в этот момент отряд Ричмонда остановился перед сильным войском уэльского князя Хриса ап Томаса, который заявил, что дал клятву верности королю Ричарду и не может ее нарушить. Кто желает сделать хоть шаг, должен будет переступить через его тело!

Так он объяснил все епископу храма Святого Давида, который подошел к князю, чтобы уговорить его не мешать справедливому делу.

— Но что мне делать? В нашем роду еще никто не нарушал клятвы. Лучше я погибну!

— Но на самом-то деле твое сердце на чьей стороне?

— Мое сердце, как и сердца всех честных британцев, на стороне юного Ричмонда. Пускай он отомстит за погибших принцев!

— Тогда у меня есть к тебе некое предложение, — осторожно сказал епископ. — Как ты думаешь, минута позора может перевесить целую честную и благородную жизнь?

— Ни в коем случае! — возопил сэр Хрис ап Томас.

— Тогда ложись на землю, — приказал старый мудрый епископ.

— Зачем?

— Затем, чтобы Генри Ричмонд мог переступить через твое тело, после чего ты будешь освобожден от своей неосмотрительной клятвы.

— Минута позора? — переспросил Хрис.

— Может, и меньше.

— Войско! — закричал Хрис ап Томас. — Кру-у-гом! Двадцать шагов вперед, ать-два!

Пока его войско разворачивалось и тяжело топало в об-

ратную сторону, вождь быстро рухнул на землю и закричал Генри Ричмонду:

— А ну, переступай через мой живой труп! Только побыстрее, пока никто не видит!

Что Генри Ричмонд и сделал.

И через полчаса два отряда двигались от берега вместе, и два командира ехали бок о бок и мирно беседовали. Чуть позади трусил на муле епископ храма Святого Давида и дремал в седле.

Король Ричард, опасаясь, как бы к Ричмонду не присоединились ополчения из городов и отряды баронов, приказал сэру Стенли, известному генералу, перекрыть дорогу Ричмонду и разгромить его прежде, чем он наберет силы.

Стенли не двинулся с места.

Тогда Ричард предательски захватил в заложники его младшего сына и велел передать отцу, что, если тот не победит Ричмонда, он сам лично отрубит юноше голову.

И тогда сэр Стенли со своими отрядами двинулся дальше навстречу бунтовщикам.

Армии противников сближались.

Они сами еще не знали, где встретятся, но Алиса хорошо помнила урок истории и название деревни, у которой произойдет решительный бой. Деревня эта называлась Маркет-Босворт...

Алиса переправилась на правый берег Темзы на пароме. Там она поскакала по накатанной широкой людной дороге. Когда она остановилась у придорожного родника, чтобы напиться и напоить Ланселота, кошка соскочила с ее плеч и исчезла в кустах. Пришлось ждать довольно долго — к роднику выстроилась очередь. Все спешили на рынок в Лондон, потому что земля уже полнилась слухами о начавшейся войне между злым королем и славным юным принцем, который идет спасти королеву Елизавету и молодую принцессу Лизи. Но война — это всегда горе, поэтому одни спешили запастись провизией, а другие хотели продать лишнее, пока война не остановит все движение по дорогам.

И хоть армия Ричмонда только-только отошла от моря и двигалась к Лестеру, слухи распространялись невероятно быстро. У каждого родника, в каждом трактире, на каждом

постоялом дворе рассказывали о том, как Генри Ричмонд переступил через Хриса ап Томаса.

Когда Ланселот отдохнул, Алиса собралась двигаться дальше. Отъехав на несколько ярдов, она остановилась, поджидая кошку.

И та не заставила себя ждать.

Она выбежала из придорожных кустов, в один прыжок оказалась у Алисы на коленях, а оттуда перебралась ей на плечи.

И они двинулись дальше.

Вскоре Алиса свернула с главной дороги и поехала лесом.

День клонился к закату, но до захода солнца оставалось еще часа три. К дому лесничего надо было успеть до наступления темноты.

Алиса ехала и думала, что она не выполнила школьного задания и совсем забыла о том, что ее сюда послали снимать фильмы, изучать туземцев и разгадывать исторические тайны.

А вместо этого она уже вмешалась в прошлое. И ее оправдание лишь в том, что принцы и так, без ее вмешательства, исчезли. А она ничего не изменила.

Тетю Лизу, королеву Англии, Алисе было безмерно жаль.

К тому же, как ученый-биолог и историк, она не могла верить в чудеса, ведьм и фей. Потому что те вымерли уже много тысяч лет назад. А они, как назло, существуют, и даже разумная кошка, которая уже спасла от голодной смерти сэра Генри Уайта и намерена помочь принцам, оказавшимся в опасности, лежит у нее на плечах как пушистый воротник.

В лесу послышался вой волка.

Кошка напряглась, и ее коготки больно впились Алисе в шею.

— Может, не будем меня пугать? — спросила Алиса. — У меня ведь кожа, а не кора дубовая.

Низко над ними пролетела сова, за ней — ворон.

— А это уже похоже на разведчиков, — сказала Алиса. Она ударила пятками в бока Ланселота, и тот, словно поняв, что Алиса испугана и ей надо помочь, перешел на рысь.

Солнце еще не зашло, но высокие ели, что сошлись к дороге, закрывали небо, и поэтому на тропе царили сумерки.

Алисе показалось, что рядом с дорогой бежит какое-то животное, скрываясь в кустах, но достаточно близко, чтобы прыгнуть, если захочет.

Ланселот поскакал еще быстрее.

И вдруг на дорогу перед ними выбежал волк.

Могучий седой зверь.

Он чуть присел на задние лапы и так страшно оскалился, что нервы у коня не выдержали, он сорвался с бега, затоптался на месте и готов был повернуть назад, несмотря на крики и просьбы Алисы.

И вдруг Алисе стало совсем легко — она даже не сразу сообразила, что кошка спрыгнула с ее плеч и кинулась на волка. По сравнению с ним она была махонькой, но неслась на него так яростно, что волк еле успел отпрянуть в сторону, поджал хвост и кинулся в чащу.

Кошка больше не стала возвращаться к Алисе, а побежала вдоль дороги. В надвигающихся сумерках Алиса видела, как ее серая тень возникала на обочине, а потом пропадала в зеленой листве.

Лес все более оживал. Из него долетали странные звуки, будто кто-то большой и тяжелый топал в кустах, ломая ветки. Потом над кронами деревьев, раскачивая лапы елок, пролетели какие-то невидимые птицы. Дуновение внезапно налетевшего ветра было кислым и ледяным.

Ланселот мчался из последних сил.

И, только выскочив на поляну, где стоял просторный дом лесничего, конь перешел на шаг, а потом и вовсе стал. Его шатало.

Кошка пропала, но Алиса знала, что она обязательно вернется.

Она соскочила с коня и побежала к дому.

Дом казался пустым. И это было странно, потому что обычно он кипел жизнью. Многочисленные его обитатели, жильцы и приживалки, слуги и хозяева, лесники и йомены, то есть вольные крестьяне, беспрерывно сновали вокруг дома и по его многочисленным комнатам и коридорам.

А сейчас двери были заперты, окна закрыты ставнями.

На втором этаже кто-то даже заложил окна изнутри досками и подушками.

— Эй! — закричала Алиса. — Есть кто живой? Это я, Алиса, приехала вас проведать!

Молчание.

— У меня для вас хорошие новости! — кричала Алиса. — Граф Ричмонд высадился на английском берегу и идет на Лондон.

И вдруг в тишине из леса донесся глухой, нечеловеческий голос:

— Это ложь!

— Кто сказал — ложь? — громко спросила Алиса. — Об этом уже знает вся Англия. Со всех сторон к Генри Ричмонду стекаются помощники и друзья.

На этот раз откликнулся дом.

Стали открываться окна, из них высовывались испуганные, но радостные физиономии обитателей дома.

— Эй! — Из окошка под самой крышей закричал принц Дик. — Алиса, скорей беги к нам! Как хорошо, что ты приехала!

— А как мама? — крикнул из соседнего окошка Эдди.

— А как моя дочь? — спросил мистер Дайн.

Тут распахнулась дверь, из нее выбежали шестеро внуков мистера Дайна и, окружив Алису, принялись ее обнимать.

Они потащили ее к дому, и все одновременно пытались рассказать ей, что же здесь произошло, но мешали друг дружке и так шумели, что Алиса вырвалась из их объятий и вбежала в дом первой.

Там ее и встретил мистер Дайн.

А потом сверху спустились принцы и с ними паж Грини, который старался ни на шаг не отходить от своих подопечных.

Потому что основания беспокоиться за мальчиков были.

— Вчера ночью, — рассказал мистер Дайн, когда Алису посадили за стол, поставили перед ней миску с горячей похлебкой и целый кувшин молока, — в дом постучала монахиня. И попросилась переночевать.

— В обычное время мы бы, конечно, не отказали в приюте монахине, — перебила мужа миссис Дайн, — но если

она выходит из леса, а вокруг ни одного монастыря на десять миль в округе, поневоле начнешь сомневаться.

— У нас же мальчики живут, — снова вступил в разговор лесничий. — А вдруг кто-то из врагов про них пронюхал?

— Какая была эта монахиня? — спросила Алиса.

— Капюшон опущен, а глаза горят черным пламенем.

— Это она, — сказала Алиса.

И вдруг сзади раздалось шипение — так шипят кошки, когда на них нападет злая собака. Спина дугой, хвост, как струна, зубы оскалены — кошка готова сражаться до последнего патрона!

Все обернулись.

Посреди комнаты стояла серая кошка с белой мордочкой и белыми лапами.

— Откуда еще кошка здесь?! — рассердилась миссис Дайн. — Выгоните ее кто-нибудь!

Сама миссис Дайн, хоть и сердилась, была совершенно неспособна выгнать из дома животное.

— Не надо, — сказала Алиса. — Это не совсем обыкновенная кошка, а волшебная и, может быть, добрая фея.

Алиса в двух словах рассказала о том, как эта кошка спасла от голодной смерти отважного рыцаря сэра Генри Уайта, а потом позвала ее сюда, в дом лесничего.

Тут все кинулись гладить и ласкать кошку, которой, как и всякой самостоятельной кошке, это вовсе не понравилось. Она сиганула в окно и пропала в крапиве.

— Расскажите мне, что было дальше, — попросила Алиса.

— А дальше монахиня так настойчиво просилась переночевать, что я почуял неладное, — сказал мистер Дайн. — Она даже стала отталкивать меня. А я ей тогда сказал: «Уважаемая монахиня, разве вам к лицу толкаться? Ведь я мужчина, хоть и в летах, но отличаюсь немалой силой и могу вас просто вытолкать наружу!»

— Тут она как закричит! — снова вмешалась добрая миссис Дайн. — Как начнет обзывать моего мужа злобными словами! Мне пришлось ее взять за пояс и вынести на улицу.

Другой удивился бы, что миссис Дайн смогла сделать то, что оказалось не под силу здоровяку лесничему. Но вы бы

поглядели на миссис Дайн! Она не уступит самому могучему силачу во всем графстве Кент. А обнять ее никому еще не удавалось — не появился еще на свет человек с такими длинными руками.

— Моя драгоценная супруга выбросила монахиню на улицу, и та тут же принялась молотить в дверь. И это было бы еще ничего, но она стала угрожать нам страшными проклятиями:

— Я знаю ее, — перебила лесничего Алиса. — Я ее уже видела. Это фея Моргана.

— Быть того не может! — ахнула миссис Дайн. — Она же умерла тысячу лет назад!

— Она жива. Она — злая фея.

— Значит, за нас добрая фея! — воскликнул Эдди. — И мы наверняка победим!

— Зло сильнее добра, — покачал головой мистер Дайн. — Потому что добро уговаривает, а зло убивает.

— Сейчас войска Генри Ричмонда и Ричарда сближаются. И скоро грянет решительный бой.

— Скорее бы победил Ричмонд, — сказал лесничий. — Тогда королева могла бы прислать рыцарей нам на помощь.

— Она не успеет, — покачала головой его жена. — Скоро настанет вечер, и нечистая сила соберется со всех сторон света, чтобы расправиться с нами.

— Им нужны наши мальчики, — вздохнул лесничий. — Но я не совсем понимаю, почему именно они? Что они сделали плохого фее Моргане?

— Ничего, — ответила Алиса. — Просто Моргана дружит с Ричардом. И он обещал ей посох Мерлина, если она расправится с принцами.

— Но ведь все знают, что мальчики погибли!

— Все, но не фея Моргана. Она знает, что они живы. Для всех они мертвы, даже для Генри Ричмонда, а для нее живы.

Алиса посмотрела вокруг. Она почувствовала, что в комнате кого-то не хватает. Эдуарда! Алиса почуяла недоброе.

— Простите, — сказала она и выбежала из комнаты. Она остановилась, прислушиваясь.

Издали донесся плач.

Алиса взбежала на второй этаж и в маленькой комнатке, спальне принцев, нашла Эдуарда.

— Что случилось, Эдди? — спросила она.

— Я никому не нужен, — всхлипывал мальчик. — Все считают меня мертвым. Может, было бы лучше, если бы злая фея меня убила? Тогда я исчез бы...

— Тебе не нужно исчезать, — сказала Алиса.

— Но ты ведь не скажешь «ваше величество»?

— Если хочешь...

— Не хочу, не хочу, не хочу! Разве я не понимаю, что если Генри победит герцога Глостера, то английский трон достанется ему? И если я появлюсь и скажу: «Нет, это я законный король Англии!» — мне мало кто поверит. А если кто-то и поверит, то сразу начнется война, и меня все равно убьют. Ведь Генри получит трон в борьбе, заслуженно. Он взрослый, он сможет править Англией. А я просто мальчик!

Эдди говорил как взрослый.

И он говорил правду.

Перед Алисой сидел ребенок, который никому не был нужен. Даже его мать и сестра, наверное, не знали — лучше, чтобы он был жив или чтобы его не было вовсе.

Матери надо, чтобы ее дети были живы.

И чтобы убийца ее мужа и злодей был уничтожен.

Сделать это мог только Генри Ричмонд.

Мальчикам не оставалось места в английской истории.

— Давай не будем сейчас думать об английской короне, — сказала Алиса.

— Но ведь я — король!

— Но при этом ты мальчик! И впереди у тебя долгая жизнь. Давай думать об этом. И о том, как нам одолеть фею Моргану.

— У меня есть меч!

— Это хорошо, — вздохнула Алиса. — Из тебя вырастет настоящий рыцарь. Но я на твоем месте не лезла бы вперед. Если ты останешься жив — это уже победа. Ведь они тогда не смогут добиться чего хотели.

— Я понимаю, Алиса, — прошептал маленький король.

Они спустились в гостиную как раз к ужину. Миссис

Дайн велела всем подкрепиться, потому что предстояла трудная ночь.

Солнце опустилось за вершины старых елей.

Из леса потянуло могильным холодом.

Совсем близко завыл волк.

За длинным, отполированным локтями многих поколений Дайнов столом сидели не только члены семейства и гости, но и полдюжины лесников из йоменов. Они ели жареных кур, макая куски в острый соус. Их большие, в человеческий рост, луки стояли прислоненные к стене. Именно из таких луков стреляли английские лучники в битве при Кресси, когда им удалось уничтожить весь цвет французского рыцарства.

— Они идут, — сказал Грини, который стоял у окна и глядел сквозь щелку в ставнях.

Алиса подошла к соседнему окну.

На опушке леса дергались, прыгали, перемещались огоньки, словно к дому лесничего приближалась армия со свечками в руках.

В синем небе кружились вороны, но это были не настоящие птицы, потому что они молчали.

Молчали и волки, вышедшие из леса и шедшие рядом с феей Морганой, глаза которой светились из-под капюшона, как зеленые огоньки на пульте космического корабля. Хотя никто здесь, кроме Алисы, никогда не видел космического корабля.

Фея взмахнула рукой, и синий камень в ее перстне испустил яркий луч.

— Отдайте мне мальчишек, — произнесла грудным голосом фея Моргана. — И я обещаю, что не причиню никому вреда!

Миссис Дайн смело подошла к двери, отодвинула засов и отворила ее. По обе стороны от нее, невидимые фее Моргане, затаились лесники с луками.

Позади встала Алиса.

— Убирайся отсюда, фея Моргана, — сказала миссис Дайн. — Тебе не нужна кровь принца и короля Англии. Твой покровитель в ближайшие часы будет разбит настоящими

англичанами. Он даже не успеет выполнить своих обещаний. И тебе не видать посоха Мерлина как своих ушей.

Фея замерла, как громом пораженная. Она не ожидала, что ее узнают. И уж тем более не ждала, что кто-то здесь знает о короле Ричарде и посохе Мерлина.

— Как прискорбно, — произнесла она через минуту. — Как прискорбно, что теперь мне придется уничтожить вас всех, без исключения. Вы слишком много знаете и можете рассказать другим. Вы можете раскрыть тайну, раскрывать которую нельзя даже мне.

Она подняла руки, и по этому сигналу на дом лесничего ринулись сонмища нечистой силы.

Впереди неслись стаи волков. Они бились о ставни, старались разгрызть двери. Их атака была бы не опасна, если бы люди отсиживались в каменном замке. Но и дом, и ставни были деревянными. Хоть они и выдержали первый удар, это не значило, что они продержатся долго.

Миссис Дайн решила, что нет смысла тратить ценные стрелы на волков. Неизвестно, кто окажется следующим врагом. Поэтому дверь закрыли на большой засов. Она содрогалась под ударами мощных волчьих тел, но держалась.

Тучи воронья и летучих мышей налетели на дом сверху. Они колотили клювами и когтями по соломенной крыше. Солома давно уже слежалась, но тысячи ударов начали ее размягчать и разрыхлять.

Когда через несколько минут Алиса поднялась на второй этаж, чтобы посмотреть, что там творится, она увидела первые, пока еще узкие щели в соломенной крыше. И поняла, что враги скоро прорвутся.

Позвать сюда лучников? А какая от них польза против злобных птиц?

Вдруг дом вздрогнул. Даже пошатнулся.

Алиса кинулась к окну и увидела, что от дома отступает колоссальный дикий бык, тур. Такие быки были перебиты охотниками лет за пятьсот до рождения Алисы. Их даже ни в одном зоопарке не осталось. Где же фея Моргана такого добыла?

Бык развернулся и, набирая скорость, помчался к дому.

Алиса увидела, как в хребет и морду быка вонзаются тя-

желые стрелы. Он мотает головой, чтобы отделаться от них, но скорости не снижает.

Алиса внутренне сжалась.

Удар!

Дом вздрогнул.

Какая-то птица пробилась сквозь дыру в крыше и попыталась напасть на Алису. Она не могла как следует набрать скорость в комнате, но отчаянно била крыльями и металась, словно бешеная муха.

Сумерки сгустились настолько, что Алиса не могла разобрать, какая птица на нее напала — ворона или голубь. А может быть, утка? Кого только не подняла против людей эта фея!

«А где же наша кошка?» — подумала Алиса.

Ведь пора бежать. Дом не устоит.

Алиса сбежала вниз, в общую комнату.

Там было темно. Свечей и факелов не зажигали, чтобы лучше видеть, что происходит снаружи.

— Может, пугнем их факелами? — предложил мистер Дайн.

— Потерпи, — возразила его жена. — Если ворвутся сюда, вот тогда мы и возьмемся за факелы.

Глава двадцать седьмая

БИТВА У МАРКЕТ-БОСВОРТА

Уже стемнело, когда армия Ричарда остановилась у Маркет-Босворта. На обширной долине загорелись костры, солдаты и рыцари готовили ужин.

Ричард со своими помощниками ужинал в шатре в центре лагеря.

— Сколько людей в нашей армии? — спросил он у верного герцога Норфолка.

— Десять тысяч, милорд.

— Больше десяти тысяч или меньше?

— Примерно десять.

— А у бунтовщиков?

Король и без Норфолка знал, что у Ричмонда нет даже

пяти тысяч солдат, но ему нужно было услышать подтверждение своим мыслям.

— Вдвое меньше, милорд.

— Значит, завтра с утра мы их раздавим.

Соратники начали наперебой расхваливать таланты короля и подтверждать его хвастливые слова.

Ричард слушал баронов, а сам был встревожен.

С каждой минутой к Ричмонду подходили все новые отряды. У некоторых на знаменах были вышиты портреты принцев и написаны призывы отомстить за смерть детей.

А Ричард знал, что его войско будет таять.

До завтрашнего утра его железный кулак еще удержит командиров, а завтра многие начнут перебегать к Ричмонду. Никому нельзя верить!

Нечаянно Ричард произнес эти слова вслух.

За столом наступила тишина.

— Как дела у сэра Стенли? — спросил Ричард. — У него ведь три тысячи всадников, и он занимает холмы на нашем правом фланге.

— Сэр Стенли молчит, — ответил Кейтсби, жестокий барон, за голову которого Генри Ричмонд назначил высокую цену.

— Пошлите к нему человека, — приказал Ричард. — Напомните, что его сына повесят, если отец воздержится от боя.

— Вы отвращаете от себя лучших людей королевства, — сказал граф Нортумберленд. Он присоединился к Ричарду лишь для того, чтобы в Англии не разгорелась гражданская война, но никакой симпатии к королю не питал.

И Ричард, глядя на него, подумал, что отряд Нортумберленда ненадежен. Значит, минус еще две тысячи человек.

— Я отдаю приказ только один раз, — сказал король. — Проверьте караулы и помните: мы пойдем в бой первыми, как только встанет солнце. Потому что оно будет светить в лицо врагу.

Командиры королевской армии расходились в тишине. Их войско было сильнее, чем у Генри Ричмонда, но никто из них не верил в победу, а многие ее не желали.

Ричард смотрел вслед баронам и вдруг крикнул:

— Каждого, кто побежит с поля боя, убью сам!

Никто не обернулся.

Тайрелл остался с королем.

— Отдай Стренджа Стенли верным офицерам, которые не побоятся обагрить меч кровью герцога.

— И которые не испугаются мести отца, — усмехнулся Тайрелл. Но мысленно он уже предал своего короля. И поэтому добавил: — Никто не достоин вашего доверия, король. Я сам отрублю голову маленькому Стенли.

Ричард кивнул.

В лагере короля наступила тишина. Догорали костры. Дозорные объезжали передний край.

На другой стороне долины в лагере Генри Ричмонда тоже еще не ложились.

Сам Генри, высокий, светловолосый рыцарь с коротко подстриженной бородкой, которую поклялся не сбривать, пока Англия не освободится от власти убийцы и тирана, стоял перед столом и смотрел на грубо нарисованную схему местности. На ней рукой Ричмонда была нанесена позиция его небольшой армии. Войска стояли перед склоном пологого холма, вершину которого занимал передовой отряд Ричарда. В первой линии ричмондовских войск протянулись цепи лучников — знаменитых английских лучников, чьи стрелы пробивали даже железные рыцарские латы. За ними располагались отряды пехоты — впереди воины графа Оксфорда, затем отряд самого Ричмонда. И наконец, сзади стояла конница, которую Генри оставил в резерве.

Затем взгляд Ричмонда сдвинулся правее. Вершину холма полукругом занимали лучники Ричарда, сразу за ними стоял передовой отряд графа Норфолка. Основные силы короля Ричарда располагались по ту сторону холма, их из лагеря Ричмонда не было видно. Резервом короля командовал граф Нортумберленд.

— Не в них дело, — произнес Генри Ричмонд.

— Разумеется, не в них, — поддержал его только что вернувшийся из Лондона, от королевы Елизаветы, сэр Джон Чини. — Все дело в отрядах лорда Стенли.

— На него мало надежды, — сказал Генри. — Мне только

что донесли, что герцог Глостер захватил в заложники его любимого сына и заявил, что отрубит ему голову, если отец не придет на помощь войску Ричарда.

— Значит, мы не можем рассчитывать на лорда Стенли, — вздохнул сэр Чини. — Но я надеюсь на то, что Нортумберленд с резервом не будет спешить на помощь своему господину.

— Мы не можем рассчитывать на перевертышей и предателей, — резко оборвал его Генри.

— Ричард безжалостен, — произнес сэр Брендон, знаменосец Ричмонда. — Лучше надеяться на свои силы.

— В таком случае на каждого нашего солдата приходится двое королевских, — задумчиво сказал Генри. — То есть герцога Глостера.

— И наши устали после долгого похода, — добавил сэр Чини. — Лошади не кормлены, солдаты не выспались.

— Но нас ведет правое дело, — возразил Ричмонд. — И каждый наш солдат знает, что должен освободить Англию от тирана и убийцы детей.

У шатра заржал конь, далеко у костра кто-то затянул заунывную песню.

— Кстати, — сказал Джон Чини, — в Лондоне ходят слухи, что принцев не удалось убить. Их выкрали верные люди и прячут в лесу.

— Это хорошая весть, — отозвался Ричмонд. И задумался. Помолчав, он добавил: — И плохая одновременно.

Мудрый сэр Брендон произнес:

— На месте Ричарда Глостера я бы обрадовался такому повороту дела.

Ричмонд кивнул.

— Я не понял, — удивленно сказал сэр Чини.

— Что может быть хуже для общего дела, чем соперничество союзников? — ответил сэр Брендон. — Наш лагерь, еще не победив, сражается за разных королей. Мы приплыли из Франции с сэром Генри и хотим видеть его королем — сильного, молодого смелого воина, который будет железной и справедливой рукой управлять нашим государством.

— Не забудь, — вмешался Генри, — что наша армия соб-

рана, вооружена и привезена сюда на деньги королевы Елизаветы. А ее дочь — моя невеста. И я люблю Лиззи.

— К нам идут союзники, отряды горожан, рыцари, йомены. Но эти люди считают, что король Англии — Эдуард Пятый. То есть принц Эдди, который был королем, но не успел короноваться, — рассуждал вслух сэр Брендон. — Граф Ричмонд для них — мститель за смерть маленького короля. И они тоже идут мстить за принцев, за покойного короля Эдуарда, за убитых и замученных людей. И Генри для всех этих людей, без помощи которых нам никогда не одолеть Ричарда Глостера, не король, а исполнитель воли короля и народа Англии. Если окажется, что мальчики чудом остались живы, то за кого сражаться нашим союзникам? Не окажемся ли мы сразу врагами друг другу?

— И подумайте о королеве Елизавете, — сказал Генри Ричмонд. — Она сделала все, чтобы я вернулся в Англию и победил. И не из-за меня, а ради Лиззи, которую она хочет видеть королевой. И в первую очередь ради того, чтобы отомстить Ричарду. Она пожертвовала всем — от драгоценностей до чести, — чтобы приблизить час мести. И вдруг окажется, что я — враг ее мальчиков. Ведь один из них должен стать королем...

Ричмонд замолчал.

И все молчали.

Наконец сэр Брендон произнес:

— Мальчиков быть не должно.

Генри потянулся. Он страшно устал за последние дни, ноги не держали, а завтра — в бой. И может быть, послезавтра для него уже не наступит.

— Будем считать, — сказал он, — что это только слух. Не думаю, что герцог Глостер выпустит кого-нибудь из своих острых когтей. И мои маленькие соперники погибли. Мир им...

Он проводил своих соратников до выхода из шатра. А сам подумал: «Надо бы проверить караулы...»

Но ноги его подкосились, завтрашний полководец упал на медвежью шкуру, лежавшую рядом с входом в шатер, и заснул как убитый.

...Как только солнце выбралось на край холма, что скрывал армию Генри Ричмонда от взоров короля Ричарда, лагерь Ричмонда начал просыпаться. Люди вставали еле-еле, через силу. Тем более что и завтракать было нечем — одни серые сухари и холодная вода.

За ночь ничего не изменилось. Никто не подошел на помощь Ричмонду, никто не ушел от короля.

Зато солдаты Ричарда плотно позавтракали, их кони тоже были сыты. К тому же король приказал каждому солдату выдать по чарке крепкой браги.

Он выехал перед строем пехоты на огромном белом коне, поднял меч и пронзительно закричал:

— Мы их раздавим, мы их изрубим, мы их затопчем!

Шеренги солдат взревели, готовые идти хоть в ад за своим королем.

Совсем не так себя чувствовал лорд Стенли, который слышал рев войска, рвущегося в бой. Ведь в шатре на холме лежал связанный его сын Стрендж.

Первыми Ричард послал в бой шеренги лучников.

С холма он увидел, как спешно выстраиваются лучники Ричмонда. Они запаздывали развернуться в цепь.

Их было меньше.

Тучи стрел полетели к рядам войска Ричмонда.

Лучники Ричмонда ответили залпом.

Пока что расстояние оставалось таким, что лучники поражали лишь друг друга.

И, видя, как отходят, отстреливаясь, лучники Ричмонда, король поднял руку в железной перчатке, приказывая пехоте идти вперед.

Этот сигнал должен был увидеть и лорд Стенли, три тысячи солдат которого стояли по ту сторону низины, готовые сбоку ударить по отрядам Ричмонда.

Пехота Ричарда двинулась следом за лучниками, которые трусцой сбегали с холма, стреляя на ходу. Сразу за ними, дыша в затылок, шли латники герцога Норфолка и, догоняя их, спешили основные силы — гвардейцы короля Ричарда.

Удар был таким яростным и быстрым, что пехотинцы Ричмонда и Оксфорда стали отступать. Центр их войска

прогибался внутрь, как яма, в которую вливались молодцы Ричарда.

От звона оружия, криков раненых, ржания коней, свиста стрел воздух колебался и даже помутнел.

Король Ричард, который следовал в тылу за своими отрядами, придержал коня на склоне холма. На нем были латы дамасской стали, а к шлему прикреплена золотая королевская корона. Он не боялся, что его узнают. Он хотел, чтобы его узнавали, чтобы свои становились смелее и сильнее, а враги трепетали.

Пока что бой шел по его плану. Ричмонд и Оксфорд отходили. Еще немного, и они обратятся в бегство. Не хватало последнего усилия. В тылу Ричарда оставался Нортумберленд со своим корпусом, но от него пока было мало пользы, потому что его пехота и конница должны были пробиваться сзади сквозь ряды гвардейцев. Зато роль отрядов Стенли становилась решающей.

— Давай же! — закричал Ричард, хотя на таком расстоянии его голос конечно же не был слышен.

Посланец Ричарда поскакал к лорду Стенли, который стоял перед своим отрядом.

— Король Ричард передает приказ: если немедленно не ударите во фланг бунтовщикам, ваш сын будет тут же казнен.

Лорд Стенли молчал минуты две. Три тысячи воинов, затаив дыхание, ждали, что скажет старый командир.

— У меня осталось еще два сына, — произнес наконец лорд Стенли.

И остался недвижим.

Когда посланец вернулся к Ричарду и повторил ответ лорда Стенли, тот указал перчаткой на шатер, где держали молодого Стренджа Стенли, и крикнул Тайреллу:

— Казни его! Сейчас же!

И пришпорил коня, погоняя его в кипение битвы.

Затем обернулся и увидел, что Тайрелл не двинулся с места.

— Ты что же? — крикнул король. — Струсил?

— Я не струсил, просто я разумен, — ответил Тайрелл. — Бой еще не закончен. Вина отца еще не доказана.

— Когда докажем, будет поздно!

— Но если мы казним сына, то он уж наверняка перейдет к Ричмонду. Мы всегда успеем казнить мальчишку.

Ричард выругался, но ему некогда было возвращаться. Слева нарастал рев трех тысяч глоток — корпус лорда Стенли надвигался через низину, приближаясь к месту боя.

Все должно было решиться в ближайшие минуты.

«Успеть бы, — думал Ричард, — успеть бы сокрушить линии Ричмонда».

И он поскакал туда, чтобы самому возглавить свои войска.

А адъютантов погнал назад, потому что Нортумберленду пора было вступать в бой, чтобы поддержать авангард.

Но Нортумберленд так и не двинулся с места. Половина армии Ричарда весь бой простояла в тылу, не потеряв ни одного человека и никого не поразив.

Ричард рвался в бой. Топча своих, он пробился к центру схватки.

— Где этот трус Ричмонд? — кричал он. — Пусть выйдет со мной на бой!

В этот момент корпус лорда Стенли ударил во фланг войску короля.

И тем решил исход битвы. Под ударами с двух сторон солдаты Ричарда начали разбегаться и сдаваться в плен. Сражение быстро превратилось в бойню.

Говорят, что в том бою армия Ричмонда, а также отряд лорда Стенли потеряли убитыми двести человек, тогда как потери королевских сил исчислялись тысячей.

Сам король Ричард сражался до последнего.

Он казался заговоренным — столько отчаяния, злобы и силы было в его ударах.

На пути Ричарда стал сэр Брендон и после короткой схватки упал, разрубленный мечом короля. Ричард приблизился к Генри Ричмонду, который рубился как самый обыкновенный рыцарь, но на его пути очутился могучий Джон Чини. И сэр Джон тоже пал в бою.

Ричард крутился, как медведь, затравленный собаками.

Он был окружен всадниками. В синих камзолах и плащах сражались добровольцы Ричмонда, в красных плащах и накидках — воины лорда Стенли.

Рука Ричарда устала.

А до Ричмонда оставалось еще несколько ярдов.

— Я иду к тебе! — кричал Ричард.

— Расступитесь! — приказал Ричмонд своим всадникам. — Я сам его убью!

Схватка была короткой.

Ричард, пронзенный мечом Генри Ричмонда, упал с коня, и его золотая корона покатилась к кустам.

Кто-то из воинов нагнулся, поднял ее, вытер о рукав и протянул Генри Ричмонду. Другой отрубил Ричарду голову.

Так король Генрих VII был коронован на поле боя.

Лорд Стенли ускакал к королевским шатрам. Он ворвался туда, когда Тайрелл развязывал Стренджа. Предусмотрительный Тайрелл дождался момента, когда исход битвы стал ясен, чтобы обеспечить себе жизнь. И это ему удалось.

Глава двадцать восьмая

АЛИСА УХОДИТ ИЗ ЛЕСА

Еще какое-то время лесничему и его небольшому отряду удавалось отсидеться на первом этаже. К счастью, лестница на второй этаж блокировалась деревянной крышкой. В те неспокойные времена порой бой мог идти на одном этаже, а на другом отсиживались домочадцы.

Крышку захлопнули. Птицы и нетопыри не могли пробиться вниз. И двери со ставнями тоже оказались крепкими, а тура удалось отогнать стрелами. А потом защитники дома зажгли факелы. Ведь волки-оборотни, как и прочая лесная нечисть, огня боятся.

«Вот и продержались мы до рассвета, — подумала Алиса. — А что потом?»

Надо куда-то спрятать принцев, отвезти подальше — им нельзя оставаться у лесничего. Следующей ночью фея Моргана и ее войско обязательно до них доберутся. И как проехать сквозь дремучий лес до Темзы?

Но куда бежать? Где спрятать Эдди и Дика?

Сама Алиса решить эту задачу не смела, да и не знала ее решения.

Надо было посоветоваться.

Совет можно было получить только в Лондоне.

Как же добраться до столицы?

— Алиса, — сказала кошка.

Это был голос кошки. Но ведь кошки, даже волшебные, не говорят?

Кроме Алисы, никто голоса не услышал, потому что в тот момент случилась передышка и все рухнули — задремали, кто где смог пристроиться. Не спали только Алиса и миссис Дайн. Жена лесничего сидела у щели в ставнях и смотрела наружу, чтобы нечисть не могла напасть неожиданно.

Алиса обернулась.

В углу у лестницы стояла невысокого роста женщина в белом бархатном платье и сером плаще до самой земли. На голове у женщины была меховая шапочка с перышками по бокам, которые торчали, как белые ушки.

Но несмотря на такой странный наряд, женщина не казалась смешной. От нее исходила спокойная строгость учительницы, хоть Алиса и была выше ее на полголовы.

— Вы кошка? — спросила Алиса.

Женщина прижала тонкий пальчик к маленьким губам. Но миссис Дайн не слышала. Она задремала, прижавшись лбом к ставням.

— Следуй за мной, — прошептала фея-кошка.

Они прошли на кухню. Там было пусто, очаг потух, сквозь щели в ставнях мерцал голубой рассвет.

— Тебе надо спешить в Лондон, — сказала фея.

— Как вас зовут? — спросила Алиса.

— Я — Озерная фея.

— Странное имя, — удивилась Алиса.

— Может, ты слышала обо мне, — сказала фея. — Когда-то давным-давно, в эпоху легенд, фея Моргана обиделась на короля Предигора, который забыл пригласить ее на празд-

ник по случаю рождения дочери. За это фея приговорила принцессу к смерти. А я, которая всегда вставала на пути феи Морганы, не смогла совсем уничтожить ее заклятие, но сумела заменить смерть на сон.

— И потом пришел принц и поцеловал Спящую красавицу, — догадалась Алиса. — Об этом много написано.

— Вся моя жизнь — борьба с феей Морганой. Лет двести назад я попалась в ее ловушку, и она смогла превратить меня в кошку. И лишила голоса. Лишь на несколько минут на рассвете я могу принять свой настоящий облик.

— А когда это кончится? — спросила Алиса.

— Когда исполнится предсказание Мерлина:

Два мальчика, спасенные из ада,
Озерной фее сбудутся наградой.
Когда в туман проклятье улетит,
Волшебный посох фея возвратит.

— Когда же пропал этот посох? — спросила Алиса.

— Давным-давно.

— И вам он тоже нужен?

— Да. Я должна выбросить его в глубокое озеро. Он ведь из железного дерева и тонет, а с ним исчезнет и злая сила феи Морганы.

— А в чем ваша сила?

— Я могу наслать на человека или целую армию неожиданный сон, и он будет длиться, пока я не пожелаю его прекратить.

— Это очень хорошо, дорогая фея, но как вы поможете мне добраться до Лондона? Я должна быть уверена, что за это время с принцами не случится ничего дурного.

— Сейчас ты уйдешь отсюда, — сказала фея, — чтобы не попасть под действие моих чар. А я накрою подушкой сна и дом лесничего, и лес вокруг, и всех зверей, и нечисть, которую согнала сюда фея Моргана. И даже сама она заснет, потому что нет силы, способной противостоять волшебному сну. И все — от принцев до Морганы — будут спать, пока ты

не возвратишься. Это моя волшебная специальность. Остальное зависит от тебя, Алиса.

— А как далеко я должна отойти отсюда, чтобы не заснуть? — спросила Алиса, которая быстро поняла, что ей надо делать.

— Ты должна добежать до речки. Выберешься через задний ход и пробирайся зарослями крапивы. Она будет жечь тебя, а ты терпи.

— Вытерплю, — улыбнулась Алиса.

— Через сколько дней вернешься?

— Думаю, через неделю. Если вы обещаете, что с принцами ничего не случится.

— Не больше, чем со Спящей красавицей, — успокоила ее фея. — Все будут ждать тебя, не замечая, как летит время.

Медленно и осторожно Алиса отодвинула засов на задней двери, приоткрыла дверь и прислушалась. Густой туман стелился по земле.

— Возвращайся, Алиса, — прошептала сзади Озерная фея.

Пригибаясь, Алиса побежала к реке. Трава была мокрой, потом пошли заросли крапивы. У земли листьев было меньше, и они не так больно обжигали.

Алиса пробиралась вперед, как в молочном киселе.

Что-то шуршало рядом, но если лесные жители и искали Алису, они не могли ее увидеть.

Начался спуск к реке.

Алиса выпрямилась, чтобы бежать быстрее, и со всего размаху врезалась лбом в ствол толстой ветлы, что росла на берегу речки. Алиса представляла себе, что речка выведет ее к Темзе, в которую впадает.

— Счастливо, Алиса, — услышала она беззвучный голос Озерной феи. — Счастливого пути, береги себя, мы ждем...

— Я вернусь, — пообещала Алиса.

Неожиданный сюрприз заставил Алису замереть от счастья.

Вот уж не ожидала такого подарка от Озерной феи!

На берегу речки за мельничной плотиной пасся ее вороной конь Ланселот.

Как он пережил эту ночь? Как выбрался сюда?

Наверняка не обошлось без помощи феи-кошки.

— Ланселот! — позвала Алиса.

Конь заржал и, осторожно переступая по мокрой траве, пошел к промокшей после путешествия по росе Алисе.

И в этот момент Алиса услышала глубокий и счастливый вздох тысяч существ: людей, зверей, птиц и насекомых — всех тварей, которые одновременно и мгновенно заснули, подчиняясь колдовству Озерной феи.

И началась скачка к старому дубу, который растет в непроходимой чащобе за скалами Бедфорда, за пустошью Макфайера, за трясиной Блеквуда.

Алиса добралась туда на второй день к вечеру.

Вы, наверное, удивились, почему Алиса поскакала не к Лондону, а в противоположную сторону? Ведь ей надо было поговорить с королевой, решить важные вопросы с тетей Лизой.

На самом же деле Алиса приняла решение, которое подсказала ей, сама того не зная, Озерная фея.

Спящее царство может существовать и день, и два, и неделю...

И за эту неделю должна решиться судьба Англии.

Оставив коня в ближайшей деревеньке, Алиса дала крестьянину два шиллинга, чтобы тот присматривал за Ланселотом до ее возвращения.

Она нашла в лесу дуб, нажала на невидимый снаружи сучок, и часть ствола отъехала в сторону, словно кто-то оторвал от дерева кусок коры.

Алиса вошла в дупло и оказалась внутри временной камеры.

Такие камеры установлены в нескольких самых неожиданных местах земного шара. Через них люди из далекого будущего могут попадать в другие века.

Этой камерой Алиса пользовалась уже не первый раз.

И сейчас она набрала код «Возвращение».

Через две минуты независимого времени дверца камеры открылась, и Алиса оказалась в белом круглом зале Института времени в Москве, в самом конце XXI века.

Конечно, ей хотелось сбегать домой, узнать, как там дела, вернулась ли мама с Плутона, что нового в Космозо у отца, как дела в школе, кто звонил, что говорил и не скучает ли о ней домашний робот Поля, которого все называют домроботником.

Но Алиса отогнала эти мысли. Домой она еще успеет, а в Англии идет война, мирный дом лесничего окружен стаей нечисти, а несчастная королева Елизавета не знает, живы ли ее сыновья. Сколько раз можно хоронить собственных детей?

Алиса тут же вызвала по внутренней связи своего старого друга, робота Вертера, который отлично разбирался в тонкой бионике институтских приборов.

— Вертер, душечка, — взмолилась она. — Настрой мне возвращение в Англию ровно через неделю после моего отлета. А то, когда я сама настраиваю, то промахиваюсь на месяц, если не на год.

— Что за спешка? — ответил Вертер. — Лучше пойди домой, прими ванну, как следует поужинай, выспись, и завтра с утра мы все сделаем. Ведь ты же все равно попадешь, куда надо.

— Нет, — сказала Алиса. — У меня совершенно неподходящее настроение, чтобы ужинать и спать. Фея Моргана может такого натворить, что ты и не представляешь. От меня зависит судьба принцев, один из которых был королем Англии.

— Ты меня запутала, — сказал Вертер.

— Ну прошу тебя!

— Хорошо, хорошо... А может, мне вызвать сюда директора института? Уж очень ты взволнована. И неизвестно, можно ли тебя в таком состоянии отпускать в Средневековье.

Но хоть Вертер и ворчал, за эти минуты он успел настроить машину времени.

И еще через несколько минут Алиса вышла из дуба, который растет в непроходимой чащобе за скалами Бедфорда.

Глава двадцать девятая

РАССТАВАНИЕ С ПРИНЦАМИ

Алиса въехала в Лондон, кипевший предпраздничной суетой. Радовались все — и бедняки, и богачи, и монахи, и бродяги, и бароны, и нищие. Еще бы: повержен и убит узурпатор, зловещий демон Англии, и на днях будет короноваться отважный красавец, жених нашей принцессы Лиззи, славный Генри Ричмонд, а с завтрашнего дня — король Англии Генрих VII Тюдор, по его родовому имени. И на этом кончится многолетняя кровавая война Алой и Белой роз — то есть династий Йорков и Ланкастеров. И в единой Англии наступит мир.

Алиса пару раз останавливалась на площадях и прислушивалась к разговорам, а потом, как бы невзначай, спрашивала, где же сейчас королева Елизавета. Оказывается, все в Англии знали, что королева отказалась переехать в Тауэр, где остановился Генри Ричмонд, только вчера добравшийся до Лондона, где готовилась его коронация, а заодно и свадьба с принцессой Лиззи, которая теперь и будет именоваться королевой Англии, Шотландии и Уэльса.

А переехала королева в скромный городской дом сэра Генри Уайта. Ричард заточил сэра Генри в Тауэр за то, что тот отвез драгоценности королевы Ричмонду, чтобы он на эти деньги снарядил и вооружил армию.

Все известно в городе Лондоне!

Удивительно, как быстро путешествуют новости и как часто они оказываются правдивыми!

У входа в дом стояла стража — по приказу Ричмонда королеву и Лиззи тщательно охраняли. Генри беспокоился, как бы тайные сторонники Ричарда Глостера не отомстили Елизавете за то, что именно эта тихая, скромная женщина стала главой заговора, возведшего на трон Генриха VII.

Стража не хотела пускать незнакомую усталую девочку на взмыленном коне во двор окруженного каменной стеной дома, но тут Алису увидела Джейн Дайн и кинулась к ней.

— Алиса! Ты жива! — воскликнула добрая фрейлина. — А мы так за тебя боялись! Королева немедленно посылает к моему отцу целый рыцарский отряд вам на выручку!

— Все в порядке, Джейн, — ответила Алиса. — Как ее величество?

— У нас все хорошо. А что случилось в лесу?

— Ваши родители здоровы и спят, — сказала Алиса. — Не беспокойтесь.

— Почему они спят? — удивилась Джейн. — Ведь сейчас полдень.

— Это я так пошутила! — спохватилась Алиса.

Она взбежала по широкой лестнице наверх и с разбегу врезалась головой в круглый живот сэра Генри Уайта. По его фигуре было заметно, что он уже забыл, как голодал, а кошка спасала его от голодной смерти.

— Девочка! — сказал он. — Мне никто не верит, что кошка спасла мне жизнь! Представляешь? Но ты же подтвердишь мои слова? Ты же видела кошку?

— И не только видела, — сказала Алиса. — Я даже разговаривала с ней и надеюсь встретиться вновь.

От таких слов сэр Уайт даже пошатнулся.

— Ты здорова, Алиса? — спросил он. — Может быть, трудная дорога тебя подкосила?

— Все в порядке, сэр, — улыбнулась Алиса. — И я не шучу. Но сначала...

— Сначала ты поговоришь со мной, моя девочка, — сказала королева, появившаяся в дверях. — Я услышала твой голос и возрадовалась. И по твоему лицу я вижу, что ничего дурного не произошло?

— Ничего не произошло!

— Но что же тебя так задержало? Неужели ты не могла приехать раньше? У меня до сегодняшнего дня не было рыцарей, и я только утром послала отряд в лесничество. И они исчезли. Ни слова, ни весточки.

— Ясно, — кивнула Алиса. — Они спят. Все в порядке.

Королева посмотрела на Алису так же, как только что смотрел на нее сэр Уайт, но ничего не сказала, а жестом пригласила ее к себе в кабинет.

— Садись, — сказала она.

И тут, подобно смерчу, самуму и торнадо, в комнату ворвалась Лиззи.

Ох уж и разодета и разукрашена была эта девушка! Ох и размалеваны были ее щеки, губы и даже лоб!

— Алиса, как мальчишки? — крикнула она с порога и кинулась к зеркалу. — А я как, на твой взгляд?

— На мой взгляд, ты выглядишь ужасно, — честно ответила Алиса.

— А меня она не слушает и не слышит, — пожаловалась королева.

— Почему это ужасно? — грозно спросила Лиззи.

— Будешь мне голову рубить? — улыбнулась Алиса.

— Не исключено, — серьезно ответила принцесса.

— Ты размалевана так, что при взгляде на тебя Генри Ричмонд упадет в обморок, — сказала Алиса. — И тут же тебя разлюбит.

— Не смей издеваться надо мной! — завопила было Лиззи, но осеклась.

И задумалась, а потом тихо удалилась.

Иногда она умела задумываться. Недаром уже потом, привыкнув к своей жене, король Генрих VII будет говорить: «У моей Лиззи в голове шуршат тараканы. Но, к счастью, они иногда собираются на большой совет».

Королева обернулась к Алисе.

— Рассказывай, если не спешишь.

— Я не спешу, — сказала Алиса. — Потому что принцы спят, но и фея Моргана тоже спит.

Королева привыкла владеть собой. Уж если она заморочила голову Ричарду Глостеру и тот поверил, что Елизавета — безвредное существо, которое трепещет перед ним, то люди попроще всегда видели ее именно такой, какой она сама хотела им показаться.

— Расскажи мне все по порядку, — попросила она Алису.

И Алиса все ей рассказала.

Конечно, современник Алисы такому рассказу не поверил бы — как можно поверить в сказку? Но королева Елизавета сама столько раз сталкивалась с чудесами, что верила не только чудесам, но и тем, кто о них рассказывал.

Алисе она верила.

Она понимала, что и сама девочка Алиса — необыкновенная.

Поэтому она ни на секунду не усомнилась в фее Моргане, о которой и раньше знала и даже была уверена, что именно она отравила ее мужа по велению Ричарда Глостера. Поверила она и в кошку, раз уж слышала о ней раньше.

Поверила и в то, что сейчас все спят. И главный ее вопрос был не об этом.

— Почему ты опоздала? — спросила королева Елизавета. — Ведь от дома Дайнов до Лондона — три часа езды. Почему ты опоздала на неделю?

— Я осмелилась опоздать, тетя Лиза, — сказала Алиса, и королева не удивилась такому обращению, — чтобы вы могли принять решение. Я вас пожалела.

— Ты? Меня? Королеву Англии? Пожалела? — Королева словно кидала в Алису злые камни.

— Вас никто не жалеет, — сказала Алиса. — А я вас жалею. Потому что вам пришлось хуже всех. И сейчас несладко.

— Не смей меня жалеть, девчонка!

— У вас есть сыновья, мальчики, которых все уже похоронили.

Королева молчала.

— У вас есть любимая дочь.

Королева смотрела в пол.

— У вас есть Англия, — продолжала Алиса. — А это значит — память о вашем муже и забота о народе этой страны.

Елизавета кивнула.

— Как вам решить, кому служить, если служение всем слишком тяжело для одного человека?

— И ты опоздала?

— Я подумала, что будет, если я приеду сразу или даже постараюсь привезти с собой Эдди и Дика. Что вы будете делать? Если Генри Ричмонд убил Ричарда Глостера и везет вам его голову. Ведь он привез вам его голову?

— Привез. А откуда ты об этом прознала?

— Считайте, подслушала разговор на улице, — уклончиво ответила Алиса. Она спохватилась и поняла, что не может признаться, что читала об этом в книге.

— Продолжай, Алиса.

— Принцы могли погибнуть. И вы могли погибнуть. И Англия могла погибнуть. Ведь Генри Ричмонд не отказался бы от трона?

— Нет, он бы не отказался.

— А отказавшись, отказался бы от руки вашей Лиззи?

— Я поняла тебя, Алиса. Сегодня выбор уже сделан. Генри — завтрашний король. И даже если бы мальчики приехали сегодня в Лондон, я никому не призналась бы, что они — мои дети, которые чудесным образом спаслись. Но самое худшее в другом...

— В чем же, ваше величество?

— Что им делать сегодня? Где мне их спрятать, как заставить забыть о троне и власти? Как отнять у Эдди память о том, что он уже был королем Англии?

— Им надо уехать, — твердо сказала Алиса. — И навсегда.

— Куда же?

— В мое царство.

Королева поглядела в глаза Алисе, и взгляд этот был не злой, а все понимающий.

— Мне хотелось бы думать, Алиса, что ты — добрая фея, что у тебя есть свое царство. Но я понимаю, что ты только человек и ничего волшебного в тебе нет. И в то же время ты совершенно необыкновенная. Как такое могло случиться? Из каких далеких стран ты к нам явилась? Но ведь ты говоришь по-английски, как я сама... Так скажи, где же твоя страна? Почему я должна поверить тебе? Почему не может случиться так, что мои сыновья будут принесены в жертву твоим жестоким богам или отданы в рабство?

— Вы же так не думаете, тетя Лиза, — ответила Алиса.

— Порой ты называешь меня странно. Я же не могу быть твоей тетей.

— Это у нас такое обращение к старшему близкому человеку.

— Где же твое царство?

— На востоке, — сказала Алиса. — За Францией, за Германией и за Священной Римской империей.

— А как оно зовется?

— Ваши ученые люди называют мою страну Московией по имени нашей столицы. Это все равно что называть Англию Лондонией.

— А на самом деле?

— Моя страна зовется Россией.

— Нет, я не слышала о такой стране.

— И тем не менее она существует. И у вас, тетя Лиза, нет выбора. Простите, что я говорю так по-взрослому, но последние недели мне пришлось жить среди взрослых жестоких людей.

— Почему нет выбора? Привези моих сыновей, я буду держать их в доме, я никуда их не выпущу...

— А когда они подрастут и выйдут сами?

— Я отправлю их в Кент, в имение Генри Уайта. Или даже в Шотландию...

— И кто-то проговорится. Или сами мальчики что-то кому-то расскажут. И тогда их, вернее всего, убьют.

— Генри Ричмонд никогда на это не пойдет!

— Он не пойдет, но рядом с ним есть люди, которые испугаются ваших сыновей.

— Ах, я знаю, я все знаю, Алиса! — воскликнула королева. — Я уже несколько ночей не сплю. Я разрываюсь между дочерью и сыновьями, я жду Генри Ричмонда, которому сама подарила трон, и думаю, кого же я жду? Человека, который лишит всяческих надежд моего Эдди?

— Значит, вы все понимаете, тетя Лиза.

— А можешь ли ты обещать, что мои мальчики будут счастливы в твоем царстве?

— Нет, — сказала Алиса. — Каждый человек счастлив или несчастлив только сам по себе. Я же не могу заглянуть в будущее Эдди и Дика. Но я знаю, что они будут рядом со мной, среди таких же, как я. Они будут учиться, а потом сами выберут себе дорогу.

Королева плакала.

Лицо ее было спокойно и даже неподвижно, но слезы полосками прочертили ее щеки.

Она вытерла глаза кружевным платочком и сказала:

— Я должна быть тебе благодарна, но я не могу... Не знаю, что со мной происходит. Я чувствую, что твоя страна на самом деле лежит так далеко, что я никогда уже не увижу своих мальчиков.

— Наверное, вы правы.

— Тогда я еду с тобой в дом Дайнов.

— Зачем же?

— Неужели ты думаешь, что я расстанусь с мальчиками, не поцеловав их на прощание?

Конечно же Алиса не могла спорить с королевой.

Тут в комнату ворвалась Лиззи. Она смыла с лица часть пудры и помады, но далеко не все...

Одного взгляда на мать ей было достаточно, чтобы понять: что-то неладно.

— Ты куда? — спросила она. — У меня же большая предсвадебная примерка. И без тебя я туда не пойду!

— Лиззи! — сказала королева. — Тебе придется мерить платье без меня!

— А ты куда?

— Ты знаешь куда.

— Никуда ты не поедешь! А что, если Генри тебя позовет? Что я ему скажу? Что моя мама ускакала в лес?

— Лиззи, не будь глупенькой!

— Я самая из вас умная! Я забочусь о королевстве!

— Вот и будешь королевой.

— А что, если он догадается, что Эдди с Диком живы? Он не женится на мне! Ты понимаешь — мы станем врагами! И мне придется подсыпать ему яд в вино или пронзить Генри острым кинжалом!

— Ты так не думаешь, — сказала дочери королева. — И выйдешь замуж за короля. Но я должна попрощаться с мальчиками.

— Они уезжают? Алиса берет их с собой? — догадалась Лиззи. — Ах, какая ты умница, какая ты молодец! Правильно, а то я боялась, вдруг Эдди вырастет и начнет воевать со мной? Мне же придется его казнить!

— Лиззи, уходи немедленно! — крикнула королева.

— Ах так?! — И Лиззи убежала из комнаты.

— Ты прости ее, Алиса, — сказала королева.

— Я все понимаю.

Королева позвонила в колокольчик. Пришла фрейлина Джейн.

— Мы едем к твоему отцу. Присоединишься к нам?

— Если позволите, ваше величество, я была бы счастлива.

— Тогда вели сэру Генри Уайту седлать коней. Пускай возьмет с собой двадцать верных рыцарей.

— Зачем? — удивилась Алиса.

— Я не хочу рисковать. А с двадцатью рыцарями сэра Уайта не справится даже фея Моргана.

Через полчаса королева спустилась во двор, где ее уже ждали рыцари во главе с сэром Генри. Он славно позавтракал, красные щеки лоснились, рыжие усы торчали, как веники.

— Куда направляемся, ваше величество? — спросил он.

— На встречу с вашей доброй знакомой, — загадочно ответила королева.

— С какой из них?

— Вот доедем до Сиднема, там и узнаете.

И они отправились в путь сначала к парому, а потом по лесной дороге к деревне Сиднем, что раскинулась в глухом лесу под Лондоном.

Но когда дорога уже входила в лес и вокруг стало темнее от сбежавшихся к ней вековых елей, они услышали сзади стук копыт. Одинокий всадник преследовал кавалькаду.

Рыцари, как один, обернулись и взялись за рукояти мечей.

Обернулась и Алиса.

Так она и знала!

Их догоняла Лиззи. Как была в красном платье, расшитом серебряными ветками репейника, рыжие волосы растрепались, как у дикой ведьмы, лицо было злое, раскрасневшееся от ветра.

— Вы решили меня бросить! — закричала она, поравнявшись с последним рыцарем. — Вы хотите без меня, да? Я тебе, Алиса, этого никогда не прощу!

Как будто это Алиса не пускала ее в лес.

Догнав мать, Лиззи тут же успокоилась и начала болтать о предстоящей свадьбе, совсем не думая, что им предстоит.

Хотя Алиса рассказала обо всем королеве, а та, правда вкратце, дочери.

Когда до дома Дайнов осталось совсем немного, Алиса выехала вперед к сэру Генри.

Впереди белой стеной поднимался сонный туман.

— Придержите коней, сэр, — попросила Алиса. — Мне нужно кое-кого предупредить о нашем приезде.

Алиса была уверена, что Озерная фея их видит и знает, что они уже близко. Иначе получится глупо: они въедут в белый туман сна и упадут наземь, как серые волки Морганы.

И тут пришло время удивляться краснощекому сэру Уайту.

— Ах! — произнес он басом. — Кого я вижу?!

Посреди дороги, глядя на рыцаря, сидела его дорогая подруга, потерянная, как он боялся, навсегда, кошка-спасительница.

— Мяу, — сказала кошка, и Алиса поняла, что это значит: «Привет тебе, славный рыцарь, сэр Генри Уайт, я рада видеть тебя в добром здравии!»

— Это она? — спросила королева, которая и без того знала ответ на свой вопрос.

— Что это кошки по лесу бегают? — раздраженно спросила Лиззи. — Да уберите вы ее с дороги!

Можно было подумать, что сэр Генри послушался принцессу.

Он спешился, подошел к кошке, но вместо того, чтобы отшвырнуть ее с дороги, протянул обе руки.

Лиззи очень удивилась, и рыцари тоже удивились, увидев, как кошка легко вспрыгнула на руки сэра Генри, а потом улеглась ему на шею, как меховой воротник: морда на правом плече, хвост — на левом.

— Можно ехать? — спросила Алиса.

И увидела, как впереди рассеивается туман и лучи солнца растапливают его, как последний снег.

Лес был настолько пронизан этими лучами, что даже старые ели молодились и подрагивали ветвями, как юные елочки.

И Алиса понимала, что под таким солнцем нечисть им не страшна, особенно если с ними едут двадцать рыцарей во главе с неустрашимым сэром Генри Уайтом.

— Можно ехать? — спросила Алиса у кошки.

Кошка лениво приоткрыла один глаз и закрыла его вновь.

— Поехали, — скомандовала Алиса. — Чего же мы ждем?

Но сразу поехать не удалось, потому что навстречу им от дома лесничего толпой неслись волки и лисицы, барсуки и крысы, ползли гадюки, прыгали жабы, бежали толстые пауки-крестовики, а над головами с воплями летели неопрятные стаи ворон, проносились серые совы и ушастые филины, беззвучно, вслепую реяли летучие мыши и даже мелкие вампиры. Их гнало солнце и страх перед неведомой угрозой, которая заставила их так долго проваляться на земле, видя кошмарные сны.

Самое интересное, что все воинство феи Морганы беспрерывно кашляло и чихало. А вы попробуйте проспать неделю на траве, когда ночью бывает холодно, а время от времени налетает ледяной ливень с Атлантического океана! Правда, никто из зверей и не подозревал, что океан так называется.

А когда они, пропустив стаи и своры подданных феи Морганы, двинулись дальше, то Алиса увидела, что в темном промежутке между двух древних елей стоит бледноликая монахиня в длинном сером одеянии с капюшоном, из-под которого горят раскаленные черные угольки.

Фея Моргана подняла тонкую руку, и рукав задрался до плеча, поэтому рука ее стала похожей на длинный старый сук, с которого слезла кора. Эта рука грозила Алисе, а синий луч от камня в перстне метался, как молния.

Королева Елизавета спросила:

— Это фея Моргана?

— Разумеется, — вдруг ответила кошка.

Озерная фея лениво подняла голову и нежно лизнула в щеку сэра Генри Уайта. Потом вдруг сжалась, как настоящий тигр перед прыжком, и, распрямившись в воздухе, кинулась на фею Моргану.

— Что такое? — крикнул вслед кошке сэр Генри Уайт.

И кошка, не оборачиваясь, то ли крикнула, то ли громко подумала:

— Прощай, сэр Генри. Я обойдусь своими силами. Людям в нашем сражении делать нечего. Уезжайте скорей подобру-поздорову.

Кошка ударилась о выставленные вперед руки феи Морганы.

Та упала от удара, а кошка превратилась в маленькую худенькую женщину.

Неожиданно подул страшный ветер. Он рвал ветки деревьев и швырял в лица путников.

— Вперед! — перекрывая шум ветра, воскликнул сэр Генри, и небольшая кавалькада поскакала к дому Дайнов.

А там миссис Дайн, которая, конечно же, проснулась раньше всех, уже раскрыла дверь и приняла в свои объятия любимую дочку Джейн. Ведь никто не смог бы опередить фрейлину.

Протирая глаза и почесывая отлежанный бок, вышел мистер Дайн и тут же склонился в поклоне.

А следом за ним выбежали два мальчика, одетые просто, как и положено детям обыкновенного лесничего.

Они бежали к королеве, которая только-только успела сойти с коня. Она присела на корточки и прижала сыновей к груди. А сэр Генри Уайт повел себя на первый взгляд странно, но вполне разумно. Он приказал своим рыцарям:

— Быстро в сарай! И не выходить оттуда!

Погода стала просто отвратительной. Только в Англии за пять минут может смениться три времени года, а то и все четыре. Рыцари, спешась, побежали к сараю, и никто из них не успел разглядеть мальчиков, которых почему-то обнимала королева. Сэр Генри Уайт показал себя мудрым человеком и настоящим политиком. Недаром очень скоро король Генрих Тюдор назначит его губернатором графства Кент и даст графский титул. До конца дней своих король будет помнить, что именно сэр Генри передал ему драгоценности королевы, из-за чего чуть не погиб в Тауэре.

Мальчики потащили плачущую мать внутрь дома, остальные поспешили за ними.

Затем миссис Дайн провела королеву, Лиззи и мальчи-

ков к себе, в хозяйскую спальню, чтобы никто не мешал им поговорить и поплакать.

Сэр Генри Уайт отвел Алису в сторонку и сказал:

— А ну признавайся, ты все знала заранее и ничего мне не сказала?

— А что бы вы сделали на моем месте?

— Сравнила тоже! Я же взрослый человек и дворянин!

— Я тоже не последнее лицо в моем королевстве, — обиделась Алиса.

— Согласен, согласен, — поспешил ответить сэр Генри. — Но ведь ты не ведьма? Честно скажи!

— Честно — я не ведьма!

— Это хорошо, потому что ведьмы умеют подделываться под кого угодно, даже под маленьких детей.

— А под лорда графства Кент? — спросила Алиса.

— Попрошу без шуток! — засмеялся сэр Генри. Ведь он точно знал, что не был ни ведьмой, ни колдуном.

И тут Алиса закончила его мысль вслух:

— Хотя у вас, сэр Генри, есть одна знакомая ведьма. И вы с ней дружите.

— Если ты имеешь в виду кошку, то она не ведьма, а дрессированное животное.

— Нет, она — временная оболочка Озерной феи.

— Эта фея в наших краях пользуется отличной репутацией, — кивнул сэр Уайт. — И ее никто никогда не считал ведьмой. А теперь скажи мне честно, что мы будем делать с принцами? Ведь не можем мы их вернуть в Лондон?

— Мы договорились с королевой Елизаветой, — ответила Алиса, — что я их возьму с собой в мое королевство.

— А далеко ли оно?

— Далеко. И при всем моем к вам уважении, сэр, лучше я не скажу, где оно находится, потому что даже самые честные и смелые люди иногда разговаривают во сне.

— Но будет ли им там хорошо?

— Лучше, чем в Англии, — убежденно сказала Алиса. — По крайней мере, им не придется скрываться и всю жизнь чего-то опасаться.

— Тогда ты права, — согласился сэр Генри Уайт. — И я вижу, что ее величество это понимает.

— Тетя Лиза — мудрая женщина, — сказала Алиса.

— Королева — твоя тетя?

— Мы с ней отдаленные родственники.

— Тогда я желаю тебе счастья.

Вдруг снова вышло солнце. Такое яркое, словно долго терпело, копило тепло и свет и вот прорвалось сквозь облака, чтобы залить своим светом всю Англию.

И Алиса поняла: Озерная фея взяла верх.

И когда часа через три, пролив все слезы и сказав все напутствия, королевская семья разделилась и Алиса с мальчиками под охраной пажа Грини, который умел держать язык за зубами, направилась к глухой чащобе за Бедфордом, на последней лесной развилке их встретила невысокая худенькая женщина в сером пушистом плаще, белом платье и странной меховой шапочке с небольшими белыми ушками.

Она подняла руку, провожая принцев, а потом негромко сказала так, что ее услышала только Алиса:

— Когда будешь в эпохе легенд, поищи меня.

Глава тридцатая

ФИГУРИСТ РИЧАРД ЙОРК

Генри Ричмонд стал королем Англии и правил почти четверть века. Он был одним из самых лучших королей в истории этой страны — умным, справедливым, решительным, правда, расчетливым и холодным. С женой, Лиззи, он жил дружно. Их дети тоже прославились, каждый по-своему. Сын Генри стал королем Англии Генрихом VIII, дочь Маргарет — королевой Шотландии, а младшая дочь Мэри — королевой Франции. Но умерла Лиззи молодой, ей еще не было и сорока лет, при родах. Современники рассказывали, что, в отличие от умной и рассудительной мамы, она была женщиной неуравновешенной, порой вспыльчивой, но доброй и отзывчивой. У нее никогда не было денег, потому что Лиззи не умела никому отказать.

Ее мама, королева Елизавета, умерла куда раньше, через четыре года после того, как убили Ричарда Глостера. Она

жила уединенно, мало с кем встречалась. По какой-то таинственной причине, о которой мы с вами можем только догадываться, король, сначала боготворивший Елизавету, разочаровался в ней и в последние годы ее жизни не захотел встречаться со своей тещей. Он узнал какой-то секрет из ее прошлого, и этот секрет тревожил его всю жизнь. Странное подтверждение этому сохранили английские хроники. Вскоре после смерти королевы, которая последовала в 1489 году, во Франции объявился молодой человек, утверждавший, что он — чудесно спасшийся принц Ричард, младший из братьев. Его признал французский король, а когда самозванец высадился в Англии, его признали и поддержали шотландцы и ирландцы, недовольные суровой властью короля Генриха.

После недолгой войны лжепринц был пойман и отправлен в Тауэр.

И вот что удивительно: несколько лет король Генрих VII не решался казнить самозванца и несколько раз пытался уговорить свою жену навестить того в Тауэре и сказать наверняка, не брат ли он ей.

Но Лиззи так и не пошла в Тауэр. Она боялась узнать в самозванце брата. В конце концов самозванца казнили...

Граф Генри Уайт прожил долгую счастливую жизнь в окружении чад и домочадцев. А при его замке жил и бывший констебль Тауэра. У сэра Генри была странная слабость — кошки. Его замок был буквально наводнен этими животными. И бездомные кошки всей Англии знали и передавали эту весть друг дружке, что в замке Уайта всегда найдется кров и кусок рыбы для любого бродячего кота.

Обе феи — Озерная и фея Моргана — исчезли. Где они сейчас, живы ли они, неизвестно. Неизвестно также, нашелся ли посох волшебника Мерлина.

Эдуард Йорк оказался очень способным мальчиком. Он не только догнал в школе детей своего возраста, но и считается первым учеником в Алисином классе. Он никогда не вспоминает о своем прошлом и о том, что шестьсот лет назад он несколько дней был королем Англии. Эдди собирается стать космонавтом. Но вы, может быть, не знаете, что в Институте времени посетителей теперь проверяют на входе в

зал, где стоят машины времени, по радужной оболочке глаза. На свете есть не много людей, которым категорически запрещено путешествовать во времени. Среди них и ученик шестого «Б» Эдуард Йорк.

Его брат, Дик Йорк, ходит пока в третий класс и замечательно катается на фигурных коньках. Его уже приглашали в детскую сборную Москвы. Его старший брат и Алиса Селезнева уверены, что он обязательно станет чемпионом мира.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ 5
ПАШКА-ТРОГЛОДИТ 149
ЧУЛАН СИНЕЙ БОРОДЫ 269
ДРАКОНОЗАВР 409
ПРИНЦЫ В БАШНЕ 627